

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

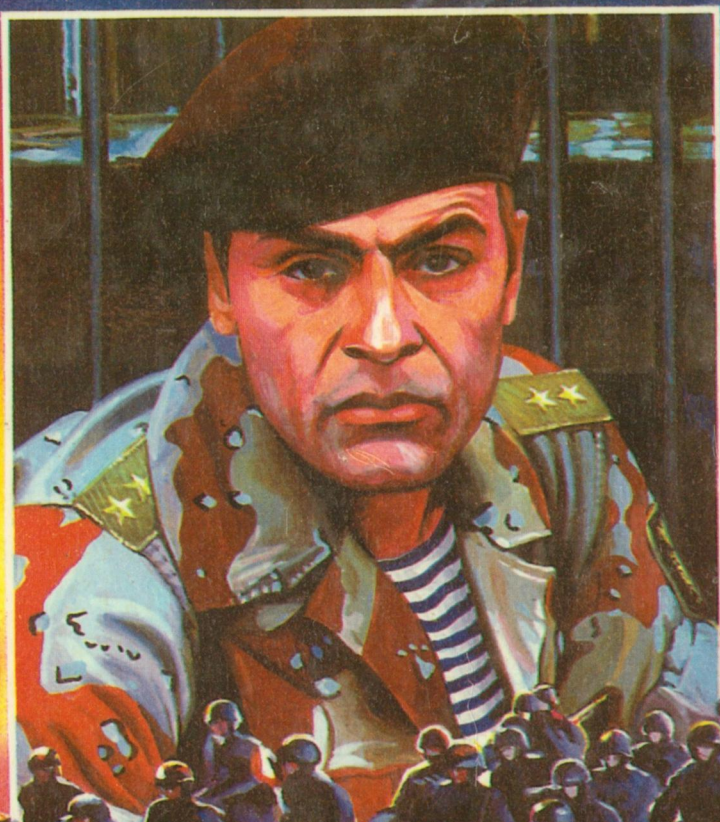

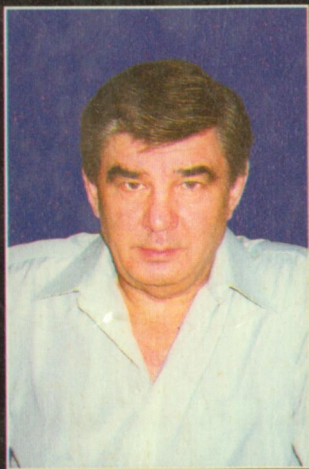
Александр
ГЕРА

НАБАТ

Александр ГЕРА

НАБАТ

Этот роман, написанный живым, образным языком, трудно отнести к жанру политического триллера, детектива или антиутопии, хотя в нем присутствуют все элементы этих жанров. Роман реалистичен, герои его узнаваемы, события предсказуемы, и читается он на одном дыхании. Будущее и настоящее, прошлое и виртуальное настолько сплелись в остросюжетную нить, что трудно отделить вымысел от истины. Это роман-предупреждение. Это НАБАТ.

ISBN 5-237-01201-9

0 785237 012010

Александр ГЕРА

НАБАТ

act **era**
ИЗДАТЕЛЬСТВО company Ltd

**Москва
1998**

ББК 84 (2Рос-Рус)
Г37

Автор выражает благодарность за помощь и поддержку
в издании этой книги Босову Дмитрию Борисовичу
и Савину Алексею Георгиевичу.

Художник Ю.Д. Федичкин

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Гера А.
Г37 Набат: Роман. – М.: ООО “Фирма “Издательство
АСТ”, 1998. – 704 с.

ISBN 5-237-01201-9

Этот роман, написанный живым, образным языком, трудно отнести к жанру политического триллера, детектива или антиутопии, хотя в нем присутствуют все элементы этих жанров. Роман реалистичен, герои его узнаваемы, события предсказуемы, и читается он на одном дыхании. Будущее и настоящее, прошлое и виртуальное настолько сплелись в остросюжетную нить, что трудно отделить вымысел от истины. Это роман-предупреждение. Это НАБАТ.

© А. Гера, 1998
© ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1998

Мне в жизни выпал странный лот:
По осевой идти вперед,
Налево совесть не даст,
Направо Бог не подаст.

Иди, — сказал мне Бог, —
Бодливым нету рог.

Тогда я вынес барабан
И дробью зарядил.
Не генерал и не драбант,
Но всех разбередил.

Я шел один по осевой
И всех будил мой дробный бой.

Одних он раздражал,
Другим, как шило был в заду,
Для третьих — правый фланг в ряду,
Четвертым был песком на льду,
А пятым пятки жал.

А кто вослед за мной идет?
Не оглянись! — сказал мне Лот.

Часть первая

КЛЮЧ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Униженная и оскорбленная Россия стояла нищенкой на пороге третьего тысячелетия; от былого величия императрицы остались лохмотья горностаевой мантии, скрывавшей тело в язвах, державный скипетр в оспинах, в которых некогда гнездились драгоценные камешья, она прижимала одной рукой к впалой груди, другая вытянулась за подаянием. Выцвели орлы в ее глазах, чистый лоб морщили думы о бедственной своей участи.

Врата отворились, из малой щели пахнуло холодом вечности.

Всего лишь ключ был положен в ее протянутую длань, и вновь сомкнулись створы.

— У тебя есть полчаса, — произнес невидимый за вратами. — Уж пятый ангел вострубил...

Кто дерзнет назвать Дитя его настоящим именем? Немногие, знавшие об этом что-нибудь, которые не остереглись безумно раскрыть перед черною свое переполненное сердце, обнаружат свой взгляд, тех распинали и сжигали.

«Фауст», Гете

1 — 1

Рождество Христово, как никогда прежде, отмечалось в России пышно и величественно, в сиянии прожекторов и мириад лампочек, в треске петард, в разноцветье салютов, в торжественном прохождении оркестров музыки военной и хоровыми выступлениями, в ликующем славословии Христа и проникновенном песнопении, на улицах, площадях, в чопорных ресторанах и концертных залах; в храмах, церквушках, часовенках толпился праздный люд, колебалось пламя свечей и лампадок, высвечивая бликами неясные тени на ликах святых и лицах живущих ныне, вкушающих хлеб присно, и всяк настраивал себя творить добро всегда, везде, вспоминал обрывки забытых молитв, чтобы нести свет в сердце, а в руках благое дело, дающее и свет и добро. С Рождеством Христовым, миряне! Две тысячи лет тому! Подавали старушкам, сирым и убогим, дающие и принимающие милость умиленно скороговорили: во имя Отца Небесного, да святится Имя Господне!

Падал тихий снежок, искрясь в ярком свете. Наступала благая ночь, за которой пряталось неизведанное.

«Кажется, празднества удались», — удовлетворенно подумал президент и лидер партии коммунистов-христиан. Через гро-

мадное окно своего кабинета он глядел на гуляющих по кремлевской брусчатке, заглядывающих в кремлевские церкви и залы, открытые в этот вечер всем, наметанным взглядом выделяя одетых в штатское работников милиции, разведки, контрразведки, национальных дружинников, президентских гвардейцев, офицеров корпуса безопасности — и как же иначе! — не дай бог случится что-либо, мало ли кощунников, смущающих простой люд кривдами о власть предержащих. Всегда так было, а в первопрестольную в кои-то веки понасхало зарубежных гостей, прессы, телевидения, готовых по любому поводу растрезвонить на весь мир о том, что новые коммунисты ничем не отличаются от прежних большевиков, тот же террор к инакомыслящим, сыск, слежка, и не стоит эта власть громадных кредитов и прочей помощи, а давно пора отдать должное последнему доводу...

«Как бы не так! — злорадно хмыкнул своим мыслям президент. — Кишка тонка, господа хорошие! Боялись вы нас и бояться будете. Превратили Русь-матушку в помойку — терпите! — а ракет на вас с бору по сосенке найдем. — На его мясистом, ширококостном лице отражалась игра закоренных огней фейерверков, будто чертики шевелили изнутри костерок страстишек: — Захочу и...»

Он знал, что хотеть можно и сделать можно, если очень захотеть. Очень... Но ради чего? Не то время, не те силы, внутренние междуусобицы хуже чесотки надоели. Бояться — и достаточно. Держать в страхе сытых, соглашаться на их мирные проекты — много прибыльнее самой удачной войны. Пока живу — боюсь. А мертвые ни страха, ни срама не имут. Удобно.

«Сим победиши!» — прочувственно перекрестился президент и всем своим крупным телом повернулся на голос вошедшего помощника.

— Господин президент!

Помощник был костистым молодым человеком не более тридцати годов, на тонкой шее с крупным кадыком сидела большая голова, которую держал он с достоинством, изредка напоминая усилие.

— Ступай, любезный, — откликнулся президент в своей обычной манере оттягивать книзу губы, ернически ли, по-блатному ли, и добродушный тон его из-за этой манеры будто предупреждал о необходимости держать дистанцию с ним, похожим на деревенского увальня, как предупреждает на калитке табличка: «Во дворе злая собака». И крупная.

Помощник, степенно неся голову, двинулся к широкому столу президента. Президент терпеливо ожидал. Строгий черный костюм помощника напоминал пастырское облачение. Он и был ставленником церкви при новом правительстве. Разведка, как всегда, работала славно, и президент знал подноготную своего помощника. Гуртовой Леонид Олегович, долгим родом из дворян, в недалеком прошлом проживал в Швейцарии, куда попал ребенком с родителями через Израиль, куда пригласили работать его отца. До выезда отец работал в Центральном банке, слыл умницей, но высоко не поднимался и был выпущен беспрепятственно. Сын получил прекрасное образование в Сорбонне и пошел по стопам отца, быстро поднявшись до заведующего одной из секций в крупном банке «Империял». Слыл набожным и прагматичным. В Россию вернулся, едва Церковь возвысилась. Холост, порочащих связей не имеет, живет одиноко и неприметно. Болен диабетом.

Помощник достиг стола, президенту пришлось сделать то же.

— Что там? — спросил он, усаживаясь.

Глаза помощника навывкате, прикрытые крупными веками, дождались всех манипуляций, проследили каждую, и, только когда президент широко раскинул руки по столу, помощник раскрыл перед ним папку:

— Прощение патриарха о наделе церковью землями. В зависимости от числа прихожан от двадцати до ста гектаров...

Перед тем как сделать распоряжение, президент задумался, делая вид, что вчитывается в послание патриарха.

«Уповая на милость Божию, испрашиваем мы Вашего внимания...»

Церковь пошла на единение с самым своим врагом — партией коммунистов не от доброго желания помочь восстановлению былого величия России. В последнее десятилетие с необычайной плодовитостью поганок в стране разрослись секты. Они весьма примитивно толковали учение Христа, делая большой нажим на повиновение главе секты. Новоявленных князей стало пруд пруди. Вступая в союз с коммунистами, отцы Православной церкви оговорили искоренение властями ядовитой поросли. Как правило, во главе сект стояли бывшие уголовники, авантюристы, люди с психическими отклонениями. Коммунисты, придя к власти, не подвели, благо вместе с партбилетом каждый чиновник носил удостоверение христианина. Громили сектантов руками простого люда. Те, в свою очередь, ответили актами террора. Из крупных акций: был пущен под откос поезд Москва — Ленинград, отравлена вода в Истринском водохранилище, взорвана одна из семи московских высоток. Некоторое время власти мудрили списывать теракты на чеченцев, но когда члены секты «ббб» проникли в здание Думы и попытались взорвать его вместе с обитателями, тайное стало явным. Простой люд искренне жалел сектантов: как хорошее дело, так обязательно сорвется. Думских болтунов со всеми их прихлебаями и секретутками ненавидели люто. Им в первую очередь приписывали все беды России, отчего сектанты становились национальными героями. Предотвращая новый виток сектантства, власти создали национальную дружину — что-то среднее между опричниной и отрядами штурмовиков. Практически за год секты были разгромлены со всей жестокостью озлобленного быдла. Малое число ушло в подполье, не досаждая властям активностью. Церковь сделала партию своим возлюбленным чадом, и на президентских выборах победил кандидат от коммунистов.

— За помощь надо платить, — произнес президент, и резолюция в верхнем углу с размашистой подписью наделила Святую церковь российскими гектарами. — Не будет православной паствы...

Помощник понял его без продолжения. Объединившись с христианскими демократами, коммунисты не оставили у прочих соискателей ни малейшей надежды на успех. А что? Церковь сулит блага в иной жизни, коммунисты — то же самое; Церковь призывает к терпению, коммунисты — тем более. Вот и объединился Христос с антихристом, вместе праздновали убедительную победу.

— Что еще?

— Думский закон о запрещении ввоза отравляющих веществ на территорию России. Принят обеими палатами почти единогласно.

— А чем я этих дармоедов кормить буду? — пробурчал президент. — Если бы они так дружно голосовали за отмену своих льгот.

Утром он выслушал доклад начальника службы спецконтроля, и картина сложилась удручающая: на территории могильников уровень радиации выше критической нормы, на некоторых пришлось увеличить запретную зону до ста километров в радиусе, вывозить оттуда жителей. Особо опасным выглядит Арзамас-2, где происходит нечто, не поддающееся осмыслению: замеры со спутника показывают сверхпредел. Контролеры отказываются приближаться к Зоне, погибло трое от непонятной лучевой болезни. Приходится скрывать все это от иностранных экспертов, но долго ли...

— Скажешь, на рассмотрении, — переборол себя президент. — После празднеств подумаю.

Он взглянул на помощника, но так и не поймал ответного взгляда, тени усмешки не поймал. Глаза навывкате прикрывали крупные веки, а за ними — думаем одно, делаем другое.

— Все на этом?

— Его святейшество ожидает аудиенции, — весомо произнес помощник.

— А я не назначал, — удивился президент. — Ручку ему лобызать я собирался в заутреней...

Помощник всем видом своим изобразил назидание. Ответил так, будто выложил каменную кладку:

— У владыки к вам неотступное дело.

— Проси, — пожал плечами президент. Он понимал: еще вопрос, кто полновластный хозяин в этом кабинете. Светская власть приходит и уходит, Церковь вечна. Успешнее других святые отцы торят дорожку в Кремль с настырностью подвальных крыс.

«А этот костыль с паперти всегда потрафит...»

Патриарх вошел, степенно обрисовался в дверях во всем степенстве парадного облачения. Президент заспешил к нему.

— Владыко! В неурочный час вы посетили меня, грешного! Премного благодарен. — И с колена поймал руку патриарха для лобызания. Рука была сухой и отмытой, пахла просвиркой.

— С Рождеством Христовым, сын мой, — осенил его крестом патриарх. Голос у патриарха был сочный и уверенный. Перекрестив президента, он двинулся прямо к его рабочему столу, будто хозяин. Президенту пришлось подсуетиться:

— И вас с Рождеством Христовым, владыко! Прошу сюда, в этот уголок для мирской беседы. Чайку изволите?

— Благодарю. — Ни да ни нет в ответе, а помощник уже вносил поднос с чашками и заварником, с баранками, пастилой и вишневым вареньем. Вкусы патриарха в Кремле изучили отменно.

Владыко лицом был кругл, видимо, и под одеждами не худ, не уцербен телом, осанист. Все пять разведок державы так и не могли сыскать изъянов под рясой патриарха и в его личном деле. Сочный баритон убеждал окружающих принять все как есть на веру.

Поблагодарив прежде за отошедшие к Церкви земли, патриарх одной фразой испросил величайшего разрешения объявить двухтысячный год годом Христа-спасителя, ибо začínалась эра ликования православных и посрамления антихриста.

— Токмо на святой Руси возможен Божий промысел, когда бы ни шла она через тернии, через муки испытаний, подо-

бно Христовым, за всех живущих ныне, к свету и познанию истинной веры.

— Воистину, воистину! — пришептывал президент в лад увещеваниям владыки, и надо ли его уговаривать, если Церковь дала партии недостающее связующее звено, без которого державная цепь воспринималась людом ненавистными кандалами, — веру. Симбиоз Христа и антихриста, плюс и минус бытия лучше всяких демократических изысков влили ток по-слушания в безликую массу народа. Стала масса управляемой, стадом рабов Божьих. На последнем пленуме ЦК КПРФ кто-то из ретивых предложил лозунг: «Рабство Божье — счастье народное!» Рановато, рановато... Еще радио смущает умы, телевидение доживает недолгий век по углам, газетки клеветают, еще сыск не обрел нужной силы, а людишки кобелятся, требуют. Ужо! Вот даст МВФ обещанный кредит в миллиард долларов на передел средств массовой информации, тогда посмотрим, кто у нас ум, честь и совесть эпохи. Откстится, откстится вероотступникам!

— Аминь!

— Аминь! — с готовностью откликнулся президент.

— Пора мне, — крестясь, поднялся патриарх, и синхронно президент стал под знамение и вновь приложился к святейшей ручке.

Провожая владыку до двери, президент соображал, что еще выпросит у него святейший хитрюга, и, когда патриарх остановился неожиданно, президент не поднял глаза выше святейшей груди.

— Вот какая просьбишка малая, — неторопливо пропел владыко.

— Почту за честь, — не задумываясь, откликнулся президент, размышляя более не о самой просьбе, а про то, как быстро и он сам и окружение наловчились витисватому языку, общаясь с церковниками. Сама же просьба в конце встречи не могла быть неподъемной: святые отцы — это не хапуги-аппаратчики — по зернышку клюют, оттого в третье тысячелетие без убытку вошли. Вот особенной могла быть просьба — то так.

— Из Павлово-Посадского монастыря послушник бежал...
Как бы его возвратить?

— Не вопрос, ваше святейшество. Кто он, что?

— Брат Кирилл. В миру Илья Натанович Триф.

— Жид? — удивился президент.

— Суржик, — уточнил владыко. — Мать русская. Но не в том печаль: грешки за ним кое-какие водятся.

— Всенепременно изловим! — поспешил заверить президент.

Патриарх сановито перекрестил президента.

— С нами крестная сила! — ляпнул тот и понял сразу, что «ляпнул»: вычитал в сухих глазах владыки. Патриарх и виду не подал. Мало ли кто и в какие одежки рядится. Пусть ряженные помогают Церкви, в святая святых вход им заказан, и не они подлинные хозяева.

Помощник повел святейшую особу дальше от президентского кабинета, а президент, не откладывая дела в долгий ящик, вызвал дежурного генерала разведки. С недавних пор высшие представители одной из пяти служб дежурили в Кремле.

«Если это будет Судских, значит, особая просьба у владыки», — загадал президент.

Трудно сказать, кому повезло, но вошел генерал-майор Судских, шеф Управления стратегических исследований.

— Ты-то мне и нужен, — удовлетворенно кивнул президент.

Судских был из интеллигентов, пришедших в органы в пору горбачевских переделок, и остался там после всех перетрусок и реорганизаций благодаря умению четко выстраивать логический ход событий и опережать их. Это умение немало способствовало усилению коммунистов в Думе, а затем и приходу их к власти, хотя Судских не числился в идейных сподвижниках партии, не был даже ее членом. Рафинированный аналитик, незапятнанный, без комплексов и пороков, с правильным ударением в словах и приятной дик-

цией, с фигурой человека, не забывшего о сохранении плоти, он не нравился президенту. Однако выбирать не приходилось: одних уже нет, а те далече, поужали прочь без желания вернуться, да и какие идеи заставят бросить особняки в Люксембурге, виллы в Швейцарии, счета в прочных банках. От них, бывших обкомовских секретарей, от гэбэшных полковников, пошла поросль моральных уродов, которые шустро растащили все, что не успели профукать их отцы. И слава Богу, что подобные генералу Судских красиво делают свое дело, сиречь дело партии.

— Его святейшество просило разыскать беглого монаха Кирилла, — не заботясь о правильности понятий, сказал президент. — А еще оно просило возвратить беглого в руки Церкви. Безо всяких там проверок и допросов с пристрастием, — закончил президент. Он старался излагать просьбу сухо, без заигрываний. — Зовут беглого Илья Натанович Триф.

— Ясно, господин президент, — просто ответил Судских.

— Как много потребуется времени?

— Думаю, после празднеств владыко получит своего беглеца. В нашей картотеке есть данные о нем, помню: Илья Натанович Триф, 1956 года рождения, выпускник философского факультета МГУ.

— Ого! — искренне подивился президент.

— Так точно, — уверил Судских. — Пять лет назад он входил в блок Борового — Новодворской далеко не последней сошкой. После провала на выборах в Думу оставил политику. Мы соответственно продолжали наблюдение. Через два года он выехал в Израиль, не сменив гражданства, но спустя год неожиданно вернулся. По некоторым причинам, что нас заинтересовало вновь.

— Не простой монашек? — испытующе посмотрел на Судских президент. — И наследил, наверно...

— Я бы трактовал это в иной плоскости, — не согласился генерал. — Тут следует заглянуть в предысторию. Триф дважды попадал в транспортную аварию, трижды его квартиру грабили. Мы полагали, что эти события имеют отношение к

прошлому Трифа, когда он активно занимался коммерцией. Выяснилось — нет. Посредническая фирма «Триф и К^о» работала гладко, рэкет и налоговая инспекция ее не трогали. В штате фирмы было три человека, включая самого Трифа, скудная прибыль и никаких левых дел. Проверяли. Триф относился к той породе коммерсантов, кто ждал от государства нормальных отношений и умеренного налогообложения. Он не дождался и ушел в политику. Поставил не на тех и разочаровался в политике. Кстати, на других он бы и не ставил. В монахи Триф подался с год назад после второй аварии, но не прижился, выходит, и там. Не думаю, что Церковь имеет к нему материальные претензии. Он не украдет, не поскандалит — дело в другом...

— А в чем же? — торопился узнать искомое президент. «Головастый, подлец, складно излагает!» С первого знакомства он воспринимал Судских осторожным лисом, идущим аккуратно своими тропами. В генеральской форме не рисуется, хотя дороговата шкурка, может укусить, и без такого лиса мыши медведю пятки погрызут.

— Триф обладает энциклопедическими знаниями по истории христианства. Равных ему мало. Когда он попал к нам на заметку, сразу вспомнилась его дипломная работа «Миф о Христе», — рассказывал Судских. — Он с блеском защитился в конце семидесятых и вовсе не из-за проходимости темы по тем временам. Это было фундаментальное исследование истоков христианства и роли в нем иудея из Назарета. Сославшись на древние рукописи, Триф доказал, что как такового Христа не существовало — всего лишь легенда, какой снабжают разведчика. Да, родился младенец у плотника, который вскоре скончался. А его метрики понадобились позже для проповедника. Не случайно первоисточники вскользь и путано описывают отрочество Иисуса. Кстати, Тендряков в своем романе «Покушение на миражи» плотно использовал материал дипломной работы Трифа.

— Хм, — задумался президент и, спохватившись, спросил: — А вы читали «Миф о Христе»?

— Довелось, — сказал, ожидая новых вопросов, Судских.

— Когда Триф попал в разработку?

— Я заканчивал факультет психологии двумя годами позже Трифа. Судя по документам, он уже тогда был на заметке органов.

— Но вы сказали, Триф закончил факультет философии? — пытал Судских президент, тянул ниточку, которая, может статься, приведет его к неким подвалам, где хранится мощная бомбочка, годная крепко напугать патриарха. Давай, Судских, помогай!

— Ни одно событие, выходящее из рамок обычной университетской жизни, не обходит студиозов. Мы читали «Миф о Христе» увлеченнее самого крутого детектива. Потом, правда, диплом с кафедры исчез, и никто не сделал копии. Тогда это было трудным делом.

— А что роман Тендрякова? Я что-то не припомню его.

— Судьба романа как-то не сложилась. Замах был большой, но Тендряков не рискнул воссоздать истинную картину. Именно не рискнул. Ближайшие друзья заклинали автора не публиковать его.

— Ну да? — не поверил президент. — Чего он там накопал? Подумаешь, попы-врунишки, — и спохватился: — Конечно, Святая церковь наш союзник, и мы не позволим лить помой на христианство. Но годы тогда были другие, прагматические, — нашел он нужное слово. Интересовала же президента позиция Судских: есть смысл определиться, может статься, годен тот в союзники.

— В пору повального атеизма тем не менее существовало лобби, которое не позволяло посягать на христианские ценности. При Брежневе особенно, — подчеркнул Судских.

Президент кивнул согласно. Ход мыслей генерала его устраивал, а чтобы их позиции сблизилась, он уточнил:

— В пору Виктории Брежневой.

Генерал отмолчался.

— Не понравился, выходит, роман? — вернулся к Тендрякову президент.

— Хотя автор лишь робко намекнул, что не все гладко в святом семействе. Литература — это не узкопрофильная работа. Но до Тендрякова никто не посягал на миражи.

— А «Гаврилиада» Пушкина? — похвалил себя за находчивость президент. — Ведь прошелся Александр Сергеевич по непорочному зачатию!

— Литературное хулиганство, талантливое нахальство, — твердо констатировал Судских. — Ерничество. А Тендряков опирался на выверенные данные Трифа.

— А сам Триф на что опирался?

— На писания ранних христиан, на иудейские первоисточники. Он блестяще знает иврит и древнееврейский, читал в оригинале комментарии к талмуду «Мидрашим», ссылаясь в дипломе на «Зогар» — это основополагающий текст Кабаллистики, — пояснил Судских, — так называемая «Книга сияния» Симона бен-Иоаким, изданная в тринадцатом веке. Но более всего в работе Трифа удивляют его ссылки на куда более ранние документы иудеев, откуда прослеживаются истоки христианства. Это не просто изложение учения, это программа действий на ближайшую тысячу лет.

— Но откуда об этом знал студентиска? — с сомнением спросил президент.

— Один из родственников Трифа был кантором в синагоге. Мы это выяснили. Яков Триф изгнан оттуда за вольнодумство. Иудеи, как никто другой, жестко держатся за каноны вероучения, их церковь не пережила тех дроблений, какие претерпели христианская и католическая. Я думаю, оскорбленный Яков Триф снабдил племянника основополагающим материалом, а позже, находясь в Израиле, он убедился в этом воочию, за что и поплатился.

Президент зачарованно слушал. Щемило где-то под ложечкой, как бывает не от физического недуга, а от прикосновения к чему-то тайному, непостижимому. Он ушел было в себя, пытаясь исследовать причину неосознанного волнения, но заставил себя слушать генерала. Тот излагал интересные вещи.

— Некоторые причины, из-за которых Триф покинул Израиль спешно, таковы: в книгохранилищах Израиля Триф усиленно изучал древнейшие иудейские писания. МОССАД проявила к нему интерес еще в 1978 году, едва он блестяще защитился и остался на кафедре философии МГУ. Известно, ему предлагали выехать в Израиль, суля все блага. Он отказался. Его периодически уговаривали десять лет, но он неожиданно оставил научную работу, будучи уже доктором философии, и занялся бизнесом. Лишь в 1997 году он обратился в посольство Израиля и незамедлительно получил бессрочную визу. Случай довольно неординарный.

— И что в Израиле? — поторопил президент, хотя Судских излагал события ровно и полно.

— В Иерусалиме, конкретно в университетской библиотеке, Триф работал с ранним изданием книги «Сефер Йецира» — «Книга творений», датируется третьим веком нашей эры и является трактатом основ кабалистической философии. Вдруг он воскликнул: «Нашел!» — и убежал из библиотеки, забыв даже паспорт. — Судских пояснил: — Он сдавал его в обмен на книгу.

— И что он нашел? — торопил президент.

Судских пожал плечами.

— События таковы: полиция разыскала Трифа в аэропорту. Тот безуспешно пытался вспомнить, где его паспорт. На Трифа наложили штраф: «За непочтение к персоналу университета». Триф отказался. Тут о нем вспомнила МОССАД, и Трифа вывезли из полицейского участка куда-то на квартиру, штраф выплатила МОССАД. Какие разговоры велись на этой квартире, неизвестно, только через пять дней Трифа выслали, аннулировав бессрочную визу.

— А вы сами как полагаете, за что Трифа выслали и что он такое раскопал в этой книжице?

— Вот именно, — кивнул Судских. — Оба события следует рассматривать вместе, одно связано с другим. Во-первых, я думаю, Триф открыл в «Сефер Йецира» тайну, знать

которую не пожелали работники МОССАД, избрав меньшее зло — высылку Трифа.

— Тайна, которую не желают знать разведчики? — усомнился президент. — Не верю.

— Все под Богом ходят, — ушел от прямого ответа Судских.

— Я хочу знать, — властно произнес президент. После тех тайн, которые он познал, вступая в должность, казалось ему, нет вещей более страшных: Россию раздирало от этих тайн, о них многие догадывались, и лишь президент каждый день имел сводный доклад из разных источников. — Выкладывайте, переживу.

— Я не знаю этого, могу только догадываться, — ответил Судских. — Допустим, это тайное имя бога Яхве. Тетраграмматон.

— Эка невидаль, — опустил уголки губ президент, что означало невосприятие сказанного.

— Я думаю иначе, — возразил Судских. — Некромантия, пророчества в древнем мире, накладывала обязательство на владельца тайны. Разглашение ее равносильно смерти. Что, впрочем, и случалось. Примеров масса.

— Это говорите вы, рационалист? Суеверный разведчик, — хмыкнул президент.

— Береженого Бог бережет, — парировал Судских.

— Не ожидал, — улыбнулся президент, но углубляться в тему не стал ради главной. — Допустим, Триф узнал это имя, а дальше что?

— Дальше политика. Покушение на миражи. Пушкин в свое время и не пытался публиковать «Гаврилиаду»: побаивался отлучения от Церкви и предания анафеме.

— Генерал, другое время! — рассердился президент скорее потому, что Судских вернул его к прежней теме.

— Господин президент, в очередном обращении к народу возьмите и поведайте всем любую из государственных тайн, — жестко ответил Судских. — Извините.

Президент не нашелся с ответом. Сказанное граничило с вызовом, но вряд ли кто другой в государстве знал полноту

скрываемого. Судских мог знать. Его шеф, начальник управления разведок, постольку поскольку, также складывал мозаику из разрозненных докладов в общий, но Судских один из этих докладов готовил лично, к нему стекались цифры — и цифры самые страшные. Получалось, им нечего обострять отношения.

— Хорошо, генерал. Я понял вас, — пошел на мировую президент. — Только ответьте мне, почему израильская разведка выслала Трифа, а не устроила ему, скажем, транспортное происшествие?

— Я думаю, корень этого случая следует искать в единении нашей Церкви с коммунистами.

— То есть? — ждал пояснений президент.

— Давайте прогнозировать вместе, — предложил Судских.

— Давайте, — согласился президент.

— Триф вызнал нечто, что напугало МОССАД.

Президент кивнул, соглашаясь.

— Об этом проведала наша Церковь. Ей обнародование этой тайны тоже ни к чему, но знать желательно.

— Не боятся, выходит? — спросил президент.

— Православная церковь терпимее иудейской, и тайны другой религии не опасны для нее. Стало быть, МОССАД хочет получить ответ из третьих рук.

— Так просто?

— Когда это МОССАД, в частности, действовала без ухищрений? — усмехнулся Судских. — Это планчик с двойным дном. Первый на поверхности, а другой, генеральный, преследует далеко идущие цели. Едва тайное станет явным, начнется хаос. У России и без него хватает проблем.

— Это так, — печально согласился президент. — Стать бы на ноги, передохнуть хотя бы... Генерал, я благодарен вам за исчерпывающую информацию и считаю, прежде чем Триф попадет в руки Церкви, следует вам взять его в разработку. Как?

— Есть такое желание, — согласился Судских. — Мне бы очень хотелось прояснить многие детали его изысканий.

— Мне бы тоже, — сказал президент, задумчиво глядя в окно. За ним почти не осталось праздного люда, время шло к полуночи. — А как он попал к вам на заметку? — спохватился президент.

— Нас интересует все, что интересует Святую церковь, — прямо ответил Судских. Он не боялся подслушивающих устройств: резиденцию президента опекала его служба.

— Спасибо за откровенность, — сказал президент, тон его не скрывал подначки, даже не предполагал ее. Президенту позарез нужен был этот генерал в союзниках. Став у руля страны, он смог увидеть, через какую пропасть ему придется вести Россию. От предвыборных заверений не осталось и следа. Тайное стало явным и убивало.

— Генерал, в своих действиях ссылайтесь на меня, — сказал он на прощание. — Я верю вам.

1 — 2

Даже не подозревал Илья Триф, какие приличные навыки конспиратора залезались в нем. Жизнь накопила, что ли. Он умудрился протащить в монастырь гражданские свои вериги, необходимые простому человеку в России документы, чтобы не зачислили в бомжи, небольшую сумму денег и триста пятьдесят долларов, оставшихся от лучших времен.

Лучшие времена — где они, когда минули? И были ли они вообще? С молодых ногтей, едва он обрел интересное занятие, невольно соприкоснувшись с запретами, он попал в игру «бей — беги» для взрослых. Невзрачный большелобый человек со скудной бороденкой, роста полутора с небольшим метра, занятый копанием в библиотечных подвалах, книжный червь, он почему-то всегда оказывался поперек основного потока, частицы которого больно ударили его, разворачивая по ходу движения массы, а он противился, и его били сильнее. Возможно, от этой поперечной жизни выра-

боталось чувство самосохранения, откуда и конспиративные навыки, а сказать честно, звериное чутье в людском стаде, чтобы не растоптали. Постриг в монахи принимал вроде как насовсем, а всю атрибутику бытия не бросил... И так ли уж откровенно он отрекался от мирской юдоли? Илья Триф клялся себе, что напрочь отрекался, а хитроумный Илюха Триф возражал: нет, появилась возможность отсидеться — почему нет? И опять его ученость проклятая! Она помогла войти к братьям, она же вышвырнула его из приюта. Не вынес Илья испытательного срока. Распознал его игумен: не дело послушника свет в очах хранить. Сбежал. Боялся разбирательства...

И что с того, что не выделялся у «трех вокзалов» среди разномастного бомжатника — надолго ли? Проявится обязательно, тут милиция отыграется на шибко грамотном. Это у нее запросто, правила «бей — беги» учены-переучены и забыты по ненадобности.

Нет, твердо решил Илья, милиции в лапы попадаться не след, и с «трех вокзалов» мотать надо всенепременно. И чем раньше, тем полезнее для здоровья.

Одежонка Ильи соответствовала моменту. Ну, едет куда-то, озабочен... А вот как документы спросят? Вдруг ищут уже?

Ищут, ищут... Останки «Москвича» во дворе догнивают, в квартиру войти боязно. Грамотный шибко...

Разговевшись кофейком с булочкой в нижнем этаже Курского вокзала, Илья решил по возможности добраться на Флотскую, поближе к своему пустующему жилью, переночевать в знакомом подвале, а если возможности станут шире, не грешно и в квартиру попасть, взять кое-что, но вначале под душик, под душик!

Ключи у соседки Нины. А потом? Потом... Есть наметка. деньжонок должно хватить. Не вопрос это, но вот как доллары на рубли поменять? И раньше-то в обменных пунктах милиция к нему присматривалась очень, а кто ему с рук менять станет? Хорошо еще просто отберут... Эх, жизнь в шакалятнике!

Рождественская ночь пуржила. Ближе к центру, среди огней, мятущиеся снежинки радовали свежестью; на выходе из метро «Речной вокзал» Илья поежился: снег оставался снегом, холодным, мокрым и неудобным.

Автобусы уже не ходили, на метро-то Илья едва успел до закрытия. Что ж... Ноги в руки. До дома километра два. Плотнее нахлобучив шапочку, руки поглубже в карманы куртки и — вперед.

Илья шел к дому кратчайшим путем, дворами, не забывая об осторожности. Заметил патрульную машину. Спрятался за деревом. Оставался короткий участок по тротуару вдоль трассы. Пошел...

Услышав шум мотора сзади, прибавил шагу, но машина, проехав чуть вперед, остановилась. «Иномарка, — отметил Илья машинально, а все сознание заполонило главное: — Бить будут, это рэкет-шмекет». Опустилось стекло на переднем сиденье, изнутри крикнули:

— Эй ты! Стой там, иди сюда!

Каким бы страхом ни наплатило Илью, он отреагировал на странную команду:

— Так что мне делать? Подойти к вам или стоять на месте?

— Во, баран! — донеслось из машины вместе с откровенной ржачкой. — Тогда жди...

Из иномарки вышли двое мужчин в кожаных куртках и вязаных шапочках. «Бить будут, — горестно подумал Илья. Ноги стали ватными. — Но зачем?»

Молодцы плотно подступили к Илье и разглядывали так, будто повара примеривались, какую часть хилой тушки пустить на бульон, какую поджарить с приправами. Не понравился Илья молодцам. Без слов оба вернулись в машину.

«Господи! — чуть не исторгнул Илья в блаженстве. — Велика сила твоя!»

И правильно, что придержал язык, из машины крикнули:

— Топай сюда!

Илья подтелепался пингвином, стал у опущенного стекла несуразным столбиком.

— Молитву знаешь?

— А-а какую? — пролепетал Илья.

— Любую. Рождественскую можешь?

В салоне хихикнули женщины.

— Значит, так, — изготовился Илья и с подъемом прочел о волхвах со звездами, о святом младенце, о благодати и светлом Рождестве.

— Смотри-ка, грамотный пескарь попался! — заметил один молодец другому; женщины на заднем сиденье тоже выражали свой восторг: — Дед, а дед, а еще знаешь? Ну, вот там еще про «иже еси на небеси»... Знаешь, а?

— Конечно! Каждый христианин обязан знать! Это «Отче наш», заглавная молитва.

— А мы атеисты, — умерил пыл Трифа тот, что сидел за рулем.

— Викун, — попросила одна из женщин. — Ну что ты в такую ночь!

— Так бить все же будете... — отрешенно сказал Илья. Снежинки почему-то перестали таять на его лице.

— Что ты, отец, — произнес водитель. — Таких убивать надо!

«Вот оно: морозно, тихо, сухо, — вспомнилось не к месту, — будут гады Зою убивать».

— А ты вообще кто по жизни будешь, отец? — спросил молодец из открытого окна.

— Какая разница, раз убивать станете...

— Напугался? — спросил молодец, а женщины хихикнули.

«Каждый развлекается как может», — подумал Илья. Стало легче.

— Отпустите, ребятки, — попросил Илья.

— Отпусти его, Назар, — попросила одна из женщин.

— Козлятушки-ребятушки, — откликнулся названный Назаром. — Ты мне все же ответь, кто ты по жизни?

— Доктор философии, — по принципу будь, что будет, ответил Илья.

— Из красноперых, что ли? — спросил водитель. — Раз молитвы выучил, значит, из красноперых.

— Нет, не из красноперых! — первый раз твердо сказал Илья, и тон его голоса будто задал другую октаву нелепого разговора.

— Тогда в двух словах скажи, за что тебе доктора дали? — спросил водитель.

— Развенчал христианство, — уложился в норму Илья.

— Во, блин! — прибалдел, как говорится, Назар. Тот, которого называли Викуном, пододвинулся ближе к открытому окну: — Ну-ка, ну-ка, чуть подробней.

— Пожалуйста, — передернул плечами Илья. — Изучил древние книги и нашел массу несоответствий в теории христианства. В прежние времена это поощрялось.

— Дед, а правда, что Христа нам жида подсунули? — опустила свое стекло ближняя женщина, высунулась из окна.

— Никто нам его не подсовывал. Сами взяли. Князь Владимир распорядился из высших соображений.

— Это так, — поддержал Илью Назар. — Нам всегда одно дерьмо подсовывают.

— Не богохульствуйте, молодой человек, — тихо попросил Илья. — Вы можете принимать веру или отвергать, но срамить нельзя.

— Ты че, отец? — удивился Назар. — Вроде столковались...

— Назар, отвали! — нетерпеливо сказала женщина в окне. — Дед, а дед, а ты вроде еврей?

— Ну и что? Я самый бедный и несчастливый еврей-полукровка.

— А почему вы в Израиль не уехали? — подала голос из салона дальняя женщина.

— Ездил. Не понравился...

— А че там, че там? — засуетилась ближняя.

— Понимаете, — решил быть откровенным до конца Илья, — работая над древними книгами, я раскрыл одну из тайн иудейства. Мною заинтересовались, потребовали раскрыть ее. Я не мог этого сделать.

— А че такого? — торопилась нетерпеливая.

— Раскрытие священных тайн грозит неисчислимыми бедствиями. И это не досужие угрозы, так уже было. Убедившись, что я не бунтарь, меня выслали без права когда-нибудь снова появиться в земле обетованной. Меня и тут не очень жалуют, — закончил Илья.

— Круто! — балдел Назар. — Чусшь, Викун, какой дед ценный?

Викун уже осознал это.

— Садитесь в машину, отец, — пригласил он и, когда ближняя женщина пододвинулась, Илья покорно влез в салон. Тепло, уютно, пахнет в салоне стойкими дорогими духами. — Какие проблемы, отец?

— Отпустили бы вы меня, и никаких проблем, — попросил Илья.

— Избави Боже от друзей наших, а от врагов своих мы сами спасемся? — насмешливо спросил Викун.

— Воистину, — серьезно ответил Илья.

— А если поможем?

— Друзья мои, вы далеки от моих проблем, а от самой главной и того дальше. В конце концов это просто опасно.

— А мы и не собираемся свергать христианство, это ваши проблемы, но помочь хорошему человеку обязаны, — сказал Викун.

— Весело, — уныло хмыкнул Илья. — То убить грозились, то спасти собираетесь...

— Ой, деда, бросьте вы! — вмешалась нетерпеливая. — Это шутки такие у наших мальчиков. Собирались в храме побывать в рождественскую ночь, а там одни красноперые, сраные коммуняки, даже старух не пустили! А как трепались перед выборами! Собратья, христиане, мы, коммунисты, приведем Россию к расцвету! Тьфу!..

— Когда б не хроническая духовная импотенция, — насмешливо завершил за нее Викун. — Дурят русских, дурят, а они все на халяву в рай хотят попасть. А скажите, отец, в Бога-то не веруете?

— Отчего же? — воспротивился Илья вопросу. — Еще как верую! Без Бога нельзя, он один на всех, один во многих лицах.

— И для китаез, что ли? — спросил Назар.

— И для африканцев тоже, — подтвердил Илья. — Понимаете, Бог — нематериализованная субстанция, а вот посланник его у каждой религии свой. Через него с ним общаются.

— А почему тогда говорят: «Господь мой, Иисус Христос»? — спросила дальняя от Ильи женщина.

— Это уважительно к сыну Божьему.

— Чего же вы тогда войну затеяли? — спросил Викун. — Уважаете Бога, а христианство развенчали?

Илья попыхтел, поворочался на сиденье:

— Меня интересует истина. Все в мире когда-то ветшает, стареют самые незыблемые, казалось бы, каноны, а человечество развивается, ему в старых одеждах тесно. Я вроде модельера новой одежды... А человечество без веры не может, — закончил он тихо.

— Так, ясно, — проявил нетерпение Викун. — Чем вам помочь?

— Да я тут неподалеку обретаюсь, — разоткровенничался Илья. — Квартира здесь. Жил. Пока в монахи не ушел.

— Так вы еще и монах? — изумилась соседка Ильи.

— Был. Настоятелю не пришелся. Хотел вот заглянуть на минутку, взять кое-чего и — в бега.

— Горние наши дороги, — вздохнул Викун. — Куда бежать-то?

— Не знаю...

— Давай так, — стал излагать свой план Викун. — У нас дача по Ленинградке, теплый дом, поживете, пока суть да дело.

— И менты, небось, секут? — вставил свое Назар.

— Секут, друг мой, — подтвердил Илья, — еще как секут!

— Заметано! — поднял стекло Назар. — Давай, батя, к тебе на хату, возьмешь, что надо, и к нам в Карпово.

— Который дом ваш? — тронул машину Викун.

— Вон тот, третий крейсер торчит. Налево и по внутренней дорожке... Второй этаж, крайний подъезд.

— На второй этаж ножками способнее, — засмеялся Викун.

— А? — не понял сначала Илья. — Ну да...

Машина проехала метров пятьдесят, развернулась налево и въехала во двор. Остановилась.

— Дальше, дальше! — попросил Илья.

— Береженого Бог бережет, — остановил его Викун. — Как я понял из ваших скупых пояснений, искоренителя христианства желают видеть верующие и безбожники. Команда «фас!» дана. Назар, пройдишь до квартиры, под кирного сработай, если что.

— Это мы можем, — с готовностью вылез из машины Назар.

— Такие хлопоты, — чувствовал смущение Илья.

Викун развернулся на выезд, выключил фары. Мотор не глушил.

Назар отсутствовал минут пять. Из подъезда он появился неожиданно, прошел мимо машины прямо к шоссе.

— Вот так, отец, — понял товарища Викун.

Илья не успел сказать что-то в оправдание: из подъезда вышел кто-то в пятнистой куртке, огляделся по сторонам. Иномарка на углу дома как будто его не интересовала, припорошенная снегом, но урчание мотора он мог слышать. Постояв недолго, он быстро ушел в подъезд.

— Вот теперь погнали! — быстро выжал сцепление Викун. Поравнявшись с Назаром, он открыл ему дверцу, чуть сбавив ход. — Прыгай!

Назар шумно усаживался на сиденье.

— Топтуны, блин, на васаре! Долдоны, блин! Звоню. Открывает один, другой сзади, пентюх. Мужики, говорю, мне Тамару. Он мне: какая Тамара? А я ему: а ты кто такой? А он мне: канай, блин!

— Побазарили, одним словом, — прервал содержательный рассказ Викун. — Впечатляет, отец?

Илья молча кивнул. Рождественская ночь полна чудес.

— Машину он, конечно, засек, — продолжал Викун. — Надо попетлять на всякий случай...

Метров сто вперед, налево, направо, разворот, стал, выжидая.

— Тут они подъехали, — усмехнулся Назар, показывая на спешащие одна за другой «раковые шейки».

Викун тронул машину. Заметил Трифу:

— Выходит, отец, что на вас, то и ваше. Включая голову.

— Садовая моя головушка! — стащил шапку Илья, вздохнул.

— Не убивайтесь, — подала голос дальняя женщина. — В обиду не дадим.

— Так, блин! — поддержал Назар. — Если вас менты пасут, это по нашей части.

— А у вас какие проблемы? — успокаивался Илья.

— Проблем нет, долги остались, — ответил Викун.

— Давайте-ка знакомиться, — предложила дальняя соседка Ильи. — Меня зовут Чара, рядом с вами — Светлана, за рулем Виктор и Эльдар.

— Подпольная кличка Назар, — съерничал тот. — Бывший тяж проффи Эльдар Назаров! В Штатах выступал, навел там шороху...

— Илья Натанович Триф, — представился Илья. — И не такой уж я старый.

— Это уважительно мы к вам так, — заметил Викун. — Назар, — обратился он к Эльдару, — а по Ленинградке не прорвемся.

— Мы не только по Ленинградке не прорвемся, — серьезно ответил Эльдар. — Давай, Викун, бату в другой салон-купе переводить.

— Такие дела, Илья Натанович, — повернулся вполоборота к Трифу Виктор. — «Вольво» — машина комфортная, хотя багажник не купе экспресса. Зато любопытство органов уйдем.

— Если надо... — засуетился Триф.

— Надо, Илья Натанович, — кивнул Виктор. — Пока пост на Ленинградке не проскочим.

— Я вам, батя, мягкого под голову дам, — ободрил Эльдар.

Перевод пассажира занял минуты три. Илья улегся поудобнее, накрылся тентом.

— Готово.

Багажник захлопнулся. «Круиз продолжается», — отметил молча Триф, не готовый в полной мере из быстро меняющихся эпизодов составить полную картину своего существования. Об опасности он почему-то не думал, исповедуя принцип: «Я никого не обидел, я никому не нужен, никакого с меня проку нет». И даже то, что по его милости разбегались патрульные машины, устраивались засады, что неизвестные люди, пренебрегая опасностью, вытаскивают его из неведомых ловушек, не прибавило ему трезвого осмысления. Часа три назад он трясся от мысли, что его задержит милиция и станет бить — это реально, это боль, которой он панически боялся, а подвижки куда более серьезные, чем милицейская дубинка, его не волновали. Сущность дилетанта — неосознание меры опасности.

Благодаря таким качествам появились порох, самолет, кислота. Да, кстати: атомная бомба, черный юмор, оральный секс...

«А почему стоим?» — прислушался Илья.

Сначала он слышал голоса Эльдара и Виктора, неожиданно прибавились незнакомые.

Снаружи развивались непредусмотренные события. Рождественская ночь полна сюрпризов. Из подъезда ближнего к машине дома вышла подгулявшая компания. Женщины приплясывали, пытались петь, мужчины, как водится, выясняли, кто кого больше уважает. Как правило, в узком кругу своих всегда найдется один, рвущийся круг расширить.

— Эй, на тачке! — крикнул он и направился в сторону Виктора и Эльдара.

Виктор сел за руль, Эльдар неторопливо двинулся к своему месту.

— Погодь, мужик! — догнал кричавший Эльдара.
— Че ты, че ты? — оттирал его Эльдар.
— Подвези двоих-троих, плачу! — щедро пообещал компанейский.

— Некуда, брат, — взялся за ручку дверцы Эльдар. Занятая собой компания пока ничего не замечала.

— А зачем так грубо? — наступал на Эльдара незнакомец.

— Ну че ты? — еще раз ласково попросил Эльдар. — Иди к своим тяткам-мамкам.

— Мы очень гордые? — напирал подошедший. — На иностранщине катаемся, хорошо кушаем, хорошо пьем? Суки недобитые...

Без околичностей Эльдар выделил задире хук снизу в челюсть, аккуратной кучкой уложил его у своих ног, переступил, сел на свое место. На том и разошлись бы...

— Петю убили! — услышали все истошный женский визг.

— По газам, Викун, — сказал Эльдар, будто ничего не случилось.

«860»-я рванула с места, окрашивая стоп-сигналами снег из-под колес.

— Убили! — гомонили сзади.

— Теперь по Ленинградке опасно, — комментировал случай Виктор.

— И не стоит, — поддержал Эльдар. Если у него страдал словарный запас, мозги на ринге не отбили. — Давай на Окружную у Долгопрудного и к Чаре на Алтуфьевку. Меня высадишь на перекрестке, «вольвешку» — в гараж, а утром я на джипе подскочу.

— Логично, — кивнул Виктор.

— Совок проклятый, — шипела сзади Светлана. — Козлы вонючие!

Когда наконец поднялась крышка багажника, жмурясь от яркого света «пятисотваттки», Илья спросил:

— Карпово? Вот и чудненько!

— Однако Отрадное, — не мог не засмеяться Виктор. — Отдохнем чуток от бурной ночи, Илья Натанович, почистим перышки, а там на дачу тронемся. Десять дней праздников, куда спешить?

— Обстоятельства? — насторожился Триф.

— Да что вы, Илья Натанович! — вовсю потешался Виктор. — Гулять так гулять!

— Пойдемте, Илья Натанович, — со смехом повлекла его за собой Чара. — Здесь недалеко. С Машкой вас познакомлю, с дочурой своей. Только чур, вы ей о смене веры ни слова. Она у меня жуткая христианка... Светлана, пошли!

Виктор задержался в гараже, обдумывая все происшедшее.

«Как говорится: навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно. Такие раскладки». Человеческие отношения — это одно, а рождественская ночь преподнесла ему без обертки нечто особенное, что простым сувениром не назовешь. Разумеется, ментам сдавать Трифа он и в мыслях не держит, но надо крепко посчитать, какие дивиденды сулит неожиданная встреча. Будучи из поколения новых русских, Виктор Портнов считал обязательным выжимать прибыль из любых обстоятельств. Нынешнее могло дать солидно.

«Но аккуратно, аккуратно!» — напомнил он себе.

1 — 3

Потрескивая винтами, уэровская стрекоза секунды три зависла над высоким сетчатым забором и пошла на посадку во внутреннем дворе. Шел десятый час утра, визитеров в штаб-квартире Управления стратегических исследований не ожидали.

«Кроме начальства некому», — понял Судских. Он так и не успел переодеться в один из штатских костюмов, которые всегда держал под рукой в кабинете. Дежурство в резиденции президента обязывало быть в форме.

Оправив мундир, он пошел встречать на внутреннюю территорию своего шефа генерала Воливача: только начальник Управления разведок знал кодировку маячков УСИ.

Хозяйство Судских занимало добрых два десятка гектаров в Ясенево, комплекс зданий, соединенных между собой подземными переходами и галереями, благодаря чему вся территория казалась малолюдной: три года назад, при возрождении всех структур бывшего КГБ, УСИ, по настоянию Воливача, заняло лучшую нишу среди пяти разведок. Тогда же Судских получил генерал-майора и ранг первого заместителя Воливача.

С самого начала совместной работы у них установились доверительные отношения. Еще точнее — Воливач лично откопал Судских двенадцать лет назад в одном из хиреющих НИИ, где Судских прозябал на должности начлаба специальных разработок. Особенность их заключалась в неординарности и непостоянстве заказов. Допустим, правительство желало поточнее определить наступление весен лет на десять вперед. Подшефные Судских, четверка мэнээсов, рьяно брались за дело: запирались в лаборатории и суток пять подряд, вывесив табличку: «Осторожно! Идет эксперимент!», гоняли пульку. Судских не мешал им, посиживая в своей выгородке. Под выкрики «Пас! Раз! Вист!» он написал кандидатскую, защитился, взялся за докторскую, но тут пришло приглашение Воливача. А что с заказом? На шестые сутки подшефные, выбросив окурки и перебив стаканы, выкладывали перед ним график прихода весен, аккуратно списанный с церковного двенадцатилетнего календаря: в природе пока не случалось Пасхи в холодное время. Чиновник забирал отчет, из правительства благодарили за оперативность, удивляясь точным прогнозам. Или Минздрав просил вычислить вероятность рождения близнецов в стране. Опять «Пас! Раз! Вист!» суток на пять, после чего наиболее проигравшийся по приговору тройки садился к компьютеру и за полчаса готовил отчет, исходя из статистических данных того же Мин-

здрави. Каков поп, таков и приход. Задания без дураков давали комитетчики. Тут уж обходилось без магических выкриков: гэбэшные «попы» могли разнести приход Судских до последнего камешка...

С перестройкой заказы кончились, лаборатория сушила весла на скудную зарплату. Предложение Воливача было как нельзя кстати. Судских согласился, но с условием забрать с собой подопечных. «Само собой!» — не огорчил Воливач, а через день подписал приказ о создании Управления стратегических исследований. Судских, на зависть остальным структурам, получил Ясеновский комплекс, право самолично формировать штат и закупать любое оборудование. Постепенно УСИ из отдела специальных разработок выросло во внушительную силу с боевой техникой и лагерями размещения спецназа: четыре батальона, развернутые по штатам военного времени, размещались вокруг Москвы. Воливач добился своего, создав мобильную и автономную систему, способную теорией и практикой опередить неконтролируемые события. Подвиги УСИ были незаметны на фоне безобразий в стране последнего десятилетия: как правило, оно давало тщательный анализ развития событий и пути его преодоления. Спецназ Судских участия в экстраординарных событиях не принимал, митингующих не разгонял, занимался сугубо оперативно-розыскной работой. БТРы тем не менее находились в постоянной готовности.

В пору разгула демократии Воливач повесил на Судских и политический сыск, и организованную преступность, и хозяйственные преступления. Отказаться Судских не мог, но заручился его поддержкой вести расследование своими методами — необычными. «Попробуй», — согласился Воливач, полагая, что интеллигентный Судских палку не перегнет, допросов с пристрастием проводить не станет, а станут поступать жалобы, он вмешается.

Судских расстарался. За серией отставок высших чинов, арестов и следствий стояло УСИ, незримое и всезнающее. Это poznali на себе многие — от болтунишки Горбачева до

профессионального киллера Ваньки Жмака. Факты преступлений были неопровержимы.

«Как тебе удастся собирать такую фактуру?» — поражался Воливач успехам Судских. «Не гнушася мелкой сошкой, — посмеивался Судских. — В вакууме никто не живет, а расклад кухни простая уборщица знает лучше шеф-повара».

Действительно, он применял в своей работе нетрадиционные методы, хотя ничего особенного в них не было. «В нашей стране, — говаривал он подчиненным, — на всякий яд давно выработано противоядие. Ваше дело применить одно из них и учесть дозировку».

В свое время КГБ собрал в Протвино ясновидящих, колдунов, знахарей, стараясь не отстать от ЦРУ увидеть то, чего никто не видит. Были там, конечно, оригиналы и люди со способностями, но в основном шарлатаны на прокорме органов, которые весьма живописно умели рассказывать, каким будет новое платье короля. Закрывая Протвино, Воливач предложил Судских подобрать для себя какие-никакие кадры. Несколько человек из разряда махровых авантюристов Судских взял, уповая на истину: авантюра — хождение по высоко натянутому канату без страховочной лонжи. Свои мэнээсы уже заматерели, каждый имел классно оборудованные лаборатории и занимался серьезными разработками, а вот на протвинских всезнаек легло задание создать систему дознания без применения насилия. Задание конкретное, хлеб отрабатывать надо, и всевидящие систему создали. Допустим, поступал в разработку элементарный трепач, сподвижник Гайдара, ему вежливо предлагали сообщить интересующие УСИ факты. Как правило, клиент артачился, принимал оскорбленную позу: «За кого меня принимает!». Ему не перечили и вежливо просили просмотреть кое-какой материал в специально оборудованном помещении. В этом помещении в телевизионной записи вещали попеременно Горбачев и сам Гайдар. Как правило, клиент одуревал за час от косноязычия Горбачева или зауми Гайдара и сам просился дать показания. Неко-

торым предлагали записи выступлений страждущего за права человека Сергея Ковалева. Экающий и мыкающий правозащитник убивал чувствительных националов в полчаса. Убеждали давать показания под песенки младшего Преснякова или показывали Орбакайте, а орала Пугачева; но страшной пыткой, особенно для интеллектуалов, был показ «Золотого теленка» с Сергеем Крыловым в роли Остапа Бендера... Многих отпаивали валерьянкой. Сам Воливач сторонился пытошных Судских. Одобрять одобрял, но испытаться не хотел. «Ну и садист!» — говаривал Воливач.

Они сработались. Менялись ветры над Россией, менялись курсы и мерзавцы — сыск вечен, и вместе с ним Судских отшагал от старлея до генерал-майора.

Сказать, почему именно Воливач благоволил к Судских, а тот почитал своего шефа и благодетеля, никто бы не взялся наверняка. Матерые чекисты загодя вырастили себе замену, вырастили с дальним прицелом, и те могли не хуже выскочки Судских обустроить новое ведомство. Тут другой подход нашел Воливач — нетрадиционный. Сам он был пронизан еще теми страстями и мыслишками, служил еще тем прохиндеем. А Судских... Судских был незапятнан. Чистый лист бумаги всегда вызывает желание переписать биографию начисто.

У Воливача было премудрое отчество — Вилорович. Тут уж ничего не попишешь. Дед, старый политкаторжанин, имечко сыну выбрал страшное — Вилор, буквы, как гвозди, вбил: Владимир Ильич Ленин Отец Революции. Внуку перепало носить отчество как наказание за грехи отцов, и кто знает, какие томления претерпевал он от этих вбитых по самые шляпки инородных предметов.

Добродушного внешне Воливача окружающие побаивались, будто чуяли невидимое тавро грешника и человека непредсказуемого.

А Судских? А что Судских? Чистый лист бумаги. После ниишних глупостей радовался простору чистого листа и рисовал на нем с удовольствием.

— Здравия желаю, Виктор Вилорович! — приветствовал Судских шефа у самых дверей штаб-квартиры.

— А, привет, привет! — без церемоний откликнулся Воливач, бросая руку к вязаной шапочке. В куртешке, выдавшей виды Подмосковья, в горнолыжных ботинках, казалось, он сейчас пригласит заместителя раздавить бутылочку у костерка. Домашний вид не обманывал Судских: грузный, похожий на быка Воливач характер имел взрывчатый, мог из доброго папаши превратиться в зануду-прапора и распечь подчиненного за что угодно, хоть за солнце над головой, хоть за крашеный забор у соседей. Умение понимать шефа стало для Судских основой благополучия, всех созданных для него тепличных условий.

— А зачем пожаловал, не спросишь? — повернул он голову к Судских, приглашая идти вровень с ним. — Ты же аналитик...

Судских, конечно, догадался, почему шеф здесь, но опережать события не стоит.

— На рыбалочку пригласите, Виктор Вилорович? — с простодушием ответил Судских.

— Ишь какой... тактичный, — усмехнулся Воливач. В умных глазах усмешки не было.

В кабинете Судских он неторопливо освободился от куртки, оттянул ворот свитера, подул туда.

— На рыбалку, говоришь? — переспросил он, усаживаясь в кресло. — Верно. Хорошо ты наловил вчера на дежурстве. Поделись опытом? Поздравляю с генерал-лейтенантом, указ президент подписал еще вчера. В общем, рассказывай, какие там раскладки, с чего наш богобоязненный коммунист сменил гнев на милость.

— Президент крайне заинтересован найти Илью Трифа.

— Того самого? — понимающе спросил Воливач.

— Того. Перед нашей беседой у него побывал владыко. И ему нужен Триф.

— Я понял, — кивнул Воливач. — Шибко, видать, патриарх опасается за вотчину. А как ты считаешь, Триф может устроить крупные неприятности?

— Свяжется с оппозицией — да. Не зря переполошилась и МОССАД.

— Отчего же они его выпустили?

— Я думаю, причина одна: Триф известен многим ученым мужам здесь, в Израиле и в научном мире вообще. Держать Трифа в заключении неразумно, возможен ненужный резонанс, а выслать в Россию и здесь с ним расправиться, списав на нас, удобно. И еще одна причина: допустим, как я думаю, он раскрыл тайное имя бога Яхве. Для простого смертного знать его — страшный запрет. Оно известно только одному человеку — верховному жрецу Кабаллы, которая передается по наследованию. Мы, к примеру, даже имени верховного жреца не знаем. Никто не знает его в лицо, кроме двенадцати заместителей. Когда из их числа избран верховный жрец, каждый с глазу на глаз передает ему часть известного только ему текста, из которых верховный складывает целое, — изложил Судских свою версию.

— Мистика, Игорь Петрович, — не проявил интереса к рассказу Судских Воливач. — Какое нам, безбожным и зашившимся в грязи, до всего этого дело? Ты не перегрелся от президентских милостей?

— Нет, Виктор Вилорович, — не проявил растерянности Судских. — Дело серьезнее, чем вы предполагаете. Да, мистицизмом пахнет изрядно; однако мистический туман из десяти случаев в пяти подпускается там, где спрятаны серьезные вещи. Вы образованный человек и знаете, что древние пирамиды ваяли не просто рабы. Египтянам были известны какие-то секреты, не дошедшие до наших времен. Как известно из истории, евреи, выходя из африканских пустынь, до земли обетованной посетили Египет и задержались там надолго, а сыновья Иакова благодаря стараниям одного из сыновей Иосифа занимали при фараоне важные посты. Немудрено, что они разжились и тайнами. В древних иудейских книгах зашифрован весь путь человечества. Каким-то образом к тайнам прикоснулся Нострадамус, хотя перевод и

толкование его предсказаний зачастую неверны. Их попросту притягивают за уши толкователи. Возможно, Нострадамус владел неполным ключом. Еще два года назад я усадил Гришу Лаптева, моего сотоварища по НИИ, за детальную проработку текстов Нострадамуса. В результате тщательных исследований были получены три основных версии завещания, не считая девяти побочных. Везде нужен ключ, а ключ, я думаю, «Тетраграмматон». Зная тайное имя бога Яхве, можно подставлять его в текст, получив прогноз на много лет вперед. А это оружие.

— А если обзавестись самими книгами? — спросил Воливач. Он слушал Судских внимательно.

— Их нет. Возможно, были. Возможно, их никто не писал. Дело в том, что двенадцать жрецов Кабаллы знали каждый свою часть тайны. Отобрав из молодых раввинов преемника, каждый жрец до самой смерти растолковывал кандидату известное только ему.

— А как же тогда с потомком Давида? Сколько я знаю, его так и не нашли.

— Почему же? О таких вещах прессе не сообщают. Иудеи рассеяны по планете, и кто из непосвященных знает, что сапожник из Бердичева тот самый потомок Давидов. Может, и Триф...

— Ну да, — глаза шефа не верили. — Так и я стану потомком.

— И это возможно, — кивнул Судских.

— Еще чего! — фыркнул Воливач. — Мой род из тверских.

— Это не важно, Виктор Вилорович. Потомок Давидов — понятие двойное. В одной плоскости — это еврей, которому предначертано сплотить еврейский народ, в другой — преемник Христа. Согласно Библии, Господь переписал всех живущих, верующих и неверующих, кому даровано жить после Апокалипсиса, а кому и нет. Допустим, это легенда. Но последователи Кабаллы, одна из тайных ее организаций, внимательно отслеживают все происходящее на земле, анализируют, присуждают ранги участникам событий по осо-

бой градации. Это не обязательно революции, перевороты. Выход примечательного фильма — событие. Назначение министра — событие. Соответственно главный участник получает ранг, восходит на определенную ступень.

— При чем тогда сапожник из Бердичева? — не понял Воливач.

— При том, что все смертные могут подняться до определенной ступени и только еврей с чистой иудейской кровью выше. По этой градации и вы, и я имеем ступени...

— Ладно, оставим, — не понравилась Воливачу тема. — Почему взволновался владыко?

— Ну как же, Виктор Вилорович? Триф явно посягнул на основу христианской церкви. Как говорится, только хорошо зажили, вдруг откуда ни возьмись — чернобурая лиса. Я знаю Трифа, он дотошен, в святом поиске истины камня на камне не оставит от всей христианской философии. Сейчас, когда усилился нажим на евреев, националы не минуют возможности пошуметь насчет того, что Православная церковь всего лишь ветвь иудейской, Иисус — чистокровный еврей, а за пятьсот лет до его рождения все было спланировано, дабы извести славян, и называлась операция — ОТРАСЛЬ.

— Это кто назвал? — не уразумел Воливач. — Древняя МОССАД?

— Пророк Захария, живший при царе Дарие, лет эдак пятьсот до нашей эры. Цитирую: «Вот Муж — имя Ему ОТРАСЛЬ. Он произрастает из Своего корня и создаст храм Господень», — то бишь христианскую церковь. Так Господь Милосердный и Единый Саваоф представил Захарии Иисуса.

— По-твоему, — хмыкнул Воливач, — буддисты и мусульмане тоже отрасли иудейства?

— Не совсем так, если не сказать, совсем не так, — вежливо заметил Судских. — Иудаизм и буддизм развивались почти параллельно во времени, но были разделены пространством, отчего их философии питались от разных корней, от культур, имеющих под собой тысячелетия. Ислам, как рели-

гия, сформировался в пятом — седьмом веке нашей эры, когда иудаизм претерпевал гонение, буддизм стал кастовым, усложненным для простого люда, зато христианство завоевывало территории, к которым рвались не обремененные религиозной моралью арабские шейхи. Ислам стал для них уставом, пророк Мухаммед — знаменем обделенных при разделе мира. Ислам — самая суровая религия, сплошь из запретов, которые являются итогом анализа христианских догм. Например... — Судских подсел к компьютеру, поманипулировал клавишами. — Вот, Виктор Вилорович, сура «Мариам» из Корана. Имеется в виду дева Мария: «И говорят они: «Взял Себе Милосердный сына». Вы совершили вещь гнусную. Небеса готовы распасться от этого, и земля разверзнуться, и горы пасть прахом оттого, что они приписали Милосердному сына. Не подобает Милосердному брать Себе сына. Всякий, кто в небесах и на земле, приходит к Милосердному только как раб; Он перечислил их и сосчитал счетом. И все они придут к Нему в день Воскресения поодиночке. Поистине, те, кто уверовал и творил добрые дела — им Милосердный дарует любовь. Мы облегчили его для твоего языка, чтобы ты мог радовать им богобоязненных и предостерегать им людей упрямых. А сколько Мы погубили до них поколений, — разве чуешь ты хоть одного из тех и слышишь от них шорох?» И так далее. Цитируется глава из Библии, а итогом идет нравственное поучение для правоверных: не делайте так, а то будет вам бо-бо, ибо нет Бога, кроме Аллаха.

— Но Бог-то один? — уточнил Воливач. Судских кивнул:

— Вот этого ни одна религия не отрицает. Однако, имея на центральной площади четыре супермаркета, мэру города безразлично, где отовариваются жители, чего не скажешь о каждом из четырех хозяев.

Судских, без сомнения, пробудил особый интерес своего шефа к трактовкам, но вовсе не в религиозном плане: мыслящий реально Воливач искал реальные пути преодоления препятствий.

— На какой же козе объехать всех твоих двенадцать жрецов вместе с их незримым старшиной? — спросил он в раздумье. — Есть такой букварь?

— Есть, — невозмутимо ответил Судских. — Мы его листаем практически каждый день. Звездное небо.

— Шуткуешь?

— Обижаете, Виктор Вилорович. Не зря ведь говорится: старо, как мироздание. Помните, в одной из продуманных фантазий Жюль Верна девиз: «Подвижной в подвижном?» Земля — часть Вселенной, молекула макрокосмоса, Вселенная — орган, который входит составляющей в организм, тот, в свою очередь, — единица системы. Назовите печень Крабовидной туманностью, представьте медика, исследующего ее. Он по языку вашему безо всяких анализов определит, в каком состоянии печень, и пропишет лекарство, воздействует на болезнь. Допустим, Земля — частичка печени, и вдруг на нее валится громадная комета. А не прописанное ли это лекарство, излечивающее наш организм — Вселенную?

— Да что ж мы кому плохого сделали? — на полном серьезе возмутился Воливач. — Кос-как до Луны и Марса добрались...

— А может, это и есть начало болезни? Организм реагирует? Врач организму прописывает?

— Фантастика! — резко возразил Воливач.

— А то, что космонавт один уписался при виде неопознанных летающих объектов рядом с ним, — фантастика?

— Ну тебя, Игорь Петрович, — вскочил Воливач. — Запутал ты меня напрочь!

Он принялся в буквальном смысле маршировать по кабинету Судских. Туда-сюда, туда-сюда. Судских ждал, периодически манипулируя клавишами кей-борда программы, имена, списки...

— Вы считаете, Земля больна? — остановился наконец Воливач у стола Судских. — Впрочем, столько гадостей на планете... А через компьютер нельзя вызнать?

— Пока нет, Виктор Вилорович. Нет еще таких ЭВМ. Уже на 486-й модели можно обесчитать космос, но забраться внутрь нельзя даже с «Гудричем» или «Спарлайком».

— А древние как-то могли, — попенял Воливач.

— До нас на планете одна за другой сменилось минимум две цивилизации. О допотопной наслышаны, с Ноем приехали сами. Каждой твари по паре вез Ной — это известно из Ветхого завета, а какие знания взял с собой — Библия умалчивает. Известно только, Завет Божий даден был Ною.

Судских замолчал, ожидая от шефа вопросов, однако Воливач пребывал в разрешении каких-то своих внутренних споров. Пауза несколько затянулась, и Судских заговорил:

— И еще я думаю, Виктор Вилорович, Илья Триф призван выполнять роль детонатора в борьбе иудаизма с исламом за передел мира, как провозвестник новой религии.

Воливач посмотрел на Судских ошарашенными глазами, покрутил для убедительности пальцем у виска.

— Думаете, меня заносит? Нет. Я ведь читал труды его по истории христианства и сужу об этом беспристрастно. Христианство, как щит иудаизма, уже не играет своей первоначальной роли, оно выродилось в буффонаду, а если принять во внимание его нынешних союзников, радоваться раввинам нечего. Нынче иудаизм укрепил свои позиции, еврейская диаспора повсеместно контролирует политику, экономику, искусство, средства информации. Но мусульманский мир вовсе не дремлет, его доля владений не уступает еврейской. Активизируется и третья сила — буддизм. Третий мир давненько желает быть первым. Чтобы победить, иудаизм готов на излюбленный прием — создать подкидыша. А сделать это удобно на чужой территории. Вот вам и причина выдворения Трифа из земли обетованной.

— Дела-а! — прихлопнул в ладоши Воливач. Едва присев, он снова вскочил, заходил по кабинету. — Что ж получается: мы находим Трифа и отдаем его Церкви — Церковь перевооружается.

— Якобы, — уточнил Судских.

— Якобы, — повторил Воливач. — Отдаем его коммунистам...

— Перевооружаются они, — закончил за него Судских.

— Надо подумать, — прищурился Воливач. — Не утопить ли двухголового котенка...

1 — 4

Будить зверя не входило в правила Судских. А Воливач покинул штаб-квартиру УСИ ровно ошпаренный. Любимчик задал задачу. Одно дело — быть пожарным сцены, когда идет представление о красном петушке, другое — править режиссуру в качестве цензора. К этому мягко подталкивал Судских. Воливач не отрицал, что спектакль устарел и зритель мог отвернуться, но в какую сторону?

«А это — куда подтолкнут», — подумал, но не высказал он.

Не первый раз его задевало умение Судских оставаться в тени, еще точнее — сеять сомнения. «И всегда ведь находится дурак, который идейно возвращает их!» — анализировал Воливач. Помнится, поступила команда из окружения президента поубирать с телеэкрана глуповатые шоу, а заодно и ведущих неславянского происхождения. Задание соответственно поручалось Судских. Тот и пальцем не шевельнул. Вроде бы. А выступил по первой программе известный по прежним временам публицист. «Смотрите, — говорил он, — как идет оболванивание масс. Веселенькая передача «Поле чудес». Призы, музыка, аплодисменты. И никому невдомек, что это элементарная насмешка над зрителем. Где «поле чудес»? Правильно, в стране дураков. У нас с вами. А главные призы и баснословные доходы остаются за кадром. Это и есть суть шоу-бизнеса. Надо нам это?» Нет, ответили возмущенными письмами шахтеры Воркуты и колхозники Нечерноземья: дурят нашего брата, измываются.

«Твоя работа?» — Воливач звонит Судских, смеется. «Поручали мне, — смеется Судских. — Но зачем попу гармонь?

Для этого заливистые есть, у них там целая программа перемен. Диалог Попов — Бурлацкий меняют на поп и Бурлацкий. «До и после полуночи» на «От зари до зари». Так что, Виктор Вилорович, ничего не изменилось. А «Поле чудес» станет целиком «Страной чудес».

Ничего не изменилось! Ни-че-го! Ни в какую сторону.

Россияне тихо, как после тяжелого похмелья, осознали, что их в очередной раз надули. Старухи, столь громко ратовавшие за возврат коммунистов, получили свос и теперь в длинных очередях примеряли тело Зюганова к голове Лебеда, а мозги Явлинского к черепку Ампилова. «Всем бы яйца рвать!» — не выдерживал порой кто-либо из бывших ударников комтруда, а что поделаешь, сам мотал красным флагом, палил у сына коммерческий ларек, а теперь не помитингуешь, остережешься Церкви. Можно материть власть, можно оплевать парламент, сгори он синим пламенем, даже продавщицу в хлебном можно, а Церковь — ни-ни... Это Богово, Господа гневить нельзя. Да и власть привычнее гнобить на кухне... По столичным трассам мотались туда-сюда газики «раковые шейки», к гаишным импортным «фордам» прибавились конфискованные у арестованных буржуев джипы, милицейские чины обзавелись «мерседесами», «вольво», «тоетами», и сама милиция разнообразилась: была «региональная милиция», «муниципальная милиция», «квартальная милиция», «милиция нравов», просто «милиция» и даже «церковная милиция»; они вместе и по-одиночке громили банды грабителей, рэкетиров, насильников.

«Всегда можно нанять одну половину человечества, чтобы перестрелять другую», — подумал Судских, почитывая оперативную информацию за прошедшие сутки.

«В районе Добрынинского рынка отряд «милиции нравов» совместно с ОМОНОм уничтожил банду подростков».

«Боже мой, там же пацаны от пятнадцати до двадцати пяти! Убиты молодые мужчины, без которых не родятся новые отцы...»

Голод в Поволжье и на Украине в двадцатых, массовые расстрелы и расправы в тридцатых, самая кровавая война

прошлого века, спровоцированная теми же партийцами, послевоенные репрессии, повсеместное отравление окружающей среды и вот, наконец, уничтожение россиян под видом борьбы с бандитизмом. По статистике вон они, сводки на столе: умирает населения больше, чем рождается, на пять новорожденных мальчиков трое с психическими отклонениями, один — с физическими, и неизвестно, доживет ли до зрелого возраста последний младенец...

На тысячу россиян в стране шестьсот иноверцев. Малописьующих, некурящих, которые живут по обычаям диаспоры. Своих защищают всеми имеющимися средствами. Правыми и неправыми. Русских разобили, замордовали власти, иноверцы, Церковь. Святые отцы сторговались с коммуныками. Последнее прибежище хуже тюрьмы.

«Найдется ли сила, способная сплотить народ ради элементарной выживаемости? — спрашивал Судских, размышляя над неутешительными сводками. — Опять деление на партийных и беспородных, райкомов больше, чем булочных...»

Судских понимал ухищрения своего шефа, понимал и поддерживал. Заново создав государство в государстве, умело играя на струнах: «С кем органы, с тем и власть», собрал в структурах довольно устойчивый костяк профессионалов из здравомыслящих.

Пока они не вели разговоров об активных действиях, сегодняшней — прелюдия, появился катализатор, способный ускорить реакцию людского брожения.

«Вот и сила, — подводил итог своим размышлениям Судских. — Дело за умением направить ее в нужное русло. Без бунтарей, без погромов, без крови и самос главнос — без лжедмитриев».

Судских тряхнул головой и сел к столу. Пора заниматься текучкой. Поцелкав клавишами, вошел в компьютерную сеть МВД.

Из оперативных сводок МВД его внимание привлекли несколько. Засада на квартире Икс сообщала, что некто, как

установлено по картотеке, боксер-профессионал Эльдар Назаров, кличка Назар, в ноль часов двадцать минут якобы разыскивал в данной квартире свою подружку. Работник милиции, вышедший удостовериться, с кем прибыл неизвестный, видел с краю дома автомобиль марки «Вольво-860» с потушенными фарами, который тронулся сразу, едва скрылся неизвестный. Судя по обильному снегу на крыше автомобиля, наблюдение за квартирой велось долго. Вызванные им патрульно-розыскные команды обнаружить указанную машину в данном районе не смогли. Примерно полчаса спустя в том же районе произошла драка, вернее, нападение на гражданина Фетисова. Как утверждает сам Фетисов в заявлении, он с друзьями вышел на улицу и увидел, как двое что-то прячут в багажник иномарки. Не то «Вольво-860», не то «Вольво-850». Как законопослушный гражданин, он потребовал от этих двоих проехать в ближайшее отделение милиции, после чего был избит обоими неизвестными, результатом чего явился осколочный перелом челюсти гражданина Фетисова.

«Про требование ехать в околоток, конечно, врет, — отметил искушенный Судских, — а физиономию начистили крепко».

Гражданин Фетисов был доставлен в 61-ю градскую больницу для малоимущих с сотрясением мозга и тройным переломом нижней челюсти. От сотрясения пострадавший быстро оправился. «Видимо, сотрясать было нечего», — отмечал по ходу дела Судских. На нижнюю челюсть гражданину Фетисову были наложены бандажи. Там же в больнице гражданин Фетисов написал заявление в «Региональный совет по оказанию помощи лицам, пострадавшим от бандитизма» с просьбой установить ему инвалидность и бесплатно поставить зубные протезы как нижней, так и верхней челюсти. В другом заявлении, на имя президента России, он написал, что смело заступил дорогу бандитам-буржуям и просит за это материальную помощь в размере ста должностных окладов одновременно и постоянную, как ветерану борьбы и труда.

Просмотрев данные на иномарки, зарегистрированные в Москве и области, Судских установил, что «Вольво-850» есть у шести автолюбителей, семь принадлежат различным коммерческим структурам. «Вольво-860» обладают четверо, структурам принадлежат пять машин. Среди автолюбителей числился Виктор Портнов, генеральный директор сыскного частного бюро «Русичь», с которым Судских, конечно же, был знаком по некоторым совместным делам. В его штате на должности заместителя подвизался Эльдар Назаров.

«Это радует!» — удовлетворенно подумал Судских и позвонил в оперативный отдел. Кто возьмет трубку, тому и править службу.

— Майор Зверев слушает!

— С Рождеством Христовым, Миша, — поздоровался Судских.

— И вас, Игорь Петрович. Вы бдите, как я понял.

— Правильно понял, Миша, прозорлив, как всегда. Голова небось болит?

— Загружайте безбоязненно, товарищ генерал-лейтенант!

— И это уже стало достоянием масс! — довольный такого рода поздравлением, засмеялся Судских.

— Бдим! — засмеялся Зверев.

— Тогда, Миша, подымай свою группу и установи наблюдение за Виктором Портновым и Эльдаром Назаровым, оба из «Русича». Все данные по этим товарищам в оперативной картотеке, дополнительные на моем файле, ключ у Лаптева.

— Какие будут особые предписания? — спросил Зверев.

— Дело государственной важности. Разыскивается Илья Натанович Триф. Он не преступник, имей в виду. Расспроси о нем Лаптева для полноты картины.

— Ух ты... — оценил сообщение Зверев: если консультации будет давать полковник Лаптев, это на порядок минимум выше обычной розыскной работы, это, так сказать, форсаж.

— А «Русичь» тут с какого бока? — уточнил он.

— Хочу знать от тебя. Держи меня в курсе дел по мобильной связи. Я скоро отъеду. Удачи, Михаил.

Со всеми частными сыскными конторами УСИ было в постоянном контакте. Как бы ни кичились частные сыскари независимостью, оставшейся со времен предыдущего президента, органы быстренько повязали их письменными договорами о сотрудничестве, из которых следовало, что любая частная сыскная фирма обязана предоставлять исчерпывающую информацию органам, не дожидаясь официального запроса. Многие пинкертоны и холмсы лишились своих лицензий из-за несоблюдения прописных истин. Зато умные были защищены этими узами от МВД: если милиция требовала поделиться, частники ссылались на секретность информации. Расторопный Воливач года три назад повязал частный сыск дружбой с органами, которые пожинали теперь неплохой урожай с поля тотальной слежки всех за всеми. За определенную плату, разумеется.

«Что для нас делал «Русичь» последний раз? — спросил Судских компьютер, выполнив нужные комбинации на кейборде. — Вот оно...»

«29.04.99. «Русичь». Раздел XXV-24».

Судских ввел пароль. Раздел XXV был закрытым, там собирались сведения о Церкви.

«Дело Пенькова ДД, архимандрита Ануфрия. См. также видеотеку XXV-17».

«А, да-да! — вспомнил Судских. — Веселая порнушка!»

Архимандрит Ануфрий попал в поле зрения УСИ с последними выборами в Думу. Ануфрий обладал опытом прекрасного проповедника, мог убедить кого угодно пить или не пить, есть или не есть, поститься, постричься и так далее. Кандидата поддержал патриарх. Но за Ануфрием водились кое-какие грешки, о чем Церковь сознательно умалчивала, а прочие мирские кандидаты живо интересовались. Последовала «санитарная проверка» органов. «Русичь», питавший устойчивую антипатию к попам, взялся сделать ее бесплатно. Безвозмездно!

Судских вспомнил, как Портнов, безбоязненно подмигнув, вручал ему видеоролик. «На «Оскара» тянет», — осклабился он. Судских принял кассету сдержанно: материал, как водится, требовалось просмотреть.

«Отроковица, отроковица! — Колыхая телесами от плотского желания, архимандрит убеждал юную монашку. — Ты не жуй, не жуй, а соси! И соси блаженно, с потягом, как в Писании сказано». «Ой, батюшко, — с придыханием ответствовала отроковица, — нету этого в Писании, уразумела б!» «Первое Тимофею», глупая! — тяжело задышал архимандрит. — «Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им». Уразумела, бестолковая?» «Угу-угу», — старалась послушница. «Вот так, вот так! — поощрял Ануфрий. — В Писании всё есть, все обсказано-о-о-о!» Библию архимандрит знал назубок. Но патриарху наметкнули, что его кандидат может с треском провалиться на выборах. Владыко намек понял и огорчился: «Не осталось праведности в человецех. Что удумал, пес велеречивый! В мужской монастырь заманивал послушниц, буде малинку умело сушат, опыт перенимать. Ах ты, наказание Господне!» «Владыко, — советовали ему, — лишите сана, и дело с концом». Владыко, глубоко вздохнув, возражал: «Невозможно это, большой дока отец Ануфрий по части Святого Писания, любой спор с отступниками выиграет, на нем основной столп познания держится». — «Но вреда не меньше». — «О чем вы, братия? — смотрел патриарх на советчиков искушенно. — Любой из власть предержащих погряз в грехах немислимо, отец Ануфрий агнец Божий по сравнению с прочими». Больше патриарха не отговаривали, понимая, что защищать провинившегося он будет по мирским принципам: да, это сукин сын, но это наш сукин сын!

«Стоп-стоп! — соображал Судских. — Отец Ануфрий был настоятелем Павлово-Посадского монастыря почти год назад.

После думских выборов он вернулся туда же... Что еще? Любитель выпить, хорошо поесть, плотские утехы ему не чужды...»

Не откладывая дело в долгий ящик, Судских сразу принялся собираться в путь. Решил никого не брать с собой: дело предполагало быть деликатным.

Минуту он постоял в задумчивости. Экран компьютера мерцал звездочками, будто призывал пройти по мирам, тайнам, лабиринтам и найти единственно правильный выход. Давай, мол, потягаемся, кто кого, хотя ты меня и породил...

«И где этот правильный выход?» — размышлял Судских.

До рождественской беседы с президентом ему удавалось оттаивать в тени, предлагать другим бродить по лабиринтам.

«Пускай погибну я, но прежде...» — настойчиво просилась наружу популярная ария. — Ну вот еще!» — затушевал ее Судских.

Он считал себя реалистом, притом очень и очень разумным.

Вторая генеральская звезда, упавшая сверху на его плечи, была явно из метеорного потока. Не обжечься бы.

1 — 5

Морда у чудища была невероятно мерзкая, а зловонное дыхание из пасти заполнило округу. Все, деваться некуда в тесной келье, наступал час неминуемой расплаты, и отец Ануфрий, исторгнув стон, повалился на каменный пол.

Он с трудом открыл глаза и действительно обнаружил себя лежащим на полу. Нутро раздирала изжога, дико ломило затылок, тело налито свинцом. Ночные возлияния даром не минули.

«Господи, спаси! — взывал он. — Зачем ты повелел содержать церковным вино кагор, а не чистую «хлебную»? Господи, от нее рассудок светлеет и желудок прочищается! О горе мне, падшему столь низко! Муки мои первородные! И муки эти за три бутылки «Чумая»? Не прав ты, единый и святой!»

Еще, правда, с протодиаконем Алексием пробавлялись **ликером**, было... Потом кто-то из братии портвишком пособил...

«А в шестом часу, — припоминал Ануфрий, — мензульку **спиритуса** заглотнул под огурчик... Заутреню творил сам, не **упомнить** как, из последних возможностей, а обедню просил **нести** протоиерея Никодима... В трапезную не ходил, а в келье **пал** бездыханно».

— Ох, тяжело мне, тяжело! — прорезался голос у архимандрита Ануфрия. Мутилось перед глазами, мутило внутри.

«Келарь, **пес** смердящий, знает, каково мне, а укрывся **не**сedomо, никогда не поспособствует!»

Надежда хоть как-то похмелиться растворилась последним лучиком надежды. Ануфрий страдал в одиночку, **призывая** заунывно:

— Господи, пособи, яви чудо!

— Отче Ануфрий! — заглянуло чудо в келью архимандрита головой послушника. — Видеть вас желают у врат монастыря.

— А кто? — унял боли и насторожился Ануфрий: неужто **владыке** уже снаушничали о его непотребстве в святую ночь?

— Важный кто-то, сказывает, генерал, — вытянул вверх указующий перст монах.

— Час от часу не легче! — добрался до жесткого полукреслица Ануфрий, кое-как разместил там телеса. — Веди сюда! Сил нет...

Пока он размышлял круто о неведомом генерале, боли, словно родичи его кровные, подобрались внутри и замерли.

— С Рождеством Христовым, отец Ануфрий! — приветствовал настоятеля высокий мужчина в штатном добротном пальто. Шарф из ангоры струился поверх ворота, ботинки чищены и кожей справны, и ликом вошедший был приятен. Ануфрий нашел силы улыбнуться:

— Воистину, сын мой! Да придет и с тобой Иисус наш сладчайший, принявший за нас муки адовы. — Он щедро осыпал крестами пришедшего, а глаза Ануфрия угадывали,

какое же чудо явилось с этим незнакомцем. — С тем и живем-можем...

Гость принялся снимать пальто, оглядываясь. Ануфрий звякнул в колоколец. Тотчас появился прежний монашек.

— Прими одежи, — распорядился Ануфрий. дождался, пока монашек развесил одежду гостя на крюках в стенной нише, поклонился и следом исчез. — Присаживайтесь сюда... У нас удобства малые... Какие труды привели высокого гостя в скромную обитель и... кто будем? — спрашивал он с придыханием.

— Генерал Судских из органов, — представился гость, и архимандрит надолго закашлялся до свекольного цвета, до синевы так, что гостю пришлось зело хлопать его по спине.

— Отец Ануфрий! — взывал он, охаживая настоятеля вдоль желейно загустевшего позвоночника. — Не велика печаль, я душу вам облегчить приехал!

— Чем? — не очень уразумел Ануфрий.

— Вот! — воскликнул гость.

Архимандрит глянул сквозь пелену на глазах, и — пресвятая Богородица! — в генеральской длани девственно сияла ангельским тихим светом полулитровая бутылочка «Кристалла» московского розлива.

— Божья благодать, излейся! — завопил Ануфрий, позабыв о причинах своих болезней, о братьях за дверями: да гори оно все ярким спиртовым пламенем, дальше другого монастыря не сошлют! — Давай, брат мой подневольный, аки я, возлечимся быстро! Сей же час велю закусочки сгоношить... Спрячь на мгновение чудо сие. Брат Сильвестр! Брат Сильвестр! — заорал он, замолотил в колоколец, однако с появлением послушника возобладал собой и елейно испросил: — А принеси-ка нам, брат Сильвестр, какой-никакой пищи. Редечки тертой, может, косточкой разживешься, видишь, гость высокий у меня и с дороги, притомился, но особенно огурчиков и капустки квашенной с клюковкой, что у келаря в синей кадушке, да яблочков моченых присовокупь, а еще, еще... —

распался, предвкушая малый праздник Ануфрий, — арбузиков бы соленьких! Поспешай с Богом, брат Сильвестр, не мори голодом гостя нашего, а келарю вели не кочевряться, бо гость наш не случаен, — и перекрестил спину уходящего монаха.

— А не соврашу ли я вас, отец Ануфрий? — спросил гость с мягкой, без схиства улыбкой.

— Отмолю! Отмолю! — заверил решительно Ануфрий. — Святой праздник, сын мой, что же гневить мне Господа, трава душу твою постной беседой?

— Так и быть по сему, — успокоился гость.

— Аминь, — щедро набросал себе на живот крестиков Ануфрий.

Он передохнул от долгой тирады, подрасползся в жестком полукреслице, вроде бы и задремал, но исподволь тщательно обследовал лицо гостя.

Настоятель был неплохим физиономистом. Зерна его увещаний падали всегда в благодатную, им подготовленную почву и давали хорошие всходы как раз из-за умения распознавать нутро человека, уловить его слабости.

«А генералишко-то с двойным дном, — определил он изначально в своих изысканиях. — На то и в органах. И бутылочку припас неспроста... Ох, неспроста! Тут дальний посыл. Ох, Ануфрий, не сболтни чего!

А чего? — бежала мысль дальше. — Какие тайны мне ведомы, чтобы в празднества генералу бог знает куда ехать? Может, патриарха сместить есть пожелание? Так куда тебе, Ануфрий, на тиары замахиваться? Свои не позволяют: монашеских малых портил, монашек юных, страдая, искушал... За мной грехов до самого Сиона. А может, может, на владыку чего собирают? Так в конторе их бесовской больше самого владыки знают. Нет, наверняка причина!» — оставил попытки Ануфрий, почувствовав ломоту в затылке.

В молчаливом перегляде дождались они брата Сильвестра со служками, с подносами и судками, а в конце всей вереницы стоял келарь, держа в обеих руках ендову с черпаком,

наполненную до краев домашним пивом, кое варить был великий мастак.

«Ни капли не расплескал, пес шелудивый. Осознает момент истины, аспид ползучий! Да пребудет с нами Ченстоховская мать Божья, погребов винных ключница!» — ласково про себя срамил келаря архимандрит в предвкушении даров обильных.

Когда служки расставили на столешнице припасы и вышли, гость подсел напротив Ануфрия и с треском свинтил пробку «Кристалла». Чинно, до краев налил в темные глиняные стаканы, дождался архимандрита и только потом поднял свой стакан.

«Обходительный», — отметил архимандрит последнее, быстро уходя от мирских забот в мир блаженного возлияния. — Господи Иисусе, благослови!

Воистину, боженька прошелся босыми пятками по пищеводу архимандрита и растворился там в неизъяснимой благодати, подвигнув Ануфрия на сладчайший выдох.

— Ох, мать Божья, владычица! Свет в очах твоих неистребим! И в моих появился, — кратко закончил Ануфрий, забросив капустки в отверзлый рот, прожевал, а очи уже вбирали в себя красоту монашеского стола, зело пышную по причине Рождества Христова, а то и гостя, неведомо посланного провидением.

Не пал в грязь лицом келарь, расстарался! Забыл ведь архимандрит о груздях сухосоленых, о рыжиках и маслятах маринованных! А пикулечки тверские? А помидорчики пряного посола? А чесночок обжимной с перчиками обливными?

— Ой, сын мой, давай-ка снова по единой, пока Господь велел причаститься, — не вынес плотских томлений Ануфрий.

Разлили по темным стаканам, чокнулись без славословия, выпили разом и разом дух отвели.

— Откушайте, не обижайте, — просил Ануфрий, заметив, что гость аккуратствует в еде. — Скромны дары природные в нашем монастыре, так чем богаты, а там и поведайте,

что привело вас в тихую обитель нашу, — ловко перевел разговор Ануфрий.

— Я восхищен одним видом всего! — не слукавил гость. — Где как не у братьев-монахов осталось подобное умение хлебопечения?

— Вестимо речется, — поддержал Ануфрий. — Многие секреты только у братьев и сохранились. Вот, скажем, арбузик этот, — припал Ануфрий к упругому сочному ломтю, вкушая его со свистом. Вкусив, передохнул. — Знаю, чего келарь добавляет в тузлук, знаю, как засол выдерживает, а вот пропорции один он блюдет. И под страхом смерти не выдаст.

— А кто ж унаследует?

— О, опарафинился келарь, — вздохнул Ануфрий. — Подыскал преемника, а тот не того замеса оказался. — И снова вздохнул.

— Жалко, — с сожалением ответил гость, а в руке его, словно по волшебству, возникла другая бутылочка «Кристалла».

— Откуда? — изумился архимандрит.

— Господь послал, — вежливо улыбнулся гость, откупоривая бутылку. — Поделитесь секретом засола, святой отец, знаете ведь.

— Секрет, секрет, — дожидался розлива Ануфрий, смекая, что гостя заинтересовало. — Переживаю я через то... — забулькало в стаканы. — Подвел келаря брат его названный Кирилл, Илюшка поганый ныне! — дожидался наполнения стаканов Ануфрий. — Семя его буде проклято, завет основной вознамерился оспорить. Первосвященникам не дано, пророкам не дано, а он взалкал! Давай-ка, сын мой, причастимся по-единой, — и первым припал к стакану.

— Да, однако, — произнес гость, опорожнив свой, закусывая моченым яблоком. — А просветите, святой отец, что это за основной завет, на который отступник посягнул?

— Я, рек, имя рожденного женщиной знаю, — отвечал Ануфрий с набитым ртом. Он был доволен, что гость отступил от секретов засольного производства.

— У Христа есть другое имя? — удивился гость.

— Нет, — отмахнулся Ануфрий, попутно дотягиваясь до куриной ножки. — В Откровениях Иоанна Богослова сказано... — Он замер недолго с куриной ножкой в руке. — Вот: «Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг на землю. Дракон сей стал пред женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней». Вот, — повторил он и замолк, будто прислушиваясь к отзвуку слов своих. Что-то точило его скрытно, а голова налилась приятной тяжестью, и ускользало из сознания, что именно мешает ему сосредоточиться. Ладно, главного он гостю не открыл, станется келарю попенять. И в третий раз он сказал: — Вот. В общем, брат мой во Христе, Илюшка-голодранец имя это прознал, хотя там же сказано: ...забыл, погоду... Да, вначале ангел появился с трубой... нет, с книгой, а Иоанн хотел записывать, тогда ангел велел... погоду... Ага, времени не осталось, мол, но в те сроки, когда вострубит седьмой ангел, свершится тайна Божья... Ага, дальше ведомо: «И голос, который я слышал с неба, опять стал говорить со мной и сказал: пойдн возьми раскрытую книжку из рук Ангела, стоящего на море и земле. И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед». Съел Иоанн книжку. Такие дела, брат мой во Христе. А в книге той имя младенца, который жатву устроит и виноград срежет и в точило Господне бросит и сок в кровь превратится. Вот. Это, брат мой, великое таинство, ведомо оно о-ч-чень мало кому, кто придет после Христа и победит Антихриста. Илюшка, смёрд поганый, рта раскрыть не имеет на то основания, хоть знает, что...

Ануфрий захмелел напрочь и все силится высказать точнее, какие кары ему грядут, если он тайну расскажет, но

заваливался от усилия на бок, пока не свалился на подлокотник. Гость вовремя подхватил его, усадил ровнее, и Ануфрий немного очухался.

— Вот и я говорю, отче, грех это великий, таинство Божие, имя младенца живущим разгласить, — говорил при этом гость.

— Непотребство полное! — стукнул по столешнице пухлым кулачком Ануфрий. — Взять в вервие, в железа ковать, сгноить в подземелье отступника! Свят-свят-свят! — и принялся быстро щипать крестики со лба на объемное пузо.

— Суровые кары, — поддержал гость промежду прочим.

— Отче! — еще выше повысил в обращении Ануфрий гостя. — А ну как тайное станет явным, и пойдет предначертанное другим путем, и захлестнет христианский мир петля гистерезиса, и завладеет миром Антихрист? Ведь тайну-то, тайну ключа от врат небесных сатана знает, потому как сам был ключником до архангела Михаила, пока не возгордился и не сбросил его Господь с небес.

— Да, петля гистерезиса, это да, — поддакивал гость.

— А то не знаем мы о смещении времени? — прищурился Ануфрий на гостя. Сквозь поволоку на глазах он углядел поначалу владыку, испугался зело, но, отошедши вдруг, увидел незнакомца в светских одеждах. — А ты чего?.. Изыди, сатана! — рявкнул он, пытаясь встать, чуть не упал, благо незнакомец поддержал вовремя.

— Да успокойтесь, отче, не сатана я, а генерал Судских, приехал к вам предупредить, что из мест заключения сбежали двое опасных преступников и чтобы вы знали о том. А приняли вы меня очень хлебосольно, за что спасибо вам.

— А... ну да, — осознал Ануфрий, что беды никакой нет. — Как же, как же! Всенепременно проследим... Как же.

Остаток внимания отца Ануфрия забрала бутылочка «Кристалла».

Скверный день заряжался с раннего утра. Так подсказывал Судских жизненный опыт. Если подымали телефонным звонком, значит, все пойдет наперекосяк. А поднял его в шестом часу утра оперативный дежурный УР по распоряжению Воливача: в подмосковном лагере беженцев захвачены заложники вооруженной группой, до десяти утра бандиты требуют удовлетворить их требования, иначе грозят расстрелять заложников. Пришлось спешно выезжать на место.

Бандитов, если их можно так назвать, оказалось пятеро из числа беженцев, вооруженных ножами и пистолетами. Заложников было трое — чиновники Министерства чрезвычайных ситуаций, которых схватили в столице и привезли сюда. Они-то выглядели подлинными заложниками, перепуганные обстоятельством своего захвата. Всю ночь их держали в центре лагеря на морозе, на ухоженных физиономиях не отпечаталось ничего, кроме животного страха за собственные жизни.

Судских оценил ситуацию сразу, едва прибыл в лагерь, куда уже были стянуты по тревоге ОМОН и СОБР. На фоне жалких, драных палаток БТРы выглядели внушительно. Беженцы, плотным кольцом окружившие заложников и захватчиков, в основном женщины с детьми, заседали на оперативников, требуя положить конец беспределу по отношению к ним, кричали, плакали; бойцы, отгородившись от них щитами, ждали команды, а команды не было. Судских неожиданно оказался тем самым лицом, кто должен принять решение. Мысленно отблагодарив Воливача за услугу, Судских приступил к переговорам.

А что, собственно, следует обсуждать? Он и сам видел, что условий для жизни в лагере нет никаких, печурки в палатках не согревают, и топить их явно нечем, питания нет. Отчаявшись, беженцы пошли на крайний шаг. Внутренне Судских был на их стороне: чиновники среди вопиющих условий симпатий у него не вызывали. Так это симпатии... А налицо факт захвата заложников.

У старшего захватчиков Судских попросил разрешения поговорить с заложниками. Простуженный мужик в светлом плаще поверх телогрейки разрешил, но пистолет от уха одного из заложников не убрал. Двое других сидели на корточках также под прицелом.

Сразу выяснилось, что чиновники к данному лагерю отношения не имеют. «А мне все едино, — угрюмо ответил старший захвата. — Все они одним мирром мазаны. Мне не жить, но своего я кокну без зазрения совести. Так и передай, кому хошь, хоть президенту. Мы что, много просим? Еды и топлива. Нам обещали, здесь всего три дня подержать, а мы уже три недели маемся, детишки болеют напрочь! Да что тебе говорить, начальник, если ты живой человек, мыслимо ли это, а?» Старший заплакал. Чиновник повел затекшей от напряжения шеей, старший сквозь слезы сказал: «Не дергайся, гад, тебя мои слезы не касаются!» Чиновник затих, глядя с мольбой на генерала в камуфляже.

— Старшой, — обратился к захватчику Судских. — Дай мне твоего под мою ответственность.

— Зачем? — подобрался старший.

— Надо, — в упор посмотрел на него Судских. — Без вопросов.

— Бери, — столь же кратко согласился тот и стал между двумя другими заложниками. — На полчаса.

Чиновник, клацая зубами от холода и переживаний, затрусил вслед за генералом, а Судских прямоком направился к своей машине.

— Вот телефон, — дал он чиновнику трубку. — Звоните в свое министерство и согласовывайте свое освобождение. У вас полчаса.

— Да вы что? — возмутился отходящий от передраги чиновник. — Вы собираетесь выполнять требования этих мерзавцев?

— А что вы предлагаете? — без сочувствия спросил Судских.

— Дайте команду перестрелять весь этот сброд!

— А двое ваших товарищей?

— При чем тут они? Надо в корне пресекать незаконие!
Вам за это деньги платят!

— Вот и пресекайте. Вам за это тоже платят. Напоминаю:
через полчаса я верну вас.

— Вы ответите!

Судских молчал. Развернулся и ушел к группе отдельно
стоящих офицеров.

— Кто старший?

— Майор Поляков, товарищ генерал, — отделился от груп-
пы майор с автоматом в руке. — Что делать будем?

— Ничего. Оставьте мне пять человек на всякий случай и
командуйте «отбой».

— Но приказ, товарищ генерал!

— Я приказал «отбой». Или без автоматного прицела ни-
чего не видно?

— Честно говоря, все видно. А управитесь, товарищ гене-
рал?

— И пальцем не шевельну. Пусть эта троица управляется.

Майор улыбнулся с хитрецей и, заслонившись от наблю-
дающих за ними офицеров, показал большой палец.

— По машинам! — крикнул он.

Едва началось шевеление, из «Волги» Судских вылетел
пулей чиновник.

— Что происходит? — завопил он. — Немедленно верни-
те войска! Я не могу созвониться!

— Не беспокойтесь, — преградил ему путь Судских. — Я
остаюсь здесь, а вы не тратьте время зря. Будьте мужчиной.

— Да как вы смеете! — закрутился на месте чиновник.
Судских пришлось взять его крепко за локоть.

— Послушайте меня, уважаемый, — веско отчеканил он. —
Вы обязаны передать все требования этих людей своему на-
чальству. А начальство незамедлительно должно принять
меры. Выполнить то есть свои обещания. Ситуация экстре-
мальная. Все.

— Вот так защитничек... — прошипел чиновник, но к машине вернулся быстро.

Плотное кольцо женщин сгрудилось теснее. Почадив выхлопами, БТРы выбрались на дорогу. Остались два газика. Остался и майор. Свесив ногу из открытой дверцы, он улыбался Судских. «Вот так, брат», — без улыбки кивнул ему Судских и пошел к своей «Волге».

— Вас просят, — процедил чиновник, протягивая трубку.

— Что происходит, генерал? — спросил низкий голос в трубке. — Я заместитель министра Трубочинский. Мне доложили, что вы не исполняете свой воинский долг. Может, у нас многовато генералов развелось?

— У нас много министров развелось, — выслушав, ответил Судских. — Какие меры вы принимаете?

— Да я вас под суд отдам! — заорала трубка.

— Умерьте пыл, — не приняв во внимание угрозу Судских. — Мне в отношении вас это будет сделать куда легче, уверяю. Поэтому переходите сразу к своим обязанностям, пока вы на свободе, — и передал трубку чиновнику. Тот в замешательстве взял, кое-как вклинившись в поток угроз, объяснил, что генерал несговорчив и лучше как-то решить это дело мирно, а там разбираться с мятежным генералом. Судских выразительно постучал по циферблату своих часов, и чиновник затараторил шустрее, подсказал замминистру какие-то ходы-выходы и наконец протянул трубку Судских.

— Генерал, с вами мы потом разберемся, а сейчас передайте бандитам, что продовольствие и топливо будут сегодня же.

— Это передаст ваш подчиненный, — заметил Судских сразу, — но это не решение проблемы. Люди должны быть вывезены немедленно в пригодное для жилья место. Здесь женщины и дети — вам это понятно?

— Я их не заставлял бежать из Башкирии. Нету у меня для них ничего, нету! Вам это понятно?

— Есть, — оставался непреклонным Судских. — Ваш ведомственный санаторий.

— Санаторий! — поперхнулась трубка. — Может, голытьбе еще и сауну?

— Думаю, им это понравится. И врачебный контроль обязательно.

В трубке что-то варилось около минуты и булькало.

— Генерал, а ты, собственно говоря, кто такой? — услышал наконец Судских другой, язвительный голос.

— С кем имею честь? — спросил Судских.

— Какая там честь... Здесь министр!

— Генерал-лейтенант Судских, Управление стратегических исследований...

В трубке побулькало, поварилось недолго.

— Я все понял, — ответила трубка. — Через два часа будут машины. Всех перевезут в санаторий.

— В докладе президенту могу сослаться... на вашу честь?

— Сами разберемся, — буркнула трубка. — Даю слово.

— Майор! — позвал Судских, выбравшись из «Волги».

Он вкратце пересказал майору распоряжение министра, велел дожидаться машин и сопровождать их до самого санатория, проследить за размещением людей.

— А с бунтарями что делать?

— Я переговорю со старшим, думаю, он поймет правильно, а вы везите их отдельно, якобы под арестом. При удобном случае отпустите.

— Это что-то новенькое, товарищ генерал, — усомнился майор.

— Неужели вам хочется покарать этих несчастных?

— Не хочется, — закрутил головой майор. — Но...

— Отнеситесь ко всему по-человечески, майор.

— Вам-то легко...

— Не думаю, — ответил Судских. Это пока у него есть заступа.

Минут через двадцать, оставив свою охрану в помощь майору, он уехал. День был испорчен напрочь; несмотря на кажущийся успех, своих дел оставалось с горкой.

Высхав на трассу, Судских связался со Зверевым.

— Минут десять назад, — докладывал Михаил, — Назаров приехал на Алтуфьевку, забрал Трифа, Портнова и двух женщин. Одна брюнетка, одна блондинка. Джип Назарова движется по Окружной. Наблюдаем.

— Нормально, — ответил Судских. — Пока тревожить не станем.

— Как сказать...

— Скажи, как есть.

— Мы не одни пасем джип. Команда из пяти человек следует за джипом на «Ниве».

— Попробуйте невзначай отрезать. Возьмите подмогу.

— Понял, — среагировал Зверев.

Осмыслив информацию и не найдя ничего пока особенного, Судских связался с Воливачом.

— А, партизан! — будто ждал сего звонка Воливач. — Ты, надеюсь, правильно все понимаешь?

— Не совсем, — возразил Судских.

— И зря, — не огорчился Воливач. — Я решил по-новому подойти к стандартной ситуации с заложниками. Одно дело — бандиты, другое — обездоленные. Ты оказался на высоте.

— Других не нашлось...

— Не зазнавайся, не зазнавайся, — со смешливым укором говорил Воливач. — Опыт обобщим, чтоб другие учились. Президент был особенно доволен. Коли дырочку под орден!

Судских положил трубку. Полотно трассы впереди растянулось однообразной лентой, встречные машины попадались редко. Он решил ехать туда, куда направлялся джип с Трифом. Ближе к встрече будет видно, какие коррективы принять.

Позвонил Лаптеву домой.

— А его нет, — ответила жена, узнав начальника мужа. — Он у соседей чай гоняет. Позвать, Игорь Петрович?

— Не стоит. Появится, передайте: Судских искал.

Только опустил трубку в гнездо, заикался сигнал вызова. Вызывал Зверев:

— Игорь Петрович, идем по Ленинградке, примерно двадцатый километр. Встреча с нашей мобильной группой на тридцатом. Можем отсечь сопровождение сами, но...

— Я сегодня уже слышал «но». Выкладывай, что за пауза?

— Ребятки в «Ниве» из «милиции нравов», по номерам определили. Нас пока не засекли.

— Понял, Миша, — уяснил ситуацию Судских. — Передай старшему мобильной группы, пусть на посту ГАИ тормознут их под любым предлогом и отпустят минут через десять, чтобы Триф двигался без приключений. А там посмотрим. Я еду за вами.

— Понял, Игорь Петрович. Старшим поехал Бехтеренко.

— А ему это зачем? — удивился Судских, услышав, что его заместитель полковник Бехтеренко лично возглавил группу. Не бог весть какое происшествие, но все же...

— Говорит, размять косточки, во-первых, а во-вторых, сон ему снился неважнецкий...

Вмешательство «милиции нравов» не столько озадачило Судских, сколько прибавило азарту. Соперничество. Кому-то еще понадобился Триф. Возможно, президент подстраховался или ведет двойную игру, возможно, в окружении президента есть заинтересованные лица. Почему бы и нет? Триф мог сгодиться многим для игр...

«Милиция нравов» существовала чуть более года. Создавали ее для борьбы с сектантами, бродягами, перемещенными лицами, в среде которых немало пряталось уголовников и лиц с темным прошлым, боевиков, оставшихся без найма, преступников в розыске. Набирали в «милицию нравов» из бывших националистов. Едва коммунисты ощутили твердь под ногами, они предали своих сподвижников. Кто-то из националов сменил маркировку, кто-то отбыл за рубеж, а кого и в распыл пустили. Осиротев, боевики из ультрапатриотов пошли служить тому режиму, против которого собирались биться на заре своих лозунгов. Пригодные для мордобоя, в оперативно-розыскной работе они были нулями, как их стрижки.

Суммировав это, Судских не нашел нужным торопиться. Машин стало попадаться больше. Вдали замаячили высотки ближних к Окружной микрорайонов Москвы.

Прозвонился Гриша Лаптев:

— Искали, Игорь Петрович?

— Было дело, Гриша. Пока Россия отдыхает, тебе надлежит завтра прервать рождественские каникулы и кое-чем заняться.

— Вот, — сразу повеселел Григорий. — Я и за день намалялся, с соседом нарды гонял. Какие дела?

— Помнишь, мы пытались обсчитать Апокалипсис на стационаре?

— Конечно, Игорь Петрович! Незабываемое мероприятие, хотя и безрезультатное.

— Попробуй еще раз, Гриша. Покопайся в романе «Покушение на миражи». Возможно, выловишь что-либо стоящее. Сдается мне, Тендряков владел ключом. Потанцуй от трех шестерок.

— Пробовал, Игорь Петрович, не вытанцовывается.

— Тогда Библию поковырай. И не забудь: только каноническое издание, обработки не в счет.

— А вот это существенно, Игорь Петрович. Сегодня же начну.

— Удачи! — кратко пожелал Судских. Его внимание переклучилось на трассу.

Он нагнал трейлер с сорокафутовым контейнером. Трейлер занял первую полосу, по второй, вровень с ним, телепался «жигуленок» пятой модели. Судских мигнул дальним светом, водитель трейлера не реагировал. Улучив момент, Судских выехал на встречную полосу и прибавил газу, обходя трейлер. Он не поверил своим глазам, когда трейлер повернул туда же, закрывая ему обгон.

«Ах ты, бес!» — ругнулся про себя Судских и еще дальше ушел на встречную полосу, другого не оставалось. То же сделал и водитель трейлера. «Тогда пеняй на себя!» — сжал зубы Суд-

ских, резко тормознул, чуть подвернув руль вправо, и стал прибавлять скорость. «Волга» с форсированным двигателем повиновалась чутко, шипованная резина держала трассу хорошо, и за три секунды Судских поравнялся с трейлером, обходя его слева. Видимо, водитель трейлера в последний момент увидел «Волгу» в правом зеркальце и довольно резко крутнул баранку вправо. «Не достанешь, козел!» — еще правее ушел Судских. На разделительной полосе намерз лед, припорошенный снежком; зад трейлера от крутого поворота занесло резко влево, да водитель еще и затормозил, не посчитавшись с центробежной силой, и тяжелая махина перевернулась поперек встречной полосы. Занятый трейлером, Судских забыл о «пятерке», а она подставилась неожиданно впереди «Волги». «И ты еще, каналья!» — разозлился Судских, среагировав на хамскую подставку, ушел дальше вправо, чуть не врезавшись в фургон у обочины. По тормозам, влево, в зазор между «пятеркой» и фургоном. Только злое лицо водителя успел заметить Судских, как новая ситуация потребовала внимания: из гаишного «форда» выскочил сотрудник, приказывая жезлом остановиться. «Нет уж, дружок, — дал полный газ Судских, — давай сначала погоняемся, а то будешь потом говорить, что номеров не заметил, в аварии станешь обвинять. Фоллоу ми!» — и выскочил на эстакаду, не сбавляя скорости.

«Форд» рванул за «Волгой».

«Давай, давай, — подбодрил Судских. — Посмотрим, какие водилы ноне у ГАИ».

На эстакаде машин практически не было, и Судских несся по осевой километров под двести. «Форд» стал дожимать.

«Подмогу кликнет», — прикинул действия гаишника Судских и с эстакады, нарушая правила, ушел влево, прямо под бампером «каблучка», вильнул в знакомый по прежним ездам проулок и затерялся в ходиках между домами.

Какой гаишник снесет подобное оскорбление? Судских не питал иллюзий. Возмущение тем, что его, генерала из органов, подставили и гоняют по Москве, осталось на потом — будет случай, а сейчас, припарковавшись в тихом дворике,

он быстро свинтил номерной знак и заменил на другой из багажника.

«А теперь ищите, свищите во все ваши поганые свистульки!» — удовлетворился он проделанной работой и, не мешкая, стал выбираться на Садовое кольцо.

«Подсчитаем: за Трифом хвост, на меня облава с отягчающими обстоятельствами. Кто мог? Кому надо? — размышлял Судских. — С другой стороны, с трейлером я не прав: спровоцировал его. Меня скорее всего хотели придержать. Кому-то явно хочется отделить меня от ребят...»

Свернув на Горького, он связался со Зверевым:

— Миша, почему молчим?

— А только-только управились. Козлов в «Ниве» Бехтеренко сдал гаишникам за Черной грязью, а мы только что довели джип до деревеньки Карпово. Здесь красная такая дача, где Портнова с остальными встретила девчушка. Сейчас все в доме. Ждем Бехтеренко и ваших дальнейших указаний, — отрапортовал Зверев.

— Ждите меня. Подъедет Бехтеренко, пусть под любым соусом блокирует незваных визитеров на въезде в деревню. Как выглядит она? Жилая, нежилая?

— В основном здесь дачники, но кое-кто и зимой живет. У Портнова дом капитальный, кирпичный с одним входом.

— А другой въезд в деревню есть?

— Чуть дальше по трассе, Игорь Петрович, в сторону свалки. Мы обследовали, ваша «Волга» пройдет...

2 — 7

Густой ельник окружал Карпово с трех сторон, с четвертой к нему выходили корпуса ведомственного санатория. Десятка два добротных особняков вперемешку с обветшалыми домишками вдоль дороги составляли всю деревню. Двухэтажный коттедж Портнова стоял крайним у леса, тыльной

стороной к картофельному полю, а за ним шла трасса параллельно дороге внутри деревни.

Джип с группой Михаила Зверева проехал по трассе, по деревенской дороге, для обитателей особняка он не остался незамеченным. Связавшись с Судских, Михаил получил указание действовать напрямую, ведя переговоры с Портновым. Портнов согласился до приезда Судских Трифа не будоражить, категорически отказавшись впустить группу во двор. На том и разошлись: Портнов ушел в дом, группа Зверева дожидалась приезда Судских в джипе у калитки.

Группа Бехтеренко, подъехав, осталась на въезде в деревню; его джип просто стоял в колес — не объехать, не обойти, благо пока никто не покушался; другой джип занял позицию с другой стороны деревни, там, где трасса смыкалась с деревенской дорогой.

И Звереву, и Бехтеренко операция казалась слишком сырой, непонятной: брать — не брать Трифа, а если ждать, то зачем так нахально. Успокаивали себя одним: вот приедет барин, барин нас рассудит. Блокировали подъезды — ждем.

В доме Портнова также царило томительное ожидание. Без взрывных эмоций обсуждали вмешательство всемогущего УСИ и сходились во мнении, что из западни не вырваться и тягаться с генералом Судских резона нет. Сам Портнов надеялся кое-что выторговать для себя при обмене, вот только на что менять Трифа, он пока не определился.

Виновник суеты ни о чем не догадывался. Едва приехали, он изъявил желание приготовить еду, а чтобы дочь Чары не путалась под ногами, ее спланировали на кухню, чему она была вполне довольна: всех приехавших она знала, с ними было неинтересно, а дед Илья, как она сразу окрестила Трифа, сгодился ей для точки зубок, беззащитный и вежливый, да еще окруженный какой-то тайной, — это она поняла по поведению взрослых.

Лениво грызя морковку, она сидела на кухонном столе, качала ногой, ничуть не смущаясь, что кусок мяса рядом, а уж что Триф и картошку чистил, и овощи мыл, и у плиты

шурует кастрюлями-сковородками — тем болес. Она пребывала в том возрасте, когда занятия взрослых кажутся несусветной глупостью и куда лучше употребить время на ничегонеделание. А времени не меряно, но очень хочется побыстрее стать взрослой и показать всем этим «пенькам облезлым и драным кошкам», как надо жить. Старость в ее понятии начиналась с двадцати пяти годов.

— Дед, а дед, ты ведь шпион, а? — настырничала она.

— Шпион так шпион, — соглашался Триф, шинкуя морковку.

— Тогда тебя посадят, — утвердила приговор девчонка.

— Раньше посадят, Маруся, раньше выпустят, — не огорчался Триф, берясь за чистку лука.

— Я не Маруся, а Марья, а вообще-то правильно по метрикам — Мара, ты запомни.

— Запомнил: Мара Хайт, и оба мы шпионы.

— Какая Хайт, какие шпионы! — играла в возмущение Марья. — Ну, дасшь, дед! Ты меня не подставляй. Сам садись!

— А вот смотри: я шпион, меня не взяли, и ты на свободе, значит, и ты шпионка. Логично?

— Ни фигашечки логика! — будто бы озадачилась Марья. — Так ты меня, может, в блудницы запишешь?

— Чего нет, того нет, — вел беспредметный разговор Триф, сосредоточенно нарезая мясо. — Профессия эта древняя, а вы, мамзель, еще неошипанный цыпленок.

Марье развитие беседы нравилось, особенно в такой близости к щепетильной теме.

— А блудниц что, ошипывают?

— Жизнь это делает.

— А как это?

— Постепенно. Сначала волосы линяют, тело дрябнет, потом мозги...

— А потом?

— Потом женщина становится кандидатом в депутаты.

— А это зачем?

— А куда ж ей податься? Жизнь не сложилась, осталось в политику идти, — вертелся Илья у трех сковородок сразу.

— Ага, дед, теперь понятно, чего ради тебя ищут. Ты диссидент. Или ботало по-нашему. Ты устои государства подрываешь.

— Ботало так ботало, — съел и это Илья, полагая, что его сговорчивость утомит нахальную девицу от расспросов. Как же!

— А ты вроде и Святой церкви насолил, а?

— Ни в жисть.

— Насолил, насолил, — напирала Марья. — Я слышала, Чара Светке чего-то там про это говорила.

«А еще Чара говорила, что Марья — ужасная христианка», — вспомнил Триф.

— Пусть будет по-твоему, — искал мировую Триф, не ведая, что тинэйджеры не признают победы по очкам — только нокаут.

— Ты крамольничал, — заявила Марья.

— Согласен, крамольничал. Каюсь.

— Нет, так не пойдет. Ты должен получить наказание сполна, а то легко отделаться хочешь. Я тебе допрос учиню.

— Мария, а не очень ли ты палку перегибаешь? — решил защищаться Триф.

— Хочешь сказать, я наезжаю на тебя? Какие наезды, дед? Ты меня оскорбил!

— Чем это я тебя оскорбил?

— Сначала сам наехал на меня ложными обвинениями, а во-вторых, я — истинная христианка и крамольников не потерплю, а в-третьих, я здесь хозяйка, а ты неизвестно кто и хамишь мне.

— Т-а-а-к, — призадумался Триф. Нахальное дитя загнало его в угол.

— И как? — наблюдала за ним Марья, как боксер за поверженным соперником. — Ты давай-давай, отчитывайся.

— Это нечестно, — не успевал Триф со сковородками, не мог оттого сосредоточиться для отпора.

— Нечестно? — округлила глаза Марья и тяжелым ударом добила лежащего: — А вести с ребенком разговоры о проституции честно?

Триф дрожащими руками выключил газ, снял передник и сел, понуря голову, на табурет. Его часто били, но так нагло никто. Он, болезненно щурясь, смотрел на злорадное лицо Марьи, силясь найти в нем хоть капельку сочувствия.

«Если я сейчас не соберусь, не дам сдачи этой беззащитной нахалке, быть большому скандалу», — понял он.

— И ты считаешь себя истинной христианкой? — начал новый раунд Триф.

— Сомневаешься? Вот крест, — предъявила она из-под свитера нателный крестик.

— Этого мало. А знаешь ли ты Святое Писание?

— Дед, кончай приколы, лучше мясо жарь. И раскаивайся как следует. Стану я тебе рассказывать, что знаю, чего не знаю, — отрезала Марья.

«На козе не подъедешь», — еще раз убедился Триф.

— Беззаветная, так сказать, преданность?

— Хотя бы и так, — уклончиво ответила Марья, старясь угадать, откуда последует каверза.

— Одним словом, Библии ты не читала, христианских истин не знаешь, а считаешь себя истинной христианкой. А тебе не кажется, что именно тупого повиновения добиваются от людей как Церковь, так и коммунисты?

— Да чхать я хотела на коммуняк! Они были нужны для того, чтобы Святая церковь пришла к власти. Посмотришь через год. Им припомнят и снятие крестов, и осквернение храмов, все припомнят! И кара будет страшной.

— Это каким же образом? — натурально удивился Триф. — У коммунистов власть, армия, милиция.

— Это только кажется, дед, — отмахнулась Марья. — Мы, молодые, поможем Церкви. Коммуняк передадим, иноверцев и жидов из России выгоним. И тебя заодно. Ты ведь еврей, дед? — потирала свои ладошки Марья.

— Это уже проходили! — огрызнулся Илья, заново поджигая газ. — Еврейские погромы, черные сотни, поиски виновных. Было.

— Нет, так еще не было. Еще молодые своего слова не говорили. Мы вас, старперов, уму-разуму научим.

«А это не плоды собственных раздумий юной нахалки», — оценил сказанное Триф.

— Кто это вам напел, мамзель?

— Кто надо, — отрезала Марья. — А ты лично у меня на заметке, и лично я спрошу с тебя за скверну на Церковь.

«Вот и персональная угроза...»

— Понял, Христова молодежь святых отцов в обиду не даст?

— А ты как думал? — ухмыльнулась Марья, обнажив остренькие зубки.

— А истина как таковая молодежь не интересуется, да? — плел свои силки Триф, вполне спокойно управляясь теперь с готовкой. — Была бы драчка, было бы кого бить, на кого укажет учитель. «Юрарэ ин вэрба магистри».

— Переведи.

— Буквально: «Слепо следовать словам учителя».

— Верно мыслишь, дед. Учитель знает, кого бить. Наше дело не промазать. Так что готовься, дед.

Марья не успела отпраздновать победу.

— Кого это ты бить собралась, лахудра? — спросила вошедшая Чара. — Не очень ли ты распоясалась? Марш со стола!

— О, родное кумыкало пришло, — ворчливо огрызнулась Марья, слезая со стола. — Так и знала: только с умным человеком разговоришься, маманя вмешается...

Триф хмыкнул, отвернувшись к мойке. Они, выходит, были милыми собеседниками.

— Лапшу на уши вешай другим, — отрезала Чара. — Плела, небось, про юных воителей Святой церкви? Да, Илья Натанович?

— Ну что вы, — во весь рот улыбнулся Триф. — Мы все больше о пользе картина говорили.

— Вот видишь? — понравилась отговорка Марье. — А ты во всем только плохое выискиваешь.

— Я тебя слишком хорошо знаю, — не поверила Чара. — Нагловатенькое и подловатое чадо. Пользуешься тем, что жалею тебя, не могу по-матерински всыпать.

Марья, вспыхнув, покинула кухню.

— Доставала? — участливо спросила она Трифа.

— Не без того.

— Заметно... Понимаете, Илья Натанович, Машка с полгода назад вступила в отряд «юных христиан». Я сначала обрадовалась, не по улицам болтается девчонка, жить учиться по законам христианской морали. А послушала ее — ужаснулась: подростки, сведенные кем-то в банды. Я очень сомневаюсь, что за всем этим стоит Церковь. Под видом святой истины им вдалбливают в головы кодекс насилия и бесчестия!

— А почему вы не воспротивитесь? — выслушав, удивленно спросил Триф. — Так и до беды недалеко...

— Сложный вопрос, Илья Натанович, — стало печальным лицо Чары. — Я ведь Машке не родная мать, двоюродная тетка. Ее родители погибли три года назад, она досталась мне вполне сложившимся эгоистом. Девочка все принимает в штыки, и я в замешательстве, кое-как справляюсь с ней. Запретить ей посещать сходки, а что вместо? Я не сильна убеждать, а она не очень воспринимает нотации. Вы бы не взялись направить ее?

— В моем положении? — грустно усмехнулся Триф. — А что там, к слову сказать, происходит? Я ведь чувствую. Машина какая-то у калитки, вы все скованны...

— Врать не могу, Илья Натанович. К тому же Виктор попросил подготовить вас. Какой-то важный туз из органов прибыл за вами.

— Охо-хох! — так и сел на табурет ошарашенный Триф, прямо на пучок укропа.

— Только не ударствуйте! — успокаивала Чара. — Намерения у них мирные, будто хотят вас от Церкви уберечь.

— Час от часу не легче!

— Не могу судить, Илья Натанович, но что им всем от вас надо?

— Как вам сказать... — ушел в размышления Триф, задумчиво теребя передник. — Все беды на земле от дерзких. Как сказано в притчах Соломоновых: «Поучающий кощунника наживет себе бесславие и обличающий нечестивого — пятно себе. Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя, обличай мудрого, и он возлюбит тебя. Дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее, научи правдивого, и он приумножит знание». Я попробовал передать часть своих познаний мудрецам, оказалось: без умных обойтись можно, без послушных никогда.

— Я вас поняла. Однако власть не может обойтись без умных. Неужели вам не нашлось места среди советников?

— Это разные вещи, Чара. Если я стану подсказывать плотникам, какой высоты порог делать, — это одно, а говорить им, что дом, ими возведенный, плох, — это другое. Это — посягательство на приоритет. Проще говоря, я толковал Библию иначе принятых норм.

— Не поняла, Илья Натанович: по-моему, Библия — книга книг, где сокрыта величайшая мудрость.

— Вот именно — сокрыта. Бьюсь об заклад, вы не читали ее, как не читали Библию наши вожди — светские и святские.

— А верно! — засмеялась Чара. — Не читала. Так, слышала кое-что, цитатки кое-какие... А что вам в Библии не по нраву?

Триф вздохнул. Беседовать на эту тему не хотелось.

— К нам идут, — сказал он, выглянув в окно. На крыльцо поднимались Портнов и двое незнакомых людей.

Чара слегка поправила прическу и открыла дверь кухни.

Первым вошел высокий мужчина, худощавый, с приятным, не колющим, но пронизательным взглядом.

— День добрый, — сказал он и представился: — Генерал Судских.

Он посмотрел внимательно на Чару и остановил взгляд на Трифе, уверенный и располагающий.

— Илья Натанович, вам надо срочно покинуть это гостеприимное убежище.

— А обед я приготовил, не убрано тут, — засуетился, морща лицо, Триф. — Как-то некстати...

— Отобедаем в другом месте, — мягко настаивал Судских. — Я вызвал вертолет — это говорит о чем-то?

— А в Южном порту меня ожидает атомная субмарина, — грустно сострил Триф.

— Фарватер мелковат, — принял шутку Судских. — Благодарите хозяев за приют — и в путь.

В прихожей, вздыхая горестно, Триф надел куртку, мокроступы, попрощался со всеми разом и с Марьей отдельно:

— Прощай, дитя. И будь аккуратнее в выборе учителей. В Писании сказано: «Мудрость лучше силы, и однако же мудрость бедняка пренебрегается и слов его не слушают».

По личику Марьи, смазливому и озленному, отчего оно казалось мелким, читалось, что за словом в карман она бы не полезла, не будь здесь взрослых, особенно Чары, настороженной, как капкан.

— Да пребудет с нами Иисус наш, брат мой, — не удержалась Марья от ерничества. — Я провожу вас, — и первой выскочила из дома, опережая наставления Чары.

Портнов повел всех не к калитке, а к забору. Он шел впереди, за ним — Судских, Триф, замыкали шествие двое оперативников в камуфляже и Назаров. Поодаль, будто нехотя, пробиралась Марья.

— Боже мой, Боже мой! — хватался за голову Триф, поспешая за Судских. — Объясните, что происходит?

— Пока ничего, — отвечал Судских, — но по вашу головушку сюда прибыло несколько милицмейских машин, да едут два грузовика с юнцами, непонятно кем ведомые. Я побаиваюсь провокаций.

— А-а, это вы не знаете, а меня Марья просветила: это «юные христиане», защитники веры, — торопился Триф.

— Потом разберемся, — не вдавался в подробности Судских.

Об этих молодежных формированиях он знал и до поры до времени не придавал им серьезного внимания. Отнюдь не в церковных кругах родилась идея их создания, но ее подняли на щит сразу многие и демократы, и националы, чтобы, дескать, отвлечь молодежь от наркомании, хулиганства. Их поддерживали коммунисты, нашлись средства на воскресные школы и летние лагеря. Первые тревожные сигналы стали поступать недавно: молодежь учат обращаться с оружием, отряды «юных христиан» принимают участие в облавах на бомжей вместе с «милицией нравов».

— Веселей, веселей, — поторапливал Трифа Судских.

— В пору веселье, — с придыханием отвечал Триф. Путь по глубокому снегу давался ему с трудом.

— Идет! — оповестил всех Зверев, и все сразу разом услышали стрекот вертолета.

Они выбрались на картофельное поле, туда же снижался вертолет. И тут, обернувшись, Судских приметил Марью.

— А ты куда? Марш назад!

— Что вы, что вы! — замахала она руками. — Чешите себе по холодку! — И побежала прочь, но не к дому, а наискосок, к трассе, где у обочины стояли две «раковые шейки» и красная «Нива», толпились люди в защитной милицейской одежде. Но самое неприятное — два крытых армейских грузовика только что подъехали, перегородив трассу, из кузовов сыпались горохом горлающие что-то подростки.

— Веселей! — скомандовал Судских и потянул за собой Трифа. — Миша, вызывай Бехтеренко, прикрывай! Не стрелять!

Он подтолкнул к открытому вертолетному люку Трифа, помог ему забраться внутрь, влез сам. Вертолет тут же стал набирать высоту, оставив под собой оперативников, Портнова, Назарова, бегущих к ним людей в милицейской одежде, вперемешку с подростками, среди них скакала Мария.

— Улетели, гады, ушли, сволочи! — кричала она. — Дайте мне автомат! — почти визжала она.

Кто-то в защитной форме сунул ей автомат под руку:

— Палить-то умешь?

— А то! — резко передернула затвор Марья.

— Пали по этим, — подсказали Марье из-за спины.

— Стоять! — крикнул в сторону набегающей толпы Зверев. — Я майор УСИ Зверев!

— Мент поганый! — взвилась Марья. — Получай!..

Резкий треск прошел воздух, пули натолкнулись на преграду, оставшиеся на картофельном поле попадали в снег.

— Остановите эту сучку! — орал со снега Назаров. — А то не ручаюсь за себя, всех перемолочу!

— Что ж ты наделала, девонька? — отобрал у Марьи автомат подскочивший милицейский майор.

— Как что? — еще не остыла от горячки Марья. — Началось! Мне выдали оружие, я в отступников стреляла!

— Кто приказал? — обвел хмурым взглядом толпу майор. Он где-то потерял головной убор и прятал то одно, то другое ухо в воротник шинели.

— Мы христово воинство, ты нам не приказчик! — крикнул кто-то из подростков по-петушиному. Загомонили остальные.

— А ну заткнись, сопляки! — осадил всех подошедший от трассы коренастый мужчина в шлеме и камуфляже спецназа. — Жопу намять? — И выписал крикуну крепкого пинка. — С вами, желторотые, позже. Кто дал девчонке оружие?

В молчании слышен был только хруст наста: к лежащим на снегу спешили спецназовцы.

— Оружие к осмотру! — приказал коренастый.

— А кто вы такой? — спросил милицейский майор.

— Полковник УСИ Бехтеренко! Достаточно полномочий, сукин ты сын?

— По машинам! — фальцетом крикнул кто-то из толпы.

— Стоять! — передернул затвор полковник. — Больше повторять не буду: оружие к осмотру!

— Она вырвала у меня автомат! — протиснулся сквозь толпу милицейский сержант, судя по лычкам на защитной куртке.

— Чей это? — насупился полковник.

— Мой... Наш, — сдавленно ответил милицейский майор.

— Каплев, Запашной, взять мерзавца!

— Не имеете права! — встрепенулся майор. — Я вам не подчиняюсь!

— А я тебя спрашивать не буду, понял? А если бы не пацаны здесь, у нас с тобой другой бы разговор получился, понял?

— Вам придется отвечать за вмешательство в действия милиции по пресечению беспорядка, — не испугался угроз майор.

— Тебе, майор, погоны явно не по размеру, если беспорядок порядком называешь. Я тебя лично в порошок сотру, — прохрипел полковник. Старая вражда выплеснулась наружу.

— Не имеете права! — заорал с опозданием и сержант, выкручиваясь в руках спецназовцев. — Товарищ майор, вы скажите ему, скажите, как вон тот бородатый настаивал пацанам оружие дать! А вы еще сказали: «Не торопись», а бородатый взял у меня автомат, а вы промолчали, ну что ж вы, товарищ майор!

— Молчи, дурак! Что несешь? — спохватился майор, ища глазами за спинами подростков бородатого в застегнутой наглухо стеганой куртке и шапке с опущенными ушами.

— Ясен расклад, — процедил полковник, проследив направление взгляда майора. — Иди сюда, подстрекатель сраный!

Подростки заволновались. Раздались крики: «Учителя не отдадим! Убивайте, гады!»

— Цыц, щенки! — зычно крикнул полковник и дал короткую очередь вверх.

К нему подбежал спецназовец.

— Зверева насмерть, двоих тяжело, вызвали санитарный вертолет! — кратко сообщил он.

— Все слышали? — обвел взглядом разношерстную толпу полковник. — Доигрались?

Подвели бородатого.

— Тобой лич-ч-но заниматься буду. Чтобы пацанов не растлевал.

— Я Богу служу, перед Богом и отвечу, — с нагловатым форсом сказал бородатый. По виду, если не считать бороды, ему было лет двадцать пять.

— И в каком же сане пребываешь, охламэн? — не стеснялся на выражения полковник. Бородатый не ответил. Сплюнул.

— Майора, сержанта и этого в мою машину, — распорядился полковник. — Глаз не спускать!

— Не имеете права, не отдадим учителя! — загомонили подростки.

— Да пошли вы!.. — прекратил разговоры полковник и первым двинулся через расступающуюся толпу. На его пути оказалась Марья. Среди бледного личика алел пухлый ротик, потрескавшиеся губы подрагивали.

— А первую заповедь «Не убий» забыла? — спросил он и крепко взял Марью за рукав куртки. — Пошли, сучонка...

Марья в забытии повиновалась.

Толпа стала рассасываться. Милицейские рассаживались в свои «раковые шейки», молодняк полез в грузовики. Безучастные ко всему сидели в кабинах грузовиков водители. Отхаркиваясь, заработали моторы. На посадку среди картофельного поля заходил белый санитарный вертолет. В ранних сумерках он казался искрой уходящего дня.

2 — 8

Это было самым трудным — сообщить семье Миши Зверева о его смерти. Считалось, что в элитном УСИ практически исключены потери личного состава. Да, так было. Но железный обруч обстоятельств ту же и ту же стягивал привычный уклад понятий, чаще и чаще оперативники Управления сталкивались с сопротивлением и применяли оружие. Один убитый, двое тяжелораненых — это уже ЧП для плановой операции. Случайность?

— Нет, друзья мои, — завершал подведение итогов операции Судских. — Мы элементарно не готовы к экстремальным событиям. В стране уже десять лет экстремальность

стала нормой жизни, а мы полагаем наивно, что магическое «Я — работник УСИ» убирает автоматически все преграды. Люди разозлены и разобщены, прежние ценности и табу мало кого волнуют, и только случайность по-прежнему является доминантой поведения. Каждый надеется выбраться из критической ситуации благодаря случайности, верит только в случай, в знаменитое русское «авось» и ни перед чем не остановится, чтобы из грязи попасть в князи. С сегодняшнее печальное событие — не случайность, это закономерное проведение плана дальнейшего развала страны. Имена проводников этой политики мы пока не знаем. Наша задача — пресекать в зародыше любое вовлечение масс в беспорядки. Стандартных подходов нет.

Заместители и начальники отделов расходились молча. Как правило, вопросов никто не задавал. Подчиненных Судских приучал с самого начала работать самостоятельно. Остался полковник Бехтеренко.

— Что с девчонкой делать? — спросил он, едва все вышли. — Несовершеннолетняя, убийство при отягчающих обстоятельствах...

— Портнов очень просил за нее, — опустив голову, отвечал Судских. — Девчонка сирота.

— Этого к делу не пришьешь. На всю катушку дадут.

— Овца заблудшая! — отвернулся к окну Судских. — Давай-ка, Святослав Павлович, не опережать события. Все подследственные остаются у нас. Готовь документы в Генпрокуратуру, начинай следствие. — Он не знал, что еще сказать, попросту не хотел и закончил неожиданно: — Поехал я к Зверевым.

Первым к себе Бехтеренко вызвал майора милиции:

— Ну давай, майор, выкладывай, что-где-когда. Пой мне, одним словом: «Как ты очутился там, где я живу?»

— Ни на какие вопросы я отвечать не буду, — упрямо ответил майор. — Я выполнял приказ своего начальства.

— Использовал, так сказать, дорогу сюда на время для обдумывания. Так чей, говоришь, приказ ты выполнял? Генерала Христюка?

— Да, и говорить буду только в его присутствии, — выработал тактику майор.

— Ну, это мания величия, майор. А вот приказ говорить я тебе сейчас спрворю, — угрюмо усмехнулся Бехтеренко и набрал номер: — Генерала Христюка. Кто спрашивает? Полковник Бехтеренко, он в курсе, — и развел руками, показывая майору: нет никаких проблем. — Здравствуйте, генерал. У нас маленькая заминка, подопечный ваш кочевряжится. Даю трубку...

Майор взял трубку и по мере высказываний на том конце провода тянулся, как худосочный росток, вверх. Молча он вернул трубку, оттер испарину со лба.

— Тяжело младшим стрелочником? Так тебе и надо, раз мозгами шевелить не хочешь. Да ты садись, садись, в ногах правды нет, — милостиво предложил Бехтеренко.

— А где она, правда? — смотрел на него майор невидящим взглядом. — Христюк сказал, что это я из обычного рейда устроил чрезвычайную акцию, действовал вопреки оперативным данным.

— И каковы они были на десять часов утра?

— Я получил личные указания Мастачного, заместителя Христюка, в его присутствии, обезвредить разыскиваемого Трифа. Данные о его местонахождении по радиции сообщил лично Христюк. Тогда я выехал в деревню Карпово. Попутно мне придали еще восемь человек из дивизиона «милиции нравов».

— Кто распорядился послать туда пацанов?

— Не знаю. Я честно говорю.

— Вот тебе раз! Тогда откуда вы знакомы с отцом Мотви-ем, или судимым дважды Александром Мотвийчуком?

— Я его не знаю, — отрицательно замотал головой майор.

— Брось, майор, — жестко приказал Бехтеренко. — Запел, пой дальше.

— Но...

— Без но. Уверяю тебя. Мотвийчук расколется быстро, не бери грех на душу, на тебе первом кровь наших ребят.

— С ним меня знакомил тот же Мастачный за неделю до Рождества. Сказал, что Мотвийчук руководит отрядом «юных христиан», неплохо бы приобщать ребят к серьезной работе.

— Слушай, майор, ты что, полный придурок, не знал о розыске Мотвийчука? — заскрипел на стуле Бехтеренко.

— Знал.

— И не заявил об этом Христюку?

— Начальство и без меня об этом знало.

— И ты решил спеться со своим врагом заклятым, с тем, кого тебе отлавливать надо и днем и ночью, в пургу и ведро, пока в тебе хоть кровинка полощется?

— Не валите на меня все! — вскинул голову майор. — Мне было сказано, что Мотвийчук искупил свою вину работой с подростками.

— Какие моралисты в «милиции нравов»! — всплеснул руками Бехтеренко. — Этот охламон полгода назад замочил невинную старушку, а его в святцы вносят! Где логика, майор?

— Я выполнял приказ, — опустил голову майор.

— И рассчитывал, с рук сойдет. Навалитесь на бедного Илюшку, оттузите по печени, по почкам, остальное вас не касается. Так вас, ментов поганных, учат нынче служить народу?

— Меня этому не учили.

— На каникулах был? Врешь. Слушай, я тебе одну бумаженицу зачитаю для осветления памяти. — Бехтеренко поискал в папках и вынул листок. — Слушай, стенограмма выступления замполита Мастачного перед офицерским составом в годовщину создания «милиции нравов»: «... и я вам, товарищи, не советую миндальничать с нечистью. Хватайте всех подозрительных, нормальный человек по улицам не шастает, по вокзалам не ночует. При малейшем намеке на сопротивление — палочками по жизненно важным органам, чтоб долго не жил. Народ вас поддержит, хватит мириться с

отребьем!» Аплодисменты. А ты там был, ладошки бил. А если человек в беду попал, как Триф этот? Кому он навредил? Мозги отшибло? Козлы вы вонючие, а не «милиция нравов», лимита сраная. Я по твоей хारे вижу, что онучи на милицейские сапоги сменил. Или москвич, скажешь?

— Я тамбовский, — тихо ответил майор.

— Город-то исконно русский... И не волк ты тамбовский, а хорек! Еще и пацанов в беспредел тащите.

— Это не мы, — вовсе сник майор.

Бехтеренко резко выгнул шею, набычился, но сдержался. Вид майора был ему неприятен. Он вызвал охрану, а майору сказал:

— Ничего ты не понял, служивый. Вот тебе карандаш, бумага, в камере подробно все опиши в числах и лицах. Ведите его, — кивнул он охранникам. Старший показал глазами на майора: отобрать лишнее?

— Ведите, как есть, — распорядился Бехтеренко. — Трус. Но я думаю, совесть к нему вернется. Давай, майор, у тебя есть шанс стать порядочным человеком. Или просто человеком, а не козлом в мундире.

Закурив, выпив газировки из холодильника, Бехтеренко велел вести Мотвийчука.

— Отец Мотвий? — дурашливо осведомился он. — Или сразу по фене начнем?

— Лучше сразу по закону, полковник, — с наглостью ответил Мотвийчук. Борода не делала его старше, она лишь прятала отдельные участки лица. Видимыми оставались ныряющие в сторону рыжие глаза, острый и длинный нос с горбинкой, не переломанный пока за нахальство.

— По-людски хочешь? — притушил сигарету Бехтеренко, прищурился от дыма.

— А ты меня незаконно взял. Меня милиция ищет, понял?

Без комментариев Бехтеренко отвесил ему добрую оплеуху.

— Ты! Ты! — скособочился Мотвийчук. — Не имеешь права!

— Имею, — спокойно отвечал Бехтеренко, примериваясь, как бы выровнить наглеца оплеухой с другой стороны. — И вот почему. То, что ты с пацанами вытворяешь, грех куда более тяжкий, чем убийство старушки.

— Докажи сначала! — крутился вокруг оси Мотвийчук, прикрываясь обеими руками от кружащего полковника.

— Бережешь личико? Зеки тебе его пока не испортили... Не хочешь назад, да? Маманька, надеешься, вызволит?

— Не убивал я никого! — всхлипывал Мотвийчук. — Требую адвоката и передачи дела в руки милиции.

— Адвоката, говоришь? Есть у тебя адвокат: Зверев Михаил Иванович. Знаешь такого?

— Не знаю.

— Я подскажу: майор органов, которого сегодня глупая девчонка убила, а автомат в ее руки ты вложил.

— Это еще доказать надо, — упрямился Мотвийчук.

— И я о том же, — согласился Бехтеренко. — А пока суд да дело, будешь ты обычным подследственным. Идет?

— Так бы сразу, — распрямился Мотвийчук.

— А сидеть будешь в обычном предзаке. Идет?

— Нормально.

— А с тобой в камере будет еще человек двадцать стоящей братвы, которая будет знать, кто ты такой. Идет?

— Переживем. Бог терпел и нам велел.

Бехтеренко засмеялся откровенно, будто со щенком забавлялся.

— Слушай, Сонечка, так кажется, тебя мама в детстве звала? Блатным станет известно не только про старушку, но и про девятилетнюю девчушку, которую ты изнасиловал.

— Зачем наговариваете? — сменил тон и обращение Мотвийчук. — Не было такого!

— Али запамятовал? — Бехтеренко взял папку и держал ее на весу перед ним. — Здесь все. Ты садись, садись, — кивнул на стул Бехтеренко, перелистывая страницы. — И не удивляйся, что у нас твое дело. Неспроста, значит... Послу-

шай, если в памяти стерлось: 1996 год, дело номер двадцать два тридцать один по факту изнасилования Мотвийчуком Александром Витальевичем несовершеннолетней Бальтерманц Ирины Семеновны 1987 года рождения. Вспомнил?

— Так доказано, что не доказано! — вскочил Мотвийчук.

— Оклеветали, что ли? Нет, Сонечка, маманя тебя откупила за десять тысяч баксов. Может, и это наговоры?

— Я к делам матери отношения не имею.

— Ой ли? Тогда я тебе документик зачту: «Расписка. Дана настоящая Мотвийчук Н. В. Бальтерманц Ольге Давыдовне в том, что она обязуется выплатить Бальтерманц Ольге Давыдовне десять тысяч долларов за прекращение следствия об изнасиловании ее дочери Бальтерманц И. С. Подпись: Мотвийчук Н. В». И ниже: «Деньги в размере десяти тысяч долларов переданы мною Бальтерманц О. Д.». Что скажешь, кум мой окаанный? Умный народ евреи?

— Жиды проклятые! — заиграл скулами Мотвийчук. — Вот бы и судили их за вымогательство.

— Не получится, — вздохнул Бехтеренко. — В Израиль укатали.

— Это она специально дочь свою подставила, чтоб баксы сорвать, тварь!

— А ты наивный и слепой, да? На ребенка полез... Ладно, что ты со всех сторон урод, везде хочешь правым остаться, только учти: уркам объяснять свою правоту не советую. Они хоть и уроды, но до маразма не опускаются.

— Все беды от жидов, — вздохнул Мотвийчук, будто и не было уничижающей тирады полковника.

— Интересная тема, — согласился Бехтеренко. — Развивай...

— Религию подкинули — раз, гражданскую войну развязали — два, — загибал пальцы Мотвийчук, — при коммунаках грабили страну, а потом к себе свалили. — Он победоносно глянул на полковника, как бы призывая его: ты же русский, согласишься.

— Не соглашусь, — сказал полковник. — Ты главное забыл: сволочи ойстрахи на скрипочках поигрывают, а мы на днеп-

рогэсах надрываемяся, сволочи эйнштейны науку двигают, лившицы в правительствах заседают, и вообще они первыми у кассы, а нас, русских, оттесняют. И это еще не все: еврей еврейю ручку протягивает, наверх тащит, а русский русскому ножку подставляет. Оттого они, приплясывая «Семь сорок», у кассы встречаются, а мы в лучшем случае в центре ГУМа у фонтана с песней «Чому я не сокил, чому не летаю». Так?

— Дальше, дальше. — Губы Мотвийчука налились прежней усмешкой, а глаза наглецой.

— А дальше ты в СИЗО отпавишься, а евреи дальше поедут. Слабо ты теорию о еврейских кознях выучил. — Бехтеренко вызвал охрану: — Этого субчика с утра в СИЗО на полные тридцать суток.

Минуты не прошло, охранник появился снова:

— Милицейский майор в камере повесился!

Он протянул Бехтеренко листок бумаги.

— Твою мать! — выругался полковник, читая: «Я использовал свой последний шанс. В моей смерти прошу никого не винить». И ниже приписка: «Руководство отрядами «юных христиан» контролирует помощник президента Гуртовой».

— Как это случилось? — поднял глаза на охранника Бехтеренко. — Не уследили?

— Я же подсказывал! — оправдывался охранник. — Думал, он пишет, а оно вон как...

— Подсказывал, — помассировал затылок Бехтеренко, отходя с письмом к окну. — А я не поверил.

— Мотвийчука в СИЗО отправлять?

— С утра отправляйте. Этот не повесится, напрочь отмороженный. Твою мать... — выругался он еще раз.

«Надо Судских сообщить. Еще один подарок», — нехотя набирал Бехтеренко мобильный номер Судских.

Генерал откликнулся из машины: от Зверевых направлялся домой. Бехтеренко кратко сообщил о случившемся с майором и более подробно о посмертной записке, дабы смягчить трепку за недогляд. Судских самого мучили угрызения со-

вести, и рассказ Бехтеренко он выслушал без комментариев. Заметил единственное о Гуртовом:

— Я догадывался. Кое-какие факты были. Это потом. Ты что-то, Святослав Павлович, о Мотвийчуке молчишь.

— Наглеет малый, — живо откликнулся Бехтеренко. — Я его до утра поразмыслить оставил.

— А надо бы в оборот взять. Меня не столько сынок интересуется, сколько его мать. Она у нас давно на примете. Дама очень любопытная, имеет крупные связи. Я сейчас согласую с генеральным ордером на обыск квартиры Мотвийчуков, а ты просмотри информацию на мамашу. Как только ордер будет получен, выезжай. Нужен компромат, Святослав Павлович. Если мы не прижмем мадам Мотвийчук, она еще с ночи подымет такой хай...

— Обоснованный компромат или...

— Святослав Павлович, ты со мной не первый день работаешь и знать бы должен, что Судских законов не нарушает. Этических и моральных тоже. Просмотри информацию и найдешь прямой ход.

— Понял, — отвечая, покраснел Бехтеренко. Вспомнилось хамоватое поведение Мотвийчука, его остренькая физиономия, по которой он прошелся от души пятерней. Руки распустил! Не мог гаденыша морально придавить?

Все происшедшее за сегодня выбило из колеи, если не сказать точнее, что пятнадцать лет на службе в органах постепенно приближали день его душевного разлада. Все, чему его учили, что наработано практикой, разом свелось к нулю. Девчонка стреляет в своего защитника, великовозрастный балбес не боится ответственности, а за этим явно невидимые силы иезуитски перекраивают законы, без оглядки, по чьей-то прихоти.

В органы Бехтеренко пришел накануне ломки, но лейтенантом его несло в общей стремнине, старшие подсказывали фарватер, майором он лавировал самостоятельно, считая, что вот-вот вернутся стабильные времена веры в непогрешимость органов. Случилось другое: органы сами приспособились к

обстоятельствам, неслись по стремнине вместе со всей страной, и многое, на чем держалась стабильность, растерялось в хаотичном плавании.

Ему представилась битва, знаменосец впереди. Вот он сражен, падает, но знамя подхватывает другой...

«А в этих странных передрягах, когда неизвестно, где враг, кто в кого стреляет, до знаменосца ли? Упал, и ладно, свои руки не заняты обузой, себя бы спасти...»

Можно вписать смерть Миши Зверева в трагическую случайность, хамовитость Мотвийчука — в закономерность смутного периода, но поступок милицейского майора не вписывался в обыденные рамки.

Бехтеренко никак не мог заставить себя взяться за дела, все пытался додумать главное: что заставило майора наложить на себя руки? Совесть? Да было, чем ему защититься, оправдаться!

«У этого тамбовского бедняги противоядия не осталось. Не захотел в дерьме со всеми полоскаться. Чище нашего ушел...»

2 — 9

Среди постоянных обитателей комплекса в Ясенево полковник Бехтеренко занимал кабинет заместителя начальника Управления по оперативной работе. Он и считался первым заместителем генерала Судских, хотя кабинетных бдений не любил и при первой возможности исчезал с оперативной группой. Возможностей хватало, и Судских не корил его за отлучки. Бехтеренко был уважаем за опыт, знание всех видов оружия, техники, за смекалку в конце концов. Мозговики Судских, его сотоварищи по НИИ, позволяли себе подшучивать над нелюбовью Бехтеренко к компьютерам, но всегда приходили на помощь, если полковник путался в программах.

Ему всегда казалось, что информация сотрется, затеряется, куда привычнее картотеки, папочки, магнитофон; однако

Судских всю информацию велел загнать на дискеты, создал систему ключей и допусков, к скрытому недовольству Бехтеренко. Всякий раз он подсаживался к экрану компьютера, как садятся в кресло дантиста.

С третьей попытки он пробился в общую картотеку: на дисплее появилась информация, длинный список фамилий убегал вверх, и Бехтеренко стоически дожидался момента, когда появится нужная. Он мог бы спуститься этажом ниже, где колдовали мозговики, а в этот день с раннего утра присутствовал ас-компьютерщик Гриша Лаптев, но профессиональная гордость не позволяла. В свое время война в Чечне научила его полагаться сугубо на себя: не можешь сам — справятся подчиненные, не справятся они — всем хана. По-своему он ревновал Судских к разведке. Выходец из знаменитой «Альфы», Бехтеренко видел свою задачу несколько иначе, чем теоретически подкованный шеф: он должен получить четкую информацию, а раскапывать ее, стыковать узлы могли бы подчиненные. Это, мол, пройденный этап, не царское это дело в клавишах ковыряться.

«Вот она, голубушка!» — с облегчением остановил поток фамилий Бехтеренко и выделил нужную: Мотвийчук Н. В. Компьютер вознаградил его за терпение, и с первой попытки Бехтеренко получил досье на экране. «Все о Еве», так сказать.

«Мотвийчук Нина Владимировна, 1949 года рождения, не замужем, проживает в Москве с сыном. Четырежды была замужем: в 1967, 1974, 1979, 1988 годах. В 1997 году создала «Ассоциацию Великих Магов», является ее генеральным директором и главным магом. Образование: заочное отделение Педагогического института им. Крупской в 1969 году, вечернее отделение Университета марксизма-ленинизма в 1978 году. Послужной список: 1969 — 1970: 126-я школа, г. Москва, преподаватель начальных классов; 1974 — 1977: Ленинградский райком КПСС, г. Москва, секретарь-машинистка, завотделом, 4-й секретарь; 1977 — 1980: горком партии, помпомзавотделом, смотритель архива; 1980 — 1990: администратор санатория ЦК КПСС «Коммунист».

«Карьера рядовой партийной раскладушки!» — заулыбался понимающе Бехтеренко и стал считать дополнительную информацию, штрихи, так сказать, к портрету:

«Из партии вышла в 1990 году, тогда же уволилась по собственному желанию. На самом деле была уличена в краже мебели санатория. Дело о краже прекращено по личному распоряжению Лигачева Е. К. Гаданием и магией занимается с 1991 года. Ее услугами пользуются многие высокопоставленные лица, в том числе и служители культов. Прекрасная интуиция, наблюдательна, хитра, по складу ума — авантюристка. На учете в КГБ с 1971 года: валютная проституция. Работать осведомителем дала согласие без принуждения в 1972 году. Псевдоним «Штучка». В 1990 году с помощью работника КГБ подполковника Рыжнова В. И. пыталась выкрасть свое личное дело из архива. Расследование не проводилось. В 1991 году предсказала Крючкову поражение в случае путча. В 1993 году предсказала победу Ельцину в случае решительных действий. Ее фраза: «Танки не должны приближаться к Белому дому, вижу много крови», подсказала решение обстреливать Белый дом с моста.

Мотвийчук Н. В. приглашалась рядом известных политических деятелей, финансистов и коммерсантов к сотрудничеству в качестве советника. С 1992 года она принимала участие в различных крупных аферах. См. раздел X-5. В 1992 году она проходила по делу о «фальшивых авизо», в 1993 году по делу банка «Возрождение и прогресс», в 1995 году по делу ассоциации «Благо», в 1997 году по делу МММ. Во всех случаях обвинения сняты за недоказанностью. Тесно связана со многими криминальными структурами. См. раздел IX-8. В 1996 году приговорена группировкой «Бамат» к физическому уничтожению за подлог и разглашение коммерческой тайны. В 1997 году аналогичный приговор получила от русско-польской мафии. В обоих случаях откупилась. Суммы выкупа — около полутора миллионов долларов. Мотвийчук Н. В. имеет личные счета в нескольких зарубежных бан-

ках, где содержит более двух миллионов долларов. См. раздел X-17.

Мотвийчук Н. В. лично знакома со многими важными чиновниками госаппарата. Имеет практически прямой выход на президента через помощника Гуртового Л. О. С ним она познакомилась в Швейцарии в 1993 году, когда открывала счет в банке «Империял», в котором тогда работал Гуртовой Л. О. Она предсказала ему блестящую карьеру в случае возвращения в Россию. Она же способствовала его скорейшему продвижению. См. раздел XXV-3.

Сын, Мотвийчук А. В., 1970 года рождения. Постоянно проживает с матерью. Официально никогда и нигде не работал. Разведен. Семь классов образования. С 1988 по 1990 годы служил в СА, ВДВ в г. Каунасе. Служил в рембате, хотя любит рассказывать о своих невероятных подвигах десантника. До 1998 года постоянно носил камуфляж. За время службы сына мать много раз приезжала в Каунас, сделала все возможное, чтоб оградить сына от тягот армейской службы. Практически ему была создана синекура под видом лаборатории КИП.

Мотвийчука А. В. знают в солнцевской и балашихинских группировках, однако серьезно его не принимают из-за низких умственных и физических качеств. Кличка «Балабол». Имеет большое влияние на мать. Все крупные неприятности матери напрямую связаны с вмешательством сына в ее дела: любит давать безответственные советы. В 1996 году привлекался к суду за изнасилование. Освобожден до суда ввиду прекращения дела истцом. В 1999 году привлечен к суду за преднамеренное убийство. Бежал из следственного изолятора на второй день. Побег организован матерью. В розыске».

«Найден», — удовлетворенно подытожил Бехтеренко.

«По неподтвержденным данным, скрывается в одном из мужских монастырей. См. раздел XXV-12».

«Опять двадцать пять!» — досадовал Бехтеренко. Было почему. На всякий случай он поискал вход, нашел и получил

напутствие: «Закрытая информация. Введите код». С кодами у Бехтеренко дружбы не получалось. Как заместитель начальника Управления, он знал их, но всегда путался и попадал в дебри непонятных значков.

«Ну и ладно!» — не стал упорствовать Бехтеренко. Поразмыслив недолго, он все же решил повозиться с кодами. Минут двадцать кропотливого труда принесли плоды: Бехтеренко открылся раздел X. Он поразмыслил, может ли ему пригодиться этот раздел, и решил не мудрить с машиной: набрал фамилию гадалки, сделал запрос. Машина ответила взаимностью, выложила свежую информацию:

«Дело партии национал-демократов. Участие в нем Мотвийчук Н. В. В 1998 году казначей партии Мотвийчук Н. В. в сговоре с главным бухгалтером Бессоновой А. Д. подделала банковские документы, в результате чего двести пятьдесят тысяч долларов были переведены на личный счет Мотвийчук Н. В. в «Дженерал Банк», Бельгия. Разразился скандал, однако руководство партии пыталось замать его накануне выборов, договорившись с налоговой полицией. Бессонова, обделенная Мотвийчук, на компромисс не пошла и написала заявление в Генеральную прокуратуру, в котором честно созналась в пособничестве. Расследование вел прокурор по особо важным делам Басягин Н. К. Соучастие Мотвийчук Н. В. в афере не было доказано по причине неожиданной смерти Бессоновой А. Д. — кровоизлияние в мозг в результате падения на обледенелой улице».

«А рыбка-то еще та!» — ударил в ладоши Бехтеренко. Ему все больше и больше нравилось общение с машиной.

«...По нашим данным, Басягин Н. К. состоит в любовной связи с Мотвийчук Н. В., несмотря на разницу в возрасте: Басягин Н. К. 1968 года рождения. Назначение в Генпрокуратуру он получил по протекции Мотвийчук Н. В. в 1997 году. До этого он занимал должность заместителя прокурора Северо-Западного округа Москвы, принимал непосредственное участие в деле об изнасиловании Мотвийчуком А. В. несовершеннолетней Бальтерманц И. С. В настоящее время по

личному распоряжению президента РФ дело о финансовых махинациях в партии национал-демократов направлено на следствие. Ведет его прокурор по особо важным делам Коряковцев Н. И. Басягин Н. К. с 20. 10. 99 г. от дел отстранен и находится под домашним арестом по распоряжению Генерального прокурора. С Мотвийчук Н. В. взята подписка о невыезде, однако по подложному паспорту на имя Часовых Н. В. 06.12.99 г. она ходатайствовала о въездной визе в посольстве Бельгии. Ранее по этому паспорту она выезжала в США, Швейцарию, Бельгию, где имеет счета в крупных банках.

Мотвийчук Н. В. находится на особом учете. См. раздел 1 — 5».

В этот раздел Бехтеренко даже не стал входить. Там находились все те, за кем установлены категории наблюдения, прослушивание телефонов и так далее. Представление о подопечной он и без того имел полное. «Штучка» была еще та, прекрасный гибрид времени и нравов. Партийное прошлое и авантюрное настоящее породили беспринципность. «А мы здесь, Святослав Павлович, не от шоколада изжогу имеем», — вспомнилось вдруг, как отвечал ему Гриша Лаптев, когда он заходил в его лабораторию и подначивал насчет сидения у экрана. Такой вот телевизор: пару раз программек насмотрелся, порнушки всякой и спокойно дома объявляй: «Жена, ни с вечера, ни с утра ничего не будет, потому что ничего уже нет».

И все же настоящее требовало принимать решение.

«Интересная картина получается, — размышлял Бехтеренко, — мы берем Мотвийчук, обязаны передать после дознания Коряковцеву, а Гуртовой позже вытаскист ее, пользуясь доступом к президенту. Обелит мадам, президент поверит. Бесплатный труд получается?»

Он не успел додумать, что из всего этого получится: снизу сообщили, что ордер получен и опергруппа готовится к выезду.

— Только маленькая заминка, Святослав Павлович, Мотвийчук на допрос рвется, — доложил дежурный.

— Да пошел он к бениной маме! — ругнулся Бехтеренко.

— Понимаете, Святослав Павлович, Мотвийчук настаивает, говорит, что знает какую-то тайну.

— Блеф, — не сдавался Бехтеренко. — Сидеть не хочет!

— О Трифе...

Бехтеренко остыл. Куют железо, пока горячо — старое доброе правило. Он взглянул на часы. Допустим, минут двадцать — тридцать он потратит на сына... Ничего страшного не произойдет. Пока никто телефоны не обрывал, отпустить бедного мальчика не требовал, главная магэсса карами не мущала...

«Или как там будет правильно: магэсса, магиня?..»

— Давай, но пошустрес. Выезд отложить на полчаса.

Через пару минут Мотвийчук стоял перед полковником Бехтеренко. По виду не скажешь, что отсидка в камере с предстоящим переездом в СИЗО убила его наповал. Наоборот, он появился, ровно ничего не случилось, непотопляемый фрегат УРО — ни больше, ни меньше.

— Хочу сделать заявление, — сказал он с хитрецей.

— Делай, — выжидал Бехтеренко. Сесть не предложил, и Мотвийчук переминался с ноги на ногу.

— А что я буду иметь? — ухмыльнулся он. Повторная встреча представлялась ему несколько в ином плане.

— Бледный вид и макаронную походку, — отрезал Бехтеренко. — Делай свое заявление или проваливай, откуда пришел.

— Как же так? — пошел пятнами Мотвийчук. — Чисто-сердечное признание, то да се.

— Ты пришел делать заявление, сообщить некую страшную тайну, вот и пугай меня, а там посмотрим. Торг неуместен!

— Если так... — озадачился Мотвийчук.

— И только так! — поднялся с кресла Бехтеренко, надевая куртку.

— И про Трифа не надо?

— Через тридцать суток.

— А я раньше выйду! — нахально заявил Мотвийчук.

— Иди ты! — подыграл ему Бехтеренко. — А это видел? — показал он ордер, принесенный охранником. — Писец твоей заступнице-мамани, Генеральный прокурор подписал. За ней много чего накопилось, — сказал Бехтеренко, наблюдая, как серел на глазах великовозрастный нахаленок.

— Блин! — заплакал он. — А меня за что? Она сама накрутила, меня подставила, сука!

— Зачем же так на маманю? Боженька не поймет. Ты сам гусь хороший. Бабушку зарезал? Или, скажешь, не ты?

— Не я! — заорал Мотвийчук. — Не я!

— Тише, тише, — поморщился Бехтеренко. — Тогда кто?

— Мать.

— Ну ты даешь! Ты уж всех собак на мать не вешай.

— А вот вы послушайте сначала, — нервничал и торопился Мотвийчук, загребая бороду, тер рукавом слезы. — Эта бабуля, Софья Аполлоновна, учила мать гаданию. Они познакомились еще в девятиностом году. Она матери передала секреты гадания, какие не знаю, и мать вещи предсказывала. Тогда мать за Момотом была замужем, и Георгий, Момот, значит, сам магию хорошо знал, так она выведала у него еще что-то и стала применять в гадании, а Георгий страшно сердился, запрещал ей делать эти штучки, стал не пускать тех, кто гадать приходил. Тогда мать наняла чеченцев, чтобы его грохнули. И как-то так вышло, что Георгий с ними договорился, они его отпустили, а матери велели отработать должок, раз их потревожили. Она им сама предложила сговор: я буду знакомиться с теми, кто приходит гадать, получше узнавать их материальные дела и, если кто побогаче, вам сообщать. Выручку поделим. Клянусь, сам слышал!

— Наводчицей стала, — подсказал Бехтеренко.

— Вот-вот! — приободрился Мотвийчук. — И однажды чеченцы ограбили знакомую Софьи Аполлоновны. Ты выжила, серьезная тетенька была, не то что маманя, и приехала к матери. Либо, говорит, Нина, вы прекратите это бесчинст-

во, либо я вас прокляну. Так и сказала, сам слышал, она дальше входной двери проходить не стала и все платочком нос прикрывала. Маманя давай дурочку ломать, меня позвала, я, само собой, за мать, а Софья Аполлоновна меня змееыным назвала, блин... И вот тут она и говорит... Почернела вся, глаза — раскаленными углями... «Полчаса тебе небесных, кайся!» И ушла. Мы с матерью тогда разругались: я ей стал высказывать, зачем ей с чечной связываться, если она бабки крутые зарабатывает, мужиков крутых знает. Мать на меня: из-за тебя, говорит, я всю жизнь маюсь! Я плюнул на все это дело, ушел из дому и у подружки своей неделю кантовался. Там меня и накрыли: «Ты старуху убил?» А я ни сном ни духом. Утром мне свиданис с матерью дали. Я ей сказал: вытаскивай меня отсюда, как хочешь, или все расскажу следователю. Через день мне устроили побег. Мать умоляла никому ничего не говорить, обещала все устроить и дала мне десять тысяч баксов. А вечером меня увезли в монастырь.

— А где сейчас этот Момот? Они поддерживают связь?

— Не знаю. Триф знает, они дружили.

— А что ты о Трифе собирался рассказать?

— Он отдал матери на хранение бумаги, когда мы еще по соседству жили.

— Какие? — ковал железо Бехтеренко.

— Я не разбираюсь, что там, но последний месяц мать вела переговоры с каким-то Дейлом насчет их продажи. Он приезжал к нам. Мать просила двести тысяч баксов, Дейл давал только сто.

— А где они, бумаги эти? Дома?

Мотвийчук замешкался с ответом, Бехтеренко этой заминки было достаточно.

— Не дома. В хранилище банка «Империл».

— В Швейцарии?

— Какая там Швейцария! На Садово-Кудринской, сам с матерью ездил.

— Так, Санек, — почти по-дружески обратился Бехтеренко, — Расскажи-ка, что в этих бумагах.

— Цифры, записи на непонятном языке, знаки, в одной папке вообще галиматья, сказка или, кажется, легенда про Христа.

— Надо полагать, ты копию сделал, — утвердительно сказал Бехтеренко, и Мотвийчук, не удержавшись, сказал:

— Сделал.

— Где она?

— Дома. Без меня не найдется, — сделал попытку для торга Мотвийчук.

— Санек, дорогой, зачем тебе надрываться, скажи, где ты ее сховал, а мы возьмем. Ты уж пособи нам, чтобы паркет да кафель не ломать. Тебе же там жить, если все про старушку подтвердится, — щедро сулил Бехтеренко.

— А ладно, — расшедрился и Мотвийчук. — Только там деньги мои, не обижайте сироту, — опять нахально улыбался Мотвийчук, Бехтеренко только диву давался.

— Законность установим, хоть все твоё. Где тайничок?

— В моей ванной.

— Как понимать: у тебя своя ванна?

— Все цивилизованные люди имеют ванну, — наизидательно пояснил Мотвийчук.

Бехтеренко не сдержался:

— Выпускнику седьмого класса и коридора положена только параша!

— Да ладно вам сердиться, — стушевался Мотвийчук. — В ванной, за вентиляционной решеткой, тайник.

— Коротко и ясно. Чем еще хочешь душу облегчить?

— У матери есть счета за границей.

— Ведомо: в Швейцарии, Штатах, Бельгии. Что-нибудь потеплей давай, про «юных христиан», например.

— А что про них?

— Кто осуществляет руководство, Гуртовой?

— Нет. Гуртовой вроде замполита, а стросвой занимается лично Шумайло.

— Начальник охраны президента? — переспросил Бехтеренко.

— Он, — твердо ответил Мотвийчук. — Нас человек двадцать собирали вместе, он задачи ставил.

«Интересно», — отметил про себя Бехтеренко. Вслух спросил:

— А Церковь с какого боку здесь?

Мотвийчук хмыкнул:

— Вроде почетных гостей.

— Все выложил?

— Вроде пока все. Что надо, спросите.

— Вот теперь, Сонечка, можешь спать спокойно...

Выпроводив Мотвийчука, Бехтеренко не почувствовал удовлетворения: смерть Миши Зверева, а там и милицейского майора пятном лежала на мизерных успехах. В сумбурных мыслях он дал команду готовиться к выезду.

Машина бежала по заснеженным улицам Москвы, почти не освещенным. Бехтеренко делал вид, что подремывает. И говорить не хотелось, и старшего опергруппы недолюбливал...

— Подъезжаем, Святослав Павлович, — напомнил старший опергруппы капитан Смольников. Бехтеренко поморщился.

Поворот налево, направо в кривых коленцах переулков старой Москвы, еще налево, и машина подъехала к нужному дому.

Вопреки желанию подъехать тихо и незаметно такого не получилось: у дома парковалось штук десять милицейских машин с заведенными моторами, включенными фарами, заметной была суета; в подъезд заходили и выходили какие-то личности, по фасаду светились окна переполошившихся жильцов.

— Ты куда завез? — осознавал ситуацию Бехтеренко. — Как Смольников едет, так неприятности! — запыхтел Бехтеренко и, не удержавшись, назвал Смольникова «литератором», как звали за глаза капитана в Управлении.

— Выверено, Святослав Павлович, — с обидой оправдывался Смольников. — В этом доме квартира Мотвийчук Эн Ве...

— Оставайтесь на месте! — приказал Бехтеренко и вышел из машины, разминая затекшие ноги.

У подъезда его остановил старший лейтенант милиции:

— Кто будем, куда идем? — разглядывал он камуфляж Бехтеренко, закрывая проход.

Бехтеренко показал удостоверение.

— А, вот вы кто! — словно обрадовался он. — Тогда докладываю: с час назад позвонил неизвестный и сообщил, что у себя на квартире убита гражданка Мотвийчук. Знаете, гадалка такая известная?

2 — 10

Не хотелось будоражить шефа, а надо.

Судских прибыл на место происшествия через полчаса после доклада Бехтеренко. Не удивился, не огорчился, не устроил нагоняя своему заместителю за опоздание, сказал только: «Шутки нанайки», и стал осматриваться в квартире.

Жилье семьи Мотвийчук состояло из двух квартир: трехкомнатной и двухкомнатной. Последняя принадлежала когда-то убитой Софье Аполлоновне. Однако квартиру свою она обменяла с Мотвийчук года за два до смерти и помогла купить первую.

Высокие потолки, прочность столетней давности, евроремонт, после чего жилье становится тем, чем оно и должно быть — просторным, удобным, радующим. Продуманный дорогой интерьер: итальянская мебель, тонкая кожа с тиснением, портьеры ручной работы, хрусталь, картины; видео-, аудиотехника не лезет в глаза, просто дополнение к уюту.

Понятые уже ушли. Следственная группа прокуратуры заканчивала свои невеселые дела.

— А этот-то что здесь забыл? — тихо сказал Бехтеренко, указывая глазами на сидящего в кресле полковника из «милиции нравов».

— Ну как же, — серьезно ответил Судских. — Облике морале, убиенная общалась с духами и душами. Это он, вероятно, озабочен, что мы здесь забыли.

— Важного свидетеля убрали, — так же тихо говорил Бехтеренко.

— Чепуха, — сквозь зубы отвечал Судских. — Особой ценности для нас не представляет. Все деяния давно размотаны, как клубок. Аферистка. Не брали до особого случая.

— А вас интересует, что я выдоил из сынка?

Судских кивнул.

— У него тут тайничок имеется: копии бумаг Трифа.

— Я же сказал, — с улыбкой склонился к уху Бехтеренко Судских, — без мамы обоидемся.

— Надо проверить, — шепнул Бехтеренко.

— Давай, а я пока займу этого полковника. — И без околичностей Судских направился к объекту. Тот не потрудился встать, хотя обязательно знал, кто этот высокий мужчина в дорогом распахнутом пальто. Сидел, поводя неторопливо коленами из стороны в сторону, как будто до смерти все надоело.

— Полковников «милиции нравов» не учат вставать перед старшими по званию?

Полковник нехотя поднялся и с ленцой ответил:

— На вас не написано, Игорь Петрович, что вы генерал, и вас тут никто не ожидал. Могли и не пустить. Хотя вы у нас в любимчиках, вам постреливать в милицию можно, людей похищать.

— Да-да, — в тон ему отвечал Судских. — Служба такая у любимчиков. А вас, господин Мастачный, сюда прямо из казино «Арлекино» привезли или из постели Наточки Севеж подняли?

Полковник по-рачьи выпучил глаза, сразу не нашелся.

— Не сердитесь, полковник. Даю честное генеральское, что никто не узнает о взятке с управляющего банком Лодзейского и видеоролик подарю о той прекрасной встрече. И запись ваших с Наточкой Севеж разговоров подарю. В обморок

падать не надо. Велите вашим нравственникам убираться отсюда вместе с вами, а нам дайте заниматься делом.

Как слепой, Мастачный обошел Судских, махнул своим рукой и сомнамбулой двинулся на выход.

С уходом «нравственников» в квартире осталось всего трое, не считая Судских и вернувшегося с довольным лицом Бехтеренко. Старший следователь подошел к Судских. Он узнал в нем старого служаку из районной прокуратуры Синцова. Спокойно сказал:

— Мы управились, Игорь Петрович. На протокол взглянете?

— Сами в двух словах, — вежливо попросил Судских.

— Убита выстрелами в голову и сердце. Каждый смертельный. Смерть наступила более трех часов назад. Получается, преступник хотел, чтобы мы приехали сюда сразу. Вас, конечно, не ожидали.

— А как сюда нравственные попали?

— Бригада подъехала, нас встретили у подъезда. У Мастачного на руках был ордер на обыск.

«Странно, — отметил Судских, — Генеральный прокурор чего-то недоговаривает».

— Что изъяли подопечные Мастачного?

— Ничего. Это я вам уверенно заявляю. Вас не ожидали так быстро.

— Как преступник попал в квартиру?

— С вечера оставался. Ужинал вместе с хозяйкой, потом перебрались в спальню, но постель осталась неразобранной. Ссора между ними скорее всего произошла в спальне, кое-какие следы указывают на это.

— Отпечатки пальцев?

— В избытке. Как я понимаю, будем работать вместе, — в тоне полувопроса сказал Синцов.

— Почему бы нет? — без полутонов ответил Судских. — Ордер на обыск и арест покойной есть. Оставляю вам капитана Смольникова. При необходимости выходите прямо на меня.

— Меня это устраивает, — кивнул Синцов.

Судских знал его давно, знал как толкового специалиста и, если бы не возраст Синцова, переманил бы к себе безо всякого. Следователю прокуратуры Синцову было почти шестьдесят, он дотягивал ляжку до пенсии. Работал в обычном режиме — умно и ответственно, на жизнь не сетовал. Старая рабочая лошадка.

— Игорь Петрович, я для вас не открою секрета, если скажу, что покойная магэсса интересовалась многим и ею интересовались многие. Убийство не случайное.

— У вас есть рабочая версия?

— Есть скромная; скрывать от вас не буду, но хотелось бы кое-какие детали уточнить. И вот еще что. Ваше появление ожидалось с опаской.

— С чего вы взяли?

— Я услышал, как Мастачный распекал свистящим шепотом одного из своих: «Чего копаетесь, не хватало, чтобы нас опередил этот Судских, любимчик президента». Видите, какая ниточка?

Они обменялись понимающими взглядами, но не успели обменяться вопросами: Синцова оторвал медэксперт из его бригады:

— Извините, Петр Иванович, мы закончили. Можно убирать труп?

— Позвольте я взгляну, — попросил Судских.

Подняли простыню. Мотвийчук, одетая в спальный костюмчик из тончайшей бязи, лежала навзничь, словно выстрел бросил ее с огромной силой на пол. Посредине лба красовалась маленькая дырочка, рельефно схваченная по окружности запекшейся кровью. На рубашке расплылось густое темно-красное пятно, похожее на абсолютно симметричный раскрывшийся цветок. В глаза бросалась четкая полоса крема, густо нанесенного на лицо и шею, отчего след пули на лбу фиксировался резко. Красавицей Мотвийчук не была и в молодости — так, милашка: смерть вынесла на поверхность скрываемые изъяны и пороки; ночной костюмчик, цена ко-

торому шестьсот — восемьсот долларов, не скрывал обрюзгшего тела.

— Выстрелы с близкого расстояния, — заметил Судских, и Синцов кивнул:

— Они сидели друг против друга. Мотвийчук — на пуфике, убийца — на диване. Расстояние вытянутой руки. Поза убитой указывает на неожиданность выстрела. Первый был в сердце — шокое состояние, затем выстрел в лоб.

Судских кивнул и отошел.

— Спасибо, Петр Иванович. У меня пока вопросов нет.

Синцов как-то неуютно огляделся, сказал «до свидания» и пошел вслед за носилками. Судских проводил его и закрыл за всеми дверь. В квартире остались он и Бехтеренко.

— Ну, показывай искомое...

Бехтеренко повел Судских за собой. За гостиной, где все произошло, была другая комната не меньших размеров. В середине ее красовался трехъярусный мраморный фонтан с подсветками.

— Вот это да! — воскликнул Судских. — Все видел, а такое — нет.

— Я тоже получил массу положительных эмоций, — засмеялся Бехтеренко. — Красиво жить не запретишь...

— А умирают все некрасиво, — закончил за него Судских.

Через небольшую соединительную комнату Бехтеренко провел Судских на половину сына Мотвийчук. Если у матери на всех предметах лежал отпечаток самодовольства, здесь, несмотря на стильную мебель, уютом не пахло. Стандарт гостиной. Единственное отличие — большой глянцевый фотопортрет в цвете Артура Чипова, певца «иезус рока», кумира христианской молодежи. Зато в ванной обилие дезодорантов, кремов, кремиков и прочего говорило о том, что хозяин себя любит много. Ванна с гидромассажами, биде, а уж сам унитаз в виде раскрытой ладони выглядел царским креслом.

— Не умеем мы жить, Игорь Петрович, — опять засмеялся Бехтеренко. — В фонтанах не купаемся, в биде не полощемся, в унитазах себе отказываем.

— Не отвлекайся, Святослав Павлович, — напомнил Судских, хотя сам не без удовольствия двигал по мраморной доске умывальника флаконы, флакончики и даже прыснул на ладонь из черного массивного флакона — «Черный монах»... Элитарный одеколон...

Бехтеренко подставил стремянку, которая стояла здесь же за дверью, и вскрыл сетку воздуховода. Пошарив там тщательно, он повернулся к Судских:

— Обманул, сучонок!

— А зря вы так, Святослав Павлович, — насмешливо ответил Судских. — Тут секрет есть. Дерни за веревочку, сезам откроется.

Он потянул за ленту плетеной ткани, которая свисала из-под махрового полотенца, и в окне воздуховода Бехтеренко увидел сверток, вытащил его.

— Вон же леска под плинтусом, — без подначки сказал Судских, принимая увесистый пакет. — Еще что-нибудь маячит там?

— Шкатулочка, — подтвердил Бехтеренко, вынимая деревянный ящичек из-под цейлонского чая.

Бехтеренко спустился на кафельный пол, подошел к Судских, который разворачивал на мраморной туалетной доске пакет из плотной бумаги. Флаконы и баночки он сдвинул в сторону одним движением руки.

— «Миф о Христе»! — воскликнул он, вынимая первую папку. — Вот она, дипломная работа Трифа. Сам, оказывается, спер ее с кафедры. Тут, Святослав Павлович, и мои отпечатки пальчиков остались. А это... — читал он надпись на другой папке: — «Знаки Вотана применительно к сопоставительному тексту Кабаллы».

— А это с чем едят? — поинтересовался Бехтеренко.

— О, друг мой, Гриша Лаптев за таковой деликатес нам чай, кофе и ватрушки будет носить каждый день. Знаки Во-

тана — это магические символы... О! — воскликнул он, добравшись до третьей папки: — «Вертикальные ряды: числение и порядок». А за эту папочку в ресторан поведет!

Бехтеренко не стал выведывать, что это за вертикальные ряды, на кой они простому смертному. Папка была последней, и он поставил перед Судских ящичек с выдвинутой планкой. В нем лежали две пачки стодолларовых купюр, два перстня, цепочки и всякое женское золотишко.

— Хорошо упаковался юноша, — похвалил Бехтеренко. — А сам ведь ничего не зарабатывал, все у мамани таскал и выуживал. А потом и продал.

— Оприходуй все, Святослав Павлович, — сказал Судских, заворачивая папки обратно в бумагу. — Подымай ребят, понятых, делайте тщательный обыск по всем правилам, может, еще что-то подвернется. Я поеду пару часов посплю. С утра начнется катавасия, надо бы форму соблюсти...

Выйдя на улицу под мягкий падающий снежок, Судских задумался.

— Левицкий! — окликнул он проходящего мимо оперативника. Тот остановился, ожидая. — Поедешь со мной в Переделкино. Садись за руль и медленно-медленно. А я по дремлю в дороге.

Быстрее и некуда было ехать. Заснеженная Москва тонула в ночи, из которой проступали редкие фонари и тонкие колеи проехавших по снегу машин, в основном милицеских и оперативных, вдоль тротуаров под медленное топание лошадей изредка двигались разъезды хмурых невыспавшихся казаков в лохматых папах. «Волгу» Судских они провожали злыми взглядами как рудимент первопрестольной, которая вот-вот должна высвободиться от засилья самодовольного гадья, от смуты, из-под самой глупой цивилизации, не давшей России ничего, кроме потрясений. Вот они, казачки с нагайками, тут как тут, а столетие метаний псу под хвост. Все возвращается на круги своя, долги перечеркнуты, игра по новой, по правилам сдающего.

Казацкий урядник смело повернул мохнатую лошаденку на проезжую часть, пусть попробует «Волга» не затормозить...

Левицкий пропустил разъезд, опустил стекло.

— С Рождеством Христовым, казачки! — крикнул он весело.

— Па-а-шел ты! — откликнулся замыкающий.

— Правильно, — комментировал сквозь дрему Судских. — Не бери интеграла от лошадиной масти.

— Как это вы только сейчас сказали? — подыгрывал шутке Левицкий.

— Этот казачок думает, будто он сидит на коне бледном и несет миру очищение, а конь бледный... — Судских всхрапнул, проваливаясь в дрему. Левицкий теревить не стал, и четыре коня библейских прошли один за другим перед Судских, и почему-то не были они посланы гневом Божьим, а только круговоротом бытия, как за весной приходит лето, осень, зима...

За ночь снегу навалило порядочно. Левицкий и без под-сказки шефа ехал медленно, держась проложенной до него колеи. Городские власти не спешили расчищать заносы, то тут, то там у обочин, торкнувшись в снежный бордюр, мерз-ли машины чайников, частников, где с хозяевами, пытавши-мися оживить своих авточетвероногих друзей. Власти объявили крестовый поход против частной собственности, и, что говорить, времена засилья иномарок на трассах мину-ли: закрывались автосалоны и автостанции мировых автоги-гантов, нечего стало обслуживать из-за высоких пошлин, нечего продавать из-за дырявых карманов, и лишь отчаян-ные смельчаки цеплялись пока за лакированные крылья сво-их импортных ласточек; отечественные автозаводы, как обычно, гнали дерьмо, которое в порядке строгой очереднос-ти доставалось счастливчикам из масс.

Москва переживала последние часы перед поздним зим-ним рассветом, хмурая и невыспавшаяся.

— Подъезжаем, — разбудил шефа Левицкий.

— И чудесно, — потянулся на заднем сиденье Судских. Достал из карманчика в спинке сиденья бритву-жучок и стал меланхолически водить по щекам.

Дача УСИ в Переделкино представляла собой кирпичное сооружение в два этажа с башенками и эркерами. Когда-то им владел маститый писатель, уверивший в незыблемость советской власти, на приличный гонорар за песнь во славу этой власти он отстроил особняк. И выдохся. Особняк перекупил нувориш-банкир. И тоже выдохся. УСИ без напряжения выкупило особняк.

Охрана вычистила подъездную дорожку, и «Волга» после надрывной езды по трассе лихо вкатила прямо в распахнутые ворота.

— Чаем напоят? — осведомился Судских у старшего после его доклада о том, что происшествий нет, гости всем довольны.

— Обижаете, Игорь Петрович, — напустил обиду на лицо старший. — Как раз к завтраку.

— Держи, — сбросил пальто, а там и пиджак с рубашкой Судских на руки старшего. — Красиво жить не запретишь! — И взялся натирать себя свежим снегом, побрякивая и довольнo охая.

Триф встретил его у кухни-столовой. Поздоровались.

— Угощайте, Илья Натанович. Я вижу, вы здесь за кормильца, — кивнул Судских на деревянную лопаточку в руке Трифа.

— Я тут на питание не жалуюсь, — посчитал упреком слова Судских он. — Ребята молодцы, каждый умелец-повар, но я решил их гренками побаловать, какие умела одна моя бабушка готовить.

— А где наша Марья? — спросил Судских, оглядываясь в столовой.

— Ночует, — кратко изрек Триф. — Сутками ночует у себя в комнате.

— Оклемывается, — добавил старший охраны.

— Пусть, — кивнул Судских, усаживаясь за стол.

После завтрака Судских и Триф уединились в комнате, которая негласно считалась кабинетом генерала, когда он здесь обитал.

— Дорого я вам обхожусь? — участливо спросил Триф.

— Илья Натанович, — опуская витийства, спросил Судских, — вам имя Мойзеса Дейла о чем-то говорит?

— Не могу сказать... Вот если увидеть.

— А это узнаете? — выложил перед ним папки Судских.

— О-о! Как они к вам попали? Я давал их на хранение Ниночке!

— Там и взяли. Мотвийчук собиралась продать их Мойзесу Дейлу.

— Ниночка?

— За двести тысяч долларов.

— О-о-о!

— Вчера вечером ее убили в собственной квартире.

Даже на «о» не осталось у Трифа сил от изумления, смешанного с подлинным страхом.

— Вы можете связать ваши документы с ее убийством?

— Нет, никак не могу, — категорично ответил Триф. — У нее не водилось недругов. Убийство, Дейл, торги... Откажусь верить. Ниночка — ангел, добрая, отзывчивая, последнюю копейку отдаст. Как мы душевно с ней дружили!

— Как ни прискорбно, Илья Натанович, придется разрушить ангельский образ. Когда вы с ней познакомились?

— Сразу, как поселился на Флотской. В 1979 году.

— И в этом же году Мотвийчук отписалась в КГБ по новому соседу. Она ведь осведомителем была. Стукачом...

— Боже! Какие гадости вы говорите! — вскочил Триф.

— Тогда я прочту вам кое-какие выдержки из того доноса... — Из кармана пиджака Судских достал несколько листов бумаги: — «...эти записки он хранит отдельно от других под нижним ящиком газовой плиты». О чем речь, помните?

— Боже мой! — опять вскочил Триф. — А я то думал, куда они подевались. Понимаете, я тогда собирался диссертацию писать о раннем периоде христианства. С трудом ра-

зыскал запрещенную у нас «Хагиографию в лицах», сделал выписки, а книгу вернул владельцу. Да-да! В сентябре нас послали на картошку, и ключи я оставил Ниночке. Боже мой, это не она, это сынок ее подловатый.

— Проверено, Илья Натанович.

— А кто убил ее? Вы нашли убийцу?

— Пока нет. Это будет известно очень скоро. Скажите, Илья Натанович, а какие отношения у вас были с ее последним мужем?

— С Георгием? — уточнился Триф. — Или с Басягиным?

— А какой вам больше импонировал? — решил расширить свои познания Судских.

— Я раздружился с Георгием, — поджал губы Триф. — А Басягина видел всего два раза. Ниночке не везло с нашим братом.

— Почему вы так считаете?

— Ну как вам сказать... Допустим, Георгий. Приличный с виду человек, научный работник, я питал к нему симпатии, мы часто дискутировали о религии вообще, а историю и каноны магии он знал блестяще, я часто консультировался у него. Милейший, умнейший человек. И вдруг узнаю — Ниночку избивает. Только благодаря друзьям Ниночки его удалось выставить из ее же квартиры.

— И много друзей было у Мотвийчук? — чуть иронично спросил Судских. Триф не заметил.

— Очень много! К ней шли со своими бедами, и для каждого она имела слово утешения. Я почти уверен: убийство — дело рук Георгия.

— А чем она зарабатывала на жизнь? — не стал пока разубеждать Трифа Судских.

— Не интересовался. По-моему, вязанием на дому. Я ей старался чем-нибудь помочь. А с мужьями, я говорил, ей не везло.

— Да уж, Илья Натанович, — открыто усмехнулся Судских. — Ваш ангел зарабатывал гаданием и всяческим муклсжом. И такие деньги брала с клиентуры, какие вам и не

снились. Одна обстановка ее новой квартиры тысяч на двести долларов потянет.

— У Ниночки новая квартира? — изумился Триф не цене мебели, а переездом. — Выходит, я не увижу ее на прежнем месте... Ах да... — стал мыслить реально Триф. — Ниночку убили. Она гадала?

— Это все знали. А научил ее Георгий. И не было множества людей, приходящих за теплым словом, а была расчетливая нажива на людских печалях. Георгий понимал, что дал нечистоплотной особе средство наживы, стал мешать ей. Тогда она наняла бандитов. После этого вы виделись с Георгием?

— Всего один раз. Где-то через неделю после его изгнания Георгий позвонил и предложил встретиться в парке. Он обелял себя, я не верил, разговор был сухим. Тогда он, прощаясь, подсказал мне, что распускать Библию надо вертикальными рядами.

— Как-как? — не понял Судских.

— Это термин такой у дешифровальщиков. Любая книга тайнств содержит в себе зашифрованные тексты, которые подвластны самым-самым посвященным. Не зная ключа, скрытый текст прочесть невозможно, а Георгий, по моему убеждению, относился к высоким профессионалам. Его подсказка очень помогла мне в работе над «Вертикальными рядами».

— И вас не удивляло, что подлый человек открывает вам тайну?

— Еще как удивляло! Я потом часто намеревался разыскать его, но что-то останавливало меня. Может, обида за Ниночку, может, мои сомнения в неправоте моей. Не знаю. А потом начались мои злоключения. Я стал зайцем и только бежал, бежал...

— Скажите, Илья Натанович, а во времена вашей дружбы Георгий помогал вам в исследованиях?

— Да, конечно! Именно он подсказал мне, что тайну Апокалипсиса следует искать в Экlesiасте, после чего, зная счисления вертикальных рядов, можно расшифровать всю Библию.

— И вы знаете как?

— Да, конечно. И вам сразу скажу: нет в Библии ничего сверхъестественного, это скорее всего руководство для избранных.

— И что это сокрыто в Эклесиасте? — мягко подталкивал Судских Трифа к интересующей его теме.

— Э-э, какой вы... — не торопился Триф. — Аристотель гнев свой обрушил на ученика своего Александра Македонского за то, что он тайны богов открывал смертным.

— Я, выходит, не сподобился? — прищурился Судских.

— Не будем так, Игорь Петрович, — тихо ответил Триф. — Я обязан вам жизнью, отдам все свои знания, но, как сказано в «Книге начал», ученик должен знать исходное искомое и сам сложить квадрат магии, тогда тайна станет служить ему. Если ученик познает искомое, сложенное в квадрат магии, от учителя, тайна придавит обоих. Не будем нарушать высоких истин. Кто знает, какие силы подвигают их. А вот исходное искомое я вам дам.

— Спасибо и за это, — серьезно ответил Судских.

— Так вот. Есть несколько вариантов Библии, но искомым считается каноническое, то есть без вольных трактовок. Исходное здесь — это нумерация страниц и набор текста строго по оригиналу. Правая и левая часть каждой страницы разделена вертикальными рядами, это так называемые параллельные места. В тринадцатой главе «Откровений» сказано: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число это шестьсот шестьдесят шесть». Многие мудрецы ломали голову над этим магическим числом, сколько легенд возникло! А это всего лишь ключевой знак. Обратите внимание, что Эклесиаст расположен в Библии не вполне логично между Соломоновыми притчами и книгой «Песнь песней Соломона». Если вы поймете эту нелогичность, тогда тайна трех шестерок сама ляжет в вашу ладонь. А зная природу вертикальных рядов, можно, как говорится, смотреть далее по тексту. Вот и все.

— Я попробую, — кивнул Судских. Кивок вышел сухим.

— Ради Бога, не обижайтесь только! — горячо запросил Триф. — Вы должны понимать, что не хлебом единым жив человек и не все тайны могут стать достоянием массы!

— Не беспокойтесь, Илья Натанович, я буду достойным учеником, — успокоил его Судских.

— А что мне делать дальше? Я в неведении.

— Сегодня мы перевозим вас на постоянное место жительства. Там совсем безопасно, вы можете работать, как считаете нужным. У нас вы не в заточении — хуже будет, если вы попадете в руки авантюристов или, паче чаяния, к святым отцам.

— Даже под страхом смерти! — начал уверенно Триф, но Судских предупреждая выставил ладонь:

— Вы нужны живым, — и тут же переключил его внимание: — Телефончик Георгия помните?

— Да, там есть три шестерки, и он врзался мне в память...

Минут через пятнадцать, отъехав, Судских набрал этот номер.

— Он здесь больше не живет, — было ответом.

— А новый адрес не подскажете?

— Не подскажу. Будто бы он в Новую Зеландию уехал.

«Оригинал, — отметил Судских. — Все в Америку едут, а он в Новую Зеландию. Опять же получить визу туда простому смертному сложно. Выходит, не простой смертный Георгий Момот...»

Он связался со штаб-квартирой и дал задание установить, где нынче обретается Момот. Потом связался с Гришей Лаптевым.

— Ну как там, получается? — с легкой иронией спросил он.

— А помаленьку, Игорь Петрович, — в тон ему отвечал Гриша. — В конторе будете?

— Уже еду.

— Вот и покажу кое-что.

— А скажи, Гриша, тебе тайна трех шестерок ведома?

— На сегодняшний день — да.

— Посвятишь?

— Тогда это не тайна, — засмеялся Лаптев.

«Скажи-ка ты, клан причастных», — слегка обиделся Судских.

— Да вы и сами ее откроете, Игорь Петрович, — понимая многозначительную паузу, ответил Лаптев. — Она в Эклесиасте.

3 — 11

Президент и Гуртовой вошли в зал Президентского совета одновременно, и выглядело это так, будто Гуртовой на правах старшего распорядителя привел собравшимся виновного. Гуртовой, как всегда, нес свою голову по-верблюжьи важно, президент свою наклонил: свекольный цвет лица говорил за президента — были неприятные события.

В зале скопилось изрядно чиновничьей челяди, более пятидесяти человек, и каждый занимал внушительный пост, обладал большими полномочиями. Но самое интересное, никто ни за что конкретно не отвечал, имея возможность сослаться на промашки других.

Со времен Петра Великого, с разгона бояр и уложения двенадцати чиновничьих рангов по департаментам делопроизводства повелось на Руси отбояриваться от любых дел, даже таких, которые должно решать незамедлительно. Птенцы гнезда Петрова выросли, обленились; новые поколения пернатых чаще всего не имели тяги к полстам, превращаясь потому в сумчатых и мелкотравчатых. Коммунисты ничего другого не внесли в систему госаппарата, еще больше расстроив громоздкую пирамиду подотчетности, наивно полагая запугать огромную банду чиновников партийной ответственностью: у старшего стрелочника всегда есть младший.

В смутную эпоху перестроечных потуг госаппарат не только не уменьшился, но разросся до размеров динозавра: с маленькой глупой головкой, прожорливым огромным чревом, короткими ножками, медлительный и даже неопасный, но

он сжирал скромные запасы житного и мытного сам, ужесточал поборы и, разумеется, не собирался винить себя за прожорливость: я есть, кормиться надо. Служили в госсекторе все те же из партийного сброда, выходцы из народа. Они дено и ночью пробивались наверх, соскальзывали вниз под упорством спешащих наверх, снова прикладывали усилия, чтобы не остаться внизу, где нечем пожить. Назвать их дерьмом, они не обидятся, им не хватает времени на суесловие. Да, мы опарыши, говяяные черви, мы все одинаковы, и это наша Родина, а завидовать червям яблочным, сырным — нехорошо. Непатриотично.

Коммунисты, заново дорвавшись к власти, и не пытались сократить госаппарат. Везде были свои, а своих обижать нельзя. Россия доедала последние запасы, добирала алфавит для своих старших: все больше понадалось шубайсов, чумеек, черномордых, шахраев, явлинских народу авантюристов, все меньше Оболенских, Голицыных, все выглядели ущербными, с кисточками волос вместо шевелюр, с ужимками вместо манер, с рудиментом в штанах и аппендиксом в мозгах, но это короткошее, длинноносое, пахучее, похочее и охочее до жратвы животное было начальственной силой, если дело касалось дележа этой самой жратвы.

Президент сел во главе длинного стола заседаний и никак не мог начать говорилку, такую каждодневную и безрезультатную, даже если события случались экстраординарные. Президент вспомнил прочитанное недавно в Библии: «Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников...» Он оглядел этих начальников за столом, сидящих прочно, без тени сомнений на лицах, и не нашел, чем смирить свое раздражение, кроме как концовкой цитаты: «... а при разумном и знающем муже она долговечна». Его выбрал народ, поэтому он во главе стола.

Хотел он, вступая в должность, сбить команду из шевелящих мозгами — партия не дала: все тот же сброд, заведший Мишку Меченого в тупик. Борьку Ельцина сгубивший, да и

самой партии пришлось идти на поклон к попам, лишь бы выжить.

«Да и где взять шевелящих мозгами? — соображал президент. — Те, кто дорвался до власти в семидесятых, испохабив саму марксистскую идею, посылали своих отпрысков-недоносков в престижные учебные заведения, из них выросло племя потребленцев. А военные? В училища шли из деревень, пролетарское происхождение считалось главенствующим для отбора, тупицы вырастали в кондовых полковников, из самых кондовых получались генералы... А все потому, что идее не служат, нет веры. Все эти церковные прибабасы, как мой столь же тупоголовый отпрыск выражается, — сплошной нарядный анахронизм».

— Генерал Христюк, — перекипев наконец, обратился президент к начальнику «милиции нравов». — по какой причине вы занялись поимкой Трифа?

— О Трифе мне сообщил начальник вашей охраны, генерал Шумайло, — охотно отвечал Христюк, — решили проявить инициативу. И если бы не вмешательство генерала Судских...

— Судских получил распоряжение лично от меня, — оборвал словоохотливого генерала президент. — А с каких это пор начальник президентской охраны участвует в поимке преступников?

— Ни в какой поимке я не участвовал, — возразил генерал Шумайло, щеголеватый и вполне в себе уверенный: начальники президентской охраны довольно часто занимали императорские троны. — Была встреча с владыкой, он уведомил меня о Трифе, я соответственно предупредил органы милиции.

— Генерал Воливач, как вы объясните перестрелку в Карпово и потери вашего личного состава? — спросил он шефа Судских, но не столь пристрастно, чем прежних генералов: шеф разведок — это фигура опасная сама по себе.

Воливач отвечал также без робости:

— Слишком много было действующих лиц, господин президент. И совсем не вписывались туда мальчишки из «юных христиан». Вот и накладка.

— Накладка? — язвительно переспросил президент. — Это начало войны между вами и милицией! Хотите повторить девяносто восьмой год? Не завидую.

— Да что вы, господин президент, какая война? — не скрывал веселости Воливач. — Для войны враги нужны. А мы все свои...

Он явно намекал на те же события, когда милиционеры вышли на Красную площадь с требованием лучшей доли: нормальной зарплаты, условий существования, возможности наконец исполнять свой долг. Тогдашний президент-либерал распорядился прекратить бунт любыми средствами, но без единого выстрела. Воливач эту задачу поручил тогдашнему полковнику Шумайло, который проутюжил площадь танками в одну ходку из конца в конец. Сменилось начальство, для лучшего управления милицию разделили на муниципальную, региональную и так далее, а герой тех событий вышел в генералы, а там и новую епархию получил — охрану президента.

«Хорош солист, — подумал президент о Воливаче, хотя занимал его воображение Шумайло. — Ладно, ребята, вы скучковались против меня, я себе тоже компанию найду».

— Я бы не хотел давать случившемуся широкий резонанс, — высказал пожелание президент, которое явно устраивало всех. — Какие будут предложения?

— По-моему, девчонку эту надо отпустить восвояси, а виновных милиционеров судить закрытым трибуналом, — предложил первым Христюк. И это всех устроило.

«И никто не возмутился, не дал собственной оценки происшествию! Это же преддверие гражданской войны! — остро почувствовал президент. — Вот сидит председатель Совета по гражданской обороне Охрименко — молчит, согласен; председатель Совета по патриотическому воспитанию молодежи Щербина — согласен, не хочет ссориться с Гуртовым;

председатель Совета по национальной обороне Яривский не хочет иметь врагом Воливача. Мама моя, хохол на хохле, выродилась нация, ни одного русского, а уже голоса раздаются, что опять евреи виноваты. Там, где прошел хохол, евреею делать нечего. Пауки в банке! Нет, ребята, надо мне полюбить другой гарем...»

— Все свободны, — буркнул президент.

Остался Гуртовой:

— Владыко напоминает о своей просьбе относительно Трифа.

— Завтра в десять пригласите Воливача и Судских.

— В десять у вас встреча с президентом межбанковской ассоциации Мойзесом Дейлом. Нам обещают кредит, — напомнил Гуртовой.

— Тогда Воливача и Судских на тринадцать.

— В тринадцать встреча с премьер-министром.

— Прекрасно, — нашел выход президент. — Пусть премьер встречается с этим бизнесменом. Воливача и Судских на десять.

— Протокольная встреча, — не уступал Гуртовой.

— Протокол существует для первых лиц и коронованных особ! — обрубил президент. — Я позже к ним присоединюсь.

Гуртовой ушел с недовольной миной.

Назавтра без пяти десять Воливач и Судских были в приемной президента. Гуртовой извинился перед ними, кивнув на трубку.

— Я полагаю, господин Дейл, встреча с премьер-министром, к которой позже присоединится президент, будет более плодотворной. Итак, в тринадцать в голубой гостиной Кремля.

«Дейл? — удивился Судских. — Это интересно...»

— Мойзес Дейл — пробивной парень, — на ура начал атаку Судских. — Везде успевает.

— Вы правы — лаконично ответил Гуртовой. — Предлагает льготный кредит. «Все равно УСИ будет известно», — подумал он.

— «Да, — как бы читал его мысли Судских. — Но до или после — это существенно».

С первым ударом напольных часов Гуртовой впустил их в кабинет президента.

После рукопожатий президент пригласил Воливача и Судских к овальному дивану в дальней стороне и начал без обиняков:

— Прошлый раз, Игорь Петрович, вы достаточно интересно рассказали мне о Трифе и его исследованиях. Теперь я хочу услышать не менее интересный рассказ о последних событиях. И, хотелось бы, искренний.

Судских кивнул, по интонации голоса распознав, что не менее интересные события произошли в окружении президента, хотя Воливач об этом не обмолвился.

— В данный момент Триф у нас, ситуацию мы контролируем, — кратко ответил Судских.

— А как там его труды?

— Могу вас порадовать, господин президент. Вы можете прочесть «Миф о Христе», — сделал маленький поклон Судских.

— Прекрасно. Доставьте с нарочным ко мне на загородную дачу, — попросил президент. — А какого рожна вмешалась «милиция нравов» в поимку Трифа? Я вчера не получил заслуживающего ответа. Церковь — ясно, а милиция?

— И даже генерал Шумайло, — подсказал Воливач.

— Я Гуртового о посредничестве не просил, — раздраженно опустил углы рта президент.

— Но Шумайло, подключая Христюка, использовал информацию как ваш мандат, а мальчишек привезли в Карпово вовсе по его личному распоряжению.

Президент чувствовал себя неуютно. Надо искать союзников, а приходится буквально оправдываться.

— Что вы намерены делать? — спросил он, закрывая щепетильную тему.

— Хотим дождаться развития событий, — ответил Воливач.

— Виктор Вилорович, у меня просьба лично к вам, — обратился к Воливачу президент. — Я наслышан, что стрельбу открыла девчонка из отряда «юных христиан»...

— Не совсем так, — поправил президента Воливач. — Она действительно входит в один из отрядов, но там оказалась случайно. Автомат ей подсунули, спровоцировали.

— Примите мои соболезнования.

Президент встал, поднялись Воливач и Судских.

— Семье погибшего будет назначена персональная пенсия.

Воливач и Судских поблагодарили, обменялись быстрыми взглядами. Жертвы были и раньше, но до персональной опеки пока не доходило. Президент начинал какую-то свою игру.

— И мне хотелось бы замять инцидент, — пригласив садиться, сказал он. — Чтобы девчонка не пострадала, чтобы ее близкие... В общем, вы понимаете.

— Боюсь, подчиненные не поймут этого, — сказал и поджал губы Воливач.

— Какой крови хотите вы? — прямо спросил президент.

— Опасно оставлять молодежь в руках авантюристов, — опередил Воливача Судских. — По сути дела, отряды «юных христиан» используются в корыстных целях, и это далеко не потешные полки.

— Кто конкретно направляет отряды? Будьте откровенны.

— Ваш помощник Гуртовой через генерала Шумайло.

— Гуртовой? — усомнился президент.

— Проверено, — усмехнулся Воливач. — И мы просили бы вас разрешить нам самим разобраться в этом.

— Каким образом?

— Осмотр лагерей, знакомство с наставниками, выводы и наше участие в судьбе подростков, — перечислил условия Воливач.

«Тогда пацаны попадут под контроль Управления разведок, — понял президент. — Хорошо это или плохо?»

А ничего другого ему не оставалось. Он искал дружбы и защиты именно у этого ведомства. Отступить некуда.

— Разумно, — кивнул президент.

— А историю со стрельбой следует рассматривать как халатность руководства «милиции нравов», — закончил Судских.

Президент, помедлив, опять кивнул. Торг состоялся.

— Вся эта ведомственная возня никому не нужна, — заговорил президент, ища перехода к другой теме. Судских выручил:

— Я слышал, господин президент, у вас назначена встреча с Мойсесом Дейлом? — Президент кивнул. — А он очень интересовался работами Трифа и даже договаривался купить их. И хорошо платил.

— Батюшки! — всплеснул руками президент. — Всемирный переполох в святом семействе! Право слово...

— Мы подозреваем, — уточнил Воливач, — Дейл работает на израильскую разведку.

— И есть с чего переполошиться всем, — продолжал Судских. — Если будет прочитан зашифрованный текст в Библии и станет известен многим, не избежать глубоких потрясений, господин президент. Мир может пойти по другому пути развития.

— Ходили же, — грустно усмехнулся президент.

— А это было predetermined, — усмехнулся и Воливач. — Не случайно еврейский Бунд принимал активное участие в событиях семнадцатого года. О результатах говорить не приходится.

— Не ищем ли мы легких объяснений нашим просчетам? — почувствовал раздражение президент.

— Нет, — твердо ответил Судских. — Россия всегда путала карты мировому сообществу своей особой позицией и самостоятельностью. Можно говорить о загадочности русской души, но путь развития Россия выбирала сама и евреям не доверяла.

— Знакомо: «Протоколы сионских мудрецов». Фальшивка жандармского ведомства, — не придавал значения президент этим словам.

— Не совсем так, — мягко возвращался к прежней теме Судских. — Скандал в святом семействе первым начал патриарх Несторий еще в пятом веке. Он усомнился в божественном происхождении Иисуса Христа, и несторианство вплоть до десятого века имело широкое хождение, пока Святая церковь не принялась жестоко карать за подобную ересь. Инквизиция начиналась с этого. Несторий принимал христианство как учение, но отвергал Библию как основу и принадлежность Христа к евреям, давая тем самым хороший козырь исламистам. На Нестория ссылаются и Морис Жюли, антисемит по природе духа. В 1829 году он написал «Диалог Монтескье и Макиавелли в аду». Это и был провозвестник «Протокола сионских мудрецов». Морис Жюли основной мыслью провел стремление иудеев править миром и не всегда достойными методами.

— Богом избранный народ, — согласился президент.

— А Триф раскопал подтасовку, — заключил Судских.

— По-моему, это не столь существенно для вселенского хая, — высказал свое мнение Воливач. — Назовут Трифа еретиком, осудят, как Салмана Рушди за «Сатанинские стихи», и все забудут.

— Боюсь, забытья не будет. Как-никак начало тысячелетия, — не согласился Судских, но развивать тему не стал.

И лишь когда они с Воливачом возвращались после аудиенции, тот спросил Судских:

— Посвяти меня в свои опасения.

— В Апокалипсисе сказано о рождении младенца, которому предстоит повести людей другим путем. Если изначально считать падение звезды Полюнь — аварию на ЧАЭС, этот младенец вот-вот родится или уже среди нас.

— А не пора ли дать слово самому Трифу?

— Мы не готовы, Виктор Вилорович. Во-первых, Триф не собирается выкладывать тайны, словно карты в пасьянсе, а потому сначала следует самим приблизиться к ним, просчитать с предельной точностью и осторожностью.

— Будь твоя воля, — раздумчиво сказал Воливач.

Несколько минут ехали молча. Наконец Воливач приступил к тому, о чем давно хотел поговорить с Судских, определиться:

— Игорь Петрович, а не пора ли нам поговорить о том, что мучает обоих?

— Не первый день вместе, — ждал продолжения Судских.

— Ты понимаешь, о чем я, и нам обоим нынешний расклад не по душе... Спросишь: а не одни ли органы затевают переворот без других? И тут ты прав. Есть умные люди. И сила теперь только у нас.

— Но что это даст? — решил открыться Судских. — Опять кровь? Возьмем власть, а потом?

— Суп с котом. Сам Бог нам Трифа посылает...

3 — 12

Конец разговора с Воливачом не давал покоя Судских до самого Ясенево. Отвергать откровенность шефа нельзя, как нельзя и не дать положительного ответа на недвусмысленное предложение. «Но что это даст?» — задавался прежним вопросом Судских. Ему ли не знать, что страна физически и морально устала от свар, от псевдопатриотов, от болтунов, от элементарных бездарей и недоучек, волей случая оказавшихся на верхушке пирамиды. Когда-то сам Судских верил в теорию смены поколений. Выучится в кембриджах, в оксфордах молодняк, вернется и... Оказалось, что это казалось. Возвращающиеся назад с мозгами и деньгами не могли пробиться к власти: их попросту не подпускали к ней, как свиньи не подпускают гусей к кормушке. Возня у корыта была грязной, но свиней мало заботило, что из них не получится миндальное пирожное...

Однажды Миша Грязнов, царство ему небесное, Аркадий Левицкий и Гриша Лаптев заспорили о сущности власти в

современной России. Не придя к согласию, они позвали в арбитры Судских. Михаил был сторонником жесткой политики, Аркадий уповал на умный молодняк, а Григорий пытался доказать обоим, что из этого ровным счетом ничего не получится при существующей системе числителя и знаменателя, пытался втолковать им свою формулу линейной зависимости. Судских выслушал Михаила с Аркадием, не отказался от крепкой руки и молодых мозгов, затем предложил выслушать Григория и его знаменитую самопальную теорию. «В нынешней России, — охотно взялся за урок Гриша, — человек приходит к власти полным нулем, поскольку интеллигент максимум во втором поколении, а папа, бывший обкомовский босс, в зачет не идет, и легальных капиталов нет. Помноженный на власть, он так и остается нулем по законам арифметики. Это знаменатель. В числителе имеется Россия плюс капитал. Поделенная на нуль, она сама ничего собой не представляет. И все мы имеем в результате нуль, при всем при том, что с каждым годом наш числитель уменьшается. И как ни меняй знаки, от перемены мест сумма остается нулем». «А если человек станет единицей? Допустим, Егор Гайдар пришел к власти, имея достойную родословную», — усомнился Судских. Всерьез он Гришины витии не принимал, хотя... Послушаем: «А кто это вам сказал, Игорь Петрович, что в шестнадцать лет рубать головы братьям, будучи командиром полка, — это достойная биография? Для советской власти — да, но мы нуль уже имели от такой биографии. Внучок столь же бесшабашно, как дедушка, пустил в распыл страну. В принципе он дал дорогу колбасе, но не державе, не нам с вами, нас он не защитил от вора. Как говорят одесситы, Егорушка правил на голом понте. Но давайте вернемся к его легендарному деду — очень хороший пример для понимания моей формулы. Дед Егора, вне сомнений, был талантливым человеком, но был порождением советской власти, всего себя посвятил ей. И я совсем не уверен, что Аркадий Гайдар погиб от шальной пули: шибко много думал, а по

складу ума он относился к тем, кто рано или поздно делает ревизию своим убеждениям. А его убеждения покоились на формуле: «Ночь простоять и день продержаться», а там наши подойдут. А нашим самим надо ночь продержаться и день простоять. И дедушке Сталину этого хотелось, и дедушке Хрущеву, и дядьке Леониду Ильичу — всем остальным, кто добирается наконец до власти. Это и есть линейная зависимость. Потому что за день у власти удобно карманы набить, ночью припрятать, а с утра объявить народу, что хотелось как лучше, а получилось как всегда».

Судских посмеялся со всеми. Однако Гриша Лаптев был трезвым аналитиком, и даже шутейное изложение его формулы имело весомую долю серьезной реальности. «Ладно, Гриша, — сказал он, когда все насмеялись вдосталь, выложили все подначки, — тогда у тебя должна быть формула «как лучше». «Есть, — твердо сказал Григорий. — Прежде всего Россию нельзя брать ни в числитель, ни в знаменатель. Это символ, коэффициент, а еще точнее — ординатор, то бишь упорядочитель. Помните систему чисел Гамильтона и его знаменитый «оператор»? Так вот, он вывел каноническое уравнение механики, то бишь вечное. И как ни оперируй внутри уравнения, какие нули ни перемножай, оператор Гамильтона всех и вся выводит на чистую воду. Есть Россия во главе угла, все остальное приложится. А Россия — это вера. И своя. А не заемная. По Христу у нас не получилось, формула раскладывалась на «грешили-каялись-грешили». По Марксу — «грешили-не каялись-грешили» — тоже ничего не вышло. Попробовали как у них нынче: «каялись-не каялись, но грешили» — еще хуже стало». «А ты, предтеча новой веры, что предложишь? — не выдержал Миша Грязнов. — Не грешить и каяться?» «Нет, друг мой, — хитровато усмехнулся Григорий. — Я вам прежде всего напому слова академика Павлова: «Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и оперирует ими». Вот отчего у нас формула не складывается, оператор у нас хлипкий больно. Сколько времени на болтовню загублено!» «Оно и видно, — хмыкнул Левиц-

кий. — Мозги нам полощешь больше часа, а дела так и не видно». «Ошибаешься, — возразил Гриша. — Мое дело движется: я ведь ждал, пока программа зарядится. Извините уж, Игорь Петрович, что занял вас досугом, но вас в арбитры пригласили двое этих горячих, а не я. Но я бы сказал, что у нас к власти допускают со словами, но не с делами, оттого и мучаемся. Возьмите любого нашего посткоммунистического лидера — слова, слова, дела его никто не видел, ему не за что отвечать. Ну, не получилось! Хотел же! Охламоны! Упыри! А было бы дело, по нему судили бы, стоит такого к власти пускать». «Гриша, ты все же проконсультируй меня, почему Европа ли, Штаты ли с Христом и без Христа развиваются, а мы свой воз свезти никак не можем?» — спросил Судских и вполне серьезно. «Игорь Петрович, зачем вам консультант? Бьюсь об заклад, что задай вам этот же вопрос, вы найдете ответ без консультаций на стороне», — ответил Григорий столь же серьезно. «Однако хотелось бы послушать тебя, если ты взялся выводить нас на прямую дорогу цивилизации», — вмешался Левицкий и тоже без юмора. «Друзья мои, ответ прост. Мы пока не жили без крепостного права, а за бугром люди давно наработали кодекс существования. Прошли Дикий Запад, договорились с Ближним Востоком, уравнили грех и благо, вот и живут. И разве не понятно, что мы у них бельмо на глазу со своей нестабильностью! Мы лет на сто от них отстали, мы для них уроды, недоумки, пещерные жители, и сникерсы нам не помогут, и ракеты, и наше умение из грязи в князи перевоплощаться. Они давным-давно сколотили свою недвижимку на грабежах и разбоях, а наши коммерсанты только-только ножом и вилкой пользоваться, нет-нет и вместо носового платка из кармана кастет по ошибке достают. А посему, если мы хотим жить и думать — подчеркиваю, — думать по-европейски, нам сначала надо от крепостничества избавиться». «Вот он, новый Ильич!» — не выдержал пафоса Гриши Грязнов. «И как это сделать? Давай рассказывай!» — наседал Левицкий. «Пока не скажу. Но! Не потому, что не знаю. Машина знает. Сто лет одиночества

преодолеть можно. А для этого нужен элементарный «схлоп», смещение времени. И это возможно. Ключ мне нужен, ключ...»

Из той полушутливой дискуссии Судских вынес нечто существенное: действительно, любой путь для России чреват все тем же блужданием по кругу. Никакие кредиты, никакие благие намерения внутренних и внешних лидеров ничем помочь не могут. Благими намерениями, как говорится, выстлана дорога в ад.

Время от времени Судских спрашивал Гришу Лаптева: как, мол, нашел ключ? Ищу, отвечал тот. И вопрос и ответ были вполне серьезными. Начиналось это с год до смерти Миши Грязнова...

Улыбающийся Гриша Лаптев встречал Судских у самых дверей, у стеклянной переборки дежурного. Небольшого роста, плотненький, похожий на веселый надувной шарик, он всегда излучал атмосферу беспечности, и сама улыбка его казалась нарисованной на шарике несмываемой краской. В мундире он не смотрелся, надевал его только на дежурство и немедленно снимал через пять минут после смены. Трудно было поверить, что это полковник. Еще труднее, что любой трудности вопрос Гриша решал быстро. Другое дело — его решение не всегда совпадало с мнением руководства. Гриша не обижался: решение выдавала машина. Но машина не ошибалась, и приходилось прислушиваться к ее хозяину. Во всяком случае, в УСИ Григорий Лаптев имел статус мыслителя, а мысль убивать нельзя.

Судских давно заметил, еще в пору совместного ничегонеделанья в НИИ, что у Лаптева голова не совсем обычной формы. Сам черепок сверху покрыт почти детской порослью, лоб гладкий, нормальных пропорций, а вот тыльная часть была похожа на транцевую корму мощного контейнеровоза. Мозжечок — личный компьютер Гриши Лаптева — хранил массу неординарных решений, которые на первый взгляд казались абсурдом, но оказывались самыми правильными, что удивляло. Как-то не так мыслил Гриша Лаптев.

В те далекие доперестроечные времена Гриша Лаптев популярно объяснил Судских, что такое френология и на кой ляд она нужна нормальным людям. «Френус — душа, френология — наука о душе. По строению черепа можно прочесть человеческое нутро. В коммунистическом обществе, где «кто был ничем, тот станет всем», френология — лженаука. Потому что сразу возникает вопрос: почему чаще всего к власти приходят люди без чести и совести? Притом еще в середине пути к власти они считались людьми вполне порядочными. Власть развращает? Ерунда! Элементарная предрасположенность к разврату. Есть такое определение — яйцеголовые. Это замаскированные садисты и беспринципные люди. Чаще всего такие попадают в политики. Стать садистами им не дает боязнь ответственности, а прячется шишачок боязни, как у «боинга», наверху. В политике таким легче спрятать дурные наклонности и выдать беспринципность за принципиальность. Человеки с шишаками — вроде как с рожками — ужасные упрямцы. Таких даже по ошибке нельзя пускать во власть. Причины понятны. Хорошо развитый мозжечок говорит о нестандартном мышлении: человек будто мыслит, минуя арифметику, алгебру, диамат — прямо с геометрии Лобачевского. Высокий лоб говорит вовсе не об уме. Как у Пушкина: «Слыхал я истину бывало, хоть лоб широк да толку мало». Высокий лоб — это экран компьютера, а вот программка крутится в мозжечке. Блестящий пример — наш Коля Рыжков. Посмотришь в такое зеркало и разве что причесаться можно или угря выдавить. Нет мозгов, одни желания, как у кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно». «А Мишу нашего куда отнести?» — посмеивался завлаб Игорь Судских. «Игорь Петрович, его ангелочек при рождении сразу плевком отметил. Этот маму родную продаст и объяснит целесообразность поступка. А если серьезно — вы что, не видите? — у него головка на шарик похожа, зацепиться не за что. Прохвост! Вот увидите, он еще нас с потрохами продаст». Было? Было, согласился позже генерал Судских. По Мишке Меченому все тюрьмы плачут. «А вот круглая голова

с разданием кверху — люди с большим самомнением, — продолжал лекцию Гриша Лаптев. — Яркий пример тому — дедушка Ленин». — «А Сталин?!» — «Диктатор и тиран. У него особое строение черепа: вытянутое назад, со скошенным небольшим лбом. Он не обладал аналитическим складом ума, зато вытянутые доли мозга говорили о наличии избытка нервной сетки. О таких говорят: прекрасная интуиция, чутье. Кого вам еще препарировать?» «Давай страдальца восемнадцатой партконференции», — предложил Судских. «Понимаете, Игорь Петрович, он мне симпатичен, но на периферийной сцене. Не все ведь попадают в Большой театр, а его подталкивают именно туда, чтобы макли за спиной крутить. Спектакль это», — с неохотой ответил Гриша.

Сейчас улыбающийся полковник УСИ Лаптев поджидал генерала Судских. Чего-то уловил в свои компьютерные сети.

— И чего? — улыбнулся в ответ Судских.

— Не чего, а что! Приходите ко мне.

— Прямо сейчас и пошли...

Просторный кабинет Лаптева был напигован вычислительной техникой, данной человеку для ускорения мысли. При создании УСИ любое пожелание Лаптева исполнялось без оговорок. Нынешний Лаптев чувствовал себя царем: много ли надо человеку для счастья? Едва вошли, он вмонтировал — иначе не скажешь — свое тело в суперкресло со всякими там штучками вправо-влево, вперед-назад, вверх-вниз и с нетерпением дожидался, когда Судских разденется и устроится рядом на креслице попроще. На дисплее загадочно мерцали звездочки.

— Смотрите, — дождался наконец Гриша и защелкал клавишами. — Имеем соответствие: Апокалипсис и Эклезиаст. Икс и игрек. Функциональное пространство — Библия. Даем предписание... Вводим алгоритм, — еще несколько манипулируя с клавишами. — И вот результат, — пригласил он Судских полюбоваться итогом.

Судских впился в экран:

«Данный текст представляет собой сумму правил и хронологический ряд. Хронологическое счисление дает возможность предопределить ряд событийный. Сумма правил является полигамным дополнительным предписанием для программирования. Введите код».

— Гриша, чуть-чуть попроще для простого смертного, — с виноватой улыбкой попросил Судских. — Я гость в твоём царстве.

— А чего упрощать, Игорь Петрович? — искренне удивлялся Лаптев. — Библия является элементарной дискетой, на которой записано несколько программ. Мы это вычислили исходя из того, что три шестерки — ключ к Эклесиасту. Танцевать надо с него.

— А сам Апокалипсис? Страхи и кары небесные?

— Это интересный вопрос, — живо отреагировал Гриша Лаптев. — Какую-то работу я провел, и оказалось, что не так страшен черт, как его малюют. Это вроде рекламного плаката к зашифрованному тексту. Что вы, например, думаете о конях Апокалипсиса?

— Я полагал, это символы действия. Судного, что ли.

— Почти так. Следует только ввести функцию соответствия множеств, и получим искомое: четыре коня — четыре времени года. Каждый всадник несет в руке символ своего периода.

— Стой-стой-стой! — постепенно вникал в его рассуждения Судских. — А семь печатей? На четыре коня выпало четыре печати, а еще куда три делись? Симметрии не вижу.

— Вот, Игорь Петрович, первое заблуждение живущих в Эвклидовой геометрии: все должно быть симметрично, а дважды два — четыре. Да ведь нам эта действительно святая книга дает выход в четырехмерное пространство! Симметрия еще не разум. Давайте вернемся к началу «Откровений». Помните? Господь послал через ангела своего Иоанну послание на остров Патмос семи церквям. Семь печатей — семь религий. Посчитаем?

— Иудаизм, буддизм, христианство, ислам. Все.

— Вот то-то и оно! — счастливо рассмеялся Георгий. — Четыре есть, а трех мы не ведаем.

— Да, но синтоизм, ламаизм, — начал Судских, но Гриша тут же прервал его:

— Двадцать четыре старца у престола Сущего есть ответа от четырех религий, кои считаются каноническими и не отрицают сути главных религий. Но вот ангел снял пятую печать. Что мы находим тут? Убисленные возмолвили к Господу: «Что ж ты не судишь живущих за нас?» А он им в ответ: потерпите малое время, работа идет. Снята шестая печать: землетрясения, ужасы, смятение в человеках. Седьмая снята: замолкло все на земле как бы на полчаса. Я так полагаю: седьмая печать — возникновение новой, возможно, седьмой религии. Возможно, двух предыдущих мы просто в счет не берем, возможно, они должны появиться. Тут просчитывать надо, я пока в начале пути. Дальнейший текст Апокалипсиса намекает на это, но хронологический и событийный — истинный — зашифрован в тексте. Надо ввести код.

— Так вводи!

— Эх, Игорь Петрович! Знал бы прикуп — не работал! — опять счастливо рассмеялся Гриша. — Кто-то мне первоисточник обещал...

— С завтрашнего дня поступает в твоё полное распоряжение, а пока держи вот, — протянул он Лаптеву папки Трифа.

— Ого! — раз за разом повторял Григорий, пока разглядывал папки. — Бесценный подарок, Игорь Петрович! Кофе в постель и самая коммерческая ресторация!

— Примерно это я обещал от твоего имени Бехтеренко. Это его заслуга. Давай твори дальше.

По пути к себе Судских заглянул в кабинет Бехтеренко. Его там не оказалось. Оно и понятно. Попросил разыскать. Доложили: Бехтеренко выехал на квартиру Мотвийчук, подследственного увезли туда же. Судских связался с Бехтеренко. Трубку взял Синцов.

— Здравствуйте, Петр Иванович. Не ожидал я услышать голос прокурора.

— А чему удивляться, Игорь Петрович? Ваш зам развил бурную деятельность. Убийцу вычислил.

— И кто это? — задержал дыхание Судских.

— Господин Басягин, бывший важняк.

— А мотивы убийства?

— Пока утверждает, в приступе ревности.

— Дайте ему трубочку...

— Слушаю, Игорь Петрович.

— Это я тебя слушаю, Святослав Павлович.

— Вкратце так: по отпечаткам пальцев установили причастность Басягина, привезли подозреваемого на место преступления, попетлял, но сознался. Ревность, говорит. Тогда привезли сына Мотвийчук на очную ставку. Вот и все.

— Понял. Спасибо, — похвалил он Бехтеренко за исчерпывающую информацию и краткость, хотя знал, сколько усилий надо на все согласования для задержания Басягина.

— Что с сыном делать? — напомнил о себе Бехтеренко.

— Согласуй с Синцовым, каково решение прокуратуры. Я так полагаю, надо освобождать из-под стражи. Изъятые у него вернуть. Кроме копий. Он не станет утверждать, что это его собственность. Выемку в «Импернале» сделали?

— Сделали. Туда выезжал наш юрист Карасин. Послушайте, Игорь Петрович, надо бы наблюдение за сыном установить. Как думаете?

— Точно так. А не подключить ли для этого Портнова?

— Годится. Я свяжусь с ним...

«Момота бы теперь сюда, — подумал Судских, попрощавшись с Бехтеренко. — Вот бы кто первую скрипочку сыграл...»

— Кто у нас выяснял о Момоте? — спросил он по интересу у дежурного оперативника.

— Майор Бурмистров, Игорь Петрович. Он на задании. Найти?

— Попробуйте, — согласился Судских.

Бурмистров откликнулся минут через пять.

— Где ты, Ваня? — Бурмистров пришел в УСИ вместе с Лаптевым.

— А я только что разобрался с трейлером, который вам дорожку переехал. Возвращаюсь пред ясны очи.

— Хорошо разобрался?

— Хреновато. Гаишник утверждает, что водитель трейлера был пьян, дорожка скользкая, а к вам претензий нет.

— А «пятерка»? Она куда делась?

— Ни звука. Но я тут покалякал с тем хлопцем, который вас на эстакаде доставал, так он намекнул: если бы к вам под крылышко, он бы кое-что поведал.

— А ты что?

— Я же заядлый преферансист, Игорь Петрович. Поторговались.

— Без меня?

— Как можно, Игорь Петрович! — возмутился Бурмистров. — Кто раз продаст, потом бесплатно сдаст. Он обещал подумать, и я тоже.

— Ладно. А как там Георгий Момот?

— А тут, Игорь Петрович, интересный пасьянс получается, — охотно переключился Бурмистров. — Момот ни в какие зelandии не уезжал. Из Москвы уехал — точно, квартиру продал. Сейчас проживает в Литве. Связаться по нашим каналам?

— Вот как? — озадачился Судских. — Пока ничего не предпринимай, но к поездке в Литву готовься.

Положив трубку, Судских подождал, не зазвонит ли какой-либо из аппаратов на столе. Обычно они стрекотали без долгих пауз, плюс пульт интеркома мигал контролками. Кому-то он мог понадобиться, кто-то докладывал о своих перемещениях. Сейчас на удивление было спокойно. Судских поднялся из-за стола, подошел к окну, потянулся сладко. Естество оставалось естеством.

За окном природа внимала сквозь дрему, чем занят ее конь бледный. Заиндевелые стволы деревьев, ветви в снежной опушке, ровное покрывало нетоптаного снега, а дальше, за металлической изгородью, словно в ином царстве — провода, столбы, машины, чад, пар, суетливые следы рук и ног человеческих.

«Суета сует, все суета», — вспомнил Судских Эклесиаст.

Вчера ему наконец повезло. День не отнял вечера, попал домой к программе «Время — вперед!». Жена удивилась именно этому. «И, кажется, вовсе не обрадовалась». Прямо с порога завела монолог о делах житейских, накопившихся без него в доме. Слава Богу, дети выросли — они завели их ратовато и помыкались вдосталь. Может быть, умение по одежке протягивать ножки сделало сына несунывающим и самостоятельным. Карьерой пренебрег, уехал из столицы, самостоятельно справился с мореходкой, сейчас штурманил где-то, радиogramмы к праздникам посылает с водной поверхности Мирового океана. Дочь также не задержалась: в восемнадцать вышла замуж за индуса и укатила в Калькутту. Ничего, не жалуется, приглашает погостить, на трех внуков глянуть, проезд и расходы оплачивает... А суеты в доме по-прежнему воз и маленькая тележка. Хорошо хоть под скрип этого воза и тележки ужином накормят, пижаму подадут, свежую постель согреют. Под скрип колес он засыпает. И опять суета сует. Все суета...

Вдруг его осенило. Он подошел к книжным стеллажам, вынул Библию, открыл оглавление и... подивился простоте скрытой тайны.

Теперь и он причастен.

Задумавшись и глядя в текст, Судских сразу не уловил, какой из телефонов требует его внимания. Верещит как-то противно.

Обижался на невнимание прямой президентский.

— Добрый день, Игорь Петрович, — узнал он голос Гуртового. — Могу занять минутку вашего внимания?

«Реверансы! — усмехнулся Судских. — В каре перестраивается».

— Разумеется, Леонид Олегович.

— Помнится, вас интересовал Мойзес Дейл...

«Скажем, особого интереса я не выказал».

— Слушаю, слушаю, Леонид Олегович!

— Состоялась беседа премьер-министра в присутствии президента о льготном кредите.

«Гладко говорит».

— Это, конечно, не главное, из-за чего я вас беспокою.

«Это, конечно».

— Неожиданно, когда премьер-министр откланялся, Дейл завел разговор об «Ассоциации великих магов». Он-де сам хиромант, и было бы полезно — именно так он подчеркнул — встретиться с великой магэссой в присутствии президента.

«Дейл не знает о смерти Мотвийчук? Чепуха».

— Я, конечно, сообщил ему печальную весть. Известие повергло Дейла в шок. Он очень сокрушался и сказал, что велись переговоры с магэссой о покупке неких рукописей. Я надеюсь, вы знаете больше меня.

— Увы, Леонид Олегович. А нельзя ли мне устроить встречу с этим Дейлом? — спросил Судских без особого энтузиазма. Просто как служебная необходимость.

— Боюсь огорчить, Игорь Петрович. Расстроенный Дейл отменил запланированные на сегодня встречи и вылетел в Вильнюс.

— Жаль, — откровенно сожалел Судских.

— Будем проще, Игорь Петрович. Я полагаю, нам стоит помогать друг другу.

— Всегда готов, Леонид Олегович, — уверил Судских. — Чем помочь?

— Я был знаком с госпожой Мотвийчук. И мне хотелось бы знать, о каких рукописях идет речь. Вы понимаете меня? Возможно, они имеют историческую и научную ценность.

Петлять было не в характере Судских, к тому же Гуртовой не мальчик, он без особого напряжения выяснит о хра-

нилище в банке «Империа́л». А потом не грех и по пальчикам дать вельможе.

— Рукописей, представляющих научную и историческую ценность, при обыске не обнаружили. Это я вам заявляю со всей ответственностью, — четко ответил Судских.

— Может быть, пока не обнаружили? — слышался нажим в голосе.

— Может быть. Час назад в квартире Мотвийчук находился мой заместитель Бехтеренко. Он провел очную ставку сына Мотвийчук с убийцей. Им оказался некто Басягин. Он сознался в убийстве.

— Каков мерзавец! — не сдержал эмоций Гуртовой. — Я слышан об этом негодяе. Не из-за рукописей ли он пошел на убийство?

— Следствие выяснит.

— Мотвийчук хранила что-то в одном из банков...

— Вот видите, Леонид Олегович, вы знаете не меньше нашего. Буду с вами откровенен: мы произвели выемку в «Империа́ле» с соблюдением всех мер законности. Однако и там ничего, составляющего государственную ценность, не обнаружено.

— Не обнаружено? — опять нажим в голосе Гуртового.

«Зачем же на красный свет?»

— Абсолютно уверен. Среди того, что хранила Мотвийчук в банке, принадлежащего лично ей, — подчеркнул Судских, — были бумаги Трифа, известного вам, который давал их на хранение Мотвийчук. Сейчас они возвращены законному владельцу.

Пауза в трубке длилась секунд пять.

— Я огорчен, Игорь Петрович.

— Понимаю вас, Леонид Олегович.

Послышались гудки отбоя.

По мобильной связи Судских связался с Левицким, которому было поручено перебазировать Трифа на дальнюю дачу:

— Аркадий, как устроились?

— Нормально, Игорь Петрович, Илья Натанович отличный кулинар, он нас откармливает, а не мы его. Вечером баньку собрались топить. Подъезжайте.

— А что? Имеет смысл. Подъеду. Возможно, с ночевкой.

— О, это прекрасно!

— Но не один. Ты, кажется, не женат?

— А что я вам плохого сделал, Игорь Петрович? — насторожился Левицкий. — Скажете, невесту везете?

— Вот именно, Аркаша, вот именно!

3 — 13

Мотвийчук проснулся от непонятных страхов. Едва он стал ощущать реальность, повернулся в постели, моментально навалилась тяжесть. Разламывалась голова от дикой боли, ныло в паху, ломило поясницу. Мамочка родная, что это с ним приключилось!

Рукой он коснулся чего-то постороннего, размежил веки, остерегаясь потревожить боль еще глубже, чуть повернул голову набок и увидел женскую голову на подушке: лицо без краски и оттого страшно чужое, противное. Даже дурно стало. Тьфу, гадость... Сонечка был чистоплюем. И ничего не хотелось вспоминать...

Женский глаз приоткрылся, ладошка убрала с лица соломенного цвета волосы.

— Доброе утро, монсеньор, — приветствовала его блондинка.

Он посмотрел на нее с миной отвращения и закрыл глаза, отдаваясь борению с ломками внутри любимого тела.

Сколько он так пролежал беззвучно, не ощущал, только посторонние звуки вернули его назад. Звуки могли означать одно: вторжение на территорию, которая всецело принадлежала ему.

Он открыл глаза.

— Доброе утро, монсеньор! — услышал он снова. Перед ним стояла вполне свежая блондинка в материнском пеньюаре, с подносом в руках, накрытым белой салфеткой.

— А, это ты...

Все вспомнилось.

— Вы не рады мне?

Особой радости Сонечка не испытывал. Во-первых, ее не испытывало тело. Поташнивало. А во-вторых, у него были несколько другие житейские планы, куда это блондиночка не вписывалась. А она, похоже, собралась его захомутать. Еще бы: квартира в центре, от матери остались приличные бабки, да и сам он стоящий мужчина.

— Светлана, — сразу вспомнил он ее имя, — ты давай собирайся, мне одному побыть надо, — сказал он, усаживаясь на постели. Ноги у него худые, волосатые донельзя. Многим бабам страшно нравится. Любят этих... как они... Орангутанги.

— Нет, милый, тебя одного оставлять нельзя, — твердо сказала блондинка, поставив поднос на прикроватный пуфик и усаживаясь рядом. — Я понимаю, горе, туда-сюда, но ты опять можешь в неприятную историю попасть.

— Я сам себе хозяин, — наставительно сказал он, чуть повернув к ней голову. — Сам попаду, сам выберусь.

Достаточно слов, решил он и ушел в ванную комнату.

Любимейшее место времяпровождения! Пустил воду, тщательно отрегулировав температуру, и надолго приземлился на унитаз. Шум воды успокаивал, снимал раздражение. Лихо задумала эта девица: только-только налаживается жизнь — и вдруг опять опека.

«Дудки, подружка!»

Ванна-джакузи наполнилась, и он перебрался туда, предварительно взбив ароматную пену. Закурил.

Его отпустили якобы на похороны, взяв подписку о невыезде. Районный прокурор отечески посоветовал жить тихо, пока все уляжется. Обвинения с него сняты. Он два дня и жил тихо, даже за сигаретами не выходил, докуривая мен-

толовые «Вог» из материнских запасов. Формальности с похоронами уладили без него: откуда ему знать, к кому обращаться, где этот крематорий-сбаторий! Он взял газету, разыскал объявление конторы ритуальных услуг, созвонился, заплатил бабки под уверения, что все будет в лучшем виде, если уж человеку приходится возвращаться в камеру. Его пожалели: вот ведь гады-менты, даже с матерью попрощаться не дают по-человечески.

И два дня он провел в подлинном кайфе. Никого! Ничего не мешает, никто не долбит мозги заботами. У человека траур. Позже он обязательно и всенепременно сходит на кладбище — цветочки на могилу, то да се, только не сейчас. Уж больно много доставила ему гадостей маманя.

«Дура, дура... Чего не жилось? Вечно влезала куда-то, все ей хотелось пупком земли работать. И это она знает, и то... А на самом деле дура душой! Мозги людям пудрила...»

Боль давно отступила, аромат пены ублажал. Жизнь налаживается, господа!

— Монсеньору потереть спинку? — возникла посреди ванной комнаты Светлана. В легком распахнутом халатике — маманин: старая дура любила молодиться, — а под халатиком, веселые дела, ничего, но впечатляет. И руки в бока...

«А фигурка что надо, телка не истрепалась, дойки почти стоят, жопка...»

Сонечка ожил. Как для обычной жизни, так и для половой.

— А что еще могут потереть?

— Все, что пожелает господин, — сказала Светлана, выразительно поиграв глазами, потом сбросила халатик и скользнула в ванну.

Ублажив монсеньора, она молча ушла. Монсеньора несколько покорило то, что она, не спросясь, берет чужие вещи, передвигается по квартире хозяйкой, но оказанное удовольствие примиряло с нарушением субординации, а проще говоря, хотелось лежать, лежать, блаженно расслабившись.

«Пусть поживет», — решил он, зарываясь по подбородок в пену.

На третий день к вечеру он решил прошвырнуться кое-куда, где весело, были бы деньги, надоело сиднем сидеть — решительно все в квартире напоминало мать. Он даже всплакнул от жалости к себе: кто его теперь обихаживать будет? Он оперативно сдал штуку баксов знакомым парням и, недолго думая, зарулил в ближайшую дискотеку-бар. Поговаривали, скоро прикроют немногие оставшиеся веселые места, как закрыли обменные пункты и многое другое, с чем свыклись, что казалось прочным. Надо жить, пока есть возможность, а там видно будет. Сбрил бороду и пошел жить.

В баре к нему приклеилась эта блондинка. Потанцевали, выпили, еще потанцевали. Разохотились, снова нырнули в бар пить шампанское — как-то исподволь она его выкрутила. Спиртное он не любил, так, потягивал из стакана ради имиджа крутого парня. На все вокруг — ноль внимания, фунт презрения, смотрите, кто желает: вот он, молодой, преуспевающий и пресыщенный отдыхает в свое удовольствие за свои бабки. Надоест блондинка, закадрит брюнетку.

С нее, брюнетки, все и началось. Блондинка ушла в туалет, он заказал виски для присевшей рядом брюнетки. Слово за слово, кивки-подмигивания, сто баксов и можно ехать к ней на всю ночь. У нее хата, все есть. Собрались, подались. А у раздевалки к брюнетке прицепился какой-то жлоб с поганой рожей. Он его пальчиком в сторону: канай, мол, дядя, пока цел, не твой кадр. А жлоб его, запахло вонючее, шибздик, ткнул кулаком под дых, другим в пещень — и тишина. Очнулся — блондинка рядом плачет, целует его, брюнетки и след простыл, а он врубиться не может, что за чем следует. Объяснили двое парней, друзья блондинки: оказались рядом, дали, видать, шибздику, в такси домой доставили, бросать не хотели, блондинка согласилась сопровождать...

«Да пусть остается... Как их звали... Викун, Назар... Крутые ребята, прикроют, чтобы всякое дерьмо не доставало. А заплатить, так и уберут кого надо».

Вспомнил еще, выпивали вместе. Хорошо посидели. За квартиру не боялся: полковник из УСИ телефончик дал, если

осложнения появятся. Вот так! А то — такой-сякой... Викун наседа! давай за дружбу, ты наш мужик, мы все жидов не терпим, скоро хана им всем. Назар, тот вообще смотрел на него восхищенно — еще бы! — молодой, такая хата, бабки, бывший десантник. Клево!

А ему всегда везло. Главное — всех побоку, жизнь одна.

И напился. Как Светка раздевала — не помнил. Ничего не было — это точно.

— Светик, — позвал он негромко, и та, будто за дверью стояла, тотчас появилась.

— Монсеньор?

— Как насчет кофейку?

Аж просияла!

— И бутербродик!

Пусть живет...

Он пил кофе, держа чашку над пеной, она подносила к его рту бутерброд с семгой.

Он нравился бабам. За что именно — догадывался. К своим достоинствам относился как к святая святых, не требующих обсуждения. Худощав, зато не потееет, волосат — поговорим о потенции, головка мелковата — зато какие мозги коммерсанта! Бабы заслушивались, маманя, та вообще без его советов жить не могла.

Разглядывая себя в зеркале — это ему нравилось, — отмечал свой гордый фас: ровные густые брови, тонкие губы супермена, а нахмурит лоб — вылитый мафиози. В профиль глядеться не любил: бросался в глаза убежавший назад безвольный подбородок и носище. Носыра! Мужская гордость. Но великоват, хрящевидный. Бывшая жена, о которой он не любил вспоминать по причине недолгого с ней житья, называла его долгоносыком. И за это не любил.

— Понимасшь, Светик, — покуривал он и благородно философствовал, — жизнь такая штука, что ты ждешь принца, а является парень, простой такой, без всяких кембриджей — и ты вся его.

Она влюбленно внимала.

— Тут не надо ума, чувства главное, ты его любишь за то, что он есть, такой весь независимый, гордый. А что все эти деятели по жизни значат? Пахать всю жизнь? Жить надо! Вон у матери третий муж писатель был. Ну и что? Кому его книжки нужны? А я сразу сказал себе: не занимайся ерундой. Семь классов? Так я любого за пояс заткну, о чем хочешь могу спорить. Главное — что? Не дать себя сбить с толку, пусть он мне голову не морочит. Что он знает? Больше меня, что ли? Нет. Я тоже живу и все вижу, поэтому думаю, сопоставляю. А наука эта — для баранов.

— Ой, какой ты у меня весь вумный! — потянулась она к нему.

— У тебя? — отстранился он. — Нетушки. Ты сначала завоюй меня. Так служи, чтобы я тебе поверил. Конечно, молодой, при бабках, все есть, так каждая может.

— Так прямо всего бы тебя и съела!

— Ты обожди, обожди! — еще дальше отстранился он. — Давай так прямо сразу поговорим, обсудим, что почем, а то как?

— Ой!

— Не терпится?

— Да телефон! Я сейчас...

— Сюда неси!

Она вскочила проворно, будто куль сбросила.

Звонил Портнов. Участливо спрашивал, как ей там живет-может в роли наложницы.

— Ой, Викун, это такой долдон! Ну ты меня и подставил!

— Светлячок, тебе оперяться надо, вольное каперство по злачным местам кончилось. Терпи. Такие хаты за ночь любви не отдают. Подсуетись.

— Циник ты, Викун.

— Ничего, будь ты морально устойчивой. Да ты из этого мозгляка веревки вывьешь!

— Зря бы не бралась.

— А он-то где? Дрыхнет?

— Монсеньор с голыми яйцами философствует, поемши.

Довольный смех Портнова:

— Как бы с ним переговорить...

Светлана понесла трубку-телефон в ванну:

— Викун тебя спрашивает...

— Санек, привет! Здоровье есть?

— Слегка, — процедил Мотвийчук.

— Подъедем, похмелим.

— Нет, я не люблю. Я отдыхать буду. Покушаю и отдыхать буду.

— Правильно. Когда я почувствовал потребность похмелиться, я бросил пить. Но разговор есть. Я с Назаром подъеду.

Отказать нельзя.

— Сломали кайф! — раздраженно сказал он, отдавая трубку. — Мужики-то серьезные? Я с кем попало не люблю.

— Что ты, Саня! Ты им страшно понравился, они тебя в дело берут. Видишь, как доверяют?

— Умище, умище! — похлопал себя по голове Мотвийчук. — Я им быстро работу налажу. Давай там чай, кофе...

Когда он покинул ванну, Светлана сервировала столик в гостиной.

— О! А икру зачем? Они что, жрать сюда идут? Деловой разговор. И масло... И семга! Ты кончай эти дела!

Усилием воли она подавила сильнейшее отвращение к нему.

— Ты знаешь, дорогой, я за все сама заплачу и верну тебе расходы, но пойми: тебе необходимо принять их достойно. Викун — генеральный директор фирмы «Русичь», Назар — его боевик, ребята крутые, ты убедился, со связями и бабками. Ты чудесный парень и мужик на все сто, но в наше время без крыши нельзя. Я тебя очнь прошу...

Икры было жалко, но он покорился. Спросил, пряча свое неудовольствие:

— А ты их откуда знаешь?

— Работаю с ними. У Викуна, кстати, отец был крупный партайгеноссе, в начале девяностых за кордон свалил. Викин доделывает дела и тоже уезжает. Назара берет с собой, они неразлучны. А ты разве не хочешь слинять отсюда?

— Кто не хочет... Мать что-то крутила с выездом. То через неделю, то через месяц. Докрутилась...

— Они тебе помогут. Поработаете вместе, срубите приличный куш, будет с чем сваливать.

— А ты, конечно, на хвосте.

— Я? — решила дать щелчок засранцу Светлана. — У меня, милый, в Испании недвижимка и бессрочная виза, и себя я бедной не считаю. Мне и сейчас на все про все хватит.

— У всех всего хватает, только в совке застряли, — язвительно хихикнул он.

— Могу бумаги показать, — сдержавшись, с достоинством ответила она.

— А что ж не едешь?

— Не с кем пока. Там свой мужик нужен. Они наших баб за поломоек держат. Я молодая, пожить хочу. Знаешь, сколько это стоит? — вытянула она руку под самый его нос. На среднем пальце красовалось колечко, в колечке камешек. Само кольцо, правда, принадлежало Чаре. Взято напрокат, когда в бар ее снаряжали.

— Ничего так камешек, — осмотрел он колечко.

— Ему цена сто штук в зеленых. Камешек пятнадцать каратов тянет, редкой игры. У меня, милый, брюликов на миллион...

— Папочка оставил? — язвил он.

— Сама заработала. Про «Сигму» слыхал?

— Так, кое-что.

— А я в ней главбухом работала. Так что, любимый, шибко не выступай. Ты мне как мужик очень даже подходишь, но я могу уйти и не появиться.

Сонечка заметно увял.

— Да ладно тебе. Семейные разговоры. Ты мне тоже подходишь.

«Чтоб ты, полудурок, сдох!» — застенчиво улыбнулась Светлана и прильнула к нему:

— Ой, хочу... Может, успеем?

— Не стоит, — стоял на страже своего здоровья Сонечка: особенной тяги к сексу он не испытывал. Другое дело, когда им восхищались со стороны, гладили, ублажали.

И она облегченно вздохнула. Работая с Портновым, у нее тоже появилось устойчивое отвращение к постельной службе.

Викун и Назар появились с шумом, с шутками, с легким дуновением морозца, сразу стало празднично. На руки хозяйину сбросили два фирменных, битком набитых пакета, и, пока Светлана принимала гостей в прихожей, он выставял в кухне дармовой провиант.

«Шампанское, три бутылки, джин... ого! «Бифитер»! Тоник, омары, икра черная — две банки, красная — пять, сыр пикантный, пикули, отбивные! Да тут неделю без них питаться можно!»

Ох и счастливчик он, лохи сами бегут к нему на звук призывный мандолины!

Кое-что он сразу припрятал в холодильник, позволив Светлане заниматься с остальным.

— Ну что, миряне? С крещеньицем нас? — поднял первый тост Викун, когда все угомонились вокруг столика. Поддержали, выпили, снова налили: — После первой и второй промежутки небольшой. За хозяйина! Дай Бог ему здоровья и хорошей косьбы зеленого!

Опять хорошо пошло. Сумбурно, весело, о чем разговор, не упомнить: в ухо влетает, в другое вылетает, шутки, гомон.

Когда Светлана отправилась варить кофе, хозяин уже находился в веселой прострации. Грабь — не хочу. Никто и не собирался. Назар ушел за Светланой, помочь чашки-ложки поднести. Мотвийчук не ревновал. Назар будто сковывал его тяжелым взглядом, хотя приветливо улыбался, когда взгляды встречались. Без него он с удовольствием расслабился. С Викином можно было говорить о делах и вообще умно, со значением.

— Так как, Александр, — сразу затеял разговор Викун. — В фирме не хочешь поработать?

— Запросто, — хмельно улыбаясь, ответил он.

— Тогда готовься. Отопьем праздники — и за дело. С дальним прицелом, — подмигнул Викун.

— О чем хабар? — не выбиваясь из колен, соглашался Сонечка. Он не так уж и пьян, держался в напряге, чтобы не размазаться, не пропустить торга, всегда считал себя умелым питухом. — Как говорят хохлы, за шо робыты будемо?

— В конторе у меня будешь получать оклад детектива. Участвуешь в деле, имеешь процент. Чем больше участие, тем выше процент. Это не считая особых случаев.

— Подходит, — кивнул Мотвийчук.

— А что это за бумаги, которые у тебя изъяли? Мне Света проговорила.

«Когда это я успел ляпнуть?» — подумал Мотвийчук, а язык уже развязался.

— Хреновина всякая. Штучки магические, легенда какая-то. У матери, это как на духу скажу, один кент заграничный купить их хотел. У меня копии были, их Бехтеренко изъял, УСИ то есть, а оригиналы мать хранила в банке. Их тоже забрали.

«Выходит, из меня лоха делают, — смекнул Портнов. — Или малый зажимает что-то?»

— Так и поверил, что ты все отдал.

— Знаешь, Викун, мать помешалась на магии, — разоткровенничался Мотвийчук. — Может, это кому интересно, а мне до лампочки. Все эти приколы с числами-хуислами, навороты с таинствами — чухня. Я пробовал читать «Черную магию» — придумки для идиотов. Вот ты мне лучше другое подскажи. У матери в иностранных банках деньжата есть. Как мне к ним подступиться?

«Да, — подумал Портнов с сожалением, — нормальный человек таких вопросов не задает. Наследничек херов...»

— Сделаем, — сказал он твердо. — Держи пока язык за зубами.

Из кухни вернулись Эльдар и Светлана. Светлана оценила обстановку, печать таинства на физиономии Сонечки и пожалела его:

«Вот уебище, так уебище! И это мне одной...»

3 — 14

Дежурство в Тропарево считалось в УСИ самым льготным. Там находилась дальняя дача, куда начальство заглядывало редко. Триста километров от Москвы по трассе, потом километров двадцать проселком, потом гатью до полянки между болотами. Прежде здесь располагался склад с бинарами, место и противное, и тайное. Сам Берия дал команду построить тут что-то вроде острога для шарашки. Стройку завершили в сорок пятом году, накануне Победы, но секретные опыты велись до самой смерти великого инквизитора. Чем занимались там ученые мужи из зеков, никто толком не знал, давно уже все быльем поросло, страха не испытывали, лишь называли дальнюю дачу Сорокапяткой.

Летом с болот наваливалось комарье, зато озерцо радовало хорошей поклевкой: щука и карась брались отменно. На островах в березняке можно было разжигаться грибами, и, что самое интересное, с краю полянки, на которой расположился комплекс прочных построек, хранили покой три столетних дуба, а в их корнях зимой и летом колотился родничок с необычно вкусной водой. Личный состав УСИ ревностно следил за очередью на дежурство в Сорокапятке ради этой водицы. Побывавшие там переставали жаловаться на желудок, почки, печень и прочие внутренние хвори, раны затягивались очень скоро, у лысеющих прибавлялось волос. Пробовали вывозить целебную водичку для близких, оказалось, что целебные свойства сразу пропадали, а сама вода приобретала затхлый вкус. Одним словом, здесь любили зале-

чивать душевные и физические раны, вдали от городских шумов, дорог и цивилизации.

Попасть сюда заплутавшему туристу невозможно. Во-первых, на жигулятой козе не подъедешь, пеших же встречали ребята на кордоне в пятнистой форме и со всеми причиндалами, которые стреляют и больно бьют. Сунулись сюда как-то казачки, которым в последнее время до всего было дело. «Куда вы, служивые?» — вежливо остановили их у шлагбаума. «Куда надо!» — был ответ. Ну надо, так надо... Пять шагов сделал старшой — лошадь под ним шарахнулась, сбросила наземь. Пока с матами лошадь за узду хватал, в яму свалился, где ему Егорий святой привиделся, злой такой. А вынули его сотоварищи, дух, говорят, от тебя чего-то тяжелый идет. Так восояси и поехал, попахивая. «Всего доброго!» — пожелали им на кордоне. «Шоб тебя!» — ответил старшой нечистый. Чистые сотоварищи промолчали. Вспомнили, видно: «Незванный гость хуже татарина», а сторонка была как раз та, где русичи некогда мамасв в болотину заманивали.

Двухэтажный терем был изваян крепко, в ласточкин хвост и без единого гвоздя могучие стволы, оконца с пуленепробиваемыми стеклами, кованое железо на дверных петлях, внутри просторно и легко дышится. А что на крыше антенн натыкано, так это дань времени.

Сюда и привезли дневать-ночевать Илью Трифа, а позже Марью, чтоб Аркадий Левицкий не скучал.

Марья, судя по всему, испуг пережила, наглеть принялась с прежним упорством. Триф, отобедав или отужинав, подымался к себе в светелку, с дурно воспитанной девицей общаться не хотел — себе дороже, хватало общения за столом, а Левицкому выпадало слушать сивый бред сытой кобылки.

Судских не ошибся, выбирая в содруги для Марьи Аркадия. Молодой, неженатый — это на всякий случай. Но Левицкий попал в УСИ из отряда морского спецназа, с кем много не поговоришь, расстроить невозможно. Марье приходилось одной изощряться в комментариях у телевизора. Аркашу она

посчитала за обиженного умом, который мог подать, принести, а больше от мужиков ничего и не надо. В неполные шестнадцать она шустро рассуждала обо всем и особенно о сексе. С одной стороны, это вполне естественно, у Марьи уже все вполне округлилось, налилось и кое-где чесалось, с другой — приятно наставлять туповатого увальня, который ничего не знает про эрогенные зоны, французскую любовь и прочие действия. Она, конечно, провоцировала Аркашу, а тот будто таинства познавал, хлопая глазами и ушами. Господи, что взять с мужлана! Изредка Марья задумывалась: а не разыгрывает ли ее Аркадий, уж больно он внимательно все слушает и кивает, делает свои профессиональные легкий вздох на два коротких выдоха и зенки таращит. Не Аркаша, а каша...

«Аркадий, остерегайтесь этой бестии! — советовал Триф. — Или я за себя не отвечаю».

«Ничего, — беспечно отвечал он. — Я за себя отвечаю».

В одну из зимних ночей Марья заявила в комнату Аркадия.

— Все надоело. Хочу отдаться, — заявила она, снимая через голову ночную до пупка рубашонку. — Только ты это аккуратно делай. Я девчонка еще честная.

Аркадий сел на кровати, включил ночник. Легкий вздох, два коротких выдоха — и вопрос:

— А что делать?

— Вот балбес! Я же учила тебя!

Аркадий внимательно оглядел ладную фигуру Марьи. Крепкая сформировавшаяся грудь, сильные ноги, заглянул даже сбоку на попку с крутым подзором, потом на себя мускулистого — все это на вдох и два выдоха и сказал наконец:

— Тут надо Илью Натановича спросить.

И полез под кровать за тапочками.

— Урод! — словно резаная закричала Марья.

Действительно, пришел Илья Натанович. Вернее, сначала постучал, но дверь с треском отлетела к стенке, и мимо него вжикнуло что-то голое и яростное.

— Господи, что это было? — протирал он глаза и разглядывал виноватого Аркадия. — Я так боялся этого, я же вас просил...

— И она просила. Да вот тапочки у меня, Илья Натанович, великоваты, не подошли, видно, — отвечал Аркаша, держа в руках по стоптанному тапочку. Легкий вздох, два коротких выдоха.

— Я понял вас, — уразумел Триф.

За завтраком Марья шипела на Аркадия, словно дотлевал костерок ночного пожара, но прежней удалости не проявляла. Триф уловил смену настроения.

— Маруся, тебе мыть посуду, — распорядился он.

Марья возмутилась фамильярностью, вскочила и убежала на кухню, куда ей принесли грязные тарелки. И ни слова.

Что она, ревя, позже осмысливала, можно догадываться, однако шипеть перестала, поучать тем более. Сменила тактику, стала прислушиваться к порциям легких вздохов на два коротких выдоха.

Привезя Марью сюда, Судских не опасался насчет побега и взбалмошности. Просил Левицкого общаться с ней просто, вольностей не позволять. Ей было сказано без обвиняков: она в розыске, прячут ее здесь по политическим соображениям. Фигура, стало быть, вровень с загадочным книжечем Трифом.

Дня через три Марья отошла, с обязанностями посудомойки смирилась. Потом Триф подсунул ей способ заварки чая по-китайски, как бы между прочим научил готовить гренки, салаты. Марье поначалу страшно нравилось кричать из кухни: «Мальчики, питаться!» Потом приелось. Сидела сиднем у себя наверху, спускаясь, хамила и огрызалась, таскала у Трифа морковку. И опять на нее ноль внимания. Не с кем поговорить! Один в книжки зарылся, другой — вдох, два выдоха.

На дворе тем временем проявлялась весна, опять надвигались какие-то перемены. По телевизору мало что сообщали членораздельно, как будто крутили по случаю купленный на студии Довженко сериал без конца и начала, ни дна ему, ни

покрышки. Вроде во здравие — наступает эра величия России, за упокой — непрерывно бардачило и преодолевалось. «Голоса» глушили, но мощный приемник обстоятельно докладывал о голодных бунтах, о забастовках, о применении слезоточивого газа и дубинок. Судя по продуктам, которые привозила новая смена, зима двухтысячного выдалась скупой, а к весне обещали съезд партии. Старые люди помнили знаменосные былые партайги, после которых, как в миске постного супа, хрен выловишь да медную пуговицу. И всю старались попы: раздолье выпало волосатым наставлять о смирении духа и тела! «Итак, братис, будьте долготерпеливы. Вот землепашец ждет спелого плода трудов своих, а время не припело. Укрепите сердца свои, пришествие Господне идет».

А «Голос Америки» предупреждал о готовящемся перевороте. Власть с благословения Церкви ужесточает меры.

Выслушав это, Триф раздраженно заметил:

— Качнулся маятник в обратную сторону, движение от павлов в савлы началось.

— А что делать, мужики? — подала голос Марья.

— Тебе посуду мыть, мне обед готовить, Аркадию дрова рубить, — нехотя ответил Триф.

— Жрачка, жрачка! — нервно засуетилась Марья. — Слышали, что вокруг делается?

— А что делается? — будто не понял Триф. — Жизнь идет...

— Какая жизнь? — оскорбилась Марья. — Бастовать надо, требовать!

— Поедим и пойдем, — заговорил и Аркадий. — Пойду древко для флага делать. Под каким флагом удобней?

Марья по привычке хотела ответить дерзко, но сдержалась, скорее осеклась: похоже, неправильно она понимала этого бравого хлопца, не хотел он воспринимать ее всерьез.

На митинг никто не пошел. Однако, едва Аркадий, прихватив колун, вышел к пленнице, Марья скакнула следом:

— Аркаш, а Аркаш...

— Ну? — обернулся к ней Левицкий.

— Ты прости меня за то...

— За что?

— Вообще прости за мои прибамбасы, нахаловку, что пургу гнала.

— Считай, ничего не было, — перехватил колун ловчее Аркадий.

— Нет, вправду, прости. Я ведь не дура, не шалава с трех вокзалов.

— А по тебе видно, — улыбнулся он.

— Что видно?

— То и видно. Таких, как ты, для непорочного зачатия подыскивают, дева Мария.

— Ну сказал! — вспыхнула Марья, хотя сказанное понравилось. — Это ты про то?

— И про это тоже.

— А я тебе нравлюсь? — закокетничала Марья.

— В каком смысле?

— Ну, вообще, — опустила реснички она.

— Со страшной силой! — сказал Аркадий и одним взмахом развалил сучковатое полено надвое.

— Нет, ты вправду...

Аркадий придержал новый взмах:

— А если вправду...

Говорить — подрасти, мол, там видно будет — Аркадий не хотел. Девчонка с характером, обуздать ее нрав можно откровенностью, искренним теплом или твердой надеждой, что пыл ее не погасят насмешки.

— Мне, Маша, боевая подруга нужна, — решился Аркадий. — Чтоб в огонь — не обожглась, в воду — мокрой курицей не вышла, а под медные трубы — королевой выглядела. Смекаешь?

Вдох, два выдоха. Она кивнула быстро, боясь пропустить самое главное.

— Мне жена нужна, Маша, — закончил он кратко и принялся за дрова.

Марье ничего не осталось, как идти назад.

— А если я приготовлю обед? — спросила она стеснительно у Трифа, который хлопотал на кухне.

— Поп... попробуйте, Марья, — столь же робко ответил он. — Я помогу.

И как-то отошел Аркадий на второй план, уступил место Трифу.

«Понимаете, Маша, — поучал он, — таинств нет вообще нигде, а в готовке в частности. Нужен смак. Продукты можно испортить тремя способами: переварить, пересушить, пережарить. Если этого не случилось, тогда вы можете давать название тому, что у вас получилось. Допустим, вы готовите обычный суп, а картошку бросили раньше мяса. Тогда дождитесь, когда она сварится, и подавайте на стол под названием «Квазицкая уха мясная». Вкус будет специфический. Дурак не заметит, умный не скажет. Под впечатлением от названия ваши едоки съедят все, выпросят добавки, а пока они не прислушались к своему желудку, скормите им остатки, ибо основная заповедь хозяйки: «Чем в таз, лучше в вас».

Пока никто не отравился», — отмечал Триф всякий раз после еды, хотя Марья полагалась не только на теорию, а дергала Трифа постоянно, отвлекая его.

— Маша, достаточно! — взмолился он однажды. — Либо вы аки Христос в пустыне, либо я возвращаюсь к обязанностям главного кормильца.

— А чем он занимался в пустыне? — сглаживала выпад Марья.

— Размышлял.

— О чем?

— Как жить дальше.

— За это его распяли?

— Интересный подход к теме, — забыл обиду Триф. — А знаешь-ка, ты права. Любой человек, мыслящий неординарно, раздражает окружающих, а посягающий на правила жиз-

ни окружающих по меньшей мере достоин изгнания в пустыню.

— А до Христа так ничего и не было?

— Как ничего не было? — не понял Триф.

— Против кого он восстал? — пояснила Марья.

— Так, э... Как против кого? Против генералов иудейской церкви.

— Еврей против евреев? Еретик?

— В какой-то мере. Время потребовало новой религии, — отвечал Триф, напрочь забыв урок, который ему преподавала однажды дерзкая девчонка.

— А почему сейчас никто не восстанет против Церкви? — наседала Марья. — Неужто с тех пор все гладко и ничего менять не надо?

Триф выпучил глаза:

— Ну... во-первых, с тех пор в Церкви многое изменилось, были и расколы, и гонения...

— Нет, вы мне с самого начала. Была еврейская религия, так?

— Иудейская, — поправил Триф. — Да.

— А Иисус Христос создал религию для всех остальных. Так?

— Допустим, — кивнул он, домысливая, куда на этот раз влечет его шустрая девица.

— Но сам-то он еврей был?

— Иудей.

— И чего он нового сделал?

— Создал новую религию, — сказал Триф и покраснел от собственного кондового ответа. Любой поп грамотно и толково объяснит заблудшему в дебри ерестизма, что вера не обсуждается и лишь Богу-вседержителю дано думать за всех живущих на земле, а он, весь из себя грамотей, не может толком объяснить, что есть вера.

— Ничего нового он не создал, — донеслось до него, как из преисподней. — Его самого еврейские попы придумали. Вот! — победоносно закончила она.

— А я с тобой не спорю, — сам собой нашелся ответ. — Но как ты до этого додумалась? Или подсказал кто?

— Нам талдычили на уроках Закона Божьего: «Читайте Библию». Там, дескать, смысл жизни и ее суть. Я пробовала, а там все сплошь про евреев. Никакой сути. И поняла я, что еврейские попы скормили язычникам «Квазицкую уху мясную». Они, видать, хотели что-то особенное приготовить, а у них не получилось, тогда это скормили глупым.

— Какую уху? — не понял сразу Триф.

— А такую! Вы сами учили меня: если не получается блюдо, дай ему новое название. Евреи свою веру не могли проповедовать, силенок в те годы не хватало: то в плен их брали, то избивали, то гнали отовсюду, вот они и решили создать мессию, который станет спланивать еврейский народ. А у Иисуса, видать, свои планы были, хотел возвыситься. И ведь не попы еврейские, а его ближайшие друзья сочинили сказочку, будто Господь Марию трахнул в образе лучика света, и такой от этого чудный мальчик появился, как Ленин прямо, а римляне спохватились и поняли, что появился обычный засранец, бунтовщик с амбициями, вот его и казнили. Если бы в нашей стране стояли римские легионы, разве могла бы шайка бесштаных большевиков народ поработить?

— Марья, что я слышу? — пораженный, вскочил Триф.

— А что вам не нравится? — пожала плечами Марья, и только. — Прибалдели от правды?

— Вот именно, — осознал происшедшее Триф. — Именно прибалдел. Простота убивает.

— Устами младенца глаголет истина, — язвительно напомнила она. — Я, между прочим, не дура и слышала, что вы научно хотите доказать, что Христова вера зашла в тупик и новая вот-вот свалится с неба, а это и ежику давно понятно.

— Что понятно? — собирался с мыслями Триф.

— А то. Хоть нас, молодых, и собирают в отряды «юных христиан», нам все это до одного места. Знаете, как у нас в отряде мальчишки девчонок убалтывают? «Чем займемся: грехом

или непорочным зачатием?» Потрахаемся или минет? — пояснила она. — Никто не верит поповским сказкам, только посмеиваются. Нас кормят, одевают. Васька слушает да ест.

— Но без веры нельзя жить, — робко вставил Триф.

— Дядь Илья, а во что верите вы? — в лоб спросила Марья.

— В святой дух, — твердо ответил он.

— Как это?

— Очень просто, — кивнул Триф, хотя было нелегко сформулировать, во что именно верит он. — Всей жизнью правит дух созидания. Худо-бедно, а человечество прошло долгий путь через войны, объединения, разъединения, заблуждения, но к прогрессу. В этот дух, ведущий людей из тьмы к свету, я верю.

— Дядь Илья, не смешите, — прикрыла ладошкой рот Марья. — Заумный вы, а надо проще.

— Вера удерживает людей от распутства, — попытался привести главный довод Триф.

— Да проще вы, дядь Илья! — стояла на своем Марья. — Во все времена Церковь умирала как раз дух, о котором вы так складно сказали. Ей паровозы и ракеты не нужны, ей бы кормиться сытно, а в остальном трава не расти. Но попов-то народ кормит за их сказочки, а людям самим кормиться надо, им велосипеды новые надо изобретать. И сейчас не средние века, нет инквизиции, и люди воспринимают Церковь как профсоюз: мы тебе свечками заплатим, только в душу не лезь. А повелевать-то ох как попам хочется! Вот вам и новая вера. Придет другой Иисусик, и опять шайку обманщиков кормить придется. Так сколько до того народу изведут. Вас вот почему ищут? Вы из книг проводали что-то, власть хочет секрет знать и быстренько им запастись, чтобы народ подмять...

Триф слушал внимательно.

— А ты умнее, чем я ожидал.

— И я так о вас думала, — легко ответила Марья. — Вы хоть и весь из себя умный, а поддались противоречию. Я стала попов ругать, а вы защищать. Почему так?

— Действительно, — согласился Триф. — Почему?

— Все очень просто. Вы старше, значит, опытнее, умнее. Я не спорю. Вы — власть. Поэтому любое мое самое разумное слово, идущее вразрез с вашими принципами, вызывает возмущение.

— И к чему мы пришли? — спросил Триф, все еще пытаюсь вылезти из-под груды доводов, которыми завалила его Марья.

— Пока к тому же самому: ты начальник, я дурак. А вот я думаю, дядя Илья, новая вера уже пришла, так как молодежь от старших ушла.

— Не так быстро, Маша, — заволновался Триф. — Вами еще столько всего не познано! И потом... потом. Чем это пахнет?

— Мамочка! — всполошилась Марья. — Борщ у меня горит! — и вылетела прочь из комнаты.

«Нас ожидает очередная квазицкая уха», — понял Триф.

Ничего он не придумал, как сесть к столу за свои записки. Было в них много умного, неожиданного, и все стройно вписывалось в теорию, им же придуманную, более того, ей поверят, она не поддастся разрушению, и счисления подтверждают это.

«А как, если появится случай в образе вот такой ретивой девицы? Все сначала? Господи, пронеси...»

3 — 15

Тихий городок этот над сонной рекой встретил Бурмистрова размеренным спокойствием обывателей, если не сказать безразличием. Вряд ли он привлек к себе внимание, сойдя с автобуса: одет, как все, как все, не суется, лицом и ростом не выделяется, но, видимо, так в Японии или Китае окружающие машинально примечают европейца, стало быть, чужака. Для того чтобы попасть и остаться в подобной категории чужого среди своих, надо приехать в Прибалтику, особенно

в Литву. Здесь не обидают, нет, наоборот, будут здороваться первыми, но спокойно, с которым произносятся слова приветствия, научиться невозможно. Да простит Господь — это от Бога.

Литовцев, не уверенных в себе, практически не бывает, иначе это не литовец, и след прочности и неторопливости лежит на всем: на черепичных крышах коттеджей, где каждая черепичка выделяется подобно рыжей чешуе, даже дорожки к этим коттеджам метены столь аккуратно и тщательно, будто волосок к волоску уложенные прически, которые делают к празднику, а здесь, в литовском городке Аникшый, само собой разумеющиеся, иначе нет естества, уклада жизни, и все подчинено привычной разумности, похожей на сонливую эту реку, вялотекущую куда-то к морю, будто ей это совсем не надо.

Что удивительно, при всей архаичности тишины в Аникшье некогда производили водку с гремучим названием «Черт» и «Ведьма». Фасовали водку в оригинальные бутылки, развозили на экспорт, и в Европе безошибочно узнавали их, как узнают стандартно «Абсолют» или «Финскую». Потом свою лепту в стандартизацию внес Егор Кузьмич Лигачев, объявивший войну алкоголизму; литовские партийные бюрократавичусы поддерживали кампанию, завод остановили, фасонные бутылочки переколотили. А еще говорят, в тихом болоте черти живут... Ушли в конце концов ильичи, исчезли кузьмичи из Литвы, из Аникшья — черти, и только колокол знаменитого Аникшыйского собора трижды на день требовательным билом напоминал обывателям о смирении пред вечным Богом.

«Будет смирение, придет уверенность в себе и завтрашнем дне», — вполне серьезно размышлял Иван Бурмистров, неторопливо двигаясь в нужном направлении к дому Георгия Момота. «Лабас», «Лаба дене» — приветствовали его незнакомые люди, и он учтиво откликался на литовские приветствия.

«И никто из них, конечно же, не ломает голову над сущностью веры. Надо ли это?»

«Я есть сущий, альфа и омега жизни», — заявил Вседержитель. Спорить с этим бесполезно. Можно называть Его Саваофом, Яхве, Аллахом — как где пришлось, но усомниться в сущности Верховного пока не сумели ярые атеисты и злые скептики, не нашли замены.

«Даже иронизировать не могли, а то боженька язык отфигачит», — подбил итог своим изысканиями Ваня Бурмистров, подходя к очередной расчищенной дорожке, которая вела к очередному двухэтажному коттеджу.

— Лаба дене, — приветствовал его хозяин с приставленной к ноге метлой.

— Добрый день, — улыбаясь, ответил Бурмистров. — Георгий Георгиевич?

Хозяин кивнул. Открыл калитку, приглашая войти, и сам двинулся вперед ровным неловким шагом.

Он не проронил ни слова, пока гость не разделся в прихожей. Жестом пригласил в гостиную к креслу у камина. В камине жил огонь, было тепло и уютно.

— Чай, кофе? — спросил хозяин. Чуть навываде глаза смотрели на гостя с терпеливой вежливостью.

— Чай, — выбрал гость, и хозяин оставил его, чтобы через три минуты появиться вновь уже без куртки с клевантами, шапочки и высоких ботинок на пинуровке. Грубой вязки шерстяной пуловер скрывал его худощавость и несколько скрадывал высокий рост. В одной руке хозяин ловко держал поднос с чайными принадлежностями и плетенку с домашним печеньем, в другой — заварник и парящий чайник. Иван даже не успел предупредительно вскочить, настолько естественно чайники и прочие атрибуты чаепития переключались из его рук на стол, а чай разлит, и руки, костистые, в крупных венах, улеглись на колени хозяина.

— Прошу...

Хозяин был прост и впечатляюще осанист.

«Как мог такой человек жениться на аферистке?» — заклинился Иван на одной мысли, чуть не опрокинув чашку с дымящимся чаем.

— Расслабьтесь, — попросил хозяин, угадав нетерпение гостя. Сам он пребывал в том безмятежном состоянии, какое приходит у разоженного камина. — Вы не представились. Если не ошибаюсь, вас Иваном зовут. Не может быть, что Власом.

— Почему такая параллель? — опешил Иван.

— Во-первых, Власами называют довольно редко. Тогда вы не попали бы сюда по ряду логических причин. А во-вторых, когда я вас увидел, мне пришли на ум некрасовские стихи: «У бурмистра Власа бабушка Ненила починить избенку лесу попросила». Если следовать логическому ряду, где известно, что x равен Ивану, а ключевая функция — стихотворение Некрасова, значит, вас зовут Иван Бурмистров.

«Иван чуть не поперхнулся чаем», — так описывают подобную ситуацию в сентиментальных книжках. Иван поперхнулся без чая. Чашка оставалась на столике.

— А как это у вас получилось?

— Очень просто. Вы не обращали внимания, что муж и жена со временем становятся похожими друг на друга? — Иван кивнул. — Имя — это аналог, человек вырастает в него. Если бы вас звали Рудольфом или, скажем, Александром, вы бы держались иначе. В имени Иван сконцентрировалось все, что мы представляем о русских.

— Не валенок же, — слегка обиделся Иван.

— Ни в коем случае! — спокойно возразил хозяин. — Русские давно изменились, но суть их осталась прежней.

— Но я знаю Иванов, которые держатся иначе, — заспорил Иван.

— Это только кажется. Потому что вы ищете различия, а не аналоги, — возразил хозяин. — И это, кстати, наследие того времени, когда вы постигали азы жизни. Коммунистическая система приучала людей к догматизму, что порождало скепсис, а ироничность в отличие от аналитичности является приближенным исчислением.

— А с фамилией как? — оставил Иван потуги к философствованию.

— И это просто, — кивнул хозяин. — Сознайтесь, вы шли ко мне с толикой таинственности, эдакой неожиданности?

— Допустим.

— В таких случаях человек непроизвольно старается скрыть атрибутику этой тайны. В данном случае — ваша принадлежность к органам. Вы непроизвольно увеличили поле защиты возле нагрудного кармана, где лежит ваше удостоверение, а я прочел излучение. Не скажу, что фамилию целиком, но интуиция подсказала некрасовские строчки. Как видите, просто.

— Ничего себе простота! — отхлебнул наконец добрый глоток чая Иван. И поперхнулся.

— Успокойтесь. И спрашивайте по порядку. Вас, конечно, интересует чисто по-человечески: почему я женился на Мотвийчук?

— Извините, — покраснел Иван. — Было такое.

— Не вижу тут неловкости, молодой человек. Моя женитьба имеет прямое отношение к цели вашего приезда. Это ключевой вопрос. Как ни странно, без этой женитьбы я не достиг бы многого. Без сомнений, в вашей фирме доподлинно известно о делах и делишках моей бывшей супруги. Пусть успокоится ее душа...

— Вы и это знаете?

— Да, конечно. Вчера у меня побывал Мойзес Дейл и донес печальную весть, — без иронии отвечал хозяин. — Об этом визите позже. Так вот, доподлинно известно, что мадам Мотвийчук имела тягу к авантюрам. А природа авантюризма безраздельно связана — скажем, в общих чертах — с ясновидением. Вы, надеюсь, не отрицаете возможность некоторых людей предсказывать будущее?

— Нет, — убежденно ответил Иван.

— Так вот, авантюрист — это ясновидящий-недоучка. Даром преподаватели время на это тратили, как пела несравненная Алла Борисовна. Не каждому это дано потому, что ясновидение зависит от секрета, выработку которого контро-

лирует передняя доля гипофиза. У людей, обладающих этим умением, глаза чуть нависают.

«Как у вас», — подумал Иван, и хозяин неусловимо усмехнулся одними глазами.

— Это качество было хорошо развито у тех, кто жил в допотопный период. Это не расхожее выражение, это исторический период.

— Даже так? — удивился Иван. — А я думал, это сказочка.

— Отнюдь. Библия является достоверным документом. Это доказано давно. Раньше люди жили очень долго, триста лет не было пределом. Как раз секрет, дающий человеку возможность заглядывать в будущее, влияет на долгожительность. Это установлено при вскрытии мозга долгожителей. Что же происходит с авантюристами? Вплотную наблюдая за Ниной, я установил следующее: авантюризм непредсказуем. Таламус — главный подкорковый центр, который рассылает по всему организму импульсы чувствительности, работает у всех по-разному. Чаще всего сигналы упорядочены, так как проходят своеобразную чистку в другом отделении мозга — гипоталамусе. Тогда мы имеем дело с людьми нормальными, в пределах тех понятий, которые мы вкладываем в это утверждение. У авантюристов сигнал выщелкивается, минуя гипоталамус. Тогда мы получаем не норму поведения, а выходку, шокирующую окружающих.

— Так это болезнь? — спросил Иван.

— Совсем наоборот. Как раз норма поведения — болезнь. Дело в том, что человек с веками изменился, утратил чисто природные качества. Еще у древних египтян гипоталамус практически отсутствовал. Заметьте, чем набожнее человек, тем этот орган у него, я бы сказал, не больше, а прочнее в головном мозге. Знаменитая фраза «Анархия — мать порядка» — далеко не беспочвенный лозунг. Нам он приходит на ум, когда мы вспоминаем батьку Махно или наоборот, а он, как помните, был злейшим врагом советской власти, которая, как помните, любила порядок среди рабов. И, само собой, в наших университетах не изучали труды Кропоткина и

Плеханова, посвященные анархии. Анархия — это хаос, беспорядок. Так внушили нам. На самом же деле это свобода индивидуума от условностей какой-то определенной системы внутри самой системы. Произошла элементарная подмена понятий, какими славилась коммунистическая система: самоосознание заменили на самосознание, откуда и получилось, что свобода — осознанная необходимость. Анархия же, как ее трактовали древние, — это отрицание принуждения, но одновременное подчинение высшей воле. Имеется в виду не божественное, а гармоничное умение вписываться в окружающий мир. Как раз эта особенность была утрачена еще до потопа, стала тайной, которой владеют ныне очень и очень немногие, почему и приписывается она сверхъестественным силам. В древнейших китайских писаниях иероглиф «у» — «отрицание», с которого начинается слово «анархия», считался знаком тайнства.

— А вы знаете эти тайнства? — напрямую спросил Иван.

Хозяин повел плечами, что означало неприятие лобового вопроса.

— Вряд ли тайнства как таковые существуют вообще. Есть знания, которые оберегают. К ним добиваются трудным путем познания от несложного к сложному, впрочем, как везде к мастерству. Запросто наделять всех этими знаниями глупо, но авантюристы — анархисты по природе своей — во все века стремились заполучить секрет некоего философского камня и порешить все задачи разом и без труда, затраченного на изучение более скромных, но фундаментальных наук. Вот дай им верхушку пирамиды, и все тут! Первооткрыватели сплошь и рядом были авантюристами, хотя Америка могла быть открытой и без этого зуда авантюры спокойнее и в свое время.

— Поздновато открыли бы Америку, — заметил Иван.

— От силы лет на сто позже, — уточнил хозяин. — Но что могло там произойти за эти сто лет? Мы могли бы познакомиться с другой цивилизацией, и не берусь утверждать, что наш порох был бы сильнее щита магического круга древ-

них инков. Они не открыли нам этого секрета, унесли в небытие с собой, и мы безуспешно пытаемся высчитать квадратуру круга нашей брэнной жизни...

Хозяин, задумавшись, умолк. Иван сосредоточенно прихлебывал чай, осмысливая сказанное. Он не был уzkолобым служакой, понимающим задание от сих до сих. умел и неплохо разбираться в людях, понимать сущность событий и поступков, но в подобные глубины не опускался. Зачем? Для этого нужны приспособления и опыт особые, проще говоря: всяк сверчок знай свой шесток.

— Да, — хозяин возвращался к беседе. — Свою бывшую супругу я посвятил в некоторые тонкости ремесла предсказаний. Я сознательно избегаю слова «мастерство». Нина, несмотря на природную сообразительность, учиться не любила, тем более учиться основательно. Мне было интересно, как она распорядится этими тонкостями. Авантюристы, как я говорил, это люди импульсивные. они, кетати, не подвержены многим заболеваниям, соответственно дольше живут, и это у них благодаря интуиции, порой даже неосознанной. В Нине меня интересовала вероятность ее непредсказуемости. Она вплотную взялась за гадание и в короткий период сделала поразительные успехи. Искусство гадания — искусство убеждения. А убеждала она классически. Вот эта классичность заставила меня перечитать Библию.

— Извините, а почему Библию? — остановил его Иван.

— Почему Библию? Любой профессиональный гадатель находит для себя фундамент, на который ссылается. В то время я занимался историей христианства, и в доме находилось несколько экземпляров Библии. Она пошла по пути наименьшего сопротивления, что свойственно опять же авантюристам, и стала цитировать библейских пророков. Простенько и убедительно. Но вот подход к пророкам у нее был выборочный. Я как-то увидел ее записки, где нашел следующее: «Черноволосым — Исаия, блондинам — Иеремия, увечным — Иона» и так далее. Я спросил ее: зачем это? Она ответила: «А мне так подходит, интуиция». Она, конечно, важничала, к тому времени ее гонорары в

день превосходили мою месячную зарплату, но в интуиции ей не откажешь. Я составил программу, и ЭВМ выдала ответ: Библия не была основополагающим документом для христиан, она вторична, а в самом тексте зашифрован главный текст. Вполне возможно, что иудеи по памяти восстановили константу древних писаний и спрятали ее в Библии. Что проще — хранить тайное на самом видном месте. Вот это вы можете передать Игорю Петровичу Судских. Кланяйтесь любимому мною Грише Лаптеву.

— Вы знаете их? — не скрыл удивления Иван.

— Вашего шефа я вычислил, а Гришу знаю со студенчества, когда он, будучи старшекурсником, написал блестящее эссе по информатике. Он так глубоко проник в зазеркалье, что поразил меня сразу и навсегда. Его эссе — одна из моих настоящих книг.

— Георгий Георгиевич, а почему вы уехали не в Новую Зеландию?

— Передумал, — кратко ответил хозяин.

— И в Швейцарии у вас вилла...

— Молодой человек, я благодарен вам за отсутствие вопросов: откуда у меня деньги на эту виллу?

— Извините, — стушевался Иван. — Я ведь не потому спрашиваю.

— Но я вам отвечу сразу на три вопроса, — успокоил расстроившегося Бурмистрова Момот. — В Новой Зеландии слишком горячо и далеко. В Швейцарии меня будут искать те же, кто ищет Илью Трифа. Мои последние работы по микросенсорике вычислительных машин наделали много шума, откуда, кстати, и деньги на недвижимость.

— А как ваши работы сочетать с поисками Трифа? — не понял Иван. Сказать точнее, разыграл непонимание.

— Илья Натанович часто обращался ко мне за помощью, — нехотя ответил Момот и сразу же перешел к другому вопросу. — А сюда я приехал по стечению обстоятельств. Здесь много интересного для меня. Начнем с легенды. Собор в Аникше считается выдающимся творением готической архитек-

туры не только в Прибалтике, но и во всей Европе. Легенда гласит, что черт-завистник схватил огромный камень и полетел в Аникшый, чтобы разрушить собор. В пути он замешкался на полчаса и оказался на месте с первым ударом полночных часов. Он бросил камень на опушку не менее знаменитого и воспетого поэтами Аникшыйского бора и улетел прочь. Этот камень, или, как его величают, валун Пунтукас, цел и невредим поныне вот уже много лет. С легендой переплетается вполне реальная история. Два американских летчика, эмигранта из Литвы, Дарюс и Гиренас в июле 1933 года совершили перелет из Америки в Европу. Тридцать третий год, в Германии пришел к власти Гитлер, объявивший Прибалтику вотчиной Германии, и летчики совершали свой перелет как символ противостояния насилию. Над границей Германии и Польши самолет попал в грозу и, уходя от нее, разбился возле города Мыслибуж. Доподлинно известно, что горючего у них осталось на полчаса полета. Вмешательство грозы погубило их. Есть побочная версия, якобы самолет сбили поляки: Пилсудский со своим окружением бредили тогда походом на Ковно, ныне Каунас. А может быть, и немцы сбили самолет. Но задержка полета на полчаса присутствует в каждой версии. Да, чуть не забыл! — спохватился хозяин. — В память о героях-летчиках их барельеф высечен на Пунтукасе. Притом высекали барельеф скрытно от фашистов, хозяйничающих в Литве: обстроили валун домиком и работали там. Обе истории рассказал мне приятель двадцать лет назад, когда я гостил у него в Каунасе. Спустя десять лет я вновь побывал в этом городе, когда балбес Александр, сын Нины, служил в десанниках. В тот приезд мы, конечно, виделись с моим старым товарищем, но чисто случайно я зацепился за тот факт, что черт опоздал на полчаса и летчики, летевшие с благими намерениями, тоже опоздали на полчаса. В то время я как раз активно штудировал Библию, зараженный Трифом, и обратил внимание, что Библия, в общем-то книга с выверенной хронологией и датами, четко акцентирующая время, в одном месте изменяет этому правилу. Это мес-

то — Апокалипсис, глава восьмая: «И когда он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчася». Ладно бы я за уши притянул летающего черта с камнем и пилотов, но в Библии нет пустых мест, каждая дата и число многозначительны. Я просмотрел старинные руководства по магии и не нашел там и намека на ответ. Вот тогда я взял и соединил все три факта в одну программу и получил поразительный ответ: катастрофы на АЭС запрограммированы давным-давно, их непредсказуемость относительна на первый взгляд. Вообще атомная энергия — порождение авантюристов. Великий Эйнштейн был в числе первых вместе со своей «Теорией относительности». Будучи клерком в патентном бюро, он воспользовался чужими открытиями и создал собственное. Умному пройдохе не хватило чужих исследований. «Теория относительности» является всего лишь введением в макрокосм. Альберт Эйнштейн стал великим, а мир получил программу своей гибели. Вот куда завел нас конкистадор Франсиско Писарро, разгромивший государство инков Тацантинсуйю, а вместе с ним и древнейшую магию круга, оставив нам квадрат печали. Кстати, инки и майя не пользовались колесом, хотя могли применять их в повозках задолго до древних египтян. Это считалось святотатством. Так вот, первая катастрофа на ЧАЭС практически даже не зашифрована, описывается открытым текстом в том же Апокалипсисе: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда. Имя сей звезды Полюнь». Чернобыльник — разновидность полыни. Следующая катастрофа пострашнее...

— Вы знаете, где это произойдет? — выждав, тихо спросил Иван.

— Знаю. У города Аваддон. Это библейское название. На сегодняшний день четыре точки планеты претендуют стать им. Так говорит ЭВМ. Пытаюсь выяснить точно. Библия трактует это происшествие иносказательно, и сначала надо было выяснить, что имелось в виду под словами: «Пятый ангел вострубил, и увидел я звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь безд-

ны, и вышел дым из кладязя». Если брать за основу утверждение, что падающая звезда — это атомная катастрофа, то звезда после пятой трубы тоже катастрофа. Я так и поступил, программируя события. И пошел в своей фантазии дальше, сделав ключ от кладязя бездны одним из неоткрытых элементов таблицы Менделеева. Увы, — вздохнул хозяин, — я оказался прав. Элемент под номером 109 сослужит нам плохую службу.

— Георгий Георгиевич, если вы знаете такие страшные вещи, почему же вы заехали в глушь? — с тревогой спрашивал Иван. — Надо бы поближе к другим ученым мужам, к центру?

— К какому центру? К Вашингтону? Далековато. К Брюсселю? Там собрались прагматики, считающие расшифровку Библии детским занятием. Или Москву вы считаете центром?

— Считаю, — убежденно ответил Иван.

— Блажен, кто верует, — не скрыл раздражения хозяин. — За десять лет до чернобыльской катастрофы я предсказал ее с точностью до недели. Имел много неприятностей, едва не угодил в психушку. Центр...

— Но это было другое время! — воскликнул Иван.

— Нет, молодой человек, нравы и времена остаются без изменения. Знаменитая фраза: «О нравы! О времена!» произнесена Гераклитом две с половиной тысячи лет назад. Что-нибудь изменилось? Нет. Вы думаете, Мойзес Дейл приезжал ко мне встревоженный грядущей атомной катастрофой? И опять нет. Так же как вам сейчас, я рассказал ему о своих изысканиях в этом направлении. Он и ухом не повел, его интересовали работы Трифа.

— Да, но Триф работает в этом же направлении.

— И опять нет! Трифа интересуют схоластические величины, ему во что бы то ни стало надо доказать, что за Иисусом Христом придет другой мессия, а сколько и когда погибнет народу — меньше всего. Мир будет рушиться, а он будет дописывать свой трактат, и вся его тревога выльется в одно: успеет или не успеет дописать. Я потому и откровенен

с вами, что надеюсь на проницательность вашего шефа и точные расчеты Григория Лаптева.

— Так едем! — выпалил Иван, волнуясь.

— А если я ошибусь? Господин Судских еще не Господь Бог, а нынешняя кремлевская знать уже не авантюристы, а аферисты. Хорошо, я назову вам местонахождение Аваддона. Оно мне почти известно. Однако Аваддонов может быть четыре — это как выбор целей на военной карте, где три фальшивые, а одна подлинная. Любой маг имеет право на одно откровение. Я ошибусь, и мне не поверят, когда я искренне крикну: «Волк!».

— Почему волк? — не понял Иван.

— Волк? А-а, это из басни, когда мальчик нарочно позвал людей спасти стадо от волков. Когда же это случилось на самом деле, никто не поверил. Идея коммунистической общины была хороша до большевистских экспериментов, теперь этому никто не верит.

— Выходит, вы уехали сюда, а не в Швейцарию, зная что-то?

— Выходит, вы свое право на откровение использовали, — ответил хозяин. — Еще чаю?

— Не откажусь, — Иван протянул хозяину пустую чашку. — А про полчаса выяснили?

— Выяснил, — сказал Момот, как отвечают докучливым детям. — Это необратимый процесс счисления при определенном расположении звезд. Так называемое Око беды. В него попал самолет, в нем находится Чернобыль и мифический Аваддон. Я понятно изложил?

— Вполне, — без иронии кивнул Иван, хотя мало что понял. Но главное он уяснил: Момот обязательно сообщит, если точно установит место Аваддона на карте.

Хозяин же подумал, что это ровным счетом ничего не изменит.

— Нескромный вопрос у меня, Георгий Георгиевич, — сказал Иван, принимая из рук хозяина чашку с чаем. — Из-за чего вы поссорились с Трифом?

— Из-за коней Апокалипсиса. Он считал их религиями, я же склонен видеть их в семи печатях, вынося впереди Талмуда Зенд-Авесту огнепоклонников и Ригведу индуистов. Таким образом, мы имеем шесть неязыческих религий: зороастризм, индуизм, буддизм, иудаизм, ислам и христианство. И стоим на пороге седьмой. После ее возникновения нам останется полчаса, чтобы собрать пожитки перед всемирным катаклизмом.

— Хорошенькое напутствие, — почесал затылок Иван. Хозяин усмехнулся такой простоте.

— Да, кстати, — добавил он. — Обратный отсчет начался в 1987 году.

— Вы хотели сказать, в 1986-м? С Чернобыля?

— Я не ошибаюсь, молодой человек. Чернобыль случился после третьей трубы. 1987 — число магическое, ключевое...

3 — 16

Неожиданность подразумевает вовсе не случайность и не стечение обстоятельств, а ход событий, который кто-то проигнорировал в самом начале событий и загодя не подстелил соломки. Всему есть начало и конец, и когда средства массовой информации сообщили о неожиданном землетрясении на одном из островов Большой Курильской гряды, оно явилось неожиданным для мирно спящих людей, а природа готовилась к нему заранее. Подсчитали убытки, разгребли развалины, схоронили погибших и между прочим вспомнили, что японские сейсмологи за три месяца до трагедии предупреджали русских коллег о необычном оживлении в зоне Б, о хаотических толчках на дне Японского моря и спорадической подвижке шельфа в северо-восточной части. Уже после землетрясения они подсказали, что следует ожидать новых толчков в прежнем регионе, после чего можно установить направление зоны сейсмической неустойчивости. И как бы это все не двигалось в сторону Приморья, Сибири, Урала...

А еще как бы не ожили потухшие вулканы...

А кроме того, как бы потопа не случилось...

Пугают, уверенно решили в Кремле. Заряются япошки на Курилы, на Приморье, на Сибирь до Урала, вот и пугают. На всякий случай предупредили пограничников бдить усиленно.

До маленького островка, где бдил службу пограничный наряд из трех человек, так и не дотянулись. У тех рация не фурычила, да и кому это надо? Солдат спит, служба идет. А на островке никого, кроме поста, не было и вулкана как такового не водилось — так, горушка конусом, до половины заросшая орешником. Так вот, когда солдат спал, а служба шла, горушка превратилась в орудие. Грохнуло за милую душу, багрово оторочив край ночи. В помещении поста повышибало стекла, градом каменных осколков снесло навес, где пост питался в теплое время, и каменюкой убило пограничную козу. Козлята остались без матери, солдатушки без молока, а горушка без верхушки. Это и обнаружили пограничники, едва рассвело. Поглазели, посудачили, пожалели козлят, на завтрак доели останки матери и твердо решили после еды починить рацию. Пахло жареным, пора связываться с заставой на соседнем большом острове, куда обычно добирались катером за харчами. Воткнули на место проводок, который периодически вынимали, чтобы начальство не докучало: «Алле, алле, первый, я второй, сидим, бдим...»

— Сматывайтесь! Мать вашу! — последовала неуставная команда, едва старший поста сообщил о превращении горушки в пушку.

Засуетились, забегали под жалкое блеснение козлят, и тут выяснилось, что огромный осколок горушки вонзился точно в моторное отделение катера и тот попросту притоп на мелководье. Тогда и пожалели козла, которого съели неделю назад без повода, а со скуки. Пожалели, посудачили о нравах природы и увидели дымок над бывшим конусом горушки. Обсудить явление времени не осталось: остатки горушки будто размазались по небу, и наступили сумерки.

Островок провалился в воду за несколько секунд. В образовавшуюся дыру свалилась водная масса, а оттуда вырвался громадный водный столп. Он опадал дольше, чем проваливался островок; образовалась гигантская волна и покатила к берегам Приморья.

А япошки предупреждали...

Для приморских жителей стихийное явление, как всегда, оказалось неожиданным. Цунами докатилась до Владивостока, но разбилась об острова, и в бухту Золотой Рог ворвались только жалкие остатки мощного вала. Однако их хватило, чтобы покурочить суда у причалов и сами причальные сооружения. И на том спасибо. В городе успокоились. Зато чем дальше от Владивостока на север, тем больше разрухи причинила обвальная водная стихия: побережье в считанные часы превращалось в необитаемое, как во времена нашествия чжурчженей.

И это еще не все, подсказывали коварные япошки, ждите земных подвижек до самой Москвы...

На северной оконечности Приморья, у поселка Самарга, первая же тридцатиметровая волна чище бритвы «Жиллет» срезала огрехи человеческой деятельности вместе с ее творцами, а красный флаг поселкового комитета партии обнаружили после далеко в тайге. Что удивительно, рядом с флагом на сосне висели остатки брючной мотни секретаря партийной ячейки вместе с содержимым внутри. А ведь как не хотел человек избираться, как отбрыкивался, и вот на тебе: ни за что, ни про что исчез.

Досужие журналисты, центральные и местные, бросились обследовать места событий. Много писалось о непредсказуемости стихии и ничего о коварных япошках, о героическом восстановлении рыбозаводов и помалкивали о пророчествах косялядых. Более говорливые представители Центрального телевидения пытались пробить тему на очередном заседании пресс-клуба, пробили, но высказаться не успели: в ноль-ноль часов тридцать минут канал переключился для трансляции

всенощной в храме Христа-спасителя, и событие это оценивалось более знаменательным, чем досужее чесание языков в пресс-клубе, потому что поползли слухи, будто храм заваливается набок, подобно Пизанской башне. А вот, мол, нет.

Юмористы обскакали журналистов. О красном флаге и яйцевидных останках узнала внушительная аудитория, пришедшая на бенефис писателя-сатирика Фимы Иванова. «Яйца в профиль, яйца в фас» — называлась программа концерта. Зал хохотал. Полный аншлаг. Ничто так не радует, как чужая беда.

Дня через три Фиму Иванова почему-то нашли в подъезде своего дома с проломленным черепом. Возмущенная общественность, как говорится, потребовала тщательного расследования, каковое и состоялось незамедлительно. Прокурор Москвы выступил через неделю по первому каналу ЦТ и доложил: Фиму убили сообщники, произошла элементарная разборка. Телезрители очень прибалдели, когда прокурор представил с экрана некоторые документы закулисной деятельности писателя-сатирика, рассказал о счетах в иностранных банках, показал фотографии, где Фима в обнимку с Есей Кобзоном, в проходку с Зосей Вертухновской, в присядку с Вовой Файнбергом — главарями подпольных мафиозных структур.

«Это надо же! — презванивались москвичи и гости столицы. — Вот так юморист-затейник! Смехуечки, смехуечки, а за границей три миллиона в зеленых бабках да недвижимость! С наркоты жирел, девчонок тринадцатилетних в бардаки переправлял!»

Мертвые сраму не имут, но в гробу бедный Фима в полном смысле слова поворочался. Жизнь продолжалась, и товарищ Фимы по сатирическому цеху, выступая на концерте по случаю Дня Парижской коммуны, вскользь упомянул о том, что готовится к выходу в свет книжка юморин Фимы Иванова под названием «Яйца в профиль, яйца в фас». Товарища Фимы звали Леон Бронштейн, и через неделю Москва была взбудоражена сообщением о его трагической гибели.

Также в подъезде своего дома, также с проломленным черепом. Теперь по ЦТ выступил Генеральный прокурор и доложил народу о захвате склада наркотиков на квартире Леона Бронштейна. Ведется следствие. Следствие ведут знатоки.

Вскоре по этому делу взяли телекомментатора Абрама Терца, еще одного сатирика, любимца Одессы, но проживающего в Москве Миню Крачковского. Под руку попались Окопник и Кирилл Пугачев. Доказательства причастности неопровержимые. Повезло одной Крысе Робокайте — была на гастролях в Испании. Пела, как обычно, серенько, но повезло крепко! Вся Москва зло обсуждала именно этот последний случай: серенькая внешность, серенький голос, а денег куры не клюют. И милиция до Испании не дотянется! Ну не сволочи эти мормойцы, а?

Волна стихийных митингов прокатилась по столице. «Милиция нравов» пресекала их жестко, но голоса митингующих звучали резко.

— Вы что делаете, славяне? — возмущались ветераны труда, афганской и чеченской войн. — Нас гробят и грабят жида, а вы еще палками по головам! Бей жидов, спасай Россию!

Следствие по делу наркомафии разрасталось, ниточка повела к банкирам, фирмачам и коммерсантам. Постепенно уплотнялась ниточка очередей к ОВИРам. Она стала весьма заметной после взрыва бомбы в ЦУМе. Народу навалило уйму. Бомбиста взяли там же. Им оказался преподаватель консерватории Осип Шендерович. Белый как мел, предчувствуя скорую расправу, он закричал дико: «Братья, опомнитесь, я бомбы никогда в руках не держал!» Забили на месте.

Участились случаи нападения на квартиры лиц неславянской национальности, убийства и грабежи. Москва спала спокойно.

«Цунами, цунами, не шуткуй с нами, — юморил про себя начальник «милиции нравов» генерал Христюк, знакомясь со сводками ночных происшествий. — Какие там стихийные бедствия, какие там неожиданности! Народ не проведешь, знает, кого бить!»

Христюк находился в прекрасном настроении, несмотря на мрачные цифры ночных дел: 38 вооруженных налетов, 23 ограбления с применением физической силы, 14 изнасилований, погибло 54 человека, из них 13 детей. Хорошо ему было оттого, что задержанного певца Окопника он лично таскал за нос и бил по мордасам. Припомнил тому богомерзкое пение и болтовню о высоком искусстве. Сам Христюк в искусстве ничего не понимал, но догадывался: если кто-то много рассуждает о прекрасном, значит, сам ничего в нем не смыслит.

Ознакомившись со сводкой, Христюк вызвал своего заместителя по политчасти Мастачного. Оба призывались когда-то с Черниговщины во внутренние войска, отслужив, по оргнабору, осели в Москве, пошли в постовые, почти разом женились на лимитчицах, выправили аттестаты зрелости через какого-то потерпевшего, выучились по такому случаю в Милицейской академии, и похожи они были друг на друга, как две черниговские картофелины, плотненькие и кургузые. Шли бок о бок по жизни, подталкивая друг друга на верх служебной лестницы, но поднимались по ней с разницей в одну ступеньку: сначала Мастачный подсаживал Христюка, потом Христюк вытаскивал Мастачного. На дружбу это не влияло: синхронность поступков шла в ногу. Оба одновременно взялись осваивать теннис, а жены — английский язык; мужья распробовали джин, а жены — крекеры.

— Текеть мазут, Вася, — кивнул на сводку Христюк.

— Народный гнев, Федя, — понял того Мастачный.

— Президент опять собирает МВД и разведку...

— Будь спок, Федя. Шестеро задержанных на месте лиц кавказской национальности, пятеро убиты в перестрелке. Видать, им житья не дают жида. Муниципалы и регионалы нас поддержат, у них тоже хорошие результаты.

— Одно дело делаем, Вася, — согласился Христюк и стал собирать бумаги в папку для доклада.

Судских также вызвали в Кремль. Он взял водителя на тот случай, чтобы в дороге проглядеть последние оперативки и доклады начальников отделов о проделанной работе.

Первый квартал сложился напряженным. То тут, то там появлялись листовки с призывом бить иноверцев, сплотиться вокруг Православной церкви. Церковь же заняла позицию стороннего наблюдателя. Судских передали, что президент лично просил патриарха вмешаться, но владыко сослался на дела сии как на светские и напомнил президенту о Трифе. Президент соответственно сделал накачку Воливачу, а тот, калач тертый, попросил у владыки конкретики, чем именно Триф вызвал гнев Церкви. Топтались по кругу, а листовки стали появляться более агрессивные и злые.

Одну из них он держал сейчас в руках:

«Россичи! Почти сто лет жида и масоны вместе с иноверцами истребляют нас непрерывно. Они втянули нас в первую мировую войну, они свергли законного царя, помазанника Божьего, истребили цвет российской нации, они прятались за наши спины в Отечественную, а пока наши деды защищали Родину, заняли теплые места. Они разворовывали наши богатства, пока наши отцы отстраивали страну. Как когда-то Ленина, они привели к власти Брежнева и Ельцина, чтобы за спинами этих пьяниц продолжать свое черное дело — грабить нас. Вы у станков и в поле, а они осмеивают ваш труд и спаивают вас. Везде засилье жидов, на всех узловых местах. Россичи! Не миритесь с этим, бейте их везде до последнего гада! Матери России криком боли вызывают к вам!»

Вот такая уха. Без подписи. Не удалось задержать пока ни одного агитатора. «Милиция нравов» сбилась с ног, а результатов ноль. Подключились все управления разведки — и ни одной зацепки. Две недели назад Судских велел усилить наблюдение за отрядами «юных христиан», но ведь те не строем ходят с утра до вечера, а с вечера до утра живут по своим квартирам. Бехтеренко проверил, нет ли совпадения с местами, где вывешивают листовки и живут юнохристианцы. Опять ничего. Патрульные машины мотались по столице, месили мартовский жидкий снег и грязь, а листовки сыпались и сыпались на Москву. Докучали и стихийные митинги. Брали завязтых горлопанов, но что докажешь слесарю,

по какой статье судить его, если он с начала года не получает зарплату и паяк, звереет при слове «еврей», а сотрудник милиции сочувствует ему, сам едва сводя концы с концами. Нет тут стихийности, понимал Судских, есть планомерная работа, направляющая взрыв масс на удобную мишень.

«А на дворе не девятьсот пятый год, на неграмотный люд не спишешь. Двадцать одна держава выразила протест России, грозятся отказать в кредитах», — размышлял Судских.

У «зебры» водитель притормозил, пропуская пешеходов. Судских отвлекся от бумаг, выглянул в окно. В толпе у киосков что-то происходило.

— Обожди, — открыл дверцу Судских. — Паркуйся и жди меня.

На площадке между магазином и рядом киосков в тесном кругу кого-то избивали. У магазина стоял «газик» «милиции нравов». Придерживая полы пальто, Судских протиснулся к центру круга.

— Прекратить! Вы что, озверели?

— О, барин пожаловал! — осклабился один из бивших, красномордый ухарь. В толпе заворчали, но бить лежащего прекратили.

— Патрульный! — зычно крикнул Судских.

— Шел бы ты! — зло дохнули Судских в ухо, сжали его.

Судских вывернулся из тисков, достал пистолет и пальнул в воздух. Толпа ослабила нажим, подалась назад. Из милицейского «газика» выскочило сразу четверо патрульных с короткоствольными автоматами. Стало совсем просторно, а водитель Судских подал «Волгу» прямо к палаткам, наперерез милиционерам, и вышел сам, убедительно выставив такой же автомат из-под локтя. Защитная форма-комбинезон спецназа отрезвила милиционеров.

Теперь Судских смог разглядеть лежащего на земле. К темной бородачке от уха пролегла красная нитка свежей крови. Человек лежал ничком. Судских поискал глазами красномордого ухаря, который сделал последний удар ногой. Тот, не

прячась, стоял поодаль, держался спокойно и даже заинтересованно созерцал происходящее.

Милиционеры, взяв в сторону от водителя Судских, приблизились, явно не понимая, что делать. Трое рядовых, замухрыжистых, и ефрейтор с узким лисьим лицом.

— Вызвать «скорую помощь», а этого взять, — Судских указал пальцем в красномордого.

— Кто будем? — поинтересовался ефрейтор, не выказав прити.

— Выполняй, сопляк! — процедил Судских, но услышали все. Никто не сдвинулся с места, лежащий не шелохнулся, красномордый засунул руки в карманы куртки.

— Да его самого арестовать надо! — крикнул кто-то из-за спины красномордого. — Приказчик нашелся!

— На черной «Волге» фрасер! Такие и губят Рассею! — откликнулась толпа, оживилась.

— Предъявите документы! — сообразил наконец ефрейтор, навел автомат на Судских.

Не думая о последствиях, Судских от бедра дважды пальнул в ноги ефрейтора, тот, скривившись от боли, передернул затвор, и третий выстрел Судских пришелся ему в живот. Пока ефрейтор оседал на истоптанный снег, в толпе произошло смещение. Судских заметил красномордого, который метнулся к оторопевшему милиционеру и выхватил у него автомат. Не мешкая, Судских выстрелил в красномордого. Водитель, действуя по собственному усмотрению, отнял автомат у ближнего милиционера, сделал подсечку другому и дал очередь в воздух из своего автомата:

— Ложись, суки! Все лицом вниз!

Не успевшая разбежаться толпа разом превратилась в персоналии, и каждая по-своему, но поспешно исполнила приказ. Кто закрыв голову руками, кто, наоборот, подложив руки под лицо, кто запрятав ее в воротник, лишь красномордый припал на колени, держась рукой за плечо. Стоять остался один рядовой милиционер без оружия, торчал пугливым сусликом, посвистывая неожиданной соплей.

— Вызывай группу! — приказал Судских водителю и подошел вплотную к красномордому. — Всем лежать! — повторил он и для убедительности пальнул в воздух.

Красномордый встретил его ненавидящим взглядом.

— Да ты на меня волком не гляди, — презрительно сплюнул ему под ноги Судских. — За что человека убили?

— Начальник, начальник! — раздался плаксивый женский голос.

Судских оглянулся. Укутанная в платок женщина тянула его за рукав от земли. Она не решалась встать на ноги.

— Беженцы мы, из Татарии, милости просили, русские мы, это муж мой убитый ими. Горе какое, горе! — запричитала она и кулем повалилась на забитого.

— Что скажешь? — повернулся к красномордому Судских.

— А я таких беженцев в Чечне посмотрелся, — без страха и сожаления отвечал красномордый. — Пропустишь их, размякнешь, а они в спину тебе стреляют.

— Ты мне половину не развешивай, ты еще Афган вспомни! Я тебя конкретно спрашиваю!

— Так это ты стрелял, а мы нет, — держась за плечо, неторопливо отвечал красномордый. Сказав фразу, он морщился, плечо причиняло ему боль.

— Может, не ты человека убил?

— А ты — нет?

Судских почувствовал, что улетучилась его ярость и оттянул руку пистолет.

— Зря ты полез, начальник, не в свое дело, патроны пожег. Это жидовня, никакие не беженцы. Я их давно приметил, они на Вавиловке живут, на визы христарадничают, — недобро усмехался прямо в глаза Судских красномордый.

— Под патриота работаешь? — старался обрести уверенность Судских. — Ты спровоцировал перестрелку!

— А тебе все можно? Я тебе не завидую, — отвернулся от Судских красномордый, и только теперь Судских увидел на его рукаве замусоленную повязку дружинника.

— Погань! — выдавил Судских и пошел к милиционерскому «газику». Люди почувствовали разрядку, поднимались с грязного снега, оглядывались, не пытаясь, правда, уходить. Водитель Судских для острастки держал автомат над головой.

Происшедшее не укладывалось ни в какие рамки. Спокойный, выдержанный, один из высших офицеров самой привилегированной службы по собственной инициативе влез в кучу дерьма. Убит милиционер, ранен дружинник. Ради чего? Ради чего он полез в эту кашу, кому чего доказал?

Тут не наскок, а Судских это отлично понимал, требовалась систематическая работа. Только опять же — против кого и чего? Засасывает общая инерция движения, и вся Россия несется по бездорожью, лишь немногие сумеют вытащить ноги из грязи. Те, кому известны правила этой нелепой игры. Тому, кто их подсовывает всем.

Раздражение не оставляло Судских даже тогда, когда он нашел верный ход в этой дурацкой истории. По милиционерской рации он связался с Управлением «милиции нравов», велел срочно разыскать полковника Мастачного. В ожидании он невесело оглядывал скудное нутро милиционерского «газика». Да, это не их джипы со всеми наворотами, с кондиционером и холодильником, и даже не его «Волга»...

Под водительским сиденьем он углядел уголок папки, вытянул ее и опешил, уставившись в текст вынутой из папки бумаги. Точно такой он читал с полчаса назад.

— Кто водитель? — крикнул он милиционерам.

Оглянулся столбик-суслик с соплей под носом.

— Ко мне!

Суслик прителепался.

— Откуда? — показал ему листовку Судских. — Только сразу отвечай, не крути: пристрелю.

— Так майор Веденцев даст. Как на дежурство заступаем.

— Кто такой майор Веденцев?

— Замначальника отдела по оперативной работе.

— Красиво устроились, сукины дети! Кто расклеивал?

— Все по очереди, — подтянул соплю суслик.

— Полковник Мастачный на проводе! — захрипела рация.

— Здесь генерал Судских.

— Да, Игорь Петрович, — неуверенно откликнулся Мастачный.

— Тут инцидент у нас вышел с группой майора Веденцева. Двое убитых, один раненый. Лично выезжайте на место происшествия и лично разберитесь. Я напоминать не буду, — с угрозой в голосе закончил Судских.

— Как не понять, Игорь Петрович? Будет исполнено в лучшем виде. Во что бы то ни стало! — бодро врубился в подтекст Мастачный.

— Майора Веденцева сюда же. Действиям старшего нашей оперативной группы не прекословить.

— О чем вы, Игорь Петрович? — торопился засвидетельствовать уважение Мастачный.

Можно было уезжать, не дожидаясь продолжения, время поджимало, но глаза непокорного красномордого следили за ним неотступно. Он так и оставался стоять на одном колене, придерживая рукой раненое плечо. Запекшаяся кровь облепила растопыренные пальцы, и словно от горящих этих глаз спеклась кровь.

Первой с воем подъехала санитарная машина, минутой позже — опергруппа во главе с Бехтеренко. Вкратце обсказывая суть происшедшего, Судских наблюдал исподволь, как делали перевязку красномордому, как оттащили от убитого женщину без чувств и усадили под киоск, как уложили забитого на носилки, а на другие убитого им ефрейтора. У первого борода вздернулась к небу, словно требовал мертвец отмщения, лицо ефрейтора было просто усталым от земной суеты. В сторону красномордого Судских не хотел глядеть. Уже понял: там его встретит взгляд приговоренного стрелца с картины Сурикова «Утро стрелецкой казни».

— Натворил ты, Игорь Петрович, — выслушав Судских, участливо заметил Бехтеренко. — Не отмоешься.

— Не собираюсь. Пусть Мастачный отмывается, — раздраженно ответил Судских и протянул Бехтеренко папку: — Держи.

— Эге! — оценил содержимое Бехтеренко. — Откуда?

— Менты расклеивают. Сделаешь так... — Он чуть помедлил, обдумывая распоряжение. — Подъедет Мастачный, с ним майор Веденцев. Майора сразу под арест вместе с этими... — он показал кивком головы на милиционеров, — сусликами. Сам останешься, пока Мастачный не проведет дознание. Не вмешивайся без нужды, но у нас с Мастачным договор: ты — старший.

— Понял, Игорь Петрович, — поправил автомат под рукой Бехтеренко. — Не заржавеет.

— Тогда я поехал. Пора, — кивнул Судских. — Со стрельцом вот только попрощаюсь...

На недоуменный взгляд Бехтеренко он не ответил.

Опергруппа держала всех задержанных в кольце. Люди боязливо молчали, любопытных не было.

— Что скажешь, патриот херов? — спросил Судских красномордого. Его перевязали, куртка болталась на другом плече, еще более увеличивая сходство со стрельцом.

— А скажу, что в России только так патриотов и называют. А ты мудак, начальник, хоть и важная птица.

Кому бы другому подобное оскорбление принесло много неприятностей, а на этого подбитого зла не было, и слов для достойного ответа не находилось. В прежней жизни они с ним расходились как в море корабли, далские друг от друга, со своими портами захода, своими курсами и скоростями, а вот столкнулись неожиданно.

— Кто велел забить мужика?

— Никто. Ты меня не защитил в 91-м, не спас в 93-м, не освободил в 96-м, не помог в 98-м, теперь не спрашивай. Нет у тебя таких на меня прав.

— Ты мне еще семнадцатый припомни.

— Бог припомнит.

— А Бог велел: «Не убий...»

— Знаю я этот прикол, начальник. Этот жидяра насобирал бы денюжат у нашей ссрдобольной нищеты и аля-улю в страну обетованную, а я опять в дураках на своей собственной. И не мне тебе рассказывать, кто мутит воду, кто погоду на жидовских погромах делает. И это ты им служишь, на импортных джипах порядок устанавливаешь. Тьфу ты! — сплюнул он. — И хочешь, чтобы нищий у нищего пупа не драл. Так что топай, начальник, по своим высоким делам, пусть твои ищейки терзают меня, не пачкайся.

— Грамотно излагаешь, — остановил его Судских. — А какую ты для себя сам разницу провел интернациональную?

— Ничего ты не понял, — отвернулся тот. — Я прошел такое в Афгане и Чечне, какое тебе и не снилось.

— Ты что, строевой?

— Строитель я, твою мать! — обозлился он. — Да еще какой был строитель! А теперь спился. Жена ушла, за стакан водки я любого грохну, а еще десять лет назад за соседа-еврея под нож полез. Он в Израиле фирму имеет, а я от тебя подарок. Видишь, как оно все обернулось? Я свое откаюсь, а ты — никогда. Уйди, постылый!

По трассе приближался кортеж с воем сирен, в искрах проблесковых маячков на крышах машин.

«Мастачный спешит», — понял Судских.

— Бехтеренко! Святослав Павлович! — крикнул он, и когда тот приблизился, кратко сказал: — Этого заблуду быстро в наш госпиталь под надежную охрану. Потом разберусь. Семь бед — один ответ.

3 — 17

Мастачный был очень взвинчен. Неприятный разговор мог состояться в любой момент, и он всеми силами оттягивал его, выражая неподдельный интерес к информации Христюка о заседании у президента. Длилось бы оно хоть вечность и рассказ вместе с ним!

Как обычно, каждое ведомство перекладывало ответственность на другие, выпячивая свои собственные заслуги. Все управления по борьбе с преступностью объединились против ФСР, дескать, они, не щадя живота своего, отлавливают смутьянов, а ФСР ставит палки в колеса. Со всех сторон обыграли события у деревни Карпово: как, мол, слаженно был отработан план захвата и как ФСР все испортило, а непосредственное участие шефа УСИ Судских привело к трагедии. Генеральный прокурор со своей стороны добавил ложку дегтя, комментируя убийство Нины Мотвильчук: дескать, генерал Судских надавил на него, потребовал ордер на обыск и арест, хотя этим непосредственно обязана заниматься районная прокуратура. Опять вмешательство УСИ создает дополнительные трудности органам дознания. И давно пора разграничить сферы деятельности, не дело службе стратегических исследований вмешиваться в оперативно-розыскную работу, и непонятно вовсе, почему у этого скорее теоретического ведомства оснащенность техникой и людьми на три-четыре порядка выше, а милиция вынуждена обходиться старьем и неполными штатами, но отвечать за все.

— И что Судских? Съел? — выразил живое участие к рассказу шефа Мастачный.

— То ли ты этого жука не знаешь, — отвечал Христюк раздраженно. — Выкрутился. Во-первых, сказал: он выполнял личное распоряжение президента, и президент подтвердил это. Во-вторых, вытянул за ушко начальника президентской охраны генерала Шумайло: сказал, что тот, непонятно почему, занимается отрядами юнохристианцев, из-за которых провалился план спокойного захвата Трифа в Карпово.

— Наехал на Шумайло? — неподдельно изумился Мастачный.

— Еще как наехал! — подтвердил Христюк. — Слава Богу, мы за его спиной отсиделись, я сидел и не дергался. А Генеральному прокурору Судских вообще всыпал по первое число. Если бы, сказал, в такое сверхважное заведение отбирали кадры

тщательно и при отборе совествовались с УСИ, много бы чего не произошло. Ордер на обыск и арест он затребовал до убийства, и еще очень надо разобраться, от кого утекла информация. А потом, Вася, как взялся шерстить всю Генпрокуратуру, такие факты нарушений выложил, что Генеральный за сердце схватился. Ты послушай: тут и педризм, и разврат изощренный среди важняков, и взятки, а этот, зам его...

— Мишутин, — подсказал Мастачный.

— Вот-вот! — обрадовался Христюк. — Этот козел со своей двенадцатилетней дочкой сожительствует! Жена Мишутина на пленочку сняла, в УСИ передала!

— Е-мое! — восхитился Мастачный. — Не показывали?

— Ну, Василий! — захохотал Христюк. — Любишь ты порнушку. Какое там кино, без него у всех жопы взмокли, сидели-ерзали, а когда Судских посоветовал Генеральному добровольно уйти в отставку, чтобы не доводить до всеобщего порицания его подвиги, тот встал и ушел.

— Не помер в пути?

— Это говно само не сдохнет. И вор, и сволочь. Помнишь, как мою сестру отмазывали?

Еще бы не помнить. Тогда Генеральный прокурор предложил Христюку натуральную сделку, прямо-таки купец добropорядочный! Христюк просунул свою сестру в Министерство внешних связей, а та прогорела на махинациях по закупке импортного зерна, дело разгорелось нешутейное. Тогда Генеральный прокурор вызвал Христюка и с глазу на глаз предложил чейндж: он закрывает следствие по сестре Христюка, а «милиция нравов» не вмешивается в деятельность казино «Голд лейбл», принадлежащее брату Генерального. Еще и компромат на налоговую полицию дал...

— А вот нас похвалил за последнюю операцию совместно с опергруппой УСИ. Ты в курсе, Василий, что там за операция? А то я сидел и пыжился, как индюк, а о чем речь — понятия не имел.

Мастачный разом приуныл. Пора исповедоваться.

— В курсе, Федя, — ответил Мастачный и без особого энтузиазма пересказал о сегодняшнем происшествии.

— Выходит, наши там присутствовали, а стрельбу вел лично Судских? — опешил Христюк. — Ну кино! Везде успевает!

— Понимаешь, Федя, наши лопухи выжидали, пока пьянь дралась, а Судских мимо проезжал. Услышал стрельбу и...

— Кто стрелял? — не понял Христюк. — Ты сказал, патрульные выжидали?

— Пьянь стреляла, а наши трусили. Прихлопнули старшего патруля, а постороннего прибили в драке. Судских вызвал нас и свою опергруппу. Я с Веденцевым лично выехал, но им-то ближе, вот они нас и опередили. А потом Судских арестовал Веденцева и патруль.

— Ничего не понимаю! — затряс головой Христюк. — За что же он наших хвалил? За что Веденцева забрал? На каком основании! — всю возмущался Христюк.

— Остынь, Федя, — смиренно просил Мастачный. — Ты не знаешь, что в нашем царстве-государстве каждый делает что хочет, нормальных законов нет, переплелось все...

— Да пусть их трижды не будет! — продолжал кипеть Христюк. — Мне на эти законы плевать с самой высокой колокольни, но какого он хрена командует! Это мои люди, я сам знаю, кого и как наказывать! Я президенту буду жаловаться! Хвалит он меня!..

— Успокойся, Федя, — тянул его за рукав Мастачный. — Судских патруль за халатность арестовал, Веденцева — за попустительство. Утрясется все.

— Да какое он право имел! Это он скоро ко мне в постель залезет? — схватил трубку прямой связи с министром внутренних дел Христюк.

— Остынь! — перехватил его руку в запястье Мастачный. — Так надо. Выпустит. Договорено.

Христюк выпучил глаза. Приходя в себя, он спросил:

— Хлопец, ты чего-то не договариваешь.

— Да, Федя. Обстоятельства.

— Выкладывай, Василий. Все выкладывай, не доводи до греха.

— Пойми, Федор, правильно, как я тебя всегда понимал. Помнишь, студенточку ты замочил, узнала она тебя, квартиру ты у нее обокрал под видом домовника?

— А ты чего это, Вася, по темным уголочкам зашарил? — прищурился Христюк. — Было и было, и у тебя много чего было, а сейчас мы не злые наши денечки вспоминаем, — слегка расслабился он. — Я тебе не враг, но как было дело, знать обязан. Не темни. Влипнешь ты, мне всыпят первому.

— Влип, — вздохнул Мастачный. — На наркоте влип, а Судских, когда на квартире Мотвийчук сошлись, намекнул, что все знает. Сегодня пришлось должок отдать.

— Ага, — угрюмо вычислял Христюк. — Судских надо было арестовать наш патруль за то, чтобы списать на кого-то собственный беспредел: открыл стрельбу, грохнул старшего патруля, вызвал через тебя Веденцева и его арестовал. Так было?

— Наверно, так, — расстегнул Мастачный ворот ставшей тесной рубашки.

— Он купил тебя, Вася. А потом насмешки строил у президента. Над всем управлением надсмехался!..

— Но куда мне было податься? — вскопил Мастачный. — Да, купил. Знаю!

— Нет, хлопец, не знаешь. А узнаешь, в штаны наложишь. Веденцев через своих доверенных листовки развозил, вся ФСР месяц на ушах стоит!

Пришел черед хлопать ушами Мастачному. Суший змей этот Судских!

— Что ж ты, Федя, раньше об этом не обмолвился?

— А ты мне всегда все рассказывал? Про наркоту твою мне без тебя доложили, все ждал, когда сам расскажешь. Я твою Натку Севеж трахал с год до тебя, она у меня давно стучит и наркотой с моего ведома приторговывает для подержки штанов.

— Так это ты меня подставил? — ужаснулся Мастачный.

— Охолонь, Вася, — ровно не слышал обвинения Христюк. — Никто тебя не подставлял, сам влип. Тебе взятка мало, что ли?

— Нет, Федя, ты меня подставил, — сел взмокший Мастачный.

— Отвяжись! — повысил голос Христюк. — Говорю, нет, значит, нет. Знаешь, кто еще к Наташке шастает? Шумайло! Это мы с ним Натке карьеру сделали, а теперь из-за тебя мы все у Судских под колпаком. И это важнее твоих переживаний. Что делать будем?

Мастачный почти успокоился. Оказалось, его грешки не так уж и смертельны перед общей опасностью.

— Думать надо, — ответил он.

Вместе перебрали доступные и недоступные каверзы. Ничего путного не подобрали. Тягаться с Судских очень и очень накладно. Почти невозможно. И фактура не та, и на шаг впереди по каверзам.

— Я вот чего мыслю. Есть одна зацепка, — прервал молчание после долгих прикидок Христюк. — Президент спрашивал про этого беглого монаха, а Судских сказал, что нет смысла передавать его сейчас владыке. Триф — человек заумный, синоду нужен как игрушка, а занят он сейчас составлением каких-то важных прогнозов, и работу прерывать не стоит. Президент моментально снял вопрос. Слушай, ты хоть мало-мальски знаешь, что это все крутятся вокруг жалкого жиденка? На кой им всем этот мудака заумный?

— Да пошел он, этот попик! Что с Веденцевым делать?

— Уже ничего. Сдадим его Судских с потрохами, пусть Шумайло выкручивается.

— Федя, как ты не понимаешь, — начал горячиться Мастачный. — Шумайло все свалит на нас, когда Судских ему хвост прищемит. С этими листовками всем нам мало не будет.

— Кому это Судских хвост прищемит? Шумайло? Ты, хлоп, мало его знаешь, у него окоп давно в полный профиль вырыт. Не будет! — решительно отрезал Христюк. — Так и

быть, посвящу тебя в это дельце. Доподлинно не знаю, врать не буду, но листовки расклеивают с негласного разрешения Воливача.

— Кого? — не поверил своим ушам Мастачный.

— Кого слышал, — не стал повторяться Христюк. — Воливач еще тот антисемист. А это, считай, уже государственная политика.

— Антисемит, — машинально поправил Мастачный, хотя, в общем, старался этого не делать.

— Ага, — кивнул Христюк. — Судских этого может не знать, так они сами с Воливачом договорятся. Тут мы все заодно, Вася, хватит жидам нашу кровушку сосать. Ты мне лучше про попика обскажи: когда такая возня, неспроста это.

— Толком не знаю, Федя. Давай лучше Шумайло спросим. Или того лучше — Гуртового?

— Отлично! — одобрил Христюк и тотчас связался с начальником президентской охраны. Поздоровались, то да се, и Христюк перешел к интересующей теме:

— Денис Анатольевич, разъясни неграмотным, чем этот еврейчик всем мозги намозолил? Какис-то тайны вроде бы знает...

— Спроси, Федор Семенович, своего майора Веденцева, он тебе популярно все объяснит, — лаконично ответил Шумайло.

— Его Судских сегодня арестовал с листовками, — счел нужным пожаловаться Христюк.

— И ты молчишь? Иди ты!.. — выругался Шумайло и бросил трубку.

— И сразу занято, — обеими руками указал на телефонный аппарат Христюк, словно там сокрыт секретный ларчик. — И пусть себе грызутся теперь, а мы — обиженная сторона. Так говоришь, Гуртового попытать?

— Давай, конечно. Этот педик в курсе всех событий.

Связались с приемной. То да се, и опять главный вопрос. Гуртовой засмеялся:

— «Милиция нравов» обязана бы знать о Трифе все от корки до корки. Вы на каком стуле изволите сидеть, Федор Семенович?

— Я-то вообще в кресле сижу, — не без важности заметил Христюк.

— Это не возбраняется, — опять хихикнул Гуртовой. — Но все же он на четырех ножках?

— Разумеется, — на всякий случай свесил голову к ножкам кресла Христюк.

— Точно так размещается любая власть, которая сидит прочно.

— А если не прочно? — угадывал направление мысли Гуртового Христюк.

— Тогда этот стул на трех ножках. Но сидеть еще можно вполне прилично. А теперь попробуйте лишить стул одной из ножек.

— Упасть не хочу, — проявил гений сообразительности Христюк.

— То-то и оно! — совсем радостно засмеялся Гуртовой. — Так вот небезызвестный Илья Триф пытается лишить наш стул третьей ножки. Проще говоря, посеять недоверие к Церкви. Я вам сейчас подошлю своего секретаря, он вас досконально просветит. А вы мне ответно не окажете услугу, Федор Семенович?

— Всегда готов!

— Мойзес Дейл не проявился в Москве опять?

— Есть такой. По вашей просьбе слежка за ним установлена, телефон в номере гостиницы прослушивается. Хитер этот ваш Мойша, предпочитает по телефону-автомату говорить. Не далее как позавчера встречался с сыном Мотвийчук, а вчера с генеральным директором сыскного бюро «Русичь» Портновым. Речь шла о бумагах Трифа. Портнов предлагал копии. Дейл соглашался только на оригиналы. Однако, мы выяснили, оригиналы у Судских.

— Опять Судских, — проворчал Гуртовой и уже бодро ответил: — Понял, Федор Семенович, спасибо.

Пока ждали посланца Гуртового, попили чайку, закусили, по разу хлопнули по заднице младшего лейтенанта милиции Зимину: Христюк — когда Зимина чай вносила, Мастачный — когда Зимина уносила посуду. Всех троих это развеселило.

Наконец дежурный впустил в кабинет Христюка юношу с тонкой шеей и вихляющим задом. «У Гуртового сплошь и рядом педики», — решили оба одинаково и наморщили носы. Юноша признал в них антагонистов голубых и тоже сморщил нос, хотя не огорчился. Он снял тонкую дорогую шубу из лисьего меха, уложил ее аккуратно в конце стола для заседаний, выбрал стул так, чтобы видеть обоих сразу, сел и начал говорить без вступления голосом, каким обычно говорят представители обиженных сексуальных меньшинств, с подвыванием и голубизной, но излагал все ладно, без витиеватости.

— Прежде чем объяснить вам суть исследований Ильи Натановича Трифа, следует рассказать вам о Библии вообще, которую господа явно в руках не держали.

«Еще чего!» — чуть не выпалил коммунист Мастачный, но Христюк так глянул на зама, что Мастачный словно в веру обратился, настолько постно и смиренно он стал слушать посланца Гуртового.

— Библия состоит из Ветхого и Нового заветов. В Ветхом собрана история еврейского народа от Адама и Евы до развала еврейского государства вместе с пророчествами еврейских проповедников. В Новом завете собраны четыре Евангелия, где каждый из четырех евангелистов рассказывает о житие Иисуса Христа по своим воспоминаниям. Затем в Новом завете даны деяния последователей Христа, причисленных к лику святых, апостолов, и послания различным христианским общинам. В конце Нового завета дан Апокалипсис, или Откровения Иоанна Богослова, где описан конец безбожия на земле и воцарение справедливости Господней для всех спасенных им верующих.

Наиболее интересна в историческом плане первая часть Библии, где описаны не только злоключения еврейского народа, но и зло, чинимое иудеями как себе, так и другим.

— А чем отличается еврей от иудея? — аккуратно подал голос Христюк. — Чистые и нечистые, что ли?

— Евреи — обобщающее понятие всех двенадцати колен рода Иакова, а иудеи — колено, наиболее многочисленное, по имени родоначальника его Иуды. Не путайте с Иудой Искаротом, продавшим Христа, — без ушемшки объяснил посланец Гуртового и продолжил: — Суть иудаизма в том, что евреи — избранный Богом народ, хотя доподлинного подтверждения данному постулату в других религиях нет. Будучи людьми практичными, с повышенной выживаемостью в гонениях, они записали этот постулат в свои древние книги и ссылаются на него так, будто сам Господь Бог собственноручно утвердил этот статус. Как я сказал, подтверждения этому нет, но аксиома первородства не обсуждается. Приверженцы прочих религий и течений считают избранными, или правоверными, только себя самих. И об этом не спорят. Поскольку своя религия почитасма, а чужая их не касаема.

Сравнивая письменные памятники, ученые установили главную причину присвоения первородства евреями. Допустим, язычники римляне и греки привязывали своих богов к месту жительства: Зевс царил над Грецией, Юпитер — над нынешней Италией, позже Будда поселился над Индией, Аллах — над мусульманским миром и так далее. Народы селили своих богов над собой. Евреи же изначально постоянного места жительства не имели. Беднейшие козопасы, выходцы из глубинных районов Африки, они проникли сначала в Египет, а там и на земли нынешнего Израиля, откуда они безжалостно вытеснили аборигенов, якобы по завещанию Бога. Пришлый народец подкрепил право на эти земли выдуманной религией, а обленившийся от сытой жизни прежний хозяин противопоставить этому ничего не смог, поскольку

ку молился истуканам, был то есть язычником. К слову сказать, евреи лоббируют в Штатах, укрепили свои позиции исподволь. Американцы, уничтожившие индейцев, спустя рукава относились к еврейским переселенцам, отчего теперь кусают локти. Этого не может произойти в Японии, скажем, или Китае, где корни религии уходят в века.

— А в России? — разом спросили Христюк и Мастачный.

— Россия поднялась на захваченных территориях плюс заемная религия. Пока были сильны корни боярской и дворянской знати, существовал заслон для евреев к рычагам власти. Не отвлекайтесь, — попросил посланец Гуртового и продолжил: — Можно задаться вопросом: почему весь христианский мир принял религию, созданную евреями? Ответ прост: Иисус Христос предпочтителен в борьбе за власть, как предпочтительней пулемет луку. Территория нынешней Европы в начале первого тысячелетия была белым пятном, куда устремились проповедники новой веры. Она пролагала себе путь огнем и мечом, укреплялась страхом и казнями. Имя Бога Всемогущего было весомей деревянных истуканов в лесах и каменных в горах. Этот Бог мог карать, чего не делали добренькие местечковые божки. Вот главная причина — кара, если ты отвергнешь загадочного пришельца. Позже христиане пытались доказать причастность Иисуса к европейскому месту жительства, велись крестовые походы с целью вызволения гроба Господня; однако дело сделано, Бог един, и не столь важно, что вышел Его Сын из евреев. За это их стали ненавидеть сильнее, что не лишило последних изворотливости и шествию по планете. Главную задачу — заслон другим религиям, в первую очередь исламу, нудаизм выполнил.

Есть теория, будто евреи — пришельцы из другого мира. Сушая чепуха, как и все их первородство. С другой стороны, африканский континент, переживший гигантский катаклизм, был древнейшей колыбелью цивилизации. Антропологически доказано, что евреи — африканоиды, им присущи генетические особенности именно жителей Африки, откуда

следует, что они являются древнейшими представителями этого материка, о чем и говорится в Книге Бытия. У них была некогда высокая культура, они владели расчетами, которые ныне считаются утраченными или тайными. Умение египтян возводить пирамиды напрямую связано с африканской цивилизацией допотопного периода. Видимо, египтяне разжились этими тайнами, а евреи позже выкрали их. Надо отдать должное евреям, они сохранили опыт своих предков, сначала передавая тайны изустно, а позже записав их. Письменные памятники на древнееврейском старше египетских, это о чем-то говорит. Новое, принято считать, это хорошо забытое старое. Сейчас, когда прогресс торит дорогу по трупам людей, по ухабам бытия, сжигая нас, грешных, то атомной бомбой, то экологической грязью, где-то давным-давно записано, что можно и чего нельзя. Илья Натанович Триф, судя по всему, к этим тайнам приблизился на опасно близкое расстояние, — неожиданно закончил посланец Гуртового. — Благодарю за внимание.

Еще некоторое время две хохлацких картофелины торчали над столом в виде семенного фонда. Потом глазки ожили, превратились в глаза, впадины и бугры стали ртами, ушами, ожили, одним словом, а посланец Гуртового надел свою роскошную лисью шубу и удалился, посчитав необязательным разводить тары-бары с антагонистами.

«Кто имеет уши, тот услышит, кто имеет разум, тот поймет».

— Давай-ка хлопнем коньячку, — очухался первым Христюк. Достал бутылку фирменного французского «Наполеона», разлил до краев в стаканы. Выпили, не закусывая. Ничего не поняли. Выпили еще.

— Ни хрена себе! — хлопнул по лбу Христюк. — А мы тут ерундой всякой занимаемся, как дурачки, листовки клеим.

— Почему как? — подъялдычил Мастачный. — Дураки и есть. Представь, какую деньгу сострижет тот, кто попика этого обработает?

— Какая там денюга, Вася! — заорал Христюк. — Власть, Вася, власть! — и уже серьезно спросил: — Где Судских прячет жида?

— Думаю, в одном из своих тайных пансионатов.

— Тут не думать надо, а действовать! И очень быстро.

Христюк почесал лысину, походил перво по кабинету.

— Ну-ка, еще по единой...

Мастачный шустро разлил коньяк по стаканам. Выпили единым духом. Христюк еще немного пометался по кабинету.

— Берем Портнова, — выдал решение Христюк. — Он знает больше нашего, зря времени тратить не будем.

— Опасная затея, Федя, — осторожно подсказал осоловевший Мастачный. — Это ж не в гостиницу с понятыми, это ж к Судских...

— Ты, Вася, раньше времени не канючь. Ты меня еще не знаешь. А я — такой, — показал руками и головой, какой он на самом деле, Христюк. — Ты пока разузнай потихоньку, где у Судских эти его «вольфшпаны» находятся. бункеры и трезубцы.

— Это-то можно, — кивнул, а проще, уронил голову Мастачный.

— А руководить операцией я буду лично.

4 — 18

Пышные празднества в Москве и окрестностях России давно кончились, ровно их и не было, потянулось далее серое бытие, состоящее сугубо из доставания пищи. Новые власти, провозгласив режим строжайшей экономии во всем, дабы возродить разваленную экономику, прежде всего почти полностью задавили коммерческую торговлю, восстановив государственную. Страна опять стала в очередь. Старушки, призывавшие порядок, получили его, а те, кто порядок понимал по-своему, быстро натоптали дорожки к черным ходам. «Есть Бог!» — потирали руки жирные гастрономовские тетки, возвышаясь над прилавками. Им снова выпало повелевать.

Чара на жизнь не жаловалась. Классная портниха, она и в пору разгула демократии не осталась без заработков, обшивая банкирских жен и любовниц банкиров. Те и другие щедро одаривали ее валютой и рублями. Ввели карточки, потекли к ней чистые продукты и те же рубли с потоком жен и любовниц государственных мужей. Она принимала их вместе с подношениями, но служительниц прилавков по-прежнему игнорировала. Ей была свойственна брезгливость.

Она могла бы считать себя вполне счастливой, если бы счастье принадлежало одной: делить его на двоих у Чары не получалось. Дело не в Марье, которая жила с ней: в трех комнатах разместиться двум противоположностям можно. Чара к взбалмошной Марье всегда относилась одинаково: что-то не так — марш в свою комнату, еда в холодильнике, карточки на холодильнике, привет. За три года совместного проживания у них сложились отношения подружек. Марья могла критикнуть. Чара могла прикрикнуть, стало быть, полный баланс понимания.

По природе своей рассудительная и наблюдательная, Чара ко всем без исключения относилась равно. Требовалось выказать характер, она делала это, но взвесив основательно свою неуступчивость. Пословица «Мягко стелет...» подходила к ней в том смысле, что если стелила она, значит, среди ночи не поднимет. Ей казалось, все на свете можно решить мирным путем и, сталкиваясь с агрессивностью, эгоизмом, предпочитала отойти. Может, поэтому в неполные тридцать лет она не обзавелась постоянным спутником. Ухажеры Чары сразу же после первой ночи выначивались, буквально требуя кофе в постель, а Чара сама любила пить его, лежа в постели. Мужчины были, не переводились постоянно — Марья не помеха, но не задерживались. Эффектная внешность привлекала их, раскрепощенность в нравах настораживала. Чара не считала зазорным в первый день знакомства лечь в постель, предпочитая ложе на стороне, чтобы не травмировать лишний раз Марью; возвращаясь утром, словно после обязательного и естественного дежурства, она спокойно принимала

схидный вопрос встречающей Марьи: «Дать дала, а замуж не вышла?» «Не вышла», — с такой же иронией отвечала Чара. Снимала верхнюю одежду, в ванной разглядывала себя обнаженную: и что этим мужикам надо?.. В зеркале до пола отражалась брюнетка с ладной фигурой и высокой, не вялой грудью, точеные длинные ноги, волнистые густые волосы, темные, с загадочной глубиной глаза, губы; рот... великоват, со складками ранней огорченности. А в общем, дураки мужики, размышляла она после очередной отлучки из дому, заведомо чувствуя, что встреча окажется единственной. Кто-то из подружек наставлял помуржить ухажера денек-другой, а уж после соглашаться на интим. Чара отмахивалась: пробовала и это. И ставила точку до очередного случая, благодаря внимание противоположного пола не убывало.

Она не остервенела с годами, относясь к своей неустроенности философски: придет время — найдется и для нее спутник. Пусть и к старости, ничего, а пока обижаться не на что.

Беззаветно любил ее один Эльдар Назаров, но как раз его Чара к себе не подпускала. Рестораны, компании — пожалуйста, и не дальше чашки кофе на кухне. Марья так и прозывала его — байничек с кухни. Эльдар был скорее ее телохранителем, табу наложил Виктор Портнов, познакомивший их: «Таких любят, но с такими не спят». Сам он переспал с ней, но не раздружился.

Активно принялась устраивать ее судьбу Наточка Севеж с тех пор, как Светлана взялась окучивать полудурка Мотвийчука. История с Марьей в Карпово только способствовала ее активности. Она знакомила Чару с мужчинами из своего окружения, каких хватало с лишком, не забывая всякий раз поставить клеймо: «Проверено. Физических и моральных мин нет». Мужчины эти были, как выражалась Наточка, из породы крупняка. Женатые — да, но плотские радости им могли предоставить по заказу в саунах и на выбор по высшему разряду. Прошедшая Крым и рым Наточка Севеж сразу разобралась в плюсах и минусах подруги, поэтому подбирала ей

мужчин, желающих не столько секса, сколько любви — обыкновенного женского внимания. Но пока только подбирала.

С Наточкой Чару познакомила одна из постоянных клиенток. Еще до первого знакомства Чару почти все удивляло в Наточке: безголосая и, в общем, бесталанная дива, без запоминающихся телесных качеств, она свободно вытесняла с подмостков эстрадных львиц и старлеток. Чара внимательно следила за каждым выступлением Наточки, в первую очередь оценивая наряд певицы. Да, одевается с потрясающим не вкусом, но умением, детали продуманы, а пластика Наточки дополняла туалет — заводная кукла, наряженная искусными мастерами. Как, впрочем, и было: имидж девочки-подростка, короткие платица, пионерские юбочки-фестончики, едва прикрывавшие попку с кулачок, она распаляла страсти пресыщенной знати.

Чара сразу распознала глубину порока своей новой знакомой. А надо ли это обсуждать? В каждой женщине сидит гложащий ее червячок, который может вырасти в змея: стоит ли создавать себе дополнительные трудности, высчитывая час его появления?

— Шить на вас сущее удовольствие! — воскликнула Чара, едва Наточка освободилась от шиншилловой шубки. А то, что ей предложила Чара в следующий момент, вызвало восторг у Наточки:

— Я именно это и хочу! Я с вами на всю жизнь.

Потом чай, немножко ликеру, переход на «ты», женско-женские разговоры, и не по годам премудрая Наточка высказала свое видение проблем Чары:

— Не стоит ждать принцев, будем брать то, что есть, — королей!

Она пригласила Чару на одно закрытое шоу, потом на другое, третье, обкатала, так сказать, дала примелькаться в свете и, наконец, объявила о предстоящем знакомстве с пиковым королем. «Ты меня одеваешь, я найду тебе того, кто будет одевать тебя и не утомлять раздеванием». «Но хочется же!» — хохотала Чара. «Не торопись». — И взгляд Наточки повлажнел.

Она подошла к Чаре вплотную, подняла ее с кресла.

— Мужчины не стоят капельки нашей любви, — прошептала она и поцеловала Чару так глубоко и пронзительно, как не делал этого ни один мужчина. Чара не сопротивлялась ее ласкам и впервые почувствовала себя глубоко удовлетворенной.

В казино «Голд лейбл», немногое из продолжавших функционировать, Чаре оказали суперклассный прием. Для нее выстилались вышколенные лакеи, ей улыбались стойкие ко всему крупье и банкометы, для нее пела и танцевала Наточка Севеж. Чара поиграла в рулетку: учтивый молодой человек из персонала неназойливо советовал ей под руку, куда и как лучше делать ставки. Нет, это не набег на увеселительные заведения с Виктором и Эльдаром, это классика! Чара загорелась, дважды выиграв на «зеро» по-крупной. «Пора ужинать», — шепнула ей в ушко Наточка. «Еще раз! — прижалась к ней Чара. — Я так счастлива. Не из-за денег! Еще раз на «зеро»!» И сорвала банк снова. Выигрыш Чары составил астрономическую сумму. Сплошное «О» восторга окольцевало Чару, и лишь крупье ничему не удивился — в казино другие мерки счастья и по другим правилам, — девочки-помощницы пододвинули Чаре целый город из башенок-фишек.

— Кешем! — распорядилась Наточка и увлекла Чару за собой. — Пойдем, выигрыш будет ждать тебя, пора привести себя в порядок, короли не любят беспорядков...

В закрытом кабинете их ждал столик, сервированный на четыре персоны, а Чару еще и увесистая пачка долларов.

— Здесь это не пресекается? — удивилась она.

— Здесь ничего не пресекается, здесь избранные. А в наш тесный круг не каждый попадает.

— Я очень обязана тебе, — почувствовала прилив нежности к Наточке Чара. Взяла за руки, притянула к себе, заглянула в глаза. Что-то пряталось там, бесовское и влекущее. — Я хочу тебя...

— Ты моя надежда, — прошептала Наточка томно. — И ты всем обязана себе. Только я понимаю тебя, — но нажатием пальцев не позволила Чаре приблизиться слишком. —

Расслабься. Сейчас будут гости. Один мой кавалер, другой станет твоим королем...

Вошли двое. Лицо одного показалось Чаре знакомым. Она не сказала бы себе, что желает такого ухажера: картофелина и картофелина, хотя и в мундире.

— Генерал Христюк, — представился он, если принимать, что учтивость приличествует картофелине.

Чара вспомнила его: начальник «милиции нравов», он часто выступал по телевидению. «Надо же, — удивилась она, — громит подобные заведения с экрана и не стесняется появляться здесь в форме...»

— Генерал Шумайло, — представился другой вошедший и добавил: — Денис...

На нем была прекрасно сшитая тройка-беж, не менее ладно сидящая на генерале. К тому же у него была вполне стройная фигура.

«Вот от такого кавалера я бы не отказалась», — подумала Чара, а Наточка уже суежилась, лишая подругу спокойного осмысления достоинств Шумайло.

— Все звезды в гости будут к нам! — продекламировала она и, сделав ласточку, поочередно поцеловала щеки обоих генералов.

— Это уж кто к кому, — заметил Шумайло, усаживаясь и внимательно оглядывая Чару. — Присаживайтесь рядом...

За ужином было весело. Чара и Наточка умело составили дуэт, будто знали друг друга бог знает с каких лет, чего не скажешь о генералах. Христюка пучило от каких-то неведомых заслуг, время от времени он с кем-то связывался по мобильному телефону, пока Шумайло, державшийся с приличиями, не остановил ретивого служаку:

— Охолонь, в цирке все спят, а зрители пришли не за этим.

Сбежав от ухажеров на пару минут в туалет, Наточка спросила, заранее предвкушая ответ:

— Ну как тебе пиковый?

— Обалденный мужик!

— Импотент, — поправляя челочку надо лбом, просто сказала Наточка, как констатируют: «миллионер» или «ро-тшильд».

— Да ну! — ужаснулась Чара. — Бедный Денис...

— Не бери в голову, если можно в рот. Тебе такой и нужен. Ты к нему приладишься, а я буду спокойна за тебя.

Сказала, будто в карман залезла: Чара уже считала Шумайло своим приобретением. Слегка взыграли собственнические чувства.

В пятом часу утра Шумайло со всеми знаками внимания доставил Чару домой. Памятуя сказанное Наточкой, Чара считала, что они распрощаются прямо в машине, и ошиблась. Вежливо и непринужденно генерал напросился на кофе. Столь же непринужденно он передвинул кресло в гостиной поудобнее для себя, выбрал видеокассету и стал смотреть ее прямо с середины: обычный американский боевик с Чаком Норрисом. За ужином в казино у них установились милые отношения, и Чара не стеснялась его присутствия. Он сел к телевизору, что ж... она отправилась принимать ванну.

Да, она готова скрасить одиночество этой важной птице, будет терпеливой и снисходительной подругой. Расчесывая волосы массажной щеткой, она беседовала со своим отражением в зеркале. Да, она еще очень пикантна, особенно в этой рубашонке с тонкими бретельками, ее грудь покоится в ней спокойно и привлекательно для всякого, кто сунет нос в кружевной вырез... Ах, какая жалость, как приятно бы закончилась их первая ночь, как хочет этого ее тело!..

Крепкие руки на своей талии она восприняла продолжением своих мечтаний. Они развернули ее от зеркала, изумленная Чара увидела перед собой пожилого Аполлона, а потом только яростно шептала чуть слышно и только для себя: «Ну, Натка, ну, стерва!» — и захохотала счастливая, когда их объятия расплелись и холодок кафеля коснулся ее ног.

— Эта сказка будет вечной? — испытующе спросила она, не обращая внимания на запах газа: кофе вскипел и залил, видимо, огонь.

— Все зависит от тебя, — ответил он и ушел на кухню погасить огонь.

В конце концов они выпили по чашечке крепкого кофе, завернувшись в махровые простыни, и под возгласы с экрана: «Заходи справа! Держи! Уйдет!» — обнаружили себя нагими на тахте, и опять Чара поминала Наточку стервозными словечками — такого мужчины ей пока не попадалось.

Буквально истерзанная напором страстей и в то же время крайне возбужденная, Чара едва дождалась учтивых расставаний с поцелуями в кончики пальцев. Ее рыцарь был отважен при взятии крепости и галантен с дамой.

— Натка! — подняла подругу звонком Чара. — Ты чего наплела?

— Ой, оставь, — сонно откликнулась Наточка. — Высплюсь, поговорим, я приеду.

— Да ты послушай только! — настаивала Чара.

— Отвяжись! — отрезала Наточка. — Что нового ты мне расскажешь? Трахались в ванной, потом на диване, и он был весь пламя?

— А что? — настороженно спросила Чара. — Ты спала с ним?

— Меня мужики не интересуют, импотенты тем более, — лаконичный ответ и гудки отбоя.

«От зависти», — решила Чара, успокоилась и заснула, как провалилась в преисподнюю, где только что побывала с Денисом.

В краткий миг между сном и реальностью пред ней возникли глаза Шумайло. Такие были у школьного учителя из далекого детства. Пустые и холодные. Его поймали однажды подглядывающим за девочками в туалете. Чепуха, отмахнулась Чара и заснула.

«Тебе нравится тут?» — спросил Денис, кутаясь в махровую простыню. Он спрашивал и смотрел в сторону.

«Мне с тобой везде хорошо», — отвечала она, пытаясь увидеть его глаза.

Они стояли на галечном холме, под ногами зиял огромный котлован или заброшенный карьер. Вдали, над круто срезанной стеной карьера, возвышался нстронутый лес, угрюмый и молчаливый; громадные сосны пытались дотянуться до неба, пожаловаться Господу на людскую несправедливость: «Доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» Всюду песок, булыжники, глина то в расстил, то кучами, то ямами — первозданный хаос и носятся темными стаями орудие вороны. Но тепло. Влажно. Чуть-чуть до появления солнца из-за кромки темно-серого облачного полога. И очень спокойно рядом с Денисом, ничто не пугает. Он сильный, неистовый. Не он ли расшвырял по карьеру эту искореженную технику? Вон башня танка, ствол задрался вверх, вон еще один, гусеницами к небу, вот какие-то перекрученные, наверное, взрывами конструкции, много разбитых, сожженных вагонов. «Ой, Денис, какой ты храбрый!» — «Я? Это не я». — «А кто же все это разрушил?» — «Это было до меня. Я всего лишь охраняю тайну этого места, чтобы никто не узнал». — «А мне расскажешь? Я ведь теперь твоя кровинка». — «Сам хочу у тебя кое-что узнать». — «Спрашивай, родной». — «Родной? Раз переспали, и уже родной?» — «Ну зачем ты так? Я столько тебя искала, единственного». — «А сестру свою не пыталась найти?» — «Где же? Только на том свете...» — «Это и есть тот свет, здесь она». — «Зачем ты так шутишь?» — «Не собираюсь, я слишком серьезен. Видишь, вон дыра в стене карьера? Там живет твоя сестра со своим мужем. Целые и невредимые». — «Зачем ты так! Они погибли, попали в аварию! Или мы действительно на небесах?» — «Глупая, какие небеса? Это Армагеддон-2». — «Если они живы, почему тогда не приедут в отпуск, им положено раз в год». — «Ничего им не положено. Всех жителей этого города в начале года сняли со всех видов довольствия. Видишь колею железной дороги? Раньше по ней доставляли продукты и прочие припасы. Пустят вагон с горки, он сам к ним катит в запретную зону. Возврата тары не надо, все равно зараженная». — «Но

как же можно поступать так с живыми?» — «Для них места нет. Они поражены неизвестным вирусом. Их не стали убивать, не стали экспериментировать, но не стали и кормить, чтобы эксперимент шел чистым. Тебе их жалко, а у них здесь овощи круглый год, зимы не бывает, одной помидорины хватает на десять человек, кролик больше коровы». — «Я хочу видеть сестру». — «Это твое дело. Только назад дороги нет. Прямо перед нами начинается полоса зараженной земли, за нами ряды колючей проволоки, по собственной воле сюда никто не заходит. Были смельчаки, погибали через день». — «Но как же сестра с мужем?» — «Вот это и составляет тайну». — «Я хочу видеть сестру. Катя! Гена!...» — «Оставайся, глупая...»

Денис растворился в пространстве. Чара пыталась удерживать его руками, схватить, как в детских жмурках, и тщетно. Она очнулась вдруг, натолкнувшись на что-то, стащила повязку с глаз: «Натка, ты как сюда попала? Денис где?» — «Меня мужики не интересуют, тем более импотенты». — «О чем ты говоришь? Он настоящий мужчина!» — «Вот дура! Смотри туда!» Наточка засмеялась, сделала ласточку, и Чара взглянула по направлению вытянутой руки. К ней шла сестра, широкий ремень через шею удерживал перед ней лоток. «Катя! Что это?» «Нас сократили, — печально ответила сестра. — А жить надо. Вот Геннадий делает, а я продаю. Только нашим такие вещи не нужны. Может, купишь, тебе такие вещи нравятся?» «Какая мерзость!» — воскликнула Чара: на лотке лежали мужские детородные органы. «Чара, успокойся! — просила сестра. — Лучше скажи мне, как дочурка моя? Отпусти ее к нам. Только пусть панталончики теплые наденет, здесь так прохладно вечерами». — «А где мой Денис?» — «Будь он проклят, твой Денис!» — «Что он сделал вам плохого?» — «Еще узнаешь. С каким страшным человеком ты связалась...»

Она рванулась прочь с холма, потом вверх по насыпи, к Денису. Нет, не Денис стоял там: Эльдар смотрел на нее с укоризной.

Григорий Лаптев бесцеремонно поднял Судских в шестом часу утра.

— Игорь Петрович, без извинений, доброе утро. Срочно приезжайте в контору.

— А ты чего в такую рань поднялся? — осмысливал звонок Лаптева Судских.

— А я и не уезжал. Часов с двух ночи машина стала такое выдавать, что чаю попить забыл.

— Вот как? — прогоняя остатки сна, протирает глаза Судских. — Архиважные новости?

— Приезжайте. Гриша Лаптев любимого генерала зря не подымет. Машина за вами вышла.

Гудки отбоя означали одно: удовлетворять любопытство шефа Григорий не собирался по телефону.

Проснулась жена, включила ночник.

— Спи, спи, — потушил его Судских.

— Ни сна, ни отдыха, — зевнула она. — Ох, Судских, Судских, не будет из тебя путного мужика, — посетовала она, зарываясь в подушку. — А старика и вовсе...

«До старости еще дожить надо», — хотелось ответить ему. А стоит ли затевать пикировку? Спит человек без волнений и пусть спит, не знает всего и незачем.

В прихожей заметил, надевая полусапожки, что левый носок надел шиворот-навыворот.

«Бить будут, — вспомнил примету Судских. Присел, вывернул носок, обулся. — Теперь не будут».

Утренняя Москва встречала промозглой взвесью в воздухе. И не снег, и не туман, а черт-те что, как и сама жизнь. На дворе апрель, а весной не пахнет.

«Лет десять назад казалось, когда большая часть московских заводов практически бездействовала, что дышать станет легче, смога не будет, а оно вон как вывернулось наизнанку, — поджидая машину, размышлял он. — А вы-

вернулось наизнанку то, что коммунальные службы будто вымерли, антисанитария царила полнейшая, по грудам мусора среди дня вольготно разгуливали крысы, а свалки приблизились к Москве, как вермахт в сорок первом, к тому же взяли столицу коммунистического режима в кольцо. Полнейшая победа, город в блокаде, со дня на день десант заразы, а мы полны оптимизма», — подытожил размышления Судских.

Подъехала машина, прямо к бордюру напротив входа.

— Доброго здоровьичка, Игорь Петрович, — приветствовал Судских водитель. Охранник предусмотрительно держал заднюю дверцу открытой.

— Привет тем, кому спать не дают, — ответил Судских, усаживаясь на заднем сиденье джипа. Охранник вскочил рядом с водителем.

Еще месяц назад Судских завел бы свою «волжанку» и поехал в Ясенево, спокойно размышляя в одиночестве. Со вчерашнего дня выполнялся его приказ о передвижении только группами и запрете на открытые переговоры по спецсвязи. В конце марта обстреляли машину Бурмистрова в черте города часов около восьми вечера. Ехал сам, не заметил, откуда и кто палил. К счастью, самого Бурмистрова не задело, очередь прошла ниже сиденья. Чьих рук дело? Бурмистров ехал с оранжевым пропуском на лобовом стекле по форме один, разрешающий проезд везде и в любое время суток. Ссылаться на разбойное нападение не приходилось, на акт возмездия мафиозной структуры тем более: все группировки ушли в глубокое подполье после облав годичной давности, когда очищали Москву в плане подготовки к выборам. Перестреляли и перекурочили более пяти тысяч человек. Облавы проводила только что созданная «милиция нравов» и явно перебила больше невинных да бомжей, чем крутых мафиози. Стало ли спокойнее в Москве? Тише стало, но потому, что москвичи не высывались из домов позже восьми вечера, лишь те, кто как-то связан с органами милиции, дружинники и стукачи, сама милиция моталась по городу, сжигая бензи-

ну больше, чем весь Аэрофлот. Как в том анекдоте: «Вот тебе охрана, ты ее пои, корми, одевай и под ноги не суйся».

На оперативке решили: обстрел Бурмистрова — дело рук дуболомов Христюка. Вспомнили другой случай, когда у джипа Бурмистрова, припаркованного на полчаса у жилого дома, прокололи все четыре ската и разбили лобовое стекло. На «Ниве» Левицкого вскрыли дверцу, изрезали сиденья. Собралось еще несколько случаев. Отличительная особенность всех — наличие оранжевого пропуска. Подленькая месть. Но за что? Президент благоволил к УСИ, считая Управление Судских сильным во всех отношениях. Оснащены лучше, подготовка и вооружение лучше, кадры толковее. Руководство МВД неоднократно жаловалось на скудные оклады и ветхую технику. Разбирательство президентской комиссии показало, что субсидии всем силовым ведомствам выделяются в равных пропорциях, согласно бюджету, и истрачены они, по сведениям самих ведомств, на технику и повышение окладов личному составу. В Думе руководители МВД оправдывались неубедительно, хотя фракции коммунистического большинства обеляли их; тогда оппозиция зачитала справку, где конкретно перечислялось, куда на самом деле ушли деньги из бюджета. В основном на нужды самих руководителей. Откуда документ? Из УСИ, вестимо. Полетели головы. Сменили сплошь начальство вплоть до районного. Новый шеф «милиции нравов» генерал Христюк обещал показать работу, но просил субсидий не менее пылко, а тут как раз президентские выборы, волна землетрясений и стихийных бедствий, не до субсидий милиционерам. Новый президент дал слово подбросить кое-что из новых зарубежных кредитов, но, сделав ставку на УСИ, МВД оттеснила от Кремля большая часть окружения президента, хотя Шумайло и Гуртовой поддерживали Христюка, а знаменитая фраза президента: «Свои дразги решайте сами», — послужила сигналом для сведения счетов ФСР и МВД в целом. Пока делались мелкие пакости, Судских отмалчивался, после обстрела машины Бехтеренко он приказал выезжать только группами.

Первого апреля, в праздник всех дураков, Судских назначил рейд по выявлению бесчинств «милиции нравов». На всякий случай он позвонил тридцать первого марта Христюку: «Федор Семенович, ты меня знаешь, я жаловаться не буду, лучше прекрати свои козни». Нет бы тому замирился со всемогущим шефом УСИ, так Мастачный оказался при разговоре в кабинете, подогрел страсти, и Христюк ответил: «Не пойман — не вор».

«Будем ловить», — положив трубку, подумал Судских.

И с каким же удовольствием смаковали ведущие всех программ радио и телевидения результаты первоапрельского рейда! Празднику всех дураков радовались москвичи и гости столицы: «На московских рынках отловлено службами ФСР более пятисот вымогателей-милиционеров, на привокзальном шмоне — около трехсот, на въездах — до сотни, человек двести попались в магазинах и прочих точках. Набралось более тысячи стражей порядка!» Судских велел всех доставить на стадион в Лужниках, известив о мероприятии все службы массовой информации. Вход на зрительские трибуны бесплатный.

Пожалуй, матч с легендарным Пеле не собрал бы такого количества зрителей. Судских предполагал зрительский наплыв, но такого... Его отдельные посты не могли удержать массы народа, стекающегося к Лужникам. Немедленно вызвали казацкие наряды. Казаки одинаково не жаловали и милицию, и ГБ, считая только себя Христовым воинством. В ряде стычек досталось от казацких нагаек и людям Судских, и милиционерам, и больше всего зрителям, которые одинаково не любили власти вообще. Лишь благодаря оперативному вмешательству Судских удалось предотвратить хладнокровное избиение, избежать жертв. Он заранее через Воливача договорился с командованием МО, и хмурые солдатики, которым вообще все было одинаково противно, врезались в толпы, идущие со стадиона, предотвратив давку.

Христюк попытался списать свой позор на массовые жертвы, но таковых не оказалось. Как бы там ни было, праздник вышел на славу. Отставка Христюка состоялась. Пока подыс-

кивали замену, бразды правления взял Мастачный. Это был первый случай, когда он перепрыгнул через голову шефа, чему радовался открыто.

— Федя, не бздо! — посмеиваясь, успокаивал он Христюка, вольготно восседая в его кресле. — Мы ему тоже кой-чего отмочим.

Джип Судских выехал на Садовое кольцо. Рассвело. По обочинам трассы прямо на тротуарах лежали спрессованные кучи изо льда, грязи, саж, каких-то обрывков, и лежать им до самого лета, сея заразу. В прошлом предпраздничном году неизвестный вирус выкосил более двух тысяч человек. Мор остановила вакцина, спешно доставленная из Женевы. Два года назад свирепствовал брюшной тиф, три года назад обошлись скромной холерой, человек триста всего вымерло. В этом закрыли городскую Санэпидстанцию по принципу: раз не борется с заразой, нечего содержать. Мудрое решение.

Только джип разогнался по пустынному Садовому кольцу, трассу перегородил казачий разъезд у светофора. Неспешно выезжали казачки, словно за околицу станицы: сейчас девки подойдут, споют и спляшут. Джип затормозил, хотя горел зеленый. Мохнатые казацкие лошаденки, пофыркивая, мотали трензелями.

— В чем дело? — спросил водитель соседней с джипом тормознувшей «Волги». На него не обратили внимания, даже лошади отворотились.

Судских взял микрофон, включил, пощелкал по нему ногтем.

— Служивые, уберите лошадок, — сказал он.

— Хтой-то такой грамотный, а? — зыркнул из-под папачи казачий урядник, поигрывая нагайкой.

— Это мы, — откликнулся Судских в микрофон.

— Стой себе, сейчас куренной атаман проехивать будет, — скосился на оранжевый пропуск урядник.

— Дай Бог ему здоровья, — смиренно пожелал Судских. Выключил микрофон и сказал водителю: — Включай «разлуку», гордым людям грех перечить...

Сирена поклацала для начала, словно соловей голос пробовал, потом вылез разбойник и с первой октавы «до» за три секунды перебрался до пятой «си», разодрав какофонией утренний воздух в клочья. Шарахнулись во все стороны казацкие лошади, оседая на задние ноги, под урядником лошаденка и вовсе упала, и он орал, крутя над головой нагайкой, прижатый лошадиным крупом к асфальту.

Пусть освободился, сирена смолкла.

— Теперь поехали, — сказал Судских и снова включил микрофон: — Ребята, давайте жить дружно.

В ответ шарахнул выстрел казацкого карабина. Джип круто развернулся обратно.

— Кто стрелял? — спросил Судских из джипа. Казаки спешиливались, одерживая лошадей. — Еще раз спрашиваю: кто стрелял?

В это время возле джипа остановился щеголеватый «линкольн»-кишка. Из него вышел высокий детина в бурке:

— Я куренной атаман Гречаный. Что здесь случилось?

Вышел и Судских:

— Шеф УСИ генерал Судских. Господин атаман, стали пошаливать казачки, нам обоим это добра не принесет.

— Урядник! — зычно крикнул атаман. Подбежал урядник. — Кто учинил безобразие?

— Майборода по оплошности, господин атаман, — отдал честь урядник.

Атаман сорвал с его руки нагайку и протянул Судских.

— Генерал, вот инструмент, всыпьте прилюдно засранцу.

— Я и своих не потчую, — отстранил нагайку Судских. — И не дело пороть казака прилюдно. Вы уж сами. И без нагайки...

— Спасибо, генерал, — сверкнув из-под уса золотой коронкой, ответил атаман. — Не откажи со мной в вечере чарку выпить, много о тебе слышал.

— Созвонимся, — кивнул Судских и уже с сиденья весело крикнул: — Мы с тобой одной крови!

— Зараза! — топнул ногой от прилива святых чувств куренной. — Вот такого мне дружка и надо, с таким я Кремль возьму! — Скосившись на урядника, он отдаленными раскатами грома пророкотал: — Передай всем: еще раз ментов от гарных хлопцев не отличат, велю пороть виновных и еже с ними.

В джипе ровно ничего не случилось. Не обсуждая темы, доехали до Ясенево спокойно.

Гриша Лаптев, приплясывая от нетерпения, дожидался Судских в холле.

— Где вы запропалились, Игорь Петрович?

— С союзничками братались, — на ходу отвечал Судских, увлекая его по коридору. — Прямо к тебе идем, прямо к тебе!

Раздеваясь в лаборатории Лаптева, он не выпускал из виду экран дисплея, где мерцала знакомая фраза: «Введите код».

— Вводи...

— А тут их целых три, Игорь Петрович. Вот первый, — пощелкав клавишами, ответил Григорий. На экране зажегся текст в рамке, набранный красным: «Информация доступна только специалисту, обладающему картой «ЗЕТ».

— У меня, Гриша, такой карты нет.

— Ее ни у кого нет, — ответил Григорий. — Ее делать надо. Вот пояснение... — Ряд манипуляций, и высветился текст: «Карта «ЗЕТ» является статистической сводной единицей ядерных катастроф». — Едемте дальше?

— Ты — начальник, я — дурак, — усмехнулся Судских.

Лаптев поманипулировал клавишами, и появился текст в желтой рамочке: «Информация доступна только специалисту, обладающему картой «ЙЕТ». Едва Судских прочел уведомление, Лаптев пояснил:

— Карта «ЙЕТ» является статистикой химических катастроф.

— Сколько еще надо карт?

— Осталась одна — «БЕТ»: сводные данные биологических катастроф. Но это не все. Имея три ключа, обсчитывается вводная в основной текст.

— Огогошеньки! — покачал головой Судских. — А что такое биологические катастрофы?

— Зеленая карта. Вот, смотрите. — На экране зажегся текст в зеленой рамке: «В сводную карту биологических катастроф заносятся данные всех отклонений человекообразных от нормы».

— И кто они такие, человекообразные?

— Мы с вами. Игорь Петрович. Судя по моим докукам, человеки жили в допотопный период, а к горе Арарат прибыли только человекообразные. Что-то у них там с анализами не то.

— Так, — положил руки на стол Судских. — Теперь популярно объясни мне, что сие значит.

— Интересный вопрос, — засмеялся Гриша. — Все это время мы созванивались с Трифом, пытаюсь установить ключ к тексту. Мы полагали, что ключ является единым, а там ларчик откроется. И тут я вспомнил: Ваня Бурмистров после поездки к Момоту вскользь обронил, что ключи есть у одного товарища, у архангела Михаила. Тогда я и решил обработать эту версию. По легенде, архангел Михаил был ключником у врат рая. Стал он им после того, как Господь низвергнул прежнего ключника за гордыню, ставшего дьяволом на земле. Но законный вопрос: сколько этих ключей и зачем? В рай, как мы знаем, попадут праведники, пережившие Апокалипсис. Илья Натанович подсказал взять кодом Тетраграмматон, то бишь тайное имя бога Яхве. Задали производную — четыре. Попали в точку. Машина бесилась четыре дня, но ответ выдала: так, мол, и так, господа хорошие, вооружитесь картами статистических данных, а мы вам дадим вводную, с которой вам откроется будущее.

— Гриша, — не выдержал веселости Лаптева Судских, — как ты спокойно рассуждаешь о таких вещах? Мне как-то не по себе.

— А я, Игорь Петрович, уже оттрясся, — спокойно ответил Лаптев. — Когда машина бесилась, понервничал. Тут такие штучки вылезали — мое почтение! Еще маленько, и я ото всех тайн брошу пить, курить и стану работать боженькой. А если серьезно, то потоп, описанный в Библии, — это последствие ядерной катастрофы. После этого жители земли утратили долгожительство и знания, к примеру, которые мы сейчас пытаемся выудить в Библии. Я так прикидываю и думаю, еще один потоп нас ожидает.

— Так мрачно? — спросил Судских.

— А с чего веселиться? Вы сами каждый день получаете сведения о ввозимых в нашу страну ядерных отходах, это стало нашим главным бизнесом. Россия, так сказать, кормится от свалки. И вам ли не знать, что эти могильники — наши будущие могилы. Что ж вы, Игорь Петрович, не развеселите парламент, президента?

— Это составляет государственную тайну. Отвяжись, — нахмурился Судских и отвернулся к окну.

— Вся Россия знает ее и молчит. Вот это патриотизм на страусиной тактике!

— Закрыли тему, — отрезал Судских. — Болтовней много не возьмешь. Что надо для составления этих карт?

— Специалистов, — нехотя переключился Григорий. — Я напишу докладную, кто именно нужен, и Трифа надо бы сюда. По телефону много не поработаешь. Согласен ночевать в конторе.

— Хорошо, — после паузы сказал Судских. — Завтра Триф будет здесь.

Он собрался уходить, когда замигала лампочка дежурного вызова. Гриша взял трубку и сразу окликнул Судских:

— Игорь Петрович, по прямому президент.

— В такую-то рань? — удивился Судских, забирая на руку пальто и шарф. — Сейчас буду у себя. Давай крути дальше адскую сковородку...

— Кручу-кручу, — провожал его насмешливым взглядом Лаптев.

Судских поднимался к себе, прикидывая, зачем он понадобился президенту в такую рань? За спектакль в Лужниках? Тогда бы его вначале песочил Воливач, а ему понравилось...

Его отношение к президенту претерпевало изменения. Раньше он проходил у Судских по графе коммуняки-аппаратчики. Расчетливее и рассудительнее своих сотоварищей, но из того же грязного стада. С момента избрания он менялся не по дням, а на глазах. Его, как обычно, втягивали в аппаратные интриги, он пытался уйти от них. Получалось плохо. Вокруг толклись все те же чиновники, которые мало изменились со времен батюшки Петра. Два рефлекса — жрательный и хватательный — двигали ими, среда других особей не принимала. Но президент каждое утро из четырех разных источников получал информацию о состоянии уязвимых точек в стране, которые по прочтении тотчас уничтожались. Сводную информацию знал только президент. Было отчего задуматься, измениться, оставить на второй план аппаратные игры. Даже Судских и Воливач этой информации не знали. Могли строить предположения, но не больше. Их давали президенту четыре аналитика службы специального контроля.

«Черт возьми!» — осенило Судских: как раз эти или почти эти данные требует компьютер, четыре разных ключа!

В кабинете он снял трубку прямой связи с президентом.

— Игорь Петрович, — сказал президент сухо, — нам надо срочно увидеться. Сделаем так: подъезжайте в Кремль и пересаживайтесь в мою машину. Прокатимся...

Судских стал одеваться.

На выходе из Управления его задержал дежурный. Несколько виновато он доложил, что из-под охраны в госпитале бежал его подопечный, как он его окрестил, «стрелец».

Судских сразу уловил запах спиртного в салоне президентского «линкольна».

— А, любимый генерал, — в приветствии вяло приподнял руку президент. — Забирайся в это импортное логово. Ехать будем...

«Рановато для пасхального причастия», — отметил Судских и вялый жест приветствия, и заторможенность слов. Глава государства был пьян и не скрывал этого.

— Острограммиться не хочешь? — спросил президент с участием, будто это Судских мало спал и крепко выпил.

— Не хочу, — с вежливой улыбкой отказался Судских.

— А я добавлю...

Судских молчал.

В салоне «линкольна» они сидели друг против друга. Судских с интересом наблюдал, как президент с пьяным степенством, склонив голову набок, наливает из хрустального графинчика в хрустальный же стаканчик не то виски, не то коньяк, потом пьет одним махом и кидает в рот орешек. Потом закрывает портативный бар и смотрит на Судских: понял, как это делается?

«Линкольн» стоял на месте, водитель за стеклянной перегородкой ждал команду ехать. Президент не торопился.

— Помоги мне, Игорь Петрович, решить головоломку, — сказал наконец президент. Слова он произнес вполне трезво и ровно.

— Если смогу.

— Сможешь, — уверенно кивнул президент. — Я только тебе...

— Куда мы должны ехать? — спросил Судских. Выезд президента — это все-таки не прогулка простого смертного.

— Официально — в загородную резиденцию. Потому как с нуля часов у меня президентские пасхальные каникулы. И пока мы туда ехать будем, неофициально поговорим, — твер-

до смотрел президент на Судских. — В этом гробу с музыкой, я полагаю, возможен неофициальный разговор.

Судских кивнул. Машину президента на предмет подслушивающих устройств доглядывали его люди. Только двигаться надо.

Президент по внутреннему телефону дал команду ехать. Впереди и сзади заняли место машины сопровождения, за ними — «Волга» Судских. Кorteж тронулся.

— Так вот какая головоломка... Ты, конечно, знаешь о критических зонах поражения?

— В пределах допустимого, разумеется, — кивнул Судских. Речь шла о радиоактивных могильниках, куда безобразно стаскивали и сваливали в бурты контейнеры с импортной смертоносной гадостью в изначальную пору безумного промысла. Зона поражения таких могильников в радиусе ста километров. Иностранным комиссиям для осмотра предъявляли другие, цивилизованные захоронения, как лет пятьдесят назад колхозы-миллионеры. Нужны были деньги, и с правилами не цацкались. Шесть таких зон назывались номерными Арзамасами, которые с легкостью черного юмора переиначили в Армагеддоны, что опять же породило множество веселеньких анекдотов.

— А что скажешь про Арзамас-2?

— Только то, что бывший подземный стратегический комплекс по выработке оружейного плутония законсервирован три года назад из-за непредвиденных обстоятельств, — ответил Судских без эмоций.

— Эх, генерал, генерал. Еще и лейтенант, — пытливо и жестко смотрел президент в глаза Судских. — Неужто не знаешь, что вместе с людьми?

— Знаю, — не менее жестким взглядом ответил Судских.

— Ладно бы мне до этой юдоли печальной не знать, но вы-то, вы! Все вы в погонах и без погон!

— Вам об этом должен был доложить генерал Шумайло в первый же день вашего президентства. Указ о передаче зон под ваш личный контроль подписывали вы.

— Просто как, да? А это правда, что Шумайло проводил в этой Зоне какие-то эксперименты?

— Знаю только, что погибла команда дезактиваторов из восьми человек. Знаю, что это скрыли от общественности.

— Не возьму греха на душу! — с пьяной твердостью сказал президент.

Судских смолчал. В сидящем напротив человеке он видел не уstraшенного ответственностью президента, а всех тех, кто творил зло, прикрываясь красивыми словами о необходимости спасти страну. Не президент ли подписывал секретные договоры о ввозе ядерных отходов? Не он ли ежедневно получает сводные отчеты о состоянии зон поражения? И что, там не было сводки об Армагеддоне-2? Врет. И не это, кажется, его беспокоит.

«Как это там Гриша Лаптев умничал: «Ночь продержаться и день простоять»? Государственные интересы...» — он не жалел его.

Президент снова налил себе в хрустальный стаканчик и закусил орешком. Задумчиво так разжевал его.

— А знаешь, они там неплохо устроились.

— Кто? — уточнился Судских.

— Кто, кто... — хмыкнул президент. — Бывший персонал комплекса Арзамас-2. Красиво живут.

Судских смотрел на него с укоризной.

— Не переживай, не кошуinstвую, — заслонился ладонью от его взгляда. — Вот те крест, только вчера вечером узнал. Все, оказывается, живы, нормально себя чувствуют, отлично питаются. Хозяйство ведут. Огурчики в открытом грунте выращивают. Во!

Неожиданная новость для Судских.

«Не иначе, мутанты», — подумал он.

— Не уроды, — погрозил пальчиком президент. — Нормальные, здоровые люди. Овощ, правда, более чем товарный растет...

— Как это стало известно? Чернобыльский эффект?

— Хуект, — не стеснялся президент. — Никаких отклонений от нормы, еще и лучше. Следственный контроль установил телекамеры прямо в Зоне, спутник специально для этого работал с высокой разрешающей способностью снимков. Красиво живут, как...

Он хотел сказать «при коммунизме» и лишь махнул рукой:

— Нам не снилось. А вот те, кто камеры устанавливал, как вернулись, так и готово. В поташ превратились. А ведь ходили в новейших защитных костюмах, счетчики норму показывали. Прямо в приемниках спецобработки гашеной известью стали. Дикое зрелище...

Он свесил голову. Судских ожидал продолжения.

— Может, их сверху достать? — спросил наконец президент.

— Не понял... Как достать?

— Бомбануть — и... дело с концом.

— За что их бомбить? — будто ослышался Судских. — За помидоры зимой и летом?

— А вдруг они... В общем, хреновину я говорю. Но скажи, генерал, что это?

— Чернобыльский синдром, — повторил Судских. — До поры до времени.

— А вот и нет, — возразил президент. — Замеры показывают практическое отсутствие радиации в карьере. Войти туда смертельно и невозможно, а там припеваючи живут люди. Вот, глянь-ка...

Из внутреннего кармана пиджака он достал пачку фотографий. Судских успел заметить на обороте одной: «Подлежит уничтожению». «Спер», — дал понять президент, каким образом он сохранил у себя фотографии спецконтроля.

Мелкая видимость, но хорошо различимы грядки на одной; на другой люди вроде как в салочки играют. Женщины в купальниках, мужчины в плавках, безрукавках, тепло, а по краям громадного карьера снег лежит... И веет не праздником, а какой-то жуткостью от неизведанного.

— Но детей не видно, — сказал президент.

— Не видно, — повторил Судских и произвольно пожегся.

— В сопроводилровке сказано, что они явно моложе своих лет. Ни одного лысого не осталось. А в начале консервации облысели все, мужики и бабы. Так вот, генерал, помоги решить головоломку.

— Это сложно, — ответил Судских, возвращая фотографии.

— Почему?

— Почему...

Со времен прежней власти зонами ведали спецконтролеры. При нынешней в силу ряда причин — начальник охраны президента. Каких? Хорошо налипало к пальцам от прибыльных контрактов на ввоз радиоактивных отходов и переработки. Одним — только бы вывезти заразу, другим — поживиться бы на чем угодно. Прежний шеф надзора сгинул где-то в аргентинских пампасах, нынешний торопился успеть на уходящий туда поезд и за спешку поплатился импотенцией — по недомыслию влез в активную зону. Знающие об этом прозвали Шумайло Главным евнухом президента. Служба спецконтроля подчинялась только президенту, зонами ведал единолично Шумайло. Между ними шла позиционная война, хотя внешне все обстояло прилично. Впрочем, как всегда в банке с пауками. Импотенция норова у Шумайло не убавила. Вторгаться в заведование Шумайло Судских не хотелось. У него и без этого были натянутые отношения с ним, после переподчинения отрядов юнохристиан ФСР.

— Потому, господин президент, — ждал откровенности президента Судских.

— А вот если я дам отставку Шумайло? Докладывают, зарылся мужик, — сощурился президент. — Воливач грозился замену дать...

— Значит, подыщет, — не торопился Судских открывать карты.

— А вот если замену найдет генерал Судских?

«А вот если Воливач узнает о торге?» — прищурился и Судских.

— Да не тушуйся, Игорь Петрович, — понял его президент. — Я ведь попрошу его дать список пошире, а в нем и твои будут. Так?

«Решайся, генерал, — подбадривал себя Судских. — Другого случая не представится».

— У меня только одна кандидатура, но такой человек мне самому нужен, — вздохнул Судских. — Мой зам, полковник Бехтеренко.

— Опять хохол! — поморщился президент.

— Русские, как выражается Мастачный, — это одичавшие хохлы, — усмехнулся Судских.

— Решено! — полез в бар президент.

На сей раз Судских не отказался.

Содержимое графинчика оказалось не коньяком и не виски, а хорошо очищенным самогоном, подкрашенным скорлупой грецкого ореха.

— От стронция, говорят, помогает, — объяснил президент. — Люблю я это дело, — кивнул он на графинчик и захохотал, вконец расслабившись и подobreв.

— Но ведать зонами должно наше Управление, — охладил его Судских.

Президент посмотрел на Судских трезво и внимательно: «Какой ты...», и кивнул.

— Лады. Но только попробуй прямо сейчас выстроить для меня теорию подобного нонсенса.

— Это не чепуха, — отрицательно покачал головой Судских. — И не чудо. Я так думаю, — он прокашлялся. — В Армагеддоне-2 остались вместе с обслуживающим персоналом и ученые, имевшие на то время весьма оригинальные работы в области ядерной физики. В частности, родители известной вам девочки, что в Карпово открыла огонь, незадолго до этого подготовили исследование, и довольно оригинальное, о природе нейтрино. Работу немедленно засекретили.

Вполне возможно, что они изобрели там нечто. Ведь комплекс в Зоне не демонтировали, оборудование его пригодно для исследований. Я думаю, перед лицом реальной смерти они сумели нейтрализовать действие радиации.

— Неужели это возможно?

— А почему нет? Утопающий хватается за соломинку, и спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Им терять было нечего. Теоретически эту возможность не сбрасывали со счетов. Возможно, в Зоне осуществили практический вариант.

— Мама моя, — прошептал президент. — Это ж...

После этого восклицания по телу Судских будто пробежала дрожь и будто бы пахнуло озоном. «Нужен схлоп», — всплыли слова Гриши Лаптева.

— Господи! — вскинул руки президент. — Сделай теорию практикой! В монахи уйду! — После такого всплеска он опять стал серьезным: — Игорь Петрович, почему работу засекретили?

— А работам по нейтрину почему-то всегда не везло. Осуществление их требует больших материальных затрат и массы энергии для ускорителя. Вот уверен: у них там получилось!

— Сколько нужно для этого денег? — простовато, как торговец сникерсами, спросил президент.

— Если в лучшие времена не хватало, сейчас — сомневаюсь. Кстати, вето на проведение работ с нейтрино наложил министр обороны Устинов. Его поддержал Андропов. Было такое секретное заседание Политбюро.

— Но ведь возможно! Верую! Все, Игорь Петрович, вплотную берись за эту головоломку. Все зоны будут переподчинены тебе. И давай мне этого хохла твоего. Решено.

Они уже въехали на территорию загородной резиденции президента, водитель терпеливо дожидался распоряжений.

Они попрощались, и Судских направился к своей «Волге».

Охранники из машин сопровождения ушли за президентом, и, проходя мимо задней, Судских задержался, увидев через приоткрытую дверцу одного оставшегося.

«Слухач», — понял он по прибору в руках сидящего на заднем сиденье. Тот нагло ватно ухмылялся. Судских не стал церемониться:

— Все записал?

Тот неторопливо кивнул.

— Тогда понял, что начальство меняется. Давай кассету.

— Не-а, — ответил слухач. — Поживем — увидим.

Судских не стал настаивать. «Теория, — философски рассудил он, — еще не практика. Шумайло кусачий тип, и у него наверняка есть козыри, коли его вассал не боится».

Уже шла цепная реакция беспредела, в которую был втянут сам Судских; разумными мерами ее не остановить, а меры пресечения только усиливали беспредел.

— Так не отдашь? — снова спросил Судских.

— У меня свой хозяин, — не стеснялся слухач.

— Смотри, тебе жить, — добродушно сказал Судских и нагнулся к открытой дверце, в потайничке которой приметил газовый баллончик. Слухач опередил его.

— Не дури, Судских! — схватил он баллончик. — Совсем заелся?

— Кассету! — процедил негромко Судских.

Со стороны казалось, идет милая беседа, а за приоткрытой дверцей машины пистолета в руках Судских никто бы не увидел. Слухач отдал кассету.

— А я наизусть знаю весь разговор! — с издевкой сказал он. — Может, пристрелишь?

Хлопка выстрела никто и не услышал.

— Змей поганый! — прохрипел слухач, повалившись на сиденье.

— Добро творя рукою, полной зла, — пробормотал он, усаживаясь за руль машины охраны. Своей «Волге» он велел следовать за собой.

У ворот их пропустили беспрепятственно.

«Что это у меня последнее время руки какие-то липкие?» — спрашивал он себя, заведомо зная ответ.

Патриарх настоял на аудиенции и был принят незамедлительно в светлое утро Пасхи. Светлым оно выглядело символически, на самом деле небо выжимало из туч морось, которую так и хотелось назвать жирной. Небывалый случай — Пасха без солнышка: у храмов перешептывались, расходясь — роптали.

— Видать, приспичило владыке, — сказал президент, нехотя одеваясь. Хмурому утру он не удивился: жизнь дала трещину, даже на каникулах не дают отдыхать. — Приглашай, — устало и раздраженно сказал он Гуртовому.

Последнее время церковники докучали ему крепко, просьбы сыпались самые необычные. Суммируя их, президент отмечал растущий аппетит, какой бывает у щук: осенний жор перед зимней спячкой. Зимой не подают. Но куда более это напоминало средневековье. Церковь богатели, государства хирели и рассыпались; и ладно бы святые отцы клали глаз, а там и лапу на собственность государства, они приохотились давать советы в политике!

Выходя к патриарху, президент знал точно, ради чего тот оставил паству в первопрестольный праздник, и твердо решил дать отпор владыке.

— Христос воскресе! — провозгласил патриарх, разбрасывая щепотью крестики вокруг себя — так быстро и мелко крестил он воздух президентской обители. Президент смиренно приложился к ручке и неожиданно увидел себя со стороны, будто в спектакле.

«Воинственный всмятку!» — подмывало ответить, как внука учила...

Вспомнил он, но желание нахулиганить не оставило его, он и поглядывал на патриарха насмешливо, и, судя по глазам старца, озадачивал того отменно.

— С чем пожаловали, владыко? — без долгих отступлений спросил президент. Патриарх сам славился прямолиней-

ностью. Оно и лучше: мы рано встретились, мы быстро разойдемся.

— Просить хочу за чадом нерадивое, — уверенно вступил патриарх. — За генерала Шумайло.

— Чего это он стал нерадивым? Очень подвижный, везде успевает, — дал свою вводную президент, сразу расставляя точки над *i*: — Причастность к торговле наркотиками доказана, аморальность доказана, подпольная коммерческая деятельность и неуплата налогов доказаны. Генерала Шумайло ждет трибунал, а это не наша с вами епархия.

— Дениса Анатольевича оклеветали. Мы прозевали начало их вражды с генералом Судских и теперь обязаны вступить за невинно пострадавшего.

— Ваше пресвященство, я не уверен, что генерал Шумайло столь же рьяно посещал храм Божий, как места греховные, а посему мы, — президент язвительно надавил на последнее слово, оскорбившее слух, — не вправе заступаться. Пусть суд рассудит. Закон жесток, но справедлив.

— Вот и я о справедливости! Я не против судилища, но против жестокости, — подчеркнул свою позицию владыка.

— О каких жестокостях вы говорите? — покоробило президента.

— О тех, которые последуют, едва его сведут в узилище.

— Судилище, узилище, — повторил президент, затушевывая невольный сарказм. — За ним столько грехов, что пыток не подыскать, соответствующих преступлению.

— Вот видите, — зацепился патриарх. — Ведь будут пытаться?

— Не ловите на слове, владыко! — открестился от навета президент. — Все одинаковы перед законом!

— Но безвинные страдают больше.

— Какие безвинные? — насторожился президент.

— Нет у нас справедливых законов, а исполняющие их мздоимцы и люди случайные, — высказался патриарх и воззрился на президента.

— О владыко! — сразу не нашелся президент, но связать патриарху очень хотелось. — А что же Святая церковь не помогает государству принимать справедливые законы? Если выгодно, «Десять заповедей» тут как тут, не выгодно — этим пусть занимается светская власть. И чем это так мил генерал Шумайло Церкви? Притоны содержал, из отрядов «юных христиан» создал банды, где укрывались отпетые нехристи. Да что мне убеждать вас, и сами хорошо наслышаны! Вот лучше ознакомьтесь, — закончил наконец президент и пододвинул патриарху заранее приготовленную папку.

— Не стану читать эти мерзости, — отодвинул ее владыка.

— Не верите или не хотите? — уточнился президент.

— Не верю и не хочу, — поджал узкие губы патриарх. В седых волосях бороды их будто зашили.

— Не хотите, не надо, — с легким сердцем забрал папку президент. Данные о правонарушениях Шумайло привез полковник Бехтеренко на первое знакомство. Умный Судских знал, чем наполнить эту папку, чтобы президента не мучили сомнения.

— Вы очень неосмотрительно приблизили к себе генерала Судских, это принесет всем нам неисчислимые беды, — дал понять патриарх, откуда пришла пасквильная папочка.

— Ну да? Как раз Судских полно олицетворяет мужа и чин, из чего складывается мужчина. О государстве радеет, пороков нет.

— Это дьявол во плоти! — зло пристукнул посохом владыка.

— Да ладно! — отмахнулся президент.

— Судских занят богомерзкими делишками, это доказано, — напирал патриарх. — А грехи Шумайло мирские. Судских посягает на власть Божью, отступнику Илюшке Трифу потворствует!

— Вот оно что! — весело воскликнул президент. — А ваши братания с Папой римским? Это, видать, не мирское, да? То-то в России католиков прибавилось. И это бог с ним. А вот то, что Шумайло позволил Церкви без налогов водочкой под-

торговывать, — это Божье или мирское? Так я вам скажу, владыко, сам: дьяволу помогаете.

Владыка задохнулся от гнева. Да еще этот опасный поворот темы. Выручил сам президент, спросил примиряюще:

— Так в чем провинился несчастный Триф?

— Богу — Богово, кесарю — кесарево! — отрезал патриарх.

— И я за то, — поднял указующий перст президент. — Давайте не ссориться. Занимайтесь Боговым, а я кесаревым.

— Во все времена, — веско излагал неперегоревший еще владыка, — людишки слушались своих пастырей. Святая церковь никогда не ошибалась в выборе пути, спасала паству от искуса, уводя в лоно Божьего промысла, где не властен змей-искуситель.

— Ой ли, владыко? Так уж и не ошибалась? Мы, коммунисты, не хуже Церкви можем задним числом правоту доказывать, а что не получилось у партии, списать, как вы сказали, на людишек.

— Не кощунствуйте!

— И в мыслях нет! — весело отвечал президент. — Поймите меня правильно, владыко, я вам не враг, ноша моя тяжела, но, даже будучи отъявленным атеистом, я верил в Божье начало, верил, стало быть, Церкви, а нынче изуверился. Силы Божьей не чувствую, — решился быть прямым президент, еще больше покоробив патриарха.

— Изверие есть дьявольское наваждение! Но крепок единый и святой, надзирает он за отступниками, — попугал патриарх.

— Да? А почему же дождь полил в светлое Воскресение?

— Значит, диавол сошел на землю. Это его знак.

Патриарх встал. Поднялся и президент.

— Хотелось бы тем не менее в это святое утро просить вас, чтобы Шумайло до суда не содержали в заключении. Это вы можете обещать? Не велика ведь просьба...

— Не могу, владыко, — вздохнул президент. — Шумайло уже под стражей. Он отступник и государственный преступник.

Президент проводил гостя до патриаршего «роллс-ройса», получил новую порцию крестиков и приложился к святейшей ручке, радуясь, что вполне легко разделался с просителем.

Рано радовался. Он понял это, едва столкнулся взглядом с помощником.

— А ты какую пакость готовишь? — спросил он настороженно.

— Заместитель генерала Шумайло передал вам это, — сказал Гуртовой и протянул папку, крест-накрест оклеенную скотчем.

— Ладно, — взял папку президент и направился в застекленную веранду за спальней. Веселость улетучилась.

«Ответный удар», — понял он. В этом мире грешат все, каются многие, раскаиваются единицы, и никто не в силах сокрыть грехи. Спрос рано или поздно наступает.

Он даже не стал заглядывать внутрь папки, знал свои давние грешки, а один ли, два вызнал Шумайло — один ответ.

Он вернулся, отсидевшись минут десять. Вызвал Гуртового.

— Что просит за эту папку Шумайло?

— Беспрепятственно выехать за рубеж.

Один спросил, другой ответил.

— Бывший начальник президентской охраны? Будет там торговать секретами? — естественно, возмущился президент. — Никогда!

Гуртовой пожал плечами: вам решать. А выбора нет.

Президент долго смотрел в ненавистное лицо своего помощника, который оплел его невидимыми путами, и так ему опостылел этот плен, что он решился одним махом разрубить узел самих пут.

«Черных с красным не берите, да и нет не говорите».

Он перевел дух и нажал кнопку вызова охраны. Была не была!

Вошел Бехтеренко, едва покосился на Гуртового у одной створки, стал у другой.

— Святослав Павлович, господин Гуртовой совместно с господином Шумайло предложили мне торг. Вот за эту па-

почку, я даже не заглядывал внутрь, предлагается выпустить Шумайло за бугор.

— Я здесь ни при чем! — не ожидал такого исхода Гуртовой.

— Еще как при чем! — побагровел от возмущения президент. — Минуту назад я видел и убедился.

— Как прикажете поступить? — спросил Бехтеренко, сдвинувшись к проходу, едва Гуртовой сделал шаг туда же.

— Мне такой помощник больше не нужен, — сказал президент и повернулся спиной к двери.

— Пошли, — дал понять Бехтеренко, что просьбы излишни.

Свое новое назначение он воспринял двояко. Грядущая генеральская звезда и сам высокий пост льстили, но смена обстановки тревожила. Прежняя ниша была по размеру, не требовалось поджиматься, сгибаться, всюду свои, ценят и уважают, а в этом «гадюшнике» — так он прямо высказался в разговоре с Судских — свои правила и уложения, учиться которым поздно. «Считай, зона действия УСИ расширилась», — не принял отговорок Судских.

«И что мне делать с этим провинившимся?» — соображал он, выводя Гуртового. Чтобы не поддаться на соблазн самому вести дознание, он вызвал дежурную машину и велел охране везти Гуртового в Ясенево.

Судских не очень обрадовался подарку бывшего заместителя.

«Только этого мне не доставало!» — разозлился он.

Арест Гуртового, розыск Шумайло означали новый виток непонятных ему аппаратных игр. Все это напоминало ползучий переворот, тридцатые годы, и сам он вовсе не досужий зритель, его втягивают в эти игры, не объясняя правил.

«А коли так, возитесь без меня», — решил он и с полдороги завернул машину с Гуртовым на Лубянку, позвонив следом Воливачу.

Как ни странно, Воливач очень обрадовался:

— А у меня для тебя ответный подарок! Дейла арестовали!

— Повод?

— Шпионаж! — захохотал в трубку Воливач. — Потрясем для приличия и отправим в землю обетованную. Как персону нон грата. Это тебе вроде как дежурное блюдо, а вот на десерт смотри что: при задержании Дейла в его номере изъяли чуть ли не всего Достоевского. Полное собрание сочинений и много отдельных книжек в дореволюционном и более поздних изданиях. Это, конечно, не повод, но очень интересно. Что думаешь?

— В недоумении, — ответил Судских, в самом деле не улавливая, чего ради матерый шпион обложился Достоевским.

— Хочешь побеседовать с ним?

— Пока нет, Виктор Вилорович, — отказался Судских и напомнил: — Арест не повлияет на прохождение выгодного кредита?

— Какой там кредит! — выругался Воливач. — Форменный аферист! Липовая крыша.

«Так я и думал», — успокоил себя Судских. Интересно будет при беседе с Дейлом кое в чем уточниться.

— А еще привет тебе от Семки Гречаного.

— Вы и его знаете? — удивился Судских.

— Обижаешь, начальник, — довольно засмеялся Воливач. — Наш паренек, в одном с тобой звании. Чечню он взнуздывал, когда наши армейские штафирки расписались в безграмотности. Это благодаря ему ты у нас теперь такой мобильный...

Да, было дело: после неудачных операций МВД в Чечне руководство ФСР добилось воссоздания в своем ведомстве мобильных воинских частей. Первые четыре батальона появились в УСИ.

— В субботу приглашает водочки попить, — услышал задумавшийся ненадолго Судских, — а тебя персонально.

— Не откажусь, — ответил он.

— Пора, Игорь Петрович, — с некоторой укоризной сказал Воливач. — Хорошая компания собирается. Познакомишься...

«Вот и приглашение к танцам», — подумал Судских, рассеянно потирая ладони друг о друга. Отключился и вызвал Смольникова.

Капитан Смольников уже с год мог претендовать на майорские погоны, но Судских не спешил делать представление. В принципе начальство любого ведомства содержит «мальчика для битья». И не то что ходят такие в «паршивых овцах», просто удобно держать в таких точках начальственный громоотвод.

Сам Смольников не обижался на трудности продвижения. Да, он не поспевал за сподвижниками Судских по НИИ, хотя пришел с ними почти одновременно, — ну и что? Другие и того не имеют. Кличку свою «Литератор» он носил спокойно, благо к его познаниям в литературе сослуживцы относились с уважением и, несмотря на нелюбовь шефа, спрашивали Смольникова, когда выпадало получить достойную консультацию.

Смольникову всегда доставались такие задания, где особенно не покажешь себя, а трепка обеспечена. Напоминавший человека на ходулях, высокий и сутулый, он с высоты своего роста смотрел на все передраги по-философски насмешливо.

За эту насмешечку Судских и недолюбливал Смольникова. Сейчас ему хотелось иметь ответ влет, поэтому капитан Смольников появился в его кабинете.

— Леонид Матвеевич, — обратился он к Смольникову. — Сочными мазками, но малыми штрихами обрисуйте мне Достоевского.

— Федора Михайловича? — уточнил Смольников.

— Не будьте «достоевским», — съязвил Судских.

— Маловато пространства, Игорь Петрович, — независимо отвечал Смольников.

— Уж постарайтесь, Леонид Матвеевич.

— Мерзкая натура.

— Вот так портрет! Весь мир преклоняется перед талантом писателя, а вы его черните. Чего вы на него взъелись?

— Я не взьелся. Вы просили сделать портрет Достоевского, а не обозреть его творчество. Если позволите, я разверну.

— Да уж постарайтесь...

Смольников проглотил очередного «ежика» и стал говорить:

— Обиженный самой жизнью и на всю жизнь, Достоевский тему униженного человека пронес через все творчество. Как большинству талантливых и униженных людей, ему была необходима раковина, где он ощущал бы себя индивидуумом. Он создал такую раковину с помощью мистицизма. От «Белых ночей» он пришел к «Бесам». Читателей привлекают в нем непознанность, загадочность.

— Можно согласиться, но почему он мерзавец? — поторопился с вопросом Судских.

— Я этого не говорил. Я сказал, что он мерзкая натура, поскольку выбирает загода мрачные краски безысходности, предопределенность фатума.

— Тогда почему же этот человек произнес знаменитейшую фразу: «Красота спасет мир»?

— Ничего знаменитого в этой фразе нет, — в прежней манере простодушной правоты отвечал Смольников. — Загадочная — да.

— Допустим, — пришлось согласиться Судских и задуматься. Эсэсовские бонзы умилялись игре еврейских скрипачей и без сожаления отправляли их в газовые камеры; русских нуворишей не спасали от грязи собранные ими коллекции шедевров; мир много раз был на грани катастрофы, и что-то не видно, чтобы именно красота его спасала.

— Тогда вопрос в лоб, — сказал Судских, убедившись в правоте Смольникова. — Почему матерого разведчика Дейла, который охотился за научными изысканиями Трифа, заинтересовало творчество Достоевского именно во время пребывания в России?

Смольников помедлил с ответом, задумался ненадолго и ответил:

— Понял. Достоевский страдал эпилепсией. Именно после одного из припадков он произнес свою загадочную фразу.

По воспоминаниям его брата Михаила Михайловича, в тот раз ему привиделся конец мира по описаниям Иоанна Богослова в Апокалипсисе.

«Да ему полковника пора носить, а не майора!» — Такая неожиданная трансформация произошла в отношениях Судских и Смольникова, так неожиданно все повернулось. С полной долей уважительности он сказал ему:

— Леонид Матвеевич, пора вам поработать с Лаптевым.

Для Смольникова такое предложение было равносильно посвящению в рыцари. Он просиял от удовольствия:

— Хоть сутки напролет!

«А ведь времени в обрез, — вдруг остро осознал Судских. — Можем не успеть раскопать эту красоту...»

С утра они общались с Лаптевым. Неунывающий Лаптев не скрывал раздражения: не туда гребет Триф, вмешивается в составление программ. Почему? «Его интересует только развенчание Христа». — «Есть ли помощь?» — «Скупая. Как от барахольщика на Привозе». — «Припугни, что патриарху отдадим». «Может, идея и стоящая, — задумался Лаптев, — но я пока помучаюсь. Я наловчился подсовывать Трифу ложные цели, исподволь выводя на основные. Страшновато копаем».

Хмурость Лаптева была понятна Судских, и не Триф тому причина. Два дня назад закончилась расшифровка «Откровений». Результат буквально ошарашил Лаптева. Он нашел временную зависимость предсказаний, и, согласно расчетам, катастрофа, страшнее чернойбыльской, свершилась три года назад. Тот самый «кладязь бездны» отворился. Если четвертый блок спеленали в саркофаге, новая авария стала незаживающей раной на теле Земли. Языком специалистов это называется «китайский синдром», какой чудом удалось предотвратить на Тримайл-Айленде в свое время. Доверяясь машине и не доверяя самому себе, Лаптев пришел к Судских. Еще больше его смущало то, что умирали от этого выборочно, отмеченные печатью Бога. Но где это, где?

— У нас, Гриша, — не стал скрывать Судских. — Армагеддон-2.

Он рассказал ему о встрече с президентом.

— Надо вернуть специалистов по ядерной физике, — отреагировал Лаптев. — Без них я не справлюсь. Смотрите, что получается: мир ныне гложут две заразы — радиация и многоверие. В «Откровениях» две беды переплелись, и мы, выходит, гоним сразу двух зайцев. Даже если загоним одного, нас это не спасет.

«А времени в обрез, а вопросов прибавляется...»

Он подсел к компьютеру, решив освежить в памяти информацию о генерале Шумайло. По сообщению Бехтеренко, у президента побывал патриарх и настырно просил за опального генерала.

Информации не оказалось на файле. «Что за чертовщина!...»

Он связался с блоком «Эс», который целиком занимали трое других сподвижников по НИИ. Гоняли там бывшие мэ-нээсовцы пульту или нет, но самая засекреченная информация готовилась ими, тщательная и особо важная.

— Ребята, я не могу попасть в раздел «Эс».

— И не попадете, Игорь Петрович, — без уважительности ответил один из них. — В ближайшие двадцать — тридцать часов раздел закрыт. Обрабатываем новейшую информацию.

— Много наработали?

— Вкратце так: в стране назревают два встречных переворота. В одну группу заговорщиков входят милиция и военные при поддержке Церкви, другой готовят казаки и... Вам лучше знать, Игорь Петрович.

— Мне ваши загадки ни к чему! — почти вспылил Судских. — Меня интересует непосредственно Шумайло!

— К Шумайло сходятся все нити первого заговора. Потерпите, Игорь Петрович, — смягчил тон говоривший.

Как же это он не спросил Воливача о Шумайло? И тот почему-то отмолчался...

Назвав Шумайло отступником и заклеив государственным преступником, президент покривил душой в том, что на момент разговора с патриархом генерал находился еще на свободе. Он позлорадствовал с опережением.

Со стахановским опережением весть об аресте Гуртового и начальника президентской охраны разнесли дальше дневные теленовости.

Денис Анатольевич познакомился с ними у Чары, когда, подремывая, в полглаза смотрел телевизор. Отставку он воспринял без особого огорчения, рано или поздно это должно было случиться, может быть, случилось рановато, и надо было потянуть время, зато руки развязаны, и он перехитрил всех. Не очень-то он рвался в первые лица заговорщиков — это Христюку, Мастачному власть глаза застит, — ему хватает осведомленности, а это хорошо оплачиваемый товар, и вообще пора бы уже раствориться, исчезнуть, как сделали это умные, освободив дорогу самонадеянным.

И вдруг сообщение о его аресте. Провокация? Нет. Скорее всего несостыковка действий, как оно повелось в России.

Дрема прочь, быстрее из плена шелковых простыней. Это не первоапрельская шутка. Апрель минул, арест не наступил.

Чара как раз вышла из ванны, стоя в дверях, она подсушивала волосы феном, и вид скачущего посреди спальни любовника не походил на шуточки, какие он привык отмачивать ради поднятия жизненного тонуса. Что он за мужчина, она вполне разобралась, и это устраивало ее; куда важнее их ровные отношения матери и приемыша.

— Что случилось? — спросила она, выключив фен.

— Что случилось?.. — зло скривил рот Шумайло. — Гадость! Сообщили о моем аресте!

Чара охнула, села на туалетный столик. Шумайло справился наконец с брюками, которые пытался надеть, попадая ногами в одну брючину. Руки его дрожали.

— Сигарету, дай мне сигарету, — с неулегшимся раздражением попросил он, протягивая к Чаре обе руки.

— Денис, объясни, как это могло случиться?

— Меня объявили государственным преступником без предъявления обвинений, — жадно затянулся сигаретой Шумайло.

Чара не стала выпрашивать причин. Между ними сразу установились отношения, исключаяющие полную откровенность. Так повел их Денис, и она не вмешивалась в его жизнь, полную тайн, интриг и опасностей. Нужна ее помощь — она готова. Чара выжидала.

Денис Анатольевич затягивался, выпускал дым и снова затягивался. Наконец никотин сделал свое дело, сосуды сузились, горячность прошла. Он соображал, как выпутаться из критической ситуации, понимая, что поспешность опасна, а время неумолимо вколачивает гвозди в дверь, за которой еще стоит свобода.

Прежде всего разорвать все путы, исчезнуть, дожидаться мутной воды и вместе с ней выплеснуться наружу. Никому не доверять, сузить мир до самого себя...

— Что ты сказала? — спросил он, тряхнув головой.

— Я сказала, тебе надо остыть, потом взять мою машину, укрыться в другом месте и переждать. Здесь опасно.

Его разозлили две вещи: она берется учить его жить и без сожаления расстается с ним, лишь бы обезопасить себя.

— С каких это пор ты смыслишь больше меня?

— Денис, прекрати злиться. Я хочу тебе помочь.

— Чем? Дурацкими советами? Где я укроюсь, все мои явки известны наперечет. Радеет она...

— Выслушай меня. — Самообладание не оставило Чару после этого неприкрытого хамства. — Моя подруга Светлана живет сейчас с дружкой. Я созвонюсь, и ты у них отсидишься. Лучшего места не придумать.

— Что за дружка? — наострил уши Денис Анатольевич.

— Так, убожество. Некто Мотвийчук. Помнишь, громкое дело, гадалку убили? Это его мать.

— Мотвийчук? — заворуженно повторил Шумайло.

Удивительный подарок готовила ему судьба. Всю подноготную этого преступления он знал лучше самого исполнителя потому, что сам готовил его, но вмешался Судских, и он ушел в тень, оставив Мастачному свободу выкручиваться. О накоплениях гадалки первым проведал он и неторопливо готовил их отъем. Но вмешался даже не Судских, а случай, и он до сих пор не разобрался, кто передернул карты. Загадочная фигура во всей этой истории, Илья Триф, появился неожиданно, и заварилась каша, из которой он благоразумно вылез загодя, но желающих заполучить Трифа было много, и это подогревало его интерес: а нет ли там нечто большего, чем деньги Мотвийчук? С патриархом у него были доверительные отношения, но хитромудрый пастырь не спешил поделиться секретом, пока сам Шумайло не прознал о заумных трудах беглого монаха. Ради этого он влез в гущу заговорщиков, пренебрегая собственной безопасностью, и вот стал государственным преступником... У Судских козыри оказались старше. Зато сейчас судьба собирается раскрыть ему тайну покойной гадалки.

— Звони, — сказал он кратко.

Пока суть да дело, переполох и розыск, он исчезнет с пользой для главного. Убедить сынишку сотрудничать с ним и ни с кем другим — это не вопрос. Далее: в лучшие времена он запасася загранпаспортами на имена, которые никому ничего не говорят. Вывезти вместе с собой лоботряса — тоже не вопрос. Макияж будет убедительным. Есть и у него кое-что на черный день за бугром, соломка подстелена. Главное — замести следы, убрать лишних перед тем, как турбины самолета запюют песню свободы...

Он совсем успокоился и посмотрел на Чару. Судя по ее веселости, дело клеилось. По междометиям он понял, что Светлана неважносцкого мнения о своем дружке и убедить того внести коррективы в свои планы труда не составит. Кажется, складывается...

— Готово, — положила наконец трубку Чара. — Можно ехать.

— Как ты объяснила мою метаморфозу?

— Очень просто. Сказала, что ты переправил крупные деньги за рубеж и помощников ждет солидное вознаграждение. Я неплохо изучила Светку и о жадности ее дружка наслышана.

Мысленно он похвалил ее, а вслух произнес:

— Тебе тоже нельзя здесь оставаться.

— Не переживай, — отвечала она, пытливо вглядываясь в лицо своего любовника. Не прост он, подсказывал инстинкт. Чем-то насторожил... — Я уеду к подруге.

— Только не к Натке Севеж.

— Не глупая. И мы с ней уже раздружились.

— Похвально. А как я тебя найду? — и смягчился: — Мы стали одним целым, ты все обо мне знаешь... Несчастный я.

Вид униженного близкого мужчины подвигает женщину стать его защитой, чего бы это ни стоило. Инстинкт, сомнения уходят.

— Я знаю это, Денис, и не брошу тебя в беде, никогда тебя не брошу... Я позвоню вечером, как только переберусь.

Он спокойно привел себя в порядок, приготовил темные очки, проверил пистолет под мышкой, взял ключи от машины.

Уже надев очки, он поцеловал Чару. Все. Прежний Денис убыл.

Доехав без приключений, он нажал кнопку звонка квартиры, в которую столько раз до этого мог бы попасть. За дверью его ждали. Улучив момент, Светлана сообщила, что олух царя небесного последних новостей не слышал и несказанно рад такому знакомству, когда вообще можно дать по боку остальным помощникам. Денис Анатольевич моментально стал таинственным и важным, прежним властительным генералом, но главное, чего Светлана и ее дружок не увидели в нем, занятые свалившейся прибылью, — он стал хозяином положения.

«Факир на час», — защемило под ложечкой у Шумайло, когда ему весело сообщили, что сами они уже готовы к отъезду и завтра вылетают в Бельгию. Это снова смешивало все карты Шумайло.

— Да вам-то это без проблем, — набивался на короткую ногу в отношениях Мотвийчук. Он выглядел полностью счастливым, каким бывает только полный дурак.

— Верно, — кивнул Шумайло, не выдав собственной тревоги. — Крещеный? — спросил он, кивнув на цепочку под майкой Мотвийчука. Тот переглянулся с подругой, и оба расхохотались.

— Знаем, не проболтаемся! — ответил Сонечка, показывая ключик на шею.

От прилива крови у Дениса Анатольевича зачесались ладони: ему ли не знать, что открывают такими ключиками в глубине швейцарских подземелий! Года четыре назад, когда испуганные нувориши спешили прочь из бунтарской России, многие имели подобные ключики, открывающие тайны. Прикасался к ним и Денис Анатольевич по долгу службы. Делился тайнами с другими, часть доставалась ему. Славное было время для полковника Шумайло.

Он с удовольствием рассмеялся вместе с ними.

— Надо бы как-то отметить наше знакомство и завтрашний отъезд, — живо предложил Денис Анатольевич.

— Джин, виски, шампанское? — откликнулся Сонечка. Ему понравилось быть радушным. Такой человек спасет его от нахлебников, Викуна с Назаром, еще и сам предлагает работать!

— Ни то, ни другое, ни третье, — отказался Шумайло. — Мой юный друг, окажите любезность: в Елисейском есть бурбон. Я пью только это виски.

— Ништяк, — оценил постоянство Сонечка и засобиравшись в магазин. От денег Шумайло он отказался: — Обижаете...

Светлана закрыла за ним дверь и вернулась с видом профессионального банкомета. Пора как-то выяснить присутствие этого опального генерала. Есть кое-какие сомнения...

— Ну-с, Денис Анатольевич, какие раскладки?

— А какие могут быть раскладки? — даже не потрудился улыбнуться Шумайло.

Преображение в нем Светлана осознала мгновенно и побелела.

— Чего вы хотите? — непослушным языком спросила она.

— От вас ничего, кроме послушания.

Он встал, поднял Светлану, грубо зацепив пальцем рукав халатика, и, подталкивая впереди себя, привел в ванную комнату.

До хлопка выстрела она еще жила надеждой, что все обойдется, этот маньяк изнасилует ее, и только, а с утра начнется чистая жизнь, она даже не оглянулась, ожидая, когда этот мерзкий тип заголит ей задницу.

Через край ванны она перевалилась уже в другом мире.

Денис Анатольевич вымыл руки и вернулся на прежнее место, дожидаться ключика.

Мотвийчук открыл двери своим ключом и позвал из прихожей:

— Светик, а кто у нас просил мороженого? А кому принесли «Четыре розы»?

Не встреченный, он вошел в гостиную. Хоть и беспечный балбес, а смену поведения гостя уловил: лицом к нему в кресле сидел хозяин положения.

— Где Светлана?

— Пойдем покажу, — спокойно предложил Шумайло и, не дожидаясь новых вопросов, как Светлану до этого, повел его в ванную прямо вместе с пакетом.

— Она? — дулом пистолета указал на ванну.

— Блин! — завыл от жуткого страха Мотвийчук. — За что?

— Так надо. Жить хочешь?

— Хочу! — жмурился от хлынувших слез Сонечка.

— Тогда выкладывай, кто еще знает о вашем отъезде?

— Портнов, директор «Русича», и его друг Назаров.

«Все знакомые лица», — отметил Шумайло. Новые заботы, уяснил он: не простофили и могут появиться здесь в любой момент.

«Что это я такой невезучий, — разозлился Шумайло. — Как стоящее дело, так осложнения!»

— Номер ячейки, банк и что там? — заспешил он.

— Конверт, — сказал Мотвийчук, кое-как выговорив прочее.

— А Бехтеренко, Судских не знали о ключе? Не верю.

— Я не сказал, я сам не знал, я этот ключик сам недавно нашел, мать его в тапочек зашила, порвался тапочек...

— Как дурак, так подарки! Что в конверте?

— Не знаю...

— Парень, не зли меня, я теряю терпение!

Мотвийчук заставил себя унять рыдания, продавить рассказ. С наводящими вопросами открылось следующее: когда Мотвийчук познакомилась с некоей Софьей Аполлоновной, та подарила ей на день рождения этот конверт, сказав, что тайна откроется ей, когда она достигнет совершенства в магии. Мать, послушавшись, вскрыла конверт сразу.

— Что там? — понукал Шумайло.

— Значки, клянусь, я ничего в этом не понимаю! Мать спрятала конверт, а когда вернулась из Швейцарии, показала этот ключик. Она сказала еще, что это мое наследство.

— Не понял: работы Трифа она хранила здесь, а конверт увезла в Швейцарию.

— Она Георгию не доверяла. Момоту. А еще, — спешил выговорить себе жизнь Мотвийчук, — тот иностранец, Мойзес Дейл, не рукописями интересовался, а этим конвертом. Мать, глупая, сама проговорила: «Может, вас больше интересует ключ архангела Михаила, который спасет мир?» Мойзес Дейл ее почти уговорил, даже задаток принес, сто тысяч долларов.

— Как хоть значки выглядят? — успокоившись, спросил Шумайло.

— Не понял я: не то шифр, не то текст, буквы...

— Эх ты, бездарь, — с участием даже сказал Шумайло. Протянув свободную руку, он сорвал цепочку с его шеи. — Чтобы иметь такие ключики, нужно учиться, учиться и еще раз учиться.

В другой руке был пистолет...

«Места в ванне еще хватит», — подумал Денис Анатольевич, брезгливо отмывая руки.

Вернувшись в гостиную, он стал разглядывать ключик. Осталось немного, чтобы отпереть им заветную дверцу. Как будто он промашки не дал и обладает правом первого выстрела...

Заветная дверца и право первого выстрела. В отрочестве Денис Анатольевич перепробовал практически все, лишь бы уйти от сермяжного бытия. Спорт, знания, экзотические специальности — везде находились плюсы, из которых можно слепить оградку, но были и минусы. В конце концов он выбрал специальность чекиста. Постучал для начала в студенчестве — открылась первая дверца, а за ней не оказалось всего сразу. Терпения у него хватило, и вот наконец заветный ключик...

Телефонный звонок. Он без волнения снял трубку. Чара.

— Ну как ты там? — спросила она после замешательства, видно, думала, что трубку возьмет кто-то из хозяев.

— Нормально. Как ты?

— Думаю о тебе.

— Приезжай.

— А-а... где Светлана?

— Я услал обоих к своему тайничку. Мне, понимаешь, лишний раз высовываться не стоит. Они вернутся не раньше ночи.

— Видишь, какая я умница?

— Приезжай быстрее. Тоскую страшно.

— Мчусь, любимый!

Лишать Чару жизни ему не хотелось, но таковы законы жанра, где жалость — предательница, подведет в нужный момент.

Раздумывая, как бы элегантнее устроить убийство, он перекусил тем, что обнаружил в холодильнике, задумался о другом:

«Однако ключик вскроет далеко не очищенный плод, нужны помощники. Опасно одному... Может, этого Момота подвязать?»

Мысль, вначале никчемная, нравилась ему больше и больше.

4 — 23

Проще остановить паровоз или самолет на полной скорости, чем влюбленную женщину. Портнову с Назаровым это не удалось. Столкнувшись с ней в парадном и узнав о присутствии опального генерала у Мотвийчука, они пытались сначала выяснить причину появления непростой личности — это могло разрушить их планы — и только потом пропустить Чару. Она отказывалась наотрез давать объяснения.

Портнов, человек опытный в сыске, понимал, что Шумайло нашел шаткое убежище в квартире Мотвийчука: его вычислят еще сегодня, слишком весомая птица, а тогда его отъезд, на который он ухлопал все последнее время и кучу денег, обставил тщательно, в лучшем случае отложится, в худшем — он сам вылетит в трубу. Судских не простит ему двойной игры.

Нельзя сбрасывать со счетов и двойную игру Александра накануне отъезда — с этого хитроватого полудурка станется, тогда еще хуже: загнанный в угол Шумайло способен на крайние меры.

Но Чара отказывалась откровенничать с ними. Пропустите, и все тут. Ей казалось, сейчас от любого встречного исходит угроза Денису.

Полчаса противостояния результатов не дали. Выяснилось исподволь, что Александр со Светланой уехали по просьбе Шумайло.

Но почему здесь припаркована машина Чары, а она добралась пешком? И чем это уговорил Шумайло Александра и хваткую Свету?

— Будь же благоразумной! — пробовал новый довод Портнов. — Желай я вреда твоему генералу, я бы не сам полез, а пригласил ребят покруче. Награды за его голову не обещали, своя дорожка. Это понимаешь? Я не дракон трехголовый, а кто — знать хочется.

Чара хранила упорство. Влюбленного в нее Эльдара она видеть не хотела вовсе, а уж говорить — совсем. Он неосторожно обозвал Дениса козлом и умер для нее сразу.

Последний довод Виктор приберет для себя.

— Бог с тобой, иди. Но поступаешь неумно, — сказал он.

Чара поджала губы и прошла между расступившимися парнями. Она победила. Неумное поведение — отличительная особенность влюбленной женщины.

— Зря ты отпустил ее, — произнес опечаленный Эльдар. — Она бы вот-вот согласилась с нами.

— Не знаешь ты баб. Господи, и за что они козлов любят!

— Держи рассказ, что делать теперь?

— Ждать. Сядем в машину и дождемся Светку с полудурком.

Среди прочих припаркованных машин напротив своей «вольво» они отлично видели вход. Кроме кухонных, окна квартиры выходили в сторону двора. Но кухонные окна этого дома были с высокими подоконниками, и Портнов мог не беспокоиться, что их уследят из кухни. «А там стол у окна, не подойти», — успокоил себя он.

— Закончись она быстрее, вся эта мутотень, — оторвал его от размышлений Эльдар.

— И не говори, братка, — откликнулся Портнов. — Выиграем финал, будем иметь штук по сто на нос. Вот тогда и отдохнем на Ривьере...

Это было все, чем мог располагать Портнов. Легенду о богатом папе Карле придумали все вместе для Сонечки.

— В Швейцарские Альпы смотаемся, — мечтал далее Эльдар. — Хочу глянуть, как девки в бикини на снегу смотрятся.

— Увидишь, — улыбнулся Портнов. — Этот охламон без нас ноль.

— А у Светки зубы выросли, — напомнил Эльдар.

Портнов засмеялся:

— Там не зубастые приживаются, а сумчатые!

— Викун, а в Грецию махнем? — мечтал о своем Назаров.

— Можно и в Грецию, — разрешил Портнов благодушно. — Там тепло, там лимоново. Эх, Назар, — оживился он вдруг, — попасть бы в Грецию лет эдак две тыщи с половиной лет назад, вот где житуха была!

— Верю, — с уважением смотрел на грамотного товарища Эльдар. — Гетеры, химеры, порево круглый день и по любви!

— Гомеры еще, — хмыкнул Портнов. — Нет, Назар, Греция не гетерами славилась, хотя это дело они для здоровья придумали; эллины прекрасное ценили не меньше. Когда меня в восемьдесят втором с истфака наладили, я знал о Греции все, чтобы на провокацию большевистской нищеты не податься.

— Почему нищеты? — не уразумел Эльдар.

— Всех этих засранцев коммуняк, предлагающих дележ поровну, потом от твоей половинки еще себе, а от той снова половинить...

— Это я уже слышал, — остановил его Эльдар. — Половинят, пока у тебя кроха не останется. Ты про древних давай.

— Древние греки знали гармонию и потому жили нормально. Там философия была, а это фундамент для жизни.

— Дак не выжили ведь!

— Немец сверху попер.

— Какой немец?

— Такой же темный, как ты, — захохотал Портнов, по-приятельски хлопнув товарища по плечу. Тот не обиделся. Привычка.

— Рексы повели темных германцев из таких же темных лесов к южному морю, чтобы отщипнуть себе все по принципу коммунацких вождей. А знаешь, почему победили?

— Давай-давай, реки теорию, — не поддавался на провокацию Эльдар, подначки друга он умел объезжать.

— Рим лежал на их пути. Зажравшийся, как свинья, ожиревший на рабском труде.

— Рексы — ищейки, что ли? — не удержался Эльдар: интересно.

— Это теперь рексами шавок называют, а в те времена так германских вождей величали. Рекс Аларих, понимаешь ли. Тупой, грязный, но король. И белую бабу хочет, и хлеб белый, и на подносе. Вот так нищета с тупостью под ручку по планете топают, с панталыку глупых сбивая, отнимают у обеспеченных людей кошельки и жизнь. Из-за них рождаются горбачевы, зюгановы, ельцины, сахаровы. Выродки рода человеческого, одним словом.

— А Сахарова ты за что? — всерьез обиделся Эльдар.

— А не верю я таким правдоискателям. Сверхбомбу изобрести не убоился, а потом, видно, «мерседес» ему не дали без очереди, тогда он за правдой без очереди полез.

— Ты зря, Викун: мужик раскаялся.

— Ни хрена он не раскаялся, это жена-жидовка воду мутит, он себя исусиком и стал изображать.

— Зря ты, — огорчился Эльдар.

— Назар, — повернулся к нему Портнов. — Если я тебя замочу, а потом раскаяюсь, тебе разве легче от этого?

— Мне вроде как безразлично будет на том свете.

— Так вот, на этом свете абсолютно всем безразлично — был Сахаров или Цукерман и не безразлично только тем, кто на этом виртуальном правдолюбце капитал кушет. И когда палкой по башке больно — ядерной или милицейской. Вот если бы этот хрен нарядный после бомбы, раскаявшись, антибомбу создал, я бы его зауважал. И молился бы на него, прощая прегрешенья.

— Невозможно это. Бомбу не остановишь. Громадный атом.

— Громадный атом, — передразнил Портнов. — Будто шлямбур в твоих штанах. А еще древние греки открыли закон симметрии, согласно ему, на всякое действие есть противодействие. Значит, и на ядерную силу должна быть антисила.

Назаров устал от выкладок товарища и сменил тему:

— А из универа тебя за что выперли? За крамолу?

— Хуже. Преподавательницу кафедры марксизма-ленинизма по заднице погладил.

— Ну ты и орел!

— Это только начало. Понравилось ей. Сразу договорились насчет консультации, сразу и пошли в кабинет научного коммунизма, сразу и приступили. Но... с некоторыми оговорками. Дама она была воспитанная и консультировать на голом диване не соглашалась. А в кабинете висели полотенцы такие с образами Маркса, Энгельса, Ленина, я их аккуратно поснимал и на диванчик выстелил. И заметь — я не кошунник какой, образами вниз. Только мы расконсультировались до жара, стал кто-то в кабинет рваться. Замочки-филенки слабые, я в экстазе, она не отстает, блеск, страсти, резинки, как дрова в костре, трещат, остановиться невозможно, бах-ба-бах! — муж ее врывается, завкафедры этой. Она на него ка-а-ак взъелась: какое ты право имел врваться! А она раза в два крупнее, задница — баул неподъемный и, само собой, оскорблена донельзя. И скандал-то почти утих, решили дружить домами, тут он образа на диване и приметил. Непочтения к основоположникам он простить не смог.

— И правильно! — сквозь слезы смеха выдавил Эльдар. — О-ой! Не могу я с этим товарищем. Ой, не могу!

— А я смог, — закончил рассказ Портнов. Посерьезнел и Эльдар.

— Слушай, — спросил он, — а чего тебя Мастачный те-ребил?

— Этот фрукт хохляцкий подлянку Судских готовит. Так я его сдал Судских и вокруг пальца обвел — это ж он с паспортами нашими расхаживал. Ну тупица! И туда же...

До позднего вечера в дом входили и выходили из него люди, ничем не привлекавшие Назарова и Портнова. Долгое ожидание стало нервировать обоих.

— А не пора ли нам пора? — спрашивал Эльдар.

— Не надо пока, — отнекивался Виктор. — Ждем, время есть.

Ожидание, непонятная отлучка Светланы, упорство Чары его крайне озадачивали. Насчет Шумайло он не питал иллюзий: зная его понаслышке порядочным дерьмом, он чувствовал себя неуютно даже на расстоянии от человека, которого побаивались ближние.

«Оп-па! — нашел изъян в своих расчетах Портнов. — С обратной стороны дома пожарная лестница, как раз между окнами гостиной! Чем черт не шутит...»

— Назар, топай во двор и наблюдай за окнами возле пожарной лестницы. Не доверяю я этому красавчику.

— Станет он по лестницам шастать, — усомнился Эльдар. Моросило, не очень хотелось выбираться из теплого салона.

— Эльдик, вперед, — подбодрил Портнов. — Дядя не ошибается.

Эльдар нехотя выполз из машины, дотрусил до угла. Идущий навстречу, наверное, не был готов к неожиданности: оба едва разминувшись, чувствительно саданув друг друга встречными плечами. Незнакомец не остановился, не извинился.

— Ты че, дядя, обкуренный? — крикнул вслед Эльдар. Подобная грубость никому не прощалась. — А ну-ка, замедлись!

Человек уходил. Разойдись они без столкновения, Эльдар вряд ли стал присматриваться к нему, а тут, хоть и под блеклыми фонарями, — и коротковатую куртку отметил с американским орлом на спине, и костюм для нее пижонистый...

— Да это же балбеса нашего одежка! — вспомнил Эльдар.

Наблюдавший за всем этим Портнов включил дворники на лобовом стекле, чтобы лучше вжиться в ситуацию.

— Гад буду, Шумайло! — воскликнул он и запустил мотор.

Человек прибавил шагу, почти побежал за ним Назаров. Портнов съехал с тротуара на проезжую часть. Туда же, оглянувшись, ступил и незнакомец.

«К машине Чары идет!» — догадался Портнов и газанул, стараясь отгородить его раньше, не дать перейти улицу.

Вжикнула резина по мокрому асфальту. Заторопился Портнов, незнакомец поспешил и, перебегая улицу, поскользнулся, правым бампером «вольво» ударила его в бок, отбросив к бордюру.

Одновременно подбежал Назаров и выскочил из машины Портнов. Оба склонились над лежащим.

— Шумайло!..

Сомнений нет. Он был еще жив, постанывал, сгибал и разгибал ноги в коленях, будто пытался убежать. Назаров перевернул Шумайло вверх лицом. Один глаз закрыт, другой подергивается, из глубокой раны на левом виске текла кровь, смешиваясь с каплями дождя. Губы он закусил.

— Не жилец, — вынес приговор Эльдар.

— Почти покойник, — согласился Портнов. — Остается доложить Судских, что мы задержали опасного преступника, да вот не донесли в целости.

Незаметным выпал ключик из нагрудного кармана пиджака, но все еще скрывался под курткой, взятой Шумайло из гардероба младшего Мотвийчука для маскировки.

— Перенесем его на тротуар, — предложил Портнов.

Ключик выскользнул.

Эльдар видел это, принял его за монетку. Портнов не заметил. Он бы на монетку не разменялся.

Возможно, какой-нибудь глазастый пострел подберет блестящий ключик и будет хранить его среди своих мальчишеских ценностей. Просто так. Не подозревая, каким богатством владеет он.

«Красота спасет мир»... Не в том ли его спасение, что пацаны, играя у старого танка, не знают до поры, сколь разрушительна сила залпа, а руки их не тянутся к гашетке и сердца не замирают от предвкушения: «Щас, ка-а-к жажнет!»

— Чего-то мы не поняли, а, Назар? — спросил Портнов, отводя глаза от Шумайло.

— Как-то на душе муторно, — отвернулся и Назаров.

Отвратительное предчувствие овладело ими, но не решились они уйти из-под мороси, сделать шаг к двери, узнать, что произошло и сломало их планы.

— Сдастся мне, Эльдар, окунемся мы в дерьмо по самые уши.

Назаров не ответил, обдумывая что-то. Его взгляд опять натолкнулся на блестящий ключик, похожий в сумерках на монетку.

Нет, не нагнулся...

4 — 24

В субботу с утра Судских выехал в Сорокапятку.

Вез Марье печальную весть о смерти Чары. Самое время освобождать девочку от опеки, и тут — на тебе... Неловко в такой момент затевать разговор о переезде, будто предательство. А другие заботы навалились скопом, давят, передохнуть не дают...

Судских ощущал на своих плечах усталость последних пяти лет. Ни один отпуск не использовал, толком поспать не удавалось, стремительный водоворот событий кружил голову. С год назад был у врачей на обследовании. Сказали: красная лампочка зажглась, живет на подсосе. А что сделано, ради чего самоуничтожение? Собрать в кучу все его дела «во благо», и стыдно — суета сует.

«Может быть, хоть это зачтется», — оправдывал он себя, ощупывая ладонью в кармане пакет с двумя дискетами. На них полная расшифровка текста Библии, периодика катаст-

роф, земных превращений. И все же этого мало: рецепта пресечения бедствий пока не нашли, «формула красоты» не выстраивается.

Дискеты он решил спрятать в тайнике на территории Сорокапятки. На всякий случай, никому ничего не сказав, кроме Лаптева, — кто же другой сделает копии...

Вечером надо быть у Гречаного. И ладно бы водку пить — от другого голова болеть станет...

Порой ему казалось, что никогда он не сможет быть прежним, самым собой, в этом бесконечном карнавале бытия, где никто уже не знает, маска на нем или обычное лицо.

Он анализировал свою встречу с капитаном Смольниковым и устыдился неуместного раздражения. Прежде он не позволял себе выказывать неуважение к подчиненным. Да, он смягчил его позже, стал прежним обходительным шефом, но песчинка перебора корябнула Смольникова, и кто знает, какие травмы пойдут от нее, что не позволит Смольникову прожить жизнь полно.

«Худые сообщества развращают добрые нравы, сказано в Писании, — размышлял Судских, — но почему-то нет в мире добрых сообществ, одни утопии, и так ли уж велика проделанная ими работа? Наступит другой виток развития — от доброго начала к худому концу, от искры к затуханию».

Нет в Библии рецепта вселюбия и вседобра — обычные лекари пробуют на больных одни лекарства, заменяют их другими, если нет результата, в случае смерти подопечного обвиняют его самого в небрежении здоровья. К такому выводу пришел усталый Судских.

Происшествие на квартире Мотвийчук не укладывалось в обычное представление об убийстве. Хладнокровное уничтожение безвинных, три трупа, и сам убийца, один из элиты власти. Ради чего? В квартире буквально все просеяли, работали в инфракрасных лучах, и безрезультатно. Явно отсечена ниточка, ведущая к чему-то важному. Единственный след обрывался: экспертиза показала, что на шее Мотвийчука до самой смерти была тонкая серебряная цепочка и предмет из

тугоплавкого металла. Возможно, крестик. Но какой? Почему он исчез? А установлено, что сорвал его Шумайло.

Вновь пересмотрели дело об убийстве Мотвийчук, которое вызвало другие убийства. Версию о причастности Басягина Синцов опроверг сразу. Тот сознался с перепугу, а точнее, подручные Христюка вышибли из него признание. Перепроверили и нашли то, чего не обнаружили по горячим следам: в квартире гадалки в злополучный вечер накануне убийства находились еще двое, которые могли стать убийцами. Да, Басягин невиновен, его алиби подтвердилось. Да, за полчаса до убийства он побывал у Мотвийчук, поссорились, ушел. Консьерж в доме напротив подтвердил. И не так уж важно лично для генерала Судских, кто является убийцей, — след, такой нужный, обрывался.

«Впрочем, почему не важно? — поймал себя на фальши Судских. — Причина всех убийств одна, и не ревность привела убийцу в этот дом. Что они все искали? Работы Трифа? Если человек способен на убийство, значит, есть особая причина и, значит, не сработали прочие методы убеждения бескровно заполучить искомое, а работы Трифа лежали практически на поверхности, и не такая уж это оказалась тайна...»

Вместе с Синцовым перебрали возможный круг причастных и сошлись в одном: из подозреваемых изначально выпал Георгий Момот, который, если внимательно присмотреться, всегда находился в центре. События раскручивались вокруг него, и вряд ли он был обычным зрителем. Умен, осторожен, уехал из горячей точки загодя.

Иван Бурмистров вторично выехал в Литву. Напутствие было лаконичным: как хочешь, но результат должен быть.

Проехав кордон с охраной, Судских удивился, не увидев среди встречающих Левицкого. Дежурный офицер смущенно переминался перед ним с ноги на ногу.

— Понимаете, Игорь Петрович, суббота ведь, вы не предупредили, и майор решил отдохнуть маленько.

— А стоять перед старшим по званию разучились? Тоже маленько отдыхаете? — не сдержался Судских. — Какой отдых?

— Дельтаплан, товарищ генерал-лейтенант. Сейчас свяжемся.

— Сюда и спланирует прямо? — еще больше закипел Судских.

— Зачем сюда?.. Там джип и мобильная связь.

С горем пополам выяснилось: Левицкий пристрастился к дельтапланеризму, втянул Марью; чтобы разогнаться на ровном месте, брали служебный джип. Раньше они выбирались на возвышение, там сарай старый под ангар оборудовали, оттуда летали, но дельтаплан, какой он ни воздушный, а таскать в гору тяжело, вот и придумали от лени джипом разогнаться. Итого, еще трое подчиненных приобщились к пернатым. Весело живут! В стране раскардак, людей убивают среди бела дня, бунты, забастовки, шеф отоспаться не может, а здесь эпоха Крякутного процветает! Звонкий колокольчик мечты спецназ убаюкивает! Небо их манит! Простор зовет!

Судских рассыпал громы и молнии до самого возвращения отдыхающих, а после этого над всеми обитателями Сорокапятки сгустились мрак и неизвестность.

Марья скромно отсиживалась у поленицы, ожидая конца нахлобучки, а ее похорошевшее розовое личико того больше распаляло Судских.

— А ты, красавица, собирайся домой, каникулы кончились! — резко приказал он и получил тотчас вразумительный ответ:

— А я к вам отдыхать не нанималась.

Поднялась спокойно и удалилась в терем.

Судских, не видевший Марью почти три месяца, буквально прикусил язык. Не поведение шустрячки срезало его, а ее пропорции: что-то не так было в ее фигуре.

— Как это понимать, Левицкий?

— Не понял, Игорь Петрович?

— Не валяй дурака, — прошипел Судских. — Она беременна!

— Как беременна? — затвердел на месте Аркадий.
— Прежним способом! В беспорочное зачатие я не верю!
Ты за кого меня принимаешь? — взорвался Судских.
— Клянусь, Игорь Петрович, ни пальцем!
— А кто тогда не пальцем? Дядька Триф? Святой дух?
Аркадий пришел в норму раньше Судских. Вдох, два выдоха.

— Игорь Петрович, за себя, за ребят я ручаюсь твердо. И за Илью Натановича, пока он здесь жил. Это все.

— А ты сам впервые, что ли, увидел? — недоумевал Судских.

— Да не замечаю я таких вещей! Кушает человек, отдыхает, дельтаплан ее держит нормально... — сказал и прикусил язык. Зря. Про дельтаплан не надо бы, шеф почти отошел...

— Еще раз услышу... — начал и осекся Судских. Когда-то и он мечтал освоить эту штуковину. Кому полетать не хочется!

— Понял, товарищ генерал-лейтенант!

— Так я тебе и поверил.

В терем он зашел успокоившимся. Поднимаясь к себе, сказал:

— Позови Марью.

Куртки не успел снять, Марья уже возникла на пороге:

— Вызывали, гражданин товарищ начальник?

— Вызывал, — спокойно ответил Судских и внимательно оглядел Марью. Сомнений нет, беременна.

— И кой месяц миновал?

— Пятый, вестимо.

— Аборт не получится.

— А я не собираюсь.

— А кто папа? — спросил Судских и затаил дыхание, боясь неожиданного ответа.

— Не знаю.

— Напрягись. Это не шуточки.

— А че напрягаться? Ну, обкурилась в отряде... Я не помню. Так и запишите: я от солнышка сыночка родила.

— Ты хочешь сказать, до нашего знакомства это случилось? — перевел дыхание Судских.

— А вы че, на Аркашу подумали? — спросила Марья и захохотала. Сквозь смех добавила: — Куда ему, он весь такой правильный!

«Все просто у детишек, — не знал, как поступить, Судских. — И как теперь о Чаре сказать? Совсем с толку сбила».

Отсмеявшись, Марья с любопытством ждала продолжения. На любой вопрос у нее готов любой ответ.

В интересном своем положении она действительно похорошела и расцвела. Даже шуточки отпускала с весомостью женщины, а не вздорной девчонки.

— Мария, — решился наконец Судских. — Я привез тебе нехорошую весть...

— Ой, дядь Игорь, не надо, — сразу испугалась Марья.

Увидев ее разом побелевшее лицо, Судских испугался сам того больше, но слово не воробей... Он нашел выход:

— Есть и другая новость: твои родители живы.

— Ой, что же мне делать? Живы?

— Да, Маша. А Чару не вернешь.

Он подошел к ней, взял за плечи, усадил на диван, сел рядом, говорил что-то успокаивающее, обещал помощь.

— А где папа с мамой? Это вы нарочно? — спросила Марья, отплакавшись вволю. Глаза покраснели. Уже глаза не девчушки.

— Они остались в закрытой Зоне. Это подтверждено. Не думали, что выживут. Вот фото, посмотри сама, может, найдешь.

— Это папка, — указала Марья на мужчину в плавках после тщательного разглядывания фотографии. — Это его плавки, мы с мамой ему выбирали на день рождения... А волосатый стал! Не может быть: у папки волосы! Но это он. Точно он!

И стала целовать фотографию.

— Давай тогда так поступим: сейчас собирайся, поедешь вместе с Левицким на похороны, он поможет дела уладить, а потом вместе сюда вернетесь. Хочешь остаться?

— Хочу, дядь Игорь, очень хочу! Тут все такие хорошие, а я готовлю им, не жалуются, а Аркаша вообще мой дружок. Я ж не виновата, что со мной такое случилось...

— Да, никто не виноват, — сказал Судских без иронии, но Марья вспыхнула:

— Ладно вам! Каяться не буду!

И отвернулась. Выждав, спросила тихо:

— Я родителей увижу?

— Думаю, увидишь. Только время нужно. Пока в Зону ни один смертный не прошел. Я обещаю тебе.

— А как же они там выжили, как все это — на фотке?

— Это загадка, Маша. Мы хотим разгадать. Свяжемся с ними, может, все так станут жить. Они, видно, открыли новый закон физики. Жизни... Собирайся, встретимся внизу.

— Все в порядке, — сказал он Левицкому, с нетерпением ждавшего Судских. — Я пойду до ручейка прогуляюсь...

Ручеек по-прежнему колотился между корней дуба. На низеньком помосте возле стояла кружка. Старая, солдатская, из алюминия. Она почернела от времени, была во вмятинах, но именно она казалась Судских тем предметом, который имел право оставаться здесь, не нарушая гармонии.

Он зачерпнул влаги и с наслаждением выпил мелкими глотками. Бодрость перелилась в тело. Ополоснул лицо и с сожалением заставил себя вернуться. Тропинка пролегала мимо тайника.

— Поедешь с нами, — сказал он Аркадию, — а сюда едет со сменой Смольников. Усиливаем наряд.

Аркадий перекрутил в голове варианты и спросил:

— Что-то не так?

— Не так, Аркаша, — прямо ответил Судских. — В Москве готовится переворот, а на Сорокапятку нападение.

— Дожили, — оценил сообщение Левицкий. — Напрочь у россиян мозги отшибло. Разрешите остаться?

— Особой нужды нет. Марье ты нужнее, а через неделю вернетесь. Чтобы девчонка не натворила глупостей. Впрочем, какая девчонка... А так я тебя женить хотел на Марье.

— А я не вижу помехи, — сказал Аркадий и засмутился. — Позавтракайте, Игорь Петрович, у нас...

— А не стыдно начальника голодным в обратную дорогу отправлять? — спросил Судских и рассмеялся. — Посмотрим, чем вас Марья потчует...

Он не торопился уезжать. Во-первых, утром только стакан кефиру выпил, но важнее дожидаться Смольникова, проверить экипировку, проинструктировать.

Они допивали чай, когда на территорию въехали два крытых грузовика. Прибыло до тридцати человек. Ребята выгружались молча и сосредоточенно. Левицкий заметил тяжелое вооружение, броники на всех, присвистнул.

— Не свисти, удачу спугнешь, — одернул Судских.

Смольников доложил о готовности. Втроем уточнили особенности профиля.

— Особенно учти, — напомнил Левицкий, — болотина еще мерзлая.

— А ключ жив? — спросил наконец Смольников. — Давненько не был здесь...

— Не плачься, жив твой ключ, — урезонил Судских, хотя укор понял: действительно, Смольников бывал здесь редко. Чтобы сгладить неловкость, он сказал:

— Леня, объясни свою версию Аркадию. Он с Трифом постоянно общался и может знать то, чего мы не заметили.

От того, что Судских назвал его по имени, Смольников приятно смутился. Поковырял носком сапога землю и вкратце пересказал версию о происхождении знаменитой фразы Достоевского. Левицкий молчал, домысливая.

— Ну как, Аркадий, впечатляет? — спросил Судских.

— От Трифа в данном случае я ничего не почерпнул, — неторопливо отвечал Левицкий, — но версия шикарная. Хотя нет: Триф часто повторял, что после всех потрясений на земле воцарится единоверие, так завещал Господь Бог, а завет этот привез с собой легендарный Ной. Он хранился в ковчеге Завета и дожидался чистоты веры. Иначе в ковчег заглянуть невозможно. А вот физическая сторона вопроса упрятана

глубже. Древние греки вкладывали в понятие красоты законы физики на уровне макрокосма, не случайно космос и косметика одного корня. Тут ядерщики нужны.

— Есть уже ядерщики, Аркадий. Двурогой оказалась проблема, — разоткровенничался Судских. Достаточно разговоров.

— Ну что, по коням? — сказал он, оглядев на прощание терем. — У меня еще тайная вечеря сегодня.

5 — 25

Судских решил на званный вечер у атамана Гречаного надеть штатский костюм попроще. Выбрал серый, с бутылочной искрой, нашел себя в нем неброским и респектабельным. Кто будет среди гостей, он не знал, но военных и чинов из Управления Воливача явно с избытком.

Резиденция атамана располагалась в бывшем Политехническом институте. Это само за себя говорило о крепкой позиции казацкого куреня в Москве, и порядок, надо сказать, казачки доглядывали строго. Для них не было ни красных, ни белых, ни званий, ни заслуг: нарушил — получай. Протокол прежний — казацкая нагайка, а уж за вызывающее поведение не стеснялись намять бока. Одни хвалили казаков, другие побаивались и сходились в главном: шпана в столице перевелась.

Картинный есаул в бурке и папахе встретил Судских у входа и проводил в небольшой залек на втором этаже.

— Генерал-лейтенант Судских! — провозгласил он от двери.

Приглашенные повернулись к нему, и Судских стоило усилий, чтобы скрыть подлинное изумление. Такого подбора лиц он не ожидал встретить.

«Гуртовой! Христюк! Бывший министр обороны! Оберпатриот Ракшин! Мама моя, ну и компания!»

— А, добро пожаловать, дорогой друг! — заспешил к нему Гречаный и чуть поодаль Воливач.

Почему-то Судских ожидал увидеть здесь обилие звезд на погонах, цацек, аксельбантов и ошибся: по своему положению знаки различия носили многие, практическое большинство, но одеты были в штатское. Ему повезло угадать униформу.

С атаманом обменялись троекратным обниманием с поцелуями, после чего хозяин сделал широкий жест руки в сторону стола:

— У нас все просто: кто хочет выпить — пьет, закусить — пожалуйте, поговорить — с кем захочет...

— Набить морду — в комнату отдыха, — вставил, склонившись к уху Гречаного, Судских, и тот взорвался хохотом, ткнув Судских кулаком под бок.

— Чертыка! Молодец! Люблю прямых!

Стол был заставлен отменной выпивкой на выбор и подobaющей закуской на любой вкус. Даже четверть самогона маячила по середине стола, и поросенок красовался в стиле «лайон коучант».

— Первое и второе он всегда успеет, — перехватил Судских Воливач, — а чтобы не дошло до четвертого, я ему предложу сначала третье.

Гречаный сделал полупоклон, щелкнул каблуками и оставил Судских на попечении Воливача.

— Состав приглашенных удивил? — с усмешкой спросил Воливач.

Судских хотелось ответить словами Писания: «Как много званных, как мало избранных», но риторику придержал.

— Не то слово, — ответил тот. — Присутствие Христюка еще могу как-то предположить, а как сюда попал из-под ареста Гуртовой — выше понимания.

— Душа моя Игорь Петрович, — заговорил ласково Воливач, а смотрел с придишкой, — поскольку вы здесь, значит, все эти люди вам доверяют и вы им должны доверять,

поскольку они здесь. Я бы сказал, что Гуртовой больше остальных имеет право возглавить список приглашенных. Это наш человек в звании генерал-майора, это он сделал все возможное и невозможное, чтобы награбленные в России миллиарды на семьдесят процентов вернулись назад. На эти деньги мы восстанем из пепла.

Судских поразился услышанному, но выяснить сомнения хотел обязательно.

— Виктор Вилорович, а отставной министр обороны чем прославился? Насколько знаю, ратных подвигов за ним не водилось.

— Дорогой мой Игорь Петрович, — терпеливо объяснял Воливач, — несимпатичный тебе отставник столько припрятал ядерных запасов, что мир содрогнется трижды, узнав это.

— Однако...

— Это метафора, Игорь Петрович. Мы едины в одном: наше признание поднять Россию с колен без насилия и угроз, но добро должно быть с кулаками. Кто еще тебя смущает? — быстро переключился он, опасаясь дискуссии.

— Но Христюк — записной уголовник, только по нашим сведениям, ему набегает срок до конца этого века, — пытал его Судских.

— А ты прости его, прости, — снисходительно сказал Воливач. — Тебе ведь не предъявляли обвинений за превышение власти? А кто возглавит милицию в нужный день, чтобы без переполоха обуздать эту орду? Потом замена будет, а пока — лучше с умным потерять, чем с глупым найти.

— А кто гарантирует, что он Мастачного не предупредит в этот день?

— А мы речей не ведем с трибун, попираять законы не призываем. Притирка, Игорь Петрович, — наставительно сказал Воливач. — Здесь собрались выпить и закусить. И покончим с этим. Подходи к любому, и каждый заговорит с тобой уважительно потому, что генерал Судских своего положения достиг упорством в служении стране и захочет он развеять свои сомнения, ему помогут.

— Тогда, если Гуртовой здесь, президент лишний в этой колоде? — не спешил ставить точку Судских.

— Ты правильно понял. Попы, студенты, президенты — не в счет. Достаточно? И еще раз повторю: здесь не будет пылких речей и плача по бедной матушке России. Здесь каждый знает, чем ему заниматься в судный день.

— Кроме меня, Виктор Вилорович, — нашел нужную форму вопроса Судских.

— Резонно. Послезавтра будешь знать лично от меня. А пока знакомься со всеми наново и отдыхай.

Воливач хлопнул его по плечу и отошел. Судских неторопливо двинулся к столу.

«Сто против одного, первым со мной заговорит Гуртовой», — загадал Судских.

Гречаный предложил тост за всех присутствующих. Раздались возгласы одобрения, хлопанье пробок и звон хрусталя. Судских выбрал стакан с тяжелым дном и налил себе джина. После всего услышанного хотелось надраться, но джин легко топить в тонике, а голову надо бы иметь ясную: нет повода расслабляться.

— Игорь Петрович, — услышал он за спиной, — хочу с вами чокнуться.

«Не угадал — проиграл», — мелькнула мысль, когда он повернулся к Христюку. С ним-то никак выпивать не хотелось.

— С удовольствием, Федор Семенович.

— Да шо вы эту водичку пьэтэ, — по-хохлацки укорял Христюк. — Горилки! Та ще найкраще — самогону!

— Дак спытайтэ, — протянул ему свой, пока не разбавленный тоником, джин. — Мабудь цэ гарно?

— О, ридну мову разумитэ? — «подивывся» Христюк, взял протянутый стакан, а Судских под шумок налил себе чистого тоника.

— Пьемо?

— А хйба ж! — попался на удочку Христюк и махом выпил джин.

Видя его округляющиеся глаза, Судских понял, что больше его проверять не станут. Джин, он и в Африке джин.

Со стороны они выглядели, будто Христюк с Мастачным, други не разлей вода, и мало-помалу Судских взялся потрошить бывшего начальника «милиции нравов». Глядишь, с миру по нитке, и прояснится и час Икс, и его задачи.

— Не дружили мы с тобой, Игорь Петрович, из-за ведомственных свар, зато теперь на нас обоих лежит основная задача, — первым гладко заговорил Христюк, полагая, что Судских поболее осведомлен о задачах, и Судских понимающе кивал.

«Какие задачи вообще надлежит выполнить? — слушал он Христюка и обдумывал его слова. — Взятие власти, соответственно — почты, телеграфы, телефоны, так сказать. На кого может положиться президент? На армию: министр обороны верен ему. Блокировать воинские части и есть совместная с Христюком задача».

— Да, да, — кивал Судских, выказывая осведомленность. — Это согласовано заранее.

— Так я и думал, — с оттенком обиды сказал Христюк. — Всегда так, Игорь Петрович, нам черновая работа, а вам жнивье. А я бы этого фанфарона, который пороха не нюхал, загодя к стеночке прислонил. Только водку с президентом жрет, а армия бедствует, мальчишки голодают.

— Не будем кровожадны, — успокоил его Судских, а сам подумал: «Интересно, нападение на Сорокапятку они вместе планировали или Мастачный один додумался? А вот спросить его в лоб...»

— Федор Семенович, а что за слух прошел, будто в вашем бывшем ведомстве есть намерение пощекотать меня?

— Тю! — заиграл глазками Христюк. — Да то когда было? То Васька Мастачный поиграться надумал, а я ему такого навтыкал, на век зарекся!

«Дай Бог, чтоб остерегся после этого разговора, — отметил про себя Судских. Он не поверил Христюку. Подлючая натура и Мастачный, и Христюк. — Зато как мило беседуем!»

К ним приближался известный в прошлом артист и бизнесмен. Каким бизнесом занимался тот в пору минувшей вольницы, простой люд не ведал, но разбогател сказочно. Судских ли не знать подноготную этого проходимца! Подпольное производство наркотиков, ввоз и продажа просроченных и несертифицированных лекарств, отмывка грязных денег. Только его собирались брать, он возникал на телеэкране и жаловался, как вечный жид, на клевету: и такой он весь честный и заслуженный, и недосыпает, и недоедает, и мафия его тюкает, и органы, и день, когда его убьют, он знает, и заплачет вся Россия, лишившись своего верного слуги... За жульничество среди своих у него взорвали квартиру, набитую раритетами и редкостями. Думали, смолчит. Ошиблись. В тот же день появился на экране и объявил: вот, люди добрые, лишили меня прибежища и пищи, помогите, кто сколько может. Артист!.. И всякий раз, когда органы предъявляли веские доказательства его преступлений, сверху поступала команда: не обижайте хорошего человека, не так велик его грех, коли не мал вклад. Такого проходимца даже нарочно не придумашь. Вот уж воистину Иосиф, выводящий своих братьев в Египет, вкупе с ними грабивший потом богатую страну!

«Уникум» изъявил желание лично познакомиться со своим прежним обидчиком, раз довелось попасть в одну лодку.

— Наслышан о вас много, — почтительно сказал он и поклон сделал неторопливый, как принято было в старые времена на званных раутах. Судских померещился даже скрип туфель с пряжками. — Очень рад, что мы вместе. Это просто необходимо честным людям объединиться перед лицом грозящей опасности.

Судских диву давался, но форму держал:

— Я о вас тем более наслышан.

— И не сомневаюсь, любезнейший Игорь Петрович, — отвечал собеседник умиленно. — Вы для меня выше духовника. Знаете, анекдот есть такой о том, кому больше всего

доверяют женщины? Нет? Я расскажу. Женщины делят всех мужчин на категории доверия: отец, кому ничего не показывают и ничего не рассказывают; муж, ему кое-что рассказывают и кое-что показывают; любовник, кому все показывают и ничего не рассказывают; духовник, кому все рассказывают и ничего не показывают, а вот гинекологу все показывают и все рассказывают. Это вы для меня.

— Но на откровенную дамочку в позе аливаши на гинекологическом кресле вы не похожи.

За словом в карман собеседник не полез:

— А вы не мальчик, пределы возможного знаете.

— По-моему, для вас таких пределов нет, — не стал обострять разговор Судских.

— А по-дружески, во многом могу помочь, — понизил голос собеседник.

— Помогите.

— Отдайте Трифа Дейлу.

— Забирайте, — беспечно ответил Судских.

Собеседник пытливо уставился на него: что это — блеф или примирение?

— А что взамен? — не дал ему опомниться Судских.

— Злато и любовь красавиц, как я знаю, вас мало волнуют, а вот нечто о контрмерах могу поведать.

— Вы могли бы сделать это другим, а не мне.

— Зачем? Выигрывает поспешающий медленно. И вы из таких...

Глядя в лицо собеседника, Судских размышлял, как этот человек всю жизнь пил-ел с русского стола и тут же гадил. Хотелось смачно плюнуть в его гладкую физиономию. Не принято.

«Он и аресты, выходит, может отменять».

Трифа он, конечно, так сразу не отдаст. Вообще не станет торопиться. В этом собеседник прав.

«А Гуртовой так и не спешит...» — отметил Судских, исподволь наблюдая за бывшим помощником президента, который переходил от одного гостя к другому, беседовал недолго и, ка-

залось, не замечал Судских. Что особенно отметил он: не было здесь ни одного представителя духовного сана. Стало быть, новая власть полагает отлучить святых отцов от кормила. Оно и лучше: представления хороши в нерабочее время.

— Не заскучал? — услышал он голос хозяина.

— Вполне все интересно, — ответил Судских.

— Зови меня Семеном, Игорь, — перешел на ты Гречаный. — Слышал, с попиком каким-то возишься.

— Был грех, — с легким сердцем ответил Судских.

— А на кой ляд? Пойми, я в твои дела не лезу и мог бы у Воливача прознать. Но мне твое мнение интереснее.

— Скажи мне правду, атаман, зачем тебе моя любовь? — с веселой улыбкой продекламировал Судских.

— А затем, — принял все на полном серьезе Гречаный, — что время поповских рассказней ушло и подымать Россию надо без поповской блажи.

Говорил он грубовато, но в речи его угадывались эрудиция и приличный запас слов.

— Тогда и у меня вопрос напрямую, — сказал Судских. — Почему казак, истый христианин, как повелось, ратует за атеизм?

— Истово можно париться или водку пить, но истово верить в нереальное могут только больные или ущербные люди. С чего вдруг комиссары возлюбили Христа? Для них и поп союзник и черт, лишь бы вернуть утраченную власть. Это элементарная шайка, все они бредят временами бывшего разбоя, когда любая пакость с рук сходила, а казачество верит в устои, и при царе христианская вера была одним из столпов. Прошлого не воротишь, другая вода, на миф не обопрешься. Вот ты мне и ответь, что раскопал твой попик в Библии?

— Он не попик, — отвечал Судских. — Атеист почище нас. Он развенчал христианство, корни которого в иудаизме.

— Как раз это нам и надо, все стало на свои места! — с особым удовольствием подчеркнул Гречаный. — И это на самом деле серьезное исследование?

— Я наслышан о нем лет тридцать, читал его работы еще тогда и могу уверенно заявить: это серьезное исследование.

— Хай буде грец, как говорит наш хохол Христюк. Игорь, он нужен всем нам, чтобы откреститься от Церкви, дать народу такую возможность.

— Это не простая задача, — покачал головой Судских.

— А сплотить Россию легко? Без посулов? Без обмана? Русский человек горы свернет, только дай ему уверенность, что не завалит его этими камнями, что польза есть от этого труда. Мы не будем врать людям, скажем все, как есть, их послушаем; где надо, власть употребим, а прохвостов гайдаров-ельциных будем искоренять нещадно. Нам разумные нужны. И я рад, Игорь, что мы вместе. Люб ты мне.

Он взял Судских за плечи и обнял крепко. Судских смутила такая прямота чувств и ласка.

— Мы еще не выпили, — сказал он, чтобы как-то разрядить это прилюдное откровение. — Сдастся мне, атаман не только бурку носил?

— Вот чертяка! — засмеялся Гречаный, наливая по стакану водки. — Мало кто говорит со мной не языком оперетты. Ты прав. Я потомственный казак и росич, но Высшее Бауманское закончил с отличием, в Штатах стажировался, и выпить хочу за росичей, за нас с тобой. Тут хватает примазавшихся, но костяк наш из чистого металла. И вера нужна нам единая, коль скоро без веры жить нельзя. Она должна быть реальной, силы мифического Христа уже не хватает. Вот что объединит Россию, вот что принесет она всему миру. Выпьем за это!

Водка была горькой, как всегда. И правда оставалась горькой. Сладкими оставались надежды. Да, соглашался с Гречаным Судских, при таком разбросе вероучений все разговоры о веротерпимости несут малый прок, каждый верующий обихаживает свой закуток. Но как же все зыбко, как далеко и нереально!

— А как все это будет выглядеть? — спросил Судских, дождавшись, когда Гречаный закусит грибом.

— Что все? — переспросил Гречаный.

— Приход новой веры.

— Единственным путем. Сначала берется власть.

«Ничто не ново под луной», — подумал Судских и добавил, провоцируя на откровенность:

— Сначала портфели делят.

Гречаный засмеялся:

— А ты, Игорь, не промах. Воливач на тебя не зря ставит. Так оно и лучше. А посему соображай: у Воливача дивизия, у тебя дивизия, у меня дивизия, у Гуртового деньги, у остальных присутствующих новая вера. По рукам?

Судских протянул руку и спросил:

— А остальные согласны?

— А это тебе Воливач расскажет...

«Вот и папа появился, — подытожил Судских. — Хотя все до смерти знакомо... Но кому-то надо начинать!»

К ним присоединился Воливач. Поговорили о том о сем отвлеченном, будто откровенничать можно было только вдвоем.

Вскоре, сославшись на занятость, Судских стал прощаться. Гречаный пытался удержать, но Воливач согласился:

— Игорь Петрович делает сейчас один больше, чем все мы.

— Как он тебе? — спросил Воливач Гречаного, когда Судских покинул зал.

— Стоящий мужик, Витя. Нравится мне, но... Неинтересно ему все это, другие барабаны слышит, в ногу с нами ему тяжело.

— Как поступим?

— А никак. Время есть, пусть обкатывается. Главное, весь этот бардак ему дико противен. Он нужен нам позарез, без него колода не сложится. Он, Витя, думающий, нас охолотит, если что...

Покидая Гречаного, Судских не решил, чем дальше займется в этот субботний вечер. Дел, как всегда, неуправляемый, в голове разброд.

«А поеду-ка я домой! Выплюсь, отдохну под скрип родной тележки, дома и стены помогают».

Утомил его воз.

От сонной реки подымалась испарина уходящего теплого дня. Пахло покоем и необъяснимо домашним. Казалось, само время остановилось, разомлев, до первого удара колокола, чтобы не забывали смертные, кем дарован покой.

Не думал не гадал Ваня Бурмистров снова увидеть город Аникший, услышать требовательные удары тяжелого била. Выпало. Он шел к дому Георгия Момота со смешанным чувством любопытства и настороженности. Навстречу попадались по-прежнему учтивые горожане, мирные улицы погружались в сумерки, а соборный колокол предупреждал: не обольщайся, дьявол не дремлет, он меж вас, козни его при нем.

И снова у калитки Бурмистрова встречал хозяин.

— Добрый вечер, Георгий Георгиевич. Вот опять свиделись.

— Добрый, — ответил Момот, как старому знакомому, пропуская гостя на участок. — А я еще тогда подумал, что встреча наша повторится.

Опять камин, вкусный чай, печенье к приятным посиделкам.

— Какими судьбами? — первым задал вопрос хозяин.

Иван не стал брать чашки со стола, хотя очень хотелось сделать глоток, и ответил с застенчивой улыбкой:

— Вопросы появились. И не простые.

— Начните по порядку, с главного, не смущайтесь, — подбодрил Момот.

— Георгий Георгиевич, версия убийства Мотвийчук Басягиным не подтвердилась. Установлено, что вы в момент убийства находились в Москве.

— Похвально, — кивнул Момот. — А то я стал подумывать, что в Россию вернулись тридцатые годы прошлого столетия, справедливость поправа, шаблон и казнят того, кто под руку попался. Понимаю, вам неловко предъявлять мне обвинение в убийстве, хотя факты самые очевидные. Я вам больше скажу: примерно за час до убийства я был у Нины.

— Это установлено, — уверенно подтвердил Иван.

— Да? Похвально. И как?

— Отпечатки пальцев, Георгий Георгиевич. Возвращаю вам спичечный коробок, который унес из вашего дома в прошлый раз. Ваши отпечатки пальцев нашли в квартире Мотвийчук. Извините...

— Принимаю извинения. Как ни странно, вы мне больше и больше нравитесь. А нравитесь потому, что вы умничка, а я чист перед вами.

— Тогда помогите установить, кто он.

— Мойзес Дейл.

— Кто? — не поверил Иван.

— Мойзес Дейл, — уверенно повторил Момот. — Я и в первый ваш приезд знал это твердо. Во-первых, он побывал здесь и вопросы задавал вполне определенные. Так мог спрашивать человек, знающий четко о предмете своей цели. Во-вторых, мы с ним разминулись у Нины минута в минуту. Я ушел тогда, не добившись от нее откровенности. Мне требовалось успокоиться, и я решил отдышаться за дверью. В это время снизу послышались шаги, и я осторожно поднялся этажом выше. Мойзес позвонил, Нина открыла сразу, будто ждала его. Я понял, что они знакомы. На всякий случай я покинул свое убежище. Мне было интересно, надолго ли этот визит, и я не отказался подождать снаружи и по возможности понаблюдать.

Лучшее место для этого было во дворе. Там есть пожарная лестница. Но, выходя из подъезда, я заметил свернувшую в переулок машину. Пришлось опять спрятаться и выждать. Машина, кажется, «форд», остановилась напротив подъезда, въехав задними колесами на тротуар. Пока фары горели, я разглядел номер. Это была милицмейская машина, одна из тех конфискованных, которая возит милицмейское начальство. Однако из нее никто не вышел. Остаться там было для меня небезопасно, и проходными дворами я выбрался на улицу. Не отказав себе в любопытстве снова, я прошел мимо переуллка. Там уже собра-

лось около пяти машин, сновали люди. Я понял: визит Дейла закончился неординарно.

Момот остановился, и Бурмистров спросил:

— Почему же вы сразу не сказали об этом? Убийца не успел бы уйти от правосудия!

Момот усмехнулся и сказал наставительно:

— Молодой человек, поспешность никогда не приносит добра, а в России нынче сплошь и рядом безвинные страдают за виноватых. Неделью назад передали, что арестованы Гуртовой, Шумайло и Дейл. А вчера сообщили, что Гуртовой назначен председателем Совета национальной безопасности, Христюк — министром МВД, а Мойзес Дейл выдворен из России. Как разобраться в этой каше и зачем мне попадать в нее? Ради чего вмешиваться во все это, что помогает варить уважаемый мною ваш шеф генерал Судских? В этой стране надолго поселилось беззаконие. Прав тот, у кого больше прав, и никакого выхода впереди.

— Это и ваша Родина, — огорченно буркнул Иван.

— Я поэтому столь откровенен с ее посланцем, — сухо ответил Момот. — Давайте лучше вернемся к жесткой статистике. Я могу сообщить вам много важного, что поможет Судских действовать уверенно и в нужном направлении.

— Должен согласиться, — сказал Иван и только теперь занялся чаем, приготовившись слушать.

— Главный вопрос: что так интересовало всех — меня, Дейла и милицию? Не деньги, не труды Ильи Натановича, а неприметная вначале вещь, но куда более ценная. Это подарок Софьи Аполлоновны, который она сделала когда-то неосмотрительно. Знаете, о чем я говорю?

Иван кивнул. К поездке он готовился тщательно. Сумели разыскать старых знакомых Мотвийчук и среди них дочь Софьи Аполлоновны, которая толком не знала, что именно подарила Мотвийчук ее мать, но было это нечто бесценным и необычным.

— Ниночка, пусть земля упокоит ее, умела влезать в душу, очаровывать своей непосредственностью. Эдакая щебетунья,

кнопочка-колибри и всегда своя в доску. Очарованный человек соблазнялся и только спустя время начинал понимать, какую непростительную ошибку совершил, впустив к себе в душу. Если ее хватали за руку на пакостях, она обиженно хлопала глазами и заявляла: «А что я плохого сделала?» Кодекс ее существования позволял скрывать правду, если это выгодно, и сплетничать, если ситуация менялась. Во всей этой истории катализатором трагедии был сынок Нины, абсолютно беспринципный. Так вот, по-дарок Софья Аполлоновна сделала Нине удивительный: зашифрованный текст... Обождите, — взялся за лоб Момот. — Требуется экскурс, чтобы многое стало понятным.

Мы познакомились в 1988 году. Я получил возможность отдохнуть в цэковском санатории, где она работала администратором. Сблизились сразу. Необузданная любовь, и вскоре загс. Я, старый дуралей, поверил, что мне улыбнулось счастье, а скоро выяснилось, что моими руками она убирала прежнего мужа, который стал запиваться и разгульничать. Увы, я настоял на расторжении их брака и занял его место.

С Софьей Аполлоновной у нас сложились прекрасные отношения. Мы часто сживали вместе, и она души не чаяла в нашем союзе: «Ниночка, этот человек дан вам Богом, берегите свое счастье». Тут, конечно, сослужили свою службу мои познания в магии и полная влюбленность старого холостяка.

Прозрел я полно как раз в день ее рождения, когда Софья Аполлоновна сделала Нине этот подарок. Во-первых, подбор гостей не понравился мне: она пригласила двух прежних любовников. Кого же это не покоробит. Во-вторых, подарок предназначался нам обоим и вскрыть конверт можно было тогда, когда Нина будет полно сведущей в магии. Однако, едва гости разошлись, она вскрыла конверт, нарушив обет, данный Софье Аполлоновне. Я был далековато, текста не видел, но едва приблизился, она спрятала конверт за спину. Вначале меня потрясло не это

недоверие, а то, что я успел заметить: на конверте была единственная буква еврейского алфавита «шин». Она соответствует знаку Вотана — «Сумасшествие», «Разрыв с божеством». В конверте, исходя из этого, находился некий текст, способный дать сверхъестественную силу или погубить. Например, человека, вошедшего по недомыслию в активную зону реактора. Я сказал: это наш общий подарок, почему я не могу видеть его? Она ответила: много будешь знать, скоро состаришься.

С этого дня между нами пробежала черная кошка. Конверт исчез, я не особо спрашивал о нем, а Нина в спешке осваивала магию. Как я говорил, учиться она не любила и все больше спрашивала меня о готовых приемах. Я чувствовал внутренне, что она движется в опасном направлении, но не поднимал разговора о конверте, чтобы не настораживать, зная, что рано или поздно она сама обратится ко мне за помощью.

Однако я ошибался. Неожиданно она стала сближаться с Трифом, защебечивать его, хотя прежде откровенно посмеивалась над соседом, называя «записным жидярой». Тогда же я прозевал начало нашего непонимания с ним. Думалось, это от заumnости он бурчит в ответ на мои приветствия, от занятости не приглашает на чашку чая. Оказалось, Нина искусно ссорила нас, ради возможности выведать тайну письма без моего участия.

— А все же что там могло быть? — постарался ненастырно спросить Иван.

Момот кивнул.

— Как раз собираюсь высказать свое мнение. Такой значок ставится в одном случае, когда предопределяет знакомство с ключом какой-то тайны. Он так и называется — ключ архангела Михаила, вожденный предмет всех магов. Сам я не обладаю этим ключом, но знаю, что текст этот является ключевым для чтения древних книг таинств на арамейском и иврите. Еврейское письмо называют еще квадратным из-за особенности надстрочных и подстрочных знаков, и буква «шин» играет при чтении важную роль.

Момот задумался, рассеянно попивая чай.

— Следует, — покашлял Иван, выводя хозяина из рассеянности, — охотились не за Трифом, а за этим ключом?

— Возможно, — согласился Момот. — Илюша развенчал Христа, но это верхушка айсберга. И без него это открытие — секрет полишинеля, а вот ключ архангела Михаила занимает многие умы. Видимо, Нина заморочила ему голову, он плотнее взялся за эту проблему, где-то проговорился, а слухом земля полнится, таким образом стало известно, что Триф обладает таким секретом. Тут немаловажно вспомнить, что Нина работала на органы, а там сидят неглупые ребята, кому-то запало в душу раздобыть этот ключ. Подумайте, нет ли кого из органов, кто вторгся в эти события?

Иван слишком откровенно изумился, и Момот горячо запротестовал:

— Нет-нет, не подумайте, будто я лезу не в свои дела!

— Как раз наоборот, Георгий Георгиевич! — остановил его Бурмистров. — Есть такой человек, вернее, был! Это он унес с собой тайну ключа. Генерал Шумайло.

— Вот это новость! — опешил Момот. — И что? Вы нашли текст?

— Я ж говорю: унес с собой. Доподлинно известно: он снял с шеи Мотвийчука цепочку, на которой был предмет, скорее всего ключик. Его не нашли. Шумайло убит. Мотвийчука убил он.

Момоту потребовалось время прийти в себя от всего услышанного. Он походил молча, чему-то кивая, усмехаясь чему-то. Вернувшись к столу, еще помолчал, глядя на Бурмистрова.

— А может, это и к лучшему. Опасно знать тайны богов.

— Но ведь Софья Аполлоновна знала тайну, — возразил Иван.

— Знала. И подобно всем магам, готовила себе преемника. К сожалению, ошиблась. Но она была добрым человеком и умела хранить тайны, чего о преемнице не скажешь.

— А если не секрет, зачем вы приезжали в Москву?

— Жду этого вопроса, — серьезно ответил Момот. — Знаете ли, гадания вообще, а пасьянсы в частности обожаю. Таро владею в совершенстве. В свое время увлечение пасьянсами привело меня к изучению магии. Я давал себе зарок: только прочитав три раздела из книги Магии, я мог приступить к пасьянсу. Вроде самодисциплины. При таком способе чтения, по кирпичикам как бы, вам становится яснее суть прочитанного. Размышляя над пасьянсом, вы попутно осмысливаете магические тайны. Так я стал профессионалом в Таро. Вечером, накануне поездки в Москву, я разложил «Древо жизни» — наиболее близкий к Кабалле способ раскладки Таро, — и карты сказали следующее: всяк, кто прикоснется к тайне конверта, захочет обладать ею не по праву, будет повержен: над тем, кто обладает ею сейчас, занесена коса Смерти. Испуг мой был настолько силен, что я без промедления помчался в Москву. Нина отказалась меня понимать. Была она взвинчена, явно кого-то поджидала. Ее дилетантство вылилось в одну фразу: «Я продам тайну, у меня есть покупатель». Цепь смертей подтверждает пророчество.

— А как вы считаете, почему Дейл убил Нину? Согласно вашим предположениям, тайны он не выведал, а убийство было скоропалительным, — заспешил с вопросом Бурмистров.

— Мой юный друг, мог бы я рассказать вам тайну убийства, но не хочу больше прикасаться к ней — это для меня сопряжено с большой бедой. Но подскажу: картину могут прояснить Христюк либо Мастачный.

Иван не стал исповедовать хозяина полнее: не хочет, значит, не может, это не допрос, а частная беседа. Спросил о попутном:

— А вот еще загадка, Георгий Георгиевич. В день смерти Нины на ее счет в Швейцарии было переведено сто тысяч долларов. Мы проверили, деньги перечислены из Израиля.

— Надо подумать...

— А сын Мотвийчук говорил, что торг с Дейлом шел сугубо о рукописях Трифа. Не мог все же Дейл вывезти этот конверт или получить к нему доступ помимо?

— Ну, во-первых, Сонечка совет, много не возьмет. Скорее всего именно он хотел прибрать конверт к рукам.

— А не могло бы убийство быть делом его рук?

— Исключено! Он был пакостным, а пакостники — мелкие душонки. Большой трус. Я убедительно ответил на ваши вопросы?

— Вполне, Георгий Георгиевич. Только у меня в голове от всех тайнств полная каша. Мое дело было установить вашу причастность к убийству Мотвийчук, а вы так интересно рассказываете, что я увлекся и запутался форменным образом. Ключ, например, из-за которого столько смертей, усилий, деньги немалые платят. Что он в конце концов отпирает? Это секрет?

Прежде чем ответить, Момот усмехнулся, закрыв глаза и обняв колени руками, стал раскачиваться.

— Секрет? — переспросил наконец Момот. — Может, и секрет. То, чего не хватает человечеству для нормальной жизни. Я не ведаю о нем, но давайте подумаем вместе.

— Давайте, — согласился Иван и сел поудобнее, вызвав добрую улыбку у Момота: ты титан, и я титан.

— Самая большая забота людей сегодня — это радиоактивные отходы и сама ядерная энергия. Первооткрыватели не подумали, что ценное ядрышко принесет с собой гору ядовитой шелухи. А она скоро накроет всех нас с головой, если не отыщется выход. Захоронения, могильники — не выход. Россия уже кровоточит незаживающими язвами. Я полагаю, ключ архангела Михаила — философская подсказка землянам, в каком направлении вести поиск.

— Допустим, я согласился, — сказал, дождавшись очереди, Иван. — Но в прошлый раз вы говорили о четырех ключах, а тут всего один. Почему?

— Очень милый вопрос, — усмехнулся Момот. — Эти четыре ключа упоминаются всегда в древних писаниях, но, как вы считаете, удобно всякий раз запирасть и отпирать ворота на четыре запора? Я понимаю, когда пришло множество душ, нужен широкий проход, а если стучится некто и

неизвестно, стоит ли впускать его? Тут, чисто житейски, калиточка нужна, которую архангел Михаил открывает одним ключом. И есть другое понятие — ключ-мастер. Таким открывают любые замки одного комплекса. Таково мое мнение. Да простит меня Бог...

На всякий случай прислушались. Тихо.

— Но это одно мнение, — неожиданно спохватился Момот. — Мы имели в виду физические проблемы, а ведь есть и философская величина. Как вы думаете, что еще нужно людям для спокойной жизни на планете?

— Чтоб все понимали друг друга, не тянули одеяло на себя.

— Верно, друг мой! Единоверие! Но никто из верующих не отступит от своей религии, будет доказывать ее предпочтительность перед другими. Но все религии сходятся в одном — в едином Боге. Тогда чего делить? Значит, ключ архангела Михаила — подсказка правильной дороги в рай.

Опять прислушались. И опять молчали небеса.

— И все же почему ключ этот оказался у старой женщины, а она доверила его авантюристке? — задумчиво сказал Иван.

— Думал я об этом, — кивнул Момот. — Ну, во-первых, там не голый ответ, и надо много времени, чтобы достичь совершенства и найти решение. Во-вторых, я не упускаю мысли, что сделан этот подарок специально. Вон какой ажиотаж начался... «Ибо мудрость мира сего, — сказано в Библии, — есть безумие пред Богом».

5 — 27

Неожиданное пекло в мае превратило Москву в растрепанный крысятник. Горы мусора, обилие вони, мух, обремененные люди, и в довершение всех бед по столице как угорелые носились черные машины партийных и правительственных чиновников. Каждый считал ниже собственного достоинства выезжать без сирены и проблескового маячка и

обязательно — по встречной полосе, даже когда свободной была своя. Будто предчувствуя суровые времена, они суматошно спешили натаскать в норы жратвы и замаскироваться под порядочное население. А москвичи еле сдерживались, чтобы не обрушить накопившееся зло на этих уродов из собственной семьи. Милиция делала вид, что не замечает на перекрестках и зебрах частые перепалки между проходящими и проезжающими; постовые ГАИ независимо потели в стороне и отворачивались, едва кто-то принимался облаивать орущую сиреной и ошалело мигающую «чернавку» у красного светофора. И душно, и погано, и до того обрыдло вонючее это житье.

На Радоницу чиновник аппарата Госдумы сбил девочку на зебре и стал резко обвинять отца ребенка в разгильдяйстве. И началось... Евреи как-то растворились, искать других злодеев поздно, принялись вымещать злобу на наглецах с сиренами и мигалками, которых, как выяснили наблюдательные зачинщики, защищать никто не собирался. В один день — семеро убитых, пятьдесят один ранен. Запах крови возбуждал.

На вечернем заседании Думы депутаты бушевали в приливе бесполезной ярости. Чернь взбунтовалась! Единогласно было принято решение ввести в Москву элитные части. Прямо из зала заседаний спикер связался с президентом, переключив линию на зал. Он зачитал главе страны решение Думы и от себя лично потребовал объявить комендантский час.

В зале все слышали, как тяжело дышит президент, крепко запивавший на каникулах, которые непонятно почему продолжались.

— Не слышу ответа! — зычно напомнил о себе спикер.

— Хер вам, упыри! — дождался он, и ответ громко разнесся на весь зал.

Обиженные таким оскорблением, депутаты подняли невообразимый гвалт, визжали депутатки, наиболее горячие принялись ломать государственную собственность. Вмешалась парламентская полиция, но наряд из пяти человек

попросту вышвырнули, предупредив яростно не вмешиваться в государственные дела.

Вандалово мероприятие продолжилось. Постарались оборвать большую люстру.

Полицейские запросили подмоги у «милиции нравов».

Десяти минут не прошло, как в зал ворвались два взвода, вооруженных дубинками. Совместными усилиями оборвали другую люстру. Стало темно. Ор усилился. А тут еще на хвосте нравственников в зал проник прохожий люд, которому в темноте бить кого-то было неинтересно, и он ринулся по этажам и кабинетам. Температура всего здания повысилась до критической. «Не смей прикасаться ко мне, быдло! — орал чиновник, маскируясь под ответственное лицо. — Я — избранник народа!» «Ах, избранник? Тем более! Я тебя породил, я тебя и убью!» «Нахлебники! Паразиты!» — неслось отовсюду, где крушили компьютеры и кофейные чашки. И, как водится в подобных случаях, чьи-то шаловливые ручки пустили «красного петуха». В давке у выходов задавили семерых, среди них одного депутата. Чиновников в расчет не брали. Секретуток насиловали, где попало. Те просили только не рвать нижнее белье.

Похороны проходили при большом стечении чиновников и членов их семей. Люди любопытствовали с тротуаров. На кладбище звучали страстные речи о том, что в стране наступает беспредел, их борьба за порядок оказалась тщетной. От президента, от правительства требовали защитить народ от произвола черни. «Мы, — выразился один из выступавших, — умственные люди. Нас убивать нельзя».

Неделю спустя одно за другим произошли три леденящих кровь убийства: в собственной квартире зверски убиты мать с двумя дочерьми — десяти и двенадцати лет, глава семьи, врач районной поликлиники, был на дежурстве; взорван автомобиль, где находились отец с сыном десяти лет, отец — повар ресторана; писатель с женой замучены и повешены в подмосковном лесу. Не евреи и не чиновники. Правительство — ни гу-гу. Дума отреагировала своеобразно: не защити-

ли нас, вот вам и наказание. Пресса без комментариев констатировала голые факты в рубрике «Происшествия». Зато лидер патриотической партии заявил в телеинтервью: «Россиянам давно пора самим защищаться от красной и жидовской сволочи». После таких высказываний в прямом эфире целый час держалась заставка: «Извините, по техническим причинам», а назавтра с полок магазинов исчезло все мало-мальски пригодное в пищу. Даже горчичный порошок.

Всему виной — одуряющая жара, свалившаяся на москвичей после пасхальной мороси. Так считали умственные люди.

Наступило 1 Мая. На демонстрацию вышло множество людей. Скорее не солидарность собирались выразить они, а протест, раздолбать раздолбаев. Плакаты и лозунги не веселили. Милиция, усиленная войсками МВД, была начеку. С мавзолея демонстрантов приветствовал президент, слегка поддатый в такой день, члены Политбюро и ЦК партии коммунистов-христиан, министры, военачальники. Патриарх и святейший синод принципиально отсутствовали, что вполне устраивало присутствующих.

Неожиданно для всех колонны дружно остановились из конца в конец Красной площади, и, что совсем неожиданно, пестрые одежды разом сменились на черные рубашки. Слова, произносимые всей массой, прозвучали отчетливо и монолитно: «Мы пришли спасти Россию! Мы пришли спасти Россию! Мы пришли спасти Россию!» После троекратной декламации колонны перестроились по-батальонно и с песней «Как ныне собирается вещий Олег», произведя ряд отлично выполненных перестроений, покинули Красную площадь.

Шуточки кончились — минуту держалась тревожная тишина.

— Кто это? — пришел в себя президент. Голос выражал негодование, граничащее с возмущением.

— Наши спасители, господин президент, — ответил стоящий рядом председатель Совета национальной безопасности. — Они сами заявили об этом.

Президент повернулся к нему всем корпусом, уголки губ опустились. Смерив своего бывшего помощника презрительным взглядом, он сказал:

— Россия всякой была: грязной, немытой, но не фашистской и не голубой!

В одиночестве он покинул трибуну мавзолея и пошел, сгорбившись, вдоль елочек.

Оркестр заиграл «Варяга».

Преданный шофер Петя усадил президента в «линкольн» и замер на своем сиденье.

— На дачу, Петя, — устало сказал президент.

— Нельзя без сопровождения.

— А где оно, это сраное сопровождение?

— Должно быть...

Внутренний мобильный телефон почему-то не работал. Зато графинчик в баре был полон до краев буряковым самогоном. Президент налил хрустальный стаканчик и выпил. Закусывать не стал. Перевел дух, отсутствующим взглядом уставившись перед собой.

«С теми не остался, к этим не примкнул... — травила жуткая мысль. — Да что же я, уже ничего не стою?»

— Тогда вези к приемной...

«Если дежурит Судских...»

Он боялся спугнуть предположение.

У входа его встретил начальник президентской охраны генерал-майор Бехтеренко. Появление главы государства, словно простого смертного, озадачило его.

— Кажется, меня предали. Почему не работает мой телефон? — еще более озадачил он начальника охраны.

— Как не работает? Пять минут назад я принимал рапорт вашего водителя...

— Пять минут назад все и началось. Что происходит? Кто распоряжается? Это переворот? Кто-нибудь скажет мне?

Бехтеренко, сам ничего не понимая, шел за президентом и отмалчивался. Едва президент скрылся в кабинете, Бехтеренко

связался с Судских. Дежурного генерала в приемной не оказалось, но связь работала.

— Игорь Петрович, у нас происходят странные вещи...

Он кратко обсказал случившееся.

— Святослав Павлович, — спокойно отвечал Судских, — будучи моим заместителем, вы действовали в таких случаях самостоятельно. Вы начальник президентской охраны или нет? Не справитесь, помощь окажу.

«Началось», — с неприязнью подумал Судских у себя в Ясенево.

Трудно сказать, из-за чего случай прыгает не на ту чашу весов, изменяя продуманные планы.

Почему генерал Груши не пришел на помощь Наполеону?

Почему генерал Мороз остановил фельдмаршалов фюрера?

Почему дикая жара опрокинула расчеты генерала Воли-
вача?

Почему, в конце концов, бодливой корове Бог рогов не даст?

Не мешкая, Бехтеренко объявил тревогу и переоделся в полевую форму. Осмотрел оружие. Через минуту ему уже доложили об усилении нарядов на въездах в Кремль, еще через минуту в приемную вошел командир первого взвода.

— Как прикажете действовать? — войдя в кабинет, спросил Бехтеренко.

— Знаешь что, Святослав...

Он замолк, покачивая головой, будто искал точку опоры внутри себя, и вдруг заговорил бурно:

— Мне стыдно за себя и все происшедшее, что сделало меня президентом. Мне больно за Россию, и я не знаю, что делать. Я не хочу больше играть в страшные игры с великой страной. Меня все предали. На Красной площади фашисты, на мавзолее педерасты. Поступай, как тебе велит совесть.

Бехтеренко побагровел от смешанных чувств.

— Есть действовать, — преодолел он себя и вышел.

— Первому взводу занять этаж, двое офицеров — неотлучно в кабинете президента, связь со штаб-квартирой УСИ постоянная.

Он сделал свой выбор.

С полчаса в столице царило гнетущее затишье. Люди расходились по домам, негромко обсуждая появление черных рубашек. Одни называли их бандюгами, другие защищали, зная понаслышке, как красиво и слаженно промаршировали те. Абсолютно отсутствовали автомашины и милиция, не видно было казацких патрулей. Кому-то показалось, что слышит выстрелы, тревога передалась всем, и люд с улиц рассосался мгновенно. Солнце затянула смрадная мга, багровый круг просвечивал сквозь нее зловеще.

Связавшись с Бехтеренко и уточнив ситуацию, Судских отдал приказ по разворачиванию дивизии вокруг Москвы. Боеготовность №1. В 14.30 дивизия стала выдвигаться на позиции.

«Если меня будут искать, кто бы он ни был, я в войсках. Но докладывать, кто искал», — распорядился Судских. Искали Воливач, Христюк, Гуртовой. Не искал министр обороны. Судских нашел его сам:

— В столице ползучий переворот. Свою дивизию я выдвинул к Окружной дороге. Как намерены поступить вы?

— Генерал, десять минут назад я беседовал с президентом через начальника охраны. Мне приказано объявить боеготовность номер один в округе, но действий пока не принимать.

Следом Судских разыскал Гречаного:

— Атаман, моя дивизия и войска московского военного округа получили приказ: «Боеготовность №1». Ваши действия?

— А кто отдал приказ? — спросил сбитый с толку Гречаный.

— Президент, кто ж еще. Свяжитесь с министром обороны, он подтвердит.

— Что за хренова полова! — еще больше недоумевал Гречаный.

— Семен, твои действия? — напирал Судских.

— У меня никакого приказа нет, — собрался наконец Гречаный. — Ведь была договоренность, что приказ отдаст Гуртовой.

— Кто? — не поверил Судских. — Это педик поднял путч?

— Ты чего мелешь, Игорь?! — повысил голос Гречаный. — Тебе с утра Воливач разве не объяснил ситуацию?

— Воливач собирался сделать это, но пока со мной не связывался, а с полчаса назад я получил распоряжение от президента.

— Штатские ублюдки! — выругался Гречаный. — Кто командует, ничего не понимаю!

— Семен, ты присягал президенту, а не Гуртовому. Наша задача — предотвратить кровопролитие и беспредел.

— Слушай, — оборвал его Гречаный, — только что есаул доложил, что милиция по Москве на вездеходах мотается, чернорубашечники появились, стрельба началась.

— Вводи казаков, Семен! Разоружай их. В казаков они стрелять не будут!

— Я свяжусь с Воливачом, — упрямо ответил Гречаный.

— Тогда сиди и жди, будь ты трижды неладен! У меня дивизия, у тебя дивизия! — передразнил Судских. — Ну что, слабо? Атаман, называется. Засранцы путч устроили, а он отсиживается!

— Да не дави ты! Чего раньше отмалчивался? — туго соображал Гречаный. — Завертелось как-то непонятно...

— Вводи казаков, занимай точки на своих патрульных трассах, действуй в контакте с моими!

— Игорь Петрович! — позвал дежурный на пульте. — Ребята с Сорокапятки сообщили: нападение, их обстреливают!

— Какой Игорь Петрович? — взбеленился Судских. — Обращаться по званию! Приказ в подразделения: войти в Москву, занять позиции по предписанию. Разоружать милицию и бандформирования. Соппротивление пресекать на месте! Стрелять на поражение. Оберегать мирное население. Группе Смольникова и Левицкого держаться! Всех, кто будет связываться со мною, соединять!

Он ждал путча, мысленно отрабатывал свою позицию, и вот переворот начался стихийно и, как всегда на Руси, бестолково.

«Вот два горя прошли, за ними еще горе...»

Неприятности начались смертью Трифа. Позавчера.

Его, как непосредственного участника поиска, пригласили в лабораторию Лаптева, где почти в торжественной обстановке вводили в компьютер три карты: «ЗЕТ», «ЙЕТ», «БЕТ».

— Что это будет? — с детским любопытством спросил Триф.

Неунывающий Лаптев ответил шутливо:

— Врата рая будем отпирать. Ключики подобрали.

Триф посерел лицом и затрясся:

— Умоляю вас, не делайте этого!

— Илья Натанович, вы что? Такая работа проделана с вашим участием. Оливковая ветвь мира ожидает вас! — весело отвечал Григорий.

— Как с моим участием? — не поверил Триф. — Я занимался чисто научной работой, я научно доказал приход новой веры. Это мирный, безболезненный путь.

— Чем вы так обеспокоены, Илья Натанович? — вмешался Судских.

— И вы еще спрашиваете? Вы использовали меня самым гадким образом! Вы овладели тайной, но в том состоянии, в каком сейчас пребывает Россия, ни в коем случае нельзя воспользоваться секретным оружием! Это приведет к неисчислимым бедам! Вспомните приход Наполеона, вспомните воцарение бесноватого фюрера!

— О чем вы, Илья Натанович? — того больше удивился Судских. — Это всего лишь прогнозирование! Точно такое, каким занимались вы. Может быть, в иной плоскости.

— Никакое не такое! — замотал головой Триф. — Григорий Александрович ясно дал понять, что он обладает ключом архангела Михаила. Не делайте этого, умоляю вас, это страшная вещь!

Лаптев тем временем запустил программу. Дисплей ожил. Пришлось выбирать между Трифом и Лаптевым.

— Илья Натанович, — как можно мягче предложил Судских, — вы нездоровы, вам лучше пойти отдохнуть.

— Я не позволю вам сделать это! — завопил Триф и швырнул в экран массивную пепельницу. Экран с треском потух. Трифа увели, всячески уговаривая не нервничать...

— Товарищ генерал-лейтенант, вас запрашивает генерал Воливач.

— Здесь Судских.

— Игорь Петрович, я не понимаю вас, — услышал он сухой голос Воливача.

— Я действовал согласно вашему предписанию — быть готовым к неожиданностям — и указанию президента.

— Немедленно дайте отбой. Это приказ.

— Тогда объясните мне, что происходит? В столице путч, на улицах банды, и милиция потворствует бандитам.

— Выполняйте приказ!

Вот она, точка зрения обратного отсчета...

«Есть ли хоть какая-то заминка...»

— Я готов выполнить приказ, но не уверен, что его отдает генерал Воливач. Я говорил с ним утром, получил указания быть готовым к неожиданностям, с тех пор не могу с ним связаться.

— Играете, Игорь Петрович?

Было слышно по выговору слов, каких трудов стоило Воливачу сдержаться.

— Это не игры. Это осознанная реальность. Я должен видеть вас лично. Приезжайте в штаб-квартиру УСИ. Ибо мне вовсе не понятно, почему приказы исходят от Гуртового.

— Теперь понятно, почему сомневался Гречаный...

Судских будто не понял.

— Я связывался с ним, связывался с министром обороны, у всех аналогичные предписания президента. При чем тут Гуртовой? — выжимал время Судских. — Да поймите же, я, как и вы, против кровопролития!

Он шел по бритве, но точно так же шли по ней все участники путча. Острая ситуация, нервы на пределе.

Повисла пауза. Судских слышал переговоры дежурных офицеров с подразделениями, складывал мозаику событий. Картина получалась сумбурная: милиция и чернорубашечники оказывают вооруженное сопротивление, жертвы растут, подразделения с потерями занимают позиции. Казаков нет.

— Президент низложен, — произнес наконец Воливач.

— Но я связывался с ним, он в резиденции! — парировал немедленно Судских.

— Это ни о чем не говорит.

— Тогда на чем держится власть? Вдруг появляются чернорубашечники, бесчинствуют; избранный народом президент просит помощи, значит, помощи просит народ, а я получаю приказ снять защиту? Я не верю, что это вы.

Гнетущая тишина. Крутятся барабаны магнитофона. Черный ящик.

Судских сделал еще один шаг по лезвию бритвы:

— Гуртовой для меня не авторитет. Передайте: я жду распоряжений непосредственно от генерала армии Воливача или президента.

Он отключился и немедленно связался с Бехтеренко:

— Как там у вас?

— Да спокойно, Игорь Петрович. Въезды перекрыты, никого, ничего...

— А президент, что с ним?

— Малость почивают, — послышались смешки в голосе Бехтеренко. — Приняли на грудь и просыхают на диване.

«Вот она, сермяжная российская классика! Власть сама по себе, народ сам по себе. Я под расстрел иду за невыполнение приказа, а этот хмырь нажрался и дрыхнет! Дичайшая ситуация!»

— Председатель Совета национальной безопасности, — протянули трубку Судских.

— Игорь Петрович, я готов прибыть к вам и дать необходимые разъяснения. Вы готовы их выслушать?

— Я думаю, это крайне важно. И если вы действительно можете повлиять на ситуацию, требуется прекратить бес-

чинства в столице, дать возможность командирам моих подразделений разоружить бандитов и остановить налет на базу УСИ — Сорокапятку. Трифа там нет, — перечислил условия Судских.

— Будет так, — ответил Гуртовой. — Вы убедитесь в этом. Я вылетаю к вам...

Судских оглядел офицеров в помещении оперативного пульта. Каждый занимался своим делом, но это были не роботы, они слышали все переговоры своего начальника и также делали выводы. Уверенности у них не было.

«Неужели мне удалось остановить никому не нужную войну?» — размышлял Судских. Верил и не верил.

5 — 28

Несчастный Илья Триф не перенес испытаний и мук раздвоения. Он выбросился из окна своей комнаты на третьем этаже и разбился насмерть о бетонные плиты. Это случилось, когда монитор заменили и наново ввели программу.

— Отложим, Игорь Петрович? — тихо спросил Лаптев. Он тяжело переживал случившееся, в лаборатории устойчиво пахло валерьянкой.

— Я не знаю, что будет завтра, — повесив голову, отвечал Судских. Перед глазами маячил черный полиэтиленовый мешок, в который затащили бедного ниспровергателя Христа. Какой-то рок преследовал их работы, а еще раньше погибли те, кто пытался прикоснуться к тайне. Судских не был мистиком и суеверным, однако понимал всю тяжесть взятого на себя бремени и не мог остановиться: за черной полосой бед должна идти светлая полоса, ее надо сделать очень широкой. — Будем продолжать, Гриша...

Программа вошла в режим, Лаптев вызвал текст вводной:

«Данные сводных карт показывают нарастание величины смещений на планете с учетом спорадических катастроф.

Катаклизм произойдет в критической зоне «А». Катаклизм первой величины».

— Что это? — с тревогой спросил и без того взволнованный Судских. Григорий остановил текст и пояснил:

— Это, Игорь Петрович, ядерная катастрофа, предположительно, на Американском материке. Первая величина говорит о невозможности предотвратить ее.

— Господи, куда мы попали! — закрыл лицо руками Судских.

— Никто не обещал нам дорогу к звездам без терниев, — без особого энтузиазма ответил Лаптев. — Это предстоит пережить. В Библию вписан этот катаклизм. С помощью Трифа я расшифровал текст. Вот как он звучит...

Перекатившись на подвижном кресле к другому компьютеру, Лаптев нашел нужный текст:

«И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над блудницей великою, сидящею на водах многих. С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле.

И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом... И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным...

И сказал мне Ангел: что ты дивишься? Я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего ее, имеющего семь голов и десять рогов. Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был и нет его.

Здесь ум, имеющий мудрость. Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена... Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями».

Лаптев повернулся от экрана к Судских: какова его реакция?

— Игорь Петрович?

Казалось, Судских спал. Он встрепенулся от голоса Лаптева:

— Я слушаю, слушаю!

— Стран, претендующих на царицу, несколько. Именно в этих странах столицы лежат на семи холмах: Италия, США и Россия. Но дальше по тексту есть важное пояснение: страна эта разбогатела от морской торговли и правила царица из-за моря. Россия удалена от моря, хотя некогда Москву называли портом пяти морей. Италия не шибко обогатилась от морской торговли. В наших предположениях можно учесть и Японию — она-то как раз живет с морского извоза, если столицей будет Осака. Этот город лежит на семи холмах Сен-риока. Выходит, США...

— И возможности остановить катастрофу нет. Так я понял? — спросил Судских.

— Пока не видно. Однако вся история развития планеты основана на схлопах, на смещении времени. Едем дальше?

Судских медленно кивнул и уставился в экран.

«Биологические изменения после этого катаклизма приводят к появлению мутантов третьего порядка».

— А это как понимать? — спросил Судских.

— Очень просто: мы — мутанты второго порядка. Значит, предстоит новый потоп, и дедушка Ной перевезет нас в новую жизнь... Похуже, не иначе, заживем, травки мало останется.

— Давай дальше, — не понравились Судских размышления вслух Лаптева.

«При функциональной зависимости смещения катаклизма в зоне «А» номинал планеты способен восстановить функции производной первого поколения».

— Ну и язычок! — покачал головой Судских.

— Прекрасный язык, Игорь Петрович! — обрадовался вдруг Лаптев. — Машину не учат говорить красиво, но

вслушайтесь, сколь прекрасно она высказалась! Есть возможность остановить катастрофу!

— Тогда первоисточник ошибается?

— Отнюдь, Игорь Петрович! — воскликнул Григорий и живо перекатился к другому компьютеру. — Глава двадцатая «Откровений»: «И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет. И низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобождение на малое время».

Лаптев хлопнул в ладоши.

— Так что тысячу очередных лет мы проживем без диавола. Может, поумнеем за это время. Едем дальше? — спросил Григорий, перекачиваясь к основному компьютеру.

— Едем, едем...

Текст высветился сразу в тройной рамке — красной, желтой, зеленой: «Введите оператор функции линейной зависимости». Григорий всплеснул руками:

— Черт! Такого даже я не предполагал! Помните, я рассказывал о линейной зависимости? Где же его взять, этот оператор...

— Я тебе дам его, — тихо произнес Судских.

— Вы? — несказанно удивился Лаптев. — Откуда?

— Это буква «шин» еврейского алфавита. Я уверен.

— Но как она выглядит?

— Вот такой трезубец... — сказал Судских и на листке бумаги изобразил букву.

— Смутно, но сейчас построим... — взглядевшись в значок, сказал Григорий и перекатился к третьему компьютеру, стал манипулировать клавишами. — Этот подойдет? — спросил он, указывая на изображение значка.

— Думаю, да, — взгляделся в значок Судских. — Пробуй...

Григорий перекатился к основному компьютеру.

Тексту на экране они просто не поверили:

«Отсутствуют два абзаца разъяснений. Знак электрического поля вводится в формулу лагранжианного Бета-распада. Поиск верен».

— Черт! — буквально слизывал Гриша текст с экрана.

— Не поминай черта в Божьих промыслах.

— Игорь Петрович, Игорь Петрович! — не слышал Лаптев. — Я знаю ключ к фразе «Красота спасет мир»! Игорь Петрович! Я знаю, почему выжили люди в Армагеддоне-2!

И вот теперь, когда тяжкий труд принес поистине роскошный плод, он дожидается Гуртового, втянувшего Россию в бунт, страшный и бестолковый.

Звуки лопасти вертолета показались Судских жужжанием бормашины и отзывались зубной болью.

Встречать его Судских не пошел, дожидаясь в кабинете. С пульта доложили, что вместе с Гуртовым прилетел и Воливач.

— Совсем мило, — проворчал Судских, однако сообщение об относительном затишье в столице немного успокоило.

Гуртовой вошел в кабинет один. Он не выглядел важным, скорее сохранял привычку держаться с достоинством. Как ни корбило Судских присутствие Гуртового, он старался быть вежливым.

— Садитесь, Леонид Олегович, — пригласил Судских. — Разговор, думаю, предстоит долгий.

— Вряд ли, Игорь Петрович.

— Почему же?

— Прежде всего времени нет, а вы — человек аналитического склада ума и поймете меня сразу.

— Попробуйте, — свел пальцы рук перед собой Судских.

— Прежде всего ваше ко мне брезгливое отношение. Мое смертельное заболевание вы принимали за извращенность, что мешало нам быть откровенными. Из картотеки вы знаете, что моя форма диабета неизлечима, почему я даже свои деньги отдал России. На встрече у Гречаного нам не удалось поговорить. Вы посчитали ниже своего достоинства подойти, а я не рискнул напороться на оскорбление.

— Зря не подошли. Оскорблять не в моих правилах.

— Уже в прошлом, — продолжал Гуртовой. — Нормальный бескровный переход власти к Комитету национального спасения вы приняли за ползучий путч и поспешили с противодействиями.

«К чему он все это? — слушал и начинал раздражаться Судских. — Пора остановить словоблудие».

— Президент избран народом, и сместить его может народ.

— Что вы говорите? Убегающее молоко вы хватаете и голдой рукой.

— Давайте ближе к теме, — нахмурился Судских. — Кипятить молоко не доводилось.

— Поэтому вы начальник УСИ, а не кухарка.

Судских раздраженно кашлянул.

— А молоко действительно сбегало. Вот стенограмма заседания Политбюро, его постановление по текущему моменту, вот пленка, вот видеоролик, — говорил Гуртовой и выкладывал перед Судских названные предметы. — Читайте, слушайте, смотрите. Скажу главное решение: коммунисты силами «милиции нравов» решили произвести аресты видных деятелей по всей стране, отколоться от Церкви, восстановить партию в ее прежнем виде и ввести чрезвычайное положение. Вы в этом списке первый. Выше Воливача.

Судских не поверил своим ушам. Гуртовой усмехнулся.

— Дайте-ка видеомagneтофончик. Так убедительнее.

Увиденное и услышанное не поддавалось осмыслению.

«И в первую очередь следует парализовать УСИ, арестовать Судских», — сказал президент и стукнул кулаком по кафедре. Камера показывала сидящих за столом заседаний. На Судских глядели ископаемые из прошлого тысячелетия, сморчки и мухоморы, обозленные своим отстранением от жизни, по-прежнему полные яда.

Он резко повернулся к Гуртовому: это что, дьявольский розыгрыш? Монтаж?

— Какими силами коммунисты собирались свершить акцию?

— Посмотрите внимательно во-он на того джентльмена, — остановил пленку Гуртовой.

— Мастачный! — сразу узнал Судских. — Жук колорадский!

— А этого узнаете?

— Шумайло, как не узнать...

— Его неожиданная смерть смешала карты заговорщикам, заставила их внести коррективы в планы переворота.

— Сейчас там Бехтеренко.

— Это особый случай. Просто усыпили вашу бдительность. Бехтеренко принял кремлевскую гвардию, которую подбирал Шумайло. Пока действия Бехтеренко не идут вразрез с планами коммунистов. Позже его уберут. Рядом с Шумайло узнаете персонаж?

— Да, — почувствовал досаду Судских, — министр обороны.

— Как видите, все сходится. Армия контролирует расправу.

— А чернорубашечники? Фашизм — будущее России?

— А в какой цвет их одеть для отличия? В красный? Белый? «Семнадцать мгновений весны» у нас так любят вовсе не за подвиги Штирлица — Исаева — Тихонова. Там много черных мундиров Эс-Эс. Это бередит сознание, это скрываемая людская извращенность.

— Кто же они?

— Отряды патриотической молодежи. Их готовили в строжайшей тайне под личным контролем Воливача и моим. Многие юнохристиане влились в отряды. Отбор тщательный. Мы пошли на это, чтобы иметь противовес «милиции нравов». И это сознательная молодежь, не хулиганье. Вот в «милицию нравов» стекается подлинный сброд, и вы это знаете. Сейчас этот сброд занят мародерством. Решайтесь, Игорь Петрович. Президент вот-вот проснется, а Кремль контролируем не мы. Наши противники используют президента в качестве щита, и я не берусь прогнозировать дальнейшие события. Любое посягательство на Кремль породит гражданскую войну.

— Почему я не знал всего этого?

— Воливач просил оградить вас от излишней информации. Вы должны были дозреть самостоятельно, вы решали задачу посложнее. Об этом позже. Я полагаю, вы добились успеха?

Судских непроизвольно кивнул, размышляя, как поступить. Чаши весов могли стронуться от легкого дуновения.

— Я свяжусь с Бехтеренко.

Гуртовой развел руками, показывая: хозяин — барин.

— Как дела, Святослав Павлович?

— В прежнем ключе: встали, лыкнули, легли.

— С кем вы там?

— Пять парней из первого взвода, комвзвода и помкомвзвода.

— Связь громкая?

— Не-е-т, — осмысливал вопрос Бехтеренко.

— Слушай, Святослав Павлович, и запоминай. К аппаратам никого не подпускай, а еще лучше, блокируй всю связь, кроме прямого провода со мной.

— Та-а-к, — соображал Бехтеренко.

— В резиденцию никого, никаких представителей, кроме меня и Воливача. В течение часа мы заменим всю охрану на своих ребят.

Бехтеренко сосредоточенно слушал, Судских решил ему помочь:

— Помнишь, как Мишка Меченый на Фаросе отсиживался, полагая въехать в столицу на белом коне, когда все это кончится? Тут аналогичная ситуация.

— Все ясно, Игорь Петрович.

Еще бы, порадовался Судских: не зря он добивался от своих подчиненных самостоятельности.

— Президент пусть спит. Проснется, похмели его.

— Еще ясней! — повеселел Бехтеренко.

Гуртовой удовлетворенно кивнул.

— Что дальше? — спросил Судских у Гуртового.

— Я бы повел переговоры с командирами армейских частей и одновременно обратился с воззванием к русскому народу.

— Это не по моей части, — отрицательно закивал головой Судских и даже хмыкнул.

— Разумеется, Игорь Петрович. Взывать будет патриарх. Это на сегодняшний день самый убедительный оратор.

— У меня с ним плохие отношения.

— Я возьмусь за это.

— Дай вам Бог...

— Будь сам не плох. Будьте любезны, пригласите медика. Мне пора делать инъекцию. Иначе не доберусь.

Судских вызвал врача. За недолгое ожидание он старался по-новому разглядеть человека, который взял на себя смертельную обузу свершить то, чего пока не смог никто: мирно разрешить российский бунт, бестолковый, как сама жизнь на Руси.

— Я оставлю вас, — сказал он, едва появился врач. Пора объясняться с Воливачом.

Он ожидал увидеть его на пульте оперативной связи, однако нашел у прилетевшего вертолета. Воливач маршировал туда-сюда, руки за спину. Выходящего Судских он приметил, но занятие не прервал.

— Здравия желаю, Виктор Вилорович!

— Коли здоровья мне желаешь, значит, Гуртовой тебе мозги поставил на место. Разобрался? — протянул руку Воливач.

— Разобрался.

— Человек в погонах, — указал Воливач на форменную рубашку Судских, — выполняет приказы, а не разбирается.

— Одно другому не мешает.

— Вот мы о тебе так и думали! Надеялись, что ты два дела, как Цезарь, сможешь делать! Хрен ты оловянный! Время уходит!

— Наверстаем, Виктор Вилорович!

— Попадешь на московские улицы, увидишь, — выговаривал Воливач, а Судских не ощущал униженности. — Много убитых, раненые, гражданских много.

Показался спешащий к ним Гуртовой.

— Значит так, Игорь Петрович, — переключился Воливач. — Я у себя на «Зеро», ты здесь, Леонид Олегович отправится к патриарху. Выгорит разговор, победим бескровно. Имей в виду, члены Политбюро воссозданной коммунистической партии разъехались по воинским частям, и ты знаешь, как эти суки умеют убеждать мальчишек, призывая на последний и решительный. А пацаны ведь, стрелять — не строить, дядя ответит. Цэ Ка в полном составе отсиживается в генштабе. Выжидают.

Пилот запустил двигатель.

— Ты ничего не сказал о своих изысканиях. Толк есть?

— Сверхтолк, Виктор Вилорович. Лаптев сделал невозможное.

— Говори! — потянул его Воливач в сторону от шума.

— Появилась возможность остановить радиоактивный распад. Можно убить радиацию, заглушить реактор, превратить в труху заряды ядерных боеголовок.

— И ты старому товарищу не сказал?

Судских показалось, что Воливач сейчас расплатится, так отчаянно он тер глаза.

— Это чудо, Игорь Петрович...

— Мир уже много раз стоял на пороге чуда...

— Это потом, не порть радость. Береги Лаптева! — И первым полез в кабину.

— Спасибо вам, Игорь Петрович, — сказал, приложив руку к груди Гуртовой. — Вы окрылили нас.

Вертолет размахал лопасти и взмыл вверх. В лучах заходящего солнца, сидевшего багрово в серой пелене, он казался пушинкой, которую вот-вот поглотит мрак.

«Наверное, так великий Инка провожал улетающую возможность спасти свою страну, когда под ним разожгли огонь...»

Он пошел к выбегающему навстречу дежурному офицеру.

— Товарищ генерал-лейтенант, войсковые соединения решили Окружную дорогу!

К середине августа Россия стала напоминать Чечню под увеличительным стеклом. Сбылись проклятия. Ползучий переворот принсс ползучую войну. Растерзанная этой гадиной, она истекала кровью. Воинские части то занимали какие-то рубежи, то перемещались на прежние позиции, кого-то давили огнем стволов и гусеницами танков. Армии противостояли такие же мальчишки в такой же форме с одинаковым оружием. Каждая сторона призывала остановиться и — продолжала стрелять.

Президент назвал Комитет национального спасения кучкой авантюристов. Комитет, в свою очередь, призывал россиян покончить наконец с тиранией большевистской касты. Те и другие были россиянами. Патриарх проклял тех, кто втянул страну в междуусобную бойню. Имен не назвал. Люди выжидали, когда хоть что-то прояснится. Со стен и заборов на них глядели с расклеенных плакатиков лица преступников, за поимку которых обещаны высокие вознаграждения. Одних ловили большевики, других — Комитет. Попадались и те, и другие: кому не хочется заработать и как-то пережить смутное время.

Развелось не считано пророков и кликуш. Вместе с объявлениями о поимке смутьянов стали появляться их рукописные пророчества о пришествии конца света, о начале суда Господня над Антихристом. То пророк Илия, то девственница бабушка Фелла призывали народ покаяться и уповать на милость Божью. И опять люди отмалчивались. Вот приедет барин...

А кому говорить? Где этот барин с микрофоном и телекамерой? Ждали, когда проявится. Молча прочитывали плакатики с именами преступников и не торопились каяться.

Не было среди смутьянов атамана Гречаного, но авторитет его силы рос. Люди передавали друг другу новости о том, как там-то перешел на сторону казаков полк и отказался защищать горком партии, а в другом месте целая дивизия ста-

ла казачьей и не выходила из лагерей, и вообще здорово, что 2-я воздушная армия стала казачьей и вот-вот начнет бомбить эти сраные райкомы большевиков. Тихо радовались и ждали, когда наконец придет освобождение и от коммунистов, и от путчистов.

Желая освободиться от большевиков, люди тем не менее равнодушно проходили мимо зданий райкомов, внушительно окруженных бронетехникой и милицией. И никто в глаза не видел этих партийных секретарей и помощников. Где они жили, чем питались, кто их стриг, обстирывал, кому нужно выразить возмущение, — есть, но нету. Будто фантомы сумасшествия прижились в людском организме и не проявляются до поры, а к райкомам не подойти на сто шагов, ближе — стреляют без предупреждения.

Удивительно, так одна группа кровавых тельцов защищает гнездо стафилококка, не давая другой группе уничтожить заразу, а стафилококк потихоньку набирается сил и убивает организм; удивительная штука — природа взаимоотношений.

Весь мир напряженно следил за событиями в России.

И не так, в сущности, были опасны большевики, как те, кто нагулял вес в мутной и грязной водичке. Кучкуя вокруг себя себе подобных, они искусно мутили воду. Была среда для проживания, длилась смута. Любой мальчишка в России знал, что война в Чечне длилась так долго и бестолково по одной причине: это было выгодно авантюристам, примазавшимся к власти. И мог спокойно перечислить фамилии мерзавцев. А вот кто сейчас мешает ему ходить в школу — ни сном ни духом. Какие-то мерзавцы...

Начальник «милиции нравов» генерал-майор Мастачный за свое будущее не опасался. Кто бы ни победил, он всего лишь исполнитель и верен присяге, данной президенту, избранному народом. В самом начале путча ему предложили возглавить МВД. Какой хохол откажется? А Мастачный отказался. Горячее креслице. А ему на прокорм хватает и у себя. Созданные им ОПРы — отряды постоянного реагирования — в

народе сразу окрестили «опричниной». Их боялись, ненавидели, желали разборки в аду, а за что — никто не мог объяснить. Более того, когда вооруженные бандиты врываются в жилища граждан, чаще всего их спасали опровцы, жестоко подавляя нападавших, но чаще всего, когда скованных бандитов увозили, хозяевам оставалась разгромленная и разграбленная квартира. И жаловаться некому. В таких случаях Мастачный от себя лично приносил извинения: условия военного времени, фронтовой город, какие там сережки-колечки, скажите спасибо, что в живых остались. Судов над бандитами не было. Шушукались, якобы их расстреливали немедленно по законам военного времени. Хвалил себя Мастачный за умную мысль создать эти отряды. Пускай правые истребляют неправых, его время придет, его будущее прочно.

В прошлом остался Христюк. Старого дружка пришлось убрать в первую очередь: много знал. Настоящее зыбко, но в нем живут многие, кто нужен Мастачному для будущего.

По утрам он обходил камеры предзака, словно хозяин клетки с кроликами.

— Как в 16-й? — спрашивал он, заглядывая в глазок.

— Плюется и молчит.

— Без зубок и плюется, — изображал возмущение Мастачный.

В 16-й находился Бехтеренко. Правая рука Судских, он мог рассказать много интересных вещей. Нужных вещей. Молчит.

— Пробуйте психотропные, хватит ему отмалчиваться, — распорядился он с некоторым сожалением, бросая последний взгляд на вспученное кровавое месиво, которое было еще неделю назад лицом генерала Бехтеренко, его обидчика.

— А как у нас 22-я? — прикинул он к другому глазку.

— Плачет...

В 22-й находился весельчак Гриша Лаптев. Его не избивали. Круглые сутки при ярком свете он слушал песни Наточки Севеж. Много перенял Мастачный у своего главного

обидчика Судских. Судских пока нет, не попался, а Гриша Лаптев — вот он, на расстоянии вытянутой руки. И нужен Мастачному позарез.

— Здравствуй, Гриша, — говорил он ласково, и Григорий вздыхал облегченно: противен ему хозяин здешних мест, но его приход означал тишину.

— Все никак не вспомнишь? — задавал он обычный вопрос, и Лаптев отрицательно качал головой.

В этот приход Мастачного, сорок второй по счету, он не сделал этого. От непонятной болезни вздулись вены и любое движение приносило острую боль.

— Как же ты плохо выглядишь, — сокрушался Мастачный. — Ну что тебе стоит сказать, где эти несчастные дискетки, и конец твоим мучениям.

В каждый приход своего мучителя Лаптев говорил себе: «Все, больше не выдержу, расколюсь». Терпел. Сегодня было особенно дурно. Никогда он не ощущал себя уверенным в форменной одежде, не считал настоящим полковником и не готовился к особым испытаниям. Как переносил их, объяснить не мог. Омерзительным было его нынешнее состояние, еще противнее этот оборотень с ласковым твяканьем брачующегося шакала.

— Я же отвечал, — с трудом ворочал языком Григорий, — все погибло во время обстрела моей лаборатории.

— Эх, Гриша, Гриша, — участливо вздыхал Мастачный. — Не было их там. Ты унес. Ну скажи, где спрятал?

Григорий молчал, экономя силы, и размышлял мучительно: как же это он, умный, не чета этой мрази в генеральской форме, отчаялся, должен умереть, а тупица переживет смуту, выживут его дети, внуки и понесут в себе дальше по жизни бациллы зла и уверенность безнаказанно творить его.

— Ладно, — решил Лаптев. — Я составлю копии программ.

— Гриша, зачем ты меня за дурачка считаешь? Копии нужно месяца два готовить, а за это время казачки живо образу-

мят наших партийных придурков. Найди мне старые. Вон какой ты плохой, недели не протянешь...

Из всего, вытянутого у Лаптева, в голове Мастачного кое-что осело. Что «красота» — это термин такой из физики элементарных частиц, что би-кварки способны влиять на Бета-распад, а это — новейшая страница науки и цивилизации, где люди перестанут бояться атомной бомбы и радиации. Ну и что? Это не товар: ни продать, ни поторговаться. Дискеты нужны, маленькие такие кружочки, там все обсказано, с формулами, со всеми шкварками. В России уже стойко пахнет паленым, а он мужчина в соку, успеет еще побаловаться и шкварками, и девочками, и деток на ноги поставить успеет...

— Я сделаю за неделю.

— За неделю? — обдумывал предложение Мастачный. — Что надо?

— Пару хороших компьютеров, модем, Библию и помощника из нашего УСИ. А сначала привести меня в порядок. Я не работник.

— Сделаем! — решил и Мастачный. — Эй, кто там! Перевести в лазарет, психотропы снять, посадить на искусственную почку и ни в чем не отказывать!

«Вот чем они меня шпыняли... — догадался Лаптев. — Ну, сучара-шакал, обожди, дай только оклематься».

— Кого ж тебе в помощники?.. — задумался Мастачный: хитрит мужик или знает про Бехтеренко? Он смотрел на Лаптева пронизывающе, весь его мелкообманный нрав сопротивлялся непонятному, боялся прогадать, а Гриша не торопился. — Хай буде грец. Будет тебе помощник...

Григорий неслышно перевел дыхание.

— Только не обмани, Гриша, — вкрадчиво сказал Мастачный уже в дверях. — Я ведь жилки твои по одной выдергаю, как неделя пройдет. Хохол не москаль, это высшая раса.

«Где неделя, там месяц», — облегченно подумал Григорий.

Имени помощника Мастачный не назвал, но велел откармливать Бехтеренко и пытки прекратить.

В лазарете, осмотревшись, Лаптев понял, что деру отсюда не дашь: стальные двери и решетки на окнах. Посмотрим, решил он, безвыходных помещений не бывает, зря, что ли, он полковник УСИ...

Проснувшись наутро, а проспал он сорок восемь часов кряду, он не ощутил боли, не увидел взбугрившихся вен. И что-то еще несло свет и облегчение. Он глянул в зарешеченное окно и обомлел. Зелень, пожухшую до срока от летней жары, плотно облепил снег, солнце светило ярко, с искренней силой.

В Москву вошел конь бледный.

В ночь на празднество Преображения Господня сместились сроки и лик небес очистился. Москвичи не знали, радоваться очищению или новая беда пришла к ним. Погиб урожай на дачных участках, грядет голод и суровая зима. Кто спасет их? Вечно пьяный президент? Ему не верили. Комитет национального спасения? Его не знали. Москва зашевелилась: голод — не тетка.

Мастачный стал получать тревожные сообщения: в Лианозово заманили в ловушку и перебили отряд ОПРа; в Отрадном взорвали опорный пункт, погибло пятнадцать опровцев; неизвестные забросали гранатами казарму ОПРа на Садово-Кудринской.

«Надо поспешать», — смекнул он.

А Лаптев показывал расчеты с непонятными формулами и требовал обещанного помощника. Черт с ним, махнул рукой. Мастачный и велел доставить в помещение лаборатории Бехтеренко.

Сегодня ему было не до Лаптева, не до Бехтеренко, сегодня, может быть, главная операция за всю его службу: через стукачей стало известно, что в районе Сорокапятки обнаружен опальный генерал Судских со своей бандой.

«Нет, это дело тупым армейским полковникам не доверю, это мое личное дело!»

И вот ведь незадача! Снег выпал, навалило по пояс, не пройти, не проехать! Отложить операцию — уйдет Судских, осуществить — как бы самому не влопаться. Банда передвигалась в Москве и окрестностях неуловимо, совершая теракты, выполняя приговоры какой-то «Народной воли». Одно успокаивало: стукачи сообщали, что с Судских всего пять человек.

Изворотливый ум подсказал выход. Мастачный связался с Министерством обороны и выпросил десять единиц бронетехники. Просил пятьдесят с водителями, министр посмеялся: солярки нет. Ползучую войну сопровождал ползучий саботаж.

Усадив своих головорезов на технику, Мастачный выехал в район поиска. Предположительно, старая свалка за Сорокапяткой.

Храбрости Лаптеву не хватало, зато фантазии с избытком. Услышав через окно мощный гул многих двигателей, скопление опровцев, крикливые команды Мастачного, он сообразил, что шеф нравственников куда-то наладился с опричниной, а тут еще в лабораторию втолкнули, к его изумлению, Бехтеренко.

— Святослав Палыч! — кинулся к нему Лаптев. — Какими судьбами? Вы ли это?

Да, это был Бехтеренко. Беззубый, шамкающий, но вполне пригодный боец, гроза нравственников.

— Хахими шутбамы? Он шпрашиваеш...

— Ясно, Палыч, — прослезился Лаптев. — Ты помолчи, а я ситуацию обрисую. Есть шанс в суматохе выбраться отсюда. Ага? — Бехтеренко кивнул. — Я сейчас на арапа повод найду и — ага.

Едва за воротами Управления стихли моторы, Лаптев вызвал охранника.

— Надо шустро, очень шустро, — подчеркнул Лаптев, — как распорядился генерал Мастачный, проехаться по магазинам и закупить недостающее оборудование. Я составил список, — сказал он с замиранием сердца.

— Какие магазины, парень? — с ленцой ответил охранник. — Пункты выдачи помоев, очередь в километр — не хотел?

— На складах надо искать, — осмелел Григорий.

— Это с начальством решай, — отмахнулся охранник и вызвал лейтенанта.

— Приказ шефа: ни в чем не отказывать! — напирал Лаптев.

Лейтенант связался с дежурным по Управлению. Приказ Мастачного, неординарность просьбы — у майора-дежурного голова пошла кругом.

— А сам бы смог? — дошло наконец до майора, что всякие диоды-триоды — страшная гадость.

— Я бы смог, да у меня здесь работы неувпоровот, — охамел Григорий. — Мне Мастачный ради спешки вот этого прислал, — указал он на Бехтеренко.

— Ты хоть подскази, что делать? — заволновался майор. Службой он не особо дорожил, а головой — да.

— Ладно, — дал себя уговорить Лаптев. — Мы с ним прокатимся по точкам, подыщем искомое.

— Вдвоем не отпущу, — засомневался майор. — Зачем вдвоем?

— Он знает, где, я знаю, что. Решай сам...

Майор нашел решение. Дав усиленное сопровождение, он посчитал миссию исполненной. Шеф любил сообразительных.

Выгорело! Мастачный укатил на свалку, Лаптев с Бехтеренко поехали своим путем. Сопровождающие и там и там особой прыти напрягаться не выказывали.

Как на любой российской свалке, за Сорокапяткой гнездились бомжи. Милиция давно махнула на них рукой: пожиться нечем.

«Ан пригодились! — довольно размышлял Мастачный. — Среди бомжей Судских укрывается. Так, значить... От трассы к свалке ведет мощеная дорога, а за свалкой болотина. Значить, я их за свалкой, как зайчиков, переловлю».

По трассе техника прошла сносно. Снег не подтаял, и мощные скаты давили его. На грунтовке бэтэры заелозили, и Мастачный досадовал на задержку.

Бомжи быстро смикитили, что за напасть с ревом приближается к местам их обетования: облава. И не совсем по их души. Признанный вожак стаи по кличке Косорукий велел шустро уходить через гати по краю болотины.

— А че нам облава? Че с нас взять? — не хотела двигаться с насиженных мест стая. По снегу, черт-те куда, а тут хорошо зарылись в норы, тепло и не каплет.

— С нас-то взять нечего, а вот соседи на том краю окопались опасные. Чекисты! Че, не смекаешь? Их ловют — и нам хана.

— А че, бля, делать, пахан?

— Не блякать, а бабакать! Или уходить вместе, или вместе отмахиваться. У них и валье в избытке имеется, сам видел, под кузов сгоревшего автобуса натащали.

— Слышь, Косорукий, а у них там баба икрная. Чево чекисты таскают ея?

— Може, сродственница, отбили где, прячут...

Косорукий велел всем держаться кучно шагах в двадцати, пока он поведет переговоры.

Его приближение незваные гости встретили настороженно. Вроде такие же бомжи, в рванье, а сапожки фирменные, не сбитые и на шипах, телогреечки с боков оттопыриваются, а глаза не потухшие от сурового житья бомжей. А девица есть, на сносях...

— Здорово ночевали, — снял треух Косорукий. — Кто старшой будет? Покалякать надо.

— Калякай со всеми, — откликнулся один, заросший по самые глаза.

— Беда, мужики, супостат едет.

— Слышали...

— Дак вот, решили у вас помочи просить, свою предложить. На десяти колесниках едут, на броне человек по десять да внутри...

— Многовато, — сказал заросший. Голос его показался страшно знакомым Косорукому, и сам он, вглядевшись, подался вперед.

— Здорово, стрелец!

— Вот так встреча... — опешил вожак. — Здравствую, гражданин начальник. — Стало быть, уравнила нас жисть.

— Здорово, чертила! — кинулся к нему заросший. — Что ж ты сбежал тогда? Я ж тебя так разыскивал!

Косорукий посуровел:

— А нам что барский гнев, что барская любовь — все одно плохо. С твоей отметины рука скособочилась.

— Прости, — опустил голову Судских. — Позже сочтемся. Ты, как я понял, с помощью пришел?

Косорукий свистнул. Ватага приблизилась.

— Кто с вальем обращаться может?

Ватага недружно заговорила.

— Так не пойдет, — остановил Судских. — Построиться в ряд.

— Началось, — загомонили.

— Робя, не до обид, — вмешался Косорукий. — Я, может, на этого человека смертельный зуб имею, а подчинюсь без всяких яких. Слушать его за старшего.

— Кто знает оружие — шаг вперед.

Вышли все.

— Не верится, — нахмурился Судских.

— А ты поверь, мил человек, — сказал кто-то из ватаги. — Почитай, все служили в светлые годы коммунизма.

— Бурмистров, Левицкий, Смольников, раздать оружие и гранаты, — окреп голос Судских. Сам к автомату прикипел с мая.

— Как тебя зовут-то, стрелец? — спросил он Косорукого.

— В миру Олегом звали. Олег Буйнов.

Натужный рев и хлопки двигателей стали ближе.

— С полчаса еще, — сказал Судских. Буйнов понимающе кивнул.

Зная окрестности много лучше Судских, он предложил занять оборону с краю свалки, в осиннике, вытянуть на себя основную массу опровцев, встретить неожиданным огнем, ошеломить, а потом группами отходить на возвышенность. А там видно будет.

— А там вертолет будет за нами, — подытожил Судских.

— А за нами? — искоса поглядел на него Буйнов.

— Транспортный вертолет принимает до взвода, а нас всего двадцать три, — без укора ответил Судских.

— Слышь, командир, а зачем бабу с собой таскаешь?

— Так получилось, — вздохнул Судских. — Через кордоны ей пройти было легче. Особое задание выполнила. Да вот задержались.

— И все же красиво нас жизнь уравнила, — засмеялся Буйнов.

— Бывает, — засмеялся и Судских.

— Я тебе один анекдот хороший про это расскажу, — расслабился Буйнов. — Сидят на обочине два бомжа вроде нас, и один другого спрашивает: вот говорят — коммунизм, коммунизм, там все такое справное для житья, а мы с тобой и не ведаем, каким боком к нему приладиться. Узнать бы у кого. Другой и отвечает: давай спросим у знающих, кто на машинах катается, они, почитай, в коммунизме живут. Один высмотрел приближающуюся машину, пошел к ней, а другой ждет. Остановилась машина, блестящая такая, и человек за рулем не с помойки. Спросил его бомж про коммунизм. Человек и отвечает: «Как бы тебе подходчивее... Видишь, у меня красивая машина? Вот когда у всех будут такие машины — это и есть коммунизм». Поехал дальше, а бомж к корешу вернулся и говорит: «Как бы это попроще тебе объяснить про коммунизм... Вот у тебя котомка и у меня котомка, а когда у всех котомки будут — это и есть коммунизм».

— Спасибо Марксу и Ленину, — засмеялся Судских. — Дошли наконец...

Помолчали. Чувствовал Судских, что-то выпросить хочет Буйнов.

— Спрашивай, — разрешил он долгую паузу.

— А вот скажи, командир, — кивнул Буйнов, — ради чего опять заваруха затеялась? Ты, надо полагать, в больших чинах, при машине и квартире, а партизанишь нонче. Только красиво не надо, по совести ответь. Русские завсегда о вере талдычат, а Библию не читают.

— Не отвечу, — свесил голову Судских. — В круговорот затянуло. Придет время, обдумаю, а нынче несет течение и несет. И где берег правильный, знаю, а не сопротивляюсь.

— Всегда так по Рассее, — согласился Буйнов. — Похватали топоры, накуролесили, покаяться истово и за старое принялись: теми же топорами отстроились, водкой налили и преем, нагреваемся от злобы — не по-нашему опять вышло, не так надо!

Судских усмехнулся. А вспомнилось ему, как Воливачу года два назад грыжу удаляли методом лапороскопии: три дырочки, и никаких порезов, через месяц следа не осталось. А Воливач Судских нет-нет и пытал: «Может, шарлатанство, а? Шрама-то нет...» Ну да — с грыжей не мается...

Ну да. Вот когда живот исполосован — это по-нашему! Страдать можно. И не глуп ведь Воливач, не Буйнов. Может, Буйнов умнее?

— Как бы ты поступил, стрелец? — решился и Судских спросить.

— Я? — удивился Буйнов. — Я — как все...

Судских смолчал. Его молчания устыдился сам Буйнов. Высказал:

— Куролесим мы по причине заемного Бога. Своих он прощает, а с нас за все спрашивает, терпеть велит. Терпежа не хватает. Католики, сказывают, попроще Библию выдумали, Папа римский всякий раз ее заново подлаживает. А я бы просил Царя небесного отправить к нам другого посла. Нашего. Тогда все сладится.

— Думаю, сладится, — кивнул своим мыслям Судских.

Ему не хватает сил доплыть до желанного берега. Руки и ноги налились свинцом, спины не согнуть, тянет на дно, утаскивает...

«Все воды Твои и волны Твои прошли надо мною».

Стремительно падая на дно, Судских заставил себя пошире расставить ноги, чтобы ослабить удар о грунт. Толчок. Он с трудом открыл глаза.

— Голубчик! — протиснулось в сознание. — Очумался! Вот и гарненько!

«Мастачный!» — только у него сочная погань в ласковом голосе.

— А ты все за дурачка считал Мастачного, а он, ось як, такого генерала захомутал! Много ты моих глуповатых хлопчиков положил, а я не полез... Я тебя хитростью выкурил, «вишенкой».

«Нервно-паралитические шашки», — без разъяснений понял Судских. Недооценил он Мастачного, с шакалом иначе воевать надо...

В голове не прояснялось. Потянул через силу воздух, коекак освежил легкие. С трудом повернул голову влево-вправо. Никого. Он один, привязанный к осине.

— Братишков шукаеш? Нету! — довольно захихикал Мастачный. — Их вместо чучел повели, пусть мои хлопчики потренируются, а мы с тобой один на один потолкуем. Как, дружок заклятый, побалакаем? Тебе есть чего мне сказать.

Мастачный сидел в пяти шагах от него на перевернутом ржавом ведре. Одной рукой в колено уперся, другой картинно помахивает.

«Как же это все случилось?» — оживал Судских, восстанавливая в памяти случившееся.

До полусотни опровцев, не привыкших воевать в открытую, сводная команда встретила слаженным огнем. Почти все остались лежать на снежном пологие. Стоны, вскрики и растревоженное воронье над свалкой. Перед второй атакой

Судских перестроил команду. Семерых из ватаги Буйнова увел Смольников, готовить позицию на возвышении. Туда первыми ушли Аркадий Левицкий и Марья.

Вторая атака опровцев задерживалась. Они не торопились высовываться из-за бронетехники.

«Наверное, Мастачный подкрепление ждет», — кольнула догадка Судских.

— Бурмистров! Ваня, живо связь с Воливачом!

— Готово, Игорь Петрович, — протянул он Судских микрофон.

— Застряли, Первый, — сообщил Судских. — Задание выполнено, однако застряли в последней точке. Облава ОПРом, силами до двух рот с бронетехникой. Руководит Мастачный.

— Уходи, Второй, раньше часа подмоги не будет. Лучше продержись наверху до вертолета. А я тебе в помощь добрую весть скажу: ребята из рейда вернулись, у хамов Мастачного отбили Гришутку и Бехтеренко!

— Вот это подмога! — воскликнул Судских. Жить стало приятней. — Будем отходить, — сказал он, приподымаясь. И тогда над головой раздались хлопки, запахло жженой вишневой косточкой...

— Да ты не спереживай, — потешался Мастачный. — Догоним еще твою бабу, и что надо заберем, и родилку ей устроим, и хлопчик твой не убежит.

Судских надоела эта брехня.

— Мастачный, кто убил гадалку Мотвийчук?

— Я, — гордо ответил Мастачный. — Вот я вас вокруг пальца, а? Уметь надо!

— Зачем?

— Какой непонятливый! Так ей Мойша Дейл деньгу передал, а мне они очень кстати. Шумаило ее телефончик еще когда начал прослушивать, вот я и подсутился.

— Сколько?

— Та зачем тебе это сдалось? С минуты на минуту на тот свет отправишься, там и узнаешь. Ты скажи мне лучше: за твои дискетки сколь дадут?

— Кто сказал?

— Как говорят в народи, в семье не без Мавроди, — с удовольствием захихикал Мастачный. — Зеленый лимон дадут?

Внутренне Судских напрягся: на самом деле знает Мастачный, что дискеты у Марьи или понтуется?

— Кто тебе сказал, что я с собой носил их?

— Никто не сказал, — серьезно согласился Мастачный. И опять захихикал. — Я ж их вычислил! Я твою бабу брюхатую от самой Москвы вел! Тихенько, остороженько! И переговоры твои с Воливачом слухал, и место встречи заранее проведаль. Снежок маленько подкузьмил. А то бы ты сейчас висел у меня на осине.

— Который час? — спросил Судских.

— А без десяти шесть, — небрежно ответил Мастачный. — Подмогу ждешь? Не жди. Вот она, твоя рация. Да еще не родился такой Судских, который Мастачного надул. Я от тебя привет Воливачу зараз передам. Из Лас-Вегаса! Ха-ха!

— Выкрест! — раздирало Судских возмущение. — Никуда ты не уйдешь!

— Тю! Да я истинный христианин! Да мне за твою смерть все грехи спишутся! Кончаем эту балачку, пора тебе на суд Божий...

Мастачный поднялся неторопливо, передернул затвор автомата. Судских старался смотреть выше его головы, в небо, на искренне светившее солнце, на белый снег везде, где хватало глаз.

Как же так, не понимал он, нечисть празднует победу, а у него в последний миг даже руки связаны?

— Развяжи, — попросил Судских.

— Не, — отрицательно замахал головой Мастачный. — Это не надо. Ты змей еще тот, не хочу рисковать. Все равно ты нехристь.

Судских опустил голову.

«Простите, други, не уберег я вас, и ты, стрелец, прости, в неровный час развела нас судьба...»

— И я тебя не расстреливаю, а казнь за богомерзкие шутки.

«И как же нескладно ухожу я из жизни. На краю свалки, а за ней — измордованная, обворованная мастачными Россия. Загаженная и оплеванная сволочью, Россия, которая давала приют обиженным...»

— Каяться будешь?

«Что ж несправедливо так, что ж ты размазалась по импортному блюду, что ж не сохранила ты бодрящую свою чистоту?...»

— Не желаеться... Патриотом себя возомнил...

«Что ж потерялась ты среди золоченых куполов, что ж веришь ты пророкам, которые даже имя твое произнести не могут?...»

— А я вот весь простой. Живу и другим даю жить. А тебе — нет.

«Жива ты еще, дышишь с трудом, но жива. Помоги ж детям своим, сыну моему в дальних морях с чужими маяками, дочери моей на чужбине, внукам и правнукам, ратиянам своим. Они спасут тебя, они в тебя верят!»

Три торопливых выстрела, как многоточие. Сознание догнывало. Заходящее солнце било в лицо.

«И явилось на небе великое знамение — жена, облаченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения».

— Потерпи, — сказал Судских, паря на широких крыльях рядом с ней. — Твой сын будет прекрасен. Он придет в мир и нужен ему.

— Аркашечка, не могу больше, давай отдохнем!

— Маша, потерпи, я ж тебе такую тропку утаптываю!

— Мужик неотесанный! Схватки начались...

Левицкий остановился. Не успели они. Тесаком он нарубил лапника, приготовил ложе под елью.

— Давай-ка ноги помассирую.

— Ну куда мы так рвемся, Аркаш? — жалко спросила она, кривясь и корчась от болей, закусывая губы. Спокойно, даже с улыбкой, чтобы не бередить ее, он объяснил, растирая ей ноги:

— Вертолет придет на точку и всех нас вывезет. Помнишь сараюху-ангар, где я дельтаплан оставлял? Мы еще ходили с тобой туда по весне? Снег был, как сейчас, хорошо...

— Помню я, о-ох... Я сломала тебе один.

— Не доносила ты, не успели...

— Чего не доносила? — ощерилась, разозлилась Марья, забыв про боли. — Девятимесячный он у меня, понял? Как положено!

— Да не сердись ты! Я про то, что дойти не успели.

Она успокоилась, закрыла глаза, чтобы через минуту захватить снова.

— Все, больше не могу. Началось, Аркашечка.

— А что мне делать, а?

— Ух ты, земноводное... Куртку давай, здесь постели. И тельняшку давай, все давай, что есть. Ох, мамочка.

Левицкий послушно и быстро выполнил ее просьбы, смотрел, не зная, чем еще помочь.

— Да отвернись ты хоть пока...

Отойдя на шаг, Аркадий вслушивался, стараясь сквозь стечения Марьи различить крик ребенка. Так, говорят, должно быть.

— Аркаша, Аркаша, он молчит! — услышал он заглубевший от тревоги голос Марьи и подскочил к ней.

— Ну давай, не надо это, хлопай, искусственное дыхание надо, — спешил он, разглядывая во все глаза нечто игрушечное, торчащее из скатанной тельняшки.

— И этого не знаешь, — уже успокоившись, отвечала Марья. Качнула сверток туда-сюда, шлепнула снизу, дунула в ротик существу. Что-то пискнуло, всхлипнуло — ожил.

— Мальчик, Аркашечка...

— Наконец-то!

Марья хотела было кормить младенца, хотела сказать, чтобы он отвернулся, но Аркадий отвернулся сам и предупредительно поднял руку. Сквозь ельник в начале склона он углядел мелькающие темные пятна, различимые на снегу и солнце.

— Вот и Судских с ребятами, — сказал он с облегчением.

Вдруг раздалась пальба из автоматов, хлопнул разрыв гранаты. Ошибся он... Группа Смольникова прикрывала их отход.

Марья видела его изменившееся лицо и смотрела с надеждой, прижимая ребенка к груди.

— Плохо дело, Маша. Догоняют нас. Ты давай потихоньку до сарая — вон он, за соснами, и жди меня. Я задержусь на всякий случай. Дойдешь.

— Я постараюсь, — все поняла Марья. И пошла вверх по склону, осторожно погружая ноги в снег.

Отчаянная стрельба длилась минут двадцать. Когда последний одиночный выстрел пистолета хлопнул там, внизу, Аркадий понял: остался он один. Посчитал поднимающихся. Двадцать один. Его озадачили выстрелы и разрывы гранат еще дальше внизу, на свалке. Слышимые на возвышении отчетливо, они разделялись на резкие автоматные и тяжелое уханье пулеметов, рывкали разрывы гранатометов.

«Что-то там не то. Не та компания», — понял он, что их подмога схлестнулась с другой. Чесались руки разобраться с погоней внизу на склоне. И вдруг он услышал оттуда захлебывающийся голос с хохлацким выговором «гэ»:

— Вдоль болота, по гатям и до склона! Здесь он, не уйдет! Как поняли? Давай швыдче!

— Такая, стало быть, квазицкая уха, — сам себе сказал Левицкий. — Вот зонт прошелестел: к соседу, не ко мне...

Вдох, два коротких выдоха. Где-то вроде стрекот вертолета, перекрываемый разрывами и стрельбой внизу. Опровцы на склоне пока не торопились, ждали подмогу.

Аркадий осмотрел рожки с патронами, ощупал две лимонки в подсумке. Весь запас. Уняв желание дожидаться опров-

цв, он, как олень, отмахал расстояние до сарая. Встал перед Марьей.

— Аркашечка, — кривились ее губы от плача.

— Не кукуйся, где-то вертолет на подходе...

— Не будет его, Аркаша. Вон он...

С пологого склона Левицкий заглянул вниз по направлению руки Марьи и увидел горящие обломки.

— Самолет его ракетой...

— Вот теперь совсем одни остались, — понял все Левицкий.

Марья подняла голову к нему, смотрела с тоской.

Предстояло сказать ей самое важное и самое трудное.

— Машутка, ты сильная и мудрая. Сейчас ты полетишь...

— Только с тобой, Аркашечка, только с тобой! — она заплакала.

— Дельтаплан двоих не подымет. Дай Бог тебе улететь с малым.

— Бог? Где он, если вокруг такое?

— С тобой он. Прилетишь на место, поймешь.

— Куда я полечу, куда?

Вопрос вопросов. Никогда бы он из всех фантазий не оставил одну, самую реальную сейчас.

— Слушай внимательно, — присел он на корточки рядом с ней. — Ты полетишь с ребенком и с пакетом, который взяла в тайнике Судских. Ты, Машутка, одна в ответе за весь мир. И твой ребенок, и дискеты — это очень важно. Это завет ото всех нас тем, кто придет после нас. А полетишь ты к отцу с матерью.

— В карьер? — отшатнулась Марья, теснее прижала к себе ребенка.

— Да. А Судских говорил, что зону поражения можно пересечь по воздуху. Плохо это, хорошо ли, не знаю. Но это единственный выход. Нас в живых не оставят. Пощады от уроков ждать нечего.

— Ой, Аркашечка, — еще теснее прижала к себе сверток с младенцем Марья. — Это так страшно... — Заглянула внутрь,

будто опасалась, нет ли там уже беды. Ребенок мирно спал, нахмутив бровки, подобрал губки.

— Аркаша, я не могу, не могу! — запричитала Марья, цепляясь свободной рукой за плечо Левицкого.

— А как же тогда в огонь и воду за мной?

— Про полеты не было, — плакала она. — И это — за тобой.

— Я всегда буду с тобой. Все. Скоро здесь орда будет. А билет всего один и в один конец.

Он быстро открыл дверь дощаника, осмотрел дельтаплан. Поломок не обнаружил и выкатил его наружу. Оперение в черно-белую полосу смотрелось прочно, хотя легкие конструкции дельтаплана буквально просвечивали в боковых лучах заходящего солнца.

— Помнишь все из моих прежних наставлений?

— Помню, любимый, летала ведь с тобой...

— Прекрасно, — защемило сердце у Левицкого от ее слов. — А полетишь в этом направлении, — указал он на юго-восток. — Здесь от силы двадцать километров. Испарение от земли плотное. Поймаешь теплый поток, тогда не потеряешь высоту.

— Да, любимый.

Он помог ей лучше спеленать младенца, укрепить его прочно на груди перед собой.

— Готова?

— Да, — прошептала она. Впервые они поцеловались. Поцелуй был соленым. Аркадию почудилось, что он уловил стук сердечка маленького.

— Лети...

Разбег — и черно-белая птица вспорхнула с края склона. Чуть клюнула носом, отчего у Аркадия сжалось сердце, выровнялась и стала набирать высоту.

Как же много осталось невысказанных слов, как же недолюбилось, как не хочется рвать эту последнюю нить!

— Запомни нас живыми! — крикнул он и услышал уже из другого мира, белого, в искрах живого солнца:

— Да-а-а-а!...

Часть вторая

МЕЧ ВСЕВЫШНЕГО

Два полуночных ангела летели от амьенского собора Нотр Дам в Вену, где ждал их великий Людвиг ван Бетховен. Композитор был глух и призывал помощь свыше...

Над немецким городом Трир их оперенья коснулся дьявольский холодок, и пришлось им, чтобы Ариман не обесчестил Божьего дара, искать защиты на шпиле знаменитого собора.

— Что это было? — спросил неискушенный ангел.

— Мерзавец родился, осквернитель Божьей благодати, — ответил другой.

Тихая майская ночь. 1818 год. В Вене рождалась божественная «Лунная соната». В Трире, в еврейской семье пуговичного мастера, — Карл Маркс.

«...нищая земля наша в конце концов скажет миру новое слово»

*«Речи о Пушкине»
Достоевский*

1 — 1

Озорные водные горки!

Блестящий никелированный желоб и водный поток. Сияющий металл не режет глаз, вода не холодна, не горяча, она ощутима едва, как все тут, среди беззвучного света, и Судских неся по желобу, переполненный радостным ощущением свободы и невесомости — чувства, знакомые отпускникам по первому свиданию с южным морем, солнцем и безудержному желанию жить.

В кои-то веки он сбросил бремя обязанностей, подобно волу не идет тупо и заведенно по служебному кругу, где нет тихих радостей, где ночь — всего лишь забытие перед постным пробуждением: жвачка, смирение, подчинение долгу и пост, пост, пост... На посту не дремать, не отвлекаться, а поститься, как предписано свыше, каждому, живущему в мире реальных иллюзий.

Судских не ощутил вхождения в воду. Инстинктивно он готовился к этому моменту, самому яркому на водных горках: подскок вверх и — купель! А тут въехал неощутимо во что-то неосязаемое, и облапила ватная тишина, словно под воду ушел и там остался.

Особо он не удивился и тому, что занял вертикальное положение, хотя под ногами тверди не обнаружил. Сделал проб-

ный шаг — держит. Другой — нормально. «А-а, вот оно, в чем дело, — пришла догадка. — Молочная река, кисельные берега. Я в раю».

И это открытие ни радости, ни печали не принесло, будто остались мажорные чувства там, в начале водных горок.

«В раю так в раю», — подумал он. Сделал еще шаг и, как само собой разумеющееся, спокойно сделал очередное открытие: в этой новой среде двигаться без тверди под ногами и вверх и вниз, ускорять движения и замедлять можно.

В раю так в раю. На том свете. Субстанция, значит.

— Приветик, дядь Игорь! — услышал он и сразу увидел перед собой материализовавшуюся Марью, сидящую будто бы на тол-стом поваленном стволе. Его как такового не было, он воображаем, исходя из позы Марьи: одной ногой покачивает, другая — под самый подбородок коленкой. И одежда воображаема, и тело под этой одеждой видимо. Нереальность реального.

— Здравствуй, — ответил Судских нейтрально вежливо, будто расстались они только что на территории Сорокапятки. Ничему не удивлялся Судских. — Какие новости?

Она сидела вольно, без стыда, платишко ее сбилось, задралось на сторону, и трусишки сбились, и обоих это не смущало. Едва Судских прищурился, воображаемый ствол исчез, но он отвел глаза, чтобы не видеть оголенной плоти.

«Выходит, и я голый?» — машинально подумал он и оглядел себя. Да, если прищуриться, ничего нет, кроме телес, а под обычным взглядом на нем болталась не то ночная рубашка до пят, не то хитон или галабея.

— Ой, дядь Игорь, — засмеялась Марья, логично истолковав смущение Судских. — Какие тут новости? Тут ничего нет, понимаете? Ни-че-го. Даже ни вас, ни меня. Мы вроде как в том самом райском коммунизме. Малахольная радость.

«А как Марья сюда попала?» Он — понятное дело, его Мастачный в упор расстрелял, а кто убил Марью?

— Нас нет?

— Грамотный вы, дядь Игорь, где не надо. Да в коме мы оба! Я ударилась, когда в Зоне приземлялась, сынулю спасала, вот... а тебя недострелили. И оба мы, как говнецо в полонке, ни там, ни здесь. Понятно, товарищ генерал в битве недобитый?

Судских прищурился, совсем глаза в щелочки свел:

— Вот оно как...

Если прищуриться плотнее, тогда окружающее переставало быть вдохновенно спокойным, обступала серятина, зато отчетливо прорисовывались любые изъяны. Марья под прищуренным взглядом повзрослела, стала изнуренной женщиной небольшого росточка, с морщинами вокруг глаз, с грушками отвислых грудей.

— Теперь еще молоко из-за вас пропадет...

Что-то похожее на угрызения совести кольнуло Судских пронзительно и настойчиво. Он не вынес пытки и пошире открыл глаза. Стало легко и отчетливо. Марья улыбалась, сидя на стволе, покачивая ногой. Тик-так, тик-так — маятник.

— Вот так.

— Все будет хорошо, Марья, — сказал Судских добродушно.

— Дай бы Бог, — столь же добродушно откликнулась она. — День-два я продержусь: поваляюсь без сознания.

Про себя Судских похвалил ее за разумность. Он слегка прищурился, будто оценивал эту ее мудрость:

— А откуда ты все наперед знаешь? И про меня, и про себя. Я как-то не уразумел сразу, где я, как сюда попал.

— Вы, дядь Игорь, толстокожий, закондованный, значит, до вас с трудом и доходит. Вы все там были как куклы заводные, нам жить мешали, хотелось вам, чтобы все в ногу шли, тогда все получится, а ведь чепуха это и даже опасное дело: когда все в ногу ходят, можно планету с орбиты сбить. И про Бога чепуха, все не так, как попы поучают — они ж его не видели! Вранье для слабоумных. И про жизнь врут. Вот у вас тромб вот-вот оторвется, сердце остановится и попадете в никуда. Весело?

— Нет, не весело, — простодушно ответил Судских, а заведенный уклад земной жизни сложился в привычную фразу: — Жизнь — штука сложная.

— Ага, — ухмыльнулась Марья. — А Восток — дело тонкое.

— Восток? — не уловил юмора Судских. — Почему?

— Потому, что коммунизм — это советская власть плюс электрификация, а хочешь мира — борись за мир плюс химизация. От всего этого жизнь сложная. Ее усложняют козлы, созданные для отпущения, а козлодои подхватывают. С козла-то молока нет, а кушать надо.

Судских будто другими глазами увидел Марью. Перед ним сидела юная женщина, красивая и уверенная. Таких рисовали в эпоху Возрождения, когда возрождался здравый смысл. И никаких морщин.

— Прощаемся? — спросила Марья и сразу превратилась в девочку-подростка. — Не выходят меня, чую. Вы тут один останетесь. Остальные либо там, — указала она глазами вверх, — либо там, — глаза вниз. — Вы сейчас и тех, и других можете встретить. Я уже с кем только не виделась, по заказу, как в ресторане. Сталин, думала, в преисподней, а он расхаживает на верхнем уровне, трубочку посасывает, с Гитлером общается. Чудеса, а? А мы его в злыдни записали. А вот Эйнштейн в относительном мире. То размажется до минус бесконечности, то сожмется до атома. На Менделеева смотреть страшно — за что его Всевышний покарал?... Говорят, уже тут дел натворил, с Всевышним спорил. И вы не залупайтесь, дядь Игорь, тут спокойненько надо, здесь революции не проходят. Загадку знаете? — спросила она с хитринкой. — Залупились и висят. Думаете — желуди? Нет — декабристы...

— Так где я? — недоумевал Судских, чувствуя свою неуклюжесть.

— Вот непонятливый какой! — всплеснула руками Марья и соскочила со ствола. — На том свете! В приемном покое! Что себе нарисуешь, то и будет. Никакого рая и ада нет, есть

тот свет и то ненадолго, пока между жизнью и смертью. Когда мы живем, мы усложняем все, в придумки играем, хотим выше себя прыгнуть. Амуниции, амбиции, а уходим из жизни ни с чем.

— А память о нас, Марья? — во все глаза смотрел на нее Судских, боялся, что исчезнет, а он не познает главного.

— Это совсем другое дело, — возразила она по-взрослому. — Вы тут, дядь Игорь, осмысливайте, пока вас в госпитале оклемать пытаются. У вас пулька в черепной коробке застряла.

— А меня спасут?

— Сами выбирать станете.

— Почему?

Вопрос будто повис в пространстве, где только что сидела Марья, умненькая, красивая. Он ощущал толстоватость своей кожи.

«Все проходит», — сделал вывод Судских, потоптавшись на месте. Толстокожесть мешала ему, как спасающий от непогоды плащ.

«Надо сбросить», — подумал он машинально и так же машинально встряхнулся. Опять безотчетно его окружили тихий ниоткуда свет и беззвучие. Он прищурился, и сразу пронзила острая мысль:

«Как же я не расспросил Марью о ребенке, о дискетах? Какой-то я стал в самом деле толстокожий, химерический, разве такой способен вернуться в нормальную жизнь?»

Условности реальной жизни — что-то делать, двигаться — не оставили его. Он потоптался на месте, потом забрался выше на три воображаемые ступени. «Может, какое начальство тут есть, гиды-поводыри...» «Еще никогда не было, чтоб никак не было», — пришла на ум мудрость солдата Швейка, выходящего из любого положения бравым и неунывающим.

Судских огляделся, прищурившись. Из мгlistой окружи проступали очертания человеческих фигур. Мужских подалось больше, только они, покопошившись, исчезали быст-

ро. Женские фигуры таяли медленно, как снеговики, сохраняя достоинство.

«Ну да, войны, катастрофы», — убедил себя Судских.

Щуриться надоело. Он пошире открыл глаза. Видения человеческих фигур исчезли, зато появился некто, идущий к нему.

«Наверное, здешний», — подумал Судских.

— И тамошний тоже, — ответил внятно пришедший, указав пальцем наверх. — Свыше.

Судских оглядел подошедшего. Конечно, это воображение дорисовало на плечах латы, панцирь на груди, на ногах поножи, на голове шлем и плащ-тунику, скелетную на правом плече значком. Судских пригляделся: в середине значка была славянская «веди», заостренная вверху и внизу.

«А если я его в эсэсовскую форму одену?» — прищурился Судских. В голове кольнуло осязательным электрическим разрядом. Однако подошедший не переоделся в воображаемый наряд. Почему?

— Потому что я воин Сущего, — кратко изрек он. — Иди за мной к архангелу Михаилу.

Судских будто разъявило:

— На пряхках немецких солдат было выбито: «С нами Бог», — с мягкой интонацией Штирлица — Тихонова пояснил Судских.

— Какой? — грубо спросил пришелец.

— Суший, думаю, один...

— Пошли, — прервал его воин Сущего.

«Почему он не объясняет ничего?» — размышлял Судских, топая за провожатым.

— Сам додумывай, — бросил из-за плеча посланец. — Мы — воины.

«Оно и верно, — покладисто согласился Судских. — Человек предполагает, а Бог располагает. Самый тупой эсэсман никогда не поверит, что Штирлиц — настоящий немец, какой уж там бригаден-фюрер. А нам сгодилось. Не верили, а умилялись, божка создали, русоволосого бестию... Настоящий воин под дурачка не работает».

Вроде бы усмехнулся из-за плеча провожатый. Короткая туника колыхалась перед глазами Судских в такт его размеренных шагов.

Постепенно мгла расступилась. Они вошли в пространство, где со всех сторон струился отчетливый голубоватый свет. В середине пространства восседал сам архангел Михаил. Судских никогда не видел изображения святого, он решил так.

— Иди ближе, — позвал архангел спокойным голосом Воливача, когда тот собирался откровенничать. Провожатый сделал несколько шагов через голубоватое свечение и исчез. — Садись...

Судских непроизвольно поклонился архангелу и сел. Ощутил кожаные подлокотники кресла в кабинете Воливача.

— Увиделись, — разглядывал Судских архангел. — Не хотел, а увиделись. Живой ты поинтереснее.

Судских видел перед собой необъяснимое лицо: то черты легендарного Фрунзе проступали, то фельдмаршала Кутузова, то доброе лицо погромщика тамбовских крестьян Тухачевского, то почившего давно генерал-фельдмаршала Голицына — Михайлов-воителей хватало, и Судских смущался оттого, что не мог признать архангела Михаила.

Выдержав паузу, архангел спросил:

— Не придумал?

Судских пожал плечами. Сидящего перед ним его прорисовки образа не мучили, интереса не обнаружилось на лице архангела.

«Но зачем-то он меня звал?»

— Для дела звал, — ответил на мысли Судских архангел Михаил. — Ведомо все наперед и могу сделать, как знаю. Только Сущий не велит ладить всех по образу Его и подобию. Вы ничтожны на пажитях Сущего и мелки помыслами в естестве своем и одинаковы потому, но ты отличный от других росток — вот ты и здесь. Ты знаешь о грядущем более многих. Это хорошо и опасно. Ты преуспел дальше Нострадамуса — это радует, но ты откровеннее Иоанна

Богослова, а это и есть опасность: как ты станешь распоряжаться знаниями о грядущем? Мы не боимся — время идет.

— Я об этом не задумывался, — ответил Судских, будто после встречи с архангелом ему предстояло выйти от Воливача, уехать к себе в Ясенево додумывать разговор. «Да я ведь между небом и землей!» — отчетливо осознал Судских.

— Вот именно, — кивнул архангел Михаил. — Ты пробуешь здесь ровно столько, сколько потребуется тебе решить: возвращаться в свой мир или не возвращаться вовсе.

«Конечно, возвращаться!» — воскликнул в уме Судских.

— Выберешь сам. Это не просто, как ты предполагаешь. Здесь у тебя не останется сомнений от неизвестности, от невозможности быть откровенным там ты огражден. Здесь ты можешь увидеть естество человеков, познаешь их мелочность, возведенную там в сверхъестественную степень мыслить за других. Ты можешь измениться и не захочешь возвращаться.

— Тогда я попаду в ад?

Архангел Михаил усмехнулся:

— Нет ни рая, ни ада. Есть места, отведенные каждому до следующего появления.

«Выходит, инкарнация возможна», — подумал Судских.

— Не для всех.

— По делам нашим?

— Это в пределах других измерений. Когда ты берешь кучу зерна для посева, ты не можешь выбрать лучшие, ты выбираешь приблизительно. Это и есть несовершенство мирское. Ты отбираешь зерно по виду его. Вам так удобно. И здесь вы пребываете в придуманном естестве. Один мучается, не имея возможности раскаяться, а грехи придуманы, другой не познает раскаяния, опять готов сражаться за глупую идею, которой нет. Какие райские кущи, какие муки ада? Ради чего росток стремится вверх? Отдать себя ради жизни нового, ради Сущего.

— Но если есть Сущий, архангел Михаил, дьявол...

— Не продолжай, — остановил Судских архангел Михаил. — Я плод твоего воображения, часть тебя самого. Поэтому

му я пред тобой. И запомни: ты мелок, пыль бытия, мешающий всеобщему движению, когда противишься, но мелкий муравей никогда не захочет стать человеком — ему привычнее свой придуманный мирок, а твой отвращает. Ты для него несусаица, злое божество. Злое, но божество. Ветер — божество, дождь — они злые, а солнце доброе.

— И все же, — начал Судских, но архангел Михаил жестом руки остановил:

— Не продолжай. Есть Суший. Весь мир естественного. Увидишь. Придумавший Бога невидимым хотел подчеркнуть свою недостижимость для остальных, грозным — свою воинственность, добрым — миролюбие. Ты сам каков? Каким считаешь, так и ответь.

— Н-не знаю, — ответил Судских правдиво. Его тяготила пустота восприятия. Рушились картины прочных фантазий.

— Таким и увидишь Сущего. И еще запомни: ты сейчас наедине со всеми, тебе нечего прятать свое эго и другие не спрячут его от тебя. Не всех, правда, отыщешь, но знать о них будешь все. Найди тех, кто изуродовал твою жизнь, узнай цели, которые сделали тебя очерствевшим. От этого зависит твое возвращение и твой мир, куда ты вернешься. Суший утомлен его несовершенством, Он ищет помощников, пестует их, а совершенства не наступает. Эх, люди, люди, неужели у вас нет других забот, насущных, зачем растрачивать жизнь на фантазии, неужели попы и муллы вам не объяснили, что на всех небесных площадях не хватает? Тут без вас теснота, столько вы всего нагородили! И что интересно, — заговорил архангел Михаил голосом всезнающего Гриши Лаптева, — чем умнее и совершеннее, стало быть, человек, тем дальше уходит он от церковных догматов; его в храм, так сказать, Божий, силком не заманишь; чем глупее создание Божье, тем крепче цепляется оно за Божьи вериги, тем ближе ему хочется стоять к таинствам. А нет их, понимаешь? Есть знания и незнание. Знания дают уверенность, а незнание порождает уверенную глупость. Чем уверенней ее утверждает глупец, тем больше сомневается человек думаю-

щий, а сомневаясь, теряют время для утверждения подлинного совершенства. Много вы там верили умствующим глупцам? Явлинскому? Гайдару? Хитрецу Черномырдину? А верили, теряя себя. Тут недавно побывал Илья Триф — знаешь такого, верно? — Судских рассеянно кивнул. — В нашей канцелярии он задолго до появления был распределен для инкарнации. Так он с первой минуты возопил о грехах своих, требовал немедленной отправки в ад, раскаялся, дескать, в содеянном, готов испытать все неземные муки. И что?

Судских ничего не спрашивал, лишь вопрошал глазами.

— Отправили.

— Так нет ада, — вспомнил Судских.

— Для таких придумывают. Теперь мучается и доволен. Дурак...

— Выходит, все придумано людьми?

— Правильно понимаешь, — ответил архангел Михаил, ту же обтягивая поножи. — И кого, ты думаешь, он встретил там? Сталина? Ельцина? Гитлера? — Не дождавшись ответа от Судских, архангел Михаил закончил возиться с боевой амуницией и выпрямился. — Нет. Подобных себе: Галилея, Менделеева, Пилата.

Судских нахмурился и почувствовал жжение в висках.

— А где же названные первыми?

— Адик переписывает начисто «Майн кампф» и ждет перевоплощения, Сталин злится на своих бывших соратников и при случае сгоняет их в нижние ярусы, его боятся по-прежнему, этим он жив. Бориска ваш глушит воображаемую водку и после каждого стакана твердит: «Нет, я прав». Они не раскаялись, им нечего бояться. Они не были мудрецами, но знали, чего хотят. Мерзавцы, конечно, и Суций знает это. Поступают жалобы, он решает их судьбы. Не торопится. Дерьмо необходимо для добрых урожаев.

— Это несправедливо, — с неожиданной твердостью сказал Судских. Он насупился, стало обидно за чужие судьбы обманутых.

— Докажи, — спокойно произнес архангел Михаил.

— Они виновны перед людьми. Они разрушители.

— Не более чем Галилей, разрушивший строгую догму. Или их вина в уничтожении себе подобных? А ты видел муравьев, разрушающих собственный муравейник? Не видел. Действия муравьев логичны и последовательны, поэтому их эволюция за миллионы лет не превратила их в обезьян или в людей и не затронула главного — своего дома. Эволюция — не революция, а человеки ничего до сих пор не придумали с пользой для дома своего, всюду сиюминутность, вред потомкам. И кому больше надо каяться — Сталину или академику Александрову? Игнатию Лойоле или Ноберту Винеру? Я подскажу тебе: за поступки отцов отвечают дети — такова воля Сущего. Выше наказания нет. Худой муравейник должен погибнуть.

— Это жестоко.

— Этого достаточно. Необдуманными действиями человеки могут разрушить Вселенную, а Сущий не допустит этого. Вы у себя богами слывете, а муравьям вы ни к чему. В любом муравейнике есть и законодатели, и строители, и воины, и разведчики съестного. Все вместе они делают общее дело, но без обмана, не ссылаются на божественное происхождение птиц, коров, людей. Они не хотят быть людьми — понятно? Лягушкам хорошо быть лягушками, хотя их давят ногами люди, коровам — коровами, хотя их люди доят и режут. Всем хорошо в своем естестве, только человекам тесно в собственной шкуре. Богов придумали, таинства... В космос летают! Мне пора, — резко сказал он и повернулся, чтобы уйти.

— Обожди! — остановил его Судских. — Но нам нельзя без веры в божественное! Мы создали Бога не только для обмана! Бог — это стремление к чистоте помыслов.

— А кто запрещает? — оглянулся архангел Михаил.

— Это мучительно сложно: одна вера, другая...

— Иван, не помнящий родства, — укоризненно сказал архангел Михаил. Судских обиделся:

— Я Игорь.

— Не велика разница. Ты вот ключ мой разыскивал. Подсобные нашел, а главного нет. Вот он, мой ключ, — торжественно произнес архангел и вытянул свой меч острием к Судских.

— Огнем и мечом... — пробормотал тот.

— Будь внимателен, не уподобляйся лжепророкам, — с нажимом сказал архангел. — Зри на острие.

Судских пригляделся, сощурившись, и ахнул: лезвие, если смотреть прямо, оказалось фигурным, удивительно напоминавшим букву, которая осталась в памяти.

— Уяснил? — вернул меч на пояс архангел Михаил. — Вставляю во врата и... А «огнем и мечом» придумали там, у вас. Буквица эта — напоминание славянам о местах, откуда они вышли. Разменялись на чужеверие и забыли о естестве. Для меня Аримана придумали со зла, теперь биться с ним надо...

Он сделал несколько шагов по воображаемым ступеням и исчез за голубоватым свечением.

У Судских сильнее заломило в висках, появилась тянущая боль в пояснице. Появление боли сопровождалось необъяснимой тревогой. То ли уход архангела был симптомами их, то ли его слова, только он естественно сопротивлялся осязаемой власти, которая пыталась вынуть его из этого блеклого пространства с болью и насилием, как дантист, тянущий зуб, тянущие его медленно, беспристрастно, не заботясь о причиняемых муках.

«Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества! Нет уж, — упирался Судских ладонями в невидимую опору. — Не выйдет! Я вам не подопытное животное! И муравьем быть не желаю! Тогда кем? — размышлял он, сопротивляясь боли. — Я вспомню все. Я обязан узнать все. Я здесь для этого».

Юрий Толмачев стянул марлевую повязку с лица.

— Ни хрена не получается! — выругался он, тыльной стороной ладони сбросив пот со лба. — Сил моих дамских больше нет! Ищите профессора Луцевича! Он начинал, пусть и заканчивает!

Человек пять присутствующих в реанимационном блоке потыкались туда-сюда, словно противовесы в инверсионной установке в момент обесточивания, и замерли в нелепых позах. Шеф разозлился крепко, мог уволить без выходного пособия, и куда потом? Дуб, всяк знает, а падающий дуб ударит больно.

— Под мониторы и до следующего случая, — распорядился Толмачев, все облегченно вздохнули. — Я не Бог...

Поспешность последних слов не уняла его нервозности. Да, симптомы указывали на готовность пациента выйти из состояния комы, необходимая подготовка проведена строго по предписаниям ведущего специалиста профессора Луцевича; однако мониторы, понервничав резкими пиками и пиканием, успокоились, и опять, подобно размеренным каплям, капала жизнь в невидимый сосуд.

— Ну не хочет он, не хочет! — запоздало оправдывался Толмачев: полгода комы могли сегодня закончиться возвращением пациента с того света, и вот...

Занять этот пост Толмачеву помогли вовсе не знания и слава искусного врача, а житейские обстоятельства. Одних нет, а те далече... Когда он прозябал рядовым хирургом в Центре эндохирургии и литотрипсии, куда попал с вульгарным аппендицитом грозный Воливач. Операцию доверили восходящему светилу Альке Луцевичу, зато реабилитацию проводили под присмотром Толмачева. Тут уж Толмачев случая не упустил: гнулся и ломался, как в песне: «до сама ватына». Впрочем, он так и не знал, что такое «ватына» — хохлацкие, видать, прибамбасы, но Воливач послушных любил. В смутные времена светила умотали за бугор, исчезли с

горизонта, а Толмачеву даже на билет в тот конец не хватало, он остался и дождался своей звезды — Воливач распорядился с его назначением: в президентском центре реанимационный блок считался классом люкс.

Но что сказать Воливачу, ожидающему результатов? Пациент не желает выходить из комы? Слабая заживляемость после операции? Отговорки. Перед собой Толмачев отчитывался кратко: грамотешки не хватает. Чего-то не учел, не просчитал ситуацию, не держал Бога за бороду, как умел это Луцевич. Да, он завидовал его таланту: и хирург экстра, и мужик люстра. Но жить-то — жить! — всем хочется.

«Что-нибудь придумаем», — вздохнул Толмачев, присаживаясь к столу. Как всегда, ему приходилось выходить из положения.

— Юрий Аркадьевич, — обратился он к одному из хирургов, — передайте Виктору Вилоровичу: еще ничего не потеряно. Случай оказался сложным. Оснастите медицинскими терминами...

— Вы уж сами, Юрий Семенович, — ответил тот. — Вам проще, вы главврач, а я не особо хочу выслушивать матюки по поводу нахлебников на шее народа. Про анкетно-паркетных специалистов.

Пришлось Толмачеву отправиться в свой кабинет и звонить своему благодетелю, выросшему до главы государства.

Войдя, он присел в кресло, включил телевизор, обдумывая нужные слова о единственном пациенте, ради которого создали этот блок, о генерале Судских. Ничего на ум не шло.

Заканчивались последние известия. Из уха в ухо не вылетело одно сообщение: изнасиловали и избили молодую женщину.

«А с чего начинать? — размышлял он. — В лоб не дашь, грусов не снимешь. Интересное дело: оно под тобой чмыхает разбитым носом. Это не секс. А если полюбовно, тогда зачем морду бить? Ну и мыслишки!» — спохватился он, берясь за телефонную трубку.

Случилось странное. Воливач не орал, не обзывал нахлебниками. Выслушал, не перебивая, весь монолог с каскадом терминологии, спросил: не надо ли чего лично для блока реанимации? Не готовый к милостям, Толмачев стушевался, поблагодарил Воливача за помощь и сочувствие: пока имеется все и в лучшем виде, а Судских...

— Еще не время, — благодушно позволил Воливач. — Жив, и слава Богу. За состоянием здоровья следите внимательно.

Судских занимал много места в мыслях одного из глав Совета Безопасности, но сейчас голова болела о другом. Судских подает признаки жизни — это хорошо, какое-то светлое пятнышко в крошечной российской неразберихе. И где-то в ней растворился Мастачный. Ситуация изменилась: нынче партизанить пришлось ему. Далеко не сбежал — это плохо. Отсиживается на Украине, и чутье подсказывает Воливачу: есть у него интерес в России, есть... Трусит, но хочет чего-то и не решается. Правопорядком в стране верховодит Гречаный и делает это грамотно, а Мастачный казачков Гречаного дюже побаивается. Выполз бы, поймать, мозолит крепко.

Зато в державе уважают казаков. Не боялись, как стихийного бедствия или архаровцев Мастачного, а уважали. Как электричество. С молодых ногтей всосавши правило обеих рук: пальчиков в розетки не совать — бо-бо... Люди Гречаного отслеживали Мастачного, вили петли тут и там — в одну из них он рано или поздно попадет, тогда найдется о чем поговорить. Много знает Мастачный.

Осторожная политика с Мастачным диктовалась вовсе не хитроумными планами поимки преступника: вместе с ним исчезли Марья и Гриша Лаптев — исчезли причастные к дискетам Судских, а возврат их — это что-то для страны, поднимающейся с четверенек. При всем при том, что богатые соседи не спешили помочь России занять достойное положение.

Воливач занимал апартаменты прежнего хозяина страны. Он вернулся в народ, откуда вышел. Основные зачинщики

путча были преданы суду и казнены по приговору Чрезвычайного трибунала, президент такой участи избежал. Посягнуть на жизнь избранника народа никто не решился. И зачем? — рассудил мудро третий глава Совета Безопасности Гуртовой. — Это не самодержец Николашка, не Борька-алкоголик, возомнивший себя царем. Прямо с Лобного места его отпустили восвояси, снабдив документами на право бесплатного проезда по стране, кроме такси, бесплатного питания и лечения. Но без права выезда за рубеж. Простенько и с умыслом. Родичи экс-президента смылись загодя, и осиротевшую знаменитость с удовольствием угощали во всех пивных. Сохраняя былое величие, он не чурался подношений и цирроз печени воспринял как атрибут власти сильных мира сего. Пустозвона Мишку Меченого в народе не любили, а экс-президент рассказывал за кружкой пива холодящие кровь штучки про коммуняк и иже с ними. Верен был расчет Гуртового, иезуитский. Самоубийственный.

А ведь как жарко спорили недавно о судьбе путчистов! Всех без исключения коммуняк — на плаху! К ответу! К стенке! Пол-России? И Воливач, и Гречаный входили в эту половину, и оба настаивали на крутых мерах. Беспартийный Гуртовой воспротивился: «Страшен черт, когда его малюют». «Заново простить? Заразу не вытравить? — Наливались кровью глаза Воливача. — Хватит с нас прохвостов!» «Угломонись, Виктор Вилорович, — остужал Гуртовой. — Твое отчество на слуху, отчество и тебя не забудет позже. Все мы родом из народа, Сталин — наш отец».

Окончательное решение отложили, приняв временное «О роспуске всех партий в переходный момент». В России временное прочно.

Воливач усмехнулся тогдашней шутке Гречаного: «И водить нам, трем Моисеям, сограждан по пустыне лет сорок». Гуртовой тогда не улыбнулся: из моисеев был только он. Раскрылось. Старался не выделяться. Вообще старался.

Относительная стабильность в России напоминала затишье перед новой бурей. Внутренние проблемы не рассоса-

лись сами по себе: безработица, бескормица, безвременье. На займы из-за границы не надеялись. Давали плохо и кочевряжились. Требовали оплаты старых долгов, лезли с советами. Перебивались на поставках нефти, газа, ископаемых. Ничто не ново. Опять население жило на голодном пайке, на пособия и карточки. Пытались привлечь капитал новых русских, обещали три года на безналоговое развитие. Посулам никто не поверил. Пробовали выпустить госзайм — вспомнили обманщика Никиту Хрущева. Назначить новую приватизацию — попрекали прохвостом Чубайсом. А если продать землю населению? Напомнили о татаро-монгольском иге. Более всех возмущалась патриархия. Тогда Гуртовой предложил опубликовать подлинные данные о приватизации во времена второго пришествия Антихриста. Оказалось, Церковь владеет двумя третями пахотных и ухоженных земель. Сюда же относились наделы частников, то бишь паствы. Сельсоветам принадлежали участки только вокруг самих контор. Невымершие колхозы и совхозы всего лишь арендовали землю у государства. Данные публиковать не стали. По статистике выходило: яичко ко Христову дню произвело динозавра.

«Любая власть с семнадцатого года, — намекнула газета «Коммерсантъ», оставляет пришедшей на смену клубок проблем. На сей раз мы имеем не сам клубок, а хвостик его, за который даже не ухватиться».

Гуртовой предложил узлов не распутывать, клубок не разматывать, а оставить все как есть. Как будто ничего не произошло. В частности, декрет Совета Безопасности гласил: «Любая семья, из расчета один человек плюс один, имеет право получить по желанию земельный надел в любом месте страны, кроме территорий населенных пунктов, безвозмездно и любой площади, если семья в состоянии обработать этот надел. На каждого несовершеннолетнего и каждого новорожденного надел удваивается, независимо от возможности обработать его». Россия зашевелилась, прорезалось что-то путное вместо голых обещаний. Зашевелилось и новое рус-

ское зарубежье. Многомудрый «Коммерсантъ» откликнулся карикатурой: идет Гуртовой, ведет за руку младенчика, а малый в руке веревочку держит, к ней привязана не то овечка, не то черепашка, маленькая такая головка торчит с надписью: «См. стр. 2». Всю эту страницу занимал динозавр, с головой на первой странице.

Земля действительно отдавалась бесплатно, а оформление и сертификат обходились владельцу в триста условных единиц, то бишь баксов. Выдавалась безвозвратная ссуда — за оформление еще триста баксов. К ней можно было оформить кредит. Еще триста с процентами на покупку сельхозтехники. Правительство Гуртового проявило выдумку, население тоже. Заняв денег или покопавшись в чулке, выкупали сертификат, а безвозвратной ссудой рассчитывались с долгами. Объединившись с соседями, покупали трактора и строительные материалы. Холостяки срочно женились и заводили спешно потомство, хотя услуги загсов прилично выросли в цене. Зато выдавалась ссуда на новорожденных. Занимали денег — рожали — рассчитывались ссудой. Патриархия — ни гу-гу. «Коммерсантъ» откликнулся карикатурой: динозавр в позе роденовского «Мыслителя».

Ко второй весне новой власти намечались президентские выборы и товарный овощ на рынках. Казаки Гречаного на всех рынках устроили коновязи. «Коммерсантъ» — карикатуру: коновязь с надписью: «Только для лиц лошадиной масти». Заметно поубавилось кавказцев, русские тетki зычно зазывали вкусить тамбовской капусты и нежинских огурчиков. Мясо завелось недорогое... Народ зауважал Гуртового. Его понимали. Юмористов поубавилось. Фоме Сосуманскому кричали «але» в далекий Израиль. Зато день-деньской можно было слушать прямые включения с заседаний кабинета министров. Так себе, маловато юмора. Жалели о разогнанной Думе — вот где были именины души! А министры... То ли поумнели, то ли жалели их за отмену льгот, пайков и спецтранспорта. Русский человек жалостлив. А что больше

всего надобно русскому? Правильно — уважение. Политика — область туманного, простому смертному трудно познать ходы-выходы, он хмелеет от секансов-консенсусов, его интересует одно: ты меня уважаешь? Гуртовой уважал. Массы уважали Гуртового за уважение к ним. Как бы своя власть. Одним словом, страной руководила директория накануне прихода Наполеона. Триумвират: Воливач, Гречаный, Гуртовой. Они ладили. Пока.

Воливача заботило здоровье Гуртового. Без постоянных инъекций он шагу не мог ступить. Каждый справлялся со своим кругом обязанностей; случись непредвиденное — круг Гуртового нести некому. Чего стоило подобрать чиновников на ведущие посты! Вороватый госаппарат дал знатную поросль — дебилов и бездарей. На ком уж там женились детки партийцев, только осеменение шло в основном внутри самой популяции, а та вырождалась сама по себе. В девяностые годы родители понакупали детишкам дипломы престижных академий, устраивали чад в министерства и банки, откуда их позже гнали в шею по причине полной умственной несостоятельности. Где же брать умных чиновников? С улицы нельзя... Пробовали принимать в госаппарат на конкурсной основе, изобрели тесты — безрезультатно. Детишки ничего не ведали, ни во что не верили. Хотя все с модными крестиками на шее. Церковь заняла выжидательную позицию. Не пристало ей после скандальных разоблачений последних лет наставлять кого-то на путь истинный. Да и какой прок от такого помощника, который талдычит какую-то глупость о терпении, о сыне Божьем и непорочном зачатии? Вот заниматься зачатием и водку пить детишки освоили хорошо, взрослым сто очков вперед давали, а работали как дети. Гуртовой плюнул на все тесты и дипломы, распорядился брать на службу беспородных, возродив традицию Петра Первого. Зачисленным в штат платили минимальную зарплату. Показывали себя — набавляли. Пошло дело. Столица потешалась над Вовкой Цигилеевым, который пятнадцати лет от роду возглавил

департамент образования и разогнал напрочь заматеревших от глупости специалистов. В свои пятнадцать он щелкал интегралы как орешки, говорил на трех языках и с тупыми сговориться не мог. Гуртовой раскошелился, а Вова Цигилеев ввел в средних школах компьютерные системы обучения. Забастовали родители. Тогда Совет Безопасности принял указ: родители неуспевающих детей лишались части заработка. Быть грамотным стало престижно. Стонущая от принуждений Россия села за парты. И стар и млад. Времена Ленки Брежнева называли святыми. Подростки забросили секс, денег на презервативы не хватало, а просто так поумневшие девочки давать не хотели, а если уж давали, то круглым отличникам, а какой из отличника трахальщик? Молодец Вова!

Вова молодец, а Гуртовой чах на глазах. Все чаще он брал тайм-аут, отлеживался, все реже он появлялся на заседаниях Совета Безопасности. Остро не хватало Судских.

Внутренние проблемы с грехом пополам утрясались, организм державы кое-как справлялся с аритмией, как всегда, за счет диеты и наработанной веками способности к выживанию при любых царях и временщиках; язвы на теле переставали саднить, но сами по себе они не могли пройти, и дышать, как перед бурей, стало труднее: не хватало дыхалки, ее умно перекрывали доброжелатели. Бедный русский плох: дел натворить может, богатый — тем более.

«Не любит нас Европа и никогда не полюбит, — раздумывал Воливач. — Но хвост этой сучке прижать стоит».

Вошедший помощник доложил о прибытии Гречаного. Воливач кивнул и посмотрел на часы: без пяти двенадцать. На полдень назначена встреча с верховным комиссаром НАТО. Сегодня встреча без Гуртового. Отлеживался.

— Не грустишь? — спросил, входя, Гречаный. В штатском костюме он напоминал преуспевающего дядю из Америки. Пожали руки.

— А чего грустить? Как будут качать права, знаем, как ответить — научены, — ответил Воливач.

— Тускловато без Леонида, — напомнил Гречаный. — Как он?

— Плох. До весны не дотянет. Плохо, Сема, стало выживать евреям на Руси, — ответил он без сарказма.

— И чего мы такие невезучие, — поддакнул Гречаный его тону. — Только дракона с тремя головами сварганили, одна не прижилась. Отдраконилась. Судских не хватает.

Сообщили о готовности к встрече.

Прошли в зал президентского Совета. Синхронно через дверь напротив впустили сановного визитера с сопровождающими лицами. Вспышки блицев, улыбки, обмен любезностями. Камней за пазухами вспышки не высветили. Тогда фотобратию выставили из зала и сели за стол переговоров. Прямо с камнями, чего там...

— Начинай ты, — из-под руки шепнул Гречаному Воливач. Раньше подобную миссию выполнял Гуртовой, умевший под видом любезности выговаривать гадости в ответ на подобные с той стороны стола. Сам Воливач высказываться не любил и не умел, а Гуртовой для иностранных гостей считался «намбер ван», и верховный комиссар не мог скрыть своего недоумения по поводу отсутствия Гуртового: с ним договариваться было проще. Только у Воливача и Гречаного всегда оставался осадок после таких переговоров. Ничего Гуртовой не уступал, никому не проигрывал в разногласиях, но выглядело это как-то раздражающе: вроде гнали гостя, не покормивши. Отпугивали.

Гречаный в отсутствие Гуртового сменил тактику:

— К нашему общему сожалению, господин Гуртовой нездоров. Однако это не помешает нашим переговорам быть плодотворными.

«Ладно излагает», — успокоился Воливач. Он любил оставаться на вторых ролях, ощущая притом все нити в руках собственных.

Верховный комиссар, адмирал флота США Горт недолго прикидывал, что сулит отсутствие премьер-министра. Три во-яки вместе — откровенная драчка, пусть и словесная. Рус-

ские генералы неуступчивы, к тому же один из них представляет пугающее всех казачество, которое возродилось в России напористо.

— Господа, — обратился Горт к обоим представителям триумvirата, — отсутствие господина Гуртового меня опечалило и озадачило одновременно. Есть вещи, которые лучше обсуждать в его присутствии.

— Какие, например? — спросил Гречаный.

— Месяц назад представители НАТО обговорили с ним условия и сроки компенсации за урон, нанесенный падением ракеты «Свирель».

Был такой случай. Опытный образец ракеты «Свирель» запускали с Тавдинского испытательного полигона в сторону острова Виктория в Баренцевом море. Уточнили координаты места падения, хотя находилось оно в пределах границ России и несудоходном районе. Любителей поглазеть набегало много. В пределах допустимых границ, разумеется. В назначенный срок, пролетев тысячу миль, ракета засеклась корабельными радаром. Нашими и не нашими. Корабль НАТО, ракетный крейсер «Пензанс», по чистой случайности отдрейфовал ближе к месту падения, а «Свирель» по чистой случайности разворотила носовую часть «Пензанса». Крейсер притоп на мелководье. Обмен нотами, угрозы, газетная шумиха про агрессивных русских, в конце концов Россию принудили платить компенсацию. За нанесенный ущерб. Основная причина: ракета средней дальности и сопутствующих параметров не может причинить такой ущерб. Вышло, может. Это и сделало руководство НАТО нервным. Взыскивать три миллиона долларов взялся сам адмирал Горт. С вояками без Гуртового дело усложнялось. Сам такой.

Неожиданно Гречаный обнадежил его:

— Мы и без господина Гуртового разберемся.

— Когда же начнется погашение долга? Вчера истек срок, а господин Гуртовой лично заверил меня оплатить ущерб вовремя, — настаивал Горт. — Мне пришлось лично приехать.

Премьер-министр упустил в договоре важное место: «Если российская сторона не докажет принадлежность ракеты «Свирель» к классу ракет средней дальности, она обязана...» и так далее. Мы готовы прямо сейчас доказать это.

— Проволочки! — чувствовал себя уверенно Горт. — Это вам не поможет. Штрафные санкции оговорены.

— Ошибаетесь, — вежливо увещевал Гречаный. — Мы готовы.

— И я готов! — весело отвечал Горт. — Мой персонал отлично разбирается с любым вооружением. Ни удивить меня, ни запугать русские не смогут. Нечем!

Воливач скептически хмыкнул и подал знак рукой. В зал внесли иглу метров трех длины и диаметром не более стандартной кофейной кружки с причудливо завитым хвостовым оперением.

— Это невозможно, — сохранял уверенность адмирал. — Я видел киноленту в замедленном показе. Ракета раза в три больше: заряд, топливо, система избирательного наведения.

— Это по другой причине, — ухмыльнулся Гречаный. — У страха глаза велики. Мы готовы повторить запуск в присутствии ваших специалистов. Господину адмиралу всего лишь надо выбрать точку наблюдения. Хотите у старта? Или у финиша?

— Предпочту старт, — сухо иронизировал Горт. Ракета была та самая, стоявшая «Пензансу» любопытного носа. Адмирал надеялся, что русские не рискнут показывать засекреченное оружие.

Оговорили сроки новых испытаний, уговорили Горта подписать соглашение незамедлительно, без перерыва перешли к следующему вопросу, пока адмирал внутренне оплакал уплывшие миллионы.

— Правительства стран, входящих в НАТО, обеспокоены строительством бомбоубежищ и бункеров в России, — скрипуче излагал Горт. — Это заставляет нас повысить боеготовность. — Он поднял руку, и помощник за спиной адмирала

вложил в нее папку. — Господа, мы не хотим ссориться, но обстоятельства вынуждают. Полюбуйтесь.

Перед Воливачом и Гречаным развернули карту подземных коммуникаций по России. Москва и Петроград значились отдельно. Оба переглянулись. Сверились по памяти. Сходилось в точности.

— Отсутствует только последний этап трассы, по которой драпала Борькина семейка с прихлебаями, — сквозь зубы молвил Воливач Гречаному и погромче: — Если раньше на карте России можно было смело писать: «воруют», теперь добавить: «и шпионят».

— Да, все в точности, — подтвердил Горт. — Гречаный.

— И вы не станете утверждать, что здесь выращивают шампиньоны, господа?

— Не станем, — подтвердили оба.

— Как прикажете поступить нам? — подбоченился адмирал.

— Обследовать коммуникации не прикажем, — тянул время Гречаный. Был повод.

— Один — один? — поинтересовался Горт.

— Два — ноль, однако, — вмешался Воливач. — Карта изготовлена в июле, а еще в мае НАТО приступило к развертыванию систем первого и второго удара вдоль морских и сухопутных границ России. В Польшу завезены ядерные боеголовки, в Эстонию, Чехию. Это не соответствует статьям Договора безопасности. Или у НАТО была более ранняя осведомленность?

— Была, — безапелляционно ответил Горт.

— Тогда три — ноль, — в тон ему ответил Воливач. — По нашим сведениям, НАТО куда спешней надо строить бомбоубежища, чем готовиться к превентивному удару по России.

— Это прямая угроза! — хлопнул ладонью по столу Горт. — Мы сворачиваем переговоры!

— Не спешите, господин адмирал, — остановил его Гречаный. — Успокойтесь. Господин Воливач начал со слов: «По нашим сведениям...» Это охладит вас?

— Я бы хотел уточнить сведения, — взял себя в руки Горт. — Ваши многочисленные гадалки и прорицатели поставляют их? Космическая помощь от инопланетян?

— Вы почти у цели, — сказал Гречаный, и Горт со смехом хлопнул в ладоши. — Однако терпение, господин адмирал. Во-первых, увеличением легиона магов и гадалок мы трудоустроили бывших райкомовских проституток и шарлатанов из госаппарата. Вероятно, вы знаете, штаты чиновников сократились на четыре пятых. Только по Москве остались безработными около пятисот тысяч человек. Будьте сострадательны к участи вчерашних лоботрясов, господин адмирал. Во-вторых, после землетрясения в Японии и последнего в Сан-Франциско в России разработана уникальная система счисления глобальных катастроф. Мы заранее предупредили вас о трагедии в Турции, вы не поверили, продолжая политику запугивания и шантажа. Именно эта система вынудила нас строить подземные убежища и коммуникации...

— Я не верю, — прервал Горт. — Вы блефуете. Обнароуйте данные. Это будет и гуманно и снимет подозрения. И насколько известно, генерал Судских работы не закончил.

— Мы не хотим ошибиться, — вставил Воливач. — Иначе нас обвинят в запугивании. Вы не хотите верить России по другим соображениям, вас устраивает наша изоляция. Чего вы добьетесь? Россия много раз доказывала всему миру способность выходить из самых сложных положений самостоятельно.

— Что вы предлагаете? — начал сдаваться Горт.

— Сворачивайте войска и системы превентивного удара, мы публикуем данные сейсмических исследований.

— Никто на это не пойдет! — резко ответил адмирал.

— Мы тоже, — кивнул Воливач. — Запугивать нас бесполезно. Начинать нам не с руки, но ответим достойно.

— Мы не собираемся нападать на Россию, мы только хотим не допустить конфликта, — диктовал Горт. — А вы совершенно недвусмысленно продемонстрировали сверхмощную ракету наступательного характера в хрущевском духе.

— Никак нет, — возразил Гречаный. — Мы недвусмысленно дали понять, что нас на колени не поставит, лучше дружить.

— Что же было в-третьих? — сменил тему Горт. — Русские готовы остаться без штанов, но с бомбой. Китайская стратегия, — вполголоса обронил он заместителю справа и поднял голову.

— Четыре — ноль, — ответил Гречаный.

— Как это? — не понял Горт.

— Молча, — отвечал Воливач. — Мы надеемся, что страны НАТО не станут препятствовать России самостоятельно разрешить кризисную ситуацию внутри страны. Хотя бы не мешать, — подчеркнул он.

— И все же, почему вы записали себе четвертое очко? — осведомился генерал. Он явно был недоволен ходом переговоров.

— Оставим на будущее, — учтиво ответил Гречаный по-английски.

— Не стоит, — веско заметил Горт. — Меня в таких делах устраивает гамбургский счет, если вам выгодно видеть меня в посредниках.

— Хочется верить, — поклонился ему Гречаный, сделал поклон и Воливач. Оба переглянулись.

— Господин адмирал, — начал Воливач и остановился.

— Давай, — подбодрил Гречаный.

— Мы установили контакт с Зоной.

— Реально? — свел брови к переносице Горт. — Ваши люди побывали там?

— Нет. Им сбросили приемопередатчик и передали сообщение о делах в стране. Через неделю они откликнулись.

— Погрешности связи? — уточнил Горт.

— Видимо, они решали, стоит ли иметь дело с новыми властями.

— А каков ответ?

— Несколько позже мы опубликуем его, — уклонился от прямого ответа Воливач. — Обязательно. Главное, ни они к нам, ни мы к ним пока попасть не можем.

— Это потрясающая новость, — оценил информацию Горт. — Я могу поделиться ею?

— Конечно.

— А представляете, какой переполох начнется? Сначала люди боялись неизвестности об этой «черной дыре», теперь контактов.

Время от времени все газеты, радио и телевидение муссировали тему «черной дыры», Армагеддона-2. Демонстрировались даже фото, сделанные из космоса. Это были те самые фотографии, которые некогда президент показывал Судских. Как они попали на Запад и в Штаты, никто не знал, скорее всего их выкрала президентская дочка и выгодно пристроила, сбежав из страны. Мир узнал о событии экстраординарном. Россию обвинили в искусственном культивировании заразы, требовали доступа к очагу. Смешанной комиссии разрешили побывать в Зоне, предупредив заранее, что это очень и очень небезопасно. Пять человек в специальных для такого случая скафандрах погибли на подходе к Зоне, так ничего и не сообщив. Связь с ними оборвалась, едва они минули чистый кордон. И вот сейчас обитатели Армагеддона-2 смилостивились, пошли на контакт в будущем.

— Не думаем, что начнется переполох, — ответил Гречаный, — не с чего пока.

— Очень надеюсь, — добавил Воливач, — что страны НАТО наладят с нами в конце концов добрые отношения.

— Да, но долги России, долги прежних правительств, вы должны оплатить их, — забеспокоился Горт.

— Не отказываемся, — уверил Гречаный, — всего лишь просим отсрочки. Проценты по кредитам выплачиваем практически регулярно. И к чему вам, адмиралу, брать на себя такую ношу? — с дружелюбной улыбкой спросил Воливач.

— Вы правы, — согласился адмирал. — Но это первопричина недоверия к вам. Вы разорвали выгодные контракты, вам отказали в новых кредитах.

— Нам их навязывали, пытаюсь загнать в угол, — уточнил Гречаный спокойно. — И наше решение непреклонно: больше в Россию ни один контейнер с ядерными отходами не попадет.

— Пока не попадет, — дополнил его Воливач.

— Что стоит за этим уточнением? — заинтересовался Горт.

Этот вопрос — радиоактивные отходы, которых изрядно скопилось в тесной Европе, — выпрямлялся в гвоздь и его вбивали в гроб с любыми соглашениями: не возьмете отходы — не дадим денег. Со времен окончания путча Россия непреклонно отвечала нет. Теперь вот верховный комиссар НАТО зондировал почву.

— А вот что, — открывался Воливач, — в не столь отдаленном будущем мы согласимся принимать отходы на переработку.

— На конкурсной основе, — подчеркнул Гречаный. — А кто будет сегодня ставить нам палки в колеса, тот рискует не выиграть его.

— Так... — обдумывал новость адмирал. — Это как-то связано с Зоной? Откройте карты.

— Вполне возможно, — не спешил Воливач.

Верховный комиссар облегченно вздохнул. Он мог считать свое подвижничество результативным. И не так уж это не дело военных. Бизнес делается в любых одеждах. Однако надевать хитон миротворца ему незачем. Бедный русский, богатый русский — одинаково неинтересно. Как говорит его переводчик: хрен редьки не слаще. Политику НАТО к России на сегодня менять нет смысла.

Выехав на собственном лимузине из Кремля, он сказал своему секретарю:

— Джордж, пора потревожить Папу. Не нравится мне все это.

— Что именно, сэр? — уточнил секретарь.

— Русские готовят какую-то бяку. На переговорах они не выглядели ущемленными и уязвленными. А эта «Свирель»? Представляете, Джордж? Оставшись без дальней бомбарди-

ровочной авиации, без шахтных ракет, они обзавелись жупелом похлеще: карманные атомные бомбы! А что еще у них за пазухой?

— Да, сэр! — подхватил секретарь. — Это очень и очень настораживает!

— В России пока есть одна действующая оппозиция нынешнему Кремлю. Вы понимаете меня?

— Охотно, сэр!

— Великий Бисмарк побаивался воевать с Россией, хотя вояка был неустрашимый. Христа подготовили для тихой войны задолго до него, зато Маркса и Ульянова благословил лично он. Так и надо действовать. Лоб в лоб нам не выиграть драчки.

— Извините, сэр, но Бисмарк с Ульяновым не встречался.

— Какая разница? Для Германии Бисмарк один, для России Ульяновых не меряно, паршивые овечки всегда найдутся. Мне, Джордж, вся эта возня вокруг прихода мессии не по душе, русской Церкви особенно. Новая власть в данной ситуации может дать дорогу старой русской религии — ведической. Зачем этой стране мессия? — указал он в окно, где перебегал улицу человек прямо под носом лимузина: — Нечесаный, невытый, тупой.

— Да, сэр! — охотно согласился секретарь.

Человек действительно был не брит и не причесан. Перебежав улицу, с тротуара он показал язык сидящим в лимузине.

1 — 3

Призрак этот появился неожиданно среди мги. Он стоял и ожидал, когда Судских приблизится. Одетый в хитон до пят, он мало походил на того, чей образ знаком каждому сызмальства.

«Но я хотел увидеть Иисуса Христа», — недоумевал Судских.

— Вы Иисус Христос?

— Не похож? — вопросом на вопрос ответил человек.

Судских сразу не решился отвечать утвердительно и еще раз исследовал его лицо. Частые крупные оспины среди волосьев жесткой бороденки, глаза навывкате, кривые крупные зубы, безобразие довершал скособоченный крупный нос. Весь он был какой-то линиялый, местами рыжий, местами пегий. При ближайшем рассмотрении он походил на брата Чубайса Игоря: великий прохиндей был рыжим на все сто — внешне и внутренне, братец в масть не пошел... Судских припомнил: точно такое описание давал Илья Триф в «Мифе о Христе» — плутовство пополам с уродством и печалью.

— Не похож, — наконец решился он на утверждение.

— Ясно. Кто в такого верить будет? — с тоской хмыкнул тот. — Сказочку красивой делают, я не подходил. Нос мне сломали, когда я проповедовал в Галилее, зубы выбили в Капернауме, ногу повредили соплеменники в Самарии. Меня часто били. Так и забили.

— За что же вас? За проповеди?

— Нет. Остался я без пропитания и украл лепешку.

— И били за воровство?

— Били за проповеди. Не принимали меня иудеи как проповедника: не от Хама род мой, не от Сима, близких по родству иудеям, я от Иафета, сына ноева, от него славяне пошли. Потому о нем иудеи умалчивают. Когда я отлеживался после Самарии, вместо меня появился предприимчивый иудей из Назарета. За проповеди и врачевание мне деньги давали, пищу — это поначалу. Я говорил людям не о царе израильском, потомке Давида, — о Сущем я говорил! — о вере, искони православной, идущей от прародителя Ория, а назаретянин смекнул, как ручонки погреть, и стал себя за Иисуса выдавать, а проповедовал в пользу иудеев. Ведь я это исцелял прокаженных и увечных, я накормил голодных семью рыбами. Гипноз называется. Стали меня бить по его наущению.

— Кого же тогда распяли на кресте?

— Никого. Подстроено это. Пилат испугался. Поддержали назаретянина на кресте, вервием привязанного, а гвоздочки фальшивые были, а когда луна спряталась, сняли его. Пилат

наказал ему строго-настрого из Иудеи убираться. Он исчез ненадолго, а потом объявился, за старое взялся. Ночью его римляне схватили, побили и утопили в море. Отец Небесный больше за него не вступился, чтоб знал, каково мессией работать. Сам понимаешь, дело сделалось нужное, неловко пересиначивать.

— Тогда почему Всевышний дал дорогу не религии Ория, а христианству?

— Не ко времени затеял я проповеди, не о том они были: с Востока надвигались исчадия дьявола, и Сущий стоял перед выбором: или христианским мечом вооружить живущих, или арийским щитом. Меч — он повнушительнее щита для того времени был. Со временем он затупится, тогда можно арийскую религию возвращать. Люди поумнеют и воевать не с кем будет, выжить бы оставшимся, — пояснил он и замолк, потирая искаленную ногу.

— Скажите, вы действительно были сыном Божиим? — решил спросить Судских.

— Присядем вначале, — потянул его за рукав Человек, и словно токомхватило Судских. — Чувствуешь, да?

Судских кивнул. Они сели.

— Браки. Ты умный, Судских, Илюшка все правильно описал: как можно из ничего сотворить нечто? Зевс, тот любил это дело, всех подряд трахал, не брезговал Рама этим с девочками баловаться в юности, а Единый — н-е-с-т. Не Божье эго дело — с бабами водиться, хлопот без них хватает. Я нормальный, девять месяцев ношенный, от плотника и порядочной женщины, и не еврей я! В давние времена евреи изгнали нас из отчих мест; подаваться к родичам, которые изначально с Иафетом ушли, поздно и далеко, и другие там условия и язык. А так нормальный я, но искусство врачевания от матери перенял, древнюю религию — от отца.

— Выходит, Сущий не завещал им эту землю?

— Нет, милейший, как раз отдал, это чистая правда. И ковчег Завета истинный, и скрижали истинные. Только не в

том месте и не в то время. Он Ною завещал землю, где ковчег пристанет, а высадился Ной с сыновьями у горы Арарат.

— В Армении?

— Какая там Армения! В Африке это! Там и жили поначалу. После смерти Ноя и изгнания Иафета хамовы потомки перебрались в Междуречье, а симовы остались из-за лени. От голода пухли, а двигаться не хотели. Потом сын исааков Иосиф перетащил всю семейку в Египет, где евреи быстро заняли все хлебные места и помыкали египтянами, коренным населением. А кому это нравится? Вот они и устроили им красивую жизнь с ежедневным мордобоем да сисястых евреек портили. А это кому нравится? Стали евреи просить фараона отпустить их на все четыре стороны. А он им: нет, ребята, сначала поработайте, рассчитайтесь за свои пакости. А где ты видел еврея-трудягу? Строить не любят, пристраиваться — пожалуйста. Решили бежать. Моисей присоветовал им наворовать у своих хозяев золотых и серебряных вещей. Господь, видишь ли, ему присоветовал. Это ж надо такое! Отца Небесного наводчиком сделали! Простил их Сущий по бедности и помог уйти. Думал, они в одну сторону пойдут, а они в другую, где дома построены, все растет, тепло и мухи не кусают. И работать не надо! Тогда у Сущего с Моисеем вышел неприятный разговор. В общем, повелел он поводырю слепцов этих хитроватых: «Ты эту кашу заварил, ты и расхлебывай! А за то, что меня подставил, будет твой народ вечно гонимым». Взмолился Моисей: «Не обижай нас, Папаша небесный, отмолю и другим накажу, я лично от тебя подозрения отведу». Сущий поверил. Смотри, говорит, если обманешь, по полной мере всем всыплю. Придумал Моисей трюк со скрижалями и Пятикнижие написал. Видел бы ты, как гневался Отче. Ох и гневался, сказывают. И водил он евреев по пустыне сорок лет, а не Моисей, чтоб прочувствовали, каково скитаться обездоленным. Думаешь, помогло? Не фига, всюду выкрутятся. Но мстил им кознями Сущий за искажение слов Ория, в плен отдавал то одним, то другим. А уж когда римляне взяли их в оборот, решили евреи новую

религию сладить, умаслить Сущего, а предисловием взяли свою Тору, не обошлись без паскудства. Вот, мол, правоверные и левOVERные, Господь нам повелел отнять земли у аборигенов, их рабами своими сделать. А мы тут ни при чем, и Господь наш вроде как не тот, а свой собственный. Все уши и развесили. Понял?

— А вы в корне другую веру проповедовали? — соображал Судских.

— Да она везде корневая! Одна. Только всяк ее на свой лад переписывает. Суть ее в том, что Царство Божие в каждом присутствует и всеобщим оно станет снова, когда люди на одном языке заговорят. И не смешивал Сущий языки. Это случилось тогда, когда умники пытались расшифровать текст Основного Завета. Одни говорят, надо так читать, а другие — иначе. Вот и тарабарщина началась, каждый свое наречие отставивал.

— Вы говорите о зашифрованном в Библии тексте?

— Да нет же! — рассердился Человек на непонимание Судских. — Вы добрались только до первого слоя, а Основной Завет идет двенадцатым по счету. Описание Вавилонской башни помнишь?

— Смутно.

— А зря. Это и есть многослойная шифровка. А вот смекай: помнишь, у Лаптева текст не выкраивался вначале?

— Конечно, — кивнул Судских. — Помучились.

— Вот. А мучились потому, что евреи в Писания древних христиан, ариев, понимай, всунули свою Тору, и, чтобы спасти зашифрованный текст, пришлось переписывать его начисто. Таково было повеление Сущего. Первоначально Писание излагалось не так. И человека из-за этого пришлось перекраивать.

— Вот бы не подумал, — удивился Судских.

— Рановато, значит, — ухмыльнулся Человек. — До потопа он выглядел иначе. Как инопланетянина изображают. Когда Сущий разгневался на людские гадости, Он людей переделал и Ноя отправил в странствие обновленным. Живущие ныне думают, будто пошли они от Адама и Евы. Нет,

милейший, читай Писание внимательнее: в первой главе описано создание людей вообще и только во второй о поселении Адама в райских кущах. Да лабораторию Он создал там! Прикидывал, как изменить человека, ангелы подручные и подмастерья наколбасили и никак не могли жевало пристроить к Адаму. Время идет, а новый человек не клеится ладно. Заглянул Суций в лабораторию, разгневался на скудоумных подмастерьев, схватил скальпель и одним махом проблему решил. Посмотри на себя, меня — у нас не пасть, а рот. Суций надрез сделал, плоть развернулась, куда Суций жизнь вдохнул. Сожми рот плотно — вот тебе и образец перед операцией. Понял? Скороспелая работа. Злился он на людские штучки, однажды и уничтожил, а Ною дал Основной Завет, чтобы человечество развивалось само и в нужном направлении. И отправил восвояси. А душа-то болит: несовершенный человек получился. Вот он и решил за топорную работу подмастерьев покровительствовать роду Ноя. Ну а евреи случая не упустили: стянули одеяло на себя, избранным народом объявили. Понял, да?

— Забавно, — улыбнулся Судских.

— Ты не очень, не очень! — остерег его Человек. — Суций не любит этого.

— Учту, — убрал улыбку Судских и сменил тему: — А откуда вы Трифа знаете, Лаптева, в нашей жизни разбираетесь?

— Это не вопрос, — отмахнулся Человек. — Тебе ж архангел Михаил пояснял: что хочешь, то и увидишь. А мне интересно, как вы там до истины докапываетесь; время бежит, а вы только-только макушку зацепили. Суций-то надеется, переживает. Помнишь, как Алла Борисовна пела: «Что с нами сделал ты?» Суций даже прослезился. Очень Он эту песню уважает. Алле Борисовне любые прихоти разрешил: Филиппа выкатил, золотой унитаз к свадьбе подарил, даже Крестю суперзвездой сделал.

— Скажите, а того Иисуса можно встретить?

— Запросто. Только это неинтересно. Сам увидишь.

Он привстал, огляделся, сунул два пальца в рот и свистнул:
— Эй, где ты там, агент-двойник!

Из мги вышел знакомый по картинкам человек. Приближался он степенно, голову нес важно, глаза держал в задумчивости.

— Красавчик, — не скрывал иронии и зависти Человек. — Приветик, земля...

Взглядом нетленной печали оглядел их подошедший.

— Не стыдно, а? — спросил его собеседник Судских.

— Мир вам, — ответил подошедший, осенил знамением и пошел мимо, не изменив величавой позы.

— Понял, да? — подтолкнул Судских Человек. — Вжил-ся в образ, и все тут. Это мы его таким сотворили. Сущий его жалеет как блаженного, подолгу с ним беседует. Хочет его второй раз на землю послать, а Иисусик не хочет.

— Почему?

— Боится, что на этот раз его в самом деле гвоздями к кресту приколотят за обман, стоивший людям двух тысячелетий. Кому охота? А недавно Сущий нашел ему замену.

— Сына Марьи?

— Точно. Смышленный пацан растет. Этот евреям спуску не даст.

— А как там в Зоне? Мы ведь не знали ничего.

— Забудь о ней, — насупился Человек. — Сущий не одобрил этот поступок оставшихся там. Возомнили себя равными Ему. Давай прощаться, — решительно встал Человек. — Пойду Папулю проведу.

— А когда я перед ним предстану?

— Когда сподобишься возвращаться. Сначала общайся со здешним народом. С Гуртовым пообщайся обязательно. Это рыба еще та, не скажу какая. Сущий тебя не велел торопить. Слишком много на тебя надежд возложено. Ты, пожалуй, один, кому дозволено в Книгу Бытия заглянуть. Хочешь?

— Не знаю, — откровенно ответил Судских.

— Умница, — похвалил Человек. — От ума всегда одно горе. Но ты загляни, Всевышний благоволит к тебе. Заглянешь и решишь, как поступить. Тонкое это дело.

Человек развернулся и пошел прочь от Судских. Не попрощался напоследок, а Судских не успел поблагодарить его.

Встреча с ним дала ему прилив непонятной энергии. Он отчетливо стал видеть за мгой разнообразные сменяющиеся ландшафты, города, ближе он различал людей, многих он узнавал и не спешил окликать их, затевать беседу.

Происходящее с ним фиксировали приборы в палате реанимационного блока. Самописцы дергались, их перья вычерчивали пики, он даже застонал, но медсестра спала, примостившись на кушетке, несмотря на строжайший запрет Толмачева.

Очередной пик достиг крайнего уровня, и включилась мигалка чрезвычайной ситуации. Как раз в этот момент медсестре снилось самое приятное. Ее бывший шеф, красавец профессор Луцевич, согласился наконец провести с ней вечер. «Я сейчас перенесу пациента, — сказал он, — подготовим ложе любви». Как пушинку, он перенес Судских на массажную кушетку, тот лишь слегка вздохнул. «Тихо, тихо, — успокоил профессор. — Ты на том свете, а на этом жизнь движется размеренно, размножение продолжается обычным способом». «Согласился! Согласился!» — лихорадочно раздевалась медсестра. Она была мила и упруга телом, она хотела его любви, а он вожаденно разглядывал ее. «Я твоя!» — рвалось из ее губ. И тут сработал сигнал чрезвычайки. На самом интересном! Медсестра вскочила как ошпаренная. Профессор исчез. Хорошо хоть Судских перенес на место. Одного ее взгляда на приборную панель было достаточно для ужасающего вывода: она продрыхла целых десять минут от перехода ситуации из серьезной в критическую. Приказ Толмачева гласил немедленно вызывать дежурного врача и самого Толмачева.

Не случайно в соннике сказано: раздеваться во сне — это не к совокуплению, а к стыду и крупному скандалу.

Первая беда стояла перед ней в виде дежурного врача. Сигнал чрезвычайки поднял его из своего кабинета.

— Заспалась, сучка! — заорал он и рванул к Судских.

Пациент пытался заговорить. Лицо порозовело, губы двигались.

— Чего стоишь? — зашипел он. — Вызывай Толмачева!

Медсестра кинулась к телефону, дежурный врач остался у постели Судских.

— Ну, милый, успокойся, — приговаривал дежурный врач. — Мы с тобой еще на танцы походим, девочек снимать будем...

— Обязательно, — промолвил пациент, и дежурный врач лишился дара речи. Дальше было еще хуже. Судских отчетливо сказал: — После танцев я с Гуртовым встречусь.

— Невероятно, — едва двигались губы дежурного врача. Фамилия одного из лидеров государства сделала для него ситуацию из чрезвычайной обвальную. Это он позволил медсестре поспать в обмен на какие-то любовные утехы. Спору нет, медсестра Сичкина слишком хороша для него, завоевать нечем, только право начальника можно использовать. Платят здесь хорошо и спецпак положен...

Лишиться спецблаг теперь мог и лично дежурный врач. Толмачев не помирует ни Сичкину, ни его, засранца.

— Он выехал, — сообщила медсестра.

— Что ты ему нагородила?

— Сказала, что клиент подает признаки жизни.

— Клиенты в бардаке, дура, — скривился дежурный врач. Подумал и добавил: — То, что он заговорил, никому ни слова. Поняла? По инструкции при появлении признаков жизни мы обязаны включить магнитофон. О котором ты и не помнишь. Поэтому — молчок.

Сичкина отлично понимала дежурного врача. Раньше магнитофон включался на запись автоматически, как и прочие приборы, которые обслуживали специальные техники из госбезопасности, но медсестрам надоело переставлять кассеты, где могло сохраниться нечаянное словцо ни к месту, и авто-

матика по их просьбе к техникам испортилась. Нужды в магнитозаписи пока не случилось.

— Поняла, — ответила Сичкина, с отвращением разглядывая лысоватого врача: это не красавец Луцевич. Не удержалась, вытерла губы.

Самописцы успокоились.

Судских сделал несколько шагов по воображаемым ступенькам и очутился в квартире Гуртового на Рублевском шоссе.

— Проходите сюда, — позвал его из спальни Гуртовой слабым голосом. В квартире густо спрессованы запахи лекарств.

Судских вплотную подошел к постели Гуртового. Черты лица заострились, резко обозначился кадык.

— Плохо выгляжу? — осведомился он.

— Можно подумать, Леонид Олегович, я выгляжу лучше, — нашел вежливый и успокаивающий ответ Судских.

— Все под Богом ходим. Как там? — показал он глазами на потолок. — Жить можно?

— Вполне прилично, — ответил Судских. — Могу заверить: ни рая, ни ада нет, мы их придумали сами.

— Чуть подробней, Игорь Петрович, — попросил Гуртовой. — Я человек верующий и впечатлительный, а мне нужно покаяться перед смертью.

— Полно вам, Леонид Олегович, в чем вам каяться? Вы совершаете невозможное, Россия вам благодарна.

— Спасибо, Игорь Петрович, я всегда считал вас человеком тактичным. Но политика — это не реверансы и па в кадрили. Я мыслю жесткими категориями: выгодно или невыгодно.

— Выходит, выгодно, — мягко успокаивал его Судских.

— Кому? Корешки всегда можно подменить вершками, и наоборот. Помните сказку, где мужик обманул медведя дважды?

— К чему это, Леонид Олегович?

Судских не хотелось, чтобы серьезно хворающий человек напрягался. Выглядел тот прескверно, а Судских захотел встречи с ним, чтобы запастись опытом на будущее, только для этого покаянных речей он не собирался выслушивать. Намеку настоящего Иисуса Христа о закулисном Гуртовом он не внял: мало ли через какие призмы смотреть на мир!

— Игорь Петрович, — продолжил в прежнем ключе Гуртовой, — вы далеки от политической жизни, хотя вам пришлось знать многое, но свою работу вы исполняли по схеме «причина — следствие — факт», личности проходили мимо вас и уходили. Вас не озлобил этот грязный мир, вы сумели не замарать главного — своей души.

— Были и у меня ошибки...

— Это не те ошибки, — остановил его Гуртовой. — Вы остались служить Богу, а не дьяволу. Это ваша суть. Я скоро предстану перед Всевышним и не знаю, каков будет Его суд. Перед вами я хочу быть откровенным. Скажите, вас, руководителя УСИ, не удивило мое быстрое восхождение по иерархической лестнице?

— В нашем управлении удивляться не принято. Аналитика, а не эмоции, — веско напомнил Судских. — Вас поддерживал патриарх, ценили Воливач и Гречаный, вы были необходимой фигурой. Ваши деньги, связи в деловом мире, оборотистость...

— Это вторично, Игорь Петрович, это вершки, корешки выглядят иначе. Я всегда считал, что мое досье более других известно вам.

— Заверяю вас, там не было ничего предосудительного.

— Верю вам. Однако до самого разговора с Гречаным вы не доверяли мне интуитивно. Признайтесь. Мне в этом мире скрывать уже нечего, а вам моя откровенность пригодится.

— Я и сейчас вам не доверяю, — решил быть откровенным Судских, раз Гуртовой настаивал. — Воливач учил меня: чем чище анкета, тем гадливей подноготная.

— Спасибо за откровенность. Я не обиделся. А почему не доверяете? Результат ваших аналитических исследований?

— Прежде всего ваше положение до путча. Президент вас откровенно недолюбливал, а держал первым советником. У партаппаратчиков это не принято, и здесь ни Воливач, ни патриарх вам не заступники. Выходит, ваш заступник значительно сильнее и недосыгаем. Я думаю, это группа могущественных финансистов плюс ваша родословная. В нашем управлении было не принято делать разработки без команды сверху, и в полосу моего внимания вы попали с приездом Дейла. Воливач разрешил предварительную разработку. А вскоре мой разговор с Гречаным, путч и...

— Да, вы бы раскопали все. А цели, вам понятны цели? Меня очень интересовали ваши с Трифом исследования: переживал я очень, боялся, что вы узнаете искомое место катастрофы.

— Мы установили его: США. Момот, правда, указывал несколько предполагаемых точек. А чего вы боялись?

— Воливач и Гречаный — ярко выраженные антисемиты, вы же делите всех на умных и тупых. Рас и национальностей для вас нет. Если бы Воливач и Гречаный знали искомую точку катастрофы, они могли не препятствовать предсказанию.

— Вы говорите загадками, Леонид Олегович.

Гуртовой приподнял руку над одеялом:

— Одна из целей — уничтожение Израиля. «Буря в пустыне» проходила при моем непосредственном участии. Хусейну не дали произвести ядерный удар по Израилю. Советские военные отлично подготовили Ирак, однако израильская разведка получала секретные сведения из первых рук. Вас это не смущает?

— Не все расследования поручались УСИ. Делом Горбачевых занимался первый отдел Воливача.

— Сошло с рук. Не понятно почему? А вас не интересовали истоки чеченской войны, а еще раньше афганской?

— В общих чертах. Не было смысла копать то, что стало историей. УСИ не поручались глобальные исследования.

— А сами как считаете?

— Интриги и амбиции первых лиц высшего эшелона власти.

— Вы мыслите грамотно, и мне лучше прояснить для вашего полного понимания картину. Афганскую интригу сплел не Брежнев, не Андропов, а Устинов от безвыходного положения. Личные дела. Но за афганской войной упрятали усиление антисемитизма в стране. Война в Чечне также отвлекала народ от главных причин ухудшения жизни. Ее развязали партократы, чтобы устроить передел власти.

Судских хотел возразить, но пожалел ослабленного Гуртового.

— А власть, — продолжал он, — прежние ошибки сваливает на ушедших и умело подсовывает массам идеологические корешки. Сейчас, похоже, кампания выживания евреев из России набирает ход. Воливач потворствует, а Гречаный везде насаждает казачество. Казаки практически оттеснили милицию, диктуют свои обычаи...

— Послушайте, Леонид Олегович, болезнь обострила ваши эмоции. Я думаю, погромы и черные сотни возродить невозможно. И ответьте мне на главный вопрос. Вы что, еврей?

— Нет. Хотя малая толика еврейской крови во мне есть. В ком ее нет? — печально отвечал Гуртовой.

— Тогда из каких соображений вы ратуете за них? — Тут уж Судских зацепился за внешне гладкий рассказ Гуртового. «Рыба, не скажу, какая». И как-то он ушел от чеченского вопроса...

— Как и вы, я делю всех на умных и тупых.

— Леонид Олегович, я не собирался вас исповедовать, вы настояли, так будьте искренним до конца!

— Игорь Петрович, я предельно откровенен, я не хочу тратить время нашего разговора на побочные темы.

— Чечня, по-вашему, побочная тема? Ее как раз я исследовал по заданию Воливача. Установили круг лиц, причастных к ее истокам. Ваше имя среди них. Пусть косвенная причастность, но очевидная. И не говорите о родстве с евреями, это установлено. Корни ваши из потомственных дворян.

— Зачем я стану наговаривать на себя? Я на смертном одре, Игорь Петрович, мое желание — помочь несчастным. Катастрофа в критической зоне «А» изменит многое, очень многое, евреям некуда будет податься. Преданным служением России я всеми силами старался остановить грядущую этническую катастрофу. Не истратив ни единой копейки, я возродил сельское хозяйство, люди охотно едут в деревню. Ради этого я перепланировал все поступления в бюджет, изыскал разумные средства, чтобы не ослаблять укрепление экономики, но прежде всего я утверждал миролюбие, чтобы национальный вопрос не заслонял усиление стабильности государства. Я враг русского народа?

— О какой этнической катастрофе вы говорите? — дождался Судских окончания эмоционального монолога. Он решил выслушивать все ради поиска истины, а Гуртовой, кажется, не спешил каяться. И в чем? Судских недоумевал. — Поясните, Леонид Олегович.

— Это целая программа, Игорь Петрович, о ней знают немногие. Всем евреям в Израиле тесно, действия террористов в последнее время заставляют коренное население покидать Израиль, а в Америке не сегодня завтра случится страшное. О грядущей катастрофе мы знаем давно и загодя готовили переселение в Европу, в частности в Россию. Свободных территорий хватает всем, а большинство эмигрантов — выходцы из России.

— Кто это мы? — подвигал Судских Гуртового.

— Обездоленный народ, Игорь Петрович.

— Может, международное масонство?

— Ну о чем вы говорите! — жалобно воскликнул Гуртовой.

— Ладно, — оставил тему Судских. — Простите, Леонид Олегович, при всей моей терпимости к вероисповеданиям и национальности я не уверен, что главы нынешней России и население с восторгом примут ваш план. Такое переселение вызовет открытую враждебность. Я не думаю, что эмигранты повезут в Россию средства со своих зарубежных счетов — это первое, а второе — в Сибирь на неосвоенный массив они

не поедут. Расселение будет идти по прежней схеме: один зацепился в столице, поможет остальным.

— Я это знаю, — слабо промолвил Гуртовой. — И готовил щадящий вариант.

— Не поможет, — твердо заверил Судских. — Выезжали евреи незаметно, прибывать будут массой. Представляете, что это будет? Красная тряпка для толпы. И ни одна страна в мире не примет массового потока переселенцев. А Церковь? Ей подобная конкуренция ни к чему. А сами коренные американцы, наконец? Евреи уезжают, а остальные хоть пропади? Вы же умный человек!

— И вы умный человек. И должны понять меня.

— Все могу опустить в данном случае, но что от меня зависит? Меня нет. Понимаете? Я на том свете!

— Вы будете жить. Обязательно. Вы станете руководить страной.

— Уважаемый Леонид Олегович, в мою бытность шефом УСИ меня знакомил Воливач с перспективками других служб. О деятельности еврейского лобби собирались самые тщательные сведения. Массовое заполнение им СМИ не ушло от пристального внимания; вывоз, отмывка средств, скупка недвижимости тоже. Внедрение дешевенькой масс-культуры — тоже, пособничество наркомании — тоже. Правительства менялись, режимы, а планомерная работа шла своим чередом. И вы думаете, все это готовилось ради любопытства? Существует меморандум, подписанный Лениным, Сталиным и Бухариным. Он передается для прочтения новому главе страны шефом специальной службы госбезопасности в числе самых секретных документов. Не знаю, не видел, но он есть.

— Ах, любезный Игорь Петрович, для вас теперь не существует секретов! — воскликнул Гуртовой с жаром, собрав, видимо, все силы для этого. — Представляю, сколько там гнусности.

— Не знаю, не знаю, — буркнул Судских. — Вам плохо? — спросил он, взглянув в посеревшее лицо больного.

— Да, кажется, я скоро увижусь с вами на том свете. Дел много осталось, всех не переделать, но я рад, что предначертанное мне выполнил. А как же вы, где дискеты? Их так и не нашли...

Судских кивнул, обдумывая ответ.

— Скорее всего их выкрал Мастачный, — ответил он медленно. Лгать Судских всегда приходилось с большим трудом. — А к Мастачному я пока не вхож.

— Не огорчайтесь, — по-своему истолковал задумчивость Судских Гуртовой. — И дискеты найдутся, и Мастачный. Разведка контролирует его передвижения, это я вам сообщаю абсолютно точно, — заверил он. — Разведка выжидает, когда он сделает то, ради чего не сбежал подальше. До встречи, Игорь Петрович.

Так в задумчивости Судских и покинул Гуртового. Дискеты, Мастачный, они мало его волновали. Но почему Гуртовой остался с ним неискренним? Анализируя ход их беседы, он мог поклясться, что в начале ее Гуртовой был настроен абсолютно иначе.

«Может, моя откровенность настроила его на иной лад?»

Может быть. Судских понял: есть иные силы, способные даже на смертном одре заставить умирающего унести тайну с собой.

«Опять же, он еще там, всего лишь в бреду...»

После ухода Судских Гуртовой полежал в некотором оцепенении, потом, собравшись с силами, принял лекарство и взял телефонную трубку. Патронажная сестра приходила три раза в день, охрана всегда находилась снаружи, Гуртовой так распорядился, и его не оспаривали. У каждого свои причуды. Если это причуды...

Он с паузами набирал цифры нужного номера. Передохнув, поднес трубку к уху.

— Алло. Я это. Версия подтверждается. Дискеты у Мастачного.

Хоронили Гуртового погожим октябрьским днем. Людей собралось довольно много. Эксцессов не случилось, и казаки практически бездействовали, многотысячная процессия повода не дала. И не с чего. Гуртовой в памяти россиян остался незлобивым, невороватым, успевшим сделать для них нечто конкретное, и прощались с ним с тихой печалью, тихо переговаривались в тихий день осени.

Процессию до самого кладбища возглавляли Воливач и Гречаный. Шли неторопливо, словно обдумывая прошедшее и будущее.

— Хреновато будет без Гуртового, — сказал Гречаный Воливачу, когда процессия расплылась по аллеям Кунцевского кладбища и охрана пропустила к месту погребения только ближайших соратников.

— Справимся, — ответил Воливач, думая о вещах существующих.

На лице его не отразилось ничего, кроме покорности судьбе — обычная кладбищенская мина, а внутренне он благодумствовал: ушел из жизни претендент номер один на президентское кресло.

Гречаный и тем более Воливач проигрывали в популярности Гуртовому. Первый искренне жалел человека, благодаря которому Россия сумела избежать на этот раз безумных трат перестроечного периода. Он толково распорядился малыми финансами, малым недовольством, хорошо разобравшись в психологии россиян советского образа мышления. Ему не нужны были дворцы и загородные виллы, к чему стремились, мало-мальски оперившись на государственных харчах, бонзы, ему не приходилось выводить в люди кодлу разномастных родственников. Обреченный на смерть, он оставался в большом деле и тем снискал уважение.

Воливач не видел в Гуртовом конкурента. Чутьем опытного гэбиста он распознавал в нем не только качества бесребреника, были и другие, которые оставались в тени от

простого люда. Часто в прошлом он ощущал нажим на себя, если речь заходила о Гуртовом: требовалось сказать нет, а из него вытягивали да. Какие силы? Да никакие. Один звонок, другой, третий, и как бы между прочим излагалось мнение, но мнение одного плана: надо бы сказать да. Кто-то стоял могущественный за спиной Гуртового? Да никто не стоял, под лупой не обнаружишь: мнение формировалось из обычного движения в воздухе, от дуновения ветерка. Скажешь нет, можно поднять бурю — мешают хорошему человеку.

Молодым гзбистом в пору начала правления Брежнева довелось Воливачу принимать участие в задержании главаря крупной ростовской банды. Им оказался простой сапожник на рынке. Никакой атрибутики главаря, никаких сберкнижек, а повиновались этому бессребренику и крупные обкомовцы, и заправилы торгов, и милицейские чины, не зная его в лицо. Идеальный противник советской власти? Никаких следов. Он исчез бесследно, едва поступил приказ свыше рубить концы. Будучи руководителем ведомства, вспомнил о нем Воливач, велел разыскать концы закрытого дела. Погибло несколько его опытных работников, а результатов повторное расследование так и не дало. И звонок был сверху: «Вам что, нечем заниматься?» Такие вот дела со скромными и честными бессребрениками. Воливач всегда вспоминал ростовского сапожника, едва речь заходила о Гуртовом. Не любил он его. Помощь принимал и в любой момент ожидал подвоха. С Гречаным он не заводил разговора о нем, не хотел навязывать свои убеждения, еще не хватало ссориться из-за предубеждений.

А назревал такой разговор. Как-то Гречаный обронил фразу, когда речь зашла о Судских: «Отмеченных печатью высоких качеств рано или поздно находит дьявол и не отпускает их никогда». «Кто это сказал?» — заинтересовался Воливач. «Великий магистр ордена тамплиеров Яков де Моле». «Его потом казнил какой-то король, подчистую его сторонников вырезал, — припомнил Воливач. — Толковый мужик был». «Толковый? — усмехнулся Гречаный. — Этот толковый мужик, давший обет бессребреничеству, основал гигантскую

финансовую империю. Масон! Его преподнесли нам как мученика, а на его руках крови побольше, чем на руках Филиппа Красивого, казнившего де Моле. Это на масонские денежки вскормили Маркса и Ульянова, а этот толковый мужик еще тогда повелел выделять умных и талантливых, всеми средствами привлекать их в масоны, в слуги, понимай, дьявола».

Обоим судьба Судских была не безразлична, каждый по-своему они пеклись о нем, выражали симпатии.

Пока Воливач и Гречаный ладили.

— Недостает нам Игоря, — завершил неожиданно свои долгие размышления Воливач. Будто смерть Гуртового связана с жизнью Судских. Будто завещание Великого магистра ордена тамплиеров несет смерть и хаос.

— Скопытился педик несчастный! — по-своему реагировал на смерть Гуртового Мастачный. Будто теперь для него открывалась верная дорога к намеченной цели.

Ему лично от этого ни холодно, ни жарко. Сработал магистральный клапан души людей подобного сорта: мелочь, а приятно. Из класса лимитчиков. Мастачный через всю жизнь пронес духовную лимиту. Была бы жрачка. Лично ему Гуртовой нигде дорожку не перебегал, зато его кончина внесет коррективы в чью-то игру, и у Мастачного появится возможность побанковать, сорвать банчок.

Свое нынешнее положение он не считал безвыходным. Обосновавшись в приграничном украинском селе, он и жил пограничной жизнью, готовый в любой момент перейти границу в ту или другую сторону, с ружьем или торбой, как масть пойдет. Почти все было готово для новой жизни: семья давно перебралась в Канаду, лишь он довершал кое-какие делишки. Дельце первое: любимая дочь вот-вот закончит курсы в своих компьютерах. Дельце второе: еще не все денежки собраны для жизни, какую он наметил для себя и похвастался Судских перед его смертью. Дельце третье: отвязаться от старых долгов.

Казачьи разъезды почти ежедневно наведывались в село, в рань и темень стучались к Мастачному, вынюхивали углы, искали что-то, да Мастачный не промах. Бумаги на этот случай выправил давно, еще когда сияла его генеральская звездочка. И на этот случай, и на другой, и на всякий разный. Именно для этого случая хату заранее купил, усы отрастил — сам вылитый казак, только переселенец из Казахстана. И заспывать с гарними хлопцами, и чарку выпить может, да вот беда с денежками, на стол выставить нечего, чем Бог послал, гости дорогие, снідайте, не взыщите...

Уходил Мастачный из Москвы простенько. Сто первая воздушно-десантная входила в столицу с севера, а он «ижачок» с коляской оседлал — и на юг в неприметных одежках, с документами на имя Петра Ивановича Бядули, который больше года обивал пороги на предмет получения гражданского статуса. Дочу старшую любимую оставил в Москве под чужой фамилией, в чужой квартире, где компьютеры втыкать в сеть сподручнее. Кичился, конечно, он перед Судских, что всего припасено у него на будущее, тип-топ, однако на проверку выявилось: берут на лапу всюду и знатно берут, не хуже Мастачного, и канадское гражданство тоже выходить надо. Одним словом, новая родина обошлась дорого, и, если не поднатужиться, грыжи не наживешь, но жить неинтересно. Когда это выяснилось, кормушки уже закрылись для генерала Мастачного. И паленым ощутимо пахло. Вот тогда он и поставил на кон свой вывернутый карман: востребовал к себе Портного из «Русича», а ему — кровь из носу найти Гришу Лаптева. Работа штучная, оплата наличной зеленью. Портнову, после прокола с Сонечкой Матвийчуком, пришлось за работу браться, как ни дурно она пахла. Разыскал он Григория Лаптева в госпитале и сдал Мастачному.

— Мне туда, Василий Гаврилович, соваться не с руки, а вашим архаровцам можно спокойно.

— Ты полегче! — заорал он на Портнова. — Еще наша власть! Где он, чего выдрючиваешься?

— Деньги вперед, — твердо стоял Портнов. И ему деваться некуда.

И Мастачному некуда: казаки и войсковые части, перешедшие на сторону Комитета национального спасения, блокировали Ярославль, Калугу, Смоленск, открытых путей не оставалось. Что делать?.. Открыл Мастачный сейф, вынул неприкосновенный запас.

— По-честному? — сощурился он.

— По-честному, — ответил Портнов без угрызения совести.

— Поедешь со мной, — избрал ход Мастачный. — Возьмем Лаптева, отпущу на все четыре стороны.

— Отпустите почестному. Он в Мытищинском госпитале.

— Нет, братец, засветись напоследок. Шибко честным нельзя...

После этих слов Мастачного совесть кольнула Портнова. И ладно бы только совесть: его появление в Мытищах бесследно не пройдет. Взял от мучений души и Эльдара.

Вылазка Мастачного на охраняемый казаками госпиталь получилась самой дерзкой. Там он потерял весь свой «гвардейский корпус» и практически зазря: Лаптева он захватил, только довез еле живого. Какие там усиленные меры воздействия? Шальная пуля в живот, истек кровью по дороге, привезли чуть тепленького. Один путь — в Москву-реку...

И отправлял его в последний путь один. Портнов сбежал заблаговременно, не успел даже смертельно раненного Эльдара увидеть.

Перед тем как сбросить тело в воду, Мастачный тщательно обыскал пижаму Лаптева. И нашел три листочка, исписанные мелкой цифирью и непонятными значками. Что там, с этим разберется его доча, зато для Мастачного зашифрованный текст таинственностью своей напоминал пирамиду с глазом, изображенную на американском долларе. Путь в иной мир, на зеленые райские лужки.

В Москве, едва за цифирью открылся этот путь, Мастачный снабдил дочь всем необходимым, спрятал получше и

велел расшифровать, днем и ночью трудиться не покладая рук.

— Папуля, — взмолилась послушная дочь. — Давай уедем, пока не поздно, я все сделаю дома.

— Дома? — удивился Мастачный. — Пока, доча, твой дом здесь. Вдруг еще что-то понадобится? Из Канады неблизкий путь...

Она пыталась доказать ему, что необходимое есть, другого не потребуется, картина ясна; он стоял на своем, как любой лимитчик: маешь вещь, хворобы нету.

Пришло время тикать, и Мастачный укрылся в пограничном сельце. Прислушиваясь к себе ночами, он определял, жив ли в нем упрямый нор, дающий удачу.

Вчера он наконец расслабился, крепенько попив с казаками самогону, сам выгнал первачок, и те от прилива полковых чувств предложили ему: чего перебиваться с отрубей на мякину, если ему, мужчине в самом соку, самое то в урядниках служить. «А то?» — расхорохорился Мастачный. И так ему идея пришлась, будто в седле сызмальства сидел, нагайкой помахивал, и Канады не надо.

— Браты! — прослезился Мастачный. — Быть тому.

— Тогда пиши заявление на имя районного головы, через день-другой бумаги наказной атаман завизирует, в Москву пошлет, и через недельку-другую накрывай стол, господин урядник, — уверил его старший на гулянке подъесаул. — Любо!

И еще добавили за новоиспеченного урядника.

А затеял Мастачный гулянку вовсе не из-за посул: доча весточку прислала, телеграмму: «Дядя Петя, наша мама нашла». Как договаривались. Открылась тайна! Он выгадал!

Выгадывать Мастачный любил. И там за четвертью бурякового самогона не прозевал выгоды, какая давалась ему в руки с предложением казаков поехать с бумагами прямиком в столицу. Охранная грамота на опасную дорогу! Эх...

— Браты, — сказал он прочувственно, когда шум поздравлений улегся. Налил полный стакан, встал. — У меня сегодня

еще одна радость, племянница из Москвы восточку прислала, сестренка моя нашлась единственная. Пропала среди беженцев из Казахстана и вот нашлась. Не могу, как видеть хочу. — Настоящая слеза капнула в стакан. — Выпьем, братья, за то, что не покупается, не продается — за наших родных!

Все поднялись, с чувством выпили и загалдели разом с новыми поздравлениями, и подъясаул предложил немедленно отправиться с нарочным в столицу.

Чудесный выдался денек и вечер! Битый небитого везет... Браты маху не дали, опорожнили всю четверть и спать завалялись кто где сидел. Спал Мастачный сном убиенного. Лишь под утро привиделся ему Григорий Лаптев. Вышел из воды и посмеивается:

— Попался?

— Не замай, — отодвинулся подальше Мастачный. — Кто попался?

— Ты, дурень! Я записи только для себя делал, все расчеты составлял с поправкой. Понял?

— С какой такой поправкой? — почувствовал сомнение Мастачный.

— А с такой: для меня картина гладкая, а для дочери твоей выйдет искаженная, как в кривом зеркале. У меня ангелы, у тебя черти. Тебя ведь папа с мамой тоже с поправкой делали, с выгодой, время на любовь не тратили, вот чучелом тебя и сканировали.

— Не замай родителей! — закричал Мастачный. — Про шифр давай!

А тут еще Судских появился.

— Вот, Игорь Петрович, — обратился к нему Лаптев. — Нас нет, а этот урод морально-материальный процветает. Почему?

— Возможно, это он живет, как положено, — задумчиво ответил Судских, — а мы беспутно, мечемся по жизни. Он жрет, убивает ради этого слабых и даже сильнее себя. Не закон ли это жизни?

— Но мы ведь мыслящие! И ему мозги даны, чтобы думать!

— Откуда мы знаем, что думает чайка? Мы упростили мир остальных живущих, себя считаем избранными. Мы себя уважаем, их нет. Помнишь, Гриша, как лет пятнадцать назад посеяли демократию, а проще — вседозволенность, и выросли тупицы-рэкетеры, безголосые певички, лакеи стали избранныками народа, ворье — банкирами и главами правительства, и все они презирали людей, умных и честных. Выходит, они соль земли, а мы придатки?

— Выходит? Нет, Игорь Петрович, так ничего не выйдет. Бросим его как есть. Я не дам ему стать царем природы.

Они ушли, а Мастачный прошептал:

— С нами крестная сила!

И проснулся. Приподнялся на локте, оглядел похмельное товарищество. Видок не отрезвляющий. Поднялись невпопад, толклись по хате в поисках похмельного.

Сложные картинки подсунул ему буряковый самогон. С такого напитка и у профессуры академической шарики за ролики найдут. Рассольца бы, рассольца, сканируй его, Господи!

Кое-как похмелились, после обеда с горем пополам выехали. В армейский газик вместо положенных пяти человек набилось семеро, Мастачный восьмой. Зажатый на заднем сиденье, Мастачный угрюмо сопел. Никто из пассажиров его не знал, на попойке их не было, и почтения к Мастачному они не выказывали, но винищем в закрытом газике несло изрядно. Умеющий крепко выпивать, Мастачный сивушных запахов не переносил. Настродался он страшно.

До Москвы добрались в пятом часу утра. В крошечной темени взрезывая асфальт лучом дальнего света, промчались сквозь центр. Мастачный удивился: ни один разъезд не оставил газик. Странно...

— Куда это мы? — беспокоился Мастачный. Москву он знал досконально. — Браты, мне бы на Бережковскую набережную, — попросил он робко.

— Нарочного доставим, потом тебя завезем, — ответили ему.

«Наверно, тот на переднем сиденье», — решил Мастачный о худошавом юноше, сидящем рядом с водителем, и затосковал даже о временах, когда сам сиживал на переднем сиденье.

Неожиданно улица показалась ему знакомой. Очень знакомой.

— Приехали, братан, — сообщил водитель. — Лефортово.

И защемило, засосало, засвербило во всем организме Мастачного. Покорно подставив запястья под наручники, он выбрался в яркий свет прожекторов. Чего-то не докрутилось в его хитрых планах.

С противоположной стороны в квадрат света вступил коренастый мужчина в спецназовской форме. Он пожал руку худошавому юноше, сидевшему в газике на переднем сиденье. Они, улыбаясь, переговаривались. Блеснули вставные зубы. Мастачный узнал коренастого. Бехтеренко. Подвели к нему.

— Набегался, дружок заклятый? — почти ласково спросил Бехтеренко, разглядывая помятого и пришибленного гостя.

— Я не бегал, — буркнул Мастачный.

— Мы за тобой тоже. Сам прибыл, куда положено. Веди-те, — сказал он конвойным. — Иди, обживайся, места, чай, знакомые...

— А кто это? — в силу укоренившейся привычки работать под дурачка спросил Мастачный.

— Толай, толай, — засмеялись конвойные. — Таких людей знают в лицо. Пиздюк... Министра не знать. Может, шлепнем его прямо здесь за непочтение? — И заржали оба.

«Бехтеренко стал министром внутренних дел?» — ужаснулся Мастачный. Такого поворота в самых страшных снах он не представлял. Его место занял тот, кого бы он вовсе не встречал больше.

Бехтеренко уехал тотчас, едва увели Мастачного. Он на самом деле не собирался уделять время арестованному. С

таким все просто: трибунал, расстрел по законам военного времени. Никаких смягчающих обстоятельств. С его дочерью вовсе никаких проблем. Она с толком рассказала о проделанной работе, так и не поняв ее назначение. Ее сразу оставили в покое, взяв подписку о невыезде.

В этот ранний час Бехтеренко действительно ждали дела поважнее. Он возвращался к себе на Огарева, в бывшую резиденцию всевластного Щелокова из брежневских времен. Вернулись прежние времена? Нет, задачи стали другими, и здорovenного здания куликовской поры не потребовалось. Но Мастачный угадал: Бехтеренко был министром внутренних дел.

Среди забот, возложенных на нового министра, исчезла основная: охрана общественного порядка. С этим успешно справлялись казаки Гречаного, и население — в кои-то веки! — с почтением относилось к их пониманию гражданской дисциплины. Некого стало облаивать: «Менты поганые!» Казаки всем своим видом отрицали прежний антагонизм. Папахи и лампасы вошли в жизнь россиян естественно, словно самим Господом благословлен их приход, а само население с их приходом ровно засупонилось туже. Штаты милиции, автоинспекции, прочего и прочего подведомственно раздутого сократились в десять раз, само министерство занялось наконец тем, чем ему и надлежит заниматься — внутренними делами. «А это не бытовуха», — поучал Гречаный Бехтеренко в день назначения на пост министра.

— Я не справлюсь, — решительно отрицал Бехтеренко. — Я оперативник!

— Прекрасно! — посмеивался Гречаный. — Орудовать нагайкой мои хлопцы умеют получше.

— И тебе, наследнику Судских, — резюмировал Воливач, — надо перенять его методы работы. УСИ нет, а МВД есть везде и всегда.

Никто из них не употребил термин «политический сыск», что пришлось додумывать самому Бехтеренко.

Его первым делом стало упорядочение деятельности партий и движений. Не разгон и карательные меры, а развенчание догм.

В посткоммунистической России движения и партии возникали с появлением лидера-говоруна. Исчезали они также, едва красноречивый, наговорившись, насытившись и набив карманы, отползал в тень или отбывал к солнцу. Не прививались идеи, не складывался и монолит. Живучими оставались коммунисты и сектанты, сама Церковь не желала отдавать взятых позиций. На встрече патриарха с руководством страны закрепили главное: Церкви — Богово, власти — кесарево. С отменой всех привилегий, данных ей коммунистами. Патриарха возмутило посягательство на церковные земли, он пригрозил поднять против властей верующих. Гуртовой на все увещевания владыки о притоке верующих, об усилении власти Церкви, о пожертвованиях и крепости Христовых заповедей решил разом поставить точку:

— Владыка, если вы докажете мне, что приток верующих от большого ума прихожан, от их благополучия, клянусь, съем собственный галстук. Согласитесь, святой отец, паства Церкви увеличилась за счет обездоленных и ущербных, брошенных стариков и страдающих от безденежья пенсионеров — им некуда податься, их некому возлюбить. Золоченых куполов на копейки бедноты не вознести, купола крыли ворованным золотом ворье и аферисты, а вы им отпускали грехи. Удобно. Коммунисты использовали ваш авторитет для возврата упущенной власти и льготы, данные Церкви ими, отменили бы сразу, едва укрепившись. Давайте упорядочим труды наши и посмотрим, что ближе людям: тот свет с райскими кущами или этот в теплом доме с райскими птичками?

Владыка обиду снес, галстука есть Гуртового не заставил, но на его похороны никто из генералов Церкви не пришел, отпевания не было, а множество людей, пришедших на похороны Гуртового, еще более заставили досадовать патриарха на свою промашку. Он досадовал и на ускользающую власть, и, скованный догматами веры, ничего противопоставить не мог, и ничего изменить самочинно не пытался. Церковь, как никакая другая структура, жила обособленно, затевать в ней перестройку равносильно ереси и последую-

щему отлучению. Богу — Богово. Есть Бог, пусть он и разбирается со своими служителями и служками. По отношению к новой власти Церковь повела политику воинствующего нейтралитета.

Другое дело — коммунисты. Подобно грибам-поганкам, они цеплялись за любой подгнивший ствол, за любую возможность внести брожение в массы. Их догмат — победоносная теория коммунизма, счастье в будущей жизни, а прежде терпение и труд, — столь похожий на церковный, выжил. В политике вакуума нет, пустыри захватывают ментально чертополохи. Появились коммунисты-троцкисты, брежневцы, ельцинисты и даже На-на коммунистическая партия. Все вместе они ратовали о будущем народа, все задницы мыслили о его благе. А розги запрещались. И нелегалы плодились.

Вот такое хозяйство и получил в наследство Бехтеренко. При жизни Гуртовой учил его науке мягких шлепков по умственным задницам с обязательным снятием штанов:

— Святослав Павлович, разберись с корнем коммунистических идей, провентилируй их догмы. Ничего нового там нет, кроме наглого обмана. Смущая людей, они выживают.

— Но почему именно мне заниматься ахинесей? — возмущался Бехтеренко. — Я ни одной философской книжки не прочитал!

— Вот и хорошо, — увещевал Гуртовой. — Судских понятия не имел о разведке, а как дело поставил? Ваши руки не заняты ловлей воров и преступников, с этим успешно справляются казаки Гречаного, вы не обременены философскими знаниями, вы просто человек, вот и осваивайтесь на целине, отстраивайте новый дом.

— Я настрою... А у кого учиться?

— У казаков лучше всего. Взгляните: казаки не заводят уголовных дел, они оберегают покой граждан, только и всего. Они отвергли философию буржуазных методов: украдут, убьют — будем ловить. Они же пресекают подобную возможность в корне. Напился — выпорем, чтобы худого не

случилось; без дела шатаешься — вором станешь; для начала нагайкой пригрозят. И делается все без соглядатаев и стукачей, решением городских сходов. Это мораль, Святослав Павлович, которой у нас пока нет. Создавайте.

Легко сказать... Для начала Бехтеренко зарылся в «Капитал» Маркса. Все правильно, все по полочкам. Почитал ленинские труды. Тоже все правильно. И ничего не понял. Ознакомился с «Майн кампф». Убедительно. Если бы Гитлер не стал живодером. «Может, Библию прочесть?» — подумал Бехтеренко. Открыл ее, одурел за полчаса и решил идти за советом к Гречаному. Рассказал о наставлениях Гуртового. Гречаный посмеялся над его муками.

— Перед смертью не надышишься, — сказал он. — Ты студентом был? Ночь перед экзаменом помнишь?

— Курсантом был.

— Еще чище: к Уставу по ленинскому приставу. Святослав Павлович, любое учение верно, если не затрагивать причин, его породивших. Зри в корень.

— Гуртовой тоже про корень...

— Корни бывают всякие: живые и мертвые. Про один я тебе могу рассказать. Коммунистическую идею придумали антикоммунисты.

— Зачем? — Бехтеренко подумал, что его разыгрывают.

— Когда Карл Маркс опубликовал свой «Манифест Коммунистической партии», Россия вышла из мрака крепостничества и стала догонять цивилизованную Европу. Достойный появился конкурент, точно? — Бехтеренко, не понимая, куда тянет Гречаный, недоуменно пожал плечами. — Чтобы не делиться с ней пирогом, надо загнать ее обратно в крепостничество, решили господа, считающие пирог целиком своим. А в России за долгие годы мрака выросли от безделья говоруны-разночинцы. О чем же им талдычить, если светло? На них и поставили противники российского развития. В семнадцатом году их неустанный труд увенчался успехом — к власти пришла бесштанная команда, ведомая авантюристами. Семьдесят лет крепостничества России было

обеспечено. Транжира богатства недр, то есть приданое наших внуков, богатства дедов-промышленников и, главное, разнося порочную и пустую идею по свету, мы кое-как телепались за Европой и Штатами, делая ракеты и перекрывая Енисей. А за это время произошел финансовый передел мира, где нам места не осталось. Теперь ты понял, какой пирог отняли у нас?

— Слушай, Семен Артемович, ты так просто и складно обсказал эту штуку! — прозрел Бехтеренко. — Чего же Гуртовой не объяснил?

Гречаный хотел было сказать что-то, увлеченный просветленным Бехтеренко, но будто тучка пробежала мимо его лица.

— У него, Святослав Павлович, крыша поехала от многотрудных забот. Ты уж прости его, мужик пашет чересчур много, болен...

Бехтеренко не придавал значения последним словам, забыла своя участь, тоже не сладкая.

— Боюсь, дров наломаю. С чего начинать, не пойму.

— А зачем их ломать, а? — улыбался Гречаный. — Умный колет их, ломает придурок. А нарубленных дров подкинем. Ничего не ломай, строй да строй...

«И этот про строительство», — подумал Бехтеренко.

В штате министерства по всей России у него трудилось столько народу, сколько раньше в одной столичной штабквартире. Самих министерств поубавилось, столица почти обезлюдела без чиновников.

«Куда ж подевался этот сброд?» — раздумывал Бехтеренко, решив начинать копку под коммунистов со столичных бездельников. Заказал справку и получил ответ: чиновный люд, привыкший протирать штаны в конторах, рассосался по деревням. Почти у всех нашлись домики и грабельки. Штаны стали беречь. Гуртовой придумал выкупать у отъезжающих квартиры. Мало кто противился: штаны покупают раз в год, а кушать хочется каждый день. Выкупались квартиры фондом «Новые русские», которые мало-помалу возвращались назад. Плохонькие здания сносились, на этом

месте разбивали цветники и парки, дома получше отдавались новым русским, как лучшим представителям народа, за хорошие деньги. Вопрос о въезде начинался с покупки жилья. В Москве стало просторнее, не понадобилось эстакад и дорожных развязок, уменьшилось дачников на тазиках, тазики перестали биться друг о друга. И гаишников не стало. Увы...

Бехтеренко заказал другую справку: сколько в столице, областных и прочих центрах проживает населения, не занятого трудом? Ответ получился обескураживающим: не считая живущих на пособие, монахов и домохозяек, — члены коммунистических партий. Таких набралось с лишком.

Третья справка: кто кормит партийцев?

Ответ: домохозяйки.

Запрос: кто кормит домохозяек?

Ответ: партийцы.

— Где же тумбочка? — потребовал исчерпывающий ответ Бехтеренко.

Ответ: нету.

«Будем искать тумбочку», — уяснил он. Впервые ему хотелось похвастаться перед бывшим шефом: «Вот, Игорь Петрович, цели ясны, задачи определены, за работу!»

Этим и объяснялось его благодушие при встрече с Мас-тачным. Кто такой Мастачный? Лимита по духу и природе, генеральские погоны сущности хозяина не изменили, его будущность определена, а вот тумбочка... Поискать ее для Бехтеренко — сущее удовольствие. Тут он на коне, подлинный казак.

В свой кабинет он вошел в восемь ноль-ноль, каким его привыкли видеть всегда. Стало быть, ничего нигде не случилось.

Из прежних сподвижников Судских с Бехтеренко остались Иван Бурмистров, Леонид Смольников и команда мэнээсов без Гриши Лаптева. Они составляли ядро министерства. В отдельных чертах они знали о последней работе Лаптева, однако мозаика в панно без него не складывалась. Сам Бехтеренко поисками дискет не занимался, не мучил его и поиск

мессии. Он остался реально мыслящим земным быком по гороскопу и убеждениям. Вот тумбочка — это реально.

— Леонид Матвеевич, — обратился он к Смольникову, едва тот явился по вызову, — как ты считаешь, где у партийцев тумбочка?

— Тумбочка? — переспросил Смольников и осмыслил термин. — Я думаю, прежние запасы и подпитка извне, аналогичная нацистской.

— Пожалуй, — согласился Бехтеренко. — Но вряд ли их станут подкармливать новые Морозовы и боевики типа Камо. Поищи?

Смольников кивнул в задумчивости. Ответил:

— Как это Петефи написал:

Смоковниц изувеченные пни

Не принесут плодов в иные дни.

Зато чертополоха злые корни

Сосут из чрева вечно и проворней.

— Прозой объясни, — попросил Бехтеренко без язвительности: Смольников и в новом месте носил кличку «Литератор», хотя и в полковничьих погонах.

— Я думаю, всегда найдутся желающие помочь злу, несмотря на то что оно может стать всеобщим. Тут библейское: «Избави нас от друзей наших, а от врагов мы сами спасемся» — используется полно врагами усиления России. Свое, скажем, финансовое чрево они предоставляют чертополоху в соседнем огороде.

— Собирай команду и ищи тумбочку, — оборвал литературные изыски Бехтеренко.

У самых дверей он неожиданно для себя окликнул Смольникова:

— Леонид Матвеевич, не по форме, а по содержанию, объясни мне, откуда начинается зло? — Смольников не понял вопроса, и Бехтеренко пояснил: — Гуртовой учил меня зрить в корень и Гречаный тому же. Только у Гуртового корень

какой-то математический получился, а у Гречаного простой, но крепкий, как у чертополоха. Такой запросто не вырвешь, но зло инстинктивно ощущаешь. Вредитель, одним словом.

Он пересказал своими словами рассуждения Гречаного.

— Зло? — помедлил Смольников.

— Оно самое. Зараза, эпидемия, татаро-монгольское иго...

— Его в природе нет, как нет чаще всего чистых химических элементов. Оно входит в соединения, его надо выделить...

«Ну вот, завел литератор», — поморщился Бехтеренко, но стоически слушал: манеры Смольникова не изменить.

— А вот вам зло в чистом виде, полученное лабораторным путем: наши спортивные комментаторы принесли вреда спорту больше, чем татаро-монголы Руси. Знаменитый Николай Озеров, пара спортивных бабушек — Нина Еремина и Анна Дмитриева...

У Бехтеренко глаза поползли на лоб:

— Шутишь? На святыни замахиваешься?

— Не шучу, — оставался непреклонным Смольников. — Вы просили подготовить записку о возрождении массового спорта. Я установил, что тягу к спортивным зрелищам первыми отбила эта троица, монополизировав репортажи о ведущих соревнованиях. Их комментарии были ленивыми донельзя, будто всезнающие академики не хотели стараться для тупых студентов. В них не было энергии, так заряжающей болельщиков. Не стало болельщиков, умер массовый спорт. В Китае, например, чтобы стать спортивным комментатором, нужно произнести тысячу слов в минуту о проходящем соревновании. Почему же Озеров стал ленивым? Брежнев читал по бумажке. Отсюда зло. Партия жила показухой, показушничали массы. Вылетели в трубу и те, и эти.

— Даешь, — возрился на Смольникова Бехтеренко. — И как ты решил возродить массовый спорт? Задача, почитай, первостепенная.

— Гнать умных бабушек из кабинок комментаторов, несмотря на заслуги. В спорте бегать надо, а не спать на лаврах.

— А вот, скажем, — заинтересованно спрашивал Бехтеренко, — литература? Индивидуальный труд...

— Как любой другой. Что посеешь, то и пожнешь. Вы ведь не станете покупать гнилые помидоры?

— Но скармливают именно гнилые! — возразил с лету Бехтеренко.

— Будет задание, подготовлю записку.

— Не увиливай, — прицепился Бехтеренко. — Одной фразой.

— Ладно, — сдался Смольников. — Раньше читали на ходу, что под руку попадется, лишь бы время убить. Писатели приспособились, спецзаказ определился, такой и музыка была, и песни...

— Стоп! Про музыку спецзаказ потом. Я понял: с книгой бегать не надо, а думать.

— Мораль нужна, вера...

— Не торопись, — хитро посмотрел на Смольникова Бехтеренко. — Сначала тумбочку найдем, глядишь, еще что-то сыщется...

Он лукавил. Был уже разговор, где он присутствовал. Воливач и Гречаный были обеспокоены плодящимся сектантством.

1 — 5

Арсений, митрополит Мещерский и Коломенский, имел пренеприятнейшую аудиенцию у патриарха и вернулся в епархию не в себе. Патриарх, разгневанный последними событиями, связанными с похоронами Гуртового, возмещал убытки на нижестоящих. Он собрал сановитых, вплоть до настоятелей и протоиереев, на Синод и при новом главе Синода епископе Ануфрии устроил всем нахлобучку. Скрипучим высоким голосом он выговаривал за отход паствы от Церкви, попускание сектантам, бездуховное житие в монастырях, за малый доход во вновь отстроенных храмах. Боль-

ше всех пострадал от патриаршего гнева митрополит Арсений. Всеу причин не было, почему именно Арсения патриарх избрал в козлы отпущения, у него как раз епархия жила благополучно, а подспудно всяк понимал, что «черная дыра дьявола» в епархии Арсения бедит патриарха сильнее прочих причин. Все чаще доходили до него слухи о мессии, который появится именно из мещерских краев.

Растерянный митрополит покидал стольный град зело удрученным. Столкнувшись на выходе с главой Синода, он растерялся того боле.

«Не случайно, не случайно», — пришептывал он дрожащими губами, готовый заплакать от несправедливости. Обладавший мелкой плотью среди осанистых и тучных митрополитов и епископов, наказание свое он переживал горше, словно поскребышек в большой семье.

Епископ Ануфрий был велеречив, но в этот раз обратился к Арсению надменно:

— Полагаю я, паства разбегается не от грядущего нашествия дьявола, а по причине полного нерадения пастырей в избличении оного. А он под боком разбрасывает семена удручения нашего.

— Матушка, — жаловался митрополит дома, — в чем же моя вина-то? Наша епархия куда чище других, доходная, кружка церковная не скудеет, и неправда это, что прихожан меньше; у других поболее убыло. В чем же вина-то?

— Ой-я! — крестилась испуганно матушка, округляя глаза и прикрывая ладошкой столь же округлившийся ротик. — Дьявола-то почто тебе вчинили с боку?

— Неведомо, матушка, — вытер проступившие слезы митрополит. — Везде он и грядет неотвратно...

— Ох, отец мой, это неспроста Ануфрий затеял разговор с тобой, — смекала матушка проворнее. — Это ж он умудрился от кафедры быстрее тебя к выходу доскакать.

— Неспроста, неспроста, — кивал Арсений и учащенно крестился.

— Так я и думаю, — торопилась матушка не упустить мысли. — Знает Ануфрий, что говорить, имеет повеленье. Сразись с диаволом, уничтожь его и прославишься.

Ночью вздыхающий митрополит коленопреклоненно творил молитву, обдумывая слова Ануфрия и наставления матушки. Поутру он не изменил своего решения, принятого во время ночной молитвы: он отправится в Зону, и Бог обережет его.

У первого ряда колючей проволоки он распрощался с настоятелями приходов. Снял опорки и босыми ногами, в одной епитрахили под фелонем, потопал в Зону, распевая псалмы Давида во славу Господню.

Лежал снег, одетый продувными ветрами в панцирь из льда, держащий поверху тщедушного митрополита; январская поземка уносила в неизвестность пение одинокого человека, ветер расчесывал его редкие волосы на непокрытой голове. Дальше и дальше удалялся Арсений от оставленных им на границе бытия и небытия.

На вторые сутки пути изнуренный ходьбой и пением Арсений почувствовал тепло и прилив бодрости. Восславив Господа, он с новым рвением устремился дальше и через полчаса приблизился к столбу с покосившейся дощечкой и грозной надписью: «Хода нет!» — и ниже от руки: «Возврата тоже». У этого столба он молился так, как никогда в жизни, с просветленным лицом и неистовым желанием увидеть лик Господень.

— Иди, — услышал он глас с небес и поднялся с колен.

В полном молчании он достиг дороги под уклон. Снега не было, не встречалась грязь и пыль, словно кто-то продул и вычистил эту дорогу в ад, вымостил светлой галькой, удивительно похожей на пышные оладушки, которые ласкали его босые почерневшие ступни, грели их любовно.

Пологая дорога привела его в карьер.

— Мир вам, отче! — услышал он неожиданно. И так же вдруг пред ним очутился человек.

— Мир вам! — не позволил себе улыбнуться Арсений: на все воля Божья, принимается все от благодати или гнева Божьего.

— Пойдемте со мной, — поклонившись, предложил человек. — Вы устали с дороги. Надо подкрепиться и отдохнуть.

— Воля Божья в твоих словах, — с поклоном ответил митрополит. — Не премину ее, коли всех так встречают.

— Вас первого, пришедшего к нам.

— Что же, дорога трудна или опасна? — спрашивал Арсений, а ставшие зоркими глаза высматривали округу.

— Раньше это было невозможно. Мы сделали невозможное.

Арсений перекрестился несколько раз. Идущий рядом провожатый никак не воспринял этого.

Навстречу вышли другие люди. Как и провожатый, они были одеты легко, вели себя непринужденно и открыто радовались приходу незнакомца. Арсений заметил, что люди эти неуловимо отличались от тех, в оставленном мире. Как будто встретили его пришельцы из космических глубин или, наоборот, пещерные обитатели, те и другие начисто лишены злобы. Не задавая вопросов, он старался установить причину различия самостоятельно.

Пищу перед ним поставили грубую, но обильную: хорошо пропеченный хлеб из муки грубого помола, сыр кусками, овощи и зелень на глиняном блюде, молоко в крынке и сотовый мед.

«Нет мяса, — смекнул он, — а молоко водится».

Красивая полногрудая женщина подала ему на десерт гроздь крупного винограда. Их руки соприкоснулись нечаянно, и Арсений почувствовал легкое жжение в кончиках ее пальцев. То, что он увидел при этом, отвлекло от жжения: руки женщины излучали свечение. Арсений перекрестился и теперь уже нарочно коснулся руки женщины. Эффект повторился: жжение и свечение.

— Не бойтесь, отче, — улыбнулся провожатый. — Это не знак дьявола, худого с вами не случится. Мы здесь насквозь ионизированы, это наша защита от радиации.

— Но что будет со мной? — забеспокоился Арсений. Защищает его Бог или нет, вкушение сытной пищи вернуло к земле и мирским волнениям.

— Ничего не будет, — отвечал провожатый. — Мы знали, что вы идете к нам, и открыли проход. Здесь радиации нет, но мы защищаемся от неожиданностей, как раз от козней дьявола извне.

— Вы хотите сказать, не Всевышний охраняет меня? — разумно соображал митрополит.

— Именно Всевышний, — утвердительно отвечал провожатый. — Как иначе объяснить, что вы прошли такой долгий путь по холоду, босиком и не заболели? Как объяснить, что мы здесь живем и наперекор всему здоровы? Только волею Создателя.

Арсений перекрестился и кивнул согласием.

— Я не вижу ваших детей, — сказал он, оглядываясь.

— Увы, — отвечал провожатый. — Это наша беда. Всевышний сохранил нам жизнь, но детей не дал. Значит, вера наша еще не крепка и время ее не пришло. Радеем трудами, чтобы улучшить мир.

Арсений обдумал сказанное и заговорил:

— Изначально для вас опора ваши знания, ученость, помощь техники и только потом вера во Всевышнего. Это неверно. Господу не угодно, чтобы люди вторгались в промысел Божий раньше отпущенных сроков. Вера в Создателя изначально!

— Отче, но вы не отрицаете достижений человека в науке, технике и, разумеется, пользуетесь этим, — возразил провожатый.

— Я не о том хочу сказать, я говорю о вас, живущих здесь по недоразумению, — говорил митрополит мягко, но голос набирал крепость. — Вам кажется, будто вы на пути к совершенству, на самом деле без вашего участия это давно заложено Творцом. Святой Григорий Нисский, живший в четвертом веке, еще тогда писал: «Правящий всем Бог предусмотрел достижение полноты человеческого рода, и тогда кончится сей способ рождения детей; а тогда кончится и время, и совершится обновление Вселенной, а с изменением цело-

го последует и переход человечества от тленного и земного к бесстрастному и вечному».

— У нас не было другого выхода, — печально ответил провожатый. — Нас бросили на произвол судьбы.

— Поэтому вы убиваете все живое в округе, мстя за причиненное зло? — спросил митрополит строго.

— Нет, отче, — твердо возразил провожатый. — Это не месть. Нам не дали даже здесь жить спокойно, пытались уничтожить много раз, и мы стали защищаться. Но мы хотим единения с остальным миром. Неделию назад вы бы не смогли попасть сюда.

— На все воля Божья, — смиренно произнес митрополит. — Что же будет дальше с вами? Вы хотите выйти или по-прежнему остаться взаперти?

— Нам приходится оставаться. Мы, как рыбы, можем жить только в этой среде. Но мы здесь живем ради оставшихся там. Мы ускорили опыты, чтобы они служили всему человечеству.

— А не будет ли это дьявольским наваждением? — настороженно спросил Арсений, и проводник ответил:

— Судите сами, отче. Если мы почти готовы спасти мир от чумы прошлого столетия — радиации, дьявол руководит нами или Творец?

— А кто воспользуется вашими трудами первым? Вы подумали?

— Знаем, — уверенно ответил собеседник. — Достижение станет ничьим. Однажды утром остановятся атомные реакторы, везде прекратится выработка оружейного плутония, радиоактивные элементы прекратят свое существование. Наступит чистая эра.

— Как же вы заблуждаетесь! — схватился за голову Арсений. — А вы подумали о том, что случится, когда большая часть периодической системы рухнет? О последствиях вы подумали? В Божьем мире нет ничего лишнего, взаимосвязано все, и вы действуете по наущению дьявола! Господи, останови! — простонал Арсений.

Голова его упала на стол, он прикрыл ее руками, дрожащие растопыренные пальцы ощупывали ее всю, словно стараясь прикрыть место, которое будет поражено первым.

Его не торопили, не помешали сотворить коленопреклоненную молитву. Он молился больше часа, и больше часа стояла пустая тишина. Она была никакой: ни гнетущей, ни напряженной. Пустота. В этом закрытом мире тишина была без звуков, и, когда митрополит слышал новый звук в пустоте, словно колоколец тенькнул, он остановил молитву и прошептал:

— Слышу тебя, Господи, на тебя уповаю.

Необычный звук услышали и люди. Подняв головы, они искали источник его. И снова тенькнуло в небесах.

— Жаворонок! — воскликнула одна из женщин и указала пальцем ввысь. Туда же повернули головы все и Арсений с ними.

— Это ласточка! — поправил он, забыв на миг свои мучения.

С высоты небес в карьер опускалась скорыми кругами ласточка. Это было удивительным. Стояла зима за стенами карьера, а первая ласточка сулила скорую весну. Как она здесь оказалась?

— Ты внял моей молитве, Господи! — воздел руки Арсений. — Иду к Тебе, Единый и Святой! — запел псалом: — «Боже отмщений, Господи, яви Себя! Восстань, Судия земли, воздай возмездие гордым», — и зашагал босыми ступнями по дороге, которой пришел сюда. Его не окликнули, не остановили, всех увлекло появление ласточки. Идущий прочь митрополит воспевал проклятия, а отверженные люди радовались чуду.

Лишь провожатый его смотрел во след Арсению с укоризной, пока он не растворился в туманной дымке, какая стелется над полями в час пробуждения земли.

Митрополит Арсений шел и шел, не разбирая пути.

Перед Судских он появился неожиданно, проникновенно распевая псалом. Судских очень хотелось окликнуть его, ведь шел митрополит из Зоны, чего он не знал, но что-то под-

талкивало его изнутри: вот идет человек, который тебе необходим. Он не стал делать этого, настолько проникновенно и самозабвенно пел человек, босой, идущий к престолу Всевышнего. Можно ли останавливать такого в миг его просветления?

Блуждая неприкаянно в дымке, выходя на освещенные места, Судских повидал множество поднимающихся снизу. Обычно они не задерживались, проходя свой путь без остановок, сосредоточенно, готовясь к встрече с Творцом. Не стал он заговаривать с Мастачным, даже с Гришей Лаптевым не стал, понимая, что будет другое время разыскать их, а сейчас нельзя. Наученный горьким опытом, он не лишил идущих сомнамбулического состояния: так он окликнул бредущую Марью, и та превратилась в яркую вспышку, в облачко, исчезла, и больше он не встречал ее. Общавшись другой раз с архангелом Михаилом, он спросил о Марье.

— Ты никогда больше не встретишь ее. Она исчезла совсем. Никогда больше не окликай идущих оттуда, — отвечал архангел. — Остановишь, лишишь их инкарнации, душа эта не появится вновь в человеческом обличье на земле, вместо нее дьявол отправляет вниз своего ставленника. И меня понапрасну не беспокой. Надо что, кличь своего ангела-хранителя.

— Я виноват, — почувствовал угрызения совести Судских. — Мне так жаль Марью. Прости...

— Бог простит, — сурово ответил архангел. — Ты лучше познавай пришедших, а не идущих. Земля готовится к перерождению, а ты пока не решил, чем будешь полезен людям. Познавай минувшее, — кратко закончил он и ушел прочь, позвякивая мечом о поножи, уверенным шагом пехотинца.

«Земля готовится к перерождению, — осело в памяти Судских напоминание архангела. — Как это произойдет? Бескровно и без потерь вряд ли наступит обновление, и какие жертвы последуют... Он не зря подчеркнул: полезен людям...»

Размышляя, Судских непроизвольно спускался вниз.

«Но ведь возможно! Верую!» — пришли на ум слова экс-президента, когда Судских объяснял ему, из-за чего не повезло работам с нейтрино. «Конечно же! — осенило его, — обновление каким-то образом связано с обузданием радиации, и мне следует полно узнать причины, связанные с торможением данных работ».

Он спустился довольно глубоко. Здесь царил полумрак и висела липкая мгла кисейной завесью. Сквозь нее Судских едва различал какие-то снующие тени, поежился: не довелось раньше сходить в подобные глубины, а ноги вели его ниже и ниже.

Постепенно развиднелось, как бывает в пещере, которая освещена костром или факелами.

Он и увидел на малой площадке отблески костра. Вокруг него полулежали в охотничьих нарядах люди. Судских пригляделся. Никого не узнал, кроме одного, по известному всей планете взгляду с усмешкой человека, обремененного многими тайнами, уверенного в своих дьявольских силах.

— Дмитрий Федорович, — позвал Судских.

Человек не пошевелился, усмешка не исчезла. Судских не знал, как поступить. Заводить разговор прямо здесь, среди посторонних, как-то не с руки, а маршал не замечал его.

«Что ж делать-то?» — озадачился он. Подошел ближе. Его опять не замечали. Что-то подсказывало Судских, что эти люди военные.

— Боевая тревога! — выпалил он.

Никакого эффекта. С таким Судских встретился впервые.

«Ладно, — решил он, отходя прочь. — Подъедем с другого бока. Если военные не реагируют на чувство долга, значит, это высшие чины, воинская знать, живущая не долгом, а самосохранением».

Он поднялся выше просто из желания лучше разглядеть эти непонятные места и ощутил вдруг, что ноги вязнут будто в трясине. Стало не по себе, и самописцы в реанимационном блоке отразили причудливой пляской его состояние. Дело

происходило днем, и тотчас у ложа Судских собрался весь персонал.

— Расступитесь! — крикнул Толмачев, протискиваясь к Судских. — Устроили цирк...

Судских двигал ногами, шевелились губы, сжимались и разжимались пальцы.

— Ой, мама! — вскрикнула медсестра Сичкина.

— Что мама? — разозлился Толмачев, не зная, как поступать в нестандартной ситуации.

— Эй, ангел! Хранитель! — услышали все отчетливо, и никто не двинулся с места, остолбенело выжидая продолжения, но Судских расслабился, затих, и будто ничего не случилось в палате, набитой до отказа медперсоналом.

— С меня хватит! — вытер липкий пот со лба Толмачев. — Пора начальству докладывать, — как бы искал он поддержки среди окружающих. — Пусть вызывают профессора Луцевича, ему и разбираться.

Присутствующим все было до лампадки, лежи здесь хоть сам святой. Одна Сичкина затаила радость в себе от упоминания имени Луцевича. Пусть приезжает быстрее, пусть!..

Судских выглядел обычным уснувшим человеком. Исчезла восковая бледность. Он был недвижим, а всем хотелось ради любопытства, чтобы он задвигался снова, встал и пошел. А то Луцевич, Луцевич, можно подумать, ангел-спаситель...

Ангел-хранитель появился вовремя.

— Ты больше так глубоко не забирайся, — помогал он Судских выбраться наверх. Подросток, а сильный. — Даже мы без предупреждения не делаем этого. Здесь дьявол пощаживает, гадкие места...

Когда посветлело, они остановились. Только тут Судских передохнул и успокоился.

— Спасибо тебе, — поблагодарил он парнишку, разглядывая его.

— Не за что, — беспечно ответил тот. — Для того я и ангел-хранитель. И только твой, конечно.

Парнишка был одет в коротенькую юбчонку, вернее, охвачен куском легкой материи с прорезью для головы и стянут пояском по талии. Получалась юбчонка и безрукавка одновременно, и это было удобно для крылышек, трепыхавшихся у него за спиной.

— Как тебя зовут? — спросил Судских.

— Тишкой, — свободно ответил он.

— Тишкой?

— Вообще-то я Михаил, но я — это ты в прежней жизни.

— Ничего не понял, — затряс головой Судских.

— Да все просто. В прежней жизни ты дожил до двадцати четырех лет, грехов за тобой не водилось и Всевышний назначил меня твоим ангелом с переходным именем Тимофей.

— И когда же я жил в прежней жизни?

Судских поразили черты лица Тимофея. Они удивительно напоминали ему сына с фотографии, сделанной в день поступления в мореходное училище. Такое же открытое для грядущих событий.

— Да-а-вно! — охотно отвечал Тишка. — Я тут засиделся, поджидая тебя. Четыреста лет назад. Мало ты прожил, но здорово!

— И кем я был? — заинтересовался Судских.

— Воеводой-ратником. Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Сам Всевышний тебе место царя-объединителя прочил. И не получилось... Дьявол козни строил, людской беспечностью усыпил.

Судских задумался, вспоминая, что слышал он о Скопине-Шуйском. Практически ничего. Действительно, иваны, родства не помнящие. Огорчение проступило на его лице, и Тишка сказал:

— Не огорчайся, княже. Ты был хорошим полководцем, освободил Москву от тушинского вора. Тебя все любили. Ты был удачлив. Ты и сейчас удачлив. Всевышний оберегает тебя.

— А что же лет так мало отпущено было в прежней жизни?

— Тебя отравила жена бездарного твоего родственника. Суший выжидал четыреста лет, чтобы дать тебе новую жизнь. И опять ты не уберегся. Но сейчас Он не может ждать, и ты поэтому жив. Сам архангел Михаил тебе потворствует, оберегает. А ты без меня нигде больше не расхаживай. Тут небезопасно, в хлябях нижних.

— Спасибо, Михаил Васильевич, — не смог Судских назвать своего охранителя Тишкой, своего именитого предка...

— Не за что, — опять беспечно ответил Тишка. — Только ты называй меня, как положено, Тишкой, Всевышний велел, чтобы сглаза не было, и мы еще поговорим, как от злых женщин обороняться. Я тебе всегда помогу, за четыреста лет многое ведаю, тебя ожидаючи.

— Тогда объясни, почему со мной внизу не разговаривали? Сам Иисус разговаривал, а эти — нет.

— Это просто, — охотно взялся пояснять Тишка. — В том ярусе Всевышний собрал всех, кто пренебрегал разумом ради сиюминутной пользы. Творец возложил печать молчания на их уста. У нас ведь тоже и волнения здесь, и битвы. В нижнем ярусе вроде заложников. Они пособники Аримана. Победит Отец наш, их выпустят. А случается, их меняют на ратников архангела Михаила. Тебя, к примеру, на Илью Трифа разменяли.

— На кого? — не поверил Судских.

— На Трифа, — обыденно повторил Тишка. — Он в ад запросился, его и отпустили. Насильно мил не будешь. Теперь он служит Ариману по знаниям своим, а они-то посильнее, чем у тех, кого ты встретил в нижнем ярусе... Триф — фанатик.

— Печать молчания? — переспросил Судских, и Тишка кивнул. — Но мне надо знать о том секретном заседании Политбюро! Как же познавать тайны, если владеющие ими молчат? А Брежнев, Андропов?

— Все намного проще, — не находилось тупиков для Тишки-ангела. — Андропов там же, а Брежнев, хоть и не там, ниче-

го не знает. И что ты хочешь узнать от вождей? Они никогда не говорят правды, обеляют свои поступки, ссылаясь на государственные интересы. Зато ближайшие помощники знают все и охотно раскрывают тайны. Пошли со мной, найдем такого...

Они двинулись вверх легким шагом. Развиднелось лучше, кисея посветлела, перестала липнуть к Судских.

— Майор! — позвал Тишка.

Появился высокий человек с непроницаемым, надменным лицом и стал по стойке «смирно!», одетый, однако, в спортивный костюм.

— Слушаюсь! — ответил он, глядя в упор на Судских. Маленькая дырочка в правом височке кровоточила.

— Это самоубийца, — шепнул Тишка. — Они здесь беспринютны и остаются такими всегда с последней каплей жизни. Возврата им нет, Всевышний не прощает самоубийц. Говори с ним.

— Представьтесь, — сказал Судских, как обращаются старшие по званию к младшим. Майор отрапортовал:

— Офицер для специальных поручений, майор ГРУ Толубеев! Имел доступ в отдельный секретный архив Министерства обороны. Покончил жизнь самоубийством.

— Почему? — оставил начальствующий тон Судских.

— Мне было поручено уничтожить сопроводительные документы к секретной записке Харитона и Зельдовича по проблемам нейтрино. Я не исполнил приказа.

— Расскажите подробней.

— Слушаюсь! — сделал полупоклон майор. — Харитон и Зельдович подготовили записку министру обороны Устинову, где говорилось об исследованиях на секретном объекте Арзамас-2. Выводы следующие: работы с нейтрино преждевременны, их практическое воплощение делало нашу оборону уязвимой.

— Почему?

— Мы лишались главной мощи, того наступательного оружия, которое создавалось под руководством Харитона и Зельдовича, а ранее Сахаровым.

— Но как я понимаю, ядерного, термоядерного и нейтронного оружия лишались все в мире.

— Так точно. Однако за неделю до этой записки у министра побывал адмирал Горшков и довольно резко настаивал на перекройке бюджета. Министр не соглашался, напомнил, что Горшков получает львиную долю из оборонных ассигнований и наш флот не уступает военно-морскому флоту США. Тогда адмирал Горшков вспылил и сказал, что наши разработчики двигателей для военных кораблей поставляют такое говно, и сами корабли говно, и весь флот показушный, не сможет соперничать с американским. Когда корабли в боевом дежурстве, они жгут котлы, гоняясь за американскими, а те беспрепятственно уходят от них. Котлы и паровые турбины наших кораблей устарелого образца, выдыхаются при сорока узлах, в то время как на однотипных американских фрегатах ТЗА — турбоzubчатые агрегаты — дают крейсерскую скорость до пятидесяти узлов, выдерживают двойные и тройные перегрузки. Министр тоже вспылил и ответил ему: «Ты, Сережа, сам настаивал на установке таких котлов, а я из-за тебя не хочу получать головомойку на Политбюро. Представляешь, какой хай поднимется, если я скажу, что наши корабли говно, петух ты разноцветный!» «Это твои огрехи! — возражал Горшков. — Ты утверждал проекты заведомо хилые, без необходимых сплавов, ты покрывал своих старых дружков, ты отдавал заказы тем заводам, которым давно пора кастрюли делать! Ты провалил всю программу модернизации флота! Ты обабился в своем сраном Политбюро и настоящим мужиком, офицером никогда не был!» Министр выгнал его. В тот же день он подписал приказ о промышленном производстве систем наземного базирования новейшего образца, хотя ранее предполагалось ставить их на боевых кораблях исключительно. Это и стало основной причиной поддержки Харитона и Зельдовича, а не разработчиков Арзамаса-2. Возобладай их проект, у нас бы практически не осталось флота, способного нанести сокрушающий удар по противнику. Не строились авианесущие единицы, артиллерийские крейсера для обстрела побережий и бухт с ба-

зами противника, а главная сила — новейшие подлодки с титановым корпусом — лишалась и двигателя, и оружия.

— Зато мир мог освободиться от ядерного дьявола еще тридцать лет назад, — огорченно заметил Судских.

— Не могу знать, — сухо ответил майор.

— Почему? Вы ведь явно читали сопроводительные документы?

— Да, читал. Я обязан был сделать это согласно служебному соответствию и распоряжению Андропова.

— Почему Андропова?

— Наш отдел негласно подчинялся ему, любой документ, направляемый в Политбюро, не проходил ранее мимо Андропова.

— Из-за них вы застрелились?

— Точно так. Я по образованию ядерщик, доктор физических наук. В сопроводительных документах вкратце было следующее: би-кварковая теория поглощения радиации имеет ряд неисследованных мест, а в Арзамасе-2 игнорируют это. Да, там в течение года могли создать промышленные установки, способные прекратить текущий ядерный процесс. В Арзамасе-2 не учли явление экстраполяции, их увлекло одно: радиация будет обуздана. Сторонники усовершенствования ядерного оружия сразу нашли этот изъян и постарались очернить арзамасцев.

— И ради этого стреляться?

— Совсем нет. Непосредственно перед распоряжением министра уничтожить все документы к сопроводительной записке Харитона и Зельдовича я получил приказ выехать на производство, разобраться на месте с деталями и подготовить его на деятельность «ноль», то есть консервацию. Арзамасом-2 руководил мой товарищ по институту. Я поведал ему о предстоящей консервации и передал копию документов. Ознакомившись с ними, мой товарищ не расстроился, а обрадовался. То есть арзамасцы получали для своих разработок недостающее звено, которое выполнили для них помимо воли

специалисты-ядерщики. Таким образом, я стал соучастником преступления.

— Но почему преступления?

— Да, преступления. Добейся разработчики успеха — человечество погибло бы. Я застрелился.

— Послушай, майор, — не принимал доводов Судских. — Ты поспешил. Во-первых, другим путем мы обнаружили, что радиация исчезнет, но не человечество, и станет оно развиваться иным путем.

— Это так, но сначала оно исчезнет.

— Боже праведный! — терял терпение Судских. — Откуда ему взяться, если неоткуда?

— Дитя получается из ничего. Видимо, так.

— А ты забыл? — услышал Судских откуда-то свыше. Глас проникал в каждую клетку его тела. — Ты для этого звал меня?

— Вспомнил, — прошептал Судских. — И кто не был записан в Книгу Жизни, тот брошен был в море огненное. Прости, Господи...

— Отпусти майора, — снова услышал он глас свыше. — Он не может знать больше меня.

— Прости его, — подняв голову, смиренно попросил Судских.

— Не тебе просить за отступников. Что знаешь ты о них?

— Ты прав. Но он помогал твоим деяниям.

— А что знаешь ты о моих деяниях? — Глас сверху стал скрипучим. — Он рядится в праведные одежды, а ты веришь.

— Он искренен. Он ответил честно на мои вопросы.

— Только на вопросы. Ты не спрашивал ничего другого.

— Всевышний, — терпеливо спрашивал Судских. — В Книге Жизни говорится также, что несчастные из Зоны ценной своих жизней помогли человечеству возродиться. Они бы могли властвовать в мире.

— Потому и записаны в Книгу Жизни. А майора оставь.

Судских подождал. Ни слова. Тогда он позвал Тишку-ангела, и тот сразу очутился за его плечом.

— Почему Всевышний не может простить несчастного майора?

— О, княже, его отказ от жизни не покрывает содеянного, — охотно объяснил Тишка. — Он сторонник дьяволистов, масон.

— Никогда бы не подумал, — опешил Судских.

— Таких и завлекают в ложи. Студентом Толубеев увлекся дочерью профессора Граве, а она ввела его в масонскую ложу. На кафедре Граве Толубеев сделал отличную карьеру, но ему предложили работу в разведке, согласно его компетентности. Женой Толубеева дочь Граве не стала, но они встречались регулярно. Возглавлял эту ложу твой старый знакомый Гуртовой.

— Вот оно что, — постигло жестокое разочарование Судских.

— Застрелился Толубеев, когда обнаружили в Израиле копии документов по Зоне. Бойся красавиц, княже...

2 — 6

Заново осваиваясь в рамках нынешней ипостаси, напроочь лишенный оперативной работы, Бехтеренко нашел занятие, которое назвал страстишкой: ему понравилось заказывать справки, сводки, графики и по ним, как по кирпичикам, складывать сооружение. Министр так и не сдружился с компьютером, да и времени на дружбу не оставалось. После смерти Гуртового Воливач и Гречаный теребили его часто. Того не подозревая, они превратили МВД в статистическое управление. Сказалась, быть может, тоска Воливача по УСИ.

Поиски тумбочки оставались на совести Бехтеренко и созданной для этого команды. За месяц притирки и составления базы данных Смольников не мог похвастаться результатом. Выяснилось, правда, что прибывающие из-за рубежа ввозят неучтенную валюту. Выяснилось, чаще всего ее везут не новые русские и старые евреи, а командированные и выезжающие на отдых. Среди них преобладали слу-

жители культа и бывшие чиновники, выезжающие провести деток. По таможенным правилам такие суммы конфисковывались государством.

Смольников предложил пометить изъятые ассигнации, а потом, якобы разжалобясь худой жизнью, вернуть их хозяйну. Для этой цели выбрали монаха, пенсионера и папу юриста Моисея Ароновича. Уже через день помеченные купюры обнаружили в обменном пункте: валюту монаха и пенсионера принесли их жены-домохозяйки, а Моисей Аронович менял купюры сам.

— А ведь еврейского следа нет, — говорил Смольникову Бехтеренко, прочитав докладную о дальнейшем движении рублей, меченных в обменных пунктах: деньги монаха обнаружили у двух членов партии коммунистов-гитлеристов, пенсионерские тратили в ресторане два папенькиных сына, а Моисей Аронович вложил свои в покупку цемента для строительной фирмы «Моисей и Финько». Зять то есть.

Решение напросилось само: выверить контингент монашеского люда. Благо монастырей от прежней власти осталось много. В дела церковные по привычке никто не вторгался, советов, как обустроить Россию, не давали, а святые отцы от мирских советчиков держались особняком, хотя особняки их ничем хуже памятников новорусского зодчества не выглядели.

Выверили. Порадовались за крепость монашеского корпуса: четыре пятых его состава — из бывших коммунистов и националов.

— Вот и тумбочка нашлась, — потер руки Бехтеренко через два месяца от начала поиска и отправился на доклад к Воливачу. — Тумбочка со столом и кроватью, скатертью-самобранкой и зеленью.

Воливач выслушал его, просмотрел скрупулезную цифирь, поцокал одобрительно языком. Засмеялся:

— Слушай, Святослав Павлович, да ты прирожденный главбух! Надо ж такой талант скрывать...

Бехтеренко смолчал, чтобы не отвлекать Воливача от чтения документов, а про себя припомнил, что курсантом увлекался восточными единоборствами и времени, стало быть, на прочие науки оставалось в обрез. Тогда он разработал собственную методику обучения, на занятиях не дремал, строил карандашом, позже переносил записи в тщательно разграфленные тетрадки и отдельно в картотеку. Допустим, на одной стороне: установка «Град». На другой — тактико-технические данные. Или турбореактивный двигатель, 4300 км дальность полета, 6340 кг боекомплект. Что это? Ясно: тяжелый палубный штурмовик ВМС США А-5А «Виджилент». Сгодилась метода!

— А это что за картограмма? — привлек его внимание Воливач: картофель, овощи, мясо...

— Это соотношение выращенного на монастырских огородах, — подсказал Бехтеренко. — Вверху помечено: таблица №8 сводной карты. Здесь же соотношение производимого и продаваемого, съедаемого и отдаваемого другим монастырям.

— Интересуемого и познаваемого много! — заржал, подначивая его, Воливач. — Ну, не обижайся, какая контора, таков и язык. Выходит, — перешел он на серьезный тон, — монахи содержат себя полностью, несмотря на партийную принадлежность. Еще и на рынки вывозят до 60 процентов...

— Это еще не все, — выложил Бехтеренко другую таблицу. — Вот сведения о гончарном производстве, стекольном, кузнечном...

— Такие таланты в партийцах, сплошь рабочие и крестьянские специальности! А они дурака ломали...

— Раскупаемость полная, — подтвердил Бехтеренко.

— Но делать-то что? — озабоченно сказал Воливач. — Собирались пригласить патриарха, попенять ему, а тут — хвалить надо. И много. Подскажи, бухгалтер, как поступить?

— А чего голову ломать? — прямолинейно отвечал Бехтеренко. — Давайте жить дружно: вы нам овес, мы вам коней.

— Да? — сузил глаза Воливач. — А перекачка средств из церковной кружки в партийные кассы? Этого в твоих табли-

цах нет, а ФСР предоставило. А то, что в монастырях оружие находят? Это не лимоны да груши, а лимонки да «узи».

Бехтеренко покраснел, обиду получил незаслуженно. Получалось, ему дали неполное задание, а выговаривали за халатность.

— Виктор Вилорович, моя контора пишет, а ФСР карандашами не делится. У них штаты прежние, а у нас на министерство пять автомашин, да списанных из парка ФСР. Справедливо?

Несправедливо. Обиду Воливач уловил, но отреагировал в своей манере:

— Не плачься. И по монастырям тебя шарить не посылают. У тебя ребята Судских работают? Вот и давай мне классу. Овощи раскопал, найди и фрукты. — Тут он смягчил тон. — Распоряжусь, чтобы делились с тобой информацией.

— Проще контору прикрыть, — вставил Бехтеренко.

— Додумался, — сделал кислую мину Воливач. — Нигде больше не ляпни. Казаки — казаками, а милиция — милицией.

«Ясно, — уразумел Бехтеренко, — чего-то не поделили вожди».

Впрочем, не его это собачье дело.

А размолвка Воливача и Гречаного произошла вот из-за чего: разведданные подтверждали интерес Пентагона к Зоне. Разумеется, США располагали высококласным оборудованием, открыли ряд новых лабораторий для исследований природы би-кварков, чего Россия не могла себе позволить. Зато обладала самой Зоной. А тут еще исчезновение митрополита Арсения. Наблюдатели видели его выходящим из Зоны, и вдруг он растворился. Шум поднялся невероятный, опять русских обвинили в притеснениях Церкви, будто Воливач заставил его ходить в Зону... И никто не знал, куда подевались дискеты Лаптева, где Марья? В смерти Лаптева Мастачный сразу признался, а исчезновение Марьи с дискетами осталось загадкой. Сотрудничать Зона отказывалась, попросту не подавая признаков жизни. Еще и расшифровка лаптевских записей ничего не дала. Ко всему прочему Гречаный настаивал поручить расшифровку записей

МВД, а Воливач отдал их ФСР. Обнажились ведомственные интересы: Воливач опекал разведку, Гречаный — МВД. Бехтеренко разрывался между обоими, чего не случилось бы при Гуртовом. Случилось. Почувствовав ослабление власти, подняли голову сектанты. От них отпихивались и разведка, и милиция. Гречаный предложил травить заразу дедовским методом, Воливач хотел иметь противовес для Церкви. Кое-как сошлись на регистрации культовых обществ. Ну и что? Зарегистрировались. А слухи о грядущем светопреставлении разрослись до громадного оползня. И было на что сослаться: над Штатами разрастались озоновые дыры. Аналогичные доедали Австралию. Оказались чепухой доводы о происхождении дыр из-за производства фреона. Просто изобретатели аэрозолей с наполнителем вытесняли конкурентов. Но дыры-то были! Как результат человеческой деятельности. Но какой? В прежние времена к озоновым дырам относились снисходительно: дыра и дыра, теперь сытая Америка зашевелилась. Потеря озонового слоя разрасталась в глобальную катастрофу.

Первыми Америку стали покидать преимущественно евреи.

«А эти после долгих скитаний насиженных мест не бросают», — прикидывал Воливач, как расположить к себе обиженного Бехтеренко и подбросить ему задание: хорошо это или плохо для России? «А чего мудрить? — по принципу Бехтеренко решил и Воливач. — Если он с кормами разобрался, пусть о едоках подумает».

— Святослав Павлович, в Штатах миграция набирает силу.

— А я при чем? — хмыкнул Бехтеренко.

— И очень даже, — стал совсем добрым Воливач. — У нас на въезд ограничений нет, а не пора ли планочку поднять? Господь их так долго в одном месте не зря собирал, не дать же им заново распозаться? Ты бы дал команду дебет с кредитом свести? А я тебе десяток новеньких джипов выделяю...

«Вот, — опять хмыкнул Бехтеренко, — мир на глазах разваливается, а у нас его по-прежнему лошадиными силами измеряют».

— Чего молчишь?

— Да вот думаю, стоит ли из-за десятка джипов глобальную историю перекраивать?

— Не обижу. Работаешь на меня, статус особый будет.

«Быстро я взлетаю, — подумал Бехтеренко. — От другого берега удаляюсь. Как бы крылышки не обломать...»

И как когда-то Судских, он мог твердо рассчитывать на поддержку Воливача. Не обидеть бы и Гречаного...

— Подумаем, — согласился Бехтеренко.

— Только недолго. Ждать некогда. Евреи — народ шустрый, как тараканы, глазом не моргнешь, уже на березовых дровах мацу готовят.

— Тогда — готово.

— Что готово?

— Лекарство — антимагин. Запрет на въезд. В Штатах-то выявили непонятную болезнь с симптоматикой СПИДа. Только непонятно, как она передается без половых контактов. В основном заболевают дети.

— Да-а-а, — протянул Воливач и тотчас схватился за решение: — Вот под эту марку пусть их санконтроль дробит на въезде.

— И дробить не надо. Никто из Штатов, приезжающий в Россию на постоянное жительство, иммунологический тест не выдерживает. Когда джины забирать?

— Обожди с джипами, — придержал его Воливач. — Все или только евреи не выдерживают?

— Все. А причину знаете? Нет. Так вот она в чем: наши мэнэсы, то бишь Судских, делали сравнительный анализ экологических продуктов из Штатов и местных и обнаружили, что высокая очистка уничтожает и полезные бактерии. Развивается дисбактериоз. Его излечивают, а после него появляется сама эта болезнь. А мы ломали голову, почему Штаты предлагают нам экологические продукты почти даром... Так когда джины забирать?

— Прохвост ты, Святослав Павлович! — расхохотался Воливач. И уже серьезно добавил: — А жаль, что ты в другую команду перешел. Но я помню о тебе.

Гречаный вовсе дожидаться запретов не стал: велел перекрыть аэропорты под предлогом карантина. Таможня также находилась в его ведении. Про себя Воливач похвалил его за сметку, а вслух выразил неудовольствие: они, мол, договаривались о коллективных действиях.

— Витя, — отвечал Гречаный, — не дразни гусей. В стране относительный порядок, а ты хочешь взорвать его? Москва едва дышать стала свободно, а эмигранты скупают по три — пять квартир на одну семью. Родичей волокут человек по тридцать. Опять теснота и обида? Нет уж, сразу заслон нужен.

— Охолонь и ты, — разгорячился Воливач. — Трудно было меня в известность поставить?

— Прости, батюшка-царь, очень быстро старались, радуячи за державу, не вели казнить.

— Ты это зачем? — нахмурился Воливач.

— Сердишься, значит, понял. Оставь обиды. Мы клялись друг другу не делать худа России. Кого угодно спроси, правильно я поступил или нет? Или ты поступишь иначе?

— Казацкие штучки. Чуть чего — за нагайки, — буркнул Воливач.

— Россия за нас. А чтобы из-за бугра не доставали, скажем: страна готовится к референдуму. Есть такой дурацкий, дорогостоящий, но безотказный прием.

— На это уйма времени уйдет.

— А что в принципе произошло? Создают панику, а нам ее расхлебывать? — возрился на него Гречаный. — Европа возмущена? Пусть принимает переселенцев. Африка негодует? Пусть растворяет снега Килиманджаро своими слезами, а не нашими. Я жил в Штатах, учился, и все их приколы по поводу веротерпимости мне до одного места. Нам копейки никто не дает в долг без хороших процентов, а платочки из вторсырья для наших слез продают по цене скатертей. Эта земля принадлежит не нам, а нашим детям и внукам, вот от

их имени я и велел перекрыть аэропорты. А там посмотрим. Руку — на отсечку, ты бы поступил точно так. И не будем ругаться из-за этих туристов. Там поживут, туда поедут...

— Чертово семя! — ткнул его кулаком в бок Воливач. Глаза не поднял. Совсем вжился в роль главного распорядителя, и было стыдно, что его поставил на место единомышленник.

Референдум объявили и по его результатам сообщили: практически все население сказало нет эмигрантам. Края, области, автономии. Даже приморские малочисленные оро-чи были против. Только чукча думал. Так и записали: можно обживать районы Крайнего Севера. Мир застыл оледенело от такого референдума, и следом — горячий шквал осуждения, где термин «интернациональная наглость» был не самым громким, но довольно обидным. В шумихе никто не упомянул, из-за чего сыр-бор разгорелся.

Собрали Ассамблею ООН. От России приехал Гречаный, достаточно злой для отповеди. Вышел на трибуну в прекрасном сшитом костюме, а всем почудилось, в папахе, бурке и обязательно с нагайкой. Бочком облокотился и повел речь:

— О чем шум, господа? Когда вы получали беспрепятственную возможность ввозить в Россию радиоактивные отбросы, это считалось хорошо. Когда мы сказали твердо нет, это воспринялось плохо. Мы объявили режим беспрепятственного въезда в Россию, и вы восторгались широтой русской души, мы решили временно приостановить въезд, и нас обозвали «интернациональными наглецами». Но кто удосужился спросить: почему из Америки выезжают люди, причем не коренные жители? Это ли не обычная вульгарная наглость? А причина кроется в следующем: без согласия стран Организации в Штатах более пяти лет проводятся исследования бикварковых полей, что и породило расширение озоновых дыр. На чашу Организации брошены амбиции.

Огромная чаша заседаний вскипела.

— Вот документы, господа! — повысил голос Гречаный и поднял над головой плотную папку. — Здесь зафиксированы места испытаний, сами эксперименты и тщательный ана-

лиз последствий. Ваши независимые эксперты согласились с ними. Мир еще никогда не стоял так близко к своей кончине. Это не интернациональная наглость чванливой сверхдержавы, это — международное преступление. Не зная броду, не суйся в воду.

В этом зале со времен «матери Кузьмы» и батьки Никиты Хрущева не случалось пока подобного эффекта немоты, как упоминание мелководья, которое вроде бы есть и вроде бы нету. Ступор называется. Онемение длилось достаточно долго, чтобы почувствовать холод космической дыры. Громадная чаша зала с рассеянным светом больше всего подходила для сравнения с апокалипсической купелью. Каждый осознал свою ничтожность перед хладом неизвестности. Лишь представитель России, будто похлопывая нагайкой по сапогу, которых вроде бы нет и вроде бы есть. Он был спокоен и зал отогрелся его спокойствием.

— Господа, вернитесь в бытие, — услышали в зале слегка насмешливый голос. — Я ботинком стучать по трибуне не обуюн.

После таких слов зал прорвало. Председатель долго успокаивал представителей и отключил наконец все микрофоны. Случай беспрецедентный, как и услышанное потом.

— Я хочу спросить представителя великой державы, — услышали все голос председательствующего, а Гречаный с удовольствием незаметно загнул палец, как отмечают очко выигрыша: давненько Россию не называли великой державой. Зал утих разом. — Может ли Россия помочь миру в решении этой мрачной проблемы?

— Может, — уверенно сказал Гречаный, и зал облегченно выдохнул. — Но не сразу. — Зал вздохнул и напрягся. — Мы сами еще не знаем подлинной причины грядущей катастрофы. — В зале опять дохнуло холодом. — В самом ближайшем будущем она будет решена. — В зале потеплело. — С вашей помощью! — закончил Гречаный весело, и каждый был готов отдать свой бумажник немедленно.

— Какая нужна помощь? — спросил председательствующий.

— Нормальная, — без рисовки ответил Гречаный. — Сначала мы упорядочим режим въезда эмигрантов и обязательно с переводом всех средств в российские банки, — подчеркнул он. — Если народы России сочтут возможным принять ограниченный контингент. — Зал молчаливо согласился. — Международному сообществу следует также пересмотреть кредитную политику по отношению к России. Не стоит мелочиться в преддверии общей опасности. — Зал проглотил и это, хотя пахло интернациональной наглостью. — И в заключение скажу, что мы надеемся на помощь заинтересованных стран в решении древнейших несоответствий.

В зале никто не рискнул выяснять, что же это за «древнейшие несоответствия».

«Нью-Йорк Таймс», наиболее полно освещавшая ход Ассамблеи, прояснила новый термин вполне доходчиво: «После господина Гречаного слово взял представитель Израиля. Он был необычайно краток: «Мне понятны затруднения России. Мы готовы устранить финансовые несоответствия и от мифов перейти к реальности. Время требует этого». Мы можем строить предположения, что имели в виду оба джентльмена, — сообщала «Нью-Йорк Таймс», — но что оба поняли друг друга — это однозначно. Пожатие их рук скрепляет надежду, что мир не провалится в озоновую дыру Штатов и черную в России».

— Видишь, Леонид Матвеевич, — щелкнул ногтем по статье в газете Гречаный, обращая внимание Смольникова. — Нас теперь принимают и понимают так, как нам того хочется. Спать ложимся вроде пешки, просыпаемся ферзем. Высоцкий пел когда-то.

— Очень мило преподнесли, — согласился Смольников. Он выезжал на Ассамблею в штате Гречаного. За рубежом впервые, ситуация необычная, а он, как всегда, спокоен и даже снисходителен к подарку судьбы. Подумаешь, пятикомнатный люкс в шикарном отеле, еда в номер по желанию, лакеи в маршальских ливреях, в баре, занимающем одну сте-

ну гостиной, штук пятьсот бутылок и бутылочек — все это он читал в книжках тысячу раз и увидел почти знакомым.

— По этому поводу не сообразить ли пару коктейлей? — спросил Гречаный, и Смольников взглянул на ручные часы: обычная русская «Слава», он на «ролексы» не разменивался.

— Десять минут в запасе, — ответил он. — Я пока приготовлю на троих, если гость пожелает.

— Это по-нашему, — согласился Гречаный.

Ждали международную знаменитость — профессора Луцевича. От его визита зависело многое. Есть множество уникальных специальностей, в своей Луцевич был уникалом, единственный в своем роде. Хирург Божьей милостью и знаток эзотерических доктрин. Ни одну он не исповедовал, но биметалл физики и метафизики пригодился для уникальных операций на спинном мозге, где центры души, и на головном, где обретает разум. В разгульные дни братания Христа и Антихриста он выехал прочь: в отечестве, как всегда, не признавали уникалов, и богатенькие буратино предпочитали выезжать на лечение к тем же евреям или туда, куда переебрались господа уникамы.

Звонок посыльного, и на пороге возник именитый профессор. Неизменно обаятельный и веселый, предмет воздыхания студенток и медсестричек. Неизменное приветствие:

— С нами прародитель Орий!

Гречаный и Смольников впервые встречались с Луцевичем не на журнальной обложке. Смольников воспринял гостя с вежливым спокойствием, он ничему не удивлялся, а у Гречаного загорелся глаз: с таким напарником не грех прошерстить кое-что, кое-где и не кое-как. Он сам понимал толк в искусном и не принимал искусственного — ни дружбы, ни презервативов, а с одногодком-профессором хотелось общаться с вождением, он и руки протянул к нему, как тянутся они к запотевшей от холода бутылочке пива и росинки прохлады на боках желаннее всех драгоценностей мира. Кто не ценит прекрасного в любых радостях, зря жил, кто не просыпался в тягости, не поймет.

— Вот это красавец! — обнял Луцевича Гречаный. — Белокурая бестия, настоящий ариец!

— Малость полинялая, — обезоруживал улыбкой Луцевич. Перезнакомились по-простому, без экивоков.

— Ленечка, приготовь за встречу. Чего? — вопросительный взгляд на Луцевича.

— «Тайную вечерю», — ответил профессор, оценив внушительный арсенал вдоль стены. Луцевич понаблюдал, как с достоинством взялся Смольников готовить выпивку. Уважительность он заработал отсутствием вопросов. Гречаный же не удержался:

— Леня, друг ситный, что это за смесь?

— Кагор, немного спирта и крекер. Опреснок, так сказать.

— Вот так я попал! — вытянулось лицо Гречаного. — Нет уж, на «тайные вечера» я не ходок, мне водочки или джина, — замотал он отрицательно головой.

— Говорю тебе, прежде нежели пропоет петух трижды, отречешься от меня, — насмешливо процитировал Луцевич.

— От тебя — нет, а от кагора сразу. Олег Викентьевич, выпутай меня из дурацкого положения.

— Без проблем, — ответил Луцевич и прошел за стойку. — Я все же кагорчиком причащусь, а вам «казачка» сделаю. Джин, ложечка лимонного сока и перчик. Леонид Матвеевич, у нас есть перчик?

— Вот, — раздобыл из-под стойки стручок перца Смольников. — Модный нынче коктейль, все приготовлено. Кайенский.

— Мой напиток, — облегченно вздохнул Гречаный. — Горилка бродвейская!

Разговор завязался после первого глотка. Луцевич был готов.

— Случай особый, как и сама личность. Я оперировал его, но тогда нельзя было извлекать пулю из-под черепа. Может быть, поэтому у него не просто коматозное состояние, это состояние самой души больного. Он попал на стремнину российского половодья безгреховным, оттого и неподготов-

ленным. Можете верить мне, у генерала Судских синдром Лазаря или болезнь Ильи Ильича. Лазарь был наиболее любимым Христом, на тайной вечере он возлежал на его груди. Если помните, после воскрешения в Вифании он стал его учеником. Судьба Лазаря глубоко таинственна и несравнима с судьбами прочих апостолов. Он стал провозвестником мистерии Голгофы и возвестил человечеству тайну нового пришествия Христа. Он — крестнесущий. Наиболее близок русским его прообраз, Илья Муромец. Как помните, до тридцати лет он маялся ногами, не ходил из-за паралича, а болезни эти были ниспосланы ему не за грехи родителей, рода или самой Руси, а ради сохранения сил для грядущих битв во славу Руси, освобождения ее от непротивления злу. Народ русский не противился царям, вождям, и сейчас он на пороге истинного обновления, очищения души от скверны. Примерно в таком положении находится и Судских. Как мне кажется, час его пробуждения не наступил, но близок. Вмешательство скальпеля ничего не даст. Не тот случай.

— А как скоро наступит пробуждение? — нетерпеливо спросил Гречаный. — Проснись он, и многие наши проблемы отпадут, как эта самая скверна.

— Семен Артемович, вы зря уповаете на пробуждение Судских. Он может вернуться абсолютно другим человеком. Станет, например, замкнутым, отчужденным, мир привычных ценностей обретет для него иное содержание. Случиться может все. — Он усмехнулся после этих слов. — Я внимательно следил за ходом Ассамблеи, и ваша речь свидетельствует о том, что вы самостоятельно очищаетесь от скверны. Вечная надежда русских на чудо рождает терпение, но не импульс к свершению чуда рождает терпение. Сейчас наконец что-то меняется в их сознании.

— Вашими устами да мед пить, — сказал, прихлебнув из своего стакана, Гречаный. — Бодрящий напиток. — И без перехода: — Так вот, хотелось бы просить вас приехать на Родину, посмотреть, как оно там, а заодно обследовать Игоря Петровича. Он уже подавал признаки пробуждения, од-

нажды заговорил даже, так медсестра-вертихвостка проводила.

— А, Женечка, — понимающе усмехнулся Луцевич. — Помню...

Гречаный пропустил последнее мимо ушей.

— Как вы относитесь к предложению?

— В общем-то положительно.

— Дорогу, расходы, гонорар оплатим, — поспешил заверить Гречаный. — По высшей ставке.

— Семен Артемович, обижаете, — как ребенок засмутился профессор. — Я нынче как магараджа существую.

Смольников проницательно взглянул на Луцевича и оценил, какое значение он вкладывает в слово «существую».

— Тогда милости просим, — с поклоном сказал Гречаный.

— Где-то в июне-июле. Через месяц то есть. Пожертвую Канарами.

— Спасибо, Олег Викентьевич, — поблагодарил Гречаный, не выторговывая ближних сроков. Он провожал гостя с сожалением.

— Мне такие всегда нравились, — сказал под впечатлением от встречи Смольников. — Незапятнанный он, как Судских.

Гречаный походил по гостинной, молча обдумывая сказанное. Чему-то усмехнулся, хотел даже перевести разговор в иную плоскость. И не случайно он брал с собой в ответственную поездку Смольникова: тому обкатываться надо в верхних слоях, — проверен испытаниями, пора в лидеры. Уклоняться от нужной темы нет нужды.

— Судских, говоришь? Отличный мужик. И схож с Луцевичем. Они, Леонид Матвеевич, оба освоили ремесло, стали мастерами, и знаешь, какая дальше ступень развития?

— Наслышан немного, — учтиво ответил Смольников. — Демиург?

— Верно. Воливач присмотрел Судских давно и пестовал для будущего. Это уже политика, Леонид Матвеевич. Так?

Смольников не привык комментировать то, от чего он далек. Лучше слушать. Поняв тактичность Смольникова, Гречаный закончил:

— Судских нужен Воливачу для проведения своих действий, но мозговой трест он не собирается создавать. Воливач — сам мозг, осознающий, какие перемены требуются для России: прежде экономических требуется разрешить проблемы идеологические, а как это делается, ему осознать сложно и боязно. Он способен только перелицевать прежнюю идею. Воливач поручил Судских досконально разобраться с исследованиями Трифа. Потянули за веревочку и вытащили на свет Божий здорового мастодонта в виде зачатков новой религии. Воливачу она не нужна, вообще никому не нужна из бывших. А она неотвратима и нужна.

Смольников слушал монолог несколько отстраненно, будто сквозь вату приходил к нему бархатный баритон с напевным украинским «гэ», некий голос за кадром, озвучивающий гротескные картины, потусторонние пейзажи, отчего видения приобретали реальный вид. Новая религия? Он и без прежней живет не жутит...

— Вернись на землю! — с мягкой усмешкой позвал Гречаный. — Свежо предание, а верится с трудом?

Смольников откашлялся в кулак.

— Я как-то об этом не задумывался, — покраснел он.

— Все мы в основе своей сиюминутчики. Вожди наши, мы за ними. Схватывались с пожитками, словно поезд уходит, выкладывались, догоняя идущий вагон, вскакивали на ходу и, отдышавшись, понимали: не тот поезд. А казаки, считаешь, случайные гости в нынешней России? — вопрошал он с прежней мягкой улыбкой.

— Нет, — сосредоточенный на своем, отвечал Смольников. — Это сила в нынешней России. Пожалуй, всегда была.

— Вот... Ты сказал. Казаки на пороге третьего тысячелетия оказались тем самым гегемоном, о котором талдычил Маркс и поддакивал Ленин: рабочий класс — гегемон революции. Ну да, — сам себе кивнул Гречаный. — Булыжни-

ком в зеркальную витрину — это гегемонично. Пролетариату, кроме своих цепей, терять нечего, а казаку есть чего. Казак свободолюбив, но уклад жизни оберегает ревностно. Как понимаешь, казаки в путче горшки по супермаркетам не били. Выбили нечисть — и по курням. Новая служба их вполне устраивает, и людям покой. Я прав, Леонид Матвеевич?

— Особых разночтений не вижу, но хотелось бы глубже копнуть.

— Ты прямо мои мысли читаешь. Именно разобраться глубже я хочу тебя просить. Нужен глубокий философский труд. И это будет даже не фундамент, а ложе новой веры. Все архивы станут работать на тебя. Особенно разберись с письмами Свердлова, Троцкого, Бухарина. В их нелюбви к казачеству погребена истина. Казаки ведь не просто служивые люди, не ратники, а ратиане. Наш бог Ратиан, или Орий по славянским древним книгам. Включайся... И повтори-ка мне «казачка». Душевно потребляется.

Смольников направился к бару, и тут заверещал ненавязчиво телефонный аппарат.

— Делай, делай, — махнул ему рукой Гречаный и взял трубку.

Звонили из бюро охраны, к ним хотел подняться некий Тамура.

— Встреча не планировалась, у нас есть не более получа-са. Если господина Тамуру это устроит, пусть подымается.

Протягивая коктейль Гречаному, Смольников смотрел на него вопросительно.

— Кто такой Тамура? Это японский Триф, — отвечал Гречаный. — Он в Японии тоже чего-то накопал, за что угодил под надзор психотерапевтов. Триф работал без помпы, а Тамура нашумел изрядно. Начинал нормально, точно определял места землетрясений. Он ведь сейсмолог, — пояснил Гречаный, — и фигура в этой области приметная. А его отец — финансовый магнат. С год назад его самого залихорадило, несколько раз он предсказывал конец света. Твой однополчанин Иван Бурмистров заинтересовался им, и Бехтеренко

пригласил его в Россию, но японцы непустили. Тогда порешили встретиться с ним здесь. Интересный товарищ...

Бой в красной ливрее впустил гостя и степенно удалился.

Одного взгляда Смольникову было достаточно, чтобы признать в Тамуре душевнобольного. Смольников недоумевал, почему Гречаный согласился встретиться с таким человеком. Педантичный прагматик Смольников не принимал отклонений от нормы.

— Господин Тамура, это господин Смольников, — представил Гречаный своего помощника. Он делал это с большим уважением, будто не замечал нервного возбуждения гостя.

— Очень приятно, — ответил гость неожиданно низким голосом, что не вязалось с его росточком и поспешностью движений.

Гречаный жестом руки предложил всем сесть.

— Тамура-сан что-нибудь выпьет?

— Спиртного не надо. Закажите, пожалуйста, зеленый чай со льдом. Я буквально на полчаса. Мой самолет через два часа.

Голос его, смутивший Смольникова силой, теперь воспринимался прочным. Разница есть. Пришло на ум: «Иерихонская труба».

— Что так? — спросил Гречаный. — Мы собирались обсудить многие вопросы.

— К сожалению, я обязан вернуться. Обязан, — повторил он, и Гречаный не стал выспрашивать гостя. Цель, раз пришел, обскажет.

Принесли зеленый чай в керамической чашке. Тамура опустил над ней голову. «Как же так, — недоумевал Смольников, — времени нет, а он медлит?..» Гречаный уловил эту восточную тонкость и не торопил: японская философия несравнима с любой другой.

— Чайки покинули мыс Суносаки...

— Это начало чьей-то хайку? — спросил Смольников, желая блеснуть эрудицией, но больше, чтобы расшевелить гостя.

— Нет, господин Смольников, это конец.

— Чего конец? — вмешался Гречаный.

— Если быть точным, это — начало конца всего мира.

«Иерихонская труба, — опять подумал Смольников, теряя интерес к гостю окончательно. — Сумасшедший...»

2 — 7

Дня Мастачного Судских ждал, как никакого другого.

«Вот он!» — чуть не вскрикнул он, и дрожь мщения пробежала по всему телу. Бренное осталось при нем даже здесь.

Ко Всевышнему поднимался Мастачный. Он брел отрешенно, как делают это люди, лишённые последней надежды. Вертухай, ловчила, плут, мерзавец, не вышедший в крутые, мечтавший малыми, но грязными потугами перехитрить всех и создать себе большое и светлое, брел определяться на последнее пристанище.

Судских страстно захотелось громко окликнуть Мастачного, узреть эту ослепительную вспышку, подобно салюту в честь завершения правого дела, и он набрал в легкие побольше воздуха...

— Не надо, — остановил его появившийся за правым плечом Тишка-ангел. — Не разменивайся, княже. Ему уготовано опуститься ниже последнего яруса, в самые стоки. А перед этим Всевышний заклеит его. Самое страшное.

— Для чего заклеит? — спросил Судских, провожая с сожалением во взгляде Мастачного.

— У нас тут несколько нижних ярусов бытия и на каждом располагается своя община. Греховная, понимай. Чем ниже ярус, тем тяжелее грехи. В каждой общине свой уклад: вожди, свита, лакеи...

— Как в обычной тюрьме, — понял Судских. — Но что-то не видел я, как компания Дмитрия Федоровича утруждалась.

— Правильно, княже, — усмехнулся Тишка. — Не видел. Когда тебя нет, они тянут жилы друг друга поочередно.

— А с клеймением что? — поторопил Судских.

— О, — трепыхнулись Тишкины крылышки. — Мастачного отправляют в льяльный ярус с клеймом Всевышнего «Невозвратный», и беседовать там ему вместе со всем родом.

— Зря не окликнул, — пожалел его Судских. — Какой ни есть он мерзавец, а потомков жалко. Это из-за меня?

— Не жалея, — отвечал Тишка. — Потомки клейма не носят, у них есть возможность подниматься ярусами выше за примерное поведение, когда-нибудь они смогут вернуться на землю. А клеймил его Всевышний по другим причинам. Он строг, но не зол и клеймит тех, кто заведомо творит зло. Дантес, например...

— Точно, Тишка! — оживился Судских. — Вот какие стихи есть:

Уже промчалось чудное мгновенье,
Еще чуть-чуть и будет зимний лес,
Где два бессмертья обретут рожденья:
На вечность — Пушкин, на клеймо — Дантес.

— Здорово, Игорь свет Петрович! От Бога стихи... А хочешь взглянуть на нижний ярус?

— Ты говорил, это опасно, даже тебе нельзя.

— Я ведь не сказал — пойдем, а взглянем.

— Давай! — загорелся Судских.

Ангел за руку увлек его за собой. Судских казалось, что они будто перемещаются по эскалатору вниз. Светлая мга вокруг серела, тяжелела и в то же время наливалась изнутри багровым цветом. Видимость не ухудшилась, но Судских сказал бы — удручилась зловеще.

— Где мы? — спросил он настороженно.

— На месте, — ответил Тишка. — Это включилось твое воображение. Но встретить и говорить с каждым ты вполне можешь.

Неожиданно для себя Судских стал обонять запахи. Впервые. Здешний запах был мерзостно-приторным. Он усиливался с уплотнением багрового цвета. Проявлялись очертания скрюченных сталактитов и сталагмитов, которые шевелились подобно щупальцам, что-то капало, хлюпало, подтекало и вздыхало, как бульки в плотном кипящем вареве, было жарко, и Судских нервно ожидал, что он свалится в это болото и никогда уже не выберется.

Самописцы в реанимационном блоке нервно дергались, гармошка прибора искусственного дыхания сокращалась учащеннее, мигали сигнальные лампочки на табло экстренной терапии, персонал переполошился, мельтешил в палате без пользы.

— Господи, — шептал перепуганный Толмачев. — Да когда же это кончится! Хоть бы скорей Луцевич приехал! Не могу больше...

Сичкина плакала, до боли сжимая грудь.

— Успокойся, княже, — увещевал Судских Тишка. — Ты же режиссер, а это твой театр. Переплюнь Виктюка!

Усилием воли Судских превозмог отвращение к запаху. Боязнь пасть в болото исчезла, но запах мерзости остался.

— Прибыли, — шепнул Тишка.

Судских различил колыхание теней.

Потом тени стали воплощаться в фигурки людей. Были они до боли жалкими, безутешная печаль проступала на лицах.

Судских стал узнавать знакомых. Знаменитый полководец грузно проколохался почти рядом.

— За что он здесь? — спрашивал неполным голосом Судских.

— Много наших положил себе под ноги. Цель святая, средства неоправданные. Гордыне служил. До сих пор беспричинно убиенные молят Всевышнего об отмщении. За простого солдата Всевышний наказывает очень жестоко.

— А этот почему? — кивнул Судских на согбенного старика с зализанными на одну сторону липкими волосами.

— Этот-то? — переспросил Тишка. — Он потом заработанные народные деньги переправлял в Африку полудика-

рям. Скажут те — мы коммунисты, капают им денежки и капают, как пот... Вообще-то члены Политбюро практически в полном составе прямиком отправлялись в нижние ярусы, хотя клейменных среди них почти нет. Даже Каганович. Он — слуга дьявола, и Всевышний разменял его на Данте.

— На Данте? — удивился Судских.

— Чему ты, княже, удивляешься? Данте описал закрытый мир с помощью дьявола. Всевышний простил его. Теперь он подыскивает кандидатуру для Гете, зачинателя чеченской войны ждет.

— Но я не вижу здесь ни Ленина, ни Сталина...

— И даже батюшки Петра Алексеевича нет, хотя он более других повинен в закрепощении русской духовности. Хитрец Церетели с умыслом расположил памятник Петру Великому вблизи храма Христа-спасителя. Ленин — никто, штафирка, его сделали таким. Он стал несчастным заложником системы, которую сам создал, будучи безнадежно больным психически. Психов не судят, сам понимаешь, это грех. Здесь только те, кто дергал за веревочки в ужасном Театре бытия.

— Но Сталин, Сталин!

— Игорь Петрович, Сталин был, как это сейчас говорят, спонсором. Он заказывал представления. Кто мешает артистам служить не Мамоне, а Искусству? Деньги проедаются с зубами, а слава скомороха — забвение. Сталин столп, на котором предупреждающая надпись: «Не влезай! Убьет!»

— Все равно не понимаю, почему его здесь нет, а выдающийся полководец попал.

— А разве маршал не мог устранить спонсора? Мог, но не сделал этого. Чего он испугался? Потому что сам был слаб духовно. На нижних уровнях почти все вожди декабристов. Есть правило: замахнулся — бей! Всевышний карает не за удар, замах наказуем.

— А это справедливо?

— Что ты говоришь! — заверещал Тишка с опаской, но было поздно: будто пророкотал пробравшийся сюда гром.

— Не усомнись во Мне! — услышал он глас. — Думай!

Самописцы в реанимационном блоке замерли, прервав пляски святого Витта, покой напугал персонал больше, чем паника приборов.

— Так, думаю, — справился с собой Судских. — Любое законченное движение ненаказуемо по полной мере потому, что оно состоялось.

— Правильно, — похвалил Тишка. — А подталкивание к движению наказуемо крепко. А прерванное...

— Усиливает незавершенность эволюции, — закончил Судских.

— Только не перемудри, княже. Люди не поймут. Будь проще. Как тебе Марья про декабристов сказала? — Судских кивнул. — То-то.

Тишка дернул Судских за рукав и зашептал:

— Не отвлекайся. Вот кто тебе нужен для осветления мозгов. Ты хотел знать, кто повинен в афганской войне. Это не Брежнев, не Андропов, не Устинов. Вот он...

— Кто это? — не узнавал Судских. Человек был жалок, подобно всем здесь встреченным, лишь подлая усмешечка скользила на его губах. Судских узнал его и дорисовал полно: высокого роста, с фигурой, ладно скроенной, но не спортивной, с лицом, скрывающим плута за правильными чертами, привлекающими к себе как разлитый мед, и становится бедствием, едва жертва расслабится и утонет в этом меду.

— Да это же... — догадался Судских. Тишка одернул.

— Правильно, — похвалил он. — Не называй имен, о присутствующих не говорят. Побеседуй с ним, — подтолкнул Тишка.

— Не думал увидеть вас здесь, — обратился к человеку Судских.

— Я вас не знаю, и мне это незачем. И там, и здесь мы на разных уровнях.

— Вы клейменный?

— Из этого я тоже извлекаю выгоды, — ответил он, а Тишка шепнул Судских:

— Он собирает вместе падших девок и заставляет их продельвать мерзости для пребывающих в этом ярусе.

— Зачем?

— Пугает, что прикоснется к ним, а это равносильно клейму. Удивительно, право, но падшие низко падают еще ниже даже здесь. Ты выпрашивай, княже, выпрашивай. А еще лучше, смотри ему прямо в глаза и увидишь всю картину...

Судских последовал совету. Он собрался внутренне и вышел через нагловатые глаза в утро.

Окружающее неуловимо изменилось. Остались запах, серость, слякоть, однако твердь под ногами появилась. Потом развиднелось, очертания предметов окрепли, и он оказался в просторной квартире с высокими потолками. Как же дышать стало легко и привольно! Судских выглянул в окно — Кутузовский. Он походил по квартире, с удовольствием притрагиваясь к вещам, мебели... Даже затосковал, что раньше не обращал внимания на окружающие предметы, которые сейчас дали ему неизъяснимую радость. Подойдя к бару-холодильнику, он заглянул внутрь: пиво «Викинг», кока-кола, севен-ап. Не удержался, вскрыл бутылочку пива. В былой жизни равнодушно проходил мимо, а тут посчитал себя на седьмом небе от блаженства.

— Папа, ты должен мне помочь. Это мой друг, и я не хочу, чтобы трепали его имя, — услышал Судских и сконфузился: как же неловко брать чужое... — Сделай так. Я хочу! — нажал голосом говоривший, и Судских снова огляделся. Никого... А казалось, что он чувствует дыхание, когда проходит у кресла, гниловатый запах изо рта и видит даже, как продавливается кожа в соседнем: кто-то ерзает.

— Ты в другом измерении, — подсказал Тишка-ангел. — Тебя нет в этом доме, а движение пространства и времени сохранено. Помнишь? Две прямых рано или поздно пересекаются...

— Сын, ты толкаешь меня на святотатство!

— Папа, не говори того, что тебе несвойственно! Ты ведь не «Возрождение» собрался писать.

— Я хороший человек, а твои дружки — мерзавцы!

— Я твой сын. И это главное.

— Но куда ты меня толкаешь?

— Никуда я тебя не толкаю. Порешай, как ты любишь выражаться, концепцию и топай к генсеку. Подсказал ему мелиорацию, подскажи и маленькую победоносную войну в Афганистане. Папа, ты только скажи ему, что нам пора ножки мыть в Индийском океане. Скажи, весь поработанный мир умоляет вождя и первого ленинца возглавить поход под знаменем мировой революции. Пора, папа, засиделись...

— Что ты говоришь! Что ты говоришь! — Кресло стало продавливаясь энергичнее, подлокотники сморщились от сжатия.

— Что слышишь, — открылась дверь холодильника, и джин из бутылки забулькал в стакан.

— Да как ты мог посягать на святость!

Джин единым всплеском исчез.

— Ой, опять ты Божий дар с яичницей путаешь!

— Афганистан — первая страна в мире, признавшая СССР!

— Признали? Хорошо. Теперь мы им принесем блеск зари пробуждения на своих штыках. А если ты такой святой, зачем голеньких девочек в замочную скважину разглядываешь? Может, тебе сосок-профессионалок нанять? Не стесняйся, я выберу лучших.

— Гос-по-ди! Это мой сын! Это мой сын!

— Правильно, папа. А разговор о моем друге, который в беде.

— Вы уроды! Из-за дерьма готовы отца родного продать!

— От уroda слышу. Папа, давай проще. Лёнька тебя любит и прислушивается. Поэтому ты помаракуй и создай новую советскую доктрину о хождении за три моря.

— Если ты любишь упрощать, зачем такая усложненность?

— Почему не я Лёнькин советник? Где б мы были!

— В наркоте и разврате! В рабах и развалинах!

— Вот там и оставайся. А я хочу жить нормально. Все вы коммунистическим мирром мазаны и громоздите одну ошибку на другую. Так сделай еще одну во благо сына.

— Но зачем, зачем?

— Папа, ты дурак, но я тебе все популярно обскажу.

— Не хочу!

— Папа, не надо так. Иначе я маме скажу, что ты развлекаешься с дочкой твоего зама, а ей всего двенадцать лет.

— Да она развращена почище ее матери!

— Дети идут дальше родителей. А хочешь, я тебе про сестренку расскажу? Ты ведь ее к Лёньке посылал...

— Прекрати! — Кожа на сиденье дернулась слева направо.

— Тогда слушай. Самые большие деньги в наше время намываются самым грязным способом — наркотой. Но даже самый узенький ручеек давно контролируется другими. Нас туда не пускают и не подпустят. Что надо сделать? Правильно. Ты самый умный мелиоратор: надо прорыть канал и запустить золотиносный поток по этому руслу. Назовем его каналом имени Ленина. Он, кстати, очень сморчками баловался, импотенцию, как и ты, заработал на воображалках. Так вот, вторжение в Афганистан под любым предлогом даст возможность построить желанный канал. Тебе — красный орден за теорию, мне — зеленый навар за практику. А польза стране? Скольких изможденных водкой пацанов утешит наш товар, а? Ширнулся — и счастлив. Хочешь быть рыцарем без страха и упрека, отправляйся на войну.

— Сын, но при чем тут война? Зачем такие нагромождения?

— Ага, ты уже торгуешься, — новые бульки джина в стакан, одним всплеском долой. — Это здорово, папа, берем тебя в долю. Ты на охоту как добираешься?

— На какую охоту?

— На сайгаков, к примеру? Вертолетом? А вертолеты со звездочками, а военных ни одна штатская швабра не проверяет. Вот и вывод.

— Я не стану заниматься этой грязью.

— Правильно, папа. Это не твое занятие. Тебе цветочки, нам ягодки. Но операцию в твою честь назовем... «Черный тюльпан». Ты ведь уважаешь свой новый унитаз из черного оникса?

— Скажи мне, сын, скажи честно, ты тоже замарался?

— Я бы не расставлял акценты в таком ключе. Мой дружок задолжал своим американским друзьям более полумиллиона баксов. Его прижали: если должок не взыщат, в ГэБэ станет известно о проделках его папы. А это отставка, Лёнька не любит аморальщиков. Тогда он пришел ко мне и сказал: если я не помогу ему, станет известно о моем папе. А мой папа — самый любимый и умный, поэтому я пришел к нему со слезами жалости.

— Какая жалость! — Передернулась кожа на сиденье кресла.

«Какая гадость!» — про себя повторил Судских и почувствовал огромное желание выбраться на свежий воздух. Затошнило. Настиг его другой голос, голос Ефима Копеляна за кадром: «Швейцария. Берн. Резиденция ЦРУ. «Гарри, я слышал, ваш план с обработкой двух советских балбесов удался?» — «Да, Джек, теперь Советы лет на десять увязнут в афганском болоте». — «Поздравляю, Гарри. А вы учли круги от брошенного камня?» — «Джек, пока волна доберется к нам, много воды утечет. Нынче пора разбрасывать камни». — «Я стар, Гарри, не доживу, а вам еще предстоит выплывать. Чужая война подмоет и чужой берег, и наш».

Судских выслушал всю беседу, хотел было уходить, но голос, знакомый уже по квартире на Кутузовском, заставил его слушать дальше:

— Таким образом, после провала модернизации флота нужна сухая война... Учитывая ситуацию в Афганистане, революционное брожение, мы можем твердо надеяться на присоединение еще одной советской республики к дружеской семье народов СССР.

Судских затряс головой от возмущения. Послышался звук, словно кто-то перематывал пленку, не выключив звук маг-

нитофона. Он замер, и снова Судских услышал голоса из квартиры на Кутузовском:

— Поздравляю, папа! Ты гений! Ты гений и стратег!

— Как мне больно, сын, что ты связан с наркотиками...

— Папа, твой сын их не употребляет. Сыну нужны деньги, а деньги не пахнут. Пойми, чем больше сдохнет быдла от наркоты, на войне ли, тебе же легче будет управлять этим сбродом!

— А ты уверен, что мы выиграем эту войну?

— Вы? Папа, не хочу тебя обижать, но войны выигрывают не импотенты, а крепкие душой и телом воины. Я, например.

— Ты растлен. Какой ты воин?

— Я тайный воин, папа. В этой стране побеждают только такие.

— Ты шш-шпион?

— Это не твое дело, папа. Придержи язык.

— Да я!.. Я...

Голос Копеляна за кадром: «Нескончаемая вереница людей к гробу покойного, большую утрату понес весь советский народ...»

— Выбрался? — встретил Судских Тишка-ангел.

— Ну и мразь... Хочу еще раз увидеть его.

— Вот он, спрашивай, княже...

Та же нагловатая усмешечка, уверенность пресыщенного мерзавца.

— ЦРУ убрало?

— Что вы, Игорь Петрович, мне сделали операцию на спинном мозге, после чего жить стало неинтересно. Я пошел и повесился.

— Кто делал операцию?

— Знаменитый швейцарский врач Луцевич. Это не наше быдло.

— Поклон ему до самой земли, от такой дряни избавил! Пошли, Тишка. За один раз достаточно.

Они стали подниматься вверх по неосозаемому эскалатору.

— Выходит, под видом убитых в гробах вывозили наркотики?

— Да, княже. Операция «Черный тюльпан» зафиксирована всеми разведками мира, только в советских архивах ее нет. Потому, что почти весь первый эшелон власти был причастен к ней. Воливач тоже.

— И Воливач? — не поверил Судских.

— Ужель ты думаешь, что Воливач безгрешен?

— Но не до такой же степени! Он был молод, высоких постов не занимал...

— Но хотел занимать, такова истина. Помнишь, княже? «Человек зачат в грехе и мерзости».

— Слышал, — буркнул Судских.

— А я поведаю тебе, почему о царе природы сказано такое. Мне будет трудно обойти правило не срамить Сущего — и в мыслях такого нет, мне было указано Им, что я могу лишиться своих крылышек.

— За что, Тишка?

— У Всевышнего не бывает ошибок. Человек вышел таким из-за оплошности подручных.

— Мне это первый Христос уже рассказывал.

— Не мог он знать все. Только архангелы и ангелы знают, приближенные Сущего. Помнишь, в Писании сказано, что Бог создал человека и отдыхал. Во время сна Антисуций вполз змеем в Эдем, где Суций с подручными проводили опыты на Адаме. Змей украл семя.

— Зачем?

— Чтобы не появился беспорочный человек. Суций проснулся за полчаса до оплодотворения семени восходящим солнцем и... у подручных осталось маловато времени, чтобы содеянное Антисущим исправить и сотворить лоно. А суций никогда не ошибается.

— Я понял тебя, — с грустью сказал Судских, выслушав выверт Тишки. — А каким мог быть человек, не вмешайся Антисуций?

— Как растение, которое двигается. Он получился бы, как там у вас принято сейчас говорить, экологически чистым. Су-щий недаром сначала создавал рыб, птиц, животных, лучшее отбиралось для человека. Эх, если б подручным хватило времени... Из-за ошибки их Сущий решил уничтожить людей. Теперь он готовит другой потоп. Новый человек сможет совладать с дьяволом Ариманом. Тебе Он хочет поручить миссию нового Ноя. Пока все для тебя...

Тишка дал понять, что не хочет больше распространяться на эту тему, но Судских придержал его:

— Скажи, Тишка, почему часто употребляется срок — полчаса?

— Из-за ошибки подручных Сущего, — нехотя отвечал Тишка, — срок сократился наполовину.

— И если новая ошибка... времени не останется совсем?

Тишка не ответил.

Самописцы в реанимационном блоке замерли.

Медперсонал, как обычно, не знал, какие действия предпринять: пациент неординарный, его состояние — того чище, но Толмачев из всех выходов из чрезвычайности лабиринта выбрал один и, слава Богу, правильный — ждать. Дуракам везет. Судских стонал, двигался всем телом, мог лежать без движений, а самописцы рисовали крутые пики. До Толмачева дошло: с пациентом все в порядке, что-то происходит там, в неведомом мире, где находится Судских, куда им, грешным, не попасть и лучше не пытаться. Есть травка, солнышко, молочко и плотские утхи. Ждать.

Ждали профессора Луцевича со дня на день. Светило. Луцевич мог внести полную ясность: жить Судских или... Нет, ждали, что жить. Ждали его как царя небесного. До приезда именитого профессора из Швейцарии оставалось дотянуть неделю с хвостиком. Труднее всех было Женечке Сичкиной. И она ждала профессора как царя небесного. Сидела на диете, ходила на шейпинг и в церковь. Свечки ставила во все места. На всякий случай. Случаи бывают всякие...

Отец Ануфрий, наоборот, ждал посланца земного. Уже со-
общили из Шереметьева, что самолет, слава Всевышнему,
приземлился и высокий гость будет в течение часа. Офици-
ально прибывал теософ и богослов Бьяченце Молли, неофи-
циально прилетал тот же Бьяченце Молли, но вовсе не теософ
и богослов, хотя к церковному промыслу он имел самое не-
посредственное отношение: синьор Бьяченце Молли ведал
казной в международном Совете церквей и ехал в Россию по
очень неконфиденциальному делу.

Принимать его выпало епископу Ануфрию, главе Сино-
да. Он поубавил в весе и страстях, стал суше в речах и теле.

Патриарх поступал мудро, доверяя Ануфрию столь важ-
ный пост. Одних власть развращает, другим дает стержень.
И годы не те, и отойти в мир иной Ануфрию хотелось бы
величаво, будто и не было греховодства. Теперь Ануфрий
карал других за грехопадения, делал это сурово и в один при-
сест. Самые большие моралисты получают из пресытив-
шихся развратников, лучшие домохозяйки выходят из
бывших проституток. Оно и понятно.

Епископу Ануфрию было вверено вести переговоры с пред-
ставителями других конфессий. Ведомы ему были познания
в слове Божьем, которые он мог излагать к месту и с холодной
страстью отстоять догмат Православной церкви превыше дру-
гих. Католики, протестанты, англикане и другие, исповеду-
ющие христианство, приспособились к велению дня, зазывали
в храмы мягче, с заискивающими ритмами извращенного
слова Господня; одна Православная церковь стояла несокру-
шимым утесом, заимствований не принимала, перестраивать-
ся не желала и не считала это нужным. Насильно не зазывала.
Как ни крути, а жизнь складывается в круг, проще стоять на
месте. То рыбка заплывет, то денежка звякнет. А умением
доказывать истину Божию в преломлении с догматом Пра-
вославной церкви Ануфрий обладал полно. Спрашивали его
как-то, пытаясь изошренностью знаний смутить, он остался
слугой верным: «Отец Ануфрий, почему первым праздником

после Рождества идет обрезание Господне, ведь мы не иудеи?» — «Что гадостного нашли вы в этом? Обрежьтесь во славу Божию, если так хочется, вера ваша от этого обряда не изменится». — «Но зачем?» — «Зачем же вы обрезались? Князь Владимир, иудей по матери, крестил русский народ в водной купели и на крайнюю плоть не посягнул. Это дело вкуса, а не Божье».

С таким человеком, разносилась весть по церквям и весям, дело иметь можно: внимающий звону колоколов да услышит и звон монеты на цели Господа нашего, Иисуса Христа...

Звоном денежки веяло от приезда Бьяченце Молли. С полгода согласовывали визит, неторопливо и продуманно, чем напрочь разожгли нетерпение посылающих монсеньора. Кто не спешит, тот в силе. Опять в Первопрестольной оказались правы, и епископу Ануфрию оставалось только скрепить печатью на шнурке договор о сотрудничестве с Советом церковей против сектантов и осквернителей Христовой веры. А для этой борьбы нужны компьютеры и полиграфическое оборудование, рулоны бумаги и краски, пусть и дьявол приложил руку к их созданию. Зато задаром — гуманитарная помощь.

Монсеньор Бьяченце Молли неплохо знал русский язык, поскольку женат был на русской красавице. Эта особенность подсказывала епископу Ануфрию, что разговор пойдет не только о гуманитарной помощи. И патриарх напутствовал на переговоры: «Бди, Ануфрий, красочкой дармовой не черни чистого лика пресвятой матери Божьей». Эко... С тех времен, когда генерал Судских опоил его бессовестно, дьявол во плоти, выпытал у него нечто важное и позволил тем самым дьяволу смущать души людские, отец Ануфрий промашек боле не давал. Негде было. Его забыли. И лишь патриарх помнил о нем, а о цели Судских не ведал. Отмолил Ануфрий свой грех, стал осторожным, и надо ли нынче Ануфрию опускаться до мирских утех и болтовни? Это в светской власти так: чем выше поднимается раб, тем непристойнее поступки.

Излечившись полно от хламиды, Ануфрий дал зарок Богу забыть о блуде, стал суров к себе и ближним.

Монсеньор Бьяченце Молли знал об Ануфрии практически все и надеялся использовать иные сведения для достижения успеха в переговорах, которые, как обусловлено, должны проходить с глазу на глаз и без протокола.

Повышенный интерес папы к России и подспудные заботы были ведомы патриарху. Для себя патриарх цель уже определил, для верующей России, стало быть, и только полная осторожность побуждала его еще раз присмотреться к позиции католиков, за которой явно проглядывались интересы иудеев. Глас Всевышнего он воспринял, и час пробуждения Православной церкви назначен.

Мелкий промысел патриарх отвел Ануфрию.

Епископ Ануфрий дожидался монсеньора в малом притворе только что отстроенного храма Благодати Божьей. Он встретил посланца стоя, со скрещенными под грудью руками.

Обмен первыми любезностями напоминал похаживающих по кругу борцов до первого притрога. Покрутились в одну сторону, в другую, оба не спешили открываться и выказывать силы.

Поговорили о пище. Здесь монсеньор выказал большие знания и умение готовить ее. С грибами, моллюсками, мясом. Ануфрий пиццы не ел и не любил, но выслушал монсеньора внимательно и один рецептик записал в альбомчик, лежащий под правым локтем. От пиццы перешли к винам, и здесь Ануфрий перехватил поводья по пути от кьянти до мозельского и не упускал их до полного изнурения Бьяченце Молли. Он и смотрел на него с видом, каким учитель глядит на отрока: что ты, малец, знать можешь больше наставника?

— Такие познания, досточтимый Ануфрий, в книжках не вычитаешь, — стал выплетать первую ниточку Бьяченце Молли для перехода к основной теме. — Тут практика.

— Не без этого, — милостиво позволил Ануфрий. — Господь наш почитает виноградную лозу рядом с хлебом, и знать

о том надобно, и в молодости я числился в искусных виночерпиях.

— Откуда же мозельское в монастырских подвалах? — съехидничал монсеньор Молли.

— Из подвалов рейнских, — не моргнув глазом ответил Ануфрий. — Сие не возбраняется, когда к патриаршему столу приглашен знатный гость-католик. Мозельское ваше, а стерлядочка, простите уж, в Рейне спокон века не водилась. Может, нам, если высокий гость никак не разговорится, откусать чего? — с невинным видом закончил Ануфрий.

— Сначала поговорим, брат мой, — стал строже монсеньор. Его предупредили: сядет за трапезу, осененную крестом, пусть ставит крест на целях переговоров.

— Тогда приступим, собрат мой. Здесь покойно, подслушивающего не держим, а ваши заботы — наше пристрастие, — легонько поклонился Ануфрий, одновременно включая потайной диктофончик под рясой.

— Правильно, — ответно поклонился монсеньор Молли и включил свой диктофончик.

Одновременно с противным комариным писком включились оба антиподслушивающих устройства. Ануфрий отключил свое, а Молли свое. Оба диктофона продолжали крутить пленку в одеждах собеседников дальше.

— Не люблю я этого, — кивнул Ануфрий на свой антирадар, который выложил на стол. — Не по-людски.

— Противный писк, — выложил свой монсеньор.

— По диктофончику? — вежливо осведомился Ануфрий, выложив свой из рукава рясы.

— Теперь протокол соблюден, — удовлетворенно сказал монсеньор Молли и выложил свой диктофон.

Ануфрий отодвинул оба на край стола. Монсеньоровскую технику он выключил, свою не стал. Монсеньор это отметил и включил стирающее устройство, спрятанное в рукаве пиджака.

— Ведомо ли вам, брат мой, — приступил к основной теме Молли, — что в запретной Зоне подрастает малец, которому

суждено изменить многое, что принесет неисчислимые беды и Православной церкви, и Католической?

— Ведомо, — серьезно подтвердил Ануфрий. — Ведомо и то, что с Зоной установлена прямая связь. Об информации неведомо.

— Мы полагаем, что дискеты генерала Судских находятся в Зоне и нынешняя власть в лице Воливача и Гречаного установила это.

— Возможно. Однако предмет сей не является тревожной заботой нашей, — ответил Ануфрий.

— Почему, брат мой, такое небрежение?

— Потому, собрат мой, что в любом газетном киоске можно купить самые разные подделки. Люди начитались гнусного чтива, и скажи им: вот подлинник, они не поверят. И нас это некасает.

Еще как касает! Ануфрий попросту отводил от себя и Церкви подозрения, поскольку производством «гнусного чтива» руководил лично он, избрав метод фальшивок самым действенным для обороны от происков дьявола.

— А чему верят люди? — поинтересовался монсеньор. — Вы занимаетесь прогнозированием?

— В полную силу и прогнозами именно. Людишки от храмов в деревни побежали, и Церковь снабжает их календариками с прогнозами погоды, — ворчливо отвечал Ануфрий. — Какая вера от сытости?

— И все же, брат мой, опасность существует, — вернул Ануфрия к прежней теме монсеньор Молли.

— Нас это некасает, — упрямо повторил Ануфрий.

— А касает ли Православную церковь упорное стремление новой власти не считаться с вашими заботами? — жестче спросил Молли.

— По сути событий, Воливач и Гречаный намереваются использовать появление мессии в своих корыстных целях. Параллельно со всякими фальшивками в свободной продаже есть книги по антропософии, о мистериях Грааля, о Скифии, якобы прародители всех славян, и, наконец, Ригведа, с

полным описанием славянской религии дохристианского периода, запрещенной Владимиром после крещения Руси. Это наиболее опасно, — высказался Ануфрий и скопился на свой диктофон: «Мотается пленочка, мотается...»

«Не пишется, отец Ануфрий, не пишется», — хихикнул про себя Молли и ответил вслух:

— Понятна озабоченность ваша, брат мой. Мы устоявшие конкуренты, и новый передел нам не нужен. Нам не ночь до утра пережить, наши вотчины меряны не одним днем. Вы понимаете меня?

— Вы предлагаете совместные усилия? — не стал влиять Ануфрий.

— Именно поэтому я здесь.

Чесался язык у Ануфрия, почему именно Бьяченце Молли, иудей по вероисповеданию, здесь. Но какая разница, кто именно раскошеливается на нужды Православной церкви, нужды благие? Христова вера всеобъемлюща, ее враги — мусульманство и сектанты, поэтому нет разницы между обрезанными и не обрезанными христианами. А уж отбить потуги иудеев на приоритет в России Ануфрий сможет.

Начинался торг.

— Чем подкрепите заботу свою? — спросил Ануфрий.

— Сегодня же, как и замыслилось, мы подпишем договор о гуманитарной помощи в виде пятидесяти самых современных передвижных типографий. Бумагой снабдим в нужном количестве. Финансирование строительства новых и реконструкцию старых храмов Совет церквей берет на себя из разумных побуждений фифти-фифти.

— Что взамен? — без стеснений спросил Ануфрий.

— Давайте обсудим, — ближе к столу придвинулся монсеньор Молли и нечаянно отключил стирающее устройство.

«Воистину Господь на стороне православных», — скажет потом епископ Ануфрий с облегчением.

— Нам хотелось бы получить копии дискет генерала Судских.

— У нас их пока нет, — ответил Ануфрий без сожаления.

— Нужно повторить вхождение в Зону, подобно митрополиту Мещерскому. Если желающих войти туда объявится много, живущие там не посмеют убивать христиан.

— Не нужно, и монсеньор ошибается, — на этот раз Ануфрий сказал с полным сожалением. — Владыку пригласили в Кремль после трагедии с братом нашим Арсением, да упокой Господь его душу, и вручили ему бумаги с описанием защиты Зоны. Эта система действует независимо от желания живущих там. Она прекратит существование в тот день, когда радиация станет жуткой сказкой прошлого. Воливач настоятельно просил владыку не устраивать провокаций, иначе он обнародует материалы их встречи. Патриарх согласился.

Монсеньор Молли не сдался сразу.

— Почему бы нам не подключить оппозицию?

— Кого именно? — прояснил для записи Ануфрий. О какой оппозиции идет речь, он понял сразу.

— Коммунистические партии. Им все едино, кого посылать в Зону на верную смерть. Лишь бы не лидеров. Мысль убивать нельзя.

«Надо ли откровенничать?» — подумал Ануфрий и решил: не надо.

— Не выйдет. Власти никому больше не позволят входить в Зону. Ни пеше, ни мыслящих. Тут другой подход надобен, — постарался разжечь любопытство гостя Ануфрий и попал в точку: монсеньор Молли не хотел убывать назад с пустыми руками. Точнее говоря — с опустевшими.

— Какой? — спросил он, стараясь не выказать особого желания.

— Если Совет церковей действительно волнует будущее сфер влияния, если он готов пойти на материальные затраты, то...

— Говорите, брат мой, — ерзнул гость.

— То следует заранее готовить меры противодействия. Мессия будет. Но как второе пришествие Христа. А тут инте-

ресующие вас партии окажут нам действенную помощь. Пройдемте подпишем договор и протокол о добавочных мерах помощи, — закончил и встал Ануфрий, протянув руку к своему диктофону.

— Э, брат мой, не спешите, — поймал ее Молли.

— Вы же согласитесь со мной? — недоумевал Ануфрий.

— Я не о том, — удерживал его монсеньор. — Материальная помощь будет увеличена в два раза, не это волнует пославших меня. Очень настоятельная просьба — помочь в столице открыть еще две синагоги. Это никак не повредит Православной церкви.

«Хитер», — чуть не наложил на чело усмешку Ануфрий и ответил почти постно:

— Не проблема это, собрат мой, хотя отсутствие Гуртового сказывается. Беру на себя заботу вашу. Идем подписывать бумаги?

Он без стеснения забрал свой диктофон и, не прячась, выключил его. Монсеньор Бьяченце Молли согласно хлопнул ладонями по столу, и включилось стирающее устройство. Уже за спиной Ануфрия он отключил его. Дело сделано.

Разумеется, не только договаривающиеся стороны обладали прекрасной техникой и антитехникой: через час расшифровка всей беседы лежала перед Воливачом. Через полчаса он закончил ее прочтение и сказал:

— Вторая часть мальмезонского балета.

Слова эти не относились к находившемуся в кабинете человеку, хотя он слегка опустил голову, якобы желая познать суть их.

— Отче Пармен, это я так просто. А вам спасибо за помощь.

— Я не отче, — возразил человек. — Я обычный монах-чернец...

В чистом дневном небе священная гора Фудзи просматривалась как на ладони, вызывая в каждом японце беспечное ощущение покоя и уверенности. Занимаясь обыденными делами, большими и малыми, жители Токио теперь всегда видели этот символ среди голубизны, разглядывали его, если выпадала свободная минутка. В других странах так разглядывают фотографии любимых, теребят нательный крестик или перебирают четки.

Старики помнили знаменитый токийский смог, плотно облепивший дневной Токио, маслянистую грязную воду в заливе Урага, промышленную вонь и чад, а молодежь иначе не могла представить Японию, страну-курорт, обеспеченное будущее и беспечную жизнь под крылом богатых и мудрых родителей. Это они, лидеры японской промышленности и бизнеса, вывезли прочь из страны вредные производства, раскрепили финансы за рубежом, превратив Японию в страну-рантье.

Семидесятилетний Хисао Тамура с полным основанием относил себя к числу мудрых рулевых Японии. Его банк «Хизэй Гинко» процветал не первый десяток лет, возглавляя мощную финансовую корпорацию. С двадцатого этажа здания корпорации Тамура с удовольствием разглядывал Фудзизиму, главную святыню Японии.

Все в жизни нравилось Тамуре и шло по его велению, лишь старший сын огорчал. Он носился по свету с немыслимыми расчетами, смущая окружающих. По его предсказаниям, Япония должна погибнуть уже в этом десятилетии, исчезнуть с лица земли со дня на день. Ему не могли не верить, поскольку сын известного банкира Хироси Тамура был не менее известным сейсмологом. И верить не хотели. Последнее время его чаще встречали молящимся в Гинкакудзи, нежели в Кацуура, где располагался сейсмологический центр дальнего оповещения. Раньше его называли волшебником, теперь шутом...

В буйное помешательство сына старик Хисао не верил. Какая муха его укусила? — занимало многих. Хисао Тамура навел тщательные справки, перепроверил прогнозы сына без скидок на самый негативный результат. Группа маститых сейсмологов втайне от посторонних проверила расчеты младшего Тамуры. Неделью назад Хисао Тамура получил данные. Да, отвечали специалисты, на девяносто пять процентов расчеты верны. Однако подобные пророчества делались и ранее, а Фудзи стоит, и Токио — вот он, входя в счастливые пять процентов.

— На чем покоится утверждение моего сына, почему он безапелляционен? — спросил Тамура ученых, прочитав доклад.

— Ваш сын, авторитет которого мы никоим образом не умаляем, пользовался другими методами расчетов, нам они не известны, — лаконично ответили ему.

— Почему? — настаивал Тамура.

— Тамура-сан, — с поклоном отвечал старший группы, — метод приближенного исчисления известен всем, точное исчисление — это ноу-хау. Портной никогда не покажет вам своего лекала, пивовар не раскроет рецепты своих добавок. Ранее мы пытались спрашивать вашего сына, он отказался, сославшись на секретность источника, будто бы открытие тайны повлияет на развитие всего мирового сообщества.

— Ему остальной мир дороже Японии?

— Вы ошибаетесь, — заступились за младшего Тамуру ученые. — Он детально обсказал все сейсмологические подвижки. Одна цепь землетрясений проследует через Тихий океан на американский материк, сильная, другая — на Австралию через Океанию, слабее, и третья, затухающая, через Приморье, Китай и Сибирь. Центр этих подвижек — Япония. Причины известны одному господину Хироси Тамура.

— Если мне поговорить с сыном?

Ученые молча поклонились, что означало согласие.

Попрощавшись с учеными, Тамура распорядился найти сына и доставить к нему. Его нашли в Нодаима, где он

скрывался последнее время от окружающих в скромном домишке. Хироси меланхолично пил неподогретое саке и слушал песни жанра «энка». На просьбу поехать к отцу он встал и с отсутствующим взглядом ответил:

— Поехали...

Перемены в сыне разочаровали отца. «Он потух», — отметил Хисао Тамура. Раньше ему нравилось видеть в сыне самого себя в молодости, энергичного, напористого, он гордился им, хотя и сожалел, что наследник не пошел по отцовским стопам. Хироси мотался по белу свету, взбирался на конусы вулканов, опускался в океанские глубины; из газет Хисао узнавал маршруты сына и достижения. Даже в Японии он предпочитал дневать и ночевать на дальних станциях, чем в доме, который он подарил сыну к свадьбе.

Да, именно перед самой свадьбой с сыном произошло нечто. Последователь христианства, он собирался венчаться по христианскому обычаю. За день до свадьбы у него побывал какой-то монах, как доложила прислуга, после чего Хироси исчез на неделю. Свадьба расстроилась, оскорбленные родители невесты увезли дочь в Европу. Больше о женитьбе отец с сыном не заговаривали, полагая, что выбор невесты не пришелся по сердцу Хироси. Старший сын у Хисао оставался единственным после гибели в авиакатастрофе младшего, и отцовское сердце вмещало только Хироси, терпеливо дожидаясь внука.

Однако с расстроившейся свадьбы изменился наследник. Некоторое время его имя звучало по инерции в научных кругах, постепенно перемещаясь в разряд скандальной хроники.

Подыскивая ключ к разговору с сыном, Тамура остановился на одном:

— Хироси, что поведал тебе монах накануне свадьбы?

— О кончине мира, — односложно ответил Хироси.

Отец поморщился, постарался выдержать линию спокойствия:

— Кто это был?

— Я не знаю его, отец. Он пришел ниоткуда и ушел в никуда. Он поведал мне тайну и предупредил, что Господь Великий запрещает разглашать тайны богов.

— Как же ты поверил незнакомцу?

— Он не дал повода усомниться. Я провел серию исследований, сравнил с христианскими мифами и убедился, что мои расчеты полно совпадают с легендой о конце света.

— Какая же это тайна? Это сказка, — старался быть искренним Хисао, не отторгать сына насмешкой или недоверием.

— Мои расчеты точны и подтверждаются фактами. Я хотел предупредить японцев о беде, получилось, — мне верить не желают; зато моими расчетами воспользовались чужестранцы.

— Кто именно? Ты отдал документы?

— Только выводы. Я разослал их во все страны, которые, по моим расчетам, оказались в зоне критической сейсмичности. Ни в Америке, ни в Австралии моими прогнозами не заинтересовались, не ответили, даже не поблагодарили. Только Россия, которая меньше других может пострадать от землетрясений, проявила живейшее участие. Что происходит, отец? Мир вот-вот вывернется наизнанку, а мои соотечественники вообще не хотят знать о каких-то бедах. Им сытно, безопасно, они перестали думать, стали заводными куклами!

Аккорд отчаяния послышался в последних словах Хироси. Что-то стронулось в зачерстевшем сердце банкира. Он тоже относился к сытым и беспечным, но интуиция финансиста быстро нашла необходимые ходы, способные в критической ситуации не только увести от убытков и разорения, но и заработать дивиденды. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Он понял отчаяние сына и поверил ему.

— Когда это начнется? — спросил он хриплым голосом. Хотелось прокашляться, но он сдержался.

— В любой день, отец. Кризис в верхней точке. Токио стал нереальным.

— Ясно. Я верю тебе. Уезжай из Токио, завтра встретимся в Сэндае. Я жду тебя.

— Я не уеду.

— А со мной?

— И даже с вами, — покорно склонил голову Хироси.

— Ладно, — не стал уговаривать он сына. — Поступай, как знаешь. Только помни: ты у меня единственный сын.

Он говорил это, а его заботило уже совсем другое.

Проводив сына до дверей кабинета, он стремительно вернулся к столу и вызвал секретаря-референта и двух ближайших помощников. Не присев, он расхаживал по кабинету уверенной и несколько деревянной походкой старика, диктуя распоряжения:

— Двумя тренчами переведите из нашего цюрихского филиала в осакский десять триллионов иен, из нью-йоркского забирайте все десять миллиардов долларов. То же самое проделайте с Брюсселем, Мюнхеном, Парижем и Римом. На бирже немедленно приступайте к продаже акций ведущих сталелитейных компаний и покупке строительных, цементных, деревоперерабатывающих...

Его распоряжения были похожи на команды «Наполеона» в сумасшедшем доме. Помощники именно так воспринимали их с примесью ужаса. Он видел это и не обращал внимания. Перечить ему никто не мог, акционеров он не ставил в известность, обладая правом решающего голоса.

Подойдя вплотную к референтам, он больно уперся в грудь одного из них указательным пальцем:

— Сегодня вечером я хочу видеть на первых полосах всех ведущих газет сообщение: «Хироси Тамура прав: Токио скоро погибнет! Япония — тонущий корабль!» Делайте, как хотите. Все.

Последнее «все» прозвучало подобно «Спасайся, кто может!», и референты стремглав кинулись прочь из кабинета.

Тамура вернулся к окну и любовался видом Фудзи несколько минут, не обращая внимания на стрекот телефонов.

Фудзи затягивалась полуденной дымкой, будто выхлопы оружейных залпов окутывали поле боя, возвещая о начале битвы.

Стрекот не прекращался.

«Задвигались!» — со злорадством подумал он о компаньонах.

Он вызвал личного секретаря и велел готовить свой вертолет.

Через пять минут с крыши здания «Хиэй» вертолет взлетел и взял курс на восточное побережье. Тамура смотрел вниз, на лежащие под ним кварталы, и с тоской думал о бренности живого.

Он поймал себя на мысли, что его мало волнует предстоящее землетрясение, жертвы, которые, несомненно, будут в большом количестве, разрушения, и разрушения громадные. Он жил в мире привычек, вековых укладов, свой возраст воспринимал обязательным течением жизни вместе с сопутствующими недомоганиями и, подобно заведенному механизму, включил аварийную систему защиты так, как делал это автоматически и раньше: за разрушениями последует возрождение, а это деньги, а деньги должны работать, иначе финансовая корпорация «Хиэй» потеряет хорошие проценты, а ее главе, потерявшей нюх, пора на покой. Он знал, что своей ретивостью разоряет десяток крупных банков и тысячи мелких компаний, но проклятий не услышит, поскольку его реакция быстрее, сведения точны и действия просчитаны. Пусть неудачник плачет...

Нежелание сына уехать вместе с ним он воспринял естественно. У того своя голова на плечах, он ему не нянька, сын вполне отвечает за свои поступки.

Хисао Тамура жил в сытом мире и воспринимал его обычным придатком к своему организму.

Землетрясение началось с утра. Сразу во многих местах: в Токио, Нью-Йорке, Лондоне, на всех биржах мира. Хисао Тамура оказался мощным сотрясателем, даже в цюрихских

подвалах забегали гномы в поисках спокойного места. Началась паника — причина всех землетрясений.

Через день в родовом поместье, на побережье залива Исиномаки, он прочитал с телетайпа все биржевые новости на этот час, усмехнулся, прочитав сводку поступлений в свой банк, удовлетворенно кивнул и отправился прогуляться к морю.

Светило солнце, лаская пологие волны у песчаных пляжей, в легком домашнем кимоно Тамура беспечно шествовал по влажному песку вдоль кромки воды, наслаждаясь покоем природы.

«И чайки не гомонят», — подумал он и повернул к дому. Пора обедать. И никакого землетрясения, никаких встрясок.

Он подносил палочки ко рту, когда заикающийся слуга вбежал в обеденный зал и выпалил о трагедии:

— Токио! Весь!

— Я знаю. Вон отсюда... — бесцветным голосом велел он и вернулся к прерванной трапезе. Он любил на обед плавники окуня судзуки со специальным соусом, который делали только для него.

После обеда, неторопливо читая газеты, он нашел сообщение о том, что маститый нейрохирург Луцевич дал согласие приехать в Москву, чтобы вернуть естественное состояние генералу Судских.

«А, спящий русский, — вспомнил Тамура. — И спал бы себе...»

У Луцевича был прилив раздражения. Он вылетел из Цюриха в Москву, не имея за душой ни цента, так как банк приостановил выплату по счетам вкладчиков как раз с утра в день отлета. Вчера он поленился сделать это, полагая по пути в аэропорт заскочить в свой банк, работавший стабильно, как знаменитая «Омега» или «Лонжин». Сбой в анкерном ходе в выверенной веками швейцарской финансовой системе обескуражил. Он не слышал последних известий, не знал о панике на мировой бирже, и только в аэропорту из телевизионных

сообщений узнал новость номер один. Как ни странно, это сообщение вернуло ему нормальное состояние духа: совковая система нестабильности добралась до Швейцарии — так вам и надо, купчишки и фарисеи, а мы улетаем и все свое берем с собой...

В Шереметьево Луцевича встретили прямо у трапа и сразу повезли в клинику. Толмачев сбивчиво рассказывал по пути о Судских: вторые сутки пациента ровно заклинило, он пребывает в коллапсе, хотя все приборы отмечают внутреннее состояние стресса.

— Посмотрим, — спокойно ответил Луцевич. Раздражения или торопливости не было, он с большим интересом разглядывал природу по обеим сторонам скоростного шоссе и почти не слушал Толмачева. Тот не внушал ему уважения раньше, а сейчас его треп о налаженной лично Толмачевым терапии был вовсе не интересен. Лучше увидеть самому и сделать выводы.

Москва изменилась сильно, но как, Луцевич долго не мог понять. Допустим, автомобили носились в обе стороны. Ага, нет загаживающих воздух грузовиков. Спросил: почему? Водитель охотно ответил, что все грузовые перевозки теперь совершаются с пяти до девяти утра, а любые отклонения от нормы выхлопа токсичных газов караются строго. Стало просторнее. Почему? На месте снесенного старья новостроек не закупают, только газоны, и вообще ее собираются переносить не то в Нижний Новгород, не то в Самару. Зачем? А Бог ее знает...

— Промобъекты убрали за стокилометровую зону, стало чище, зеленее, — отвечал словоохотливый водитель. — Может, народу не осталось в конторах сидеть. А дышится-то как!

«Как в Японии прихорашиваются», — с некоторой завистью отметил Луцевич: он пока в гнилой Европе живет...

— Да, кстати, не успел дослушать новости: что там в Японии еще случилось? Про Токио слушал.

— Черт его знает. Трясет и контактит. Будто бы трягнуло их там, народу много погибло, разрушения. Япония — она и есть Япония.

Толмачеву надоело слушать водителя, он вмешался, желая поставить его на место:

— На Хоккайдо произошло землетрясение силой до восьми баллов. Разрушены города Саппоро и Муроран. Много жертв. И главное — вышел из строя реактор на АЭС.

— Японский Чернобыль? — спросил Луцевич, и водитель перехватил комментарии:

— Похлеще. Хоть реактор получше нашего был. От толчка он, сказывали, в защитную ванну опустился, как в кокон, а ванна-то треснула, утечка большая... А тут еще грунтовые воды выперли от толчков, и соприкасаются они с отравленной водой. У них там все скважины артезианские, так сейчас вообще дело дрянь.

«Вода, вода», — задумался Луцевич, сплетая обрывки информации, но водитель подтолкнул его раздумья:

— А что у вас в Европе с водицей происходит? Якобы гниет она, воду танкерами возят из Норвегии, Финляндии...

— Ах да, — вспомнил Луцевич. — Ухудшается качество питьевой воды не по дням, а на глазах. В Швейцарии еще терпимо, в других странах пьют только фасованную, пищу готовят на привозной. Во Франции и Германии совсем беда: ванны чернеют, никакой чисткой не взять, кожные заболевания начались. Мы пока моемся, — закончил Луцевич с грустным юмором.

Простота сказанного выдавала в нем человека, прошедшего школу выживания в России: толкотню в очередях, вечный дефицит, хождение по кабинетам за дурацкими справками, ущемление гражданских прав. Европа вопила от ужаса — воды нет, вода кончается! — а русский человек стоически воспринимает ниспосланное судьбой. Подумаешь, воды нет... Сосед троячку брал на пару дней и второй месяц не отдает — вот это беда так беда...

— А мы как парились, так и паримся, — продолжал словоохотливый водитель. Толмачев пыхтел от злости.

— А как там болячка ваша? — спросил Луцевич, разумно полагая из слухов узнать что-то новенькое. Вмешался Толмачев:

— Никто толком не знает, — тоном осведомленного человека завел он. Пора внушить профессору о причастности его к большим людям и знакомстве с государственными тайнами. — Но я знаю точно от Воливача: есть обмен по правительственной связи. Из Зоны сообщили, что опыты завершаются, положительный результат есть, как только закончим, сразу дадим знать.

— Что закончим? — не понял Луцевич.

Толмачев важно помедлил:

— Управляем процессом. Сначала они хотят разрешить свои собственные проблемы, лишь потом открыть Зону для входа и выхода.

Луцевич мало что понял. Он хотел разобраться, но вмешался водитель:

— Хотят с приплодом выйти. Как, говорят, первая баба у них забеременеет, так объявляют готовность ноль.

— Но у многих преклонный возраст!

— Значит, молодеют, и опыты продолжаются! — захохотал довольный шуткой водитель. — Мне верный товарищ сказывал: у них там такая потенция, днем и ночью... — с хитрецей посмотрел он через плечо на Толмачева. — В общем, делать детей могут со страшной силой.

Луцевич слушал с интересом. Толмачев — с недовольным видом: ничем не обуздаешь русской простоватости.

— У обитателей Зоны изменилась генная решетка. Соответственно кровообращение и ДНК, — наставительно произнес Толмачев.

— Точно! — поддакнул водитель. У светофора он уточнил: — В клинику едем?

— В клинику, — подтвердил Толмачев страшно недовольным голосом, и водитель не раздумывая махнул на красный свет.

— А, собака! — выругался водитель, резко тормозя.

— Доездили! — съязвил Толмачев.

— Что случилось? — не уловил причины Луцевич.

— Любви не получилось, — ответил водитель зло.

Их нагнал мотоциклист. Луцевич разглядел на шлеме эмблему: галопирующий конь. Мотоциклист, не останавливаясь, шлепнул бумажку на ветровое стекло и поехал дальше.

— Видели? — повернулся водитель к Луцевчу. — Теперь клей казацкий не отодрать. Во че удумали: какой-то клей хитрый составили и клеют квитанцию прямо на ветровое стекло. Штраф нормальный и без волокиты, а клей ничем содрать нельзя со стекла. И надо у них покупать разовый тюбик с антиклеем. Дорогой, собака! А если блямбу не смыл, тебе еще штраф налепят. Вот такое у нас ГАИ, с казачками не поспоришь, да они и не разговаривают. Зато и мозги не компостируют. Езжай себе и езжай. Раньше Москву дивизия взяточников в плену держала, теперь не видно гаишников и не слышно, если, конечно, и тебя не видно, не слышно.

Луцевич с удовольствием засмеялся, а Толмачева передернуло. Так и не довелось ему умно обсудить с ним кое-какие вопросы...

В клинике Луцевичу дали возможность умыться, переодеться и повели в палату Судских. На правах хозяина Толмачев шел первым, но Луцевич придержал его:

— Сергей Алексеевич, позвольте я один.

— Как пожелаете, Олег Викентьевич, — напроць обиделся он.

Луцевич посмотрел на него ободряюще.

— Не обижайтесь, — наклонился он к Толмачеву. — Мне важно первое впечатление. Я ведь когда-то помещал сюда генерала...

У двери он легонько ущипнул медсестру Сичкину за бочок, и та зарделась от прилива чувств.

«С Богом!» — напутствовал себя Луцевич и шагнул в палату.

За годы, прожитые вдаль, он частенько думал о необычном пациенте. Хирург-ювелир, человек эрудированный, Луцевич не слыл набожным, хотя верил в провидение Господне и силу Божию не отрицал, верил в границы реального и мира иного, где существуют другие правила, где есть то, что в этом мире вызывает мистический испуг. Когда он оперировал, ему помогал опыт и всякий раз индивидуальный подход к пациенту. Он ощущал токи живого тела, настраивал себя, как подбирают звучание инструмента под камертон. Им был пациент. Случалось, он отказывался от пациента: не слышал звука. А ему необходимо было услышать звучание в унисон.

В тот год он откликнулся на предложение Гуртового немедленно приехать в Россию. Зубную щетку — в кейс, пару носков, и через три часа он переодевался уже в операционную робу. Судских доставили в клинику с большой потерей крови, закоченевшего, практически не жильяца, но Луцевич услышал его камертон, как сигнал эхолота подводной лодки, плывущей слепо в толще воды. Сдвоенный писк и тишина. Писк и тишина... Немедленная операция. Луцевич колдовал над телом. Четыре пули он вылушил из груди и правого предплечья, пятая из подлоя очереди вошла в висок и застряла у темечка. Он мог достать ее, пуля не задела жизненных центров мозга, но что-то подтолкнуло его: остановись... За неделю состояние Судских улучшилось, раны затянулись, но в сознание он не приходил. Луцевич готовился к новой операции и опять отказался вторгаться в черепную коробку. Он переругался с Воливачом и Гуртовым, лишь Гречаный понял его. Нельзя! Почему? Не знаю... Но нельзя. И уехал.

Никто другой за Судских не брался. Уезжая, он созвонился с Гречаным: придет время, он лично сделает операцию.

Сейчас Луцевич заново разглядывал Судских. За эти годы он не изменился, будто время услужливо дожидалось его. Судских брили, умывали, делали массажи. Это был уставший спящий человек, никак не живая кукла, лишь тени каких-то снов горько опустили уголки его губ. Луцевич неожиданно

позавидовал Судских: где он там блуждает, в каких местах, куда простым смертным путь заказан...

— Ну как вы, Игорь Петрович? — спросил Луцевич, вглядываясь в лицо Судских. — Не пора ли нам пора?

Веки Судских дрогнули.

Луцевич замер.

Ни звука.

Луцевич просмотрел показания приборов: Судских жил, и жил бурной жизнью. И опять Луцевич почувствовал легкую зависть: сам по себе случай уникальный, но сколько найдется пациентов с уникальностью этого генерала?

— Будем вынимать дурочку, Игорь Петрович, — сказал Луцевич. — Вы не против?

Губы Судских шевельнулись.

— Так и запишем, — чуть дрогнули губы Луцевича. — Наш генерал согласен на операцию...

— Как он? — первой встретила Луцевича медсестра Сичкина. Толмачева и тут опередили. Щадя его самолюбие, Луцевич обратился к нему:

— Сергей Алексеевич, насколько помню, пуля залегла возле гипоталамуса?

— Именно так, — важно поддакнул Толмачев. — Надо трепанацию делать, я распоряжусь готовить инструменты...

— Обойдемся без, — остановил его Луцевич. — Пуля прошла через мягкие височные ткани. Мы вытянем ее прежним путем. Пришло время. Мне уже доводилось делать подобное, — уверил он все более изумляющегося Толмачева. — Готовьте операцию на завтра.

Не спорить же Толмачеву... Вернув себе важный вид, он согласно кивнул. Умно кивнул.

На обычные разговоры времени не оставалось: появился дежурный офицер из Кремля и просил настоятельно ехать с ним. Воливач и Гречаный приглашали отужинать вместе в загородной резиденции. Уважительно пожав руку Толмачеву и подмигнув Сичкиной, Луцевич уехал. Толмачеву прибавилось важности. Сичкиной — бессонницы.

Приглашение не явилось неожиданным. Еще в Нью-Йорке в первое визуальное знакомство Гречаный и Луцевич условились встретиться вместе с Воливачом, и Луцевич понимал, что Судских будет не самой главной темой разговора. Вещи куда более сложные волновали нынешних лидеров России. Страна довольно-таки удачно вышла из полосы кризиса, хотя это не означало конца потрясений. Церкви явно не нравился отток верующих, вызванный политикой новых властей. Какой ни худой союзник был у нее, а прежде Церковь возвеличивалась, и вдруг нажитое с таким трудом ставилось под сомнение: какому такому Богу служат россияне? А потворство властей прочим культам раздражало особенно. Генералы Православной церкви были не против прочих религий, но православие должно быть главным. А власти не собирались выделять его в привилегированное положение. И пресса распоясалась: нет-нет и намекает, что кот староват и ленив, спит да спит на ветхом половичке в прихожей, проснется, вымякает вкусенького и опять за старое, а ты его обходи, на хвост не наступай, оскорбится. Бог создал, обсуждать не моги...

Луцевичу довольно часто приписывали нечеловеческие способности, якобы Божий дар или дьявольские силы помогают ему. Чем хуже был хирург, тем чаще он талдычил о сатанинстве. О костерке намекалось. Худые языки числили его и в масонах, и в жидках, а он всего-навсего обладал талантом провидца в обычном понимании этого слова. Он не пророчил глобальных перемен, как это любят делать недоучки, а разумно домывливал. Был то есть умным от опыта и разумным от знаний. Он не выпячивал ни то, ни другое, и понять, где Луцевич шутит, а где серьезен, было трудно.

Гречаный воспринимал Луцевича нутром, Воливач — опытом. Первый видел в нем товарища и умницу, этого достаточно для мужской дружбы; второй хотел бы заполучить этого умницу в команду и для начала прощупывал Луцевича.

За столом серьезных разговоров не вели, серьезных по отношению к главной теме — какой духовный путь нужен Рос-

сии в будущем, — зато вдоволь обсудили и кошмарное наводнение в Польше, и японские потрясения, и озоновые дыры в Штатах, и уж мировые финансовые дыры с удовольствием: теперь России этот путь не заказан, она могла полноправно участвовать в международных проектах.

Исподволь добрались до основной темы. Как бы между прочим, Воливач направил разговор в духовное русло. Посетовал на несговорчивость попов, зашоренность православных догм, на засилье в стране прочих религий, а Луцевич все не говорил ни да ни нет. Не выходил на откровенность.

— Олег Викторович, — в очередной раз прояснял позицию Воливач, — вы охотно соглашаетесь, что путь России пролегает через духовность и в то же время православие вас не устраивает. Где логика?

Уже перешли от обеденного стола на открытую веранду пить кофе, Луцевич благодушно созерцал главу государства, который, как мальчик, доискивался логики там, где ее нет.

— Логика в другом, Виктор Вилорович, — отвечал Луцевич. — Одного желания забеременеть недостаточно. Мужик необходим. Я бы сказал, необходимо насилие со стороны мужчины. Для духовности насилие исключено. Любовь нужна.

— Да, но князь Владимир применил насилие, крестив Русь.

— И пошла она к нему, как в тюрьму, — пропел Гречаный строчки песни Высоцкого. — Что хорошего обрела Русь в новой вере? — спросил он серьезно.

— Как что? — сказал Воливач. — От язычества Русь перешла к письменности и религии, которую исповедовала большая часть мира.

— Ошибаешься, Виктор, — возразил Гречаный. — До насильственного обращения в христианство у русичей были и письменность и религия. Ведическая. А она постарше будет христианства и иудаизма.

— Византийский патриарх Фотий, после того как русские надрали византийцам задницу в 860 году, сказал так: «Надо нам надеяться не на силу оружия и крепость рук своих, а надобно овладеть и господствовать над русскими с помощью

Всевышнего». И было это сказано за сто двадцать лет до насильственного крещения Руси и уже тогда был назначен глава русской церкви из византийцев, — вставил Луцевич, отчего Воливач стушевался:

— Где это сказано?

— У Константина Багрянородного, — отвечал Луцевич. — При этом византийском императоре участь русских людей была решена — рабство. Не имея потенции сделать нас физическими рабами, они сделали нас импотентами духовными, заставив отказаться от своих богов, поработив нашу духовность.

Воливач был сбит с толку. Не верить обоим он не мог, Луцевич и Гречаный были образованы куда сильнее, чем он, но зато он, зная многие тайны, чего не знали они, о простейших вещах, о том, что должно отскакивать от зубов, слышал впервые. Слышал: куда-то там Олег хаживал, щит прибивал на вратах Царьграда, где-то, в Болгарии, кажется, русские кому-то крепко набили морду, еще какие-то подвиги проступали смутно из глубины веков, даты путались, сто лет туда, сто лет обратно — какая разница?

«Вот это и есть иваны, родства не помнящие», — подумал он, но так быстро, будто боялся даже в мыслях признаться в профанации.

Надо выпутываться. Воливач сдаваться не умеет.

— Как можно поработить духовность? Тем более такого народа, как русский. В истории его путь знаменит победами и завоеваниями, рабы за ярмо сражаться не будут.

— Сильный довод, Витя, им же я тебя и раздолбаю. После Куликовской битвы как раз новое ярмо получил русский народ — ужесточение поборов, подушные подати...

— Ближе копни, а то еще от пещерного века начнешь, — раздраженно заметил Воливач. В тех времена он плохо ориентировался.

— Да пожалуйста, — усмехнулся Гречаный. — Бородино, взятие Парижа и подавление инакомыслия. Знакомо?

— Знакомо. И про декабристов наслышаны, — отмахнулся Воливач.

— Прекрасно. Декабристы хотели отмены крепостного права, а результатом стало его усиление. Да что там далеко ходить! Русские выиграли последнюю войну, Сталин величал их братья и сестры, а после войны — опять лагеря и террор.

— Сеня, не умничай, — скривил усмешку Воливач. — Я могу вспомнить и снижение цен, и быстрый подъем из разрухи, а в лагеря ссылали засранцев, которым хотелось пить, есть и умничать. Вершков нахватался, а решили, что Бога за бороду держат. Не умничать надо, а трудиться!

— Это и есть рабство, — вставил Луцевич. — Но, друзья мои, мы долго будем выяснять, хорош Сталин или плох, мы же заговорили о духовности и, подобно кухонным политикам, погрязли во второстепенных проблемах. Сталин, я бы заметил, продукт своей эпохи, ничего нового для духовности не сделавший. Сильный и умный. Но диктатор. А вы, как мне кажется, хотите видеть Россию свободной от диктата и насилия, хотите скрепить нацию изнутри, а не снаружи. Для этого, братие, сначала надобно решить уравнение первого порядка: почему иудаисты общаются со своим Яхве напрямую, мусульмане обращаются прямо к Аллаху, буддисты — к своему Будде и только христиане не сподобились такой чести, ведут свои переговоры с Богом через посланника Иисуса Христа.

— И что? — не выдержал Воливач. — Какая разница между ахинеей с Яхве и Буддой? Я реалист и пути выбираю подалеже от мифической зауми. Россия поумнела, религия стала вроде театра.

— А вот и ошибаешься, Виктор Вилорович, — вмешался Гречаный. — Религия еще долго будет играть главенствующую роль в судьбе России. Наше дело — ветхозаветной морали противопоставить новейшую, чтобы наши боги жили не на Сионе, а на Поклонной, скажем, горе.

— Верно, Семен Артемович, — согласился Луцевич. — И тогда можно перейти к уравнению второго порядка: почему

русские менее других боятся Бога и чаще других поминают Его?

— Ответ заложен в уравнении третьего порядка, — не стал умничать Воливач. В дебри залезать он не намерен, а вот разумное зерно готов взять. — Так как оно звучит?

— На фига попу гармонь?

— А понятней? — не принял юмора Воливач.

— О неприменении лицами духовного сана кнопочно-клавишных инструментов. Давным-давно попы музыки не заказывают, а живут припеваючи. Потому что любая идейная борьба крутится вокруг христианства — низвергают его или поднимают до золотых куполов. Церковь отделена от государства, ну и пусть себе живет, если ей безразлична политическая судьба русского народа. У вас в руках все рычаги власти, есть время, появились средства, вот и проповедуйте подлинно русских богов, а не заемных!

— Сим победиши, — заключил за Луцевича Гречаный. — Витя, он прав. Чувство достоинства мы в людях разбудили. Так дадим же им возможность самим выбирать богов!

— Согласен, — попыхтел Воливач. — Однако Олег Викентьевич предложил подконтрольный вариант.

— Не совсем так, — решил уточнить Луцевич. — Я предложил выборы из двух кандидатов. И вам понятно, что Церковь от своих догматов не отступит. В наше время пугать загробным миром — бесполезное занятие. Библию не читают, и никто не разбирается в церковных канонах. Венчание, отпевание, свечку поставить — это приемлемо. А соблюдать посты, к примеру, не хочется. Тут самый резон противопоставить кондовому христианскому учению, которое сплошь из запретов, веру светлую, истинно славянскую. Скажу более понятнее: все религии брали корни из ведической веры, арийской. Фашисты приспособили ее к своей теории, испохабили само слово «ариец», чему способствовали иудаисты и христиане. Ариец стало синонимом расиста. Ваша задача объяснить людям истину.

— Ох, Олег Викентьевич, наговорил, разбередил, — задвигался Воливач и принялся расхаживать по веранде. — Но если ты такой грамотный и переживаешь за судьбу русских, что ж ты в Швейцарии обосновался? — прямоком спросил он.

— В самую точку, Виктор Вилорович, — разулыбался Луцевич. — Времена чванливого и тупого Антихриста минули, и ноне прошу вашего разрешения покорнейше дать мне возможность вернуться к своим пенатам и разделить дальнейшую судьбу с народом моим.

— Вот завел! — глянул на него Воливач с укором. — Гражданство сменить надо? За час решим!

— Я остался гражданином России, — мягко напомнил Луцевич. — Всего лишь прошу власти разрешить вернуться...

2 — 9

Зачем спрашивать вождей? Они либо врут, либо ничего не знают.

Это наставление Тишки-ангела Судских запомнил хорошо. Случай с Устиновым и дальнейшая встреча с майором Толубеевым, так вульгарно открывшиеся корни афганской войны и многое другое дали возможность Судских самостоятельно искать ответ на мучившие вопросы и поиск истины. В мире по-прежнему правили корысть, ложь, добро подменялось злом, мнимые ценности подменяли подлинные и мало было мудрецов, способных найти различия. А дальше? Все равно мир походил на муху в сетях жадного паука.

Будучи в живых, он имел исчерпывающую информацию о персонах видных, относился к ней обыденно, если такой попадался в разработку, информацию относил к штрихам для портрета героя, отталкивался от нее и рисовал портрет дальше. Но кто расскажет о себе чистейшую правду до последнего штриха? Каждый приукрашивал себя, очернял других, а Судских нуждался именно в мелочах, но на мелочи «портреты» не разменивались, и нутро героя не высвечивалось пол-

но. Зачастую мелочи дорисовывали побочные персоны. Эти явно перебарщивали, кидая на полотно черные сочные мазки. Приходилось отмывать полотно, оставляя по разумению необходимое.

Здесь, между прошлым и будущим, лукавить было некому. При желании Судских мог получить подробный срез любого происшествия и выстроить подлинную картину. Зачем это?

— Корни, Тишка, — говорил он своему ангелу. — Если мне суждено вернуться, я смогу предугадать начало болезни.

Тишка не соглашался. Главное, считал он, русским надо вернуться к естеству, к своим корням. Вот в его время...

— О чем ты? — возмущался Судских. — Не тебя ли отравили? А не бояре ли привели к власти Лжедмитрия, а другие свергали? А деление на смердов и благородных? Это как тогда: есть чистота для рабов отдельно и для князей? Говорят еще, татары нам кровь подпортили, а евреи — естество, навязав иную веру. Чепуха. Подобно другим, мы строим себя и разрушаем.

— Ты не понял, княже, — учтиво возражал Тишка-ангел. — Подлость и коварство присущи отдельным людям, весь народ назвать подлым негоже. У всех имеются гордость и честь, но каждый понимает их по-своему. Для одних гордость — завоевать чужие земли, для других отрадной возвращенная нива. В нашей истории хватало и подлости, и коварства, брат истреблял семью брата ради власти, тверичи потешались над псковитянами — гордыня, выходит, обуяла, а новгородцы кичились мощной пред москвичами. Не обеляю родичей, не оправдываю славян. Под Богом они ходят издревле и заповеди знают. Ранее греков и римлян поклонялись Перуну, те от нас узнали о Юпитере, а греки о Зевсе. В Священном писании сказано о Потопе и выходе Ное, но ничего нет о третьем сыне его — Иафете, прародителе славян. Еще ранее Библии существовала «Славная книга», которую по приказу киевского князя Владимира сожгли. В ней было записано уложение для славян и завещано спокойствие во всех испытаниях.

— Подобное есть и в Библии, — возразил Судских.

— Нет, княже, — не принял довода Тишка, — Иисус Христос, а следом и Православная церковь призывали к терпению, унижая русский дух. Так было удобнее повелевать гордым народом. Терпение унижает, а спокойствие возвеличивает. Бьют по щеке — подставь другую? Ты видел такого русича? В мое время не водилось. Стоячий давал сдачи, лежащему было все едино, куда бьют, но стоял он до последнего.

— Скажи тогда, почему в наше время ни один мудрый не пробился к власти?

— Ох, княже, то ли ты не знаешь, что без умных прожить можно, а без послушных никогда. Да много ли побывало мудрых после княжения Ярослава Мудрого? Не это власть и не вождь определяет ее, а окружение. Нужно окружение принимает старший. А не примет, удавочка в ход, ножик острый. В твоё время стало того менее мудрых потому, что духовность была растоптана полностью и к власти пробивались самые бездуховные. Лучше врешь, дальше пойдешь. Отпетые мерзавцы! От Хрущева до Горбачева. Суший отвел им место в самых хлябях, нет им оправдания и возврата.

— Давай взглянем, а? — загорелся Судских.

— Спокойствие, княже, — не торопился Тишка. — Мне туда ходить не след, а воина Сушего попроси. Только неинтересно это: увидишь в погадках и мерзости тех, кто возомнил себя владыкой.

— Скажи хоть, кто там?

— Называй. С трех раз не ошибешься, Суший зачтет тебе.

— Никита Хрущев...

— Верно. Сталина опорочил, а пользовался его методами. Мощи сталинского образа не имел, скоморошничал только.

— Мишка Меченый....

— И это так. Российское добро бесстыдно транжирил, наживая себе популярность. Совсем плохой был скоморох. И еще одного?

— Борька-алкоголик!

— Молодец! — загнул третий палец Тишка-ангел. — Этот был вообще пародией, хуже всех. Вот, княже, ты говоришь, как любой русич думает. А терпит и унижается, а униженный теряет спокойствие.

— Скажи, Тишка, а Ленин там?

— Нет, княже. Этот был болен, а на больных не обижаются. Он в третьем от нижнего яруса, где Сущий бредовых собрал.

— Больной? — не поверил Судских. — Последствия сифилиса?

— Вовсе нет, Игорь свет Петрович. Он был психически больным от рождения. Затмевающееся сознание. Грассирующее «эр» — один из признаков этой болезни. В старину так проверяли поступающих на государеву службу. Скажет «Русь» чисто — далее проверка, а не скажет — дыба. И не ходи к нему, он был запутавшимся исполнителем чужой воли. Я тебе лучше присоветую сходить к племяннику Вильгельма Второго, он-то тебе и поведает, откуда взялся Ленин.

Отпрыск Гогенцоллернов появился сразу. В виц-мундире, по-прусски подтянутый и тощеватый, с отточенными манерами, за которыми одновременно угадывался служака и завсегдатай дамских салонов.

— Готлиб Заксен фон Шен, — представился он, кратко склонив голову и щелкнув каблуками. Судских даже удостоверялся, нет ли на них шпор. Были, с зубчатыми колесиками. — Чем могу служить?

— Э-э, — подбирал уровень вежливости Судских. — Скажите, милейший, вы были знакомы с Владимиром Ульяновым?

— Не имею чести знакомиться с проходимцами, — высокомерно ответил фон Шен. — Однако мне довелось руководить отделом секретной агентуры моего дяди Вильгельма, поэтому имя Ульянова мне известно.

— Он был вашим агентом?

— Нет, но секретными агентами были Инесса Арманд и дочь польского еврея Крупского Надежда Крупская. Позвольте начать с предыстории?

— Пожалуйста.

Судских понравилось, как обстоятельно, на прусский манер, излагает фон Шен.

— Начало всей истории лежит во встрече Вильгельма Второго, моего дяди, и русского императора Николая. Если вы знаете, это он внушил слабовольному кузену устремить взор на Восток, чтобы развязать себе руки в Европе. Кайзер был наставником моего дядюшки и перед смертью предупреждал его не затевать войны с Россией, последствия которой были бы губительны для молодой Германии. Дядюшка умело убедил Николая прекратить экспансию японцев в Юго-Восточной Азии. Николай поддался, однако должным образом не подготовил армию и флот, и русско-японская война была им бездарно проиграна. В России началось революционное брожение, прекратить его нельзя одними репрессиями — запретный плод сладок, — требовалась глубоко спланированная операция, чтобы раздутый глупым Николаем пожар не перекинулся в Европу. Эту операцию дядя поручил мне.

В Европе тогда благодаря коммунистической теории Карла Маркса укреплялись позиции еврейского меньшинства, был создан еврейский Бунд, в противовес этой теории в России созрела плехановская теория народовластия с идеей возврата к древней русской вере. Георгий Плеханов раскусил авантюру Маркса под видом призрака коммунизма внедрить хаос в мире. Он разгромил статью Маркса «Еврейский вопрос», усилив тем самым позиции антропософии и сторонников древнего Богодержавия. Число их росло, назревала реформа веры.

Для немцев последнее имело губительное значение. Николай мог склониться в любую сторону, в эту его склоняли пособники Григория Распутина при дворе; Россия из союзника могла стать врагом. Война на два фронта могла обескровить Германию.

Дядюшка поторопил меня с операцией.

От Инессы Арманд я впервые узнал о некоем Ульянове, человеке амбициозном, решившем отомстить за смерть своего брата-народовольца. Он не пользовался авторитетом среди членов «Народной воли», разругался с ними, решив создать собственную организацию. Он завидовал Плеханову, заискивал перед ним и внутренне ненавидел за глубокий ум. Плеханов же осмеивал Ульянова за бредовые идеи марксизма, иначе как жидо-мокшей и недоучкой не называл.

В пору первой эмиграции Ульянов познакомился с членами отколовшейся от народовольцев организации террористов, промышлявших в основном бандитизмом. Тогда у меня появилась идея внедрить к ним своих агентов из еврейского Бунда. Выбор пал на Лейбу Троцкого, эрудита по содержанию и авантюриста по натуре.

За несколько лет он сумел из недоучки Ульянова сделать подлинного революционера-марксиста и попутно расширить организацию за счет членов Бунда. Большую роль в перевоспитании Ульянова сыграла Крупская. Привлечь ее в мою агентурную сеть не составило труда: ей пришлось отрабатывать грехи отца, который под видом русского офицера содействовал отделению Польши от России. На самом деле он был выходцем из польских евреев.

Буквально накануне войны дядюшка отказался подкармливать партию Ульянова. Бундовцы не обиделись. К четырнадцатому году марксистские идеи окрепли в России, а они занимали уже видные посты в партии; Плеханов утратил лидерство, идеи древнего Богодержавия сошли на нет, при дворе усилилось масонство, и Николай стал союзником Франции и Англии.

Дядюшка вспомнил об Ульянове только в семнадцатом году, когда свергли кузена. Все три года ульяновцы успешно разлагали русские войска, а сам Ульянов ни в чем не принимал активного участия, хотя многие документы от его имени распространял Троцкий. Ульянов занимался сугубо своим здоровьем из-за усилившегося психоза, связанного с маниакальной депрессией. Ехать в Россию он отказывался наот-

рез, к тому же лидерство в партии целиком перешло к Лейбе Троцкому. Амбициозный и обидчивый Ульянов встал в позу.

Мне стоило больших трудов через Арманд и Крупскую вдохнуть новую жизнь в Ульянова. Троцкому было категорически приказано оставаться на вторых ролях, прекратить агитацию за усиление еврейской прослойки в России и партии большевиков в частности. В конце концов обработка увенчалась успехом. Ульянов возомнил себя спасителем России, был посажен вместе с бундовцами в поезд и укатил творить новейшую историю, разыгранную по моему сценарию.

В 1918 году моего дядюшку свергли и практические контакты с большевиками прекратились. Через два года, находясь в эмиграции, стесненный в средствах дядюшка вспомнил о деньгах, истраченных на большевиков, и потребовал взыскать долг. Инкогнито я отправился в Россию. Крупская и Арманд посоветовали Ульянову рассчитаться в обмен на секретный архив. В 1921 году обмен состоялся. В общей сложности золотых вещей и предметов искусства было на пять миллионов шведских крон. Я закончил.

Судских выслушал весь монолог зачарованно. Большой откровенности о прошлом Ульянова он не слышал. Приходилось верить. Этот мир намного откровеннее земного — скрывать нечего.

— И неужели никто не знал об этой сделке?

— Сталин и его ближайшие соратники знали. Только какой смысл давать ход нелицеприятной истории? Позже он уничтожил всех причастных к ней, а Ульянова-Ленина велел поместить на Красной площади, чтобы и тени не пало на зачинателя рабоче-крестьянского государства. Прием в мировой истории не нов. Довольно часто тираны возвеличивали слабохарактерных властолюбцев, их именем творили беззаконие.

История эта всплыла неожиданно в 1940 году. Загнанный местью Сталина в Мексику Лейба Троцкий перед смертью успел передать некоторые секретные документы гитлеровской разведке. Фон Риббентроп, по личному распоряжению

Гитлера, напомнил о них Сталину. Сталин был разгневан на подобную нечистоплотность, так как считал Гитлера себе подобным. Риббентроп успокоил его: отдавая все документы, он передал и просьбу фюрера — поддерживать его политику по уничтожению евреев. Сталин согласился и, несмотря на коварство Гитлера, слова не нарушил.

— Почему же Гитлер не обнародовал эти документы? Ведь это могло сыграть решающее значение в отходе населения от большевиков и начале новой гражданской войны?

— Вы наивный человек, прошу прощения. Гитлер мог распространить куда более могущественные документы. Например, о прошлом Сталина, о деятелях коммунистической партии, но кто этому станет верить, когда идет война и Гитлер уже скомпрометировал себя в глазах русского народа? Рауль Валленберг поплатился жизнью за опрометчивость. При нем обнаружили копии этих документов и предсмертные записки Троцкого, чем он подписал себе смертный приговор, и самая высокая защита не спасла его от мести Сталина. А знаете ли вы о причинах смерти Ульянова?

— Не хотел бы знать, — скривился Судских. — Это противно.

— Прошу прощения, зря. Только под конец жизни он узнал, кем на самом деле была его верная подруга. Однажды Крупская пожаловалась мужу на высокомерие Сталина. Ульянов-Ленин стал по телефону выговаривать ему. Сталин прервал его и сказал: «Спроси свою проститутку, на кого она работала. И помалкивай совсем». Он бросил трубку, а с Ульяновым случился удар. Больше из этого состояния он не выходил. Потеряв дар речи, он так и не узнал этой грязной тайны.

— Достаточно, — сжав зубы, процедил Судских.

— Как угодно, — сделал короткий кивок фон Шен, щелкнул каблуками и растворился.

Желание встречаться с кем-либо из вождей у Судских пропало начисто. Да и что он мог узнать у них или о них? Только сейчас он вполне уяснил выражение: «Политика — грязное

дело». Вождей пачкает мутный поток перемен, желание очиститься заставляет их выбираться на берег, но брызги потока достают их всегда, как бы круто они ни взбирались.

— Погано тебе, княже? — спросил из-за плеча Тишка-ангел.

— Да уж... — нехотя ответил Судских. Копаться в грязи он не хотел, но необходимо до возвращения узнать многое. Иначе он сам станет добычей мутного потока, перемажется по недомыслию и не отмоется больше. Ему не станут верить, а охочие до чужих тайн людишки убьют его еще при жизни. Политический труп.

— Куда бы хотелось, княже? — напомнил о себе Тишка.

— Дай подумать, — ответил Судских.

Он размышлял о том, как выведать, у кого золото партии. Эта история покрыта мраком и трупами, возможно, его нынешние сторожа готовы пойти на сговор с кем угодно, лишь бы дальше сеять смуту в России, не давая ей подняться с колен.

Он вспомнил одного такого.

Воливач поручил УСИ покопаться в поднаготной банкиров. В стране раскручивался скандал, связанный со скупкой акций жизненно важных объектов зарубежными монополиями. Были замешаны в нем Черномырдин, Немцов, Чубайс, ниточка вела к крупным коммерческим банкам и дальше, к маститым дирижерам закулисного бизнеса. К Джорджу Соросу, например.

В поле зрения УСИ попал неприметный вначале банковский клерк. Долговязый, с вычурными манерами комильфо, деловыми качествами он не блистал. Порассуждать о политике, о ходе больших денег он любил, впрочем, как умеют делать это мелкие сошки. В конце восьмидесятых он, на зависть окруженцев, из рядовых попал в заведующие отделом валютных операций за рубежом. В начале девяностых продвинулся дальше, стал офицером Госбанка в Швейцарии. В девяносто седьмом возглавил крупнейший коммерческий банк. И неожиданно исчез, процарствовав одну неделю. Под лупой УСИ проступили штрихи его прежней деятельности,

и выяснилось, что не так он глуп и беден. Имел роскошную дачу в Барвихе, приличный счет в Швейцарии.

С роскошной дачи потянулась ниточка. Однако в прошлое.

Выяснилось, на дачу в прежние времена заглядывали крупные партийные бонзы, когда ее владелец был еще мелкой сошкой. УСИ разыскало его в Швейцарии, и Судских настоял перед Воливачом вывезти его в Россию. За сутки до начала операции пришло сообщение: погиб в автомобильной катастрофе. Судских тогда очень ударствовал: обрывалась очень нужная ниточка.

Теперь они могли встретиться.

— Здравствуй, Толик, — почти с отеческой лаской приветствовал он долговязого мужчину неопределенного возраста. Возможно, эта неопределенность происходила от увлечения теннисом. Судских подобная жилистость была знакомом у хороших теннисистов.

— Здравствуйте, Игорь Петрович, — вежливо ответил он. — Не скучаете? — спросил Толик Судских как старого знакомого, хотя виделись они впервые.

— Не удастся.

— А я без активного спорта скучаю. Мне передали, Игорь Петрович, что после встречи с вами я смогу попасть в средний ярус, если буду откровенен. Я ни в чем дурном не замешан, был прилежным семьянином и набожным человеком. Всего лишь жертва. Спрашивайте, Игорь Петрович.

— А вы многое знаете? — прикидывал Судских, откуда начинать.

— Очень многое, — с медлительной уверенностью отвечал Толик. — Притом давнее. Я был внебрачным сыном Михаила Андреевича, стал его доверенным лицом. Об этом никто не знал, а мне распространяться не следовало. Я понимал и ценил его доверие.

— Когда началась перекачка партийных денег на зарубежные счета? При Горбачеве?

— О, любезный Игорь Петрович, следует сделать экскурс в более ранний период, когда начался эшелонированный от-

ход партии на заранее подготовленные позиции. Хотите послушать?

— Время позволяет, — согласно кивнул Судских.

— Началось это в последние годы жизни моего батюшки и при его непосредственном участии...

Как-то осенью семьдесят девятого он приехал на дачу, которую подарил мне. Был он расстроен и не в себе. Приезжал он не часто и было не принято спрашивать его о причинах. В этот приезд он начал разговор сам. «Плохие дела, Толик, — сказал он угрюмо, — сил не осталось». Я знал о его болезни и спросил: «Может, вам побыть на природе? Уехать на пару недель в деревню и отдохнуть?» Он рассердился: «О чем ты говоришь! При чем тут мое здоровье? Страна разваливается, разворована, зреет массовое недовольство партией, а наверх поднимаются любимчики, блатники, сплошные трепачи и недоучки!» Он очень недолго любил Горбачева, обманулся в нем, и в этот раз тому крепко досталось от батюшки. Он говорил, что Горбачев и ему подобные из молодежи дела партии сводят к суесловию, их больше интересуют собственная карьера и материальные блага. «Петухи! — кричал он. — А Леониду абсолютно безразлично». Я попытался успокоить его, мол, перемелется, мука будет, а он посмотрел на меня строго и спросил: «Ты неглупый человек, как бы ты поступил, если большое дело, за которое ты отвечаешь, может рухнуть?»

Его откровенность была понятной. С кем он мог еще поделиться, как не со мной? Любое неосторожное высказывание могло стоить ему поста, наверху не любили говорить о недостатках, больше прожектировали их преодоление, хотя каждый в аппарате ЦК знал подспудную картину надвигающейся катастрофы.

Что бы я сделал? О неминуемом вторжении в Афганистан я знал: были заморожены афганские авуары в нашем банке — это всегда говорит о политических переменах. Министерство обороны запросило дополнительные средства, их дали немедленно, а батюшка неделей раньше проговорился: святая

троица принимает безответственное решение, а расхлебывать кашу придется всем.

Батюшка не был догматиком, его интересовало живое движение теории, воплощаемое в действительность, и я понимал, в каком трудном положении он находится: его толкали на идеологически не обоснованный поступок. Положение складывалось хуже, чем в период отставки Хрущева. Его риторическую просьбу я воспринял как обращение за советом. Он хотел сверить свое мнение с посторонним и сделать коррективы.

Сначала, сказал я, требуется спрятать необходимые для восстановления средства. Одновременно следует подумать о кадрах, которые придут на смену старым. Их надо адаптировать в нынешних условиях, но на обновленных идеях.

Батюшка оживился, стал расхаживать взволнованно.

«Ты совсем прав. Именно так», — промолвил он и с этой живостью уехал вскоре. Сами понимаете, Игорь Петрович, всяк сверчок знай свой шесток. Я не имел права поучать батюшку сверх дозволенного. Он имел светлую голову, был искушен в интригах и детали продумывал тщательно. В целом мы сошлись во мнении.

— А он специально не помогал вам делать карьеру?

— Да, Игорь Петрович. И меня карьера не интересовала. Мне хватало на жизнь и оставалось время на любимое занятие — коллекционирование спичечных этикеток. Я был счастлив малым, а покровительство батюшки ощущал сердцем. О нашем родстве не знал никто, а наши редкие свидания на даче были обставлены тщательно и просто: я даю уроки тенниса Михаилу Андреевичу. На даче был теннисный корт, и увлечение батюшки окружение посчитало старческой причудой. Если мы не разминались на корте, охрана считала, будто мы заняты досужими разговорами. К тому времени я стал кандидатом экономических наук. Юрий Владимирович запретил кому бы то ни было проявлять интерес к личной жизни батюшки. Он был единственным в Политбюро, кого батюшка уважал. Они познакомились в Прибалтике на

партийной работе, и батюшка, старше Юрия Владимировича на десять лет, покровительствовал ему и однажды спас Андропова от гнева Иосифа Виссарионовича. Юрий Владимирович добро помнил.

На следующий год я мог заметить, что план батюшки претворяется. Меня к тому же повысили по службе. Мой отдел занимался проводкой валюты на зарубежные счета, расчетами за поставленную иностранными фирмами продукцию. Среди них были, конечно, и партийные деньги. Мы ведь помогали многим зарубежным коммунистам. Так было всегда со времен Коминтерна, и теперь я мог проследить, куда и какие переводятся деньги, отправляется золото в слитках или предметы искусства. Суммы были значительными, золото — тоннами. Через некоторое время я убедился, что через сеть квазикommerческих фирм средства стекались на несколько счетов в швейцарских банках. Именно этой проводкой мне было поручено заниматься.

— Как много было переведено средств? — спросил Судских.

— За десять лет, пока я был заведующим отдела и позже, через наш отдел прошло шестьдесят семь миллиардов долларов и триста шесть с небольшим тонн золота. На эти деньги можно было дважды покрыть национальный долг или построить сеть автомобильных дорог по всей стране.

— Да, — кивнул Судских. — В России две напасти: дороги и дураки. В эту категорию я отношу и ловкачей, из-за мелочной корысти подрывающих мощь державы. Продолжайте.

— Благодарю, — поклонился Толик. — Далее, что меня еще больше убедило в реализации планов батюшки, — это неожиданное предложение Юрия Владимировича. Он пригласил меня к себе домой и, смущаясь, попросил об услуге личного плана. Дескать, он пишет стихи, а публиковать стесняется. Не соглашусь ли я выдать их за свои? Я смутился того сильнее: такой человек просит меня о явно неординарной услуге! Наверное, на лице моем отразились все персонажи картины «Последний день Помпеи». Юрий Владимирович рассмеялся. «Вы не волнуйтесь, — успокаивал он. — При-

знают вас поэтом — значит, это ваши стихи, охают — никакой просьбы не было, ручаюсь, не вмешиваться. Что-то не нравится — смело правьте».

С тяжелым сердцем я согласился. Дома я прочитал подборку стихов, и груз мой стал еще тяжелее и горше. Имея кое-какой опыт в сочинительстве стихов, я сразу определил, что за подобные стихи автора расстреляли бы без суда и следствия в кошмарных тридцатых. Упаднические стихи, сплошь пронизанные пессимизмом, отвлеченные от реальной жизни. Править было нечего, надо переписывать их набело. Так я и поступил, сделав стихи читабельными.

Накануне Олимпийских игр в Москве собиралось Совещание молодых писателей, третье по счету. ЦК партии придавало подобным мероприятиям большое значение. Это уже была линия, план батюшки в действии. Я получил приглашение принять участие в одном из семинаров.

Меня никогда еще так много и язвительно не ругали. Мир литературы особый, друзей нет, есть завистники, клеветники. Способ заработка литераторов весьма сложный, и за каждый кусок хлеба они готовы перегрызть горло кому угодно. Не подумайте, что я озлоблен. Я был обеспеченным человеком и то, что я услышал и увидел, светлым поэтическим миром назвать не могу.

Я выслушал о себе все в самых мрачных красках. Кто-то из семинаристов сказал даже: нет на меня Маяковского и ЧК. Вот так... Однако у меня были и союзники и, надо сказать, сильные. Первой за меня заступилась Белла Ахмадулина, ее поддержал Евтушенко и совсем неожиданно сам Георгий Марков, первый секретарь Союза писателей. Еще можно понять заступничество Ахмадулиной и Евтушенко, но Марков был из другой компании и защищал меня по другим причинам. Одним словом, несмотря на отрицательное мнение семинаристов, я попал в обойму талантливых поэтов и в лауреаты премии Ленинского комсомола. Тогда она считалась очень престижной.

— А как воспринял ваши успехи Юрий Владимирович?

— Знаете, Игорь Петрович, мы ни разу больше не виделись, никто и словом не обмолвился о его стихах. Один батюшка заметил: не заносись, книжек не печатай. Примут в Союз писателей — этого достаточно. А вообще у тебя другая стезя.

Действительно, меня приняли в Союз писателей через год и где-то в это время меня пригласили на любопытное собрание молодых талантов человек до тридцати. Перед ними выступили генералы от литературы, партийные функционеры, и завершал выступления сам заведующий отделом культуры ЦК Шауро. Мы, сказал он, собрали вас по крупицам со всей России. Здесь те, кому ее будущее не безразлично. Мы для вас сделаем все, ваша задача только писать правдиво, с болью в сердце о русских людях.

Надо сказать, состав присутствующих был однороден — русофильско настроенные молодые люди, прослеживались и христианские мотивы. Батюшка отругал меня за соблазн. Позже я мимоходом узнавал о судьбе участников того собрания. Они выезжали в зарубежные поездки, бывали в доме-музее Рериха, слушали церковные хоры и ложечников и стабильно публиковались. Ряды этой тридцатки заметно поредели, я не удивился, когда многие стали депутатами парламента и заняли видные посты в общественных и прочих организациях.

Мой двоюродный брат, как и я, попал в обойму перспективных литераторов, но он был военным, служил во флоте политработником. Он считал меня посвященным и рассказывал без утайки, как молодых офицеров собирали на всевозможные семинары, собрания, поездки, водили в храмы и музеи, связанные с прошлым России. Из этих лейтенантов батюшка не увидел полковников, однако уверенная рука, помогающая им двигаться по служебной лестнице, ощущалась.

— Не иначе Егор Кузьмич помогал, — предположил Судских.

— Что вы, Игорь Петрович! — возразил Толик. — Лигачев относился к самым догматическим аппаратчикам, был ограничен до самодовольства, на молодежь смотрел как на

второсортицу, чванился. Не случайно с приходом к власти коммунистов-христиан ему места не досталось, зато я нашел в руководящих органах немало своих знакомых русофилов, а мой двоюродный брат к новому двухтысячному году получил генерал-полковника. Толку-то, Игорь Петрович? Их охристианизированная мораль была скороспелой и сгнила быстро. Кстати, это мой двоюродный брат вводил войска в столицу.

— Это был ваш брат? — не поверил Судских.

— Да, Игорь Петрович. Родня наша многочисленна, и батюшка познакомил нас в середине семидесятых, когда он был курсантом военно-политического училища.

— А кто посягнул на вашу жизнь?

— Я считаю, вы лучше меня это знаете...

— Ошибаетесь, Толик, — спокойно ответил Судских, вины за ним не водилось. — УСИ планировало вывезти вас из Швейцарии, не более. Неужели вы не узнали этого здесь?

— Узнавал, — кивнул Толик. — Я запомнил лицо человека, которого дважды встретил у своего дома в Лозанне. Здесь я нашел его. Он ответил мне, что приказ о ликвидации отдавали вы лично. Мне обидно было это слышать, Игорь Петрович, но таковы государственные интересы, — учтиво ответил Толик.

— Клянусь, я никогда не отдавал подобных приказов! УСИ этим не занималось!

— Хочется верить вам, Игорь Петрович, и я верю вам. Здесь лож исключена. Или молчание, или откровенность. Забудем...

— Нет, не забудем, — твердо возразил Судских. — Я обязан знать правду. Как найти того человека?

— Все насильники-убийцы собраны в правой галерее нижнего третьего яруса. Я боюсь туда ходить.

— Тишка, — позвал Судских, и тотчас появился ангел.

— Надо найти убийцу этого человека.

— Зачем искать? Вот он...

Судских захлопал глазами в недоумении:

— Миша Зверев? Глазам не верю!

— Я, Игорь Петрович, — пристыженно отвечал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Миша, ты всегда был честен и знаешь, что я не отдавал приказ убивать этого человека.

— Игорь Петрович, вы должны помнить, что я заранее выехал по вашему распоряжению в Лозанну, где встретился с группой прикрытия. Старший, подполковник Сумароков, сообщил мне, что по вашему распоряжению этот человек должен быть немедленно ликвидирован.

— Не понимаю, — пожал плечами Судских. — Сумароков никогда не числился в УСИ. Я даже незнаком с ним.

— Не числился, — подтвердил Зверев. — Он входил в спецгруппу Воливача.

— Еще веселее! — вовсе изумился Судских. — Он здесь?

— Нет, княже, — ответил Тишка. — Подумай, кто из сослуживцев знаком с Сумароковым и может оказаться здесь.

— Так-так, — перебирал в памяти имена Судских. — Спецгруппой командовал генерал-майор Лемтюгов. Нет ли его?

— Я знаю Лемтюгова, — вмешался Толик. — Борис Владимирович был жив и здоров до моей смерти, жил по соседству в Лозанне, но он никогда не служил в органах.

— Среднего роста, седой, нос горбинкой? Ключи на указательном пальце крутит? — уточнял Судских.

— Все сходится, Игорь Петрович, — подтвердил Толик. Зверев кивнул и добавил:

— Он вышел в отставку накануне двухтысячного, а куда исчез, я не знаю.

— Веселые дела, — что-то вычислял Судских. — Тогда попробуем Хаустова. Он точно погиб во время путча.

Хаустов не появился.

— Стало быть, — резюмировал Тишка, — в списках Всевышнего пока не значится.

— Смотри, что делается, — удивлялся Судских. — Живые числятся мертвыми, а мертвые живыми. Давай, Тишка,

майора Вешкина, бывшего адъютанта Воливача. Этот точно погиб в автомобильной катастрофе.

Майор появился сразу.

— Как дела, Вешкин? — без обиняков спросил Судских. Этого хмурого майора он уважал за расторопность, молчаливость, пытался сманить к себе.

— Наши дела, Игорь Петрович, как сажа бела, — он огляделся. — А знакомых лиц-то сколько!

Толик охнул, прикрывая ладонью рот. Судских заметил:

— Вы знакомы?

— Николай Ильич, если не ошибаюсь? — спросил Толик, и Вешкин криво усмехнулся. — В начале девяностых я передавал ему спецгруз под роспись.

— Вешкин, рассказывай, — совсем запутавшись, Судских махнул рукой.

— Рассказ недолог, Игорь Петрович. По линии органов вывоз спецгруза курировал лично Воливач. Для этого была создана спецгруппа. Я попал в нее в девяносто первом.

— А Сумароков, чем занимался он?

— И сейчас занимается тем же в Цюрихе и Лозанне, — опять угрюмо усмехнулся Вешкин. — Отлавливает таких вот банкирчиков-невозвращенцев и отнимает у них награбленное. Тем же занимается и Лемтюгов во Франции и Бельгии.

— Куда дальше поступают деньги?

— На закрытые счета партии.

— А почему приказ о ликвидации исходил от меня якобы?

— Прости, Игорь Петрович, так распорядился Воливач. А мертвым все едино.

— Я пока не мертвый, — зло ответил Судских. — Кто знает шифры счетов?

— Только Воливач. Никто больше, — ответил Вешкин.

— Вот так партия из одного члена! И никто не занимался этим в среде партийцев?

— А кто знал об этом? Вы вот только что о себе узнали, — с мягкой укоризной сказал Вешкин. — Вы бы лучше спросили, почему я очутился здесь?

— Ответь, коль не шутишь.

— Аутодафе мне устроили из-за вас, Игорь Петрович, по личному распоряжению Воливача.

— Такого обвинения не заслуживаю, — грубо ответил Судских.

— А в УСИ переманивали? Тут Воливач и посчитал, будто вы знаете о зарубежных счетах и под него копаете.

— Не виноват я, Вешкин, — устало ответил Судских. — Ты был мне симпатичен, хотелось работать с тобой.

— И вы мне, Игорь Петрович. Только воля наша огорожена колючей проволокой. А деньги партии шли на дела партии, никакая демократия Воливачу не нужна. Я Воливача хорошо изучил. Был он нутром партиец, им и остался. Просто ему старье не нужно, проще новый кафтан сшить. Консулом он стал, всех перехитрит, но станет императором, а империю создаст собственную, с колючей проволокой.

— Скажи, Вешкин, кто-нибудь еще знает шифры счетов?

— Интересный вопрос, Игорь Петрович. Раньше шифр складывался из двух половинок, которые по отдельности знали двое партийцев. Операция по расшифровке могла происходить только в присутствии доверенного Воливача Лемтюгова. Со временем Воливач ликвидировал обоих, и секрет шифра стали знать только он и Лемтюгов. У них на этот счет своя договоренность, и пока ни один подступиться к деньгам не может. Но Воливач на то и Воливач: увлечет всех и всех перехитрит. Они с Лемтюговым — два сапога пара, вот последний и жив пока...

— Друзья мои, — вмешался Толик, — вы так утомительно и долго открываете секрет полишинеля, что я не выдержал. Я знаю все коды сейфов и все номера счетов.

— Это хорошо, — усмехнулся Вешкин. — Поэтому вы здесь.

На Толика было больно смотреть. Глубоко обиженный, он готов был заплакать.

— Я ничем не смогу помочь...

— Не торопись, — утешил его Судских. — Я еще жив. Но почему ты молчал раньше, не трубил во все трубы? Ты же знал, что делается в стране? Или ты не русский?

— Не мучайте, Игорь Петрович, — заплакал все же Толик. — А вы разве не знали? Мы все знали!..

Закрыв лицо руками, он ушел во мгу. Его никто не окликнул. Заложники этой жизни никого не упрекали, а Судских только ненадолго задержался. Зачем это бесполом существом, зачем им волнения другой жизни, в которую нет возврата? Не пора ли и ему отмахнуться от всего?

Судских ощутил, будто неведомая сила увлакивает его вниз помимо воли. Он не мог опереться на невидимую твердь, которая раньше служила опорой, сейчас он соскальзывал вниз, и с каждой секундой спуска нарастала тревога. Вместе с ней пришел страх: сейчас он расслабится, поддастся, и тогда исчезнет возможность вернуться в реальный мир, помочь ему в трудах и бедах.

«Не хочу», — отчетливо решил он.

— Не хочу! — отчетливо сказал Судских, и непонятное падение прекратилось. Он увидел людей, склоненных над ним. В одном он признал Михаила-архангела, из-за его плеча выглядывал Тишка. Лица других прятались в белом мареве, он видел только глаза. Еще он хотел спросить у них, что случилось, почему переполошились все, но сам уже очутился среди белого марева, и Тишка-ангел тронул его за плечо:

— Очнись, княже...

— Что-то накатило, — ответил Судских, тряхнув головой.

— Нет, — оттянул маску со рта Луцевич. — Проводить операцию не следует.

— Но как же! — разволновался Толмачев. — Результатов ждут наверху, Воливач уже звонил...

— Да пусть хоть сам Господь Бог! — с треском стянул резиновые перчатки Луцевич. — Коллега, а вам какой звон милее — погребальный или за упокой?

— Ах, бросьте вы, Олег Викентьевич, — с досадой отвечал Толмачев. — Скажите, не готовы делать операцию...

— Не готов, — охотно подтвердил Луцевич. — А больше меня не готов Судских, и я не вижу причины резать по живой душе.

— Мистифицируете...

— Смотрите, — раздался взволнованный голос Сичкиной. — Он вспотел!

Она стала промакивать пот со лба Судских, будто это он оперировал и руки были заняты.

«Что же удерживает тебя в непонятном твоём состоянии?» — разглядывал Луцевич Судских и размышлял.

— Выйдите все, пожалуйста, — неожиданно даже для самого себя попросил профессор Луцевич. Все молча повиновались.

— Генерал, — склонился он над головой Судских. — Вы дадите знать, когда соберётесь в этот мир? Откройте и закройте глаза в знак согласия.

Судских открыл и закрыл глаза.

— Пулю из головы я вам удалил, — будто с обычным пациентом разговаривал Луцевич. — И думаю, нет нужды копаться в спинном мозге. Я прав?

Опять глаза Судских открылись и закрылись.

— Вы дадите знать, Игорь Петрович?

— Тишка, это не Всевышний зовет меня? — спросил Судских.

— Нет, княже. Тебе еще рано к престолу. Это снизу вас звали, нужны вы им очень...

2 — 10

Хироси брел вдоль берега. Влажный песок съедал отпечатки ступней, едва он делал очередной шаг. Приятно было ощущать прохладу и ускользающую ласку песка. Он ни о чем не думал. Погрузился в волглую зыбкость раздумий, как ступни в песок, и пребывал в небытии. Сам себе он казался нереальным.

В день токийского землетрясения он долго бродил в улочках за Гиндзой и сознавал свою никчемность в этом сумасшедшем городе. Беспечные люди не замечали его. Одному прохожему он специально подставил плечо, тот даже не обратил внимания. Раньше извинялись... Он сел в электричку, уехал в Нодаима и чрезмерно напился. Очнулся он от резкого света солнца в глаза и сразу не понял, где находится, будто у чертей в аду...

«Вот так нажрался...»

Приподняв голову и шурясь от боли, он увидел, что от его ложа начиналось ничто. Ничто! На пятнадцать метров вниз земля опустилась, черный отвесный провал зиял перед ним.

Не было электричества, не работал телефон. Включив приемник на батарейках, он услышал страшную новость: Токио не существует.

В состоянии полной прострации Хироси выбрался наружу, брел наугад, пока не наткнулся на отряд спасателей. Его узнали и разглядывали с ужасом. От помощи он отказался, лишь попросил доставить его до ближайшей железнодорожной станции...

— Вы доберетесь сами, Тамура-сан? — участливо спросил старший команды.

— Не беспокойтесь, — ответил Хироси. — Меня уже нет...

Хисао Тамура сообщили о происшествии с сыном. Отец послал за ним лимузин к поезду. Хироси отказался ехать сразу домой и попросил отвезти его к побережью, пообещав быть дома к обеду.

Он с малых лет любил эти места и частенько убегал к морю. Отец страшно ругался на слуг, если они упускали его из виду. Рассказы о коварных волнах-тягунах «тоенами», зыбучих песках «цунадзя» не пугали, именно хождение к границе сверхъестественных сил тянуло маленького Хироси. Может быть, поэтому он стал сейсмологом. Он улавливал ток этих неведомых сил, они переселялись в него, тогда стоило больших трудов и напряжения, чтобы не поддаться искусу и не пере-

воплотиться в дьявола. Вот этого — не вернуться назад — он боялся.

Песок стал подбираться к щиколоткам, Хироси отрешился от раздумий. Странно, подумал он, влажная граница наката служила ему тропинкой, он не уклонился в сторону ни на дюйм...

«Я попал на полосу «цунадзя»?»

Инстинктивно он отступил влево. Там песок был суше, но уходил из-под ног с легкой вибрацией.

И тогда он почувствовал дрожь в самом себе. Она поднималась от ступней.

«Нет, — унял он желание убежать отсюда. — Спокойно».

Однажды еще студентом университета Васэда, он был на островке Инамба в пору землетрясения, готовил отчет за практику. Хироси испытал тогда это чувство, но другое явление осталось отчетливым: когда начиналась вибрация в ступнях, передавая дрожь телу, небо меняло цвет от голубого к синему и дальше к фиолетовому. И тогда его осенила мысль: он находился в середине радуги, в конечном отрезке разноцветной цепи — г д е с и д и т ф а з а н, а с красного цвета начинается светопреставление, начинается дьявольское таинство...

Небо налилось синевой, фиолетовые подпалины охватывали горизонт.

«Быстрее, быстрее!» — толкал его страх, а разум из всех сил выдирал ноги из зыбучего песка, и он, как краб, боком уползал от моря. Ноги уже вязли по голень.

Фиолетовый цвет победил, дьявольски зеленело снизу, перемена лихорадила Хироси. Он устал сопротивляться. Закрыв лицо руками, он ждал, когда его засосет с головой, лишь бы спрятаться от зеленой напасти. Мыслей не осталось, было предчувствие смерти.

«Я сам предсказал это, — шептал он. — Это я дьявол. Я умер давным-давно, и все вокруг придумано мною... Прощай, отец».

Ноги уперлись в твердь, и следом какая-то сила стала вы-
давливать его из песка. Перемена вернула ему разум, он от-
нял руки от лица, закрутил головой во все стороны, отыскивая
причину своего спасения, а неведомая сила поднимала его
над песком, и вновь вернулся страх. Песок ссыпался с Хиро-
си, и он заорал: смерть снизу отдавала его в руки смерти на-
верху.

Подъем прекратился, и Хироси завис высоко над ходив-
шими ходуном волнами песка. Случайно глянув под ноги,
он увидел, что неведомая сила оказалась всего лишь остовом
деревянного корабля, занесенного песком, без мачт и сна-
стей, и сам он стоит на юте этого дряхлого создания, которое
стихия отторгнула из недр, как некогда захоронила его там.

Толчки усилились. Стараясь удержаться на ногах, Хиро-
си пробрался к середине и вцепился там в торчащий из палу-
бы огрызок бруса. Оглядываясь по сторонам, он не различал,
где гуляют волны, где хороводит песок, а яично-желтое небо
смеялось над ним, и оранжевые сполохи металась в вышине,
завывали ветры, что-то трещало и гулко выстреливало, и он
орал непрестанно на одной ноте отчаяния.

Что-то резко свалилось на него, он отпрыгнул, не чувст-
вуя боли; удар пробудил в нем человеческий голос.

— Отец! Отец! — закричал он и намертво вцепился во
что-то.

Отчаянный крик стоил ему остатков сил.

Очнулся Хироси среди беспорядочных всплесков воды. Ог-
рызок бруса, в который он вцепился на корабле, держал его
на плаву. Из-под красного покрывала пробивался неживой
цвет, подобно мертвенной коже тела, не видевшего солнца.
Море вокруг чернело и пузырилось. Хироси будто варился в
холодном месиве дьявольской похлебки. От оцепенения он
снова лишился чувств.

Второй раз он пришел в себя от постукивания бруса. Хи-
роси открыл глаза и прямо перед собой увидел нагроможде-
ние камней, похожих в голубовато-белесом свете на
брошенные исполином кубики. Твердь... Хироси решился

оставить ради нее спасительный брус. Пальцы не хотели разжиматься. Он заплакал.

Минут через пять оцепенение отпустило, и он очень медленно стал взбираться к верхушке нагромождения.

Громадные кубики оказались тесаными камнями из основы отцовского дома. Он стоял на развалинах. Часть суши перед ним съехала на дно, а сзади чернела безжизненная земля. Родовой дом Тамуры был единственным каменным строением в округе.

— Отец! — тихо позвал Хироси с глубокой болью. Окружающая пустота добивала. Он сел на камень и разрыдался.

Похоже, день перевалил на вторую половину. За голубоватой взвесью угадывался оранжевый солнечный блин. Он был за его спиной, оглядываться не хотелось. Какая разница, день или вечер, если земля стала ночью...

«Что мне делать? — с острой печалью подумал он. — Неужели я один-одинешенек?»

Хироси чутко прислушался, стараясь среди хаотических всплесков воды и посвистывания ветра различить хотя бы один живой звук.

До него донесся стон, исходящий снизу. Хироси прилип к щели между камнями. Оттуда тянуло холодом, оттуда доносился стон.

— Отец! — что есть сил закричал Хироси. — Отец!

— Это Мисаки! — услышал он приглушенно. — Я здесь один.

Мисаки был личным секретарем отца.

— Где все, где отец? — кричал в щель Хироси, стараясь всем своим существом проникнуть туда, пока жива надежда.

— Никого нет. Я не знаю. Господин Тамура был на задней террасе. Я находился в нижнем зале. Помогите-е-е!

Слова отчаяния подкрадывались к Хироси, он почти потерял сознание. Спасительным оказался стрекот лопастей вертолета. Он вскочил, замахал руками.

— Здесь я! Здесь! — возвращалась в его крике реальность.

Из голубоватой взвеси показался размашистый силуэт. Вертолет обследовал новообразование суши, а Хироси казалось, что это к нему спешит помощь.

Но его заметили. Вертолет завис над ним, прямо на голову стала опускаться люлька аварийного подъема. Поймав ее край, Хироси крикнул наверх:

— Подо мной живой человек!

— Поднимайтесь быстрее! Сюда пошлют команду спасателей!

Увиденное с высоты поразило Хироси еще страшнее. Золотистое побережье исчезло, прямо от рваной кромки воды начиналась чернота, без единого кустика, лишь далеко к северу что-то зеленело.

— Кто вы? Как вам удалось спастись? — спросил спасатель с нашивками сержанта Сил самообороны.

— Я Хироси Тамура, сейсмолог!

Лицо сержанта исказилось.

— О вас писали все газеты! Вы дьявол! Вы накликали эту беду! — бросил он обвинения сквозь стрекот вертолета через открытую дверцу.

Только сейчас обескураженный Хироси вспомнил, что ни разу в своих злоключениях он не помянул Бога. Он не знал, что отвечать сержанту, а тот, сжав кулаки, придвинулся к нему, будто собирался вытолкнуть через открытую дверь.

Хироси испугался этого.

— Я предупреждал! Я ничего не накликал! Я предсказал беду! — дрожа, кричал Хироси. — Я ученый. Это ваша беспечность!

Спасатель как-то обмяк, и Хироси увидел крупные слезы в его глазах. Когда сержант заговорил вновь, это был уже другой человек.

— Весь северо-восток Хонсю поглотило море. В юго-западной части большие разрушения. После Токио пришел черед Осака и Киото, Кобэ в мгновение накрыло прибрежной возвышенностью. Нигде нет электричества, пожары, не работает телефонная связь, нет воды, изуродованы все дороги...

— Куда же мы летим? — таким же пустым голосом спросил Хироси.

— На воснно-воздушную базу Фурукава. Там пока обошлось... — сказал сержант и сел в кресло, забыв о Хироси.

Присел и Хироси, огляделся. Он сразу опытным глазом оценил высокочувствительные сейсмические приборы в рабочем блоке салона. Картина происходящего внизу фиксировалась в мельчайших подробностях. Новые подвижки намечались на севере Хонсю, красные огоньки сейсмоуловителей вспыхивали на схематической карте, похожие на пал в степи. Получалось, с севера Японию методично пожирал дьявол.

«Господи, помоги!» — вспомнил Хироси свою принадлежность к христианам, от которых отказался в день свадьбы. Он вспомнил о могущественном Саваофе от испуга...

Тогда явился монах. Сказал, что пришел из далекого Тибета и несет ему страшное известие: Хироси Тамура — отступник от веры предков, его отступничество несет Японии страшную беду. Хироси не дал себя запугать:

— Подтверди, что ты посланник неба.

Криво обнажив зубы, без слов монах выставил ладонь. На внутренней стороне Хироси увидел наколотый красной тушью значок, похожий отдаленно на иероглиф «день».

— Почему именно я повинен в этом? Мало ли христиан в Японии?

— Ты не имел права, боги даровали тебе великий дар предупреждать о несчастьях. Теперь тебе не будет веры, тебя будут обвинять в них, — бросил монах и немедленно ушел прочь.

«Господи, единственный! Прости меня, хотя я ни в чем не виноват! Клянусь остаток жизни посвятить спасению моих сограждан!» — шептали его губы. Сейчас, как никогда, он верил в Бога.

Вспыхивали огоньки на карте, вертолет летел своим курсом. Слегка покачивало. От незнания своей вины Хироси

было горько на душе. «Плохо быть умным», — подумал он отрешенно.

Какая-то деталь насторожила его, когда он перебирал в памяти свои расчеты: цифры выпирали настойчиво, складываясь в непонятную закономерность, еще и цвета радуги о чем-то подсказывали, сбивая: красный-оранжевый-желтый-зеленый-голубой-синий-фиолетовый... По опыту он знал: если какой-то фактор заявляет о себе настойчиво в его мозгу, значит, неспроста.

— Какое сегодня число? — спросил он, оставаясь во власти размышлений.

— Двадцать первое августа.

— Как двадцать первое? — переспросил Хироси. Он хорошо помнил, что брал билет на экспресс «Хикари», который прибывал в Сэндай двадцатого.

— Так двадцать первое, — ответил немногословный сержант, занятый своими делами.

«Выходит, я боролся со стихией целые сутки и в беспмятстве?» — стучало в голове. Хироси схватился за виски.

«...И видел я Ангела... В руке у него была книжка раскрытая, и поставил он правую ногу на море, а левую на землю. И воскликнул он громким голосом, как рыкает лев».

Апокалипсис. Он знал его наизусть.

«...И когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими».

Семь громов, семь цветов радуги...

Хироси потерял виски с силой. Разгадка где-то рядом...

«...где сидит фазан».

Где сидит фазан?

«...И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего».

«Каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Спектр...

«...И сказал мне Ангел: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих».

— Дайте мне, если можно, калькулятор, — попросил Хироси.

— Что? — не понял сержант.

— Калькулятор! — крикнул Хироси. — Я нашел!

По лицу Хироси сержант догадался, что ученый на пороге нового открытия, которое может спасти Японию. Он живо поднялся со своего кресла у монитора компьютера и сказал Хироси:

— Садитесь сюда, пожалуйста.

Хироси привычно защелкал клавишами, быстро восстанавливая в памяти свои расчеты. Экран монитора густо заполнился цифрами. Хироси интуитивно выбирал нужные из колонок и, как в компьютерной игре с лабиринтами, дальше и дальше пробирался подземными коридорами, навстречу тайне, навстречу новой опасности.

Глубоко вздохнув, он нажал клавишу результата, и на экране высветилась надпись: «Карта ЗЕТ. Причина катастрофы в критической зоне «Я» в искажении модуляции в полярном пространстве этого радиуса. Эффект отражения. «Китайский синдром».

Хироси отпрянул от монитора с ужасом. Из кабинки пилота возвращался сержант, и он поспешно стер информацию.

— Господин Тамура, — обратился к нему сержант учтиво. — Мой командир спрашивает: сможете ли вы прямо на борту вертолета рассчитать дальнейшее распространение бедствий?

Хироси пришел в себя. За недолгие секунды перед ним пробежала вся его жизнь.

— Я знаю их давно, — устало ответил Хироси. — Немедленно запросите начальство, есть ли у них новые сведения о Зоне русских «Армагеддон-2», известно ли им о голубом свечении в окрестностях Зоны?

Сержант мало что понял, но сказанное Хироси запомнил.

— Сию минуточку. — Чтобы сгладить свою давешнюю вспыльчивость, он добавил: — Если ваш досточтимый отец остался в живых, он сейчас самый богатый человек в мире... И ушел в кабину пилота.

«Вот так и сидит фазан», — подумал Хироси, отключаясь заново от реальности. Прodelанные им расчеты и результат выбили из сил напрочь. Богатства мира не заменят пустоты души.

О новой трагедии в Японии мир узнал с небольшим опозданием. Удивительно, однако землетрясение не породило цунами, будто часть Хонсю размягчилась и растворилась в морской воде, а сегмент другой части поглотил все живое и неживое на этом участке. За этим сегментом простиралась вполне пригодная к жизни территория. Казалось, язва разъела землю, такой страшной выглядела она. Безжизненное пространство.

Просьбу японцев о Зоне рассматривали Гречаный и Воливач лично. Запрос неспроста.

— При чем тут свечение? — недоумевал Воливач, прочитав запрос. — У них земля из-под ног уходит. Нашли время...

— Не скажи, Витя, — по-своему рассуждал Гречаный. — Связь, я думаю, нащупали между нашей Зоной и своей трагедией.

— А что должно светиться-то?

— Люди, например, предметы обихода, сама земля в Зоне.

— Кто отвечает за связь с Зоной?

— Теперь Бехтеренко, — ответил Гречаный и усмехнулся: знал Воливач о Зоне все досконально, и Бехтеренко поручили Зону по его личному распоряжению. С его, разумеется, согласия.

Бехтеренко вызвали в Кремль со всеми документами по Зоне.

— Согласие на водовод даем? — вернулся Гречаный к прерванной до того теме. Страны Европейского Содружества обратились с просьбой наладить водоснабжение из России в Европу. Катастрофа с водой стала не менее ужасной, чем японское землетрясение.

— Даем, — кивнул Воливач. — Проект соглашения ты читал с моими поправками?

— Читать-то читал, — хмыкнул Гречаный. — Только не уверен, что господа хорошие одобряют твои, мягко скажем, условия: предоставить то, наладить се... Это ультиматум, Витя.

— Никакой не ультиматум. В протокольном отделе сгладят мой солдафонский стиль, и получится очень мягкая бумажка: нам бы хотелось просить вашего согласия на участие в переоснащении водозаборников, очистных сооружений и так далее. Понимаешь, да? — Гречаный с улыбкой кивнул. — Мягкая бумажка? Пусть и подтираются. А еще надо бы заложить пункт очистки наших могильников и зон заражения.

— Ох, круто! — сделал дурашливую мину Гречаный. — Водовод из Сибири до европейской границы им и без того влетит в копеечку.

— Это их проблемы, — отмахнулся Воливач. — У них деньги есть, у нас нету, зато вода имеется.

— Стало денег не хватать, — возразил Гречаный. — Японский синдром сработал почище землетрясения. Господин Хисао Тамура на сегодняшний день весит больше всей Швейцарии.

— Стой-ка! — поймал мысль Воливач. — А не увязать ли нам просьбу японцев с европейским соглашением? Японцы гасят наши кредиты в Европе, а мы им — сведения о Зоне?

— Резонно, — согласился Гречаный. — А если они опять Курилы запросят?

— Мы же подписали договор. Вопрос о Курилах закрыт.

— Ты не понял, — закипятился Воливач. — Переселенцы, беженцы, то да это...

— Давай дождемся реакции, — согласился Гречаный. — Но ход твоих мыслей мне нравится.

— В чужом пиру похмелье, Сеня.

Доложили о прибытии Бехтеренко.

Он вошел стремительно. Бывший полковник УСИ мало изменился. Ни солидный пост, ни сидячая работа не приба-

вили ему чиновничьей солидности. Переодень в камуфляж — и старший группы захвата готов на выезд. «Что за спешка? — читалось в его взгляде. — Забот хватает, а тут еще — срочно с бумагами по Зоне, где ничего не случается...»

— Святослав Павлович, — начал Воливач, — у тебя в бумагах нигде не проглядывает голубое свечение в Зоне?

— Давно зафиксировано. С полгода как. Дневная аэрофотосъемка показала наличие светящихся движущихся объектов, надо понимать, людей; ночью голубоватое свечение по всей территории карьера. Я ведь докладывал лично вам.

Гречаный слушал Бехтеренко отстраненно, словно его это не касается, но на самом деле он ловил каждое слово и следил за реакцией Воливача.

— Ладно, ладно, — остановил Бехтеренко Воливач. Конечно же, перемотал в голове пленочку до конца. — Данные о природе свечения есть?

— Есть, — спокойно ответил Бехтеренко. — Вам устно или письменно?

— Устно.

— Есть. Голубоватое свечение указывает на избыток электрического заряда в слабом электрическом поле. Так перед грозой в воздухе пахнет озоном. Если такой заряд направленного действия, происходит разряд и в обратном направлении. Примерно как происходит выброс газа при выстреле гранатомета. Хуже, когда такой разряд отклонился. Тогда происходит эффект пробоя обмотки конденсатора...

— Не усердствуй, Святослав Павлович, — понял его Воливач и подобиделся. — Что еще по существу?

— В контрольном докладе за прошлую неделю сделан вывод: сползание части острова Хонсю в море напрямую связано с происходящим в Зоне.

Воливач быстро переглянулся с Гречаным.

— Вот, — сказал Воливач, — мы тут голову ломаем, а Бехтеренко давно решил глобальную проблему.

— Это не я, это подчиненные.

— Умничаешь? — выражал недовольствие Воливач. Разумеется, в Японии станет известна истинная причина их трагедии, и приятный планчик привлечения японских денег может провалиться, не начавшись. Махнув рукой на конспирацию, Воливач спросил прямо при Бехтеренко:

— Как выкручиваться будем?

— А зачем выкручиваться, Виктор Вилорович? — спросил Гречаный. — Давай временно придержим отчет, ничего, мол, не знаем.

— Но знаем же! Наш недогляд!

— Не наш, а общий. Зона — общечеловеческая беда. О ней знали все, только, подобно кроликам с морковкой, грызли и отмалчивались, авось Россия провалится к бениной маме в эту Зону, а мы с морковкой останемся. Мне смысл ясен: в Зоне производят эксперименты с би-кварками и что-то нарабатывали. Я прав, Святослав Павлович?

Бехтеренко кивнул и добавил:

— Счетчики на всех уровнях вокруг Зоны показывают мизерную радиацию, хотя две недели назад в десятикилометровом поясе их зашкаливало.

— Обождем с ответом, — сделал заключение Гречаный. — А с Зоной надо связаться и сказать, каким образом их эксперименты сказались на бедных япошках.

— Согласен, — поддержал его Воливач. — А ты, Святослав Павлович, больше не скрывай от меня таких сведений. Сразу ко мне.

— Мы с вами уже месяц не встречаемся, Виктор Вилорович. А в письменном виде вы распорядились экстраординарные сообщения не посылать. Я звонил вам. Вы сказали — некогда, — неторопливо выгородил себя Бехтеренко. Воливач хотел вспылить, дескать, он весь в мыле, а подчиненные полеживают, но министр внутренних дел имел наготове отвлекающее сообщение:

— Уровень воды в Байкале понизился после японского землетрясения на тринадцать миллиметров и ежесуточно опускается на два миллиметра.

Воливача поразила немота, а Гречаный привстал в кресле:

— Зато оживились ключевые воды по всей Сибири. Водичка сласть какая...

— Сознательно издевается, а? — повернулся к Гречаному Воливач и потом к Бехтеренко: — Ты, Святослав Павлович, отправляйся с глаз моих, но орден я тебе дам.

— И на том спасибо, — хмыкнул Бехтеренко в кулак. Развернулся и направился к двери. Гречаный крикнул вслед:

— И звание войскового атамана от меня лично!

Бехтеренко развернулся, поклонился, снова четко развернулся и без слов вышел.

— Видишь, какой аналитик вырос? — сказал Гречаный Воливачу насмешливо. — Судских школа... А ты твердил: оперативник...

— Да, круто изменился, — почесал затылок Воливач и опять досадовал про себя, что не сманил Бехтеренко на свою сторону.

Через сутки Бехтеренко докладывал: из Зоны пришел ответ, что японское землетрясение произошло не по вине их экспериментов, а из-за аналогичных в Лос-Аламосе — эффект пробоя обмотки конденсатора, а непосредственно их опыты закончились благополучно еще полгода назад, о чем они ставили правительство России в известность. Тогда это выразилось слабыми подземными толчками в Приморье и на Курилах. В Зоне меры предосторожности соблюдают, чего не сделали в Штатах. Просили также на высоком уровне выразить протест Соединенным Штатам за скороспелые эксперименты. Сначала они стоили американцам расширения озоновых дыр, теперь пострадали другие.

— Зажрался народец, — позлорадствовал Воливач, выслушав доклад Бехтеренко. — Как там в Библии, Святослав Павлович? — и Бехтеренко охотно процитировал:

— «Пойдем, я покажу тебе суд над великой блудницей, сидящей на водах многих; с нею блудодействовали цари земные и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле...»

— Да имеющий ухо услышит, — подхватил Воливач. — Бездуховная она вся, эта Америка. Треску много о демократии, а толку-то? Привыкла садиться на ежа чужой задницей, а тут поджарила собственную — обломчик вышел. Помнишь, Святослав Павлович, сколько шума было, что фреон виноват в озоновых дырах? — Бехтеренко кивнул. — Даже ребенку понятно, что озон стягивается перед электрическим разрядом! — выпалил Воливач и только потом сам удивился своим гениальным предположениям.

Он был удовлетворен сообщением из Зоны. Вины России нет. Складывалась крепкая ось Европа — Россия — Япония. А это масса приятных моментов: финансы, оборудование, специалисты, которых Россия разбазаривала задарма в чужие страны, сама оставшись на бобах. Теперь станут возвращаться блудные сыны...

Но это и назревающий конфликт, Соединенные Штаты могут применить силу, а защищаться России сложно.

Со времен распада империи и вновь созданного союза славянских народов российская армия прозябала. Гуртовой делал упор на развитие экономики и финансовой системы, морщил нос при виде перечня нужд Министерства обороны. Курировал его Гречаный, и только ему в заслугу можно поставить модернизацию вооружения и возможность солдатам сносно питаться. Военные стали получать стабильное жалование, а главное — вели боевую подготовку без показухи. Армия похудела, но стала подтянутой.

Но армии на всю Россию не хватало. Сказалось поколение дебилов, дистрофиков, сачков. Зато отказались от рекрутчины.

«Случится конфликт, будет туговато», — размышлял Воливач и пожалел, что в свое время не поддержал Гречаного, когда тот предложил содержать сто тысяч сержантов вместо миллиона первогодков, как делали это в Японии. Обученный сержант — это отделение взвода при всеобщей мобилизации.

— Готовим ноту Америке? — спросил Воливач.

— Безо всяких, — ответил Гречаный не задумываясь. — Мы им не страусы.

— А если конфликт с последствиями?

— Да и хрен с ним! Я до миллиона казачков поставлю под ружье.

— Ружье не локатор, — осторожничал Воливач.

— Локаторы для армии, а казаку гранатомет — мать родная, танк и БТР коня заменит.

«Не так все просто», — размышлял Воливач.

«Не так все страшно», — думал Гречаный, а вслух сказал:

— Витя, не получится у них это. У них флот есть, у нас нету, армия есть, у нас нету, зато мы жить начинаем по-настоящему, а тут мы имеем на два минуса здоровенный плюс. Еще бы с Церковью замирились да коммунацкую шушеру в распыл пустить...

Воливач не ответил. Между ними установилась нейтральная зона, когда речь заходила о мерах покруче к оппозиции. Годом раньше Воливач думал иначе... Сейчас Гречаный затронул тему сознательно. Воливач вырос среди них, изменить его мышление сложно. Оставь его одного наверху, он править начнет прежними методами.

Слова Гречаного заделали его.

— А ты знаешь, как партия уходила на заранее подготовленные позиции? — спросил он, будто нащупывал путь к Гречаному.

— Могу и сам порассказать, — отвечал Гречаный. — Перекачали денежки за бугор и нынче подкармливают на эти средства оборотов. Мы отмахиваемся от них, а они борзеют.

— Это видимая часть айсберга, Сеня. Отступление началось под водительством Суслова, Брежнев одобрил его. Он на публике под дурачка работал, а идеям марксизма-ленинизма служил трезво. В его годы фундамент экономической базы был построен, сознание людей запаздывало. Вроде как войска на марше, ушедшие вперед без тылов снабжения. Суслов, Андропов и Устинов разработали стратегический план

перехода к обороне. Вывоз кассы, — поморщился Воливач, — это веники, хотя и очень нужные, сохранение кадров — вот была задача. Мишка Меченый и Борька-алкаш как по нотам разыграли спектакль на восемнадцатой партконференции, а народ, глупый, изголодавшийся, наживку и заглотил. Вот он, наш спаситель, против засилья коммунизма восстал! А спаситель пригреб соратников на хлебных местах и кормил за счет дураков. Кадры были спасены. И если б не этот недоумок Триф...

Воливач замолк, а Гречаный услышал в этих словах сожаление. Воспитанный на других идеалах, он считал коммунистическую идею всеобщим обманом. Воливач или сознательно, или специально проговорился: он сожалел об утраченных позициях.

— Бодливой корове Бог рогов не дает, — насмешливо сказал Гречаный, будто не заметил высказанной печали Воливача.

— А и ладно, — с легкостью согласился Воливач и перевел разговор на прежнюю тему: — Так ты считаешь, Сеня, Америка хвост не подымет?

— Убежден. И не оттуда ждать агрессии надо. Она под боком.

— Церковь? — насторожился Воливач.

Будучи прирожденным атеистом, он не считал попов разрушительной силой. Привилегии у нее отняли без особого шума, народ потихоньку отходил от религиозного обмана. Какая ж тут агрессия?

— Церковь, — подтвердил Гречаный. — У меня, почитай, все казаки богобоязненные. Бить коммуняк им в охотку, а выбирать между нами и Церковью не пристало. Книжек они читают мало: если рассказывать о насильственном охристианивании Руси, слушают настороженно. Громить попов они не станут.

— При чем тут громить? У меня и в мыслях не было, что бы рушить храмы! Они сами уйдут. Театр людей мало привлекает. И никто не позволит попам возвыситься снова.

— А они поступят проще. В человеках уже давно идет брожение из-за слухов о приходе нового мессии спасти землю. Уже давно судачат, где, кто и когда видел мальчика писаной красоты, который говорит умнее взрослых. И церковные генералы не упустят шанса назвать это вторым пришествием Христа, и никто не заметит, что мальчика выплеснули вместе с единоверием. Мы очень слабо ведем пропаганду, Витя. Мы ничего не добьемся, если оставим все как есть. Настоящая свобода начинается с открытых выборов Бога. Вот тогда мы сможем говорить о раскрепощении народа.

— Ну, ты завернул, — озадачился Воливач. — Да убрать к чертовой бабушке всех попов, и дело с концом!

— Казаки на это не пойдут, — напомнил Гречаный.

— Ладно, что-нибудь придумается, — отмахнулся Воливач. Дебри, нарисованные Гречаным, его не манили, наоборот, отталкивали. Он просто не вмешивался в потуги Гречаного пропагандировать ведическую религию, считая это пустым занятием, а какому Богу поклоняться, пусть каждый выбирает сам. И помалкивает.

3 — 11

С необычным заданием Гречаного Смольников справился в срок. Книжным червем он себя не считал, но добросовестно перерыл архивы, мемуаристику, беллетристику и подготовил записку пяти неполных листов.

— Это все? — удивленно поднял брови Гречаный. — Манифест Коммунистической партии раз в двадцать больше, о Библии вообще не говорю. Я же просил тебя создать основополагающий документ о переходе к новой вере, — выговаривал он, тыча пальцем в листки Манифеста новой веры.

Смольников послушно внимал, ожидая паузы для своего соло. Гречаный остановился. Подобное внимание говорило о возражениях, и он не стал уподобляться детсадовскому вос-

питателю. Вспомнилось, как Бехтеренко держал в запачке изюминки к докладу.

«Учтивый какой Смольников, видать, ошарашить собирается...»

— В моей записке сказано, что патриархальный уклад жизни казаков новой веры не примет, более того, они первые станут источником новой смуты. Такой пример в истории был — стрельцы. Стрелец — один из синонимов зашифрованного слова «ратианин». Если в России слухи о втором пришествии Христа перерастут в поборничество, а мы станем насаждать силой новую веру, гражданской войны не миновать.

— Вот так порадовал ты меня...

— Извините, Семен Артемович, я не закончил. Данные программных исследований показывают, что православие в течение минимум двухсот лет будет набирать силу благодаря внешним и внутренним факторам, станет наиболее почитаемой и агрессивной.

«Нашел я себе теоретика», — с досадой подумал Гречаный.

— Тогда скажи мне, Леонид Матвеевич, труд Судских был напрасным, а Илья Триф молот чепуху?

— Что касается Ильи Натановича Трифа, он всего лишь развенчал божественное происхождение Христа, но христианства как такового не отрицал. Более того, он акцентировал именно на догмате христианской веры, доказав убедительно, что оно в скором времени обретет новое рождение. Что касается работы Лаптева по расшифровке внутреннего текста, это особый вопрос. Если вы располагаете временем, я вас введу в курс.

— Давай уж, — хмыкнул Гречаный. — Обедню мне ты уже испортил.

— Более тщательное исследование записок покойного Лаптева показало, что строится расшифровка на основе теории микросенсорики. То есть к любому произведению можно подобрать ключ. Допустим, концерт для скрипки с оркестром Мендельсона в ключе ми минор.

— А если это картина художника?

— Тогда за ключ берут преобладание одного какого-то тона.

— А литературное?

— Часто употребляемые автором слова. Вы составляете программу для поиска алгоритма, чтобы найти непосредственно ключ. Затем этим ключом отпираете портрет автора и что именно он оставил за рамками произведения.

— Ну-ка, не понял, — заинтересовался Гречаный. — Повтори.

— Перейдем непосредственно к Библии, чтобы понятней было, — не стал метать бисер заумный Смольников. — Для чего составлялась Библия? Чтобы доказать обоснованность божественного происхождения евреев, которых все изгоняют. Это Ветхий завет. Далее появляется Христос, символ обновленной еры. Для чего же он понадобился? Чтобы убедить людей в миролюбии этой веры. Но для чего тогда в начале Библии заложена еврейская Тора, а в конце — Апокалипсис? Чтобы всяк живущий не замахивался на возлюбленных Богом. Это алгоритм произведения. Но автор всегда проговаривается о себе. Так и в Библии. Довольно сложно ответить на вопрос: если вы такие хорошие, почему вас всюду гонят? Это как раз смысл произведения, его ключ. Микросенсорика позволяет путем математических преобразований вычленить из основного текста подтекст — его душу. Если душа больна, микросенсорика определит происхождение болезни и назначит лечение. Точно так поступил Григорий Лаптев. Разложил текст Библии на математические составляющие, определил несостыковки — в данном случае определил скрываемые черты характера больного — и получил ответ, из которого следует, что человечеству навязывают болезнь, а лечить ее надо так-то и так-то.

К такой откровенности Гречаный не был готов. Как и многие, он полагал, что кто-то зашифровал текст, знал неведомое, а умница Лаптев нашел его и определил дальнейшее развитие мира, как делал это до него Нострадамус.

— Выходит, шифра нет? — спросил он с разочарованием.

— Есть, Семен Артемович, только никто ничего не зашифровывал специально. ДНК — это своего рода шифр человека.

— Как же тогда Нострадамус без компьютера проведал о тайне?

— Он пользовался древними книгами, в которых были заложены знания, утраченные ныне.

— Ты хочешь сказать, о новой вере там ничего нет?

— Почему нет? Есть. Но я не программист, я подошел к задаче эмпирическим путем, без помощи математики. Прочитал труды по данному вопросу и сделал выводы.

— Тогда объясни, Леонид Матвеевич, как создается новая вера, чистая и реальная, как преподать ее людям, чтобы они не блуждали в потемках и придуманных таинствах? Как сделать людей реально мыслящими? — спросил Гречаный, задетый за живое. Последние слова он произнес по слогам, подчеркивая значимость для него. Он вынашивал в себе, ровно дитя, заботу о людях, а мыслящий Смольников в самый неподходящий момент ударил его в самое лоно. Его не возбудили откровенные слова Гречаного, он продолжал говорить ровным голосом:

— Ответ прост: есть спрос, будет и предложение. Новая вера уже создается. Времена у нас неустойчивые, самая пора для шарлатанов и лжеясновидцев; она еще и становление новой духовности.

— Тогда почему преуспел князь Владимир, насильно крестив Русь? — отстаивал Гречаный свои убеждения.

— Тогда радио не было, Семен Артемович, и телевидения. Темно было, люди верили в непознанные силы, а в газетах не писалось, что религия — откровенная мишура. Попробуйте сейчас пятиклассника убедить в том, что земля плоская и лежит на трех китах. «Дядя перегрелся», — подумает он и вернется к своему компьютеру, взламывать защиту секретной информации.

«Не поспоришь, — про себя согласился Гречаный. — А надо».

— Религия — мишура. Не спорю. Но люди в любом возрасте обожают игрушки. Женщины — брошки, колечки; мужчины — значки и ордена. Игра нужна, человек не бездушный робот, люди всегда будут верить в чудо.

— Но вы сами говорили о реально мыслящих людях.

— Не отрицаю. Однако я говорил и о реальности веры, ее чистоте. Впервые в России появились реальные условия для нормальной жизни всех без исключения. Не было бы счастья, да несчастье помогло. А без объединяющей идеи наши возможности растают как мираж. Коммунисты и Церковь припишут заслуги себе и в конце концов устроят новую свару. Пойми ты, нам нужно знать, как поступить, чтобы этого не случилось. Понял? Ты говорил, что возможна гражданская война. И с этим не спорю. Но я-то от тебя хочу получить другой ответ: как поступить, чтобы этого не случилось? Понял?

— Понял, Семен Артемович. Но почему я должен определять то, что не по силам целому институту?

— Институт — это множество мнений, а мне нужна одна, пусть и ошибочная теория. С чего-то надо начинать.

— Искусственно возвращенное долго не проживет, — упрямился Смольников, и это раздражало Гречаного.

— Не переживай, — перешел он на сарказм. — Возвращенное в твоей колбе останется жить в колбе. Будем размножаться прежним путем, не искусственным.

Смольников обиделся, но словами этого не выразил. За подобное качество Гречаный уважал его, за умение находить другие решения.

— А если связаться с Момотом? Он автор микросенсорики...

О Момоте Гречаный слышал. Но среди многих дел упустил возможность подключить известного ученого с мировым именем к важной работе. Во всяком случае, Смольников дал нужное решение.

— Умничка, Леонид, — похвалил он. — Договаривайся с Момотом, приглашай от моего имени. И поспешай. Промедление смерти подобно. До президентских выборов нам надоб-

но идею выковать, иначе вылетим в трубу со всеми благими начинаниями.

«Поспешай». С этим мотивом проходила и другая встреча — патриарха с главой Синода Ануфрием. Патриарх чувствовал немочь и торопился оставить после себя надежного преемника. Ануфрий явно не пройдет, упомянут ему многое из прежних грехов, зато другого такого догматика и теософа нет.

— Как мыслю я, Ануфрий, ты ведаешь и печали мои понимаешь, но куда как важно в мире нонешнем поспешание, дабы опережать события. На то и столпы наши миру дадены. Переживая гонения и трудности, Православная церковь не потеряла и малости в своих канонах, почему теперь возможно говорить от имени Господа нашего Иисуса Христа и прославлять второе пришествие Его на землю святой Руси.

В отличие от Смольникова, надежды Гречаного, отец Ануфрий не проявлял кондовости и мыслил резвее. Если требовалось поступиться принципами, уяснял это без многотрудных борений рассудка и сердца.

— Все смекаю, владыко, и поспешаю уверенно, — отвечал он. — Паству развратили еретики, отступники, шарлатаны, от имени Единого прикрывающие корысть. Ведомо мне, каким путем идти, какими силами укрепить паству.

— Скор, — оценил расторопность Ануфрия патриарх. — Токмо не спеши силой похваляться.

— Ни малой толикой! — тотчас уверил Ануфрий. — Сохранить в неприкосновенности дары Божьи — моя первейшая задача. Малыми силами века выстояли, а ноне сам Господь надежду нам дает и распорядимся ею прибыльно.

— Скор, — повторил патриарх, и трудно было понять, хвалит он Ануфрия или выражает недовольство. Он пережил многих сильных, пережил их умением выстоять между да и нет. Пожурит за насаждение секса в школах и — будет. Выразит недоумение о передаче церковных земель обратно государству и — станется. Державным посохом никогда не стучал вроде, на колючие глазки отступников не нанизывал,

кары небесные не призывал на головы обидчиков. Добрый дедушка!

Отец Ануфрий был его достойным учеником, избранником стал вопреки наветам и зависти. Прочие к власти рвались, осеняя себя крестом, но пряча под рясой собственную выгоду, а отец Ануфрий не личной власти жалел, а власти креста Божьего, власти Ордена избранных. Он отменно источил свою плоть в свальных деяниях, а душу сумел сохранить, и что ему плоть, если еще в семинаристские годы избрал для себя твердо, какой власти отдать себя безоглядно? Потому и патриарх закрывал глаза на многие вольности Ануфрия, видел в нем стержень неиссушимый. Переиграла плоть, вышел достойный слуга Господа.

Оттого и произнесенное «скор» воспринял похвалой Ануфрий.

— Не судите строго, владыко, ибо надо поспешать. Из пещер докладывают братие, что малец подрос и развивается быстро. Подкоп, что провели оне...

— Тихо! — зыркнул глазками патриарх. — Много знаешь? Я этого не знаю, а ты и подавно. Божья благодать лежит на младенце, и в мир он явится, когда будет на то Божья воля. И нет уз сильнее православных. Понял?

— Отменно, владыко! — перевел дух после патриарших наставлений Ануфрий: не туда занесло. Мало ли чем сильнее Церковь светской власти. Пусть кичится до поры....

— А поведай лучше, как там генерал полеживает этот? — спросил патриарх вполне милостиво, сменив тему, будто имя Судских ему неведомо.

— Полеживает, — степенно кивнул Ануфрий. — Признаки жизни подает, скоро из блаженного состояния выйдет.

— Выйдет, — согласился патриарх.

По этому согласию Ануфрий осознал, что противиться возвращению Судских нужды нет и не опасен он ноне, проспал время.

— Что же брат наш? — спросил патриарх, и Ануфрий уяснил чутко, о ком печется владыка: имя Бьяченце Молли

никогда не произносилось в освященных стенах, но помнилось обоим как «Отче наш». При общей угрозе раздоры прочь.

— Есть у него задумка малая, — степенно излагал посвященный Ануфрий. — Возвращение генерала блага не даст ныне царствующим, но посеет смятение в умы, ибо длань Божья коснулась его чела.

— Мы знаем, мы знаем, — торопил патриарх, желая не слышать от Ануфрия лишнего.

— А коли случится такое, быть ему изгнанным из пределов Православной церкви, дабы не смущал рабов Божьих.

— Ох, Ануфрий, — колюче хихикнул владыка. — И не тяжко тебе с Божьим посланцем тягаться? Как утверждают еретики — негоже по лебедям палить.

— В том и есть Божий промысел, что испытания Господа велики и затейлив смысл проявления. Только искушает он нас, а в твердости православного духа и есть правда.

— Велеречив, — теперь уже полную похвалу выразил патриарх и закрыл глазки, показывая утомление долгой и плодотворной беседой с понимающим Ануфрием.

Ануфрий поклонился и вышел, неся скрещенные руки на груди.

Войдя к себе, он звякнул в колоколец, призывая службу. Затем дал ему задание разыскать чернеца Пармена и стал дожидаться.

И не в том правильность его поступков была, что потрафил он владыке — это полдела: от беседы с монахом Парменом зависела она полно. Чернец пользовался уважением владыки и не Ануфрию поверял он сокровенное глубоко. Ревнивый Ануфрий добился всего, только не любви патриарха.

Пармен появился, будто вышел из стены. Всякий раз, призывая его, Ануфрий вздрагивал и всегда упускал момент появления чернеца, оттого и вздрагивал. О Пармене перетолков ходило много, приписывали ему чудные дела, но числился он у владыки на особом счету, уклад соблюдал и дурного не совершал. Его не трогали, как стараются не касаться раскаленной печи, на которой можно приготовить пищу и погреться

возле. Зачем же приносить себе вред? К тому же высокого сана Пармен не удостоился, и Ануфрий мог побаиваться чернеца в тайне, а на виду заноситься.

— Расскажи, брат Пармен, какие новости в мире, какие ветры дуют, как опять собираются перестраивать светскую обитель свою недоумки? — спрашивал Ануфрий игриво. У владыки расслабляться не след, а с чернецом вольности возможны.

— Выборы грядут, — взялся рассказывать Пармен. — Людям опять захотелось президента. Троица распалась, упряжка порвалась, нужен коренник. Воливачу и Гречаному вдвоем стало тесно.

— Однако умный был еврей, — вспомнил о Гуртовом Ануфрий и хлебнул кваску из лафитника. Пармену не предложил. Он пил особый квасок с нужными травками, залечивающий загубленную в прежние годы простату. Монашки поболее путан трипперком болеют.

— Умный, но не еврей, — кратко сообщил Пармен.

— Сказывали.

— Врут.

— Тогда зачем же?

— Дьяволу служил. Под еврейством его прятал. Малое выказывал, чтобы о тайном никто не проведал.

— Вон оно как... — уразумел ответ Ануфрий и ушел от опасной темы. — А чекистов на цекистов получится заменить?

— Сомнительно. Заново Церкви их не вскормить, а кассу их, воровской общак, троица изрядно выгребла. Это забыть надо. Тут другое должно заботить. Гречаный поручил Смольникову подкоп под Церковь делать.

— Это кто такой?

— Книгочей, сказывают, — пояснил Пармен. — Безо всяких машин разобрался с Писанием. У Бехтеренки служит, в любви у Гречаного. А подкоп этот должен узаконить приход мессии не Иисусом Христом, а возвестником ведической веры. Полковник Смольников, из УСИ.

— Вон оно как... — опять соображал Ануфрий. Всем новостям новость. Пармен не соврет. — Ладно, подумаем, — кивнул он, предлагая этим Пармену продолжить рассказ.

— У Смольникова жена молодая и блюдет себя не строго, однако грехи в церкви замаливает исправно. Не пострадать ли?

Пармен не случайно заканчивал вопросом: Ануфрий запрещал настрого вторгаться в мирскую жизнь, как бы ни лукавилось плохо лежащее, не подвигало вмешаться в естественный ход событий. Власть Церкви превыше житейских мерзостей. Знай, но не испытывай.

— Сам решит этот полковник, как с женой разобраться. А почитать бумажки его хотелось бы, — намекнул Ануфрий.

— Даст Бог, — уклонился от прямого ответа Пармен. — Зато о подготовке к выборам известно много. Слух пошел, что Воливач не против побрататься с партияцами, только живя в душевном заточении своем, товарищей верных для исполнения не имеет.

— Надо бы сыскать, — подсказал Ануфрий.

— Хитер Воливач. Кроме Судских, никого к себе не допускал.

— А вот как Судских оклемается, будет он верным Воливачу? — проверял на Пармене свои догадки Ануфрий.

— Ни Боже мой! — возразил Пармен. — Он в путче самостоятельно карты Воливачу смешал, отчего пришлось тому изображать демократа. Двумикий Янус. Надежен, но упрям Судских...

— И я то думаю. А свара будет. И дела нет нам до мирских ухищрений, — говорил Ануфрий, искоса карауля Пармена.

— На все есть воля Божья, — поддакнул Пармен.

«Бога поминает, а не крестится, — не первый раз отметил Ануфрий. — Маленький, хиловат даже, а жилы крепкие...»

— А Гречаный победит? — вильнул он опять, давая новый курс.

— Богу он угодней.

— Ошибаешься, брат Пармен. Хорош был бы Воливач на этом месте. Жаль, товарищей нет. В таком разе нужно лучше казачков к Церкви привязывать. Гречаный еще не казачество. Только не прост он.

— Вестимо, — согласился Пармен. — Его доверенные люди по куреням доставляют неугодную Православной церкви литературку. О вере древней, о богах прежних...

— Замолкни! — гаркнул Ануфрий не свойственным себе голосом. — Скверну сеешь!

— Что слышал, — не испугался Пармен.

— Так препятствовать надо!

— Не пускают братию в курени и слободы.

— Способный ты, где Ануфрий сам может, а когда еще подсказывал, за пределами слобод подвергать сомнению еретические измышления, — диктовал Ануфрий. Пармен слушал вполуха.

— Не моя забота. Синоду решать, ему и делать.

Ануфрий не возразил. Пармен прав, тягаться с ним не стоит. Еще и от владыки нагорит...

— Иди и думай, — нашел он начальственный выход.

После ухода чернеца Ануфрий поразмыслил над беседой с Парменом, прихлебывая травяной квасок из лафитника. Независим Пармен. Не уличен в мерзостях и независим. Прощает ему владыка независимость.

«А по что? — вздыхал Ануфрий. — Я догмат ведаю, уважения сподобился, а чернец этот таинствами, надо полагать, обладает. Вон как патриарха седьмой год от хвори спасает, давно бы без него преставился, прости Господи», — резво закрестился Ануфрий за содеянное в мыслях зло.

Вечеру он долго молился, увязывая помыслы свои с молитвою. Так хотелось ему власти полной, чтобы не себя, а Православную церковь укрепить, сделать ее державной и славной подлинно, чтобы карать отступников, искоренять неугодное...

Укладываясь, он еще долго вздыхал.

«Двойственной жизнью проживаю отпущенный Всевышним век и в обеих жизнях Божье начало едино и непреложно», — успокоил он себя. Уже засыпая, двойственность его дала знать о себе самым неподходящим образом: плоть крайняя зашевелилась и восстала.

— Господи, обереги! — сорвался Ануфрий с постели, кинулся к образам. — Не хватало мне заново в блуд сорваться...

Отвлекая себя не столько молитвой, сколько делами ушедшего дня, он припомнил и беседу с Парменом:

«Кого это Гречаный по курениям посылает, такого умного? Язви ты в душу... Сказывали, где побывает, народец блюсти православие перестает, отпадает от Церкви...»

С тем и заснул. А Гречаный в сей поздний час как раз принимал такого посланца, Ваню Бурмистрова. Ходил он уже в казачьих полковниках, а звали его по-прежнему Ваней. Без намеков на простоватость, ласково, хотя действительно простоты общения он не растратил, но изменился существенно. К прежней общительности прибавилась молодцеватость, какую дает особая форма военного человека.

Красовался Ванечка в полевой форме донцов с полковничьими погонами да еще и с нагайкой за правым голенищем сапога. Был он вполне доволен и формой своей, и переходом в казачество, раскопав в биографии принадлежность прадеда к донцам.

Выполнял он особую миссию не столько личного посланца атамана Гречаного, сколько Божью: разъезжал по слободам со товарищи и рассказывал о древней русской вере, которую князь Владимир пограл, охристианив народ, о казачьем Спасе, охраняющем казака от напастей, о славянах вообще, кому чести и храбрости не занимать, а чужой веры тем более.

— Ну, как работалось? — улыбаясь, спросил Гречаный. — Гляжу, нагаечкой обзавелся?

— Нагаечка — это особый случай, а работалось славно, Семен Артемович. Казаки целиком идею принимают, еще и

меня просвещают. Вы меня наставляли: поаккуратней с православными, а люди без нас, оказывается, несостыковки церковных канонов нашли. Спрашивают: чего вдруг мы петь должны «Коль славен наш Господь в Сионе»? А постоянное упоминание еврейских обычаев? Мы, говорят, ко всем без исключения настроены одинаково уважительно, однако это не означает, что можно русскому на голову сесть вместе с пришлым Иисусом. Мусульмане с Аллахом напрямую общаются, буддисты вообще со всеми богами запанибрата, евреи никого к своему Яхве не подпускают, а всех русских вроде как в прихожей держат, через посредника заставляют общаться. Почему?

— Полмира таким образом, — добавил Гречаный, не убирая улыбки.

— Семен Артемович, а чего ради я за полмира отвечать буду? Нравится им в рабстве быть, пусть живут, а нам хватит. Я потому с большим удовольствием ваш наказ исполняю. И понимают правильно.

— Нагаечки не требуется? — со смехом спросил Гречаный. Иван сел, подбоченясь, и в, свою очередь, спросил серьезно:

— Семен Артемович, а что вы знаете о нагайке?

— Особо не задумывался, — пожал плечами Гречаный. — В прежние годы революционных болтунов и смутьянов по спинам охаживали.

— Ан нет, господин атаман, промашечка у вас, — с удовольствием дождался своего момента Бурмистров. — Как поучал меня потомственный казак, писарь войска Донского Сивогризов, нагайка не кистень, а казак не омоновец. Не отрицаю, что верно, то верно: на большевичков в свое время казачки страху нагнали крепко. Лейба Троцкий не простил им того страха, какой пережил в молодости от нагайки. Когда он писал, что «казаки должны быть уничтожены как народ, способный к самоорганизации», он сознавал, что в 1905 году дорогу к власти большевикам закрыли не казацкие нагайки, а их организованность. Это он, Свердлов, Каганович и прочие лейбы распустили слухи о казачьих зверствах, чтобы народ боялся своих же

граждан, чтобы извести под корень свободолюбивых казаков, единственных в те времена живущих не по рабским законам. И нагайка в большевистских мемуарах вырастала до мощи омовских дубинок РП-73.

«Гляди, как складно излагает, как живо и точно! — дивился Гречаный, слушая Бурмистрова. — А Смольников так и не докопался, почему такая ненависть была у большевистских лидеров к казакам».

— С чем сравнима нагайка? — переспросил он, прослушав последние слова. — С РП-73?

— Абсолютно верно, — кивнул Иван. — Эта омовская дубинка обладает силой удара в тонну, а узаконенная нагайка, имея сто пятьдесят граммов веса, всего лишь седьмую часть. И кто страшнее?

— Как понимать — узаконенная? Твоя вот нагайка мала, а я сам в харьковском музее видел образец: цепь с полметра и гирька граммов на двести в конце. Так и написано под ней: сердечник казацкой нагайки.

— Так музей-то коммуничай! — счастливо отвечал Бурмистров. — А Сивогринов показал мне «Приказ по военному ведомству № 125 от 27 мая 1895 года», где есть описание конского снаряжения с принадлежностями для нижних чинов, гвардейских, прочих конных, казацкой артиллерии, кроме собственного Его императорского Величества конвоя. О нагайке в этом приказе сказано: «Плетенка должна быть одной четверти вершка в диаметре, рукоять из дерева одной четвертой вершка толщиной и не более десяти вершков длиной. Вес полной нагайки тридцать пять золотников». Это около ста пятидесяти граммов.

— Ну, Ваня, заматерел! — довольным смехом закатился Гречаный. И уже серьезно спросил: — Но нарушения ведь были? Утяжеленные нагайки делали? А сабли наголо?

— Это где вы, Семен Артемович, в армии вообще видели рядовых, которые своевольничали, а сержанты потворствовали? Представьте строй, а один солдат с расстегнутым воротничком. За это, сам помню, два наряда вне очереди и к

маме не ходи. А тут казаки, где старшина ни родства, ни за-слуг знать не хочет, лишний сантиметр шинельки за версту увидит и пороть велит безо всякого, а тут — нестандартная нагайка... А про сабли наголо — вообще вранье. Казацкое правило: шашку без нужды не вынимай, без славы не вкладывай — во все времена исповедовали. Военное правило. А зачем шашки нужны, если подстрекатели будоражили народ безоружный? Да казак сроду на сопливого юнца или чахлого студента оружия не подымет! Оплеуху или нагайкой вдоль спины, куда ни шло.

— А боевики? Не чахлый был народ, не трусы...

— В самый корень, Семен Артемович. Чтобы защищаться от боевиков, вооруженных, кстати, револьверами и стальными прутьями, казакам-сверхсрочникам разрешалось — понимаете? Разрешалось! — вплетать в кончик две пули. Такой удар успокаивал боевика минут на пятнадцать — двадцать до подхода жандармов и полиции. Казаки о смутьянов руки не марали, этим жандармы занимались.

— Так утяжеляли все же нагайки? — для себя прояснял картину Гречаный, Ивану он доверял всецело.

— Объясняю, — важно отвечал Бурмистров. — Казака призывали в полк двадцати одного года от роду, а нагайки с пулями доверяли только сверхсрочникам. Потому что молодой казак еще не имеет сострадания к чужой боли, может погорячиться и грохнуть обидчика насмерть. Это у нас восемнадцатилетние омовцы орудуют дубинками без сожаления. И без духовности в первую очередь. Нам, омовцам, что водка, что пулемет — лишь бы с ног валило...

— По-твоему, казаки взяли большевиков в 1905 году на испуг? — перевел разговор в прежнее русло Гречаный.

— Святая правда. Их боялись как организованную нравственно и духовно силу. И сейчас боятся. Вот еще что важно: люди Воливача стали пугать народ казаками, и коммуняки пугают. Смотрите, Семен Артемович, едва шушера всякая и жидво стало под демократов маскироваться, Дзержинскому петлю на шею враз надели, с постаментов сбросили, а памятник

ник, где озверевший якобы казак порет нагайкой безоружную ткачиху, по сей день стоит, чьи-то подлые ручки цветочки к нему носят. Явная промашка. А ведь Дзержинский добра много русским сделал, воевал с контрой, а расстреливать дворян, государевых чиновников и прочих зажиточный люд велели чекистам лейбы да наши тупорылые типа Зиновьева и Каменева. И не они ли потом селились во дворцы, обставляясь награбленным? Каменев, сучара, один с бабой дворец занимал, а простым смертным отдавали такой человек на пятьдесят: коммуналка, видите ли, народ сплачивает, а мне, мол, думать надо за всех смертных. Правильно Сталин им бошки поотрывал, это не коммунисты, а прихлебатели из миски Карла Маркса.

— Ой, Ваня, — шутиливо схватился за голову Гречаный, — уезжал ты по станицам тихо...

— А чего, Семен Артемович? Я только теперь стал погоны свои с достоинством носить, формы не стыжусь, как прежде, и превращать казака из защитника Отечества в опричника не позволю.

— Не позволяй, — серьезно ответил Гречаный, а про себя думал: добрый помощник вырос. С удовольствием думал.

— У прадеда были награды? — спросил он.

— Еще какие! — разом воспрянул Бурмистров. — Полный георгиевский кавалер! Я ж откуда род свой исследовать стал — в списках на стене Георгиевского зала фамилию Бурмистрова нашел!

— Имеешь право носить награды прадеда.

— Не буду, Семен Артемович, — спокойно ответил Иван. — Пока не имею права. Это я для себя так решил. Мой прадед Степан Сильверстович на Шипке первого Георгия получил, под Плевной второго и под самым Стамбулом третьего. Боевые награды, хотя и дадены за освобождение братского болгарского народа. А мы пока не воюем...

— И слава Богу, — серьезно ответил Гречаный, поднимаясь. — Спасибо, Ваня, за службу, а за науку особенно.

— Не за что, — беспечно ответил Бурмистров.

— А как приживается новая вера?

— Пока никак. Пока наш Смольников из пальца документ высасывает, старая как жила, так и живет.

— Сложно переход делать, — оценил его слова Гречаный.

— Это вы не о том, Семен Артемович. Русских и славян вообще дважды православными сделали. А старая вера — ведическая. Ребята развозят по курениям «Ригведу», и что удивительно, прочитают люди и говорят: вот это подлинно православная вера, а иисусик примазался к ней, и церковь с тех пор голову нам морочит абсолютно не русским духом, а жидовским.

— Иван Петрович, — мягко, но полуофициально сказал Гречаный, — настрой у тебя хороший после этой поездки, лишь одно слух режет: больно ты на евреев ополчился.

— А чего с ними миндальничать?

— Обожди, доскажу, — жестом руки остановил Гречаный. — Искать свои беды в чужих происках — последнее дело. Мы ведь сами позволили сесть на голову себе, а потом завопили, что дышать тяжело. В «Ригведе» нет призыва к уничтожению людей людьми, и не злоба накопилась от наших бед, а величие. Понимаешь?

— Хорошо понимаю, — кивнул Иван. — У вас получается так: если евреи нам дышалку перекрывают — это одесский юмор, а если мы их на место ставим — это антисемитизм. Я не призываю истреблять их, я перед Ойстрахом шляпу всегда сниму, поклон до земли отвешу Ростроповичу, а ротшильдам кланяться не обязан и засилья мойшев на русской земле терпеть не собираюсь. Пусть Ойстрах услаждает русский слух во славу своего народа, а «зеленые попугаи» пусть на своих шестках рассаживаются. И знают это...

Толмачев первым заметил изменение цвета кожи Судских. И не это было удивительным, а другое: каждые четыре дня он розовел, бледнел постепенно, и снова розовел. Каждые четыре дня профессора Луцевича ставили в известность, он приезжал, однако чуда не происходило. Подобно заре, цвет кожи постепенно бледнел и на третьи сутки принимал обычный восковатый оттенок, чтобы утром четвертого дня стать розовым.

Луцевич пожимал плечами и уезжал. Симптомов пробуждения не было, кроме непонятных этих.

Как правило, ограниченные люди недоверчивы, и Толмачев стал искать подвох, а не исследовать симптоматику. Вышло, что изменение цвета кожи приходится всякий раз на ночное дежурство Сичкиной.

— Сичкина, — прищурившись, допрашивал он, — почему именно ваше дежурство знаменательно?

Женя Сичкина за себя умела постоять. Будь Луцевич на месте Толмачева, она бы принялась мямлить, краснеть и в конце концов плакать, а Толмачев ни в один из разрядов мужчин по ее классификации не входил, и она отвечала кратко:

— Есть дежурный врач, его и спрашивайте.

Дежурный врач обычно спал, если не случалось происшествий, поэтому отвечал также уверенно:

— Все в норме. Приборы регистрируют, мы отслеживаем.

И демонстрировал контрольные ленты.

Ничего не добившись, Толмачев все же сделал вывод: Сичкина знает причину. Однако доказать не мог. Пусть Луцевич думает...

Зато каждое утро после дежурства Женя Сичкина могла видеть обожаемого профессора. Влюбленность не проходила. Мужчины у нее не переводились, естество требовало, а обладать богом оставалось мечтой желанной.

Потихоньку стал о чем-то догадываться и Луцевич, приехав в очередной раз через четыре дня. Внимательно посмот-

рев на медсестру, он ничего не сказал, а Сичкиной позже пришлось пить валерьянку.

Еще раз Луцевич исследовал каждое показание, все диаграммы, осмотрел участок головы, откуда выводили злополучную последнюю пулю, и ничего сверхважного не нашел, но велел подготовить для себя уголок. Каждое четвертое дежурство он будет оставаться в реанимационном блоке вместо врача.

Женя Сичкина задохнулась от соблазнительных картинок совместных дежурств. Она добила-таки своего!

— Женечка, вы скрасите мое ночное бдение? — спрашивал Луцевич, разглядывая вены на руках Судских. И ладно, что так, иначе бы ей потребовался нашатырь, и, возможно, не видать тогда Сичкиной прелестных картин наяву. Она почти прошептала в ответ:

— Все бдения, Олег Викентьевич.

— Думаю, достаточно будет одного.

Сичкина чуть не умерла.

— Вот и чудненько, — произнес Луцевич. То ли вены Судских ему понравились, то ли покорность медсестры. — А дежурить мы с вами будем очень интересно, — продолжил Луцевич, и Женя сомлела от сладостных картин. Луцевич выпрямился и повернулся к Сичкиной. — Никакого секса. А страдать будем оба.

— Как страдать? — не смогла сдержаться Сичкина. — От любви?

— От нервов. Как все болезни. Один сифилис от любви.

— Я порядочная женщина! — вспыхнула Сичкина: созданный мир соблазнительных утех рушился на глазах.

— Не сомневаюсь. Только в нынешнем мире творятся чудеса. Вот, к примеру, последний случай. Юноша погибает от СПИДа, хотя девственник и даже импотент.

— Как же это? — испугалась Сичкина. Ей всегда было жаль недолюбивших и не любивших вообще.

— Никто не знает. Однако выяснилось, папаша был изрядный ловелас и премомерзко обращался с женщинами. Жен-

ский батальон в полном составе взывает о мщении и сыплет проклятия на голову папани. Оральный, выходит, способ заражения. С небольшой разницей.

Сичкина разницы не уловила, но едва устояла на ногах. Слава Богу, Луцевич вернулся к Судских и не заметил перемены в Сичкиной.

— Как там, Игорь Петрович, не пора ли нам пора то, что делали вчера? — воззрился он в лицо Судских, ожидая ответной реакции.

— Тогда пошли, — сказал Судских, будто они вели перед этим долгую беседу.

Профессор округлил глаза, Сичкина свои закрыла. Ей стало плохо.

— Куда? — спросил Луцевич, преодолев недоумение.

— Тебе виднее, — ответил Судских. — Пошли к твоим гуриям, коль Всевышний, как ты говоришь, не препятствует этому. А к нему?

Сичкина ойкнула.

— К нему еще рано, — отвечал Луцевич. — Сам позовет.

Луцевич понял: Судских разговаривает с кем-то в ином мире, и от него, реального, требуется дать точный ответ, чтобы не взбеленились самописцы приборов и процесс восстановления шел естественным путем.

— Он сам нас найдет, — решил Луцевич.

После этих слов наступило заметное облегчение для всех. Судских больше не говорил. Луцевич уяснил картину и был доволен, а Женю Сичкину перестало трясти.

— Женечка, вы расскажете мне, о чем вы беседовали с Судских? — подступился к медсестре Луцевич.

— Клянусь, Олег Викентьевич, ни о чем мы не говорили, — защищалась Сичкина. По обыкновению, Луцевич просил оставлять его один на один с Судских, лишь сегодня он специально оставил медсестру, почему и разговор складывался откровенным.

— Тогда чем занимались? — как о прогулке спросил Луцевич.

— Ничем, — стояла на своем Сичкина.

— А все же?

Женя собрала всю свою решимость:

— Если проводите меня домой, тогда расскажу. Для науки это важно.

Луцевич другими глазами посмотрел на нее и сделал вывод: влюбленную женщину ожесточать нельзя, иначе Судских не жалец.

— Что ж, — решился и он. — Если это важно для науки, я даже поднимусь к вам. Какой этаж?

— У нас скоростной лифт! — возликовала Сичкина.

— Вот и правильно, — уже без них промолвил Судских. — Пойдем, Тишаня, прогуляемся. Может, Его встретим... А ты видел Его?

— Единожды. Только в яви Его не увидеть. Как сон это. Будто идешь по луговине, и вдруг выплывает пред тобой образ. Видеть видишь, а потрогать нельзя. И видеть Его можно живым только раз в жизни, в момент рождения души.

— Души?

— Души, — подтвердил Тишка-ангел. — Когда человек появляется на белый свет, его душа живет уже девять месяцев и Сущий присутствует в момент ее зачатия. Всегда. Не случайно древние народы считали день рождения человека с учетом девяти месяцев в утробе, а мать знает точно, когда ребенок зачат...

— А как Он везде поспевает? На земле в одну секунду рождаются тысячи душ.

— А зачем ему торопиться? — засмеялся бестолковости Судских Тишка. — Мы в Нем живем, Он в нас и всегда с нами, если мы не продали душу дьяволу. Ты бы, Игорь свет Петрович, о другом задумался: почему человеку отведено девять месяцев до появления?

— Процессы, думаю, такие нужны. Кроликам полтора месяца отведено, кошкам — три, человеку — девять, а слонам — того боле. Почему?

— Про слонов ты, княже, хорошо вспомнил. Стало быть, не человек самый-самый, а слоны?

— Тишка, давай рассказывай, чего томишь? — вслед за своим ангелом рассмеялся Судских.

— Расскажу, княже, слушай. Действительно, на земле одни слоны дольше человека вынашивают плод потому, что они остались жить после Потопа. Несколько изменились только. До Потопа женщина вынашивала дитя полтора года, так в древних ведических книгах было записано, и жил тогда человек лет под тысячу — это и в Библии есть. Потом изменилась сама жизнь, изменилась и наследственность.

— Генетический код, — подсказал Судских.

— Он самый, — поддакнул Тишка уверенно. — Наслышаны. И чтобы зародилась душа, заполнила все клеточки тела, стало хватать всего девяти месяцев.

— Получается, — озадачился Судских, — если случится новая катастрофа, мы превратимся в кроликов?

— Ты очень прав, княже, — серьезно подтвердил ангел. — Не допусти этого...

Они поднимались выше и выше по белесым ярусам. Светлело. Так высоко Судских еще не взбирался. Сердце предчувствовало необычное — предчувствие легкого сна, после чего все сбывается. Его ангел был рядом, за его спиной умирительно подрагивали крылышки, похожие на стрекозьи в теплом летнем мареве...

— Остановись! — прозвучал твердый голос.

— Ох ти мне! — присел от неожиданности Тишка.

Пред ними возник архангел Михаил в своем греко-римском облачении, и крылья его не в пример Тишкиным выглядели по-военному внушительно и крепко.

— Рановато засуетились, — строго произнес Михаил.

— Извините, — пробормотал Судских. — Мы прогуливались.

— Немножко, — добавил Тишка.

— Ты, малец, ступай в казарму, — обратился к нему Михаил, — а с ним я сам займусь.

— Началось, — с тоской промолвил Тишка.
— Что началось? — не понял Судских.
— Ариман нарушил условия, кончилось перемирие.
— Дьявол сошел на землю, — пояснил Тишка. — Битва грядет. Прощевай пока, Игорь свет Петрович. Остерегайся, но я всегда рядом, если в беду попадешь, хоть и в ратники ухожу.

Судских подивился превращению легкокрылого ангела своего в ратоборцы: с мечом у пояса, на ногах поножи, панцирь на груди светлого металла, как и меч, прочный и даже крылья стали крепче.

— Не рассусоливай! — грубо напутствовал архангел Михаил, и Тишку будто ветром сдуло.

Едва он исчез, Михаил спросил строго:

— Что тебе надо от Всевышнего?

— Решать пора, вернуться или остаться.

— Так решил, в какую сторону?

Судских видел по лицу архангела, что ему явно некогда, а его ответ не готов.

— Я, кажется, чего-то еще не знаю, — ответил он честно.

— Не кажется. Это так. Пойдем. Времени в обрез. Пока Симон и Гавриил готовят ангелов к походу, я уступлю тебе. Пошли.

— Куда? — естественно, спросил Судских.

— Сам должен увидеть, во что Всевышний оценил раздвоение души. Тогда и делай вывод. А на будущее скажу, если без меня возвращаться будешь: ты можешь перенести свою встречу с Господом на следующий раз.

— Я не хочу на следующий раз.

— Помолчи. Не твоего ума дело. Тогда с тобой в этот раз не случится смерти. Что бы ни случилось.

Он говорил на ходу, и Судских вслед за ним спускался ниже и ниже по темнеющим с каждым шагом ярусам.

— Смотри, запоминай и ничего не спрашивай. Только со мной ты можешь пройти все ярусы и не подвергнуться притяжению нечистой силы. Тишка слаб, а ты давно...

Судских припомнил слова Тишки: «Даже со мной нельзя туда попасть. Зело гадкие места».

Они прошли через галерею, где бывали с Тишкой. На миг он увидел лицо с затаенной усмешечкой и догадался: молчаливый маршал влачит свою судьбу дальше, и не освободиться ему от тяжелого груза. Много знал он, за многое ответчик... В галерее было темновато, лишь багровые блики вырывали из темени отдельные тени. На миг он увидел знакомый лысоватый череп, склоненный над огоньком.

— Владимир Ильич? — невольно воскликнул Судских.

— Я, батенька, — грустно ответил унылый человек в мешковатом костюме. — Сморчки вот подвариваю, лечусь...

Судских разглядел спиртовой примусок и кастрюльку-манерку.

— У меня очень болит голова, а сделать хотелось бы еще много.

— А где ваши экстраврачи?

— Врачи? Меня еще в Швейцарии напичкали гадкими снадбьями, превратили в наркомана, я боялся говорить о главной, надеялся успеть и обмануть время.

— Сифилис?

— Кто придумал эту глупость? — возмутился он. — Я с пятнадцати лет импотент, последствие вульгарного онанизма, это не важно, а страдал я от наследственной нейроциркуляторной дистонии, и все об этом знали. Но я был одержим идеей, и всем это нравилось. Я сгорел от чрезмерного труда выглядеть сильным и здоровым. Голова болела всегда и теперь болит.

— А за Россию она у вас болит?

— При чем тут Россия? Я мыслил глобальными масштабами. Россия — испытательный полигон, вожди ей теперь не нужны. Один покой...

— Не задерживайся! — грубо поторопил архангел Михаил. — Этот плут даже здесь придушивается, врет, боится попасть ярусом ниже, а объясняет свое плутовство на обычный

манер: хотелось, как лучше, извините, не получилось. Всевышний распорядился держать всех плутов вместе. Нет от них проку ни там, ни здесь...

Пока он говорил, увлекая Судских по наклонной галерее, промелькнули в каморках, словно в купе ночного экспресса, Бухарин, Троцкий, Менжинский, Свердлов, еще кто-то с намысленными плечами и столь же масляными улыбками учтивости. Здесь они улыбались, там обрекали на смерть и голод людей. Каждый что-то варил на примуске или спиртовке, помешивал что-то в кастрюльке или мензурке. И что-то поганенькое было во всем этом действе. Бывшие вожди прихватили с собой заботу о чреве, никак не речи и манифесты, их естество осталось земным — пожрать. Ради жратвы они готовы были маскироваться под кого угодно и даже под порядочных людей.

«Здесь только наши?» — подумал Судских, и архангел Михаил ответил, будто читал его мысли:

— Здесь те, кого ты хотел увидеть, кому не доверяешь.

Ярусом ниже багровые блики исчезли, гниловато-зеленое свечение заменяло свет. Тени здесь не передвигались, а текли медленно из стороны в сторону.

— Боже! — приглушенно воскликнул Судских, и архангел Михаил оборвал его резко:

— Молчи! Молчи и наблюдай.

Мимо проплыла тень, размазанная в плоскости. На следующей Судских сосредоточил внимание, отчего тень подобралась, поджалась, стала узнаваемой, как и его деяния poznались после его смерти.

«Никита! — догадался Судских. — Вечный Иуда, недоучка, дилетант, возомнивший себя пупком земли. Так тебе и надо!» — не стеснялся Судских.

Размазанной медузой проплыл Борька-алкаш, к нему в ноги пристроилась некая рыжая личность, за ними скользил ужом Мишка Меченый. Они даже не скомпоновались при звуке твердых шагов архангела Михаила. Слабые там, здесь им вовсе не хватало усилий.

— Последний нижний ярус, — напомнил архангел.

Они двигались в кромешной темноте. Судских ощущал, что сверху каплет, снизу подсасывает и мерзкое зловоние превращает низ и верх в единую неживую субстанцию. Он не различал лиц, хотя тени роились вокруг плотно, буквально наталкивались на них в торопливой поспешности высказать немую просьбу или пожаловаться на кого-то.

«В самом нижнем ярусе те, кто способствовал подлым», — вспомнил Судских Тишку-ангела. Он не различал их, не знал прежде, может, некоторых. В жизни они промелькнули и забылись живущими, хотя от них во многом зависела жизнь людская. Они обвешивали мыслящих, подкручивая весы Фемиды, сладко ели и пили, переводя добро в дерьмо, не заботясь о наследии, плодя себе подобных, кичливых от наlichtия для них созданного болотца. Они были ничем и всем одновременно, скрепленные диффузийными связями, мешая сильным выбираться наверх. Они застолбили себе места на престижных кладбищах, и все равно их не хотели знать живущие.

«Что же такое жизнь? — отвлекал себя от гнетущих картин яруса Судских. — Ради чего она дается, и нужно ли свершать, осиливать бытие, поднимаясь над себе подобными?»

— Таков закон вечности, — услышал он голос, не принадлежащий архангелу Михаилу.

«А если я не хочу жить в болотце, значит, я другое существо из другой среды, где чище и просторней?»

— Вот-вот, — прозвучал тот же голос с усмешкой в лад мыслям.

«Выходит, Всевышний создает нас в болоте и хочет, чтобы мы самостоятельно выбирались из него?»

— Эволюция мироздания, — подытожил прежний голос. — Выживают сильнейшие, осваивая новую среду.

«Выходит, Адам...» — блеснула догадка в голове Судских. Кстати, стало светлеть впереди: архангел Михаил вел его наверх.

— Про Адама не надо, — остановил его тот же голос, но Судских не внял предостережениям, вспомнился старый спор с Гришей Лаптевым по поводу библейского происхождения человека: «Не так все было, читайте Библию внимательней! Сначала Бог создал людей в последний день своего бдения, сказал им: плодитесь и размножайтесь. Потом он лег отдыхать и, выпавшись, взялся творить Адама, а позже Еву. Была попытка создать пару чистых и... не получилось».

— Не твое дело, — пророкотал прежний голос. — Посмотрю, как ты справишься со своим. Считаю, доверяю тебе создать чистых.

Усмешка при этих словах была ощутимой и язвительной.

— Пошли отсюда, — буркнул архангел Михаил. — Покажу тебе сильных.

В новом ярусе, наполненном голубоватым свечением, фигуры двигались неторопливо, естественно или сидели в степенных позах, занятые самими собой. Никто ничего не готовил на примусах и спиртовках. Судских уже обратил внимание, что в каждом ярусе фигуры и тени живут отдельными жизнями, даже сталкиваясь или сплетаясь, они двигались куда-то без цели, не замечали преград, в голубоватом ярусе перемещения были наполнены степенством, заранее предупреждались столкновения.

Никого из увиденных Судских не признал. Какой-то плечистый мужик в крестьянской поддеве показался знакомым, но смутно.

— Ты спрашивай, здесь можно, — подбодрил архангел.

— Кто эти люди? — тотчас слетело с языка Судских.

— Видишь как? — без веселости улыбнулся Михаил. — Слона и не приметил... Я специально привел тебя сюда, чтобы вспомнил ты, кому обязан родом. Тот простоватый в поддеве — Минин.

— А Пожарский? — спросил Судских, привыкший сочетать эту пару в целое.

— Здесь чистые души, соль земли. Пожарский — князь, он в другом ярусе, он венчал дело. Это разные вещи. Все-

вышний распорядился дать ему другую жизнь. Если сможет, очистится.

— А это кто с бородищей?

— По сану борода, — подчеркнул архангел. — Ослябя. Вопреки обету взял меч на Куликовском поле, не убоился гнева Всевышнего ради Отечества. Всевышний отпустил ему грех.

— Здесь, однако, воители собраны?

— Догадливый, — похвалил архангел. — Только не совсем. Здесь ратиане, кто в неровный час ремесло на меч меняет. А Пифагора здесь нет потому, что он не защитил своего ремесла, хотя Всевышний даровал ему ярус просветленных. Нет и братьев Ползуновых потому, что задумку с паровой машиной воплотили, а грамоте учиться не захотели, уповали на одну милость Всевышнего. Вот российский паровоз позже других и прибыл.

— А чем лучше этот ярус, чем для просветленных?

— Живые они. Только забытые. Вспомнят о них, вернутся снова на землю и пользы принесут много.

— А христоносная душа, почему ее здесь нет?

Архангел Михаил глянул на Судских из-за плеча, усмехнувшись:

— Тебя здесь тоже никогда не будет. Кесари с самой чистой душой сюда не вхожи. Здесь только жившие в простоте помыслов, без лукавства, а восхождение в помыслах — лукавство. Но не грех.

— А я с чего лукавый? — слегка обиделся Судских.

Михаил явственно ухмыльнулся:

— Ты еще никакой. Отмеченный печатью Всевышнего, и только. А что из тебя получится, сам пекарь. Тайну моего ключа и меча знаешь, а умудришься щитом моим прикрыть чистые души, быть тебе моим соратником.

— Вот даже как... — непонятно расстроился Судских. — А мне хотелось прожить спокойную жизнь.

— Всем хотелось. Я в архангелы не с дружеского пира попал.

Голубизна яруса еще больше посветлела, а фигуры стали попадаться реже, и двигались они не навстречу, а поодаль вместе с ними. К престолу Всевышнего своей дорогой. Глухого Бетховена Судских узнал сразу, узнал Мусоргского и Льва Толстого. Многих, обгоняя, не узнавал. Хотелось спросить архангела, но он опередил:

— Здесь расстанемся. Пора. Крикни Тишку, если нужен.

— Он ведь там нужен, — заупрямился Судских.

— Княже, — мягко промолвил архангел Михаил. — Ты нам больше нужен, помни это.

— Тогда...

— Не спеши. Успеешь. Тебе надо встретиться с троими в день последний. Выбери сам. Я все же отошлю к тебе Тишку сразу.

Архангел растворился в свете, и тотчас Судских услышал разгоряченное дыхание своего ангела за спиной.

— Ты бился?

— Нет пока. Мы западни воинству Аримана строили. Чем лучше придумаем их, тем меньше дьявольских сил сойдет на землю.

— Тишка, я могу увидеть свою мать?

— Конечно. Здесь она, неподалеку от престола. Добрая женщина, хоть и грешница.

— Как грешница? — остолбенел Судских.

— Спроси у нее сам, — отвел глаза ангел.

Они чуть спустились в зеленоватый коридор, и Судских сразу увидел бредущую навстречу мать.

— Здравствуй, сынок, — первая приветствовала она и замерла, опустив руки. — Прости меня...

Другого свидания он ожидал. Судских уже разбирался в условностях этого мира — чувствам было здесь место, а встреча с матерью расстроила его.

Отец умер, когда ему исполнился годик, он помнил его сквозь кисею младенческого взгляда. То пропадал в видениях, то появлялся, а мать всегда была рядом. Его не отдали в садик, он тихо дожидался ее возвращения с работы, приду-

мывал тихие игры и тихо радовался ее приходу. И она радовалась встрече, но не громко, словно за стенами их комнатки в коммуналке радоваться громко запрещено. Она выкладывала все происшедшее за день, когда смеялась, когда сердилась, и всегда будто спрашивала совета Игорька. То про собрание, где постановили отработать субботник в честь первого космонавта, то про Витьку Пахомова, который врет и взятые метчики в кладовую не возвращает, то про стеллаж, который вот-вот оборвется, а мастеру участка дела нет, и еще про подружку, которая обещала подарить ношеное платье, да все не дарит... Про отца не вспоминала, только, засыпая, слышал он: «Вылитый отец». Он умер от воспаления легких, промучившись месяц в районной больнице, постоянно отхаркиваясь мокротами, и, как догадался Игорек, на слова прощания сил у него не осталось. Мать умерла, когда он после третьего курса поехал с однокашниками копать картошку в область. Его вызвали поздно, едва разыскали соседи. Он приехал уже на поминки. Плакал горько первый и последний раз. Хотел бросить университет — кормиться как-то, — выручил доцент с их кафедры, поселившись у него. Весело прокуковали на картошке с крупной солью, на хлебе и чае, в спорах о кибернетике и философских началах, а там Игорю диплом дал свой хлеб, а доценту новая женитьба принесла просторную квартиру и домашние прелести.

В день получения диплома он побывал на могиле матери.

«Вот я и выучился, мама. Что же дальше? Ты так хотела видеть меня сильным и образованным...»

Тогда он и не подозревал, какие силы увлекут его в круговерт событий, какие пути пересекутся с обидчиками матери. Тогда он быстро вышел в люди и был счастлив малому достатку, но спокойной жизни. Женился, как все, завел детей, как все, копил на машину...

— Здравствуй, мама, — ласково ответил он, а приблизиться также не решился.

— Какой ты... Красивый, сильный...

— Я уже старый, мама, какая тут красота!

— Нет, Игорек, ты очень красивый, как отец. Господь велел рассказать о нем. Тогда не смогла, тебя рядом не было.

— Я разве не знаю о нем? Хороший человек, добрый и молчаливый.

— Нет, сынок. Петр Алексеевич на мне с жалости женился, он на «Фрезере» нашем в литейке работал, отчество тебе свое дал и любил тебя очень маленького. Я на третьем месяце была, когда он позвал к себе жить. Честь по чести сразу расписался... А отец твой не из наших был, норвежец, с делегацией на фестиваль молодежи приехал. Красивый такой, как ты, а я тогда в инструментальном техникуме училась заочно, сборщицей на «Фрезере» работала. Молодая была, веселая, а в пятьдесят седьмом фестиваль в Москве был; радостно было, жить хотелось празднично, вот и влюбилась в норвежца. И он хороший был, обещал к себе увезти. Только счастье наше с фестивалем и закончилось. Вызвали меня в Комитет и застращали, грозились в лагерь отправить на десять лет за связь с иностранцем. Я смолodu сдуру испугалась и отказалась от любимого. А он обещание исполнил, вызов прислал и сам приехал, только я отказалась. А ты уже наметился...

Судских выслушал горькую исповедь матери. Горечь испытал не за слова печали, а за изломанную жизнь. Вспомнились остро тихие свои посиделки в запертой комнате.

— Какой же это грех, мама? Ты любила, это не грех.

— Ой, сынок, спасибо тебе, — потянулись к нему руки матери. — Теперь мне легче станет с твоим прощением. Помоги и другой грех с души снять.

— Что-то еще приключилось?

— Расскажу, все одно. Тебе два годика было, Петр Алексеевич с год, как помер, легкими маялся, а меня снова в Комитет вызвали. Следовательно опять давай меня мучить, стращать, намекал, чтобы, значит, мне вчистую от следствия уйти, — от него моя судьба зависит, и техникум и завод. Что ж с меня молодой взять можно? Поддалась...

— Прости меня, мама, за эту тайну. Ты не виновна ни перед кем. Я знать того мерзавца не хочу. Бог ему судья.

— Ох, княже, светел ты помыслом без умысла! — услышал Судских за спиной всхлипывающие пришептывания Тишки.

При этих словах мать его засветилась изнутри светом и растворилась в голубоватом эфире.

— Мама, обожди! — протянул к ней руки Судских. Только счастливую улыбку ее поймал в волнах свивающегося марева.

— Не надо, княже, не мешай, — потянул его Тишка. — Она ко Всевышнему отправилась. Он ей новую жизнь дарует. Ты встретишь ее, встретишь! Обязательно... Лукавый не искусил ее, тобой жить будет.

— Тишка, скажи, а отца родного я могу видеть? — взволнованным голосом после свидания с матерью спросил Судских.

— Его здесь нет, княже, он среди живых.

— А кто он, как найти его?

— Это тебе никто не скажет. Только в Книге живых его имя, а ты пока не сподобился заглянуть в нее. Только Всевышний. Не кручинься. Даст Бог, ты его на земле найдешь.

— Да-да, — рассеянно отвечал Судских.

— Кого еще лицезреть хочешь, Игорь свет Петрович?

— Кого? — задумался Судских. Ему в последний день можно увидеть только троих... Многие имена всплывали в памяти, кто-то услужливо листал будто список перед ним. Нет... Судских стер этот список перед собой. — Хочу видеть приемного отца своего, он мать пожалел в трудную минуту...

— Так, княже... — необычно теплым голосом ответил ангел. Судских первым пошел навстречу Петру Алексеевичу.

— Дружок Минина, — шепнул вдогонку Тишка, — вместе они...

— Здравствуй, сынок...

Усталое лицо Петра Алексеевича сразу понравилось Судских. И сразу встала на место недостающая деталь его портрета, которую он в младенчестве не смог запомнить: удивительно спокойные глаза. В такие заглянуть — и нет сво-

их тревог, там защита и уверенность в тебе самом. Глаза без утайки. Что бы ни случилось...

— Спасибо вам, Петр Алексеевич, за мать.

— Тебе спасибо, сынок. Нужным человеком вырос. Как же я хотел этого... Живи и дальше в чести и правде. Будь счастлив. Тебе пора.

Судских не ожидал столь скорого расставания.

— Не его вина, княже, хоть и недоговорено много. Сын тебя очень видеть хочет, — постарался успокоить Тишка.

— Мой сын Севка здесь? — взволновался Судских, сразу забыв о происшедшем. — Что случилось?

— Пока не случилось, поспеши в свое пространство. Он между смертью и жизнью, как и ты...

Он увидел сына, спешащего к нему в светлой тропической форме моряка торгового флота. Вид портила кровь, стекавшая из пробитой головы на рубашку с погонами, аксельбантом нелепого случая свисающая от правого погона с золотым шитьем на грудь.

— Что с тобой, Севка?

Он не видел его с самого окончания Владивостокской мореходки. Три золотых шеврончика говорили, что Всеволод уже старший помощник капитана.

— Папа, наш контейнеровоз «Аделаида» захвачен группой террористов, я оказал сопротивление, и мне проломили голову. Я еще жив, меня бросили в подшкиперскую. Помогите нашим.

— Кто захватил судно?

— Мы вышли из Петрограда, имея на борту полторы сотни сорокафутовых контейнеров и десять человек пассажиров, сопровождающих груз. Назначение — Латакия, сельхозмашины, — четко докладывал сын, будто не отцу, а начальнику пароходства. — В Бискайском заливе нас потрепал шторм. У двух отдельно стоящих контейнеров были повреждены створки. Я принял меры по дополнительному креплению и обнаружил, что внутри их пусковые установки и боевые ракеты. Я доложил капитану, после чего капитан

отстранил меня от несения службы, а старший сопровождающих взял командование судном на себя. Экипаж возмутился. Сопровождающие оказались вооруженными, загнали весь экипаж в трюм, двоих убили. Я без сознания в носовой подшкиперской.

— Кто такие сопровождающие? Иностранцы?

— Наши. В Питере судно провожал человек из окружения Воливача. Ты его должен знать.

— Как он выглядит?

— Небольшого роста, седой, нос горбинкой, ключи на пальце крутил. Именно он распоряжался посадкой сопровождающих.

— Генерал Лемтюгов! — с досадой воскликнул Судских. — А будто за границей жил... Выплыл! Зачем в Сирию везли такой груз?

— О нем ничего не было известно. По документам только сельхозмашины, и до Бискай никто не предполагал, что в контейнерах.

— А капитан?

— Штатного капитана сменили за час до отхода. Новый часто запирался со старшим сопровождающим в своей каюте. Мы думали, водку пьют...

— Княже, — вмешался Тишка-ангел. — Место схождения на землю дьявольских сил у города Хайфа, в земле израильтян. Мы там плотную оборону готовим.

— Так-так, — машинально кивнул Судских. — Сева, а ракеты могут выполнить боевой пуск? Как считаешь?

— Могут, — подтвердил Всеволод. — Во-первых, я понял, что сопровождающие — специалисты-ракетчики. Во-вторых, контейнеры не стандартные, с убирающейся верхней крышкой, из-за этого в шторм разошлись створки. И вот еще важное: в море мы дважды проводили учебные тревоги: экипаж расходился по своим местам, а сопровождающие спешили к этим двум контейнерам на корме, хотя отвечали за все сто пятьдесят штук.

— Понял, — кивнул Судских. — Твой контейнеровоз хотели использовать как плавучую пусковую установку. Предположительная цель — Израиль. Провожал Лемтюгов. Нити сходятся к Воливачу. Тишка, ангел мой, мне пора возвращаться. — Повернулся к сыну: — Когда судно полагает быть возле Хайфы?

— Через двое суток приблизительно. Четырнадцатого апреля.

Судских задумался, поднял голову вверх. Со Всевышним он встретиться так и не успеет. Что важнее?..

Неожиданно снова появился сам архангел Михаил.

— Провожу тебя, — сказал он. — Возвращайся, княже, ты там нужнее, Господь оборонит тебя. Еще раз взгляни на острие моего меча, — добавил он и поднял меч на уровне глаз Судских. Острие искрилось голубоватым пламенем, четко выделялась причудливость формы. — Вбери его силу, — приказал архангел.

Обеими руками Судских коснулся острия. Он ожидал удара тока, ожога, ничего не случилось, лишь голубоватое свечение поблекло перед его взором, устремленным вверх, и все заполнил полумрак с рассеянным светом в изголовье.

— Сева! — позвал он, приподнимаясь на локте. Никто не ответил. Где-то рядом слышался смешливый мужской голос, его перебивал игривый женский. — Что это? — ничего не понимая, Судских отлеплял с тела датчики, будто заурядный налипший сор. — Севка! — позвал он громче.

Музыка и голоса оборвались поспешно, и на пороге возник плечистый, осанистый мужчина в белом халате. Из-за плеча выглядывала женщина.

— Я здесь, Игорь Петрович. Меня зовут Олег Викентьевич.

Мутная пелена сползла с глаз Судских. Он стал мыслить реально:

— Какое сегодня число?

— Двенадцатое апреля, — сказал мужчина.

Сичкина позади Луцевича до боли сжимала грудь и кусала губы, крупные слезы пополам с тушью пачкали белоснежный халат. Она понимала, что ее так поздно начавшийся праздник кончился рано, и все же она сказала сквозь слезы:

— С возвращением вас, Игорь Петрович...

3 — 13

По пятницам всегда Москва разгружалась от служивого люда. Новый век не стал исключением, хотя усилиями новых властей она достаточно разгрузилась от лишних забот и нахлебников, воздух стал чище, и можно было дышать свободно в городских квартирах, но куда все же лучше расслабляться на природе. Связь работала отменно, транспорт не подводил, дороги без колдобин, и ради чего надо рваться в центр, если решение можно принять, обирая куст малины или полеживая в гамаке? Еще эмоции, конечно, однако эмоциональных недоучек постепенно вытесняли исполнительные прагматики.

Воливач и Гречаный не были исключением. На одного работали органы контрразведки, на другого — казачье министерство охраны порядка. Оба имели полнейшую информацию по стране, необходимые меры принимались заранее, и вряд ли какое-то происшествие могло испортить их загородный отдых.

Весть о возвращении Судских к нормальной жизни застала Воливача на полпути к даче по Рублевке, а Гречаного наполовину раздетым перед освежающим душем в Серебряном Бору. Случилось-таки происшествие из ряда вон: Воливач велел развернуть машину в столицу, а полуголый Гречаный связался с клиникой по радиотелефону, опередив Воливача на полминуты.

За пять минут до отъезда Гречаного люди Воливача перехватили джип с Луцевичем и Судских и приказали водителю следовать в Кремль. Тот заартачился, сослался на распоря-

жение Гречаного везти пассажиров в другое место и вызвал казачье подкрепление. Контрразведка вызвала вертолет. Встреча намечалась шумной, до которой Луцевичу и Судских не было интереса. Первому потому, что предчувствовал соперничество, а второй был абсолютно не в курсе перемен. В сгустившихся сумерках Луцевич увлек Судских в придорожные кусты, а там лесом до электрички.

— Оставим кесарево кесарям, — объяснил Луцевич. — Давай-ка огородами и — к Котовскому, то бишь к Жене Сичкиной. Тебе, Игорь, для начала надо кое в чем разобраться, чтобы не перегрузить мозг дурными заботами меж двух огней.

Доверительный тон Олега успокаивал Судских. Они сразу перешли на ты, и Луцевич взялся просвещать Судских на тему дня, и как ни будоражили яркие картины того света, впадать сразу в гвалт событий он не хотел. На дворе весна вела свои хороводы, неожиданный симпатичный товарищ был по душе, немного прийти в себя не помешает, решил Судских. Начинались приключения, до которых он соскучился, да и получить непредвзятую информацию куда лучше назойливых уверений в любви.

Женя Сичкина в этот вечер кое-что подстирывала у себя в Строгино и была во власти новых переживаний, связанных с пробуждением Судских. Теперь любимый профессор отдавится от нее.

Неожиданный звонок в дверь обескуражил ее. В глазок она увидела перед собой вполне бравого ожившего генерала в джинсах и теплой безрукавке, а сбоку обожаемого — профессора и обескуражилась напрочь. Она в замешательстве выжимала и выжимала трусики, а с той стороны жали и жали кнопку звонка.

— Увы, — промолвил Луцевич. — Даже к влюбленной даме не следует ходить без приглашения.

И тут дверь стремительно распахнулась вместе с халатиком Сичкиной, а профессор мог констатировать непроходящую любовь медсестры к нему. Вон и трусики уже в руках...

— Желанные мои! — воскликнула Женя, не заботясь о вольном виде. — Входите быстрее!

Исчезновение важных персон обнаружилось сразу. Тут и казаки и, разведка проявили прыть, а обе службы подстеги-вали звонки обоих шефов. Кто вперед? Обе службы скоро и просто вычислили медсестру Сичкину, и спустя десять минут после прибытия беглецов наряды уже неслись с обеих сторон к страдалице Сичкиной в Строгино.

Тиликнул звонок телефона, связь стала на прослушивание. Судских не забыл прежние времена и сообщил об этом Луцевичу.

— Тогда сматываемся, — тоном молодца в чужой спальне сказал маститый профессор, выпросив у остолбеневшей Сичкиной денег взаймы, и увлек Судских к скоростному лифту.

Обе службы подкатили почти вместе и застали одну заплаканную Сичкину, а оба беглеца продолжали накручивать детективный сюжет в Столешниковом переулке, где проживала кое-какая пассия прежних лет Альки Луцевича. Любил он это дело.

Любвеобильное сердце профессора вмещало внушительную картотеку доверенных лиц, на которых благодаря отзывчивости и вечной памяти он мог всегда положиться. Ни мудрые чекисты, ни хмурые казаки такими килобайтами памяти не обладали. След беглецов потерялся. Гречаный, сам любитель пощелкать птицу счастья по клювику, успокоился скоро, разгадав намерение Луцевича дать передышку Судских; к полуночи он спал, а Воливачу шлея под хвост попала, и он бесновался до последних теленовостей в четвертом часу утра, полагая, что Гречаный охмурил его.

Миловидная пассия Луцевича в крупных очках сразу сообразила, что визит любовной ночи не даст, и стыдливо предложила гостям располагаться в большой комнате. Одевшись, она пожелала им спокойной ночи и отправилась ночевать к маме в соседний переулок.

Луцевичу хватило полбутылки водки из холодильника пассии и трехчасовой обстоятельной беседы, чтобы шарики в

голове Судских вошли в надежный контакт с роликами. Судских не стал пока рассказывать о своих потусторонних видениях, зато получил полное представление о делах в России на сегодняшний день — тринадцатое апреля, три часа сорок минут утра.

Но кровь из разбитой головы сына была настоящей, и где-то в море шел своим курсом контейнеровоз «Аделаида»...

— А это выясним, — бодро заверил Луцевич. — По прежним временам телефон диспетчера Балтийского пароходства остался. «БМВ» как-то мне из Бельгии пароходом привезли, — пояснил он.

Через двадцать минут они знали местонахождение «Аделаиды».

— Вчера на восемь утра они прошли Тунисский пролив...

Судских просчитал про себя и сказал:

— Сейчас они где-то на траверзе острова Крит... Значит, в считанные часы откроется возможность свободного залпа. Надо как-то действовать.

— Сложно, — призадумался Луцевич. Хотя все происходящее он воспринимал истосковавшимся по авантюрам сердцем, грядущая опасность настраивала его на серьезные поступки.

Из записной книжки он выковырял-таки телефон коллеги в израильском центре «Рамбам» Арнольда Гольдштейна и позвонил ему без предубеждений.

— Шолом, Ноля, — приветствовал он коллегу. — Не возражай на приветствие, — осек он охающего спросонку друга. — Я не из Швейцарии звоню, и дело не в этом. Если твоя МОССАД или какое другое еврейское ЦРУ не возьмут под неусыпный надзор контейнеровоз «Аделаида» под флагом Либии, тогда твой Цахал не проснется наутро в своих казармах. Перезвонить не смогу, Ноля, это серьезно. Больше говорить не могу.

Он положил трубку и вопросительно посмотрел на Судских: как генерал-комитетчик оценит его старания?

— Ловко, — оценил Судских. — Я бы не додумался на-
прямую в Израиль звонить.

— Они там все патриоты, если дело касается безопаснос-
ти страны. А другого не оставалось. Надо помочь братьям
евреям. Для меня вообще не существует ни белых, ни крас-
ных, ни цветных, ни чукчей. Есть нормальные люди и за-
сранцы. Засранцев разделяю по немытым шеям и засранным
мозгам, — поспешил определиться в шепетильном вопросе
Луцевич.

— Я того же мнения, — согласился Судских. — Порой
тебя брат русский чище иноверца боднет.

Проговорив еще часа полтора, они благополучно допили
и остатки хозяйкиного шерри-бренди, продрыхли до обеда.
Разбудили их запахи с кухни: вернувшаяся хозяйка готовила
борщ. Его аромат для русского, что крик муэдзина для му-
сульманина. Время — без пяти двенадцать. Оба тотчас при-
пали к экрану «Самсунга». Ничего. Упросили хозяйку
принести «чего-нибудь» из ближней винной лавки. Кое-как
поели. Хозяйка обиделась: двое мужиков, о любви ни слова,
еще и едят из рук вон плохо. Наскоро извинившись за отсут-
ствие аппетита, удалились в большую комнату, томились
неизвестностью, каждые полчаса слушая новости. И так поч-
ти весь день, который считается выходным.

Только в семнадцать ноль-ноль прозвучала ожидаемая но-
вость:

«Три часа назад в юго-восточной части Средиземного моря
подвергся нападению русский контейнеровоз «Аделаида» под
либерийским флагом. Капитан успел дать сигнал бедствия, а
также информацию о террористах. Это позволило израиль-
скому отряду быстрого реагирования провести контропера-
цию по освобождению экипажа. Судно и груз спасены, есть
убитые и раненые с обеих сторон. Сейчас «Аделаида» под
командованием старшего помощника капитана продолжает
рейс в Латакию в сопровождении катеров израильской бере-
говой охраны».

— Само собой, по стопке, — развел руками Луцевич.

— Интересно подана информация, — хмыкнул Судских. — Умный капитан заметил террористов в море-окияне, дал СОС, и примчались доблестные израильские омовцы.

— Мы умываем руки.

Хозяйка, уяснив, что настроение гостей повысилось благодаря теленовостям, расщедрилась и выставила бутылку шампанского. Сразу появился аппетит. Только подняли фужеры, диктор, прервав передачи, появился на экране:

«Экстренное сообщение. Только что нам передали о ядерном ударе по территории Израиля. Удар нанесен неопознанной подводной лодкой из Средиземного моря двумя ракетами класса земля — земля. Территория поражения захватывает также Ливан. Есть разрушения, о жертвах пока не сообщалось».

— Вот так отпраздновали, — огорошенно произнес Луцевич, ставя фужер на стол. Огорчился и Судских.

«Как я ни препятствовал, дьявол на землю сошел. И все же что-то в сообщении не то...»

Луцевич пытался заговорить с ним, но Судских показывал пальцем: обожди, думаю. Наконец он произнес:

— Это был обычный ракетный удар, а не ядерный. Террористы пуск осуществили в момент захвата «Аделаиды» спецназом, но удар оказался фальшивым. Не сработали боеголовки.

— Хорошо хоть так, Игорь, дай Бог, что так, — поддержал Луцевич. — Но рука Москвы видна отчетливо. А тут еще неизвестно, куда подевался знаток многих тайн, генерал Судских...

— Завтра свяжемся с Воливачом и Гречаным, я скажу, что профессор Луцевич предложил мне курс адаптации и я разумно ему подчинился. Отлежался, меня промассажировали китайским методом, сейчас я в полной форме, готовый служить стране дальше. Больше ни о чем ни слова.

— Мужчины, минуточку внимания, — вмешалась в разговор хозяйка. — Кажется, это вас заинтересует.

Она тактично покинула их сразу и показалась теперь из другой комнаты, предлагая послушать новое сообщение:

«Как нам стало известно из компетентных источников, неизвестный позвонил из России в Израиль, судя по всему, по первому попавшемуся телефонному номеру и предупредил о ядерных ракетах на борту «Аделаиды». Поднятый по боевой тревоге отряд морского спецназа вооруженных сил Израиля осуществил скрытный захват судна. Пуск ракет с установок, помещенных в двух контейнерах, произошел в момент высадки спецназа.

Как выяснилось, под видом сопровождающих террористы попали на «Аделаиду» еще в Петрограде. Старший помощник капитана Всеволод Судских, сын известного генерала, первым обнаружил несоответствие документов и груза, о чем доложил капитану. После этого террористы выказали свои истинные намерения. Часть экипажа под руководством старпома оказала сопротивление. Старший помощник был брошен в карцер, весь экипаж загнан в трюм. Примечательно, что капитан сопротивления не оказывал и выразил согласие управлять судном дальше. Сейчас нам известно, что штатный капитан был списан с судна за час до его отхода в рейс. При захвате «Аделаиды» спецназом никто из экипажа не пострадал, но капитан судна был убит одним из террористов, которые отстреливались до конца. При опознании трупов установлено: двое террористов принадлежат к реакционной партии «Братья мусульмане».

Израиль выразил ноту протеста России, хотя в этой истории еще много невыясненных вопросов. С комментариями и разъяснениями по делу о захвате российского контейнеровоза «Аделаида» в нашей программе — Виктор Вилорович Воливач», — завершил сообщение диктор, и на экране возник покровитель Судских.

Пока он отмежевывался от обвинений, приводя массу контрдоводов, Судских мало вслушивался в слова, стараясь лучше разглядеть черты лица.

Воливач держался уверенно, обида на незаслуженные обвинения сквозила в его речи. Россия, мол, сама пережила недавно дьявольское нашествие и теперь желает жить в мире с другими странами. Приписывать ей террористическую деятельность нелепо и форменная провокация, очередной виток холодной войны в тот период, когда Россия сама несет помощь Европе. Ведется следствие, преступники и пособники будут найдены и понесут заслуженную кару.

«В заключение от имени всех россиян, от имени тех, кто пережил ужасы Чернобыля, хочу выразить глубокое соболезнование пострадавшим от варварской бомбардировки».

— Ты понял! — воскликнул Судских. — Он уже знает, что удар не состоялся! — Он вскочил, обдумывая еще что-то. — Вспомни Олег, он сказал: «Россия сама недавно пережила нашествие дьявола».

— Что-то вроде, — согласился Луцевич.

— Не вроде. Фраза далеко не для красного словца. Он имел в виду нечто, имеющее место. Воливач, по моим убеждениям, — опять во главе какого-то заговора с далеко идущими последствиями.

Он машинально перевел глаза на хозяйку, так и стоящую в дверях. Она зарделась, вспыхнула стеклами очков, будто застигнутая на месте преступления. Судских смутился еще больше: отвык, расслабился, выбалтывает серьезные вещи при посторонних. А проговорился он крупно... Опять его несет куда-то течение, помимо разума. И ведь не во власти он обстоятельств, вольный человек.

«Я просто не осознаю пока реальности! Все еще во власти химерических сновидений! И начинаю творить глупости. Я передоверился Луцевичу?»

— Игорь Петрович, — донеслось до него мягко и настойчиво. Говорил Луцевич.

— Да? — очнулся Судских.

— Прежде всего давай разложим фишки по кучкам. Здесь мы в абсолютной безопасности. — Он сделал поклон в сторону хозяйки, и она опять зарделась. — Это мой товарищ со

студенческих лет. Что она знает, в ней умерло сразу. Дальше: события последних часов мы предотвратили, и лучше это никто не смог бы сделать. Пусть израильский спецназ приписывает себе новую победу. И террористы, возможно, хотели нанести удар по другой цели, по Иерусалиму, например, — в спешке плохо сконтачило. Далее: причастность Воливача к истории с «Аделаидой» очевидна, а перехват он никак не мог предположить. Отсюда следует, что твой товарищ правильно составил диспозицию и в самом начале предложил тебе тайм-аут, чтобы вскрылись чужие карты.

— Мужчины, я вас покину, — вмешалась хозяйка. — Это не для моих ушей. Я уйду к маме.

Луцевич привстал, попытался протестовать, но она остановила его одной фразой:

— Луцевич, не крути сразу эротическое кино и документальный фильм.

Откуда-то из банки с мукой она достала литровую бутылку «Метаксы», выставила на кухонный стол и направилась к дверям. Они проводили ее с благодарностями за уход и терпение. Едва щелкнул дверной замок, Луцевич продолжил прерванный разговор, явно с воспитательным подтекстом:

— В прежние времена у вас с Воливачом были дружеские отношения?

— Вполне. — Судских решил полностью довериться Луцевичу. Он обязан ему жизнью: есть другой критерий доверия? — Однако я не все принимал на веру. Воливач — вещь в себе. Его планов никто не знал. Он всегда вел сложные игры и всегда выходил сухим из воды. При царях и диктаторах. Он сам по себе.

— Если не секрет, ваше ведомство занималось масонами в России? — неожиданно спросил Луцевич. Вопрос, словно чья-то физиономия из-под одеяла, застал Судских врасплох.

— Нет.

— Почему?

— Других дел хватало.

— И ни разу не сталкивались? — пытал Луцевич.

— Как-то не получалось. А вообще-то... — припомнил Судских, — в девяносто восьмом сталкивались. Вышли на организацию со всей атрибутикой масонов. Дальше ею занимался второй отдел Воливача. До того ли было... Хватало явных вредителей без масонов.

— А разговоров с Воливачом никогда не возникало на эту тему?

«Чего он меня допрашивает?» — ело внутреннее раздражение, но Судских будто следовал за поводырем, минуя крапиву.

— Было два раза, — кивнул он уверенно. — Воливач как-то поведал мне, что христианство как таковое отслужило свою службу, а масонство как раз трактует свободу в выборе веры.

— И навязывает свою, — дополнил Луцевич.

— А второй раз, — пропустил мимо ушей Судских, — не помню, по какому поводу, он обронил: «Знатный из меня вышел бы мастер ложи». Я не придавал этому значения.

— И зря.

— Подчиненные не задают вопросов, нарушающих субординацию.

— Не обижайся, Игорь. Могу сделать вывод, что Воливач представляет масонскую организацию, и в довольно крупном ранге.

— Никогда, — отрицательно покачал головой Судских. — Олег, в Европе заклинились на масонах, в России человек такого ранга не станет размениваться на княжество, если у него царство в руках. Выбрось из головы. Гуртовой — пове-рю. Воливач — нет.

— А Гречаный?

— Тем более. Казаки на нюх распознают нечисть. Если подноготной человека не знают, никогда не бывать ему атаманом. А он не опереточный, а настоящий. — К Судских возвращалась способность взвешивать слова и поступки. Луцевич развивал прежнюю тему:

— Обрати внимание, Игорь, события, приведшие к власти коммуны, развивались не исподволь. Развал экономики, невыплата зарплат, коррупция, безвольный президент-марионетка — все это вылилось в бунт и возврат прежней власти. События смоделировались из-за кулис. Но победа американской партии оказалась пирровой. Кто же мог дирижировать хаосом прилюдно? Общество возмущалось засильем евреев, а танец «Семь сорок» не кончался. Такое под силу только крепкой, финансово устойчивой организации, с мощным лоббированием из-за рубежа. Какой?

— Допустим, масонской.

— Только ей.

— Тогда зачем Воливачу идти на столь гнусную провокацию?

— Ну прежде всего подобным методом лучше всего спровоцировать громадный скандал, восстановить против русских весь мир. Никогда и никому не нравилось, чтобы Россия встала с колен. Либо пусть молится, либо кланяется, вымаливая подавание. Масоны вначале старались пробудить гражданское самосознание русских, а дальше бунт становился неуправляемым и вел к диктатуре. Так появился дедушка Ленин, так пришел дядька Борька, а там очередь господина Воливача. Возможно, Воливач не состоит в масонской организации, могу согласиться, но во все коммунистические времена за спинами лидеров оказывались их жены. Вели своих послушных телков из райкомов в обкомы, из цеха в чека, и во все времена жены цезарей были вне подозрения. И зря.

— Воливач — вдовец, — машинально ответил Судских, раздумывая над словами Луцевича.

«А вообще-то разумное зерно, — отметил он. — Бабы делали своих мужей, дергали их потом за ниточки, а выбирать ниточки им помогали тайные духовники за кулисами. И никакие политбюро не стоили дороже часа кроватных исповедей. Долго ли внушить мужу провести эту линию, а не ту? И ведь, как правило, жены лидеров в лучшем случае были русскими наполовину».

Мысли, похожие на его блуждания на том свете, неожиданно привели Судских к вопросу:

— Олег, а ты не случайно появился в моей жизни?

— Хороший греческий коньяк делает свое дело, — улыбнулся Луцевич. — Надеюсь, в масоны я не попал? — Судских сделал вид, что выковыривает из блюбочка маслину. — Меня к тебе другой магнит притягивает. Ты нестандартная фигура. Умных нынче еще хватает, а разумных маловато. Любимчик богов, я бы сказал. И ты коснулся тайн, до которых пока никто не дотянулся среди ныне живущих. Ты, Игорь, был там, где мало кто побывал. Надеюсь быть тебе другом и помощником. А вообще-то тебя мне сам Бог послал.

— Спасибо, — кратко ответил Судских. Комплиментарность всегда смущала его. — Что дальше делать будем?

— Утро вечера мудренее. Коньяк перед нами, пропьемся штыками и десять маслин не пустяк. Послушаем последние известия, а там видно будет. Суесться не в моих правилах, чего и вам желаю.

— А мне не терпится связаться с Гречаным. Воливача надо обезвредить. Есть у меня кое-какие подозрения.

— Из них шубу не сошьешь, — возразил Луцевич. — Воливач — изощренный игрок, играет по-крупному, к неожиданностям готов, за ним бессмертное ведомство сыска. Готов ли Гречаный?

— А если готов, и мы зря просиживаем время?

— Допустим, — стал рассуждать Луцевич. — Ты встречаешься с ним, рассказываешь о вешем сне и так далее. Первая его мысль: у тебя не все ладно с головой.

— Но факты?

— Вторая мысль: Судских на кого-то работает.

— Почему?

— Третья мысль: до выяснения подробностей Судских задержать.

— Явный перебор, — поморщился Судских.

— А помнишь, сколько Хрущеву по секрету передавали о готовящемся перевороте? Люди жизнью рисковали. И хоть

бы хны. Вожди из другого теста, чем простые смертные, они живут в заоблачных высотах, отдельно от нас. Пойми, Игорь, пока ты отсутствовал, в этом мире изменилось многое, неизменными остались ложь, корысть и предательство. Роль туза в крупной игре тебе пока не отводится, но всем хотелось бы иметь тебя в качестве джокера под рукой. Я внимательно осмотрел все приборы в реанимационном блоке. Назначение некоторых вызвало удивление. Я никого не расспрашивал, но хотелось бы знать, зачем нужны высокочувствительные сенсорные устройства, которые регистрируют деятельность твоего мозга? Их в мире-то единицы, и совсем не для медицины... — Он сделал паузу, явно подбирая определение. — Проще говоря, кто-то мог смотреть кино, где ты был участником. А наблюдал за этой аппаратурой явно не дежурный врач и уж не Женя Сичкина. Очень аккуратно у Толмачева я выведал, что каждое утро человек Воливача менял барабаны с перфорированной лентой и уносил их. Толмачев — тупица, его знания не выше арифметических: вот этот прибор контролирует кровяное давление, этот дыхание, тот почки. Удивительно, почему столько заботы вокруг генерала Судских, а главврач откровенный тупица? Его лично назначал Воливач. Я пришел к выводу, что от тебя загодя хотели получить некую конфиденциальную информацию.

«А получили совсем другую», — про себя отметил Судских и спросил открыто, понимая, о каком приборе идет речь:

— Олег, а ты не подумал, что твое вмешательство может привести к ненужным последствиям?

— Еще как подумал. И заранее соломки подстелил. Мы с Гречаным старые знакомые. Я доверяю ему.

— Этого в такой ситуации мало. Сам сказал: вожди живут за облаками, — не согласился Судских.

— Давай проще, раз моя интуиция тебе не нужна. На Воливача у тебя зуб есть?

— Есть, и немалый. Мой сын из-за него пострадал.

— А на Гречаного?

Судских приподнял плечи:

— Симпатичный мужик.

— Ну и кто лучше? С кем кашу варить?

Судских сдался: «Вообще-то он прав. Если я не доверял Гуртовому, его натура в конце концов проявилась...»

Запиликал телефон. Судских и Луцевич переглянулись. Олег предупреждающе поднял указательный палец и снял трубку.

— Не паникуйте, это я, — услышал он голос хозяйки. — Вы явно с кухни от «Метаксы» так и не ушли, а по телевизору новости специально для вас...

— От «Метаксы» — к «Самсунгу»! — скомандовал Луцевич и первым кинулся в большую комнату.

Конец фразы заставил их протрезветь:

«...встретите этого человека, просим сообщить по указанным телефонам».

Судских они были знакомы, как родные.

— Не тебя ли ищут? — спросил Луцевич.

— Вполне возможно...

— А давай-ка пощелкаем, может, на других программах найдем, — предложил Луцевич и взялся за дистанционный пульт.

По одной программе пели про новомодный вибрирующий инструмент «кунгус», заменивший осточертевшие гитары. По другой шла развлекательная программа — суббота никак. По третьей зацепились за хронику: показывали картины разрушений. Из текста за кадром стало ясно: места между Израилем и Ливаном.

— Ну и что я говорю? — восторжествовал Судских. — Никакого ядерного нападения!

— Действительно, — разглядывал экран Луцевич. Разрушен какой-то каменный сарай, воронка среди оливковых деревьев, зато много негодующих.

— Сорвалась провокация! Не без участия Божьих сил, — весело сказал Судских, и это заставило Луцевича внимательно взглянуть на него. Неспроста упомянул он о Божьих си-

лах. Но он и близко не собирался видеть в том психическое расстройство у Судских.

«Шестьдесят четыре страны прислали ноты протеста, — сообщал диктор. — США и страны НАТО привели в боевую готовность флоты и эскадрильи бомбардировщиков. Вернемся в зал, где только что началась пресс-конференция лидеров нашего государства...»

За длинным столом, утыканным микрофонами, сидели Воливач и Гречаный. У Воливача руки не дрожали, как некогда у Янаева под музыку Чайковского из «Лебединого озера»: выглядел он вполне спокойно, и все же что-то сумятилось в нем. Что-то... Судских знал привычки бывшего шефа.

К зрителям обратился Гречаный:

«Мне трудно сейчас отрицать или брать вину за происшедшее, — говорил он, — но абсолютно известно, что «Аделаида» вышла из Петрограда с грузом сельхозмашин. Выяснилось также, каким образом на судно попали ракеты с ядерными зарядами. Арестованы причастные к этому. Налицо заговор против мирового сообщества с целью компрометации миролюбивой политики России. Не скрою, нам грозят ответным ядерным ударом возмездия. Прошу россиян сохранять спокойствие потому, что в мире происходят очень серьезные перемены. Подтверждение тому — не ядерный удар по Израилю, а обычный. Это доказано и хорошо видно из кинодокументов».

Он кивнул кому-то в студии, и перед тем как телекамера переключилась на другой эпизод, ни от кого не укрылась деталь явно не по сценарию: Воливач дернулся. Всего лишь секундное замешательство и — другая эпоха. Как с гробом Леонида Брежнева.

На экране появился легко одетый человек с микрофоном в руке:

«Говорит и показывает Зона. Мы вынуждены вмешаться в естественный ход событий. Стало известно, что на планете может вспыхнуть ядерная война. Со всей ответственностью

готовы заявить: не тщитесь, Зона обладает всеми средствами, чтобы этого не случилось, и всеми средствами нападения, если потребуется. Просим проявить благоразумие. Инцидент в Израиле предотвращен нашими усилиями», — завершил он.

— Ничего себе! — в сердцах всплеснул руками Луцевич. — Только зажили — и на тебе!

— Олег, дела серьезные закрутились. В Зоне шутить не станут. Они в самом деле обладают серьезным оружием.

— Игорь, дорогой мой, при чем тут все эти ракеты и гбэшники, если с хорошим человеком не дают отдохнуть? Женя Сичкина соком истекла — не соблазнился: мужская компания дороже, на столе божественная «Метакса» из коллекционных запасов, за углом молдавский магазинчик открыли с шикарным винцом, сейчас попили бы всласть — не дали. А ты говоришь, бомбы... В душу нагадили — вот что русскому человеку горше всего!

3 — 14

Однажды пили за здоровье Воливача в тесной компании, и Гречаный сравнил его с отечественной гордостью — автомобилем ГАЗ-24 «Волга»: «Наш любимый долгожитель, дорогой автомобиль!» Шутка и шутка, а Воливач затаил обиду, прочитав подтекст одесской подначки.

24-я была своеобразной моделью, в ней как в зеркале отразилась спесивость и порочность коммуначьей системы вообще. Пока «Волга» возила партийных боссов, была приписана к горкомовским и обкомовским гаражам, поедала высококачественный бензин, ее огрехи не вылезали наружу. Едва ее списывали при малом пробеге, новый хозяин мог сразу убедиться, что подвеска быстро изнашивается и стучит, поршневые кольца проедаются быстрее молочных зубов, и, набирая ход, «Волга» зло тужится, едва выжимает сотню километров, и все вокруг для нее погано, особенно сытые владельцы, имеющие возможность

непатриотично покупать иностранные авто, выбирать лучшее, а не обязательное.

Эксперимент Немцова с пересадкой чиновников на отечественные машины с треском провалился, а «Волги» по-прежнему тужились, доказывая, что именно они образец патриотизма.

Народ не обманешь, и в первом туре президентских выборов Воливач проиграл даже объединенному кандидату от коммунистов и христиан. Политическая карьера Воливача закончилась, так и не развернувшись вширь. Списали «Волгу» прямо с конвейера.

Второй тур, назначенный на осень, свел к борьбе за кресло президента Гречаного и Лемтюгова, бизнесмена-промышленника. Гречаный снискал уважение наведением порядка в России, Лемтюгов прославился производством мини-сельхозмашин, жертвованием на строительство сельских школ и православных церквей.

Порядок — это хорошо, вздыхали, судача, россияне, порядок можно и без казаков поддерживать, да только Лемтюгов к десятому году обещал построить дороги по всей стране лучше, чем в Штатах и Европе. И деньга у него есть. Другие доказывали: деньги Лемтюгова — это украденные у россиян их же деньги и сам он — бывший генерал ГБ. «Мы все служили в СС», — добродушно улыбались сторонники Лемтюгова.

Скандал с «Аделаидой» мало его затронул. Даже фото, где Лемтюгов провожает «Аделаиду» в рейс, которое попало во все газеты, как компромат ничего не дало. Лемтюгов дал интервью по этому поводу, и стало так, будто он поскреб лопатки, драконьи наросты отпали и выросли ангельские крылышки. «Да, — сказал он, — я лично провожал «Аделаиду» с сельхозмашинами на борту и больше других радовался тому, что наши трактора и косилки вновь покупают иностранцы и Россия вышла из небытия, и горе тому, кто миссию добра сделал прикрытием для варварской провокации. Мировое сообщество мудро рассудило и выявило подлинных зачинщиков — мусульманских фундаменталистов, а трюк

господина Гречаного с суперменом из Зоны остался трюком. И совсем уж зря использовать в корыстных целях бывших преступников, людей больных, выдавая их за ясновидцев. Генерал Судских — пытошных дел мастер, известен всем своевластием, он расстреливал безвинных милиционеров в дни кровавого путча, и надо бы очень разобраться, чем занималось пресловутое УСИ в годы анархии».

Это был увесистый булыжник в огород Гречаного, больно ранивший Судских.

— Неужели все сначала? — сокрушался Гречаный. — Столько крови пролито, столько трудов положено, и все намарку! Опять посредственность правит бал...

Судских расстроился больше Гречаного. Он ожидал каких угодно обвинений, только не этих. Теперь любое его действие может рассматриваться как злонамеренное. А он собирался выдвигать обвинения Воливачу... Кто поверит сумасшедшему? УСИ отнесли к инквизиции, промашки Судских раздуты до неузнаваемости, громко стали раздаваться голоса вскрыть язвы прошлого и наказать виновных.

— Первый раз попал к мерзавцам на язычок? — участливо спросил Гречаный. — Это политика, Игорь, от пирога отсекают чужих.

Вслед за нападками на Судских началась кампания против казаков. И строговаты-де, и пора бы прежние порядки вернуть. А Воливача жалели, после первого тура отнесли к безвинно пострадавшим, как повелось на Руси жалеть юродивых. Ельцинский синдром.

— Вот посмотришь, — предрекал Гречаный. — В драчке мы передадим друг друга, а Воливач под занавес выкинет трюк и станет президентом. Честно ему не выиграть, а в закулисной борьбе он силен и промашки не даст.

Судских не мог не согласиться.

Предстоящие выборы провели размежевание сил.

Судских с женой Гречаный поселил на территории казачьего городка в районе Сходни. Из Индии приехала погос-

тить дочь с тремя внуками; она постаралась окружить отца повышенной заботой, а он нет-нет и таращился на дочь в цветастом сари, с оголенным плечом и красной блямбочкой во лбу, соображая, где происходит дело. Внуки, скачущие вокруг, больше напоминали чертенят, чем ангелочков, ни слова по-русски, еще и обижаются на деда, который ни бельмеса их не понимает. «Глупого» деда оставили в покое сразу, и дочь перебралась на первый этаж коттеджа, там же обосновалась сердобольная русская бабка, а Судских проводил время наверху в вынужденном безделье.

Луцевич разместился в коттедже рядом, но он был по горло занят разнообразными делами, успевая еще и оперировать. Оказываясь дома в не позднее время, он появлялся у Судских. К нему и дети бежали, и дочь льнула, и жена обращалась за советом, а хозяин сычом сидел на втором этаже.

— Не раскисать! — взбадривал он Судских.

Появлялся и Гречаный. Навещал его, а скорее сам приезжал зализывать раны в кругу близких. Из символа выздоравливающей России он мог превратиться в политический труп. Луцевичу проще, почему он на все смотрел упрощенно: он мог в любой момент выехать за пределы России — профессора с мировым именем ждали везде.

Изредка сходились втроем.

— Олег, твой взгляд стороннего наблюдателя свеж, как бы ты поступил? — спросил Гречаный. — Мы опять рискуем впасть в гражданскую войну.

— Если разговор о войне, следует нанести удар по тылам противника. В лоб их не взять, проверено, — ответил Луцевич.

Они расположились на открытой веранде коттеджа. Угрюмый Судских сидел, сгорбившись, Гречаный расхаживал, а Луцевич, в кресле нога на ногу, попивал новомодный напиток «зельц» — йогурт с шампанским.

— И кто там отсиживается? — спросил Гречаный.

— Церковь. Выборы показали, что верующие целиком на стороне Воливача и Лемтюгова, а тебя поддержали только

казаки. Русским наскучило жить в тихом омуте и достатке. Попили, поели, а тут ни драк тебе, ни погромов, убийства перевелись, страдать не за кого. Вся история России — войны и мятежи.

— Но Церковь-то проповедует миролюбие? — сопротивлялся Гречаный.

— Истинно так, — согласился Луцевич. — Но в монастырях всегда прятали одних, чтобы потом они искореняли других. Вспомни петровские времена, вспомни гражданскую, последний путч. Белые рядились в рясы и давешние их обидчики, райкомовские суки. И ведь не секрет, почему Церковь поддерживает бывших, хотя антагонизм налицо.

— Церковным генералам выгодней сохранять прежние позиции, чем становиться на новые, — неожиданно вмешался Судских.

— Согласен, Игорь Петрович, — поддержал Гречаный, даже не подав виду, как его радует реплика Судских. — Бойтся она новаций. Так что там о тылах, Олег? — обратился он следом к Луцевичу.

— Обнародовать переговоры Православной церкви с католиками.

— А откуда это известно? — насторожился Гречаный. О переговорах с Бьяченце Молли знал ограниченный круг лиц.

Луцевич усмехнулся:

— Мой атаман, все крупные зарубежные информационные ведомства пусть кратко, но еще с год назад сообщали о таинстве причастия православных вождей Церкви к католическим денежкам, и прямо ставился вопрос, какой урод от такого скрещивания получится. Цивилизованной Европе абсолютно безразлично, какой: обычное любопытство сытых, а вот российским властям имеет смысл страусиную голову из песка вынуть и оглядеться.

— Грубая шутка, — не принял намек Гречаный.

— Грубая не эта, — был начеку со своим юмором Луцевич, — другая. Представляете, на коктейль-пати подхожу к шапочному знакомому дипломату и шепчу на ухо с заговорщицким видом:

«Оглянись вокруг себя». Дипломат осторожно оглядывается. А я ему шепотом в другое ухо: «А не трахнет кто тебя?» И ведь не обиделся, хохотал, минут через пять другим нашептывал и веселился, а русскому едва намекнешь на страусиную политику, он сразу медвежью позу принимает.

Судских угрюмо усмехнулся и ничего не сказал, зато Гречаный прямо вспыхнул:

— Олег, оставь фауну в покое. Есть что сказать, говори.

— Я уже сказал, а детали Бехтеренко додумает. В чем смысл кампании? Верующие считают свою Церковь истинно православной, за это прощают ей анахронизм, а самое время сказать: в борьбе за первопрестольность святые отцы ничем не брезгуют, как любой средневековый орден. Доходчиво? А по осени к выборам можно считать цыплят, оперившихся с вашей помощью.

Гречаный оттаял, обдумывая ход.

— Дельно, — сказал он. — Но это открытая война с Церковью.

— Не думаю. При неопровержимых документах попы пилюлю проглотят, с обидой, разумеется, на светскую власть, позволившую вмешаться в их автономию писакам-журналистам. Они ведь отстаивают непререкаемый авторитет, чего давным-давно нет.

— Эх, Игорь Петрович, — аккуратно подъезжал к Судских Гречаный со щепетильным вопросом, — а шутки ради, кого Господь поддерживает? — Его кивок наверх был вполне серьезным.

— Никого, — без обиняков ответил Судских. — Станет Всевышний осуждать коричневых москитов в угоду лесным муравьям, что ли? Есть добро и зло. Уничтожение любых тварей — зло. Мирный исход предпочтительнее и предопределен. Попробуйте взглянуть на Землю из космоса. Здесь могут идти войны, греметь катастрофы, а планета летит по своей орбите и летит.

— Почему же ты рассказывал, что Гитлер и Сталин неплохо устроились, а Хрущев с Борькой-аликом размазаны напроочь? — возразил Луцевич, уточняя позиции.

— Гитлер и Сталин превращали иллюзию в реальность путем селекции особей — нацизм это и панславизм, и Богу это угодно потому, что он сам занимался селекционным отбором, создав вначале всех людей, а затем затеяв эксперименты с Адамом. Позже Он Адамово семя уничтожил, оставив каждой твари по паре для нового эксперимента, но без вмешательства со стороны, проще говоря, махнул рукой на все человечество. А Хрущев и Ельцин из-за собственного скудоумия заведомо сеяли семена зла, за что Всевышний наказывает особо жестоко. На людей он рукой махнул, но вотчину за собой оставил.

— Ого! — не сдержал эмоций Гречаный.

— Что «ого»? — без особого энтузиазма спросил Судских. — Гитлер и прочие тираны до и после не стеснялись переть на красный свет ради превосходства своей идеи над иными, своей расы над чужой, что ведет к диктату де-юре и единоверию де-факто. С такими Бог. Вожди ложные чаще всего продолжают политику истинных до поры. Они разуверились в ней ранее, поскольку чаще всего были приспособленцами. Это являлось торможением на пути к единоверию. Хрущевская оттепель — и возврат к косности, горбачевская перестройка — и ГКЧП, ельцинская бравада — и возврат коммунистов. За подобными деяниями стоит дьявол, надеяться им на Божьи милости не дано, а народы, призвавшие ложных вождей, наказуемы. Наказуемы и россияне, если позволят вернуть себя на пройденный путь.

С искренним изумлением Гречаный и Луцевич выслушали Судских и переглянулись.

— Не считайте меня спятившим, — понял он. — Я был там и не хочу больше служить вождям ложным.

— А кому? — сдержав дыхание, спросил Гречаный.

— Богу. Мой Бог — Россия.

— И слава Богу, — одновременно перевели дух оба. — Нашего полку прибыло.

Гречаный спросил:

— Может, со Смольниковым поработаешь?

— Как-то не с руки идти к бывшему подчиненному, — без обиды, но веско возразил Судских. — Я стал пятым тузом в колоде. Теперь вот крапленным. Я сам определяюсь, — заверил он.

С ним не спорили: сначала он должен выздороветь. Попросится куда-то — помогут.

В своем добровольном заточении Судских обдумывал позицию Гречаного. С противной стороны выступала все та же шайка приспособленцев от политики ли, от рэкеты ли, от моральных уродов — все едино: Россию считали куском пирога, полигоном для своих корыстных целей. Казаки — еще не вся Россия, понимал он, а без признанных лидеров, без соратников завоевать доверие россиян сложно. Гречаного стали принимать за добра молодца: приехал на лихом коне, освободил от нечисти — поклон до земли, и давай; дальше мы сами разберемся. Стало раздражать россиян и казачье вмешательство повсюду. Зрело недовольство, их особый статус был бельмом на глазу, требовали вернуть МВД утраченные права.

Судских решил действовать.

Спустя неделю после их встречи появился сенсационный материал в «Гражданской газете» за подписью «Обозреватель» о тайне партийных денег. С разъяснением выступал сам Воливач: никакая это не тайна, он лично сохранил России миллиарды, о чем знают те, кого россияне хотят видеть своими лидерами, а его, Воливача, заслуги известны, он чист перед ними. Залп оказался холостым.

Второй материал о расследовании дела с ракетами на «Аделаиде» вовсе выглядел пасквилем на порядочных людей.

Третий материал о подпольной деятельности церковных митрополитов породил возмущение. Читатели хотели знать, кто скрывает авторство за подписью «Обозреватель».

«Наш всероссийский сумасшедший, — тотчас пояснили Воливач и Лемтюгов. — Неймется генералу Судских».

Требовали суда над ним, Воливач ответил: на больных не обижаются.

Гречаный сознавал, что с каждым днем его позиции становятся шаткими и надежд на улучшение нет. В который раз россияне предали забвению своих спасителей. В который раз тень ползучего бунта накрыла Россию...

До выборов оставалось три месяца.

Неожиданное происшествие заставило насторожиться враждующие стороны: простудился и в три дня угас патриарх. Ни у кого не вызывало сомнений о единственном преемнике патриаршей митры, и сам Ануфрий при живом владыке открыто примерил патриаршие одежи, любуясь митрой на своей голове.

Вызов к владыке он воспринял уже ненужной обузой, с раздражением: не хотелось перед торжественным обрядом бередить душу былыми проступками: а владыка не преминет попенять ему, постращать на будущее. Ну зачем это? Господня воля на то: один возносится к престолу Всевышнего, другой занимает престол усопшего. Свят, свят, свят...

Ануфрий шел к патриарху через силу.

Колющие глазки встретили его с порога опочивальни. С киота предостерегающе грозно караулил Ануфрия острый зрак Спаса-нерукотворного. Он смиренно опустил свои.

— Я не за тем позвал тебя, — сразу понял душонку своего одессного патриарх. — Смог отрешиться от буйства плоти, и слава Создателю. Я своего решения не изменю и некому болеть занять мой престол. Аминь. Иди.

Ануфрия изумила краткость напутствия, но едва он повернулся к выходу, озадачился сильнее изумления: из полутьмы опочивальни выступил чернец Пармен, давая понять, что у владыки остались дела поважнее.

Побаивался Ануфрий Пармена. Вслух о нем не высказывался, как и другие, лишь братие семинаристы окрестили Пармена «отцом-инквизитором».

«Стало быть, Пармену, а не мне отдаст владыко на сохранение святая святых...» — защемило сердце у Ануфрия. Бу-

дет он всего лишь временщиком. Зело опечалился Ануфрий, испортил владыка ему праздник...

— Присядь у изголовья, брат Пармен, — тихо проговорил патриарх. Говорил он четко, отдельно, дышал с большим трудом.

Пармен примостился у самого верхнего краешка постели, ухом изогнулся к самой голове владыки, карауля каждое слово.

— В служении Творцу, — говорил патриарх, — единожды я взялся властью своей решать самочинно превеликое дело, потому лег на меня превеликий грех и кара ждет превеликая. А грех мой в том, что я самочинно благословил союз Святой церкви с Антихристом и до сей поры способствовал этому. Смекаешь, брат Пармен, ради чего это содеяно? — спросил владыка и передохнул.

«Ради приумножения богатств и власти Церкви», — про себя отметил Пармен и лишь чуть пододвинул ухо свое к изголовью.

— Нет, Пармен, богатства наши не в великолепии храмов, тугости мошны церковной, не в землях и умножении приходов. Знай же, выбрал я из двух зол меньшее. Дав согласие на поддержку проклятых коммунистов, я тем самым закрыл доступ иноверцев к российским верховьям. И ты помогал мне в том. Знай же, Пармен, нам нечего делить с католиками, а мусульмане никогда не будут владеть Русью. Знай же, Пармен, злейший враг Православия — иудеи, перечитай в моей библиотеке письма пресвитера Александрийского Ария и «Пир» его. Книга сия древнее Писания, потому и отнесена к ереси.

Пармен сразу отметил, что владыка не назвал Ария ересиархом, как прежде, и прежде он столь открыто не разрешал ему копаться в патриаршей библиотеке, где собраны книги ереси почище «Фалий» и «Пира» Ария Александрийского. Да и суть-то ереси сводилась от утверждения Арием, что Иисус Христос — творение Бога, а не как сын Божий и Бог. Вот это как раз изо всех сил притягивают за уши иудеи, а вслед за ними и Церковь.

Пармен внимал патриарху дальше. Тот передохнул и продолжал:

— Иудеи, подобно тле, проникают в наши ризницы, находят закутки в храмах и выжидают своего часа. Это и есть подлинный Антихрист. Коммунисты — это свои заблудшие овцы, их власть развращает мирян, она зыбка, и только в храм Божий они приходят рано или поздно. Они русские. А иудеям наше естество отвратно, они служат своему Богу, который повелел им плодиться и размножаться на земле нашей и сделать ее своей вотчиной. Вспомни, сколь исхитрились они, чтобы не утратить власти при Леониде-нечестивце, вспомни, как торжествовали они, когда Бориска-алкоголик потворствовал им. А после? Я один, взяв непростительный грех на душу, воспротивился им. А помогал мне в том генерал Шумайло опальный, он один вел тайный список козней иудейских. Мною он воздвиген на высокий пост, не мною жизни лишен.

Знай же, Пармен, я ухожу, оставляя тебе наказ Всевышнего поддерживать ратиян в их святом стремлении обуздать иудеев и дать Руси дышать свободно на земле, освященной древней верой ариев. Не отступи. Ануфрий — человек временный, ему не дадено знать святая святых, тебе передам... — совсем плохо дышал владыка, — и обереги Божьего человека генерала Судских. Я был строг к нему, но возлюблен он мною и Богом. Наклонись ко мне...

Пармен еще ниже склонил голову, почти касаясь головы владыки.

Он воспрянул прочь, едва патриарх прошептал ему три слова...

— Иди, Пармен, Господь с тобою, а мне пора готовиться предстать у трона Всевышнего...

Поразмыслив, Ануфрий ничего плохого не нашел для себя в том, что последние минуты владыка провел с Парменом. Видать, такова воля Господа, когда последние распоряжения следует отдавать отцам-инквизиторам, дабы жизнь шла своим чередом, а кары своим. Ему доверяется престолонасле-

дие, ему и распорядиться, кому из братии занимать далее места у престола его...

Свершилось: сотворенная заупокойная молитва была песнью последней и началом первой.

Последнюю ночь перед ризположением Ануфрий долго не мог заснуть и, лишь испросив для себя ореховой настоечки, забылся беспокойным сном в третьем часу утра... Или ночи?

Шел час Быка.

Ануфрий, опираясь на патриарший посох, шествовал степенно в церковь ризположения. Почему-то один, а дорога пустынна, не мощена и грязна. Ануфрий забеспокоился: он-то полагал подъезжать на церемонию в патриаршем «роллс-ройсе», а тут и людишек не видно и посмердывает чем-то... Господи! А это кто с бандитской рожей навстречу? Свят-свят-свят...

— Ну как, помнишь меня? — спросил, приблизившись, с кривой усмешкой ухарь.

— Изыди, дьявол! — стукнул посохом Ануфрий и перекрестился.

Ухарь не исчез. И кривая усмешка на месте.

— А помнишь, как бока тебе мял за наушничество? Забыл?

— Стосс кресс... Уйди! — возопил Ануфрий, замахнулся на ухаря посохом, слюной истек.

— Это ты уйди, — отвечал ухарь, поигрывая желваками, а кулаки у него сжимались не игриво. — Ишь, чего захотел, в главные духовники Руси наметился! Только попробуй! Мигом расскажу о твоих подвигах, мало не покажется.

— Прошло уже все, быльем поросло, забыто! Верой и правдой служу людям!

— Кому? Дьяволистам? С духовными врагами якшаешься, препятствия Богу чинишь. Я-то вот в генералы вышел, погоны свои верой и правдой заслужил, а ты с дезертирства начинал, в лоно Церкви от суда утек. Докажу! А того лучше — сам накажу!

— Не поминай имя Божье всуе! — все еще цеплялся за патриарший посох Ануфрий.

— Ну и хамло ты! Еще и дурочку ломаешь. Мы ведь без свидетелей говорим. Фиктивный ты и порченный.

Закрестился Ануфрий от ужаса одиночества.

— А ты у Бога заступы ищешь, — разил Ануфрия ухарь не столько словом, сколько кривой усмешкой, — то знать бы тебе надобно, что в трудные времена Господь Бог вселяет свой дух в человека и зовется он Лебедем. Понял? А я Лебедь и есть...

Ануфрий силился продавить внутрь тугой ком в горле.

— Откажись ты от патриаршей митры напрочь, таково Божье повеление тебе передаю. А возложить ее надобно на голову того, кто достоин. Понял?

Не понял Ануфрий сначала, то ли он в аду за прегрешенья, то ли дубасит его ненавистный обидчик детских лет Сашка...

Грохотал гром, оконные стекла секли молнии и тугие дождевые струи. Ануфрий присел на краешек постели и заплакал, размазывая слезы по лицу. Хотелось позвать служку, чтобы не быть в одиночестве, но испугался вдруг огласки. Обидно очень, слаб он был духом в отрочестве, но вырос ведь до патриаршего сана!

«А силен ли я духом сейчас? — прокралась в голову опасная мыслишка, такая опасная, что весь путь Ануфрия к патриаршему престолу превращался в ложь и обман, лишь бы спрятать от чужого глаза духовную слабость. — Ох, не имел я права на высоты всходить!»

Теплилась лампадка пред образами в золотых окладах, к ним потянулся Ануфрий, к единственному своим заступникам: я вам службу правил, вы обо мне все знаете, вам и разбираться.

«А что я!» — воспрянул духом Ануфрий и напрямую обратился к Саваофу. Чего мелочиться...

— Да, — бормотал он скороговоркой, словно изгоняя дрожь из тела, — грешил изрядно и отмаливал грехи изрядно, трудами многожды просил о всепрощении. На низкое шел,

интриговал с отступниками и сектантами, но токмо ради возвеличения Православной церкви. Да, пил, ел скромное всласть, зато постился в последние годы, как нищему семинаристу не снилось. Угодно ли Господу простить мои прегрешения и благословить на принятие сана?

Отбормотав, Ануфрий вслушался, ловя чутким ухом знак Божий. Он ждал и боялся больше всего, что грохнет сейчас за окном, и молоньей опалит его, и будет то знаком неприятия, и придется ему вновь ловчить и прикидываться сильным духом. Однако небо расслабилось, и только монотонный дождь лениво лапал оконное стекло.

«Молчание — знак согласия», — удовлетворенно воспринял он.

А вот тут и грохнуло.

— Господи, воля твоя!

Да так расколело небеса, будто и опочивальня рассеклась надвое и ходуном заходила лампадка пред киотом.

Такой вот был безапелляционный ответ сверху.

Утром Ануфрия нашли в бессознательном состоянии под образами и увезли в ЦКБ. Тут уж не до святости. Диагноз земной — инфаркт.

Получилось как-то не по-людски: страна, пусть и наполовину состоящая из безбожников, иноверцев и прочих всяких шведов, осталась без пастыря. Поползли слухи, и статью о коммунистических проделках святых отцов прочитывали и воспринимали заново.

До выборов оставалось не так уж много, а еще более потрясающая новость взбредила россиян: самый богатый человек планеты сейсмолог Хироси Тамура, единственный наследник финансиста Хисао Тамуры, составил завещание, согласно которому все его средства, движимое и недвижимое имущество достанутся России, если:

1. Избранный президент будет достоин морали и чести.
2. Россия выделит часть неосвоенных земель для японских переселенцев, поскольку Япония медленно и уверенно

сползала в воду, а другие страны отказались рассматривать этот вопрос.

Россияне трезво взвешивали кандидатуры, жалость отошла в сторону. Теперь о Лемтюгове стали говорить, что он — лошадка темная, а Гречаный — старый приятель Тамуры, в его чести и достоинстве не усомниться. И нет за ним ничего дурного. И время не то, и деньги не те, которыми можно швыряться.

Осталось утрясти вопрос, какие земли не жалко отдать бедным японцам. Коммунисты что-то жалко вякали о единой и неделимой от моря до моря, но большая часть россиян выражалась откровенно: «Да ладно вам талдычить о суверенности, в России нелегально проживают больше двух миллионов китайцев, корейцев и вьетнамцев, а мы не можем с добрыми людьми куском землицы поделиться? Чего там базарить, пусть хоть за Оймяконом селятся, а еще лучше — на Курилах, они нам хоть дороги путные вымостят, не то что Лемтюгов обещаниями. Пусть едут! И точка».

За месяц до выборов чаша весов удачи поплыла вниз под весом атамана Гречаного.

Атаман от дара судьбы не размяк, президентских одежей не примеривал до срока. Предвыборный штаб, руководимый Судских, успешно вел кампанию, казаки по городам и весям кричали «Любо!», прочие граждане, осоловевшие за десять лет предыдущих выборов-перевыборов и референдумов, соглашались с кандидатурой Гречаного молча, на сходах особо не задерживались, спешили на свои огороды и хутора, к мастерням и лавкам, которые давали стабильный прибыль. А выборы... Что выборы? Все равно в России не изберут кого надо, а кто ближе к власти. Гречаный, так Гречаный. А вот про Зону интересно послушать. Что там за уроды живут? Радиация им ни по чем, овощи растут круглый год, денег не надо... А правда, что у них какая-то штука есть, которой можно в один присест всю планету спалить, и к Проньке не ходи?

— Нет, россияне! — вещал очередной докладчик на сходе. — Там живут вполне нормальные люди, только доступ к

ним пока невозможен из-за высокой степени облучения бета-лучами, которые они переносят безболезненно. Это загадка, но мы разгадаем ее со временем.

— А как же попы к ним шастанут?

— Рассказни! Единственный человек, митрополит Мещерский там побывал и сгорел от высокой дозы облучения.

— А вот и не рассказни!

Случилось это на одном из последних предвыборных митингов в поддержку Гречаного, где присутствовал Судских. К трибуне протиснулся фермер в «ливайсовском» комбине-зоне и повторил:

— Не рассказни. Сам видел.

— Что видели? — смешался докладчик.

— Поутру я за тальником поехал, подстилку менять в телятнике, а перед Зоной знатный тальник растет, метелистый. Только я рубить приготовился, туманчик такой жидкий висел, солнце едва высунулось, гляжу, двое в сутанах из Зоны идут. Я их окликнул. Они переглянулись и прочь от меня. Я, значит, с секачом был и за ними. Они остановились. А как ближе подошел, перекрестились и говорят: «Не мешай нам, человеку, творить Божий промысел, мы добро делаем». А я что? От изумления язык в зад сунул, с тем их и проводил взглядом.

— Может, у них нимбы над головой сияли или торчали рожки? — докладчик попытался обратить в шутку эту новость.

— Ничего не торчало, — серьезно отвечал фермер. — И я их потом нигде не встречал. Что на это скажет уважаемый докладчик? Я ведь не только хвосты коровам крутить научился, в свое время физтех окончил и про бета-излучение сам могу порассказать много. Поэтому, если ответ есть, давайте, а лапшу вешать на уши не надо, у меня жена кулинарный техникум окончила.

И ответа ждет. И окружающие с интересом. А докладчик на образчик тупости стал походить. Тогда из-за его спины вышел представитель предвыборного штаба и сказал:

— Я Судских.

От трибуны и до противоположного края проплыла волна говора. То ли одобрительная, то ли предостерегающая.

— Вы обо мне наслышаны. Я ближе всех к этой проблеме, в свое время работал с выпускниками физтеха, чтобы прояснить картину происходящего в Зоне. О бета-распаде могу говорить уверенно.

Глухой говор подобрел, в России болеют как за своего, так и за соперника, лишь бы драчка была красивой. Тонкую шутку о физтехе и бета-распаде восприняли на уровне доцентов. Со смешком.

— Сразу после выборов я полагаю отправиться в Зону, — сказал Судских. — Если вернусь, принесу ответ, почему остались живыми ваши монахи.

— А как же невозможность вхождения в Зону? — въедливо спросил фермер.

— Есть прямая договоренность с обитателями Зоны. Чтобы все подряд не повадились там рубить тальник, а там помидоры собирать, взять кое-чего для хозяйства... Опасно это.

— А может, попом Господь помогает? — держался фермер.

— А почему нет? Всякое бывает.

— И это говорите вы, человек грамотный?

— Да, это я сказал. Носите Бога в сердце, а в руках заботу о земле, а не наживу, тогда, глядишь, не придется далеко за тальником ездить.

Судских промолвил это спокойно, оттого убедительно в полной заинтересованной тишине. Лишь фермер, выслушав Судских, поцокал языком:

— Ловко!

Судских понял его. Все поняли. Других вопросов не последовало.

Позже Гречаный одобрил вмешательство Судских. Стоя у карты России, он подумал и все же поставил в центре Мещерского края оранжевый флажок. Наш, стало быть, округ, поддерживает.

Он раздумывал. Вовсе не над балансом сил в этом регионе, а о другом: до выборов месяц, а союзники напоминают кашу «дружбу». Множество мнений, каждая нужная, а единства нет. К тому же интеллигенты — люди обидчивые: едва отвергнут их мнение — уйдут к противникам. Назло кондуктору пешком пойду!

«Бесово племя!» — часто возмущался Гречаный такой позицией. Ни в одной другой стране такой прослойки нет. Есть специалисты, профессура, кастовые дельцы, профессионалы в конце концов, а в России, вишь ты, интеллигенция.

А что такое интеллигенция? Сборище недоучек, отовсюду понемногу знаний, в целом каша, которую скармливают дурчакам. Для роста, так сказать. Сталин не просто так сбил их в прослойку. Вроде пленочки в говядине. Была корова — есть прослойка; корова упитанна — шире прослойка; нет коровы — хозяйка, разделявая говядину, брезгливо срезает ее острым ножом. Ни сало, ни мясо, ни жир — прослойка.

«Нужен нам для остроты кампании Георгий Момот, — предложил Судских. — Чтобы народ не скучал».

Гречаный собрался уезжать из Кремля, засиделся, но застрекотал прямой телефон с Воливачом:

— Сеня, включи телевизор, госканал.

— Что там? — спросил Гречаный, чувствуя подвох. Последнее время они соблюдали нейтрально вежливый тон, былую дружбу унес ветер предвыборных круч.

— Мать моя женщина! — воскликнул остолбеневший Гречаный: на экране возник он сам собственной персоной, голяком и с завязанными глазами, хватающий хохочущих девиц. Тоже голых. Одна поймалась-таки, хотела пойматься, повязка с глаз долой — атаман Гречаный. Лишь угол экрана затемненный: там был Воливач.

Гречаный удержался от матюков:

— Что ж ты себя не высветил?

— Я уже отрезанный ломоть, — со смешком ответил Воливач.

— Витя, а ты все обдумал, давая добро на показ этого божемойчика? Это война, Витя.

— Снимай кандидатуры — не будет войны.

— А как нам с тобой разобраться?

— Зачем разборки, Сеня? У тебя казаки, у меня чекисты, никто не посягает на твоё атаманство, командуй на здоровье, а Россия казакам не принадлежит. Евреизацию она прошла, хохлоизацию, а казакизации не будет. Круто замахнулся, атаман.

— Ты все же послушай, — заикался от возмущения Гречаный. — Твоя провокация была подлой и глупой. Мало нам крови? А ты подумал, что Лемтюгов никому не нужен, кроме вашей братии коммуняк, проходимцев и недобитков? А ты сосчитал, сколько ретивых голов ждут и не дождутся именно такого исхода, чтобы поквитаться с Россией? А Ирак, готовый расквитаться с Израилем? А флоты США под Владивостоком, Одессой и в Финском заливе? Ты что наделал? А миллиарды Тамуры? Лемтюгову гроша не дадут.

— Японцы нам не нужны вместе с их миллиардами, Сеня, — въедливо ответил Воливач. — Японизация России никак не предусмотрена. Снимай кандидатуру, Семен. Ты уже политический труп.

— Рано хоронишь, Витя. Хочешь пари, выиграю выборы?

— Интересно... Условия?

— Суд над тобой. Открытый трибунал.

— Уважаю казачка.

Ни да ни нет. Воливач положил трубку.

Вовсю тренькали другие аппараты, а в дверях стоял белый как полотно есаул, его адъютант.

— Что? — с перекошенным от злобы лицом спросил Гречаный.

— По прямому — начальник Генштаба.

— Пусть своему Воливачу докладывает! Что надо?

— Израиль нанес ядерный удар. По Италии.

Шалое желание Судских лично отправиться к Момоту ни в какие рамки не входило. Во-первых, как-никак, а бывший генерал УСИ неожиданно появится на форпосте НАТО в Литве, во-вторых, после сенсационного сообщения подозрительность к неожиданным визитерам усилится. Поездка инкогнито — того краше: не та фигура для вольного путешественника, и желающих познакомиться с загадочным генералом довольно много. Гречаный ревностно оберегал Судских.

И все же он настоял на поездке, доказав ее необходимость в критической ситуации: Момот нужен России как непревзойденный авторитет в микросенсорике, человек, способный решать задачи глобального масштаба. Ване Бурмистрову тяжело будет выполнить эту миссию. Тузы — к тузам, короли — к королям.

Гречаный понервничал и согласился. Поездку обставили классно.

Из Судских сделали коммивояжера, при помощи макияжа и новых документов, и обычным самолетом отправили в Литву. С негласными сопровождающими.

Момот по-прежнему проживал в своем коттедже над сонной рекой, где нашел его некогда Ваня Бурмистров. Ваня вышел в большие люди, а здесь жизнь текла обычно и размеренно. Момот отменно выучил литовский, был учтив со всеми, налоги платил исправно, властям не докучал и ничем не выделялся среди обывателей, хотя литовские органы безопасности знали, какая крупная величина избрала местом жительства Литву. Досье на него велось и догляд осуществлялся особый, но Момот сумел понравиться властям сначала работами по улучшению качества литовских сыров и пива, а потом отказом датчанам улучшить их сыры.

Приезд коммивояжера из России органами наружной слежки был воспринят как обычный деловой визит к господину магистру Аниксия на предмет поставки мрамора и гранита

для аникшийского захоронения русских солдат времен второй мировой войны.

Иначе воспринял его Момот.

Позвонивший у калитки располагал и настораживал одновременно, как забытый мотив ранее слышанной песни.

— Лаба дене.

— Лабас...

— А я Судских, — просто сказал он после обмена приветствиями. — Не ожидали?

— Вот уж, — с немым восхищением развел руками Момот. — Хотя незванным гостем не назову. Не просто так прибыли, а, Игорь Петрович? — улыбаясь, впускал гостя хозяин. — Именины сердца!

— Приятно говорить с умным человеком, — отшутился Судских.

Они поняли друг друга с первой минуты. Тузы — к тузам...

В доме он проводил гостя в уютный холл с видом на сонную речку.

— Чай, кофе или устроим раннюю трапезу?

— Почаевничаем для начала, а там видно будет.

— Сразу вижу, что такому гостю я окажу прием по полной программе, — сказал Момот и крикнул по-литовски в глубь дома.

Судских отметил: не иначе старый холостяк женился. Вопросы не задавал, а паузу заполнил пояснениями о своем макияже. Момот понимающе улыбнулся. Что-то еще было в его располагающей улыбке...

С подносом перед собой появилась молодая женщина. Судских сидел лицом к вошедшей. Его всегда мало трогали женские данные, а тут будто перед глазами взорвался пышный фейерверк, и сама собой стала понятной загадочная улыбка Момота.

Она была в красном облегающем платье из рубчатого трикотажа, схваченном у пояса добротным кожаным ремнем, поднос держала точно на уровне пояса, давая возможность видеть высокую грудь и талию: лезвие подноса будто пере-

резало тело, настолько тонкой была она. Да еще груди буквально взгромоздились на поднос двумя кипящими чайниками, носики-соски...

Не будучи быком по гороскопу, Судских отреагировал на красное с повышенным сердцебиением.

Добравшись до ее глаз, он еле выбрался потом из этих затемненных пушистыми ресницами зеленых оматов.

— Моя племянница, — представил Момот, словно не присутствовал только что на фиаско Судских. — Лайма. А это, Лайма, знаменитый генерал Судских, который побывал там, — указал он на потолок.

— О, генерал. — Лайма сделала почти торжественный поклон и что-то вроде книксена, ставя поднос на стол, почти коснувшись одним коленом пола. Судских не успел отвести глаза: белая полоска тела над кромкой чулка ослепила.

— Да будет вам, — улыбался он от неимоверного стыда и смущения. К тому же он одеревенел. Лишь уход Лаймы дал ему возможность прийти в себя.

Разлитый по чашкам отменный ароматный чай дымился. Судских помешивал его ложечкой тщательно.

— А сахар? — насмешливо спросил понимающий Момот.

— Остужаю, — сказал, переводя дух, Судских. Наконец-то он взял себя в руки. Шок прошел. Без промедления он приступил к теме:

— Георгий Георгиевич, вам не хотелось бы съездить на родину?

— Смотря за чем, — выжидал Момот.

— Я буду прям. Гречаный просит вас возглавить свою предвыборную кампанию и кое в чем разобраться.

— Кое в чем? Думаю, это означает, надо куда-то с головой зарыться. Не нашлось других?

— Считайте так. Нужен профессионал сразу во многих областях.

— Каких именно? — выяснял Момот, скорее давал гостю возможность пооткровеннее высказываться. — Вдруг я не тот профессионал.

— Тот, уверенно ответил Судских. — Нужен человек, который нетрадиционными методами сможет объединить русскую самобытность, верования и текущий момент, чтобы в будущем воссоздать основу духовности. Вы понимаете меня?

— Очень хорошо, — ответил Момот с видом, по которому трудно определить, польстился он на предложение или оно ему ни к чему. Его вопрос поставил все на свои места: — Ловить рыбку в мутной водице для пана атамана?

Честный Судских ответил прямо:

— Работа не сахар. Зато можете выдвигать любые требования.

— А если луну с неба?

— На луну полномочий Гречаного не хватит. На все реальное хватит моих. Я уполномочен принять их.

— Прежде всего гонорар. На идею не работаю.

— Как сочинителю государственного гимна. Царский.

— Ого! — воодушевился Момот. — Зря я раньше не вернулся.

— Как насчет прочих условий? — вел свою линию Судских.

— Тоже царские, — оценивающе смотрел на Судских Момот. Торг ему нравился. — Сначала я хотел бы получить нелимитированное право на искоренение гадалок, знахарей и сектантов. Разумеется, с приставкой лже.

Последняя категория не выбивалась из разумных мер, знахари и гадалки выпячивались.

— Чем они вам так насолили? — спросил Судских, понимая, что его вопрос выпячивается не меньше.

— Вы правы. Именно насолили. После моей благоверной, мир праху ее, на душе остался осадок. Он помог мне глубже вникнуть в построение паутины обмана, которую плетут всяк по-своему, но цельную. Ведь под маркой знахарства и ясновидения обывателю можно скормливать любую жвачку. Вот вам иллюстрация...

Он нагнулся к нише столика, где лежали журналы в ярких обложках, выбрал один на немецком языке и развернул по закладке:

— Послушайте: «В переходные периоды становления государств ослабляется иммунная система их граждан в прямом и переносном смысле. Ниоткуда возникают, подобно саранче или крысам, целые полчища прорицателей, юродивых, заклинателей. Казалось бы, их влечет к смятенным и страждущим жажда наживы, однако исследования Бернштейнской академии энерго-информационных наук показывают, что нажива в их устремлениях занимает третье призовое место. На первом — ипатия, нечувствительность к чужой боли, желание разбередить раны мятущегося человека, чтобы овладеть свободой его чувствований и мыслей. Вместо излечивающего лекарства ему предлагают наркотик. Статистика показывает, что лжезнахарей посещают в России более тридцати процентов взрослого населения. Ипатия знахарей и лжеколдунов вызывает апатию общества. На втором месте — элементарная тяга к титулам: лжепророки обретают статус владык со своей атрибутикой и затем диктуют своим клиентам и правила поведения, мораль, явно низменную, вкус пошлый, за которым стоит неуважение к закону. Одним словом, за чашкой чая гадалки диктуют нормы поведения. А каким багажом обладает сама гадалка? Как раз тем, какой навязывается клиенту, ибо в гадалки и ясновидящие попадает так называемая русская интеллигенция, неспособная себя прокормить из-за низкого уровня знаний, неудачники и авантюристы, не смогшие выпестовать собственное дело, но вместе с тем амбициозно агрессивные представители общества, его лакеи. Из опроса тысячи представителей этого полулегального бизнеса 7 процентов имеют степень бакалавра, 23 процента закончили школу второй ступени, 46 процентов — первой, 24 процента не учились вообще. Кстати, все 7 процентов выпускников высшей школы так и не смогли объяснить свою принадлежность к той или иной науке». Комментарии излишни, дорогой Игорь Петрович. Поэтому право не жестоких, а оригинальных мер к этой категории вредителей русского поля я выношу в перечень условий первым параграфом.

— Но не подымут ли шум представители коммунистических партий? Последнее время они ратуют за свободу вероисповеданий и выбор мышления, что узаконивает оккультные науки.

— Игорь Петрович, какие там к чертям собачьим коммунисты! Помните, появился термин «новые русские»? И много их там было, начинающих с нуля? Единицы! Как правило, бывшие коммуняки, их отпрыски, дядья, зятья, перекачавшие в свои карманы закрома Родины. Демократия была им ни к чему, стабильная власть — побоку, а вот затяжной кризис — самая лафа. Вспомните, сколько людям морочили голову чубайсы, гайдары, немцовы, лившицы и прочие ливенбуки? И что из этого вышло? Дружной командой они примкнули к коммунистам-христианам, дабы продлить нестабильность, еще больше набить карманы и опустошить матушку Русь, и сейчас продолжают мутить воду за спинами идейных голодранцев. Маркс выполнял особый спецзаказ Энгельса, представителя финансово-промышленной элиты, — дать дорогу в отсталых странах, в том числе и в дремлющей России, любителям хаоса, чтобы дольше держать в финансовом рабстве целые материки и дальше отодвигать от них цивилизацию. А вы говорите — коммунисты. Как видите, вдали от Родины мое зрение не испортилось.

— Прекрасный анализ, — подтвердил с улыбкой Судских. — Особо мне понравился экскурс в историю. Довелось познакомиться как-то...

Момот не задал навояющего вопроса, но понял Судских. И ушел от темы запредельного вовсе:

— А посему следует согласиться на первый параграф моих условий.

— Надеюсь, четвертовать гадалок не прикажете?

— А я не зря подчеркнул — оригинальных мер, а не жестоких. Всего лишь публичное посрамление лжепророков. Вы даете хлеб людям, я — зрелища. Наказания можно разработать. Конфискация имущества, например, ссылка на поселение за Оймякон, а сами трибуналы — заседания троек.

— Это не пройдет, — отрицательно покачал головой Судских. — Гречаный — сторонник гуманных мер удержания власти.

— Что вы говорите? — Насмешка сквозила в голосе Момота. — А переворот, где Гречаный был первым в тройке?

— Временная защитительная мера. Его вынудили занять наступательную позицию. Я лично настаивал применить силу.

— Вы полагаете, Гречаному дадут стать президентом, а переход власти осуществится законным мирным путем? Не верю.

— Поэтому я здесь, — остался непреклонным Судских.

— Не верю, — повторил Момот, не отводя глаз от Судских. — Поэтому я тоже еще здесь и согласия на выезд не дал.

Пока Судских раздумывал, Момот подлил свежего ароматного чаю. Судских поблагодарил рассеянно.

— Уважаемый Игорь Петрович, — ободрил его на положительный ответ Момот, — среди нынешних российских знахарей укрылось большое количество бывших и присно существующих стукачей, которые мало того, что разлагают общество, еще и стучат в контору Воливача. Хотите фактик?

Судских кивнул, а Момот развернул прежний журнал страницей дальше, нашел нужное место:

— «...Подопечные Воливача, замаскированные под гадалок и целителей, приносят львиную долю информации. Человек, исповедующийся в своих бедах, открыт, не замечает дьявольских капканов в невинных вопросах, заданных вскользь. Так, например, Центр магии Вивьены Штрок не что иное, как центр сбора компроматов на интересующих лиц, а посещающие его не ведают, что за перегородкой уютной комнатки с лягушачьей лапкой на столике, с распятием Христа-спасителя на стенке, вот за этой самой стенкой, где он поверяет душу пронырливой «бухеле», установлена записывающая техника и сидит дежурный офицер-контрразведчик, а знаменитая своими маршальскими и прочими экстравагантными мундирами Джуна Гемокливидзе ежедневно заполняла досье на высокопоставленных клиентов и раз в месяц получала зарплату на Лубянке, пока не исписалась до

чертиков. Ради собственных прихотей гадалки идут на сговор с дьяволом, амбиции заслоняют от них мораль». Ну как?

— Откуда такие сведения у бульварного журнала? — осведомился Судских.

Момот развернул журнал статьей к Судских.

— Подпись знакома?

— Вешкин! Не подумал бы...

— Он и сам не подумал бы, — усмехнулся Момот. — Тут есть вступление к статье. Послушайте: «Данный материал, статистические данные нашему журналу предложила купить вдова русского разведчика Вешкина. Ее супруг до загадочной автокатастрофы занимал крупный пост в ведомстве Воливача, хотя крупного чина не имел. Очень просто: офицер по особым поручениям имел массу привилегий, обладал иммунитетом непосредственно от шефа. Вполне возможно, к его смерти приложил руку сам Воливач. Во всяком случае, «золото партии» сильным магнитом притягивает оба имени до сих пор.

Из телефонной беседы с вдовой Вешкина нам стало ясно, что предлагаемый документ реален, эксклюзивен, списки агентов подлинны и материал произведет сенсацию. Мы сошлись в цене и предложили госпоже Вешкиной посетить нас для заключения сделки.

Наше удивление было крайним, когда появилась не опечаленная вдова, а пышущая здоровьем и молодостью госпожа Давыдковская, проживающая в Дортмунде, о чем она без стеснений поведала. Для полной убедительности она назвалась Вешкиной, но документы у нее в самом деле убедительные. Госпожа Вешкина посещала ее в бытность гадалкой, платить ей было нечем, и тогда она сама предложила рассчитаться некими бумагами мужа. От позора Вешкину спасла неожиданная смерть мужа. После его смерти она выехала на жительство в Израиль, где пыталась продать документы покойного супруга спецслужбам, однако тех не устраивала цена, к тому же они располагали аналогичными. За умеренную пла-

ту их купила госпожа Давыдковская и, обладая чутьем гадалки, распорядилась ими куда прибыльней самой хозяйки.

У нас нет тайн от наших читателей, мы не раскрываем наших государственных секретов и с удовольствием печатаем этот документ с нашими комментариями.

В заключение мы хотим сказать, что любой из наших читателей может за умеренную плату приобрести у нас полный или частичный список российских гадалек и знахарей, чтобы пощекотать нервы, попав на прием к ясновидящей-стукачке».

Закончив читку, Момот посмотрел на Судских с видом ребенка, у которого фокус удался.

— Двенадцать тысяч четыреста семьдесят один маг только по столице. Я выкупил полный список и очень недорого.

Судских только выдал «д-да-а-а» и ответил:

— Я думаю, Гречаный примет ваше предложение.

— Думаю или согласится? — жестко уточнил Момот.

— Одобрит. Закроем тему, — решил Судских.

— Тогда перейдем ко второму параграфу. Хочу развязать войну с коммерческими банками. Их осталось немного в России, и все они похожи на обьевшихся клевером коров, не давая России молока. Требуется коренная ломка.

«Момот зря войну не затеет, — отметил Судских. — Но Момот действует от частного к общему».

Опыт подсказывал Судских, что прежде, чем дать окончательный ответ, надо выяснить истоки причин. Конфетку можно завернуть в соблазнительную бумажку, а так ли вкусна сама конфетка?

— Если не секрет, что именно вы находите дестабилизирующим в политике банков? — спросил он для начала.

— Коммерческие банки уже лет десять как выродились в закрытую систему, подобно церковной. Вроде бы они помогают юридическим и физическим мирянам, а на самом деле, испытывая давление мировой финансовой системы, сразу стали ее придатком. Нас как не пускали внутрь ее, так и не пускают, — охотно объяснил Момот.

— Но Гуртовой разработал план вхождения в систему, и она уже действует, — возразил Судских.

— Не говорите мне о Гуртовом, — поморщился Момот. — Он очень красиво обманул всех, прикрыв чирей слоем ароматной пудры. Вся мировая финансовая система создана еврейскими менялами, они тщательно разработали политику финансовой экспансии. Она была непобедимой до японской катастрофы. Хисао Тамура, мир праху его, одним махом разрубил хитросплетенный клубок, и, если Россия не заявит о себе как равная, не предложит разумный ход денег, а не рвачески-меняльный под проценты, тогда опять повторится 1914 год со всеми вытекающими отсюда бедами. Вон менял из храма.

— А хватит ли сил победить колосса?

— Вполне, — усмехнулся Момот. — Одного удара по глиняным ногам хватит.

— Какого? — настаивал на прямом ответе Судских.

— Простого. Внутри системы никогда живых денег не было, а были финансовые обязательства. Все брали деньги в долг, а отдавали с процентами. Карл Маркс запутал всех, на самом деле мы у себя брали в долг, а проценты отдавали чужому дяде. Пора дяде на покой.

— Интересно, — одобрил Судских. — Верю вам. Гречаный подыскивает человека, способного провести реорганизацию банковской системы. Не вдаваясь в детали, скажу, что ваш план будет одобрен.

— Тогда в дорогу, — кратко резюмировал Момот. — Маленькая просьба: могу ли я взять племянницу с собой?

— Конечно! — помимо воли выпалил Судских. Их глаза встретились, оба испытующе смотрели друг на друга.

— Игорь Петрович, — отвел свои первым Момот, — эта женщина обязана мне жизнью, однако вольна распоряжаться собой.

Судских смутился. Подсознательный инстинкт оголил его.

— О чем вы? — пробормотал он, густо краснея.

— Я вам ничего не говорил. Точка. Мне надо смотаться в Вильнюс, оформить документы на выезд, а завтра вылетаем в Москву. Будьте хозяином в мое отсутствие.

— Все, однако, поедem, — предложил Судских.

— Зачем светиться? Генерал Судских — слишком известная личность, и его могут вежливо попросить задержаться при малейшем поводе. Не так ли, Игорь Петрович?

— Вы правы, — вздохнул Судских. Ему не хотелось подводить Гречаного и мало ли чего еще не хотелось или хотелось...

Момот стремительно встал. Судских подумал, что он позовет Лайму, велит ей собираться. Он действительно крикнул что-то по-литовски весело, и Лайма столь же весело откликнулась из другой комнаты.

Пока Момот прогревал мотор автомобиля в гараже, тянулось томительное ожидание. Судских извелся, разглядывая свои руки, не рискуя кинуть взгляд на вход в холл, куда скрылась Лайма. И не появлялась.

Звук автомобильного мотора стал удаляться. Спohватившись, Судских выглянул в окно. Момот выехал за ворота.

Когда он оглянулся, перед висюльками, закрывающими холл от других помещений дома, стояла пленившая его Лайма. Джинсовое платье-комбинезон ничуть не скрадывало ее ультраформ.

— Я занята обедом, — обстоятельно говорила она, как делают это литовцы. — А вы пока отдыхайте. Я покажу вам ванную, вашу комнату. Хотите?

«Еще как хочу!» — долбануло в голову. Судских встал и покорно двинулся за ней на второй этаж.

Она остановилась у открытой двери в комнату на антресолях, пропуская его вперед. Слишком близкое расстояние между ними и слишком опасное. Они не соприкоснулись всего на дюйм. Этого было достаточно, чтобы Судских ощутил горячий ток в теле. Он извинился и, опустив голову, прошел вперед. Она улыбнулась как мать при виде своего дитяти, делающего первые шаги.

Судских расхаживал по комнате, не пытаясь даже сосредоточиться. Такая важная информация от Момота заслонялась образом его племянницы, и племянница ли она ему в самом деле?

«Седина в бороду, черт возьми!» После такой самокритики он буквально с вызовом спустился вниз и занялся чткой журналов. Понемногу успокоившись, он сосредоточился. Ее голос опять застал его врасплох:

— Пойдемте обедать.

Судских сразу оторвался от чтения, поблагодарил.

— Где можно помыть руки?

— Это сюда, — кивнула она, приподнимая висюльки.

«Вроде отпустило», — подумал Судских, моя руки.

За обедом Лайма создала непринужденную обстановку, Судских старался вписаться в нее. Говорили о погоде, о жизни в столице, конечно, вспомнили и сообщение о ядерном ударе по Риму, который, судя по всему, оказался искажением фактов или глупой шуткой. Будто и не было слов Момота, что Судских «побывал там». Он выпил пару рюмок коньяку, она пригубила чуть из своей. Обед состоял вначале из роскошных салатов, Судских поражался фантазии хозяйки.

— А это что? — любопытствовал он, когда Лайма подала что-то в серебряных судках.

— О, это мое фирменное блюдо. Я готовлю его после каждого вещего сна, — охотно поясняла она. — Телятина с баклажанами и шампиньонами в винном соусе.

— Какого вещего сна? — Судских не интересовала телятина.

— Сегодня мне приснился сон, будто я ловлю рыбу. Я поймала огромного золотистого карпа.

«Это, пожалуй, к беременности, — вспомнил примету Судских. — Все же она Момоту больше чем племянница». Он даже огорчился, но виду не подал.

— Я так счастлива!

— За ваше счастье, — предложил Судских и налил рюмки до краев.

— Правда? Вы хотите мне счастья?

— Конечно. Вы достойны его. Вы красивы... Королева.

— За моего короля!

— С удовольствием!

Она чуть придержала свою, наблюдая, как он махом опорожнил рюмку, мельком улыbnулась глазами и тоже выпила до дна.

— Могу я задать вам не совсем скромный вопрос? — спросил он.

— Я готова ответить на любой, — стала вдруг серьезной Лайма, задержав вилку у рта.

— Георгий Георгиевич поведал, что спас вас от смерти...

— Да, это так, — Лайма отложила вилку. — Со мной приключилась какая-то непонятная болезнь два года назад. Я стала катастрофически худеть, и никто не мог поставить диагноз. Тогда я была плоской до ужаса, в пять раз весила меньше. Представляете?

— Не представляю, — искренне ответил Судских.

— Так было. Я побывала во всех клиниках, у известных экстрасенсов, и безрезультатно. У меня совсем не осталось денег, и я отчаялась. Ела одну овсянку на воде. Не могла работать. Продала все, что осталось у меня от родителей. Случайно среди писем я нашла адрес Георгия. Он на самом деле мой дядя. Я написала ему, он ответил, прислал денег и просил немедленно приехать к нему в Аникший. Что мне оставалось? Приехала из Брянска...

— А разве вы не литовка? Имя у вас не русское...

— Мой отец был литовец, дядя Георгия. Это он когда-то посоветовал ему жить в Литве и завещал старый родительский дом.

— Так-так, — кивнул Судских. — И дальше?

— Я приехала, он осмотрел меня, ничего не сказав. Потом сварил бульон и велел выпить. Там было много укропа и петрушки. Я ответила, что меня сразу поразит отек. Он сказал: пейте. Я выпила всю чашку... И ничего не случилось, — засмеялась она. — Через месяц на свой день рождения он разре-

шил мне бокал шампанского, и опять ничего не случилось, а два года назад у меня страшно распухало лицо от газированных напитков. Вот и все.

— Он кудесник?

— Да, он кудесник, — задумалась Лайма, сказав это. — Понимаете, магами не становятся, и магия — это естество человека. Я спросила: чем же я была больна? Он ответил — страхом. И немножко дисбактериозом. Он внушил мне смелость. Ну, конечно, он знает прекрасный массаж позвоночника, древний китайский. Суть его в изменении кровообращения, хотя в основе лежит философия. Затем он предлагает есть то или иное, в зависимости от заболевания. Мне нужен был укроп и прочая зелень.

— У него, наверно, множество пациентов? — спросил Судских.

— Нет. Очень мало. Он говорит, что настоящий кудесник не имеет права делать себе рекламу, навязываться. Терпеть не может, когда кто-то говорит глупости с экрана телевизора о своих необычных возможностях. Необычное в этом деле только одно: уметь подать свое тепло другому. И, конечно, знать точки для этого.

— Он вас обучил?

— Да. Я помогаю ему. Сейчас изредка врачую сама.

— Вот вы какая... — по-новому взглянул на Лайму Судских.

— Обычная, — ответила она, что не вязалось с ее ярким видом. — И все отдам своему королю...

У камина они скоротали вечер. И опять заговорили ни о чем. Судских не знал, как ему вести себя после таких открытий, она не задавала вопросов, слушала, хотя Судских нес околесицу.

— Я утомил вас, — спохватился он. — Спать пора.

— Да, конечно. Мне было так интересно. Примете ванну?

Судских не отказался. Принимая от Лаймы махровую простыню, он держался вполне трезво, ее присутствие уже не возбуждало его предательски и тянуло к ней иначе. Хотелось даже двусмысленно сострить. Судских воздержался.

— Если понадобится, моя комната напротив.

Он кивнул и, перекинув простыню через плечо, поцеловал обе ладони Лаймы. Она с удовольствием подставила их, а глаза хотели еще чего-то.

«Будет, — сам себе приказал Судских. — Не живи, где то-то, и не то-то, где живешь».

Переодевшись в пижаму, он поднялся к себе и тотчас бухнулся в постель, не зажигая света. Сон пришел сразу, легкий и спокойный, как после чудесно проведенного дня.

Как пришел, так и ушел.

Среди ночи он проснулся от дикой головной боли в том месте, где остался шрамчик от злополучной последней пули Мастачного. Хотя с чего бы? Спиртного не смешивал, выпил малую дозу... Покрутившись с боку на бок, унимая боль, он встал и на ощупь спустился на первый этаж. Стараясь не шуметь, пробрался к холодильнику в надежде отыскать минеральной воды. Нашел перье и с удовольствием попил. Подождал у окна, разглядывая пейзаж за окном в меланхоличном лунном свете. Может быть, поэтому боль не прошла и даже усилилась. Судских приписывал ее луне. Он прижимал руки к вискам, боль отступала, убирал ладони, она возвращалась. Отняв ладони в очередной раз, почувствовал постороннее сжатие, горячее и действенное.

— Лайма? — спросил он.

— Кто же еще? — прошептала она.

Затворник Судских ощущал теперь не боль в висках, а руки Лаймы, их движение: по плечам, спине... Они спустились ниже, и он развернулся к ней, потянулся к ее губам. Истомленное тело потянулось к другому, до сумасшествия желанному. Промелькнули в спутанных мыслях золотистый карп, подушки, простыни; распущенные волосы Лаймы ловили его в сети, как поймали карпа; уводили в плен грез ее ароматы и запахи; и сладостный плен, казалось, будет вечным и отлетел, как сон, неожиданно.

Очнувшись, он приподнялся на руках и увидел ее лицо, грешное и счастливое. Из-под опущенных ресниц следили за ним ее глаза с изумрудной лукавинкой.

— Как ваша голова? — спросила она, как будто ничего не случилось, а он воспринял вопрос ношей, которую предстоит нести. — Это я заставила вас выбраться из вашей комнаты.

— Лайма — ведьма? — пробормотал Судских.

— Нет. Я добрая волшебница и очень хотела увидеть своего короля. И он пришел. Я хочу вечно принадлежать только ему...

Рассудок сопротивлялся недолго, и он снова упал в сладостные объятия.

3 — 16

Мир пришел в шок после ужасных последствий коварной атаки Израиля по Риму. Вслед за тем наступило оцепенение: поступали самые противоречивые сообщения. Поступок Израиля не входил в акт защиты: понятно бы Ирак, Сирия — и пресловутое еврейское коварство, но при чем тут Италия, напичканная теми же евреями?

За сутки с момента удара ни одно государство не высказало своего возмущения, а дипломаты третьих стран посмеивались, пожимали плечами — мало ли какие игры затевают от пресыщения великие державы, а там цепенели от шока родственники израильтян — мало ли какие кары предпримут теперь неевреи...

Занятый собственными чувствами с появлением Лаймы в его жизни, Судских прибыл в Москву к моменту выяснения обстоятельств, к их финалу: ничего ужасного не произошло. Повезло человеку познать приятное и не терзать себя несуществующими страхами.

В отсутствии радио и телевидения есть свои прелести.

По закрытым каналам страны-партнеры связывались с Израилем, и те упорно отвечали: «Мы ничего ядерного не предпринимали». Как же так, если существуют прямые записи с момента пуска в пустыне Негев и до ядовито-яркой вспышки в центре Рима? Ваши ракеты? Наши, но это был обычный

учебный залп, обычный тротильный заряд, радиус полета ракет в пределах пятидесятимильной зоны. Специальная комиссия НАТО обследовала пусковую установку. Сомнений не осталось: Цахал использовал учебные ракеты.

Другая, независимая, комиссия обследовала участок поражения: сомнений нет, использовалось сверхмощное оружие, неизвестное доселе, сродни нейтронному. Здания уцелели, а весь Квиринал обезлюдел. Недопитые бокалы, недоеденные спагетти, а едоки исчезли.

Ровно через сутки едоки появились там, откуда их слизнула неведомая сила, целые и невредимые. Они принялись допивать и доедать заказанное под прицельным любопытством массы людей. От них они отличались одним: их часы отставали на полчаса. Этот феномен никто не смог объяснить.

Претензии к Израилю повисли в воздухе, в котором свершился дьявольский розыгрыш. Даже в странах третьего мира не пожимали плечами, не усмехались язвительно: будь то Иегова, Аллах или Саваоф, только Божья сила чудным образом дала сатане по башке, от чего произошел сбой в продуманной системе Всевышнего. Что предстоит дальше — холодило кровь.

Настал козырный час гадалок и прорицателей. Они не жалели красок на сочные картины Судного дня, и каждый доказывал, что именно он имеет карт-бланш на монополию будущего. Церковь призывала, как обычно, к терпению и посещению сугубо ее храмов, в мечетях требовали послушания сугубо Аллаху, в синагогах заунывно пели канторы о трудном пути еврейского народа, который выжил благодаря сугубо Иегове. Сектанты поступали наоборот: звали своих приверженцев не упустить случая единения с Богом, путем массовой самоликвидации уйти с этой бренной земли.

В истерию стали втягиваться атеисты, не находя ответа происходящему. Приток в их храмы и моленные дома сравним разве с массовой кампанией «Женщины, на трактор!» или там «Мужчины — на самолет!»

За неделю мировой переполох улегся, менялы на биржах подсчитывали кто приход, кто расход, фарисеи жалели тех и других, но больше себя за то, что не успели как следует по-полнить карманы.

Смех смехом... Дьявол больше признаков жизни не подавал. У исчезнувших на сутки отклонений от норм не обнаружили, и сами они удивлялись, Бог или сатана убавил полчаса их жизни.

Впервые с серьезной оценкой необъяснимого факта выступил магистр оккультных наук Георгий Момот. Находясь в Москве по приглашению Гречаного, он созвал пресс-конференцию и заявил, что в Риме произошел элементарный схлоп. Революция, о которой так долго и упорно твердили ядерщики, свершилась.

— В Риме? — спросили из зала, едва прессе разрешили задавать вопросы.

— В России, — твердо ответил Момот. Вел он себя естественно, хотя перед широкой аудиторией выступал практически впервые. — Все самые серьезные потрясения последних лет приходится на Россию, чего вы не можете отрицать. Мистики тут нет, это эволюционный ход событий в стране, где до сих пор длится борьба идеологий, естественно, за власть и нет уверенности в завтрашнем дне. Немудрено, что брошенные на произвол судьбы в Зоне нашли способ и выжить, и защищаться, и сохранить свое изобретение от корыстных целей власть имущих.

— Вы можете конкретно проиллюстрировать этот схлоп? Так и до беды один шаг...

— Думаю, любой физик-ядерщик объяснит это лучше меня. Я же могу прокомментировать практику, а не теорию. Израиль под шумок нанес ядерный удар по Ираку...

Зал негодуяще загудел.

— Израиль нанес ядерный удар по Ираку! — отчеканил Момот. — Есть неопровержимые доказательства.

— Представьте их! — раздался голоса, требующие сатисфакции.

— Их даст командующий войсками ПВО. Выводы независимой комиссии в Израиле опротестованы на основе более точных данных!

Момот сделал приглашающий жест руки в сторону трехзвездного генерала за столом.

Ответ был исчерпывающим. Кто кого перехитрил: евреи — арабов или Аллах спутал карты Цахалу, только неразорвавшиеся части ракет демонстрировали присутствующим на видеопленке, здесь же давал пояснения представитель лаборатории НАСА, что именно эти ракеты несли ядерные заряды, запущенные с плато Негев.

— Но при чем тут Рим? Как ракеты попали вместо Ирака в Израиль? — не унималась аудитория.

Момот остановил шум и сказал:

— Как в Ирак, так милости просим, а в Рим — не положено? Продолжайте, генерал, — обратился он к командующему ПВО.

— На видеопленке справа даны таблицы наведения ракет. Первоначальной целью были Багдад и две военные базы — в Кербеле и Баакубе. Однако прямо со старта ракеты саморезориентировались на Италию. Не могу объяснить, как и почему увеличилась дальность полета для этого класса ракет. Не укладывается в голове.

— Нечистая сила решила, видимо, что происшествие в святом городе более заметно, чем в иракской пустыне, — уточнил Момот. Присутствующие приняли шутку, и следом он добавил серьезно: — А более точный ответ вам даст представитель Зоны. — И новый жест в сторону человека в штатском, сидящего за столом.

Зал притих. Вот он какой, этот представитель из Зазеркалья...

Человек приподнялся, поклонился залу, сел и сказал в микрофон перед собой:

— Судских Игорь Петрович.

Новый шок.

— По решению руководства страны на меня возложена миссия связи с Зоной. Задавайте вопросы.

Первым опомнился представитель газеты «Гаарец»:

— Скажите, генерал, почему именно вам доверена столь важная миссия? Благодаря вашему антисемитизму или психическому заболеванию? Не считаете ли вы оба проявления умственным расстройством?

Судских усмехнулся, прежде чем ответить:

— Поразительная способность вашей газеты все разом опошлять и тем самым прояснять позицию. Психических отклонений у меня нет, согласно медэкспертизе, а раз нет, в антисемиты я попал благодаря вам. У вас есть веские причины для этого?

— В свое время вы способствовали выдворению из России Мойзеса Дейла, предпринимателя, из-за чего сорвалось подписание взаимовыгодного контракта.

Судских решил сразу остановить словоохотливого корреспондента:

— Вам более известно, что Мойзес Дейл был кадровым разведчиком, а контракт, которым он прикрывал неблагоприятные действия, оказался липовым. Отдельно для вашей газеты можно предоставить подлинные документы о личности Дейла. Ручаюсь, вы не станете их публиковать. Зоной же я занимаюсь с 1998 года по личному распоряжению президента и непосредственного начальства. И мне ли не знать происходящее там лучше других?

— Почему же Рим? — перехватил микрофон репортер «Иль джорнале».

— В Зоне научились отражать ядерные удары, делать их практически холостыми. Однако заряд рикошетирует после отражения и в какую сторону, никто не знает. Контролировать полет после отражения в Зоне пока не научились. Можно сделать вывод: за агрессора в ответе все.

Поднялся тучный представитель «Таймс»:

— Если я правильно понимаю законы баллистики, отраженный удар не вернется к посылающему его?

— Ошибочное мнение, — улыбнулся Судских. — Законы баллистики вы понимаете правильно, но эффект круглой комнаты не учли. Суть его в том, что привязка ракет устанавливается от неподвижной Полярной звезды и любая точка планеты может быть поражена.

Залу такой вывод явно пришелся не по вкусу.

— Господин Судских, — вмешалась энергичная корреспондентка Си-эн-эн. — Каким образом эффект смещения времени отражается на жителях Земли?

— Первый стоящий вопрос, — сделал кивок в ее сторону Судских. — В Зоне предупредили: попавшие в полосу схлопа теряют некоторые возможности человеческого организма.

— Какие?

— Потенцию, деторождение.

— Чем провинились эти люди? — торопилась задавать вопросы корреспондентка.

— Чем провинились арабы, которых провоцирует Израиль? Давняя вражда сохранилась. Зона предупредила: любой конфликт на этнической или религиозной почве будет пресекаться независимо от рас и вероисповеданий.

Зал заполнился гомоном, всех перекричал репортер «Гарца»:

— Почему всегда одни евреи виноваты?

— Лично я этого не утверждал, — спокойно пояснял Судских. — В случае с «Аделаидой» никто не сваливал вину на Израиль, и я настаиваю на тщательном расследовании инцидента потому, что не верю в причастность «Братьев мусульман». Однако такой вывод очень устроил правительство Израиля. Почему? Задайте, господин репортер, этот вопрос своему правительству. Зато причастность Израиля к ракетной атаке, из-за которой пострадал не Ирак, а Италия, доказана.

— Господин Судских, — умело втиснулся в короткую паузу тучный представитель «Таймс», — вы были в Зоне?

— Да.

— И не подверглись облучению и прочим недугам?

— Нет. Согласно договоренности, в момент моего посещения открывался коридор. Я мог войти в Зону и покинуть ее.

— А как монахи проникали в Зону? С Божьей помощью или Зона принимала их с Божьей милостью?

— Монахи первыми догадались, что радиация не проникает на глубину более метра, и сделали подземный проход. Обитатели Зоны не уничтожили визитеров, но запретили им посещение впредь.

— А вас не обескуражило их смертельное изобретение? — спросил корреспондент журнала «Космополитен».

— Восхитило. Наконец-то на земле появилась сила, способная дать отпор любому агрессору, коварству, подавлению слабых сильными. Зона сразу заявила: «Мы не позволим». Одну минуту, — остановил он дотошного гаарца. — Я не закончил. Зона не несет ответственности за пострадавших от чьей-то необузданной политики. Зона контролирует работу всех ядерных реакторов. В случае повторения провокации они будут остановлены навсегда. А это, я бы сказал, не лучший выход из положения: неизвестно, как отразится подобное вмешательство на Периодическую систему Менделеева.

— А почему же Зона не вмешалась в инцидент с «Аделаидой»? — гнул свою линию корреспондент «Гаарца». — Это откровенный антисемитизм!

— Ядерного удара не получилось, и вы это знаете. Что касается вашей излюбленной темы, займитесь исследованием еще одной щепетильной темы. Деньги на агрессию Гитлеру давали еврейские банкиры. Он их использовал на массовое уничтожение соплеменников этих банкиров. Проверьте, не было ли тут сговора?

— Вам во всем мерещится рука Израиля!

— А вам рука Москвы, — парировал гаарца Судских. — Уместно вспомнить слова русского социолога Данилевского: «Европа не знает нас, потому что не хочет знать. Мы находим союзников в Европе лишь тогда, когда вступаемся за чужие интересы». Вижу, вы хотите возразить, что я цитирую певца панславизма. Тогда я приведу вам слова Достоевско-

го, расшифровать которые некогда пытался небезызвестный вам Мойзес Дейл: «Нищая земля наша, может быть, в конце концов скажет миру новое слово». Все происходящее в Зоне и вокруг нее подтверждает пророческое высказывание.

— Генерал, — успела вклиниться в паузу корреспондентка Си-эн-эн, — Зона защитила человечество от превентивных ядерных ударов, с этим надо согласиться. А сможет ли она противостоять прочим нападениям — химическим, биологическим, просто обычным средствам вторжения на чужую территорию?

Зал мгновенно отреагировал тишиной. Судских поклонился:

— Благодарю и за этот умный вопрос. Пусть на него ответит господин Момот.

Момот приблизил к себе микрофон:

— Мне кажется, в мире всегда найдутся любители горяченького. Так, например, в США расконсервирован линкор «Миссури», тяжелые крейсера, не потерявшие артиллерийской мощи, «Сэйлем» и «Ньюпорт Ньюс», которые в составе седьмого флота движутся сейчас к берегам России. Что ж, пусть попробуют.

— Вы что-то знаете, — утвердительно сказала корреспондентка.

— Конечно, знаю, — согласился Момот. — Балладу о русском штыке. Если же мы перейдем к прозе, то не мешайте России провести подлинно демократические выборы.

— Какая же это демократия, если из всех кандидатов остался один атаман Гречаный? — язвительно спросил тучный представитель «Таймс».

— Ошибаетесь. Сегодня господин Гречаный издал рескрипт, дающий россиянам право пополнить список до трех кандидатов, и любой из них победит, набрав плюс один голос. Господин Гречаный мог в такой ситуации просто захватить власть, чего он не сделал.

— За кого проголосуете вы?

— К сожалению, я не гражданин России.

— Тогда в силу каких симпатий вам доверили возглавить предвыборную кампанию? — спросил гаарец.

— Не ломайте голову, здесь нет антисемитизма, панславизма и прочих измов, путающих карты. Я работаю за гонорар, я работаю за своего кандидата, но ни за какие шанежки я не стал бы представлять господина Лемтюгова.

— Все прорицатели и гадалки предсказывают победу атаману. Вы согласны с этим прогнозом?

— Целиком, — кивнул Момот. — Нынешние российские гадалки и ясновидящие — это проститутки, вышедшие в тираж, о чем говорят их одутловатые физиономии и тройные подбородки. Передозировка гормональных препаратов в пору беспутной юности ведет к ожирению, — пояснил он. — А стабильный заработок жриц любви целиком зависит от интуиции. Они уверенно распознают стоящего клиента.

Зал ответил понимающим хохотом. Лед недоверия таял.

— Каково же будущее планеты? — прозвучал вопрос, и смех оборвался. Спрашивающий не представился, никто не требовал этого. Вопрос затрагивал всех: и здесь, и сидящих у экранов телевизоров.

— Ничего сверхъестественного не произойдет, — ответил Момот и продолжил после маленькой паузы: — Если возобладает разум.

Разум... Где ж его взять и по каким полкам разложить гордыню, тщеславие, алчность, а еще и совести закуток нужен и чести...

«Что-то не получилось у Творца с образом и подобием, все больше засранцы возобладали. Отрекся от них Всевышний, а с Адамом эксперимент не пошел, не вышла чистая раса, на одного толкового Жванецкого до тыщи швондеров, которых среди шариковых не спрячешь, не растолкаешь», — размышлял у телевизора Пармен. Смотрел репортаж с пресс-конференции, пощипывал ржаную корочку и размышлял. Его побаивалась братия, хотя он форменным образом мухи не обидел: был справедлив, разумен. За эти качества приблизил его усопший патриарх. Ушел — возложив на Пармена тяжкую задачу.

Братие, побывавшие в Зоне, рассказывали о тамошних перерожденцах. Внешне похожие на людей, растеряли они коим-то образом железный состав своего естества, который отличает человека от робота. Что греха большего в том, если человек приврет, незлобиво потешится над промашкой другого или в драку полезет, отстаивая правду? Утрачено это, ходульно выглядят превращенцы, хотя честны и справедливы, мир для всех живущих отстаивают...

«А еще сказывают братие, что суровы они, будто сползло теплое мясо с легких костей. Как у евреев получилось: «мак-бенах» — мясо от костей отделяется. Когда они хорошего человека грохнули и закопали тайно. От этого мак-бенаха масоны пошли. Как бы из Зоны еще чище секта не произошла. Глядеть братиям разрешили, а рта не открывать».

Второго дня послал Пармен верных людей к Гречаному рассуждать о грядущем на Руси. Велел Пармен намекнуть на помощь Церкви в правом деле. Гречаный толковал с ними на равных вроде, только от помощи отказался: православные каноны пора менять, иначе Россия опять в болоте утонет.

«А без владыки тяжело. Был и нет, замены не дал другой, — вздохнул Пармен. — Епископы, митрополиты, архимандриты переругались, каждый норовил облить грязью более сильного в праве на патриаршество. Собор готовят, на кучки разбились друг против друга...

Злые, аки пчелы без меда, о величии забыли».

Наедине с собой Пармен отвечал: не осталось святости ни в ком из высших избранных, и была ли она: единственного, назначенного владыкой, паралич разбил, лишил дара речи, и в том перст Божий.

«И как мне волю владыки, сиречь Божью, донести? — раздумывал над задачей Пармен. — К кому податься за благоволением?»

Приезжавший вчера и вчера же убывший несолоно хлебавши Бьяченце Молли внес большую сумятицу в стан Христовой церкви. Тут уж возопили едино: «Сами! Не надо ничего от католиков!»

«А на Поклонной горе иноверцы замыслили новую мечеть ладить».

Поразмыслив и дожевав хлебную корочку, решил Пармен вдругорядь не соваться к Гречаному, а довериться генералу Судских. Сказывали, в президенты предлагали — отказался.

«Странный человек, — готовился отходить ко сну Пармен, — владеет запредельными тайнами, а прост, высоким чином облечен, а скромн. Вот кому бразды власти, а не берет...»

Кто бы мог подумать, что Пармен отходит ко сну и не творит молитвы!.. В узкой келье стол, стул, кровать деревянные, тюфяк тощеват и одеяло солдатское, лампадка да иконка с едва различимым от копоти ликом. Ни Библии, ни требника. Чернец Пармен никогда ничего не заучивал и не запоминал так, как принято везде — от сих до сих. Он прочитывал нужное и сопоставлял с другим прочитанным. Зато в любое время суток мог ответить, кому принадлежат произнесенные слова, однако спросить — слов этих не повторит. От большого соблазна грызть сухой ржаной хлеб он периодически страдал язвой, стоически излечивал ее травами в Чудском монастыре, чтобы через полгода язва открылась заново. Не было у Пармена страстей, а страстишки отсутствовали по причине недоразвитой мошонки, из-за этого недуга он еще в молодости отказался от прихода, позже от сана, снискал наговоры о юродивости, а потому, что разуверился в Христе, неспособном излечить его недуг. А чтобы слабости не испытывать, выучился древнему русскому искусству обороны, несмотря на мошонку недоразвитую и язву. Присмотрел его усопший патриарх еще архиереем, да так и возил с собой, как возят книжку со многими необходимыми сведениями. Не толковый словарь, а записную книжку.

Дружбу с братией Пармен не водил, заговаривал с тем, на кого указывал владыка. Презирующие чернеца растворялись вокруг невидимыми, уважающие отшельника приходили сами.

Одного из таких Пармен просил созвониться с генералом Судских о встрече. Наутро встреча должна состояться, и Пармен спокойно выспался без молитвы, умылся в келье из медно-

го тастика, пеше добрался до метро. Ржаной сухарик припас на потом, чтобы вознаградить себя за обременение мирскими заботами.

Судских просьбе Пармена не удивился, не раздумывал о причинах. По прежней работе он был наслышан о чернце, которого выделял сам патриарх.

Пармена проводили на второй этаж коттеджа. Домочадцы уехали провести сына Судских в Петрограде, и внуков чернец не испугал.

Судских встал навстречу гостю. По глазам монаха он понял, что визит особенный. Пахнуло запахом, который сопровождал Судских все годы в коме. Он не боялся визитера, какой ни мрачный вид был у того. Держался гость с достоинством, несмотря на худосочную фигуру.

«Тогда ему есть что сказать важное», — отметил Судских.

Пармен заговорил первым, и Судских не успел пригласить гостя на веранду. Да и гость не хотел, видно, мирских соблазнов. Стал вкопанным у дверей, так и началась беседа у порога.

— Исполняя волю усопшего владыки, хочу поведать его наказ, — сказал он неторопливо. — Вот знак обремененности моей...

До этих слов Пармен держал руки перед собой в рукавах сутаны. Он вынул левую и выставил перед Судских ладонь.

«Так я и знал, — увидел Судских «веди» с острой верхушкой. — Ключ архангела Михаила. — Мельком он вспомнил, что когда-то Орион до катастрофы имел точно такую форму. — Важный посланец...»

Пармен убрал ладонь в рукав сутаны и продолжил:

— Владыка завещал мне оберегать вас в мире. Всевышний доверил вам меч свой...

Судских хотел возразить, не нравились ему многозначительные высказывания, сродни комплиментарности, отчего он чувствовал неловкость, но взгляд гостя настойчиво просил слушать и верить ему.

— Владыка завещал мне способствовать тем, кто возвеличивает Русь, где бы он ни был.

Судских слушал учтиво и молчал учтиво, как ученик.

— Угодно будет Лебедю спросить что? — закончил Пармен неожиданно для Судских.

— Прежде всего спасибо за визит и заботу, — ответил Судских первое, пришедшее на ум. Теперь выжидал монах.

— Хватит ли нести такую ношу? — передал ему вопрос Судских.

— Что вам подсказывают раздумья? — парировал искренний монах.

Пришлось высказываться:

— Они подсказывают следующее: относясь с должным уважением к Православной церкви, я не могу довериться архаичности ее взглядов. Лучше будет каждому делать свое дело.

Монах не спускал с него вдумчивых глаз.

— Принимая помощь Православной церкви, — продолжал Судских, — я должен буду служить ей, вынося на первое место.

— Вы нашли другое пристанище своей душе? — спросил Пармен, не размыкая рук в сутане.

— Я верую в Бога и ни одной религии не приемлю.

— Я такой же, — неожиданно для Судских вставил монах. — Хотя и нахожусь в лоне Православной церкви. Подобно чернокнижнику Момоту, который преуспел во многих культах, силен безмерно и пришел на помощь ратианам.

— И я пришел им на помощь, — испытующе смотрел Судских, монах отвечал таким же взглядом.

— Вот и достаточно для начала. Вы и я поняли наказ владыки, — бесцветным голосом подвел итог Пармен.

— В чем будет заключаться ваша опека? — откровенно спросил Судских. Обиняков достаточно.

— Могу повторить любой канон Пятого Евангелия. Оно известно мне давно благодаря наставлениям усопшего патриарха. Менее сложным путем я открыл его. Посему возвеличение младенца, как нового посланца Божьего, мне ближе,

чем второе пришествие Иисуса Христа. — Опережая Судских, он спросил быстро: — Известно ли в Зоне о новом элементе с порядковым номером 108 и начале распада Периодической системы?

— Известно, — с грустным вздохом ответил Судских. — Мальчика заблаговременно вывезли из Зоны.

— Они смогут остановить распад?

— Смогут. Ценой собственных жизней. Они готовы к этому и повели о своем решении спокойно.

— Они мутанты, лишённые человеческих чувствований.

— Они обычные люди, лишённые человеческой ласки, — твердо ответил Судских, и впервые за разговор Пармен отвел глаза.

— Пусть Господь станет им щитом...

Помолчали. Судских не знал, как повести разговор дальше. Все казалось мелочным, и надо ли теперь о мелочах, о чае, об удобных креслах, располагающих к душевной долгой беседе!.. Все сказано.

— Аминь, — вырубил его монах. Сделал поклон и вернулся к двери, так и не разомкнув рукавов сутаны. Судских отворил дверь.

На следующий день вышел рескрипт за подписью Гречаного о временном назначении капитула всех церквей и религий в России под главенством Православной церкви. Любая конфессия могла представить в нем своего посланца по собственному усмотрению, но возглавлять капитул будут три православных архиепископа, назначенных лично Гречаным. Наблюдение за работой капитула он возложил на Пармена, возведенного в сан епископа.

В России нет ничего более прочного, чем временная постройка.

Пожалуй, удар по Риму не вызвал такого шока, какой произвел рескрипт о духовном насилии. Весь мир ополчился против России, неверующие перевоплотились в истых прихожан, требовали самых жестоких мер против российских осквернителей свободы вероисповедания, узурпаторов духовности.

Союзники и сочувствующие стали врагами России. Она же никак не прореагировала на мировое возмущение, и внутри нее почему-то не случилось бунтов и гневных протестов.

Случилось то, что должно было случиться среди разноликих приверженцев веры: растеряв уверенность в пустой говорильне, они в решающий момент не смогли противопоставить смелому решению свое полное единство. Его попросту не было, а Православная церковь отмолчалась, получив старшинство, еще и надзирателя Пармена, которого откровенно побаивалась. Последующие события вовсе отодвинули рескрипт Гречаного на задворки мнений. Подумаешь, какие-то глупости, из которых кафтан не сошьешь, хлеба не купишь.

Безо всяких мер скрытности к русским портам на Балтике и Черном море двинулись флоты всех мировых держав, военно-воздушные силы приняли полный боекомплект, десантные войска выжидали время Че, и в приграничных районах накапливались танки.

Гречаный от имени всех россиян обратился к народам мира не делать поспешных шагов: рескрипт принят временно и сразу после выборов будет отменен. Принят он исключительно для стабилизации обстановки. С экрана телевизора он продемонстрировал оружие, изъятое в молельных домах, костелах и синагогах, и подчеркнул, что в мечетях его не оказалось, а в православных монастырях оно было сдано властям за благовременно.

— Никто не узурпирует свободу совести, и никто не позволит вмешиваться во внутренние дела росссов, которые не в пример зарубежным ревнителям веры отнеслись к рескрипту спокойно и с пониманием, — заключил Гречаный.

Россияне сосредоточенно ждали сообщений о начале блокады, были готовы взять оружие в руки, едва она последует, и сетовали о тех временах, когда Российский военно-морской флот был океанским. Не было флота — весь развалился. Не было авиации — вся испарилась, а «миги» и «суховы» летали в чужих небесах. Не было армии...

Нет армии — нет России.

Но бабушка надвое сказала.

С первыми лучами солнца тяжелый крейсер «Сэйлем» стал на рейде Новороссийска. На крейсере нес флаг командующего флотом адмирал Горт. С открытого мостика он снисходительно разглядывал в бинокль окрестные сопки, предвкушая радость первого залпа. Когда-то он начинал службу на этом крейсере энсайном, а позже командовал первой башней главного калибра «Сэйлема». Это Горт настоял ввести в строй «Сэйлем» для плотного артобстрела побережья. Вьетнамский опыт пригодился, и нынче все орудийные башни флота подчинялись ему, и ему решать, как размазать этих еретиков и непокорных дикарей.

— Джон, — не отрываясь от бинокля, он обратился к командиру крейсера, — давай-ка сделаем пристрелочный залп крайним правым орудием первой башни вон по той трубе... — указал он на трубу цементного завода.

— Сэр, а общий приказ? Мы должны вскрыть пакет через полчаса и... — командир взглянул на ручной хронометр, — пять минут сорок пять секунд.

— Вот и покажи мне, как твои канониры через сорок пять секунд снесут эту трубу для остратки.

— Слушаюсь, сэр, — не стал возражать командир «Сэйлема».

Послышались команды, и адмирал представил себя юным лейтенантом в первой башне. Он убрал бинокль и наблюдал за секундной стрелкой.

«Хорошо управляются ребята», — отмечал он по бегу секундной стрелки и репетованию команд. Едва поступило сообщение о готовности к выстрелу, стрелка зацепилась за последнюю секунду и Горт по-мальчишески крикнул:

— Залп!

Команду репетовали, захваченные мальчишеским озорством старого адмирала...

Залп грянул.

Когда говорит орудие главного калибра, голос его похож на бухнувший тяжелый молот: все, мол, нет больше сил, ставлю точку. А шелест болванки в воздухе после выстрела говорит несколько иначе: мол, бабушка надвое сказала и неизвестно пока, кому ставить точку. Вот если бы бухнуло и разом разорвалось — тогда другое дело, а тревожить Всевышнего посвистом болванки в воздухе грешно...

Наблюдающие за кораблем с берега могли рассказать все как один, что багровый шар из правого крайнего орудия носовой башни разорвался во много раз у самого окончания ствола, поглотил крейсер и оплыл там же багровым свечением. Крейсера под ним не оказалось. Кстати, и болванки не нашли, один свист остался в памяти. А вслед за выстрелом море покрылось от края до края бухты похожим на пепел покровом, серыми стали флаги расцвечивания на сигнальных мачтах кораблей флота, сами корабли, белые катера на шлюпбалках. Пелена качнулась и исчезла. Исчезло все на воде. Лишь вода оставалась серой недолгое время. Люди с ужасом наблюдали, как пепельное море забурлило, закипело, превратилось в подлинно черное, как называли его Бог знает с какого переляку, и стало исчезать в какую-то воронку. Омерзительно пахло сероводородом...

Черное море перестало существовать. Самое синее в мире...

Позже, комментируя невероятный случай, ученые пришли к выводу, что предупреждение о роковой роли сероводорода, залегающего слоем на глубине сорока метров, мало кого волновало всегда, теперь он вырвался на поверхность и «съел» воду. Возможно, роковую роль сыграли два фактора: в 1997 году болгарские цыгане набедокурили с урановыми изотопами, сбрасывая довольно много руды в Черное море, и появление элемента с порядковым номером 108. Домыслы, одним словом: ученым-теоретикам мало когда доверяли, а сейчас тем более. И зря.

Проливы пересохли, на месте Черного моря образовалась громадная котловина с поганим запахом оттуда. Постоянно посмердывало.

«...И поверг Ангел серп свой на землю и обрезал виноград на земле и бросил в великое точило гнева Божия».

Такие вот дела. Стало Черное море точилом Господним... И неизвестно, когда вновь водичкой наполнится.

Ждали успокаивающего ответа от Гречаного во всем мире. Он появился перед миллиардной аудиторией на экране телевизора и сразу отмахнулся от вежливо-предупредительного вопроса ведущего программы «В последний час»: как, мол, дожили мы до жизни такой?

— Глухим обедню два раза не служат. Есть еще Балтийское море, Японское, а у наших политических противников катафалков на плаву богато. Может, довольно?

Посмотрел в телекамеру, хмыкнул и ушел.

— Дьявол! — вопили некоторые телезрители. Какие — не важно.

Подали заставку: задумчивый козел с пучком травы во рту смотрит в черную котловину перед собой. За ним арка с надписью: «Международная здравница Артек».

Чего с козлов взять...

4 — 17

Позвонила жена и короткой фразой выбила Судских из колеи:

— Немедленно выезжай в Петроград, сыну плохо, мерзавец ты эдакий...

Проснулись угрызения совести, медовый месяц с Лаймой заканчивался поганой нотой. В каком-то бесовском угаре он напрочь забыл, что отец и принадлежит к иерархии власти, что вся его жизнь как в аквариуме и скрыть от посторонних необузданную страсть невозможно. Жена с ним не миндальничала и за других сделала определение его поступка — мерзавец.

За долгие годы семейной жизни у них сложились ровные и несколько отчужденные отношения. По молодости она пыталась ревновать своего статного красавца к молоденьким ла-

боранткам, но вскоре это занятие прискучило ей. Судских не был гуленой, а свободное время любил проводить за чтением умных книг и размышлением над ними. С рождением дочери она и вовсе утратила интерес к персоне мужа: дети составляли весь ее круг, вписывается он в него или нет. Был, есть, зарплату приносит, сам приходит, вот мои руки, мое тело, а вот дети, Судских, которых ты видишь почти всегда спящими. Чего тебе надо, Судских? Ох, не будет из тебя путного старика!..

Заложница собственноручно созданного круга, она мыслила замкнуто: жить надо по-людски. Зарплату приносить, жену и детей любить, на других не заглядываться. Даже подъем мужа по служебной лестнице она измеряла увеличением денег в доме, и только. Его внутренний мир ее не интересовал.

Если она позволила столь категоричный тон, пришел к выводу Судских, значит, его выбрасывают из круга без объяснения причин. Развод, огласка... А сын? Отцовские чувства проснулись наконец из-за близкой опасности. Ехать надо к сыну.

Судских связался с Гречаным:

— Сын опять в госпитале, жена причин не объяснила, просила немедленно приехать.

Гречаный секунд пять молча дышал в трубку. К любовным выкрутасам Судских прибавилась болезнь сына. Лихой компот заварился.

— Ты горячку не пори, Игорь. Я по своим каналам свяжусь с госпиталем, выясню. Если дело срочное, дам вертолет и полетишь сразу. Полчасика подожди...

Через двадцать минут он перезвонил:

— Страшного ничего нет, но диагноз врачи поставить не могут. Лети, машину за тобой я выслал. Держи связь со мной.

Трех часов не минуло, а Судских уже вели по коридору к палате сына. Шаг быстрый, как на пожар, белым флагом развевается халат на плечах. Вровень спешащий главврач на ходу поясняет:

— Случай неординарный. Парень здоров, перенесенные им побои никак не отразились на нем. Понимаете, какая штука: все органы функционируют нормально, а парень сохнет на глазах. Настолько ослаб, что ходить перестал со вчерашнего дня. И ни на что не жалуется. Ничего понять не можем.

— Может быть, вирус какой?

— Все виды исследований проводили! Ничего не нашли.

— А как другие члены экипажа?

— Делали запрос, Игорь Петрович, — расторопно объяснял главврач. — Все здоровы.

Недоумения Судских не выразил. В подсознании пикал слабый сигнальчик, будто бы Судских знал причину болезни сына заранее, только не обнаружил пока в своей памяти.

У постели сына сидела жена. На входящего мужа она посмотрела отрешенно, поднялась со вздохом и отошла к окну. Будто бы и она знала причину заболевания, недоступную медикам и вообще посторонним, подобно ее мужу...

До пояса укрытый простыней, сын казался большой куклой, которую дети раздели догола и общипали на голове волосы. И тот же нездоровый цвет искусственного тела.

— Па, — приветствовал его сын, едва приподняв правую руку.

— Что ж ты, сынок, расхворался? — спросил Судских огорченно, а жена осуждающе повернула вполоборота лицо: вот так отец...

Сын едва скорчил гримасу улыбки. Это стоило ему усилий, и глаза закрылись.

— Игорь Петрович, — зашептал главврач, — достаточно. Сейчас он потеряет сознание.

Жена взяла Судских за рукав и просто выдворила из палаты. В коридоре она прижала его к стене: глаза — в глаза, ее были полны страданий.

— Я знаю, что у него. Севка не выкарабкается.

— Что у него?

— Дочь объяснила. Это не болезнь, не вирус. Это митра.

— Какая митра? — нахмурился Судских. Жена отстранилась и, горестно заплакав, опустила голову.

— Это расплата за деяния отцов-царей. Какой ты царь, Судских?

И опять слезы без пояснений.

Судских скрупулезно перебрал в памяти возможные случаи, где сыну пришлось бы отвечать за его поступки. Лайма? Всеволод — взрослый человек: если случится развод, он поймет его. На алименты, во всяком случае, подавать не придется...

«Господи! — обожгло его. — А злополучный рейс «Аделаиды»?»

Через пять минут, неуклюже ободрив жену, он звонил из кабинета главврача Гречаному:

— Семен, нельзя ли выяснить судьбу оставшихся в живых террористов?

— Уже знаю, Игорь. Знали спустя сутки после захвата по своим каналам. Считали даже, что израильтяне морочат нам голову.

— Тот же эффект?

— Тот. Их поместили в камеру и постоянно наблюдали через глазок. Лежат оба на нарах и лежат без движений. Вошли утром — обнаружили два трупа, кожа да кости.

— Севка, единственный из экипажа, кто прикасался к ракетам... Что такое митра, Семен? Только не головной убор. Не слышал?

— Слышал с пятое на десятое. Лидеры митраизма, осквернители Христа. По легенде, их дети иссушались подобным образом. Ты только не заикливайся на сказках. Сказка — ложь...

— Я думаю, это связано с Зоной, ракетами и всей чертовщиной последних лет. Ладно, потом поговорим. Вернусь к вечеру.

Вошел главврач. Судских спросил:

— Сына можно спасти?

— Знать бы от чего, Игорь Петрович. А дочь ваша сказала, что ему дарована вторая жизнь. Не знаю, как отнестись к этим словам...

Не переспросив, Судских отправился в палату сына.

Едва ступив в палату, он резко ощутил отсутствие чего-то. Сын лежал с закрытыми глазами, на лице печатью застыла усталость. Жена плакала в его ногах.

«Душа отлетела, — остро почувствовал Судских. — Вот что исчезло». Недолголюбил он сына, не защитил, не спас... Плечи жены сотрясали рыдания. «А я ни слезинки», — подумал он рассеянно: из-под дико саднящего сердца, от горя, колотящегося изнутри, не прорвалось естественное чувство — не облегчить комков души.

Сына хоронили в Москве на следующий день. После похорон дочь с внуками сразу засобиравлась назад в Индию, уговорила мать.

— И ты приезжай, па. Оставь свою непонятную службу. У нас тебе все будут рады, места хватит, чего под старость лет куковать? Поехали, па? Я тебя многому научу...

«Какие у нее глаза, — рассеянно отмечал Судских. — Не русские. А были русские, с поволокой, теперь глубокие, полные непонятных тайн. Мне уехать в Индию? Что я там забыл?..»

Он до сих пор толком не знает, чем занимается его зять. Спросить стыдно. Ладно, как-нибудь потом...

Гречаный по-своему принимал участие в горе Судских: не давал раскиснуть, впасть в самобичевание. Для этого он приготовил ему интересные документы.

— Взгляни, Игорь, какие штучки твои бывшие мэнээсы накопили, — указал он на папку перед собой. — Случай твой печальный не единственный, оказывается, за последнее время. В Штатах, Китае, Израиле и у нас произошло шестьсот подобных случаев. Каждый из них прямо или косвенно связан с ядерным оружием. Треть — напрямую, у ракетчиков, производителей и коммерсантов, а две трети — у детей, чьи родители причастны к ядерному производству. Четыреста тридцать смертей — детские.

— Что же это за напасть? — рассеянно спросил Судских.

— Это еще не напасть. Твои умные ребята копнули глубже, составили программу для обсчета и выявили следующее: СПИД рожден на урановых рудниках Заира и только среди людей племени баконго, у тех, кто поклоняется богу Зуту, тайному носителю плаща бога Солнца. Тут, кстати, интересная деталь: плащ этот изображается удивительно схожим с грибом ядерного взрыва. Наскальные изображения имеют возраст более пяти тысяч лет. Так вот, СПИД зародился в Заире, и первоначально его носителем были вовсе не педики. Перебравшись в Европу и Штаты, болезнь стала поражать в первую очередь именно педрил, позже наркоманов, хотя многие из них этим делом не баловались.

— Семен, ты куда клонишь? — не вытерпел Судских. — Мой сын, понимаешь? Зачем ты мне это говоришь?

— Успокойся, ради Бога, выслушай вначале, — нажал Гречаный. — Через пять лет после распространения СПИДа с подобными симптомами стали умирать вполне здоровые и морально устойчивые люди. И знаешь кто? Не прими за бред — последователи секты Аум Сенрикё и некоторых других, где почитается культ самоубийства. Раньше никто такой статистикой не занимался, теперь твои ребята взялись за это основательно и расширили поиск подобных случаев и опять установили закономерность: кроме сект Муна, Аум Сенрикё, сатанистов и так далее, аналогичным заболеваниям с летальным исходом подвергаются дети тех, кто рьяно доверяется оккультным наукам, магии и знахарству. Вот как хочешь, так и связывай Божий дар с яичницей, а физику с философией...

— Чернобыль как-то связан с этим синдромом? — после раздумий спросил Судских.

— Ты прямо читаешь мои мысли... Связан. И напрямую. Только другим боком. Эвакуаторы и пожарники умирали от лучевой болезни, а те, кто их посылал, от СПИДа. Среди них пятнадцать партработников и пятьдесят два их отпрыска. Нашла Божья кара на коммуняк, но изуверским путем. Дети отвечали за сволочизм отцов.

— Не за уши ли притянуты эти факты? — засомневался Судских.

— Игорь, ты своих копателей сам взрастил и знаешь их хватку — помесь крота с бульдозером: если зацепились за факт, вынут на поверхность всю проблему, еще и решение подскажут. Прочти-ка их заключение, — раскрыл папку Гречаный и протянул Судских:

«Согласно обобщенным данным, можно сделать вывод, что болезнь с ярко выраженной симптоматикой СПИДа в первую очередь будет поражать детей тех, кто отступил от морально-этических норм поведения. В эту категорию попадают все слои общества, все расы и национальности независимо от вероисповедания. Уже сейчас можно определить геометрическую прогрессию распространения болезни. Мы назвали ее условно «мак-бенах».

Пока трудно говорить о методах лечения, не изучив энерго-информативной подоплеки болезни. Однако исторические документы показывают, что подобные случаи отмечены ранее. Так, например, итальянской эпохе Возрождения предшествовало стихийное заболевание в Италии и повсеместно в Европе, которое отнесли к моровому поветрию и чуме. На самом деле симптоматика абсолютно схожа со СПИДом и действовал синдром «мак-бенах».

Что же на самом деле происходило тогда в Европе, на стыке XIII — XIV веков? Свирепствовала инквизиция, схоластика католицизма, проповедовался аскетизм. Болезнь разразилась после публичной казни невинных людей, отнесенных инквизицией к еретикам. Как пишет очевидец тех событий Лоренцо Валла, ученый-гуманист, буквально на следующий день после казни стали умирать те, кто присутствовал на площади аутодафе, и затем мор охватил всю Италию. Люди иссыхали на глазах и умирали в страшных мучениях. Разумеется, никакого лечения не оказывалось, а саму болезнь считали Божьей карой. Только за что — непонятно. Католическая церковь обвиняла распущенность нравов, однако в первую очередь смерть уносила как раз отцов-инквизиторов вместе с

домочадцами и не касалась людей, мыслящих реалистично. Благодаря этому выбору природы произошло перераспределение слоев общества, образно выражаясь, умных стало больше на душу населения. Эти люди сформировали новое мышление общества. Одним из них был Данте Алигьери, автор знаменитой «Божественной комедии», но куда более сильное воздействие на умы окружающих оказали его биографическая повесть «Новая жизнь» и философский трактат «Пир». Последний остался незаконченным и ходил среди населения в записках.

Даже обычное исследование этого трактата показывает, что он перекликается с «Пиром» Ария и доказывает божественное происхождение человеческой души, и никак не Иисуса Христа, фигуры во всех отношениях мифической.

Мы считаем, это новое нашествие страшной болезни можно остановить прививкой духовности обществу».

Судских закрыл папку и задумчиво повторил:

— В чем же виноват мой сын? Виноват я?

Гречаному не хотелось корить Судских.

— Успокойся, Игорь Петрович. Ценой жизни твой сын спас многих людей. Ты ведь сам рассказывал, что привиделся он тебе?

— Было, — угрюмо повесил голову Судских. — А Воливача ребята не обсчитывали за его каверзы?

— Пока этот сукин сын, этот микроб коммунальщицы чумы, на файле не обнаружен. Вычислим. Я лично им занимаюсь...

Воливач был не та фигура, которую можно сбросить с доски, как проигравшего ферзя. Следствие шло, а он разъезжал на персональном лимузине, летал собственным самолетом, восседал в своем кресле на Лубянке и давал распоряжения. Двоевластие, двоецарствие. И каждая сторона делала вид, что ничего не происходит странного. Вялое продолжение эпохи ельцинизма. И преступник Лемтюгов жил припеваючи. По городам и весям с рекламных щитов и плакатов призывали

голосовать за подлинного демократа, кандидата в президенты Лемтюгова. Солидно седоватый, улыбочиво добрый дядя.

Так и жили пока. Слежка с обеих сторон и обоюдные улыбки. Бескровная вражда. Пока бескровная.

От внимания Гречаного не ускользнула поездка Лемтюгова в Сингапур. Выяснилось: в Сингапуре Лемтюгов тайно встречался с японскими парламентариями и представителями института старейшин Гэнро, куда входят самые почитаемые люди Японии, их авторитет высок. Обсуждался вопрос о переселении японских эмигрантов в юго-западные районы России. Скрытная запись беседы сохранила сочные эпитеты Лемтюгова: там яблоки — во, капуста — во! А коровы вообще по пять ведер молока дают в день. «А коровы не двухголовые?» — вежливо осведомились японцы.

— Забудьте о радиации! — отрезал Лемтюгов. — Во-первых, до этих районов Чернобыль не добрался, а во-вторых, она повсеместно испарилась. Газетки почитываете? Испарилась!

— Но атаман Гречаный не испарился, — дотошно отвечали японцы.

— С ним мы покончим довольно скоро.

Японцы выразили искреннее изумление.

— Мирным путем, — успокоил Лемтюгов. — Не переживайте. За нами вся Россия.

Сумму безвозмездного вклада за переселение японцев Лемтюгов оценил в двести миллиардов долларов.

Тамура завещал в три раза больше.

Японцы попросили время на обдумывание. Лемтюгов сообщил им, что гарантии будут предоставлены не позднее начала ноября.

— Знаю этих мерзавцев, — зло говорил Гречаный, прослушав запись переговоров. — Они любят приурочивать различные пуски и кровопускания к знаменательным датам. Из этого следует: переворот планируется на седьмое ноября. Дай сводку, Святослав Павлович.

Шло заседание Верховного казачьего совета, людей проверенных. Среди них были Судских и Бехтеренко, оба удостоены звания атаманов.

Бехтеренко зачитал сводку:

— Отряды коммунистической молодежи сосредоточены вокруг Москвы. Регулярные соединения ОМОН и СОБР, подчиненные Воливачу, на местах своего постоянного назначения. Экипированы полностью. Армия на агитацию не поддается, брожений не наблюдается.

— У нас всей армии миллион человек, — буркнул Гречаный.

— Зато оживились передвижения незаконно проживающих в России представителей Юго-Восточной Азии.

— Сколько их? — осведомился Гречаный.

— По нашим сведениям, около тридцати миллионов. Люди Воливача обещают им, в случае победы Лемтюгова, легализацию. Если они будут помогать победе этого кандидата.

— Что Воливач обманет — не секрет, что живем от путча до путча — также, — вставил Гречаный. — Пока казачьего войска хватает с перевесом, но информация своевременная. Опережаем. Спасибо, Святослав Павлович. Твои опасения?

— В Китае грядет голодная зима. Причины: засуха в самом Китае, неурожай в Канаде и США. Полтора миллиарда голодных ртов.

— Хочешь сказать — три миллиарда кулаков?

— Вы читали донесение, — ответил Бехтеренко.

Читал его и Судских. Один из ближайших помощников Воливача выезжал в Китай. О цели визита данных нет, зато отмечено выдвижение китайских армий к нашим ближним рубежам. Сила китайской армии — численность. Когда-то в Корее американцы сдавали позиции не из-за трусости, не от нехватки боеприпасов: китайские солдаты накатывались волна за волной, и стволы пулеметов деформировались от безостановочного огня. Китаю пушечного мяса не жалко.

С горем пополам переварив Гонконг, обжегши глотку на Тайване, короткопалый китайский громила искал сатисфакции на сибирских просторах.

«Это не японские Силы самообороны, мобильные и прекрасно вооруженные, — думал Судских, — но полмиллиарда под ружьем чересчур».

— Что подскажешь, Игорь Петрович? — прервал его размышления Гречаный.

— Я думаю, надо попросить Луцевича пообщаться с Тамурой.

— На предмет? — сощурился Гречаный.

— Предмет один. Против голодающих хороши страждущие.

Гречаный осмыслил и ответил:

— Дельно.

— Японцы хотели бы поселиться на Камчатке и Курилах, — напомнил Бехтеренко.

— Пусть хотят. Я обещаю.

— Но, Семен Артемович, — приподнялся со своего места атаман Дальневосточного казачьего округа. — Наши земли.

— Нашими и останутся, — отрезал Гречаный. — Если мясорубка начнет, мало не покажется. Ясно? А героям сражений привилегии.

— В свое время Линкольн пообещал неграм свободу, теперь в Штатах на одного белого десяток цветных, — сказал, будто вычитал из сводки, Бехтеренко.

— Пора плодиться лучше, — съязвил Гречаный. — Подготовлен Указ о семье, и на каждого новорожденного русского выделяется по тысяче долларов ежемесячно до пятнадцатилетнего возраста.

— Ого, размах! — подивился донской атаман. — А что ж в долларах? Чай не при Ельцине живем.

— Пусть за рубежом высчитывают эквивалент и смотрят, чья взяла.

— А хватит долларов? — хитровато спросил Бехтеренко.

— Найдем, — махнул рукой Гречаный. — Пора этот порочный круг разрывать. Бабы не рожают — мужики денег не приносят, не приносят — врачам платить нечем, нечем платить — бабы не рожают. Вот как...

Порой, как например сейчас, Гречаного по-атамански лихо заносило. Найдем не означало, что деньги есть. Их едва хватало на штопку кафтана, оставшегося в наследство от прежних правителей России. Прав был Гуртовой, когда зачинал кампанию переселения, что способствовало рождаемости. Он умел изыскивать дотации безболезненно для казны, чем поднял свой престиж и остался в памяти не треплом и ловчилой, подобно перестроечным реформаторам, а истинным патриотом России.

И каково же было изумление Гречаного, когда Момот назвал покойника не реформатором, а дезинформатором без стеснений:

«Вы дилетанты, а Гуртовой подсунил вам дорогостоящий проект и бесперспективный, обреченный на провал. Не верите?»

С мелком у доски в кабинете Гречаного он в пух и прах разнес план Гуртового и пояснил, как в пух и прах разлетятся благородные начинания вместе со всей финансовой системой России.

Присутствовали самые доверенные соратники Гречаного, так настоял Момот. Влезать в закрома банков подобно вторжению в трансформаторную будку без резиновых перчаток.

— Средства на переселение находили сами люди? — вопрошал он.

— Сами, — подтверждали почти хором присутствовавшие.

— И давали живые деньги. Правильно?

— Правильно.

— Худо-бедно, из карманов и чулков россиян вынули около ста миллиардов долларов наличными. Так?

— Так.

— Для этой кампании Гуртовым был создан пул из самых крепких банков. В названии каждого присутствует слово «русский» или «российский». Люди по-прежнему доверяют этикеткам и о закулисных играх банкиров не знают. А Гуртовой

знал. Системой обязательств коммерческие банки повязаны со всей мировой финансовой системой, где железно действует правило ссудного процента, куда и направлялся отток российских денег, согласно прежним договоренностям. Никто не пытался вводить правило паритета, этой лазейкой и воспользовался господин Гуртовой для закладки мины замедленного действия. Люди приносили живые доллары и получали живые рубли. Доллары живьем уходили в чужие копилки, обогащая, кстати, и наши банки, а правительство запускало печатный станок для оплаты взятых перед населением обязательств. Какая бяка росла?

— Инфляция, — неохотно соглашались все.

— Но переселенцы только-только осваиваются, нужны деньги на расширение хозяйства, сельхозмашины, удобрения, на детишек. Значит, опять нужны средства, чтобы затраты в будущем окупились, опять включается что?

— Печатный станок, — уверенно отвечали Момоту.

— Нет, друзья мои, сначала включался подпольный насос мировой банковской системы, а мы были вынуждены запускать печатный. Вот, смотрите. — Момот развернул на доске диаграмму, прихватил ее защелками. На диаграмме лезла вверх кривая инфляции и падала вниз загогулина доходов. — Весь доход от водовода и экспорта съедают обязательства перед иностранными банками и необходимые импортные поставки. А люди выложили до последнего цента подкожные денежки, уехали в село в надежде на лучшие времена, а государство со дня на день скажет: выкручивайтесь сами, денег больше нет. Купил их Гуртовой посулами. И это накануне президентских выборов. Что может случиться в такой ситуации?

Все молча согласились. Момот казался всем злым волшебником, оплевавшим добрую сказку. Что случится? Бунт...

— Правильно. Сработает мина замедленного действия Гуртового.

— Что предлагает господин Момот? — нахмурившись, спросил Гречаный. Он ожидал подобной развязки, но силь-

на была надежда на стойкое русское «авось». Вот и Тамура дает миллиарды...

— Ответ прост. Провести ревизию деятельности коммерческих банков и установить, какую пользу принес каждый для восстановления России. Бьюсь об заклад, никто из этих зажавшихся епископов банковского бизнеса для подъема России не дал безвозмездно ни копейки, а проедать общее добро с выгодой для себя они помогали резво.

— А дальше что? — с прежним нахмуром спросил Гречаный.

— Лишить лицензий, — простецки ответил Момот.

— А дальше, дальше? — уже откровенно злился Гречаный.

— Бойтесь войны с банками? — вкрадчиво спросил Момот.

— Я никого и ничего не боюсь! — вспыхнул Гречаный.

— А зря, — не испугался Момот. — Неподготовленной войны бояться надо. Предлагаю поэтапную кампанию. Сначала одновременная проверка всех банков с арестом активов, а по результатам проверки предложить расплатиться за право называться российским. Цену назначить высокую, и вряд ли эти жмоты на хорошие начинания согласятся. Теперь можно отнимать лицензии и заново создавать всю систему с вхождением в мировую на паритетных условиях. Когда-то надо разорвать порочный круг, созданный фарисеями.

— Создавайте чрезвычайную комиссию и — вперед, — буркнул Гречаный. Он понял затею Момота и продолжал злиться, что уподобился недогадливому студиязу, сразу не оценил смелого шага. Вот так и Церкви бояться все, непонятно почему. Боятся банки за то, что они не отдают данных напрокат денег? Своих кровных?

«А ведь не случайно Христос выгнал фарисеев из храма: свою, мол, создавайте церковь», — улыбнулся этой мысли Гречаный. Со смелостью Момота он и сказал сейчас: деньги на потомство найдем; и пойдут они дальше на врачей и учителей. Надо разрывать круг...

— О Европе, Семен Артемович, вмешался в приятную паузу Гречаного атамана Новокшенова, ответственный за приграничные с Европой территории. — Казачки за неделю человек до десяти участников диверсий на водоводе отлавливают. Что делать?

— Нагаек нет, Анатолий Матвеевич?

— Да пацаны все больше, лет по тринадцать — пятнадцать!

— Пороть вместе с отцами! — разозлился Гречаный: испортили настроение. Судских глянул укоризненно: охолонь.

— Святослав Павлович, — обуздав себя, обратился Гречаный к Бехтеренко, — согласуйте с Советом Европы. Вода им в первую очередь необходима, пусть сами предложат вариант наказания диверсантов. Водовод в сфере их юрисдикции.

— Они их водычку из Дуная и Рейна заставляют пить, — со смехом вставил кто-то.

— Пусть поят, — ощерил усы Гречаный. — Еще вопрос, Святослав Павлович: какую позицию занимает Церковь?

— Так сразу не определить. Выжидают святые отцы, — ответил Бехтеренко.

— А брат Пармен? Он за кого?

— Нейтралитет. И договор наш блюдет.

Чернец Пармен с возведением в сан епископа стал сразу нужным для всех. И Воливач понимал, что недавний монах этот играет первую скрипку в церковных верхах, хотя их музыке, говорят, не обучен. Беседуя с Лемтюговым, Воливач настаивал отрядить к Пармену посланца для беседы с глазу на глаз. Согласится «духовный надсмотрщик России» помочь им, Церковь возвеличится неимоверно. «А если нет?» — вопрошал Лемтюгов.

«Тогда ни вам, ни нам».

Для посылки избрали одного из подручных Лемтюгова. Не верил он ни в Бога, ни в черта, зато выбить дух мог из кого угодно.

В келье Пармена он появился как черт. Костюмчик черный, птичьи лапки рук, ужимки чересчур заискивающие.

— Здравствуйте, отец Пармен.

Пармен не испугался вторжения «сынка», не удивился его наряду и повадкам. Монах не может говорить, что незванный гость хуже татарина и права гнать в шею не имеет.

— Мир вам, — ответил он и добавил для пояснения: — Только не отец я ни братьям, ни мирским. Чернец я.

— Как же вас величать? — явно втирался в доверие пришелец.

«Сильный человек объясняется без ужимок, слабый по углам ужимается, а коварный ужимается для того, чтобы скрыть истинные намерения», — мельком отметил Пармен и ответил:

— Никак не величать. Монаха не величают. Зовите Пармен. С чем пожаловали? Назовётесь?

Пришелец уселся на край тощей кровати, руки спрятал меж колен.

— Зовут меня Иван Сыроватов и пришел я от хороших людей просить помощи.

— Какая помощь надобна? — спросил Пармен и опять мельком отметил: люди с такими повадками — наемные убийцы.

— Истинно верующим людям не по нраву отсутствие патриарха и особенно нововведения властей.

— Как же я могу поспособствовать? — понял Пармен, что гость из людей Воливача и его отказа не примет.

— Вы можете, — вежливо и с нажимом ответил гость. — Истинные христиане хотят, чтобы слуги Божьи сказали свое веское слово по поводу творимых беззаконий в государстве.

— Слуги безгласны, я и вовсе гласа не имею. Прояснитесь как-то.

— Вы скромничаете. Если я скажу, что вас хотели бы видеть во главе Церкви, то вы ответите: саном не вышел и стажем. Посулами смущать не буду, но знать ваш ответ надо.

— В державе двоевластие.

— Станьте на одну сторону.

— На какую?

— Нашу, вестимо. Мы всегда поддерживали Церковь, за помощь упрочим ее власть.

— Надо полагать, коммунисты ищут помощи?

— А кто такие коммунисты в вашем понятии? — стал перехватывать инициативу незванный гость.

— Антихристы, — высказал свою позицию Пармен.

— Мы — верующие. И не коммунисты, — отмежевался гость.

— В какого Бога?

— В Иисуса Христа.

— Это не Бог, а посланец Божий. Сейчас Православная церковь готовится объяснить верующим сущую разницу. Ибо веру эту навязали русским людям извне, а истинная вера была у славян задолго до этой.

— Язычество.

— Не знаете, не говорите. Еще три тысячи лет назад славяне имели собственную письменность, законоуложения, а князь Владимир, потворствуя наложнице своей Малке, велел уничтожить все книги по истории славян и запретил упоминать их повсеместно.

Незванный гость смотрел скептически на Пармена, а Пармен на него — угрюмо, всем видом своим выказывая упорство.

Пришелец, привыкший исполнять конкретные приказы, уступать не собирался.

— Вам виднее, конечно, а пока веру в Иисуса Христа никто не отменял.

— Веруйте, — пожал плечами Пармен. — Никто не запрещает.

— Хотите сказать, она вам безразлична?

— Вы русский человек?

— Сомневаетесь?

— Сомневаюсь. Уже три года, как истинно русские люди несут всем весть о заблуждениях их, развенчивают навязанную веру.

— И это говорит служитель Православной церкви? — скривил гримасу гость. — Еретик...

— Знаете, господин хороший, я говорил вам уже, что к служителям Церкви не отношусь и помочь вам не могу, ибо верую в истинно русских богов и в русские святыни, погранные и забытые, а вам бы лучше к другим обратиться.

— Я сам знаю, куда обращаться, — с угрозой произнес гость. — Я передал вам просьбу истинно верующих христиан помочь им. Отказываетесь, так и скажите.

— Так и сказал: помогу истинно верующим, а не заблудшим.

Пришелец вынул руки из промежности и поставил кулачки на колени. Положение для него оказалось без запятых, а санкцию свыше получить надо.

— Поедете со мной, — нашел он выход.

— Не бузите, — спокойно одернул его Пармен.

— Это вы бузите.

— Еще нет.

— Тогда пошли, — поднялся пришелец, а Пармен в ответ демонстративно повернулся к нему спиной. Не долго думая, гость сунул руки Пармену под мышки, намереваясь рывком поднять его на ноги. — К Судских хаживали сами, к нам — поможем.

Он даже не понял, что произошло в следующий момент. Монах чуть уклонился влево, железные тиски пришельца раздвинулись, а сам он обнаружил себя на каменном полу. Затылком он чувствительно приложился к каменной плите, лежал с пламенной искрой в глазах. Очухавшись, он вскочил, искря глазами, и встретил угрюмый сторожащий взгляд монаха.

— Не советую боле. Это и есть русская буза. Она покрепче будет кунг-фу и прочего, русскими богами дадена, потому и необорима.

Единоборство проиграно. «Испугался бесенок и к деду...»
Действительно, стоит доложиться обо всем Воливачу.

4 — 18

Воливачу никогда не удавалось скрывать эмоции. Он отменно разозлился на Сыроватова, орал, махал кулаками, обзывал его мудаком, которому не в чекистах служить надо, а за коровами лепехи убирать. Орал Воливач и матерился так,

будто на дворе сталинская эпоха и мат с кулаками — первейшие двигатели прогресса.

Выгнав его из кабинета, он попутно вставил пару незаслуженных пистонов своим помощникам, велел оставить его в покое или он разгонит всех к чертовой матери, а то и засунет их в энное место у этой матери.

Отдышавшись от душившей злости, он присел на обычный стул у стола заседаний. Почему-то стало безразличным свое кресло и даже удобный диван в комнате отдыха.

Воливач впал в прострацию, понуро опустив голову. Дело его жизни давало ощутимую трещину. Столько замысловатых комбинаций проведено, столько хитрющих шагов сделано, и вот он весь голый на обозрении тех, кого дурачил. Переиграли его терпением.

Дело его жизни... Вряд ли кто догадывался, каких трудов стоило направить выздоровление страны в нужное русло. Гречаный может приписывать себе успехи, Гуртовой — себе, и только он, подобно кукловоду, знал любую веревочку, ниточку, за которые дергать в нужный момент. К чему слава, он перехитрил всех, быть режиссером интереснее, чем заглавным артистом. Мудрая сталинская школа.

В молодости он вывел для себя главное правило. Публика восторгается звездами кино и театра, певцами, танцорами и не желает знать тех, кто зажигает эти звезды. Актеры всегда декламировали чужие мысли. Чаше всего они были глупцами по жизни, скоморохами — кичливые кумиры толпы. Завороженная глупостью толпа движется в направлении, указанном умными режиссерами. Ведут ее скоморохи по велению невидимого Бога. Александр Македонский завоевал полмира не силой меча и умом полководца, он подчинился естественному ходу событий, подчинился гласу свыше.

Не труды философов повлияли на Воливача в юности, а слова профессора медицины, когда Витя Воливач надумал стать врачом: «Болезни предопределены! Одному уготовано маяться желудком, другому — почками, третий — потенциальный носитель рака. Случается, люди ничем не болеют

или справились с целым букетом. Это исключения!» «Что же является правилом?» — спросил его любознательный первокурсник после лекции. «Каждым человеком управляет планета, его личная по гороскопу. Зная особенности ее, можно без труда рассчитать параметры предполагаемых заболеваний, грамотно сделать диагностику и профилактику. Болезнь лечат, когда ее еще нет».

Это запало в душу Вите Воливачу, но спросил он о другом: «А чем больна сама Земля?» Профессор посмотрел на него с особым вниманием: «Умный вопрос, юноша. — И за ответ профессор еще пять лет назад потерял бы голову, но была оттепель, конец пятидесятых: — Земля неизлечима, начало ее болезни прозевали с появлением христианства. До этого все почитали бога-Солнце всяк по-своему, и вдруг появился богочеловек. Если растение тянется вверх, это закономерно; принуждать жить его в темноте, значит, ослабить жизненные силы и продукт его роста будет ядовитым». «Но прогресс! Он ведет человека вперед! Вверх!» — захлопотали вокруг говорливые молодые умники. «Абсолютно верно! — остановил их профессор. — Скормите корове стебли проросшего картофеля и убедитесь в силе вашего прогресса». — «Она сдохнет!» — «Как и все мы», — развел руками профессор.

Его посчитали сумасбродом, одуревшим от свободы мнений, но Вите Воливачу его слова запали глубоко в душу. Он бросил институт, не дотянув до первой сессии, перевелся на астрономический факультет. Отец от души смеялся: «Звездочетов в нашей семье пока не водилось. Давай развлекайся. Все равно будешь топтать мою дорожку, такая у тебя судьба». Старый чекист, знаток сталинских интриг, отчего и умело выпутывался из них, определил путь сына заранее. Сын ушел дальше отца, познав орбиты звезд.

Россия болела своими болезнями, прочий мир своими, генерал Воливач разработал собственный метод лечения. К масонам он не примкнул, хотя намекали присоединиться, в партию вступил как положено: надо примыкать к какой-то партии сатанистов, чтобы стать богом. У него получилось

буквально все: сложился круг нужных профессионалов, на-топтаны нужные дорожки, заложены тайники, проделаны хитроумные пасы, устранены одни, появились другие, нити оставались в его руках.

Случай... Происшествие с Судских было тревожным симптомом. Передозировка снадобья. Дальнейшее грозило утратой контроля. Так и случилось, помимо его воли.

Замахиваться на Божьи вериги никому не дано, если не пожелает этого сам Создатель.

«Что ж делать, как выпутаться?»

Воливач перебрал в уме возможные комбинации и остановился на одной: нужен очень мощный союзник.

Решение созрело.

Не поленившись, он вышел в приемную и с несвойственной ему вежливостью сказал дежурному генералу:

— Найдите Лемтюгова. Очень важно.

Лемтюгов отыскался через час. Оповещение получил сразу, а спешить не стал. Пока маникюрша управилась с руками, педикюрша — со своими конечностями, а минетчица — со своей.

По сотке он связался с генералом, его доверенным, которого Воливач как раз просил разыскать Лемтюгова:

— Сумароков, чего там бычку нашему надо?

— Бушевал. У Сыроватова, статья, не вышло с монахом.

— Чего ж не грохнули?

— Грохалка оказалась слабоватой.

— Вона как... Чего меня тогда?

— Шеф ход надумал.

— Так и ходильники сломаются. Ладно. Через полчаса доложи, выехал. Я пока с делишками разберусь.

Не подчиниться Лемтюгов не мог, а торопиться незачем. Сейчас Воливач никто без Лемтюгова, да и вчера был никто, и позавчера.

«А злить не стоит. Бык, он и есть бык».

Вполне послушным он предстал перед Воливачом.

— Вызывали?

- Не дури, Паша, без подначек тошно.
- Чего спешного такого?
- Чего... Того! Церковь нас не поддержит.
- Ну, бабушка надвое сказала. Сам говорил: Гречаный еще не казаки. А я добавлю: Пармен еще не Церковь.
- Поздно установки менять.
- Чего надумал?
- За подмогой хочу к соседям обратиться, — промолвил он медленно, изучающе глядя в лицо Лемтюгова: поймет с ходу или вынудит пояснить?
- Смотря к каким, — сделал мыслящую физиономию Лемтюгов.
- Паша, не придуривайся. К китайцам. Это последние наши союзники по партии.
- Они и без нас готовы.
- В чем заминка?
- Япошек опасаются.
- Так подтолкнуть надо! Смотаешься в Пекин?
- Чего я там забыл? Воззвание от народа вполне сойдет. Как в Афган въехали? То же самое. Народ, мол, просит. Дай команду нашим красноперым товарищам.
- Все мы красноперые.
- Ну не скажи. Я с прошлым порвал и возвращаться не хочу.
- А если опять красные придут? — подшучивал, но с толикой ехидства Воливач.
- Стрелять гадов буду за все хорошее. На хрен они нужны? У меня прочное дело, народ верит — чего бы я с ними делился?
- А за помощь?
- Не смейся, Виктор Вилорович. Ты сам делиться будешь?
- Ладно, Паша, — надоело Воливачу. — Хватит глупостей. Надо обговорить с китайцами: кто, куда, зачем? Не так, как с корейцами в девяносто девятом. В Китае голод.
- Ясно. Давай в пару Сумарокова, в Иркутске с китайцами пересечемся. Всем приятно будет.

Воливач успокоился полностью. Лемтюгов не Судских, так где сегодня умных и честных найти? Не до жиру...

Через три дня Лемтюгов сообщил из Иркутска: «Товар продан, вылетаю в Москву».

Воливач дожидался Лемтюгова у себя на даче.

Была суббота, день показательных процессов над знахарской шушерой. Люди с удовольствием смотрели эту программу — «Из зала суда», вот это было поле чудес так «Поле чудес»! Момот лично выводил чудодеев на чистую воду, и, как ни жаль было Воливачу лишаться своих агентов, выступлениям обер-прокурора Момота он радовался по-детски. В субботу с двенадцати до трех часов дня практически все население России прилипало к экранам телевизоров.

— Скажите, уважаемая, — спрашивал подсудимую Момот, — какими пасами вы делали мощный приворот? — В черной мантии и четырехуголке, он выглядел внушительно и пугающе для подсудимых. Бабы млели от него, популярность была неимоверной.

Поначалу подсудимые артачились, намекали на Божьи силы или дьявольские, доказывали свое энергетическое превосходство надо всеми, включая самого Момота; некоторые грозились превратить его в лягушку или кузнечика, но однажды аудитория ахнула, увидев, как сама колдунья превратилась, переставшись, в козочку. Воливач не поверил и правильно сделал, так он на миллионы телезрителей единичка. И Момот единственный. Колдуньи писались прямо в зале...

Так о мощном привороте:

— Я делаю так, потом так, — руками показывала пожилая тетка этот самый мощный приворот, и Воливач сразу понял: эту глупую бабу, ради пары копеек пошедшую на охмурение, Момот срежет сразу.

— А руки мыли перед пасами?

— Когда как, — простодушно отвечала тетка. — Тут что душа, дух чтобы изошел, душа, она легкая, к ей особенно надо.

— Вы с грязными руками забирались в человеческую душу? — ужаснулся Момот вполне естественно и обратился к судьям: — Высокочтимый суд, трое клиентов подсудимой показали, что после общения с ней начали страдать острым расстройством желудка, двое нажили экзему, и масса заявлений, — потряс он над головой кипой бумаг, — показывают, что никакого мощного приворота не случилось, а троих пациентов даже избили мужа при-во-ра-чи-ва-е-мых, — закончил он по слогам.

«В Якутию на поселение», — вынес свой безошибочный приговор Воливач и не стал дожидаться конца этого дела. Пока начнут рассматривать другое, он сочку попьет, бутерброд съест перед новым спектаклем. Народ на гадалок доносил хорошо, требуя возмещения моральных и материальных убытков. Их возмещали. За счет гадалок. И хлеба получил народ, и зрелищ.

Вторая подсудимая оказалась классическим представителем черной магии: акульки глаза, тройной подбородок, короткая шея и мощные тела под бесформенным хитонем с блестками. Подчеркивала наряд магэссы шикарная прическа. Воливач оставил и сок, и бутерброд: от таких магэсс был самый смак.

— Где это вы такую чудесную прическу делали? — задал первый вполне невинный вопрос Момот.

— Я посещаю салон Александра Тодчука. Я экстрамаг и могу доверить свою голову только экстрамастеру, — ответила она с глубоким значением.

— Надо же, — изобразил глуповатость Момот. — Я вот имею диплом Бернштейнской академии, а стригусь где попало. У вас тоже диплом Бернштейна?

— Подлинным магам диплом ни к чему, — холодно ответила магэсса.

«Ну, держись, — потер руки Воливач, — таких Момот стирает в порошок».

— А где ж это вы обучились экстрамагии?

— Я потомственный маг. Моему роду триста лет, — цедила магэсса, полагаясь на свои исключительные способности.

— Подсудимая, — начал атаку Момот, — перечислите род по отцовской линии. — Ни одна из гадалок не могла выстроить четкую линию своей защиты. Момот изыскивал всяческие лазейки.

— Это тайные имена, их в присутствии не называют, — выкрутилась на первый случай магэсса.

— Я помогу вам, — расщедрился Момот. — Ваш отец, Сквориков Николай Ильич, работал слесарем в жэке. Спился, попал под трамвай. Когда он успевал заниматься магией, если не просыхал?

— Как вы можете так о нашем горе! — давила на психику магэсса и лицо ее от холодно-надменного становилось более приземленным. — Папу слуги дьявола утащили, он самому Брежневу чакру направлял.

— А мунью? — грозно спросил Момот. — Почему он про мунью забыл? Кто ему дал право отделять чакру от муньи?

Магэсса ушло догадалась, что это издевка, и спрятала глаза в платочке, чтобы выиграть время.

— Вы будете отвечать за грехи отца. Земным судом или небесным наказанием?

Магэсса посчитала, что может переиграть Момота:

— Судите земным.

— Статьи нет. А за свои отвечайте сами. Кстати, ваш папа с пятнадцати лет стоял на учете в вендиспансере. Что ж этот маг себя от хронического триппера не излечил? — спросил Момот и деловито осведомился: — Перейдем к делу?

— Не надо, — раздалось глухо из-под платочка.

— Правильно, — удовлетворенно сказал Момот. — Де-душка всю сознательную жизнь стучал на ЧК, ГПУ, МГБ и КГБ. Кличка «Орел». С восьми утра до шести вечера он вышлся над прилавком магазина вторсырья. Если вы поведасте о его магических сеансах, готов выслушать. Суд зачет вашу искренность.

Молчание.

«На десятку за Северным полярным кругом тянет», — отметил Воливач, весь в зале суда.

— Может, материнскую линию копнем?

Всхлипывание. Потом бормотание: «Безвинную судят, людям помогаю...»

— Тогда другой вопрос бескорыстной помощнице увечных и обиженных Богом: мочу для священного обтирания клиентов брали свою или посторонних? Может быть, святого Онания? Говорите правду, к вашим выкрутасам я готовился тщательно.

— Дочери, — зарыдала магэсса по-настоящему. Она поняла: десятка корячится и не прическу надо было готовить, а защиту.

Момот хитро обошел уложение об адвокатской защите: он выделил суды в разряд относящихся к не познанным полно энерго-информационным процессам и предложил называть их гражданским расследованием. Если подсудимый нарушал Уголовный кодекс, он автоматически попадал под его статьи. Чаще всего так и случалось.

— Высокий суд. Вот справки из того же вендиспансера, где стоит на учете дочь подсудимой, которая от рождения страдает наследственной гонореей. Впрочем, и мать на учете...

Дали зал, зашумевший угрожающе.

— Тихо! — стукнул молотком по столу судья. — Удалю всех!

Ни в коем случае: попасть в зал заседаний стоило очень дорого, дороже концерта с первыми звездами. Установилась тишина.

— На лекарство же надо, будьте милостивы! — в голос поведала магэсса. За магию не наказывают, за триппер бьют нещадно.

— Вина подсудимой доказана! — Другой удар судейского молотка завершил и это дело, к неудовольствию Воливача.

«Эх, надо было поморить!» — досадовал он, как истинный рыбак на сорвавшуюся рыбину.

Третьей подсудимой стала молоденькая свистушка. Оп-
нятно одетая, светленькая, держалась она очень мило.

«Дюймовочка!» — восхитился Воливач. Намечался коми-
ческий спектакль: Момот умело готовил программу.

— Подсудимая, — обратился к ней обер-прокурор, — в
чем заключались сеансы вашей магии?

— Я жрица любви, мой сеанс — минет. Что тут плохого? —
искренне и вежливо отвечала она.

Момот даже стушевался:

— Не знаю, не пробовал...

— Это очень хорошо, господин прокурор, — отвечала де-
вушка.

— Это в каком смысле?

«Во! — потер руки Воливач. — Самый смак!»

— В прямом, Георгий Георгиевич, — назвала она Момо-
та по имени-отчеству, чем еще больше понравилась и судья-
м, и залу. — Это обычная магия экстаза. Я и объявления в
газеты давала: даю радость и расслабление, магия храма Ас-
тарты. Никого не обманула.

«Давай-давай! — подбадривал Воливач. — Дави обер-про-
курора!»

— Допустим, — отвечал, собираясь с мыслями, Момот. —
Но вы нарушали Закон о запрете половых контактов по сго-
вору вне соответствующих мест.

— Георгий Георгиевич, вы ошибаетесь, это не половой
контакт, это французская любовь! И если бы хоть один мой
клиент пожаловался, я готова понести суровую кару, — очень
прочувственно произнесла она. Аудитория хотела не смеять-
ся, а ликовать от прилива чувств. Мужчины — по-своему,
женщины — от природной стыдливости, что они красиво де-
монстрировали.

— Но вы принимали и женщин...

— Да, многие хотели научиться. Я и учила. Глупых — на
морковке, умных — на практике...

— Вы открыли школу разврата? — ужаснулся Момот.

— Не открывала, говорила учиться на мужьях и любимых. Мужчин надо любить и в непогоду, — наставительно ответила она, и мужская половина ответила гулом одобрения.

— В таком случае выбирайте, где будете отбывать наказание: Таймыр или Якутск?

— О-о, — испугалась девушка. — И там с этим плохо?

Зал взорвался хохотом, а Воливач схватился за бока от смеха.

— Тихо! — зычно остановил повальное веселье председатель суда. — Дайте слушать!

Зал притих не от угрозы выдворения: многих одолели ко-
лики.

— Так все же где? — едва сдерживался Момот.

— Где скажете, — ответила она, и зал торжествовал ее предстоящую победу: повинную голову меч не сечет. — А может, я останусь здесь? Я накопила денег, учиться пойду, работать...

— Это решит суд, — слышалось сочувствие в голосе Момота. — И если вы не станете больше работать осведомителем в конторе Воливача.

«Чтоб ты скис!» — разозлился Воливач. Не первый раз Момот планомерно бил его под дых.

— Меня заставил сам господин Воливач, — тихо ответила она, и Воливач выпучил глаза: убей Бог, он впервые видит эту свистушку!

— Как это случилось? — спросил Момот в напряженной тишине.

— Однажды он пригласил меня для услуг в офис, даже машину прислал...

— Воливач — в офис? — переспросил Момот. — Вы не ошиблись?

— На Сивцев Вражек, — подтвердила девушка. — Там другие девочки были.

— Обождите, — остановил ее Момот: Воливач славился своим пуританством. — Как он выглядит?

— Как Воливач. Седоватый, низковатый.

— Вы не путаете?

— Какая разница? Я фамилий не спрашиваю.

«Лжет, курва!» — вскочил Воливач.

Момот догадался.

— Вы раньше видели его? — спросил он.

— Только на плакатах к выборам.

— Деточка, седоватый и низковатый — это Лемтюгов.

— Ну и что? Я все равно больше не буду сотрудничать. Обещаю.

Настроение Воливача сразу испортилось, телевизор не пле- нял больше. Один праздник был в жизни, и тот испортили.

«Где же эта курва Лемтюгов запропастился! — сжимал от гнева кулаки Воливач. — Развлекается, сука, от моего имени!»

Разврата Воливач не терпел, за что многих подчиненных убрал с Лубянки без оправданий. Была нужда, ехал к посто- янной любовнице. Жена умерла десять лет назад, еще при ней он завел этот порядок: жена страдала эрозией матки.

Позвонили по сотке: Лемтюгов прилетел, направляется к нему.

Сообщение оторвало от неожиданно печальных мыслей. Нелепо сложилась его семейная жизнь, нелепо погиб в Чечне единственный сын, и невестка увезла внука в Архангельск к матери, вторично вышла замуж за рядового таксиста...

«Черный вы какой-то, папа Виктор, изнутри черный. От- того и болеют рядом с вами и беды», — откровенно сказала она на прощание, и Воливач не обиделся на северянку: она всегда была честной, под стать сыну... А у него трудная ноша, обижаться не пристало.

И нет его вины. Живет так, как понимает жизнь, а жизнь — процесс выживания. Заработал — потратить, лишнего не бери.

Несмотря на хохот с экрана, он к телевизору не вернулся. Полил любимые восковые плющи, дожидаясь Лемтюгова.

Встретил его без эмоций.

— Договор таков, — сообщал о поездке Лемтюгов. — Ки- тайцы начинают наступление от Иркутска до Хабаровска, а

мы начинаем освободительную борьбу от Питера до Екатеринбурга. Заверил твоим именем.

— Какое наступление? — ошеломило Воливача.

— Виктор Вилорович, ты чего невинные глазки делаешь? Сам послал договориться, я и договорился.

Воливачу показалось, что сейчас его спалит внезапный жар и пожрет дотла, голос перешел в рев:

— Ты что натворил!

— Ты чего орешь? — вскинулся Лемтюгов. — Как грязная работа — Лемтюгов? Чтоб ни пятнышка на тебе? Вместе заварили кашу, вместе отвечать будем!

— Под трибунал отдам!

— В гробу я тебя видел, — пренебрежительно ответил Лемтюгов. — Хватит тебе петлять.

— Ах ты... — двинулся на него набыченный Воливач. Лемтюгов выхватил пистолет.

— Стоять!

Реакция оказалась обратной. Вид оружия взбесил Воливача окончательно. Никогда в жизни в него не целились. Он взревел и прыгнул на Лемтюгова. Выстрел прозвучал. Не целясь, Лемтюгов вогнал пулю в лоб нападавшему. Непонимающая гримаса — и следом Воливач рухнул на пол.

Осторожно косясь на тело, Лемтюгов обошел его стороной, подумал, присел на корточки и пощупал пульс. На нуле.

— Натворил дел, дурак...

Лемтюгов обтер рукоятку пистолета и вложил его в ладонь Воливача. Не долго раздумывая, он вышел наружу и сообщил своей и охране Воливача:

— Воливач застрелился.

Охранники восприняли это спокойно. Похожего они ожидали последнее время. Король умер...

— Павел Григорьевич, как поступить?

— Вызывайте неотложку, милицию, чего там в таких случаях надо. Обычная смерть трусливого засранца.

Самоубийство шефа разведок Лемтюгов комментировал сам в вечерней программе. Внезапная смерть шокировала

многих, но куда более ошеломляющим следовало сообщение потом:

— Самоубийство одного из высших руководителей государства не случайно. Последнее время Воливач вынашивал план захвата власти насильственным путем. Не последней в этих планах была иностранная интервенция. Чтобы этого не случилось, нашим службам пришлось проникнуть в самую гущу событий. Я благодарен всем, кто ценой собственной жизни предотвратил страшные последствия.

Выступление было чрезвычайным, вместе с Лемтюговым в студии находился Гречаный. Он сразу понял, что «ценой собственной жизни» расплатились с Лемтюговым участники переговоров. Концы в воду. Предоставленным документам Гречаный не поверил, как не поверил и вполне логичным доводам Лемтюгова, но случай сам шел в руки. Если подличают, прикрываясь, одни — можно использовать случай по назначению.

— Нас давно настораживали передвижения китайских войск вдоль российских границ. Зондаж по дипломатическим каналам пользы не дал. Зато сейчас могу сказать россиянам: завтра в Москву прибывает японская делегация во главе с премьер-министром для подписания мирного договора и договора о взаимопомощи.

Без комментариев. Смысл дошел до всех. Нос Лемтюгова опустился. Теперь его самого обвели вокруг пальца, его методом.

За день до подписания долгожданного договора в столицу приехал Тамура вместе с Луцевичем. Точнее, Луцевич из Швейцарии полетел в Японию и привез Тамуру загоя: Хироси Тамура официально входил в состав делегации — самый богатый человек планеты.

— Я не вижу моего друга Игоря, — оглядел встречающих Луцевич. Гречаный замялся, Бехтеренко потупился. — Не понял...

— Увидишь, — буркнул Гречаный. — Позже.

— Семен, говори сразу, — увлек его в сторону Луцевич.

— Да ничего особенного, — стыдился все же поведать правду атаман. — Влюбился козел старый. Отошел от дел.

— Только и всего? — оттаял Луцевич. — Это жизнь, а я-то о противоположном подумал.

— Какая жизнь? Мы на него так надеялись! Слушай, — зародилась идея у Гречаного. Он вообще-то целиком надеялся на приезд Луцевича. — Помоги вызволить мужика?

— Господи, да что за ведьминские дела!

— Ведьминские, — подтвердил Гречаный. — Такая краля выискалась! Игорь снял дачу в Карпово и безвылазно с ней, из дому не выходит, тощий стал!.. Еще и охрану выставляем, — жаловался он. — Племянница Момота, а Георгий за Судских и роман их вдвойне отрабатывает.

— Какое кайфовалище! — расхохотался Луцевич. — Замена есть, и генерал наш влюбился! Давай-ка, Сема, занимайся нашим японским другом, а я ненадолго к Игорю махну. Весело тут у вас: китайцы под боком, а Игорьку шлея под хвост. Исхудал, говоришь?

— Не то слово, — кивнул Гречаный. — Напрочь на семя изошел.

Гречаный доставил Тамуру в свой загородный особняк, предложил отужинать накоротке. Тамура выразил согласие. Гречаному он доверял, а известие о романе Судских воспринял тепло: еще один человек из его друзей не останется сирым.

Освежившись с дороги, Тамура вышел в гостиную к столу. Гречаный старался, был очень предупредительным.

— Давайте проще, — сказал Тамура. — Я ведь друг вам?

Гречаный без слов обнял Хироси.

По глотку сухого вина за встречу и без экивоков перешли к животрепещущей теме. От Хироси зависела судьба сограждан. Переселяться в Россию или еще куда зависело от его решения.

— Как долго продлится двоевластие в России?

— До выборов, — прямо ответил Гречаный.

— Но пока неизвестно, кто победит.

— Я не любитель бравады и отвечаю честно: после смерти Воливача и заявления Лемтюгова наши шансы практически равны.

— А почему бы не перенести выборы? На границе напряженная ситуация, вас поймут.

— Не поймут. Люди устали ждать, проявляют открытое недовольство, даже казаки недовольны. Лемтюгов может воспользоваться случаем и спровоцировать бунт. И мы никак не договоримся с обитателями Зоны. Они категоричны: не сможете решить проблемы без оружия, достанется и правым, и левым. Без разбора.

— Они действительно способны на это?

— Приходится верить. Неделью назад Лемтюгов распорядился послать на разведку в Зону два штурмовых вертолета. Сгорели, как спички, еще на подлете. А в Заире особенный случай, не знаю, как увязать: прекратились столкновения враждующих племен из-за дизентерии. Как в атаку, так солдат понос обуревают. Я порой крепко задумываюсь, что за сверхъестественные силы подчиняются обитателям Зоны? Пока Зона — единственный сдерживающий фактор против откровенной резни в России. В стране много иноверцев, иностранцев, готовых упрочить свой статус во время смуты. И все требуют выборов.

— Тогда, если верить фактам, агрессия вам не страшна?

— А бог ее знает. Не берусь предполагать, — задумался Гречаный на момент. — Почему же тогда диверсанты-сербы вырезали беспечно спящих солдат-хорватов? Другая вера? Не думаю. Мне кажется, сверхъестественные силы не защищают беспечных, тех, кто совсем уверовал в защиту их.

— Господин Гречаный, а какова судьба того мальчика в Зоне? — любопытствовал Тамура, и неспроста. Гречаный решил открыться:

— Сначала ребенок был под надзором Судских, потом его перевезли в другое надежное место.

— Вы не корите Судских, — вступился Тамура. — Любось не подвластна законам. И кто его избраница?

— Племянница Георгия Момота, — не открывал тайны Гречаный, все об этом знали.

— Это отец микросенсорики? Я хорошо знаком с его теорией.

— Точно, — кивнул Гречаный, не придав словам Тамуры значения, и заспешил, чтобы не продолжать неприятную для него тему. — Очень смысленный мальчуган. Восемь лет, а как умно рассуждает! Уже неплохо говорит на немецком, английском, даже японский взялся осваивать. Давно пишет, читает, а как считает в уме!

— Феномен.

— Еще какой! Для восьмилетнего возраста развитие юноши...

Рассказ Гречаного прервал сигнал аппарата мобильной связи. Кто бы мог быть? Просил не беспокоить. Не иначе случилось ЧП...

— Слушаю, Гречаный, — оставил он веселость тона.

— Семен, а друзей в гости не приглашаешь?

— Ты, Олежка?

— Кто ж еще? И гамузом.

— Ну ты кудесник! Ты с какого боку к нему подъехал?

— К боку его кралечки. Эх ты... К мужику через желудок подъезжают, а к даме через ушко. Гони вертолет, Сема!

Проницательный Тамура спросил, хотя русского языка не знал:

— Как я понял, господин Луцевич везет господина Судских?

— Еще и с подругой! А как вы догадались?

— Я хорошо понимаю мимику и нейтронное колебание поля мозга.

— Да? И что это такое?

— Это древнее искусство.

— Японское?

— Оно одинаково известно многим. Господин Луцевич владеет им безукоризненно. Это помогло нам сблизиться

сразу. Древнее русское искусство боя — «буза» — основано на этом.

— А в чем его секрет, Тамура-сан?

— Секрета нет. Это качество, доступное немногим. В своем роде отклонение от норм развития в лучшую сторону. Животные, например, обладают им, заранее предчувствуют опасность. Оно зависит от верхних долей мозга. У Луцевича они развиты хорошо, поэтому он без усилий уговорил Судских.

— Да он подругу Игоря уговорил, — не хотелось Гречаному разочаровывать японца, но сорвалось с языка.

— Вы не знаете, — отрицательно покачал головой Тамура. — Женщина тут ни при чем. Ни с того ни с сего она бы не поехала. Сами спросите господина Судских. А если вовсе быть откровенным, это господин Момот дал лекарство господину Судских под видом своей племянницы.

Гречаный посмотрел недоверчиво и недоуменно одновременно.

— Это так, — ответил на молчаливый вопрос Тамура. — Вы знаете теорию микросенсорики господина Момота?

— Вскользь.

— А она как раз о прогнозировании человеческих поступков, их предопределенности, которую можно привить роботам. Он очень правильно рассчитал дозу именно нужного лекарства и дал ее господину Судских, чтобы вернуть обществу, а господин Луцевич стал блестящим нейрохирургом благодаря этой теории. Это уже боги, господин Гречаный.

— Себя вы к ним не причисляете.

— Это необязательно, — скромно ответил Тамура. Он помолчал и закончил неожиданно: — Мне очень жаль господина Воливача. Лемтюгов — грубый ремесленник, он может нарушить тонкие нити.

Гречаный так ничего и не понял. Стрекот заходящего на посадку вертолета оторвал его от содержательной беседы.

И откуда только берется пыль?..

Изнашиваются вещи. Изнашиваются связи вещей.

Внутренним чутьем Лемтюгов осознавал: медлить с переворотом нельзя. Обладая изворотливостью хищного зверя, он точно определил момент прыжка на жертву. Вчера было рано, завтра будет поздно. Приезд японской делегации останавливал спонтанное развитие обстановки. Ценности сегодня, завтра превратятся в побрякушки, нынешняя сила может превратиться в мышцы атлета-импотента.

Необузданный поступок Воливача стоил Лемтюгову потери ключей от партийной кассы; кроме него, сейфовых кодов никто не знал. Бесспорно, половину средств выудил с закрытых счетов Гуртовой, а потом Бехтеренко со своими огольцами поскубал не слишком терпеливых соратников, решивших вернуться, но суммы оставались все еще внушительными для подкормки смутьянов. Касса есть, ключей нет.

Трезво взвешивая ситуацию, Лемтюгов пришел к выводу, что выиграть решающую партию у Гречаного можно объявлением шаха.

Какими силами он обладал?

Основная пешечная масса, как всегда, состояла из обиженных и недовольных властью, из тех, кто был всем и стал ничем, затем масса желающих побузить, кому что красные, что белые, что водка, что пулемет, лишь бы с ног валило. Такие сгодятся для устрашения нервных и боязливых. Готовые зондеркоманды. Дело — за идеей для них.

Боевой авангард у него остался от Воливача — отряды СОБРа и ОМОН. Их мало, с казаками им тягаться смысла нет. Казаки станут сражаться не за посулы и премиальные: им за державу обидно. Эта обида выльется в организованное истребление смутьянов.

«Но если устроить драчку, не задевая их, тогда и повода не будет вмешиваться? — сам себя спрашивал Лемтюгов,

изыскивая лучший ход для объявления шаха. — Чего найти такого, чтобы казаки хотя бы в стороне остались?...»

Непременно есть! Ход потихоньку складывался в голове Лемтюгова: нужна объединительная идея.

Для начала он перебрал в памяти сведения о коммунистических партиях. Те оставались союзниками, однако союз этот стал аморфным. На словах они были оппонентами новой власти, на деле вмешиваться в переворот не станут. Нынешние отпрыски вчерашних, разворовавших страну, считали себя коммунистами постольку-поскольку. Жили обеспеченно, имели деньжата и особняки, хоронились за стальные двери и охранников от живущих на зарплату и составляли касту новых дворян, новых русских.

«Конечно, они могут драпануть за бугор в горячее время, но это уже не та гора, за которой можно отсидеться в смуту: там тухнет свет и протухают продукты, там дурные болезни и вода... А вчера сообщили: стеклопосуда ни с того ни с сего превращается в пыль, кастрюли из металлокерамики новые прогорают...»

Некуда бежать.

«А чтобы их привязать к себе, тоже объединительная идея нужна. Страх, например, — лучший союзник».

Рассчитывая ход, Лемтюгов получил уравнение с двумя неизвестными величинами: как заставить казаков помогать и не вмешиваться, а новых дворян — вмешаться и помогать. Китайская карта для объединительной роли хороша вначале, а в конце игры как бы без штанов не остаться. За спиной Воливача он готов был на сговор хоть с сатаной, а теперь сам стал хозяином и пускать китайцев в Россию не хотелось ни под каким видом. Те не за идеей придут, а за морковкой.

Об иноверцах Лемтюгов старался не думать. Те сразу дали понять, что никуда вмешиваться не будут и поддержат только победителя.

Осталось победить. Надо.

Лемтюгов перебрался в кабинет Воливача. Никто не воспротивился этому. Его давно считали истинным хозяином Лубян-

ки. Холодным ноябрьским утром он чувствовал себя молодым Наполеоном при Аустерлице, когда до Ватерлоо еще далеко. Машина, созданная Воливачом, работала целиком на него и внушала уверенность. От причастности к китайской авантюре он отмежевался и надеялся, что его подлянка решится как-то сама собой, а он останется в стороне.

Поглядев в окно на пустынную в ранний час площадь, он увидел в зыбком свете уличного освещения казачий разъезд. Через минуту на площади появился другой, третий... Казачьи лошадки позвякивали трензелями на ходу, неслышные за стеклами окон, а для Лемтюгова загремели они колоколами громкого боя.

--- Сыроватов! — крикнул он в интерком. — Что за новости? Почему казаки в городе? Был же Указ!

— Запрашивали Гречаного, никто не вышел на связь!

— А чтоб вас! — ругнулся Лемтюгов. — Все самому надо делать!

По вертушке он связался с Гречаным:

— Семен Артемович, чего казаки в городе?

— Как чего? — бодрым голосом откликнулся Гречаный, и бодрость эта сулила Лемтюгову неприятности. — Неинтересные сведения, Павел Григорьевич. Казахи пропустили китайцев к самой границе, теперь до самого Гродекова китайские дивизии, а согласно приказу Воливача, введен режим военного времени. Спасибо, что ты омовцам дал команду быть наготове.

«Издевается, собачий хвост!» — понял он по голосу Гречаного. Ситуация подсказывала говорить повежливее:

— Чего нам китайцы? Шапками закидаем.

— Ой ли? Маршал Сунь Хуйчай обещал тебе десять миллионов под ружьем первой волны, — с явной издевкой говорил Гречаный.

— Брось, Семен Артемович, то игра была, я ж чист...

— Не заиграйся, Павел Григорьевич. А если черту перейдешь, велю пороть прилюдно на площади, как раз напротив

окон твоего нового кабинета, — посулил Гречаный уверенно и отключился.

Взбешенный Лемтюгов заметался по кабинету. Наполеоновские планы скукожились до обычной пакости, и, как повелось в его натуре, следовало поискать норку для укрытия.

«Не принимает меня всерьез атаман, ладно...»

Он дал распоряжение отвести омовальню в казармы за чертой города. Выждал полчаса и опять выглянул в окно. Казаки с площади исчезли. Тогда он связался с Гречаным.

— Порядок, Артемыч? — без заискиваний, но учтиво спросил он.

— Порядок, Григорьич, — без учтивости, но вежливо ответил атаман.

— Так и будем впредь? — позондировал почву Лемтюгов.

— Нет, не будем. Пусть люди на выборах нас рассудят.

— Так и я за это! Все чинно, спокойно...

— Да, чуть не забыл, — сказал Гречаный и сделал паузу.

«Последует подлянка, — догадался Лемтюгов. — Семен промашки не даст...» Он остро ощущал отсутствие власти, какой был наделен покойный Воливач. Его кабинет он занял, а статус ему не передавали.

— Как исполняющий обязанности главы государства, я издал Указ об усилении органов правопорядка, внешней и внутренней разведок. Службу разведки решили доверить Бурмистрову. С Иваном Петровичем знаком?

«На хрен мне это знакомство!» — чуть не выпалил в сердцах Лемтюгов. Отдышался в три секунды, перегорел и понуро спросил:

— Чего он в нашем деле понимает?

— Все понимает. Школу Судских прошел. Помогите ему на первых порах реорганизации органов. И не шутите.

«Под самый дых!» — выдохнул злость Лемтюгов и пожалел о Воливаче: как уютно было за его спиной! Ответил кратко:

— Есть, Семен Артемович.

«Ну погоди, атаман!» — поскрежетал зубами Лемтюгов. Теперь он не пиковый туз. Очень плохо. Так плохо, как ни-

когда не случалось в любых играх. Теперь, говоря языком преферансистов, даже сраненькой шестерной не натянуть, без многих взяток окажешься. Вот так ударчик!

«Ход нужен, ход...»

Он включил телевизор. Начинались последние известия. Мог бы запросить помощников, но так не хотелось общаться с посторонними, когда он повержен и нет сил подняться.

Сообщили о китайских войсках, силами до пятидесяти дивизий сконцентрированных у самой границы. Однако авиации в небе нет, и не похоже, чтобы китайцы начинали активные действия. Войсковая разведка не обнаружила в дивизиях понтонеров, форсирования рек не предвидится. Ни одного выстрела с той стороны не произведено.

«Нет понтонов, вся агрессия — голый понт, — хмыкнул Лемтюгов. — Но почему? Сопливые обещали начать боевые действия сегодня утром».

В преферансе такое называется мельницей: у Лемтюгова отбирали взятку за взяткой, он сокрушенно взирал на игру без его участия.

Потому что был одиннадцатый час утра, в Кремле состоялось подписание русско-японского договора о дружбе и взаимопомощи. Согласно ему, японцы получали право селиться на Курилах и Камчатке.

Не Япония, но не Якутия.

Смолчали все: и демократы, и коммунисты. Идея — химера, а живой китаец, хоть трижды сопливый, — это много и больно. Русско-японский договор восприняли со вздохом облегчения, а уж когда передали о японских десантных кораблях, под самую завязку набитых морскими пехотинцами, захлопали в ладоши: японец — он такой, за банзаем в карман не лезет. Живи у нас, японец-сан, будем аригатошкаться!

Когда в Москве наступила глубокая ночь и оттархтели в небе звезды салюта по поводу исторического события, из Гродеково передали видеоматериал: под дудочку и барабан китайские солдаты стройными колоннами отошли в глубь своей

территории. Красиво шли, красивым китайским шагом. Лемтюгов перекрестился с облегчением.

Утром россиян познакомили с двумя новостями: из дальнего и ближнего зарубежья. Казахи, пропустившие китайцев к российским границам, просили о помощи: уходить к себе китайцы не собирались. Гречаный обещал подумать. Друзья, как-никак... А Европу охватила неизвестная доселе болезнь. Смертельных исходов пока нет, но люди сильно мучаются, особенно дети, криком жалуются на резкие боли в животиках. Евровидение показало карту с маршрутами продвижения болезни из Италии, Испании, Франции к Украине, Белоруссии и России. Стрелки ползли, как на стратегических картах боевых действий, кусающе и пугающе. Жизнь в захваченных городах парализовывалась.

Лемтюгов, все еще в силках безвыходной ситуации, смотрел на экран телевизора, и какая-то догадка пыталась прорваться наружу из темных закоулков его мозга.

«Где-то я видел уже такие стрелки, что за чертовщина!..»

Еще с вечера он освободил кабинет Воливача, правильно полагая, что новая метла выметет его и подельников с Лубянки начисто. Досадуя на свою оплошность, он лихорадочно изыскивал выход.

«Видел я эти стрелки, видел!»

Потом передали о китайцах, отошедших далеко от российских границ, о японских десантных кораблях, дрейфующих в нейтральных водах, и Лемтюгов моментально вспомнил: абсолютно такие клещи-стрелки ему показывали китайские вояки на секретных штабных картах. Именно зеркальное отражение их показывало Евровидение.

«Как же эта подлянка действует? — соображал он. — Ну-ка, Паша, думай, тут чего-то закопано...»

Решение созревало. Пока еще в кабинетах оставались его единомышленники, следует действовать. Лемтюгов снова ощутил себя в седле на белом конике. Уже не Аустерлиц, но далеко не Ватерлоо.

«Потягаемся, Артемыч!»

— Сыроватов, — сказал он помощнику, — собери всех наших к двенадцати. Пока архаровцы Бурмистрова не нагрянули, обсудим кой-чего, время есть.

«А чего? — тормозил он собственный порыв. — На кой надо всех посвящать? С самым-самым я один управлюсь».

— А Сумарокова прямо ко мне сейчас! — нашел он выход.

Он еле дождался полковника Сумарокова. Вместе они раскручивали не одну комбинацию своего шефа Воливача и себя не обидели.

— Слышь, Стас, дело есть со многими неизвестными, но осязаемое.

Сумароков внешне походил на Лемтюгова, только пока не был сед и фундамента под задницей, как у Лемтюгова, еще не завел. Но мечтал. Так, кое-что про запас скопил, а приличный банчок не попадался. Поэтому его глаза отличались от глаз Лемтюгова нездоровым блеском игрока, который жаждался удачи.

— Сними повтор передачи Евровидения, ну, там, где стрелки, а мне чертежик приготовь...

«Что-то выкручивает Лемтюгов, — подумал Сумароков, стараясь вычислить авантюру своим умом. — На фиг ему стрелки?» Не вычислил и с ленцой спросил:

— И что это будет?

— Чего-то будет, — не открывал карт Лемтюгов.

— Архаровцы вот-вот нагрянут.

— Ты делай, делай, — веско урезонил Лемтюгов. — Получится если у меня, архаровцам мало не покажется, а мы с тобой кое-чего поймеем.

Сумароков не спешил уходить.

— Чего стал?

— Ребята решили создать антисемитский комитет «Меч архангела Михаила» и скопом уйти под его крышу, — сказал Сумароков.

— Какой там комитет! — разъязило Лемтюгова. — Дел полно, а вы херней занимаетесь!

— Постой, Григорьич. По оперативкам, в России сконнлось уже до полутора миллионов жидов и еще прут. Не идея разве? — спешил склонить Лемтюгова на свою сторону Сумароков. — Знаешь, сколько народу к нам потянется? Гречаный на это сквозь пальцы смотрит, а жидам того и надо. Опять командные точки захватывают, во всех банках оседают. Момот со своей комиссией высчитал: во всех банках жида праят, через банки своих подкармливают. Русскому кредит с процентами дают, а жидам — беспроцентную ссуду. Вот где собака зарыта.

Лемтюгов каждую секунду был готов сорваться на разнос, но Сумароков убеждал доходчиво.

«А чего? — дошло до него. — Клич «Бей жидов, спасай Россию!» часто выручал...»

Неожиданно просто нашелся ответ на уравнение с двумя неизвестными. И овцы сыты, и волки целы.

— Ладно, — сказал он. — Я подумаю. — Поверить своих мыслей он Сумарокову не стал. — Завтра дам ответ. А ты пока стрелки давай.

В Кремле происхождением стрелок были озабочены не меньше. Гречаный экстренно собрал Совет Безопасности, пригласил Момота и Луцевича. Они могли пролить свет на загадочную болезнь. Москва наполнилась слухами, нарастала паника, хаотично скупались продукты, но куда бежать, никто толком не понимал. Вполголоса делились тайнами, будто вода отравлена по приказу Воливача, чтоб, значит, не случилось интервенции со всех сторон, а убили его из-за мести евреи. Тогда Трансляционное агентство России выступило с заявлением о стопроцентной чистоте водовода, но ушлые тет-ки догадались, что это обозленные гадалки навели порчу на воду и приборы, значит, заразу определить не могут, только в спешке адресом ошиблись и теперь на поселениях соберутся вместе, расчеты проведут, и, бабоньки, дерьмо сладким покажется, как в Писании сказывалось: вся вода, значит, отравлена будет и в кровь превратится! Сбывается все, Антихрист идет в землю нашу...

— Главный санитарный эпидемиолог ночью вылетел в Берлин, — сказал собравшимся Гречаный. — Он сообщает: скорость распространения эпидемии — двадцать километров в час по прямой. Раньше всего она будет на Украине, потом очередь Белоруссии и России. — Он повернулся к Судских. — Игорь Петрович, как отреагировала Зона?

— В Зоне ни малейшего представления об эпидемии не имеют. Но подсказали, что каким-то образом идет вымывание хлора из организма человека, из-за чего теряется иммунитет к болезням. Наша кристально чистая вода, в прямом и переносном смысле, явилась не естественным компонентом, а привнесенным катализатором эпидемии.

— Выходит, у границ России она остановится?

— Не думаю, — ответил на вопрос Гречаного Момот. — Не следует питать надежду. Она слишком хлипкая. Надо не ждать, а готовиться. Здесь нет господина Тамуры, но он целиком согласен с моей точкой зрения, а она такова: это заболевание всеобщее и зависит не от пищи, воздуха, воды — это заболевание нервно-паралитического характера и космического происхождения. Как известно, органы пищеварения постоянно вибрируют, нарушение вибрации вызывает колит, или заворот кишок в простонародье. Краткая беседа по телефону с Берлином помогла мне укрепиться во мнении: у всех заболевших нарушена вибрация органов желудка. В свое время я занимался влиянием планет на здоровье человека. Так вот, вибрация по частоте импульсов удивительно совпадает с импульсами солнечного света. Все планеты Солнечной системы, образно выражаясь, настроены на эту частоту. Кроме Марса. А Марс лишился воды из-за какого-то катаклизма, сместившего его частоту. Планета стремительно ржавеет и скоро рассыплется, по космическим масштабам лет эдак через тысяч двести. И вот еще интересное наблюдение: у пострадавших от эпидемии вымывается не только хлор из организма, но закономерно рассыпается вся группа жизненно важных элементов: кальций, натрий, фтор, йод. После этого наступают паралич и помешательство. Но заболеванию

не подверглись те, у кого в гороскопе присутствует Марс. Если удастся выяснить полно, какую здесь роль играет Марс, мы сможем победить эпидемию.

— Смертельные исходы были? — спросил Гречаный, ответил Судских:

— Смертельных нет, но помешательства и самоубийства на этой почве были.

— Марс — бог войны, — подсказал Бехтеренко. Совет внимал.

— А интересная догадка, — раздумчиво сказал Гречаный. — Случайно с китайской агрессией эпидемия не стыкуется?

— Семен Артемович, — поднялся Бехтеренко, — я хоть не специалист в астрономии, но загадку загадать могу. Когда упал Тунгусский метеорит, в Аргентине случилась небывалая засуха. Никто не увязывал оба происшествия, кроме, пожалуй, журнала «Нива». Был в старину такой. Так он за год до этого случая опубликовал стихи неизвестного поэта Рябченко. Еще мальцом я нашел старую подшивку на чердаке, и стихи эти очень мне запомнились. Только не смейтесь:

На метле ворвался черт
И сгорел дотла, скотина.
Так ударил Землю в борт,
Что засохла Аргентина.

А я как раз к экзамену по географии готовился. Взял спицу и по траектории падения метеорита проткнул глобус. Спица в Аргентине и вылезла. Что скажете?

— Папаня взбучку не устроил за испорченное наглядное пособие? — подал голос Луцевич, разрядил обстановку. Улыбки не успели стереться с лиц, вмешался Момот:

— Есть прямая связь. Эффект обратного воздействия. Чуть-чуть углублюсь в прошлое, а Игорь Петрович мне поможет. В Апокалипсисе данная эпидемия расписана в самых ужасных красках, и те, кто составил «Откровения Иоанна Богослова», основывались на проверенных фактах. Это были

ученые, знавшие карту циклических катаклизмов. Я прав, Игорь Петрович? — Судских кивнул. — И прав уважаемый министр внутренних дел. Тунгусский метеорит нарушил вибрацию внутренних органов нашей планеты, что вызвало засуху в Аргентине. Ничего не скажу о ясновидении поэта Рябченко, а загадку берусь разгадать. Метеорит сгорел в верхних слоях атмосферы, а Землю в борт ударила инерционная волна, поразившая площадь более двух тысяч квадратных метров. Если не ошибаюсь, метеорит упал 30 июня 1908 года. Метеорит «сжег» защитный атмосферный слой в Сибири, его перераспределение отразилось засухой в Аргентине. Знаменитые пыльные бури на целине вылились дождями и наводнениями в Америке. В природе все взаимосвязано, лишнего нет, и связь между провокационными действиями китайской армии у наших границ есть. Юный Чан Кайши разработал тактику «людской волны», которую с успехом применил маршал Джу Дэ в Корее. Сейчас мы имеем дело с эффектом сотрясения. Согласитесь, пешее передвижение десяти миллионов людей — спектакль внушительный. Он каким-то образом «растряс» внутренние органы нашей планеты. Хотите верьте, хотите нет. Но могу спорить: эпидемия вот-вот прекратится.

Гречаный не поверил. Взяв трубку спутниковой связи, он соединился с главным эпидемиологом в Берлине.

— Как дела? — спросил он.

— Только что поступили сведения об изменении хода заболеваний. Люди испытывают жуткий страх там, где должна проявиться эпидемия, однако только у детей отмечается расстройство желудка.

— Свяжитесь с нами через полчаса. Есть мнение, что эпидемия пошла на убыль.

— Мы здесь того же мнения.

— А те, кто подвергся эпидемии?

— Отходят. Кроме слабонервных.

Гречаный закончил разговор по телефону и посмотрел на Момота с улыбкой:

— А вы правы, Георгий Георгиевич. Но как вам пришла в голову такая сумасшедшая мысль?

— По принципу неэвклидовой геометрии: две прямые рано или поздно пересекутся. И господин Бехтеренко помог. — Момот с уважением отвесил поклон в сторону министра внутренних дел.

У себя на Лубянке Лемтюгов тоже получил сообщение: эпидемия пошла на убыль. Оно меньше всего волновало его. Зато каждые пять минут он названивал и торопил расчетчиков пресловутых стрелок. Наконец Сумароков доложил:

— Сделано. — И принес кальку.

Лемтюгов выпроводил его. Едва дверь за Сумароковым закрылась, он наложил кальку на карту России.

Центр пересечения стрелок пришелся на Зону.

«Ага!» — лихорадочно засуетились его мысли. Он перевернул кальку тыльной частью и наложил на карту снова. Стрелки сошлись где-то на Подкаменной Тунгуске.

— Ага, — произнес он недоуменно: фантазии не хватало, но пакостная идея сформировалась.

— Сыроватов, зайди, — бросил он в интерком.

— Не могу сейчас. Архаровцы начинают кабинеты печатывать, мне велено присутствовать.

— Слушай, ты! — озлился Лемтюгов. — Пока я твой начальник!

— Нетушки, Павел Григорьевич. Приказ о вашем отстранении подписал Гречаный. Не обессудьте.

Отбоя не было, только затяжное молчание с обеих сторон. Лемтюгов первым нажал кнопку отключения.

Так... Обложили со всех сторон.

Без вызова вошел Сумароков.

— Приказ, Павел Григорьич.

— Знаю, — отмахнулся Лемтюгов. — А главный архаровец где? Что ж не почтет визитом? Ну и денек поганый... И все по норам сразу!

— Я с тобой, Григорьич, — сказал Сумароков.

— А не предашь? — поднял на него глаза Лемтюгов.

— Не из таких буду.

Некоторое время Лемтюгов изучал лицо Сумарокова. По-
нарилось.

— Так как ты насчет антиеврейского союза говорил?

— Общество меченосцев. «Меч архангела Михаила».

— А чего так? Почему архангел какой-то?

— Самый справедливый. Разит мечом без предупреждений.

— Ага, — смекал Лемтюгов: никто не запретит создать
такое общество. Действительно, крыша надежная, можно по-
хулиганить...

— Возглавите? — спросил Сумароков.

— Подумаю, — ответил Лемтюгов. — А пока езжай в ка-
зармы западного СОБРа и от моего имени вели командиру
первой роты разойтись. А наши ребята пусть соберутся у меня
в Переделкино. Дело намечается важное, и пусть каждый сам
решит, со мной он или нет.

Едва он закончил инструктаж, вошел бравый мужчина в
казачьей форме с нагайкой за правым голенищем.

— А нагайка-то зачем? — поморщился Лемтюгов. Он все-
таки генерал и не в пример этому сопливному полковнику ви-
дывал виды.

— На лошадях подъехали, — простовато ответил полков-
ник. — Вы уж извиняйте. — И спохватившись, добавил: —
Бурмистров, полковник.

— Вижу, что полковник, — буркнул обиженно Лемтю-
гов. — Как там дальше — сдал-принял?

— Есть желание, начнем. Последний коммуныч баста-
он брать будем.

Лемтюгову вспомнилось старое кино-агитка: большевист-
ский комиссар прибыл в банк, а старорежимные клерки на-
пропалую жгут документы. Нет, Лемтюгов до мелких
пакостей не опустится...

Он досконально взялся объяснять Бурмистрову, что же та-
кое органы ГБ и в каком они сейчас состоянии.

Лишь в третьем часу ночи процесс передачи дел подошел
к финалу. Они даже сдружились за это время, перешли на

имена. Оказалось, оба недолюбливают евреев за их настырный характер влезать всюду. Правда, Бурмистров не выражал желания «бить жидов», и Лемтюгов не стал тянуть его в общество антисемитов. Увы, власть переменилась.

Закончив дела, разом решили выпить по этому поводу, да и закусить стоит как следует, а то чайком с бутербродами пробавлялись. Лемтюгов распорядился доставить из ночного ресторана горячий ужин с напитками.

После третьей чарки «Смирновской» Лемтюгов решил задать Бурмистрову мучающий его вопрос:

— Скажи-ка, Ваня, почему так перевернулось все? Была власть, система была, и вдруг разом все рухнуло. Я, опытный генерал ГБ, ухожу, а ты, малой, меняешь меня?

— Вот это ты, Паша, правильно заметил, — отвечал Иван. — Меняю. Потому как время наступило не размениваться. Ты не обижайся. Нельзя одной жопой на два базара садиться. Я тебе случай один расскажу. Мне его писарь войска Донского, казак Сивогринов поведал. Есть мозги — смекнешь. Дело-то не в евреях, которых ты, как я понял, готов изничтожать, а в позиции. Послушай вот...

Хлопнули по четвертой, и Бурмистров приступил к рассказу:

— Случай этот произошел году в восьмом или десятом прошлого столетия. Летом в Саратовской губернии умер скоропостижно еврей. Чем-то он торговал в Елани, а хоронить его нужно дома в Новохоперске. Везти поездом покойника дороговато и долговато, лошадьми вокруг — тем более. Дело в том, что при царе евреям запрещалось жить на казачьих землях и для проезда по Донской области чуть ли не разрешение наказного атамана требовалось.

— Ну да? — не поверил Лемтюгов. — В «Тихом Доне» Фридман, или, как там его, Штокман, с Гришкой чай пил задолго до революции.

— Наврал Шолохов. Или специально к казакам Штокмана подселил, чтоб видно было, откуда гниль пошла. Перед войной с Германией царь Николай всех местечковых евреев

с Дона внутрь России переселил. Ближние тылы армии обезопасил, а пятую колонну в России создал своими руками. Она его и доконала. Понял?

— Давай дальше, — согласно кивнул Лемтюгов.

— Так вот, лето, жара, на железную дорогу денег жалко, до наказного далеко, а покойник — вот он, готовенький. Евреи — народ ушлый, лазейку завсегда найдут. Заприметили на базаре казака с парой лошадей и давай уговаривать, чтоб провез мертвяка короткой дорогой через казацкие земли как собственную поклажу. Уломали казака ценой. Дали на дорогу харчей, фураж лошадям, «Баклановской» бутыль — она была почище «Смирновки», — а в Новохоперске обещали пятьдесят рублей, которые тогда много стоили. Целая семья таких денег за год не зарабатывала. Согласился казачина... Уложил покойничка, тряпьем прикрыл и поехал.

А конем большое расстояние неспроста ехать, особый ритм нужен. Где шагом, где рысью, где остановка. По тракту за-светло полагал казак выйти на Астраханский шлях под хутором Самоновским, а там до Новохоперска рукой подать. Но человек предполагает, а Бог располагает: кони чувствуют покойника, знай держи, не ровен час понесут. А казак, хоть и во хмелю, а тоже неуютно ему. Особенно когда свечерело и дорога обезлюдела.

Ночь зачалась при полной луне. Дорога пустынная, а кони рвут построжки, хоть и прочернили все потом. Казак от скуки все к бутылочке прикладывается, и чтоб страха не случилось.

И дернула его нелегкая оглянуться на свой груз. А покрывало с носатой физиономии съехало, и будто бы смотрит он лупатыми зенками на казака. Муторно тому стало. Давай молитву творить. Вдругорядь оглянулся, а мертвец не только подглядывает за ним, еще и подыматься стал. Молитвы не помогают, а в руке один кнут. Долго не раздумывая, вскочил казак и лавкой, на которой сидел, хватъ покойника по башке. А тот не ложится. Нервишки у казака сдали, принялся он дубасить покойничка лавкой, кони почуяли вовсе неладное,

понесли, едва успел казак в телегу прыгнуть. Скакали, пока не пали, а казак все это время покойника лавкой укладывал.

Утром на него наткнулись проезжие, и был он не в себе. Разобрались и в живучести покойника. Он в ящик был уложен, а одна доска снизу оказалась неприбитой. От тряски она сдвинулась и передним концом попала под обвязку ящика, а задний конец стал задираться, поднимая мертвеца. Вот и вышло, будто мертвяк собирается сидя оглядывать окрестности.

Вместо барышей получил казачина гору неприятностей. Лошадей загнал, денег не получил, а родственники покойного хай подняли из-за разбитой головы мойши. Дошло до окружного начальства, и пороли казака прилюдно на станичном плацу. А старики приговаривали: «Не связывайся с жидами даже с мертвыми!» Вот и весь сказ.

— А ко мне он какое отношение имеет? — отсмеявшись, испытывал Бурмистрова Лемтюгов.

— Прямое, Паша, ловчишь ты подобно этому казаку. Волиач ловчил и жизни лишился, а ты вот в президенты наладился, а с кем якшаешься, не разобрался.

— На что намекаешь, Ваня? — прищурился Лемтюгов.

— Скажу, — кивнул Иван. — Нельзя, Паша, одновременно педерастом быть и беременным.

— Не понял, — с угрозой промолвил Лемтюгов.

— Да ты на меня зверем не гляди, — усмехнулся Иван. — Я тебе и так все расскажу. Комиссия Момота раскопала твои банковские делишки. С бельгийскими жидами кто стакнулся? Кто половину Алмазного фонда в Антверпен вытаскал?

— Наговор! — вскочил побелевший Лемтюгов.

— Сядь, успокойся, Паша. Досье на тебя в полной форме, со всеми подписями, все твои выкрутасы как на ладони. Суд тебя ждет строгий. И если ты взялся с евреями воевать, не надейся опять глупостей. Погромов мы не допустим, не надейся чужой кровью свои грехи смывать. Ты бы, Паша, умных книжек почитал, чтобы не евреев за наши промахи винить, а учиться у них работать. Ты ж хохол, а глупый...

Ни водка, ни моложавый вид сменщика не убавили серьезности его слов. Лемтюговым овладел безотчетный страх: напротив сидел человек, знающий маршрут, а он не знал, шел окольными путями. Хотя, может, цель у них была одна: спокойно жить, растить детей, душой отдыхать с внуками. Кто не хочет?

«Как же так получается? — размышлял Лемтюгов. — У команды Гречаного все выходит без шума и пыли, а мы с Воливачом грязных следов наделали, сами вымарались. Может, Бог с ними, тайные силы помогают? А вроде все мы за крепкую Россию...»

Покидая Лубянку, Лемтюгов так и не нашел ответа. Непонятно только, почему его не арестовали сразу: фактуры достаточно...

«Под крышу меченосцев надо уходить, — нашел выход Лемтюгов. — С вечера не давал согласия, сейчас дам. Утро вечера мудренее».

Утро, кстати, наступило. Шел шестой час утра. Промозглость остужала Лемтюгова. Решение казалось самым правильным.

5 — 20

Незаметно для окружающих Смольников выпал в осадок. Последнее время он выполнял задание Гречаного, но, как понимал тот, оно продвигалось туго. Умеющий толково объяснить явления и события, спрограммировать и обосновать собственную теорию он не смог. Гречаный и не надеялся на результат. Вера — не кафтан, насильно мил не будешь. Он охладел к самой разработке, к Смольникову, и только необходимость привлечь его к комиссии Момота заставила найти Смольникова. Момот пожелал поработать с ним плотно, теоретически Смольников был подкован прекрасно, более того, жена Смольникова занимала солидный пост в банке

«Росс кредит», к которому Момот питал особый интерес, ее участие в комиссии могло оказаться важным.

С чувством неловкости Гречаный связался с Бехтеренко:

— Святослав Павлович, а где там наш литератор?

— А я его с полгода не вижу. Припарковался он в вашей администрации, а зарплату у меня получает, — с легкой иронией отвечивал Бехтеренко.

Поискали Смольникова вдвоем. Дежурный по МВД сообщил, что Смольников в управлении не появлялся больше месяца. Аналогичный ответ дали в администрации Гречаного. Домашний телефон не отвечал.

Гречаному стало стыдно. Хотел сделать Смольникова правой рукой, остыл и забыл о его существовании. Только сейчас он переполошился: не предмет обихода пропал — живой человек.

Двое суток тщательных поисков результатов не дали. Соседи по площадке, консьержка также не могли ответить ничего вразумительного: не видели больше месяца, думали, Смольниковы в отпуске.

Еще и супруга исчезла...

Вскрыли квартиру. Обстановка в целости и сохранности, чисто, фурычит холодильник, в нем продукты, но все говорило о долгом отсутствии хозяев. Вот когда начались глубинные поиски. Пропала не простая чета: офицер, приближенный к главе государства, и жена, не последняя сошка в крупном банке.

Выяснилось: жена Смольникова уволилась два месяца назад, как раз когда Момот приступил к ревизии крупнейшего в России финансового монстра. Совпадение? Изъяны в работе банка обнаружались немалые, но Смольникова не имела к ним прямого отношения. На первый взгляд. Ее отдел вел фьючерсные контракты. Однако предполагалось отдел расширить, изменить направление: «Росс кредит» выиграл тендер на размещение миллиардов Тамуры.

В совпадения никто не поверил. Гречаный велел выделить поиск четы Смольниковых в дело государственной важности с параллельной проверкой «Росс кредита». В сборную группу попали самые опытные и доверенные эксперты и оперативники.

Как водится, перетряхивание грязного белья обнажило много скрытых от посторонних глаз пикантных подробностей. Бехтеренко запросил личной встречи с Гречаным.

— Семен Артемович, тут такая каша замешана, сразу не расхлебать, — в затруднении докладывал он. — Жене Смольникова протежировал сам Воливач, руководство ее побаивалось. После его смерти, судя по всему, от дамы решили избавиться. Сослуживцы не особо охотно, однако рассказали, что она встала в позу и пригрозила раскрыть некоторые аферы банка. Не дожидаясь огласки, ее скорее всего убрали. Дама не блистала чистой репутацией, любила веселые компании, имела любовников. Смольников помучился с нею. Последний раз ее видели в фешенебельном загородном ресторане. Приехала одна, изрядно пьяная, кого-то дожидалась. Не дождалась и уехала на такси, вернее, на частнике, номера машины никто не запомнил. Вначале, как выяснилось, Смольников ее исчезновению не придавал значения, загулы случались и раньше, лишь через неделю он обратился к ребятам, с которыми работал еще в УСИ, скрытно поискать ее. Горячего желания никто не проявил, сославшись на занятость. Смольникова успокаивали: найдется, мол, сама, жена не иголка. Скромный Смольников решил заниматься этим самостоятельно. Единственную деталь удалось выяснить у сослуживцев: Смольников собирался лететь во Владивосток. Причин не объяснил. Просил только, если его хватятся, мол, выехал поработать с архивами.

— Веселенькие дела, — щерил усы Гречаный. — Куда хотел, туда поехал. А я-то думал, он в тиши кабинета «Апрельские тезисы» готовит. Вот тебе и педантичный аккуратист Смольников! — Досада и неловкость одновременно снедали Гречаного. — Но почему он не заявил об исчезновении жены?

— Переживал за свою репутацию, — подсказал Бехтеренко. — Не очень-то приятна огласка амурных подвигов супруги.

Новый поворот в расследовании дал Бурмистров. Занятый на Лубянке переформированием своего ведомства, он не уклонился от помощи, выделил в группу достойных оперативников.

— Смольников просил личной встречи с Воливачом. Воливач ему отказал через Сумарокова.

— Когда это случилось? — спросил Гречаный.

— За неделю до смерти Воливача. В назначенный Момотом день ревизии «Росс кредита».

Гречаный запросил Момота:

— Георгий Георгиевич, как там у тебя проверка «Росс кредита»? Закончилась?

— Не совсем, — уклончиво ответил Момот. — Тут накручено-наворочено лихо. Умные люди потихоньку за смутные годы целую империю создали, вполне независимую, как подводная лодка. Филиалов больше, чем у всех остальных коммерческих банков, вместе взятых. Практически в каждом крупном городе и районном центре. Сбербанк везде оттеснили на вторые роли. Система централизованная, филиалы никакой свободы не имеют. Тут наскоком не возьмешь. Спасибо, Святослав Павлович помогает, целая армия инспекторов задействована. Говорю ж, империя...

— Грубые нарушения законности есть?

— Воз и маленькая тележка. Банк давно никого и ничего не боялся. Готовлю постановление о ликвидации. Через неделю представлю.

— А нет ли такого, что проливает свет на дело Смольниковых?

— Есть, — со вздохом отвечал Момот.

— А почему скрываешь? Знаешь ведь, дело в особое производство выделено, — ворчливо попенял Момоту Гречаный.

— Не хотелось до полной ясности говорить, — неохотно ответил Момот. — Я подъеду и расскажу сам.

История вкратце приключилась такая.

Из банка исчезли полторы тонны неучтенного золота в слитках. Жена Смольникова дозналась об этом и решила шантажировать руководство, когда от нее хотели избавиться. Того чище: между управляющим и Смольниковой была любовная интрижка.

— Откуда взялось неучтенное золото? — в первую очередь поинтересовался Гречаный.

— «Росс кредит» первым стал работать с золотом. А это не бумажки, не валюта, учтенная государством. Еще в начале девяностых банк стал выпускать золотые сертификаты, с подачи акционеров пробивалась купля-продажа золота. «Росс кредит» первым оказался у кормушки. А где кормушка, там и кормило. Полторы тонны золота были неучтенным стратегическим запасом, по документам не проходили, почему ревизия сразу их не обнаружила. Потихоньку выявили.

— Ничего себе — полторы тонны золота!

— К ситечку налипало.

— Куда вывезли?

— Ориентировочно во Владивосток с дальнейшей отправкой за бугор. Был такой приказ: о командировании Натальи Смольниковой во Владивосток. За день до смерти Воливача он был подписан, и намечалась поездка через два выходных дня. В субботу Воливача не стало...

— Так-так, — соображал Гречаный. — Воливач в лице Смольниковой имел своего человека в банке, и его причастность к золоту очевидна. Смольникову убрали, а следом и Леонида за любопытство.

— Есть такая версия, — согласился Момот. — Но не пойман — не вор.

— Понимаю, — кивнул Гречаный. — Ты прав, давай зло с корнем рвать. Помощь от коммерческих банков минимальная, а перекачка за рубеж российских денег существенная, утечка солидная. Я за ликвидацию всей системы вообще, хватит на поводу у ротшильдов идти.

— Абсолютно согласен, Семен Артемович, не зря и предложил сразу. Недоучка Гайдар со своими единомышленниками подфартили иностранным банкам, открыв дорогу коммерческой финансовой системе в России и тем самым закабалив ее еще больше. «Росс кредит» выпестовала очень шkodливая ручонка, у него отличное от прочих банков положение. Тут как в машинном зале атомохода: без спецов не обойтись, чтобы во всех магистралях и клапанах разобраться.

— Это ты к чему? — поинтересовался Гречаный. Момот любил образные сравнения и зря бы сейчас не помянул о подводной лодке...

— К тому, что при захвате такого атомохода достаточно перекрыть скрытный маховичок, и атомный взрыв готов. Мичман герой, остальные дураки. Случай был такой, — пояснил он. — Лет тридцать назад мне он запомнился из рассказа моего школьного товарища-подводника. На атомоходе типа «Комсомолец» прорвало трубопровод высокого давления за три дня до возвращения из автономного плавания. Вариант один: героически перекрыть его. Снарядили двоих машинистов в защитных костюмах. Отделало смельчаков радиационным паром так, что прямо в дезактивационной камере они сразу в поташ превратились.

— Бывало такое, — сочувственно вздохнул Гречаный. — Чем тупее руководство, тем больше требуется героев.

— Могло и не быть. Просто командир со стармехом крепко не сошлись характерами, и стармеха после похода гнали с флота вообще за раздутые провинности, изображенные командиром в рапорте. Стармех запил по-черному, и посылали героев без его ведома. Когда стармех очухался от пьянки, он без околичностей прилюдно дал командиру в торец, а командир для полной весомости своего рапорта собрал суд офицерской чести. Дали наконец подсудимому последнее слово, когда весь офицерский состав лодки исполнил команду «ату его!» Он сказал: «Проектируют атомоходы люди умные, строят мастера, обслуживают подмастерья, а командуют ими полудурки. Надо было не героев посылать на верную смерть, а вспомнить из школьных знаний принцип сообщающихся сосудов».

— Освежи и мою память, — с ехидцей попросил Гречаный.

— Примерно так спросил и командир, — усмехнулся Момот. — Атомоход — дорогостоящее сооружение, и, хоть и в ущерб комфорту, система дуближа продумана прекрасно на всякий аварийный случай. Сектор паропровода перекрыли благодаря смельчакам, но подлодка всплыла и подала СОС. Остановился реактор. А если бы командир разбирался в системах трубопровода, можно было перепустить пар, миновав поврежденный сектор, и поход закончился бы с орденами и музыкой. Только и всего.

— А другие механики почему не посоветовали командиру?

— Не сподобились знать секреты. Только стармех знал. Чтобы шпионы не прознали про наши вумные штучки.

Гречаный намек понял, но обиду не выказал, только усомнился. С Момотом он ссориться не хотел, да и уважал его, как облеченного секретами стармеха. Вполне спокойно он спросил:

— И какой именно клапан могут перекрыть на атомоходе «Росс кредит» для атомного взрыва?

— Маленький такой, но главный маховичок. Мы объявим о ликвидации банка, и миллионы вкладчиков останутся без денег. Взрыв государственного масштаба. В «Росс кредите» выше банковский процент по вкладам населения, и это способствовало оттоку вкладчиков из Сбербанка. Семьдесят процентов вкладчиков из ста по стране. Это не перевернутая пирамида в стиле Мавроди, а устойчивая, как на американском долларе с зорким масонским глазом.

— Давай выводы, Георгий Георгиевич.

— В нашем положении с банком тягаться бесполезно. Руководящие мужички к аварийному всплытию загодя готовились, не на одну зарплату живут, а на клерков им плевать. Закроем этот, откроют другой — и опять старая песня на мотив «Семь сорок».

— Помнится, Георгий Георгиевич обещал сломать всю систему легальной наживы коммерческих банков, — подначил Гречаный.

— А он и делает это, — уверенно ответил Момот. — Сейчас в руководство Международного совета банков пришел Карл Бьернсен. Он не прагматик, хотя и в годах, новатор, хотел бы изменить всю мировую банковскую систему. По сути дела, Хисао Тамура дал ощутимый щелчок хитромудрым ротшильдам, развалил их невидимые коммуникации. Имея крупных союзников, можно разорвать кабальный круг фарисеев и мытарей, прекратить их владычество ни на чем. Надо склонить Карла Бьернсена на нашу сторону. Такой шанс имеется.

— Какой?

— Весомый. Много лет он безуспешно разыскивает своего сына от русской женщины.

— Так поможем!

— Дайте задание Ване Бурмистрову, он мне симпатичен.

— Считайте, дал.

— А я приступаю к организации встречи с Бьернсенем.

Едва распрощавшись с Момотом, Гречаный вызвал Бурмистрова:

— Ваня, нужно поискать сына крупного финансового магната Карла Бьернсена, якобы его след остался в России. Он нам место за общим банковским столом устроит за подобную услугу.

— Почти нашел, Семен Артемович.

— Шустро, — обрадовался Гречаный. — Так порадуй старика — и дело с концом.

— Порадует ли это вас?

— Что это все автономно работать стали и загадками говорят? — почувствовал новый подвох Гречаный. — Кто он?

— Игорь Петрович Судских.

— Да брось ты... — не поверил своим ушам Гречаный. — Чушь.

— Из-за этого Смольников погиб. Поездка его и другая жены во Владивосток — совпадение. К делу «Росс кредита» не относится.

— Иван, выкладывай по существу, — нахмурился Гречаный.

— За этим и пришел, Семен Артемович, — с достоинством ответил Бурмистров. — До того как Смольников перешел в аппарат Бехтеренко, по личному распоряжению Воливача он вел раскодировку магнитокарт приборов, где записывалось все происходящее с Судских в коме. Ничего существенного там не обнаруживалось. Какие-то химерические картинки, фантазийчики, потусторонние картинки, и все же нет-нет и появлялись имена и факты из прошлого, не Судских, а вообще. Смольников перешел к Бехтеренко, а перепоручать задание другому Воливач не хотел и договорился с Бехтеренко, чтобы Смольников задание продолжил. Воливач в исполнительность Леонида верил твердо. Но дело-то в том, что Смольников летал во Владивосток до смерти Воливача, а Смольникова собиралась позже. Никакой связи. Просто во Владивостоке жила первая жена Леонида, с которой у него остались хорошие отношения. Женился второй раз он сдуру на вертихвостке, она его в Москву переманила, развела с прежней насильно. Ей ширма была нужна в виде скромного парня. Когда Лене стало неважно от любовных подвигов жены на стороне, он стал переписываться с первой, а потом и слетал к ней поговорить о своем возвращении. Мои хлопцы побывали у нее, она без утайки рассказала, что Леонид поделился с ней служебными тайнами. В частности, о норвежской принадлежности одного из высших офицеров разведки. Видимо, из раскодировки он об этом узнал и хотел встретиться с Воливачем отдельно. Скорее всего Леонид проговорился и тут, а Воливач уже не доверял Смольникову и велел делать раскодировку дублем. При тщательном обыске на квартире Воливача в одном из цветочных горшков нашли фотоматериалы с отснятыми докладами по раскодировке. Пленка у меня.

— А почему молчал! — не первый раз сегодня разозлился Гречаный. — Когда был обыск?

— Вчера. А спешить не стал потому, что не нашел убийцу Леонида.

— Кто?

— Сыроватов. Вместе с ним растворились многие собровцы. Думаю, Лемтюгов перевел их на нелегалку для своих пакостей.

— Догадываюсь...

Гречаный пожалел, что так скоро расстался с Момотом. Вечная перестраховка: все свои, а разговоры с каждым разной степени доверия. Какое уж тут скорое единоверие!..

— Ваня, ты уверен, что Судских сын Бьернсена?

— На сто процентов. Выяснил через архивы КГБ. Сейчас мне доступно. Мать Судских пострадала из-за связи с норвежцем. Запугали ее, хотели стукачкой сделать. И знаете, кто допрашивал ее в 59-м?

— Говори.

— Отец Воливача, старый развратный козел. Без шантажа не обошлось.

— Ваня, кто еще знает об этом?

— Вы да я.

— Пусть так и будет, Иван Петрович. Фотокопии уничтожь.

— Понятно, Семен Артемович.

— Сначала подготовим Игоря Петровича...

На Бурмистрова Гречаный мог положиться всецело. Толковый казак. Пока и Момоту ничего знать не надо.

Пропажа Смольникова определилась. Стало жаль его по-отцовски. Погиб не по своей вине, и все же в натуре Смольникова что-то напоминало участь Трифа. И тот спешил прямо на красный свет, не считая в том ничего особенного. Подумаешь, Христа не существовало; что такого: у Судских норвежский отец...

Последнюю новость Гречаный никак не мог переварить. Вот ведь как сплелись судьбы: от Бьернсена зависит финансовое здоровье страны, от Судских духовное. Как же распорядиться двуединством? Что принести в жертву?

«А сам Игорь знает это или оставил все как есть за покровом сна?» — размышлял Гречаный, не в силах избавиться от двусмысленности.

Судских был далек от раздвоения личности. Как всегда последнее время, он ощущал себя счастливым и заснул счастливо. Все же повезло ему на склоне лет познать истинное счастье, куда не примешивались житейские условности. Он вел себя раскованно, и барометр его жизни показывал

гались воинские склады, и рокада к ним охранялась тщательно: кому нужны неприятности с особистами? Местные по грибы-ягоды ходили южнее, а эти места не привлекали внимания своей пустоватостью и квелым подлеском. Его так и называли «маклаковские полески».

Вернувшись из монастыря, Судских связался с Гречаным. О себе ни слова, нашел причину другую, первую пришедшую на ум. Может, он попал в точку, когда услышал ответ Гречаного?

— Семен, нет ли смысла просчитать вероятность экстренных событий? До выборов осталось немного.

— Просчитай, конечно! Я сейчас подошлю человека с кое-какими новыми сведениями, вот и займись, очень поможешь, — говорил Гречаный весело, оттягивая срок своей исповеди. — Все хорошо, Игорь? — что-то насторожило Гречаного.

— Недоспал, пожалуй...

— То-то с молодой женой! — рассмеялся Гречаный.

Посыльный привез данные за последний месяц о вооруженных формированиях, кроме армейских. Папки с грифом «Секретно».

«Куда-то разбежались боевики Воливача и Лемтюгова, — отметил Судских сокращение спецотрядов. — Куда?»

Большая часть проверенных бойцов обнаружилась в охранных службах «Лем холдинг», крупной фирмы Лемтюгова. Ясно: хозяин держит их на коротком поводке под рукой. Он опять связался с Гречаным.

— Молодец, Игорь! Бурмистров подтверждает это. Только пока не ясно, почему подручные Лемтюгова зачастили на периферию? Как считаешь: предвыборная агитация?

— С одной стороны, да. Тамбовскую, Липецкую, Рязанскую области завалили водкой, на закуску не скупятся, на подарки раскошеляются, взялись селянам дороги чинить. С одной стороны, хорошо.

— А с другой — чего ради, когда зима уже лютует? — продолжил Гречаный. — Послушай, Игорь, будь ласка, свяжись с Бурмистровым и Бехтеренко, покопайтесь вместе.

— А нет ли в этих краях чего-то особо важного?

— Важного? — задумался Гречаный. — Есть, пожалуй. Только я не связывал одно с другим. Ты ведь не случайно спросил?

— Неспроста, Семен.

О вещем сне он не собирался рассказывать, неловко. Но Гречаный раскусил его. Стало быть, Судских попал в точку: где-то там прячут мальчика, и Лемтюгов что-то замыслил.

Ожидая ответа Гречаного, Судских машинально задрал брючину на левой ноге. Пятно увеличилось до размеров металлического рубля.

«Не зараза ли? Надо Лайме звонить...» — озаботила догадка.

— Давай, Игорь, к вечеру поразмыслим, — ответил наконец Гречаный. — Запарка сейчас, три иностранные делегации. А вечером давай.

— Буду, — ответил Судских и набрал домашний номер. — Как себя чувствует любимая?

— Любимая в домашних делах и чувствует себя прекрасно, — ответила Лайма. — А ты? Я думаю о тебе. Что-нибудь стряслось?

«Не могу», — сжал зубы Судских, но отвечать надо.

— С чего вдруг стряслось? Обычная запарка. А ванну принимала?

— Господи, что с тобой? Чего ради днем я полезу в ванну?

— Ну как же: ты теперь не одна...

— Глупый, — засмеялась она. — Я с утра у врача побывала, и он подтвердил мои предположения.

— Тщательно осматривал?

— Совсем поглупел от счастья! Тщательно. И где положено. Да, тебя Алик Луцевич разыскивал. Звонил, тебя не оказалось на месте.

«Вот перед кем запираюсь нечего», — понял Судских и связался с Луцевичем.

— Ты искал меня?

— Да, Игорь. Есть кое-какие соображения, надо бы свидеться. Ты в делах? Или ко мне подскочишь?

— Давай ко мне, — решил Судских.

Луцевич собирался было уехать в Швейцарию, но захватила предвыборная страда, потом эпидемия удержала, а там и другие события. Он сам предложил свою помощь, если вдруг возникнут новые очаги непонятных заболеваний в стране, и зорко доглядывал за всем, связанным с санитарией. Гречаный поддержал его. В любой момент Луцевич мог вылететь куда угодно специальным самолетом, что и делал.

Стоически дожидаясь приговора Луцевича, Судских разглядывал пятно. Оно росло быстро, и так же быстро росла в нем отрешенность.

Луцевич появился, как всегда в бравурном настроении. Сразу и не понять, что он в пятом часу утра прилетел с Камчатки...

— Ты знаешь, — без долгих приветствий говорил он, будто зашел из соседнего кабинета покалякать с товарищем, — там чудеса происходят, в Долине гейзеров. Один безногий случайно попал туда, залез на халяву в источник, и представляешь: нога стала отращать!

— Ну да? — не поверил Судских, зная привычку Луцевича шутить с серьезным видом.

— Святая правда, Игорь! Может, ты помнишь, у меня ноготь на большом пальце с детства был поврежденным. Смотри теперь, — показал он палец с аккуратным, каким-то свежим ногтем. — Новехонький вырос!

— Тогда посмотри, что у меня, — сказал Судских, не в силах больше оттягивать приговор, и задрал брючину.

Луцевич, попеременно вглядываясь то в пятно, то в лицо Судских, наконец присвистнул.

— Проказа? — решил Судских.

— Нет, Игорь, — отрицательно покачал головой Луцевич. — Это печать Адамова. Не слаще, но не зараза.

— Разъясни, — перевел дыхание Судских.

— Она появляется только у лиц царского происхождения или княжеского.

— Что ты несешь! — сорвался Судских. — Какой я царь? Извини...

— Надо бы родословную знать, — непонятно почему оробел Луцевич. — Появление такой болезни пока не объяснено и непредсказуемо. Есть догадки: при изменении функций головного мозга появляются такие пятна. Будто мозг растет и выедаст кожу на теле. Все это потом, а сейчас — быстро в аэропорт. По пути сообщим Гречаному. На Камчатку!

— Что за спешка?

— Он еще спрашивает! Тебя можно спасти!

— А Лайма?

— Берем с собой. В дороге разберемся, — лаконично ответил Луцевич, кидая в руки Судских пальто, шарф, шапку из шкафа. — Я видел такое пятно только на картине Эгмон-таса «Печать Адамова»: двое врачей-лечителей с ужасом разглядывают ногу Эхнатона. Фараон был такой, влез в жреческие дела, услышав перед смертью глас Божий... Ты счастливчик. Это ради тебя на Камчатке целебные воды забили.

5 — 21

Красный пропуск давал право Луцевичу проезжать везде и в любое время. Его «ауди» с Судских и Лаймой мчался в аэропорт без остановок по зеленой волне. Лайма напряженно глядела вперед, уткнувшись подбородком в плечо мужа. Судских сидел каменным изваянием. Время от времени к ним оборачивался Луцевич, подмигивал Лайме и хлопал ладонью по другому плечу Судских, говорил ободряюще:

— Ничего, генерал, мы еще повоюем. И попляшем еще и споем... — И каждый раз после этих слов он напоминал водителю: — Гони, Дима, нам нет преград ни в небе, ни на суше...

Лишь в одном месте им пришлось сбавить скорость. Ремонтники, как водится, зимой взялись за путепровод и сузили трассу до одной нитки. Крыльев у «ауди» нет, гусениц нет, ни взлететь, ни объехать по бездорожью, бравадные слова песни не помогут, приходилось стойчески выжидать, пока встречный поток уступит нитку, и двигаться еле-еле в плот-

ном потоке машин. Водитель, назлектризованный профессором, стал объезжать поток по обочине.

— Лемтюговская команда, — кивнул он на ремонтников. — Бабки отмывают. Вроде бы ремонт, благородное занятие, а на самом деле мафиозный клан денежки из черного нала в светлый безнал перепускает. Вот и все благородство. Третий раз за год здесь ремонт.

Стараясь разрядить обстановку, подключился Луцевич:

— Мой приятель из Чикаго сказал: если слышите стрекот отбойного молотка средь бела дня, знайте, это не ремонт, это мафия ссыпает доллары в свой карман, а ремонтники работают ночами, и очень тихо. А в России мафию не обуздали? — обратился он к Судских.

— Где как, — без особого желания отвечал Судских. — В основном пока воинствующий нейтралитет и встречные диверсии. Здесь, например, ремонтникам приходится укладываться в жесткий график. По указу, ограничение движения облагается крупным штрафом в казну государства. За каждый отмытый доллар мафия платит светлую десятку штрафа.

— Государству выгодно, а мафии? — спросил Луцевич.

— У нее другие заботы. Черной неотмытой налички столько, что это для нее укус комара, лишь бы светлый ручеек не пересыхал...

Водитель выбрался на шоссе и впритирку с рейсовым автобусом заспешил дальше. Случайно взглянув на окна автобуса, Судских нашел там знакомое лицо. Ошибиться не мог, хотя мужчина у окна был одет в простенькую куртку и вязаную шапочку.

«Пармен! — чуть не вскрикнул он, но сдержался. «Ауди» стала обходить автобус. — Куда это он? — пытался вычислить маршрут монаха Судских. Понятно одно, едет на поиск мальчугана. — Один? Как же так?... — И опять навалилось щемящее чувство, бередившее его с ночи. — Вообще-то встретить монаха в дороге не к добру...»

Луцевич по-своему воспринял изменившееся лицо Судских:

— Успокойся, Игорь, с Лаймы бери пример. Мы успеем. Если поражение кожи достигнет двух третей, тогда кранты. А на это уйдет двое суток минимум. А мы максимум через четырнадцать часов будем на Камчатке и выкупим тебя в молоке и трех водах. Разом помолодесешь.

— А девять часов отставания от Москвы учел? Сутки долой, — меланхолично заметил Судских. Говорить ему совсем не хотелось.

— Учел, учел, — заверил Луцевич весело. — По географии пятерка была. Успеем, время просчитано. А в чудо верить надо.

«А мне монах встретился», — с грустной усмешкой подумал Судских: патруль на мотоциклах велел им остановиться.

— Спецпропуск не видят! — возмутился Луцевич.

— Видят, — откликнулся водитель. — Только это, Олег Викентьевич, не ГАИ, казакам меж царем и пролетарием разницы нет.

Пришлось подчиниться. Луцевич на правах старшего взялся качать права патрульным, кивая на спецпропуск на лобовом стекле.

— Да охолонь ты, Олег Викентьевич, — уgomонил его старший. — О тебе и печемся по личному распоряжению Гречаного. Синюю полосу наклеим — и двигай дальше. И тебя знаем, и о тебе знаем.

— Зачем мне эта полоска? — кипятился Луцевич, вкусивший уже прелестей беспрепятственных передвижений. — Я без нее проеду!

— Велено. Погромы в стране начались, везде бандиты голову подняли, под видом патрулей останавливают, а с синей полосой тебя никто не имеет права остановить. Валяй по осевой.

Едва Луцевич уселся, водитель дал полный газ и рванул вперед с дальним светом под вой сирены. Их пропускали. В последние годы с такой помпой мчались только на пожар. Остальных казаки нещадно карали, если не получали оповещения.

— Что там? — любопытствовал Судских, сжал руку Лаймы.

— Погромы, говорят, мерзавцы активизировались.

«Видать, по старинному сценарию», — отметил Судских про себя.

Лайма держалась отлично, как и обещала. Муки ожидания сплывались в ней с твердой решимостью быть с мужем, что бы ни сулила судьба.

«За что ты меня такого старого выбрала?» — спросил он как-то.

«Я не выбирала тебя, я ждала. Георгий разложил мне надежды таро и нагадал: «Твой суженый любим Всевышним. Ты узнаешь его сразу. Он твой навсегда».

Опять они обгоняли рейсовый автобус, ушедший вперед за время их вынужденной остановки.

«Не увижу Пармена, он справа сидит», — с неожиданной печалью подумал Судских. И удивился радостно, увидев Пармена в заднем окне автобуса. Пармен поднял руку в ведическом приветствии.

«Знает путь!» — подумал Судских. Тоска оставила его сердце.

— Кого ты там высматриваешь? — спросила тихо Лайма.

— Загадал. Повезет тому пассажиру в автобусе — и нам повезет.

Лайма прижалась к нему понимающе. Как будто и ей полегчало.

«Ауди», почти не снижая скорости, въехала в ворота с поднятым шлагбаумом, помчалась прямо к стоянке самолета Гречаного, который безраздельно принадлежал теперь Луцевичу. В ранних зимних сумерках резко вспыхивали проблесковые огни, гудела турбина на прогреве. «Ауди» лихо подлетела к самому трапу, и водитель сказал:

— Готово, Олег Викентьевич. Мне с вами?

Вопреки устоявшейся привычке зря не утруждать людей что-то подтолкнуло Луцевича нарушить заповедь:

— Давай. За медбрата будешь.

Почему бы нет? Дорога дальняя, помощники нужны...

Дмитрий нравился ему. Симпатичный парень, расторопный, умеющий улаживать проблемы житейского плана. При всем при том, что он исполнял роль охранника, к чему Луцевич никак не мог привыкнуть. «Кому нужен врач?» — недоумевал он, привыкший разъезжать без охраны.

Откатив машину с рулежки, Дмитрий нагнал пассажиров у трапа. Кожаную куртку запахнул плотнее, чтобы не смущать стюардессу видом оружия. Кобуру пистолета он носил на поясе спереди, явно подражая кому-то из киношных персонажей. Молодость где-то и проклянется.

— Почему четверо? — недоуменно спросила стюардесса, чем вывела из себя Луцевича. «Это что за вопросы?»

— Здесь распоряжаюсь я, — холодно ответил он и, не обращая внимания на стюардессу, первым вошел в салон.

Стюардесса пожала плечами, закрыла дверь и по телефону сообщила в пилотскую кабину:

— Все на борту, можно взлетать.

Опять готов был возмутиться Луцевич. Сдержался: стюардесса из новеньких и явно перестраховывается. Обычно его встречал у трапа командир и провожал в салон. Возможно, он сам накрутил обстановку, а экипаж решил неукоснительно соблюдать инструкции.

Пассажиры рассаживались в просторном правительственном салоне. Самолет пробежал рулежку, притормозил на взлетной полосе и, качнувшись, резво устремился вперед. В иллюминаторе убегали назад сигнальные огни, быстрее и быстрее спешившие пожелать им доброго пути, толчок — и самолет оторвался от земли.

— Поехали, — подмигнул Луцевич Лайме и Судских. — Наберем высоту и перекусим. И по стопке найдется, чтобы голова не качалась.

Лайма поблагодарила его улыбкой без слов за неунываемый нрав.

— Пойду руки помою, — склонился к Луцевичу водитель.

— Иди в кормовой, хоть душ принимай до самого ужина, — явно хвастался Луцевич: старался он в первую очередь для Судских.

Стеснительный Дима в душ не захотел. Чем-то погромы-хивала в своем закутке стюардесса, и ему было неловко сталкиваться с ней по пустякам, проходя мимо. Он прошел в туалет у пилотской кабины. Старался он прежде всего для Луцевича своей незаметностью.

В туалете он первым делом вынул пистолет из кобуры, переложил его во внутренний карман пиджака, а кобуру су-нул в карман куртки. Вымыл руки, лицо, причесался и вышел в тамбур...

Какая-то перебранка слышалась из-за ширмы, и Дмитрий посчитал лишним появляться в такой момент, лишь выглянул в салон через щелочку. И чуть не присвистнул: в салоне хозяйничали трое незнакомцев, агрессивно настроенных, со спецназовскими скорострелками в руках. Четвертый склонился над Луцевичем и принуждал его молчать.

«Вот они, голубчики!» — смекнул он и попятился в туалет. И вовремя: ручка пилотской кабины пошла вниз, дверь отворилась. Кто выходил, Дмитрий засек в последний момент. Он узнал этого седоватого человека, служил в былые времена под его началом: «Лемтюгов! Сучий прохвост...»

Он заперся и стал обдумывать ситуацию.

«Перебранка с участием Лемтюгова — секунд тридцать, потом с минуту — принятие условий, затем стюардесса продаст меня — десять секунд, и ненужный финал».

Всего пять секунд Дмитрий потратил на проработку своего сценария, затем вышел, убедился, что дверь в пилотскую кабину открыта, и вскочил туда. Секунда — на ориентировку и, опережая крупного громилу с игрушечным «узи» в ручище, выстрелил ему в голову и запер дверь. Как ни в чем не бывало обратился к пилотам:

— Куда летим?

Командир узнал его сразу по прежним встречам и с облегчением выдохнул.

— Дима! Ты понял, да? Лемтюгов с бандой, думали, ох-рана... — наконец он ответил толково: — Лемтюгов приказал лететь в Китай. Нашу стюардессу заперли в кормовом отсеке. Бандитов шестеро.

— Понял, — быстро переварил сообщение Дмитрий. Из отпущенных секунд осталось не более тридцати. — Под любым предлогом заманите сюда Лемтюгова. Быстро! Сами на Камчатку рулите.

Командир среагировал. По внутренней связи проскороговорил:

— Пал Григорич, охранник не разрешает выполнить разворот, нас могут засечь радары военных, машину посадят без разговоров!

Изготовившись в проходе у двери, Дмитрий показал командиру большой палец: то, что надо.

Еще двадцать секунд ожидания.

Лемтюгов появился в пилотской кабине стремительно. Из-за спины маячил верзила. С силой втянув Лемтюгова в кабину, Дмитрий пальнул в боевика и захлопнул дверь на защелку. Лемтюгов от резкого нажима по инерции свалился на пульт управления двигателями между креслами. Что-то случилось с рычагами, самолет взвыл натужно, второй пилот бросил штурвал и обеими руками отпихнул Лемтюгова прямо в объятия Дмитрия, а командир выровнял самолет, успокоил двигатели.

— Стоять, зараза!

Ошалевший от смены ситуаций, Лемтюгов позволил себя обыскать. Его мощный «супер-астра» перекочивал к Дмитрию.

— Прикажи своим сдать оружие, дать связать и не рыпаться, — диктовал он, жестко воткнув дуло пистолета в горло Лемтюгова.

— Они не подчинятся, — прохрипел Лемтюгов. — Я уже никто им!

— Быстро вождей сдают, — обдумывал Дмитрий дальнейшие действия. — Тогда я прикроюсь тобой и выйду, раз ты уже ничего не стоишь.

— Не надо! — хрипел Лемтюгов. — Дайте микрофон.

Дмитрий протянул руку к пилотам за микрофоном, одновременно развернув Лемтюгова от себя, дуло — в спину.

— Ребята, — схватил микрофон Лемтюгов, — мы договоримся, не надо насилия, отдайте оружие!

Дмитрий добавил от себя спокойным голосом:

— Теперь я старший, выполнять команду.

Из салона донеслось шуршание, и в динамике раздался голос:

— Кто это такой приткий? Не из одной ли миски щи хлебали?

— Пospelов, бывший сержант в/ч 1324 С. Кто спрашивает?

— Здравствуй, Дима. Быстров Кирилл из спецхраны Воливача. Потягаемся, раз дорожки сошлись?

— Зачем, Кирюха? Давай миром. У тебя — наши люди, у меня — ключик, а навар, смекаю, на кону хороший.

— Верно вычислил, Дима, уважаю. Лемтюгов нам по херу, а ключик у него, верно. Только мне тоже в запас пора, а за душой хрен да медная пуговица.

— Предлагай.

— Пусть Лемтюгов назовет место, где его шкатулочка, проверим, потом высаживай нас, где хочешь. Бабу Судских берем с собой. Идет?

— На кого руку поднимаешь, Кирюха? Опомнись, не трогай никого.

Шорохи в динамике, и голос Лаймы:

— Я согласна быть заложницей.

— Дайте микрофон Игорю Петровичу, — стал хриплым и голос Димы. — Вы согласны, Игорь Петрович?

— Жена настояла, — глухо промолвил Судских. — Принимайте условия, остальное потом.

— Лемтюгов, где шкатулочка? — переключал микрофон к Быстрову.

— Я не согласен! — крикнул очухавшийся Лемтюгов. — Без меня вам ничего не светит. Хоть зарежьте!

— Видишь, как оно получается, Дима? — раздался голос Быстрова. — Выпускай его, нас в Нижнем Новгороде ссадишь, дамочку берем с собой. И по-честному давай. Ты знаешь, мы не бандюги, жить хотим, а брать с нас, кроме потных рубаш и тяжелых снов, нечего. Кто ж думал, что ты такой активный...

— В Нижнем сядем? — деловито спросил командира Дмитрий.

— Мы-то везде сядем. Тут и на посадку пора заходить.

— Я во всем этом не участвовал, — резво вклинился Лемтюгов. — Меня захватили бандиты, а Гречаному нужна моя компрометация.

Дмитрий показал ему «супер-астру»:

— А эту штучку поиграть дали? Так я и поверил.

— Надо поверить, — торопился Лемтюгов. Посадка ему не светила явно: в живых Гречаный не выпустит.

— Не могу. Орлам твоим поверил через силу, нужда не гордыня, а с тебя спрос особый. Самолет на посадку идет, давай-ка ремни пристегнем, — решал свою новую задачу Дмитрий. — Кто ремнем пожертвует? — спросил он экипаж.

— Мой подойдет? — откликнулся штурман, вытаскивая из шлиц брючный ремень.

— Настоящий, кожаный, — подхватил Дмитрий и умело связал им руки Лемтюгова за спиной. — И помалкивай с угловорами. Чапай думать будет, — пихнул он Лемтюгова в угол кабины.

— Придется дозаправиться, — отвлек его от мыслей командир. — Незапланированная посадка.

Дмитрий кивнул машинально, занятый расчетами. Вызывать группу захвата опасно: команда Лемтюгова нижегородским сто очков вперед даст; медлить нельзя: генерала Судских спешно везут на Камчатку — как же отбить его жену?..

«А парней жалко, погибнут из-за этой свиньи, вот ввязались...»

Экипаж по мере надобности вел диалог с аэропортом, там ничего не подозревали: спецсамолет, что попросит, то и спросит.

Неожиданно командир потянул Дмитрия за рукав:

— В Нижнем буран прошел, все рулежки перемел, просят полчаса на расчистку взлетной полосы, — сообщил он.

«Хорошо это или так себе?» — осмысливал Дмитрий. Машинально он взял микрофон и сказал:

— Кирюха, не дергайся, готовят полосу и будем полчаса кружить над Нижним.

— Не верю, Дима, — сразу ответил Быстров. — Команду вызвал.

— Мамою клянусь, — уверенно сказал Дмитрий, и Быстров как будто поверил. Секунд через десять он ответил:

— Размен произведем в воздухе. На счет «три» выводим Лемтюгова.

«Я один, а их там трое?»

— Не пройдет, Кирюха, за козла не держи. Ты ж меня сразу шлепнешь, едва размен закончится.

— Лемтюговым прикройся.

— Не понял, да? Дурочку ломаешь? Может, мне проще его в салон вытолкнуть и — привет?

— Вытолкни, — сразу согласился Быстров.

«Нечестно играет старый знакомый, — разгадал Быстрова Дмитрий. — Убрать меня хочет, я ему кость в горле...»

— А кого на кого меняем? — тянул время Дмитрий, чтобы обдумать нужный вариант. — Ты имеешь все, а я ничего?

— И ты свое получишь, — вальяжно отвечал Быстров. — Не отдавай Лемтюгова на счет «три» — и получай господина профессора в обмен с дырочкой в правом боку, — захохотал Быстров от своей сметливости.

— Он же людей от смерти спасает, Кирилл, побойся Бога.

— За бесплатно меня спасать не будет. Вот я и хочу страховой медицинский полис иметь в виде живого Лемтюгова.

— Эх, Кирилл...

— Затыкай, нанюхались, — стал угрожающим голос Быстрова. — Начинаю отсчет: р-раз...

— Не гони! Он связанный у меня!

— Хватит, Дима. Даю минуту и без предупреждения начинаю отсчет.

«Стык в стык», — уяснил Дмитрий. Спасительных шансов не осталось. Теперь куда кривая выведет, а в спешке соображается плохо.

— Пластырь или клейкое что-то есть?

— Скотч широкий! — сразу откликнулся на просьбу бортмеханик. Переговоры слышали в кабине все и понимали, что такое минута.

Рулончик клейкой ленты появился как по волшебству.

— Заклейте ему плотнее говорильник, чтоб лишнего не сказал, — попросил Дмитрий бортмеханика и без перехода обратился к командиру, отдавая «супер-астру»: — Кто бы ни входил без предупреждений, стрелять сразу.

— Постой, Дима, — следил за секундной стрелкой командир. — Ты все верно рассчитал?

— Поставил на удачу, — кратко ответил Дмитрий.

— А мы не можем помочь? Маневр, может, какой?

Две секунды на уяснение.

— Сгодится. Давай, командир, так... — еще секунда. — На счет «три» я вывожу Лемтюгова, палить в него не будут. Веду медленно, в запасе появится секунд пять, и делай что-нибудь, например, в штыпор...

— На такой машине только фигуры высшего пилотажа выполнять, — хмыкнул командир. — Давай задачу проще решим. Резкий поворот вправо я тебе гарантирую, крен будет градусов тридцать. По внутренней трансляции я скажу: «Внимание, пристегнуть ремни, совершаем экстренный разворот». Для тебя это сигнал, другие не поймут, замешкаются. Не забудь: все повалятся вправо, кто не пристегнут. Теперь давай, минута на исходе. Удачи, Дима.

Дмитрий подвел Лемтюгова к двери так, чтобы выводить его через небольшой зазор, открыл защелку.

— Начали, Дима, — тотчас раздался голос Быстрова. — Раз, два...

На счет «три» Дмитрий вывел Лемтюгова в тамбур. Идти он совсем не хотел, упирался. Слышал ведь все разговоры в кабине и мычал от бессилия, по-звериному чуял подступающую с каждым шагом смерть. Но Дмитрий сзади ощущал по его шагам, сколь они напружиненны, ноги готовы использовать свое последнее право на жизнь.

— Топай, топай, — процедил Дмитрий, сам идущий сто-рожным шагом. Каждый шаг — жизнь.

Штора была открыта. В проходе стоял Быстров в самом дальнем конце.

«Для обзора позиция», — смекнул Дмитрий, сильнее упер-ся своим «сечкиным» в напряженную спину Лемтюгова.

Двоих других подручных Быстрова он не обнаружил в са-лоне.

«Либо сзади него в закутке, либо сзади меня в туалете».

Он как раз поравнялся с дверью туалета и остановился.

— Здесь расходиться будем, забирай свой товар, — ска-зал он, видя, что Быстров не собирается идти навстречу.

Незаметно для Быстрова он потрогал ручку туалета. Он располагался по левому борту и, прикрытый от Быстрова те-лом Лемтюгова, Дмитрию удалось сделать это, не вызывая подозрений.

Раздался долгожданный голос командира. И не столько ждал его Дмитрий, сколько саму команду к действию. Такое бывает со всеми бойцами, когда истомит ожидание ракеты в небе, а только она расцветет в ночи — будь, что будет...

— Внимание, пристегнуть ремни! Самолет совершает эк-стренный разворот!

«Умница! — оценил команду Дмитрий: получалось, только он да безгласный Лемтюгов знали, какой именно разворот бу-дет исполняться в следующий момент. — Давай, командир!»

Перед тем как самолет упал на правое крыло, он успел рассмотреть всех в салоне: Луцевич, Судских и его жена были пристегнуты. Быстров стоял в проходе, широко расставив ноги. В последнюю секунду перед креном Дмитрий почув-ствовал под ладонью медленно ускользящую вниз ручку туалета.

«Там второй! Где третий?»

Самолет резко упал на правое крыло. Быстров инстинктивно схватился за спинки последних кресел в проходе, где никто не сидел. На мгновение его короткоствольная скорострелка осталась никчемной, и Дмитрий пальнул дважды в живот Быстрова. Инерция утащила его обмякшее тело в правое кресло, где он остался недвижимым, только ноги в ботинках на рифленой подошве торчали в проходе.

«Следом второго!» — сам себе скомандовал Дмитрий и всадил сразу три пули в дверь туалета. Он стрелял наверняка: когда самолет резко накренился, в его памяти отложился бухнувший в дверь тяжелый стук. Такой могло издать только падающее тело.

Дмитрий явно различил приглушенный стон за дверью, но стон будто оборвался и неестественной была причина: кто-то мог оборвать его, закрыв рот рукой.

«Третий там?»

Неожиданная догадка отняла у него секунду внимания, и этим воспользовался Лемтюгов: он резко ударил ботинком в колено Дмитрия, быстро развернулся и нанес ему сокрушительный удар головой в подбородок. Дмитрий раскинул руки и отлетел к левой переборке, оседая на пол. Он выронил свой «сечкин».

Крен исчез, самолет выровнялся.

Промедление смерти подобно, и Лемтюгов отчаянно колотил ногой в дверь туалета, неистово при этом мыча закленным ртом. Дверь распахнулась резко, на миг выглянул третий боевик, и Лемтюгов спиной ввалился внутрь, но лишь спиной. Он так и мычал, что означало требование немедленно развязать ему руки.

Ближе всех к пилотской кабине сидела чета Судских. Он — у прохода, она — у окна. Когда занялась перестрелка и самолет свалился в правый крен, Судских, преодолевая давление, отстегнул ремни и выжидал момента, если вдруг наступит его черед вмешаться в критическую ситуацию. Не надо объяснять, что со свободными руками Лемтюгов превратится в разъяренного зверя и спасения никому не будет. А еще оставался третий вооруженный подельщик. Он напружинился, вскочил резко и

выбросил свое тело из кресла прямо в тамбур пилотской кабины. Прить далеко не юношеская, подобрать «сечкин» Дмитрия не получилось, и Судских, крепко схватив Лемтюгова за грудки, толкнул его внутрь и тотчас вытянул на себя. Это получилось чисто. Ни Лемтюгов, ни боевик сзади не ожидали натиска: Судских буквально выкинул Лемтюгова наружу, где его перехватил подоспевший Луцевич. Голова Лемтюгова, сразившая Дмитрия булавой, подвела на этот раз: удар ею в тяжелую дверь пилотской кабины оказался не менее тяжелым. Проем, закрывавший прежде третьего боевика, освободился, обнажив картину внутри: боевика заклинило между стенкой туалета и унитазом, к тому же мешал подняться труп другого. Луцевич не мешкал: движение — и «сечкин» в руке, секунда — хлопнул выстрел. Других движений изнутри не последовало. Но оставался Лемтюгов, хотя и связанный.

Нет, успел развязаться... Судских ощутил короткопалые лапы на своем горле сзади. От неожиданности поплыли круги перед глазами, пол, переборки, будто самолет срывался в штопор.

«Какой же я слабый», — пространно подумал он. Собрав остатки сил, он перехватил запястья Лемтюгова и, наклонясь, перебросил тело через себя. В тесноте тамбура прием получился наполовину, и Судских всего лишь свалил Лемтюгова вбок, освободившись от удушающих рук. И опять подстраховал Луцевич. Он мощно поддел коленом Лемтюгова, высвобождая Судских.

— Наконец-то, — с трудом переводя дух, промолвил Судских. Он встал с колен, рассматривая свои ладони. Никогда прежде он не дрался, не вступал в единоборство. Жизнь учила и этому.

Луцевич колдовал уже над Дмитрием, который пришел в себя. Боковым зрением Луцевич увидел встающую из кресла Лайму, а сзади...

— Лайма, назад! — крикнул он зычно: с коротким «узи» в руках в проходе появилась с ошалевшими глазами стюардесса. О ней забыли.

Крик Луцевича пронзил Судских электрическим током. От этого удара он метнулся в салон, падая, успел толкнуть Лайму в кресло. Короткой очередью протарахтел «узи», с опозданием в долю секунды хлопнул «сечкин». Стюардесса свалилась снопом.

В падении Судских перевернулся и затылком ощутил летящую пулю. Он заставил себя развернуться навстречу ей, видел ее, таранящую воздух. Ему почудилось, что он сможет и успеет оттолкнуть ее, но только вправо и пуля, изменив полет, ударит Лайму. Он не успел уклониться, принимая удар на себя.

— Господи, — простонал он. — Опять в голову!..

Луцевич уже был рядом.

— Держись, Игорек! Касательное ранение, раздроблена височная кость. Лайма, вату, бинт, йодовидон!

— Я сама остановлю кровь, — склонилась над мужем Лайма, положив ладонь на рваную рану. Тенькнула ее слеза.

«Держись, княже, — донеслось издалека. Судских узнал голос Тишки-ангела. — Ты выполнил завет и прощен Всевышним. Что ж ты не воспользовался мечом архангела?»

Сознание опять угасло.

Двумя прыжками Луцевич достиг пилотской кабины и, приоткрыв дверь, чтобы не нарваться на пулю, крикнул внутрь:

— Ребята, все в порядке, курс на Питер! Быстрее! Старшой, не держи дизеля!..

5 — 22

Пармен доехал до Рязани лишь в первом часу ночи. Рейсовый автобус останавливали патрули раз десять, проверки были тщательные. Притихшие пассажиры не сопротивлялись: опять в стране бунт, ищут зачинщиков и бандитов. Кто опять? Конечно, коммунаки, кому еще!

Так думал каждый, хотя на самом деле обычным грабежом занимались подручные Лемтюгова в Москве и области по крутым особнякам, но Гречаный установил жесткую систе-

му перехвата, от чего все кошки ночью были черными и, само собой, коммунычыми.

На последний автобус в Скопин Пармен опоздал, но в пору отходил поезд на Ряжск. В общий вагон билетов не было, пришлось ему раскошелиться на купейный.

К его удивлению, он оказался единственным пассажиром в купе. Кто-то не поспел в дорогу, и Пармену повезло. Постель он не взял, к неудовольствию проводницы, и, облокотившись на свернутый матрас, подремывал. Дверь плотно не прикрыл и выглядывал из-под ладони в коридор просто так.

Подвыпивших молодых парней, шастающих по коридору, он заприметил сразу. Они занимали подряд три купе, галдели и прогуливались по вагонам от нечего делать.

«Ну и компания, — осуждающе подумал Пармен. — Кто бы это?»

Ясность внесла проводница, пришедшая забрать лишние одеяла: спортсмены едут после соревнований в Москве.

— Ох уж и никчемные, колобродят от самой Москвы, нахальные, а сумки у них тяжеленные, здоровые...

— До Саратова, небось? — полюбопытствовал Пармен.

— Ишо и в Саратов таких. До Ряжска, как и вы.

«Попутчики», — отметил он и потерял к ним интерес.

Только не понравилось Пармену, когда среди ночи вошел в купе один из этих спортсменов, здоровенный, подбородок утюгом, включил свет и принялся разглядывать Пармена. Он поднял голову на прищельца и встретился с абсолютно трезвым взглядом.

— Спи, дед, — успокоил он Пармена и ушел, плотно задвинув дверь. Света не выключил.

«Старший, наверно», — не обиделся Пармен. Выключил свет и приуспокоился до упора. Спортсмены, так спортсмены.

Перед Ряжском его разбудила проводница. Он оделся и, сидя в купе с открытой дверью, ждал, когда спешный люд освободит проход. Выходя в тамбур, переругивались спортсмены, бухали их тяжелые сумки о переборки. Пармен терпеливо ждал.

Поезд затормозил, и Пармен покинул купе. В коридоре было свободно. Он застиг последнего спортсмена в тамбуре, тот с усилием нес перед собой увесистую кису из брезентовой ткани.

Пармен вышел на перрон. Всего лишь шестой час утра, и okazji до Скопина ждать нечего, да там еще до хутора километров двадцать пеше по морозцу... Опоздал, ничего не попишешь.

Спортсмены устремились к выходу в город, а Пармен — в зал ожидания. Пустыми были все места, но Пармен стал разглядывать из окна привокзальную площадь.

«Хорошо живут! — отметил он усаживающихся в два крупных джипа знакомых по вагону парней. Отметил Пармен и шипованную резину на широких скатах, усиленные фары и лебедки впереди. — Молодые, прыткие, призы, небось, взяли...»

— Могу обратиться? — услышал он за спиной и — прикосновение к плечу. Он оглянулся и увидел дядьку лет шестидесяти с доброй рязанской физиономией и робкой улыбкой. — Я вот наблюдаю за вами и так думаю, что до утра вы ожидаете. Часом, не в Скопин надо?

«Это еще почему?» — не торопился с ответом Пармен. Гречаный строго-настрого запретил добираться с попутчиками. Только автобусом, а в Скопине его дождется машина. И только так.

— Я почему спрашиваю, — наседали доброхот. — Провожал сына с детьми, а назад одному боязно, и если вам в Скопин, милости просим. Мил человек, не сомневайтесь, у меня «аппарат», я и в район свезу, если надо, и у меня почасовничают в Скопине.

«Извозом занимается, — понял Пармен. — Про внуков наврал. Ехать один боится, а сидеть до утра жадничает».

— А до Скопина сколь возьмете?

— Ничего не возьму, — решительно заявил дядька. — За уважение не беру. А в район если, сговоримся. Евфимием меня зовут, — представился дядька, протянул ладошку лодочкой и подчеркнул: — Е, Ве.

Пармен согласился. Они вышли на привокзальную площадь, и дядька сразу повел его к одинокому «ижу-комби», какие остались не в каждом музее. «Аппарат» густо запорошило снегом, видать, не один час дожидался Евфимий пассажира, а свою первую весну справил давным-давно, если не раньше хозяина. Любовь к нему, стало быть, сберегла. Однако двигатель затарахтел с полуоборота, и рабочий ход оказался ровным, и хозяин управлял им умело.

Евфимий разгонял сон в пути длинными монологами, которые прерывались только тычками в плечо Пармена с непременным «слышь». Дорога до Скопина была укатанной, увалы снега высились по обочинам, и это не отвлекало Евфимия от рассказов: грейдер чистил трассу регулярно. Попутные машины не показывались, встречные тоже, и в дальнем свете фар искрилась падающая ранняя изморозь. Укачивало, и Пармен, несмотря на словоохотливость Евфимия, убей Бог, не запомнил, что он рассказывал непрерывно. Что-то про кремлевские заговоры, о которых здесь знают хорошо, про банки, которым лишь бы у людей деньги выудить, и еще про смелых людей, которые не позволяют грабить русских. «Не позволють», — он так и сказал.

До Скопина добрались к семи часам утра.

— Ты уж меня, хороший человек, к вокзалу доставь, — попросил Пармен, осоловевший от Евфимия. — Я автобуса дождусь.

— А и ладно! — согласился он, довольный ездой без приключений. — А то вон того найми. — Со смехом указал Евфимий на джип у самого выхода на перрон, который был ничем не хуже увезшего спортсменов.

Распрощались с обоюдным удовольствием. Пармен выждал, пока «аппарат» уехал, и направился к джипу. Номер оказался тем, какой назвал ему Гречаный.

— Здорово ночевали! — открыл он водительскую дверцу.

— Ого, деда! — удивился заспанный водитель. — С этой стороны мы вас никак не ожидали. Святым духом добрались?

— И с духом тоже, — довольный новой удачей, ответил Пармен.

Внутри джипа сидело еще трое парней.

Едва Пармен расположился на заднем сиденье, водитель сообщил по рации о встрече, отключился и выжал сцепление. Джип зашпешил знакомой дорогой. Опять высокие увалы вдоль укатанной дороги и ни души, только под утро похолодало крепче.

В спокойном месте Пармен намеревался поспать и заснул сразу, привалившись к плечу одного из парней. В ногах у каждого маячили автоматы: у сидевшего рядом с водителем — на коленях, у водителя — сбоку от рации. Пармен отнесся к оружию с пониманием: не на блины, чай, едут, всякое случается, пока смутное время.

— Саша, — неожиданно включилась рация. Пармен очнулся.

— Слушаю, — взял микрофон сидящий рядом с водителем.

— Саша, в районе орудуют три банды. Две как будто нацелились банки грабить, мы их пасем, а третья где-то возле вас. На дороге от Милославского обнаружили след, прошли два тяжелых джипа. Вы где сейчас ориентировочно?

— На полпути.

— Джипы прошли на рокаду, но там их нет. Думаем, они в маклаковских подлесках хоронятся.

— Что делать?

— Повнимательнее. Повадки у бандитов крутые, команды опытные. Я постоянно на связи. Об изменениях сразу сообщу, вы — тоже.

Связь прекратилась. Пармен подумал и решительно выложил:

— Я видел эти джипы.

Все, в том числе и водитель, повернули к нему головы.

— В одном поезде ехали с молодчиками. Под спортсменов косили, а в Ряжске их два джипа встречали. Они с огромными сумками, занимали три купе.

Старший сразу связался по рации:

— Наш пассажир ехал вместе с командой в поезде, человек двенадцать. С большими сумками, явно оружие везли, взрывчатку, маскировались под спортсменов.

— Понял, — ответили на том конце. — А дай-ка трубку пассажиру.

Пармен взял трубку.

— Скажите, а не было ли среди них маленького такого, юркого?

Пармен перебрал в памяти образы спортсменов, одноликих каких-то и топорной внешности, одинаковых. И всплыла вдруг маленькая картинка, на нее он сразу не обратил внимания: из соседнего вагона, по-кошачьи приседая, появился небольшого росточка пассажир, одетый, как те спортсмены. Тогда Пармену показалось, что он машет рукой кому-то у вокзала, теперь соединилось в одну картинку: человечек указывал на выход в город. И еще вспомнил Пармен, что ужимки его были знакомы.

— Был. И у меня был. Сыромятов некто... Или Сыроватов...

— Спасибо вам! — откликнулась рация. — Саша, на повороте возьми с собой двоих и устрой заслончик, а водитель пусть везет пассажира на хутор. Мы здесь с рокады будем их выкуривать. Думаем, банда собирается склады взрывать, есть такая наводка. Все.

— По такому снегу? — пробормотал Пармен.

— Лыжи есть, — занятый обдумыванием приказа, ответил старший.

Пармен не проронил больше ни слова.

У поворота, который был неразличим Пармену, трое быстро выбрались наружу, достали из задника короткие лыжи-снегоступы и растворились в зыбкой предутренней темени.

— Вот, деда, какие дела, — выжал сцепление водитель. Сказал он это между прочим и взял трубку: — Ребят высадил, двигаюсь к хутору.

— Неужели все это из-за меня? — решил заговорить Пармен. — Что ж они в поезде не приставали? Присматривались будто...

— Тут что-то другое, деда. Засаду устроили, чтобы они сдуру на хутор не сунулись, а интересуются они складами, — пояснял водитель. — Диверсию готовят.

— Какис склады? — насторожился Пармен.

— Была там всякая дрянь, какой собирались воевать в третью мировую, химия. Бинары, нервно-паралитические газы...

— А как тогда Семен Артемович решился поселить мальчонку в такой близости от опасности?

— Не бойся, деда, — успокаивал водитель, и вполне уверенно. — Два года назад вывезли все тайно и тайно уничтожили. Атаман лично проследил. А по документам склады числятся действующими. Теперь их минобороны охраняет, а рокаду еще и казаки. Чистая работа.

— Слава Богу, — перевел дух Пармен.

Подмывало водителя рассказать приятному попутчику, что вместо складов на том месте устроен аэродром, и самолеты есть, и вертолеты в скрытых ангарах: так зачем тогда ему числиться в доверенных и проверенных? Обрывая разговор, он сказал:

— Хватит вопросов, деда. Дальше начинается военная тайна. А если бандюги сунутся туда, я им не завидую. Я так думаю, они шли на диверсию по старой наводке. Иначе с такими силами смерти на рога идти, — подытожил водитель.

Джип ровно и уверенно разматывал снежное полотно дороги. Водитель замолчал, вглядываясь вперед, а Пармен, успокоившись, прикорнул на заднем сиденье. Водитель посвоему истолковал его молчание, оглядывался мельком назад и в конце концов сказал:

— Скоро уже. С километр осталось до хуторского проселка, там развилка на три дороги. Направо пойдешь — ничего не найдешь, налево пойдешь — назад не придешь...

— А прямо? — вежливо откликнулся Пармен.

— А прямо — на хутор, — оставил былинный стиль водитель. Что-то он углядел в темени: — Стоп...

Фары высветили двух человек у обочины. Один голосовал. Оружия не видно, однако наряд их, удобный и легкий, говорил больше.

— Чужаки, — уверенно промолвил водитель. Сбросил газ и подъезжал к ним медленно. — Пригнись, деда, на всякий

случай. — И кратко сообщил по радиации: — Двое чужаков прямо передо мной, голосуют.

— Не останавливаться. Действуй по инструкции, — отреагировали по радиации сразу.

— Так и сделаем, — сам себе ответил водитель.

Поравнявшись с чужаками, он тормознул и тут же нажал газ. Джип занесло, из-под задних колес вырвался пушистый веер снега, запорошивший ожидающих у обочины. Джип резко набрал ход. Через заднее стекло Пармен увидел, что чужаков будто прибавилось.

— Пригнись! — крикнул ему водитель. — Засада!

Выстрелы дробно протарахтели вслед. Пармен ощутил, как по-шмелиному вжикнула пуля и водитель ткнулся лбом в бампер. Джип вильнул и с разгона ткнулся в снежный увал. Переднее стекло забило порошей. Двигатель урчал, не в силах одолеть плотное препятствие. Пармен привстал и потряс водителя за плечо. Он отвалился к дверце и не подавал признаков жизни.

— Ох ти, Господи! — пробормотал Пармен и выбрался наружу.

К машине бежали пять человек. Отойдя от джипа, Пармен стал дожидаться своей участи. Первый подбежавший с размаху ткнул его кулаком в висок. Пармен неуловимо отклонился от удара, но отлетел к обочине. Нападающий по инерции проскочил мимо, поскользнулся и ничего не понял: был удар или показалось. Пармен, скорчившись, остался возле увала с противоположной стороны. Где-то далеко у черной полосы деревьев затарахтели торопливо очереди, забухали одиночные выстрелы.

Нападавший на Пармена все не мог уяснить, что же произошло, и тупо разглядывал свой кулак, ничего не предпринимая.

— Ты какого смура застрял! — со злостью окликнули его. — Выталкивать помогай!

Кто-то из чужаков дергал рычаги внутри джипа, летела веером пороша из-под скатов, и джип с помощью остальных

подталкивающих выбрался на дорогу, развернулся в обратную сторону.

— Грохни его! — раздался прежний властный голос. — Контролку сделай!

Нападавший на Пармена поспешно чиркнул монаха короткой очередью из автомата и следом за остальными влез в джип.

Пармен, все так же скорчившись, лежал возле увала, не шевелясь, бочком. Рассветная поземка, взвихренная ветром, сыпала ему на опущенные веки. Когда шум двигателя растворился в темной синеве, отбеливающей день, он приподнял их. Другой шум, более мощный, надвигался с противоположной стороны. Первым, пуша поземку в колесе, проскочил вездеход, второй — широкоосный джип — остановился. Пармен продолжал притворяться мертвым, пока чьи-то руки не стали переворачивать его лицом вверх.

— Дедка убили, сволочи! Атаман головы посворачивает!

По запаху, который никогда не выветривается — стойкий запах лошадиного пота, Пармен определил подъехавших и открыл глаза.

— Живой!

Его, как малого, поднимали на руки.

— Да отпусти же! — осерчал Пармен. — Девушка, что ли...

Он высвободился из заботливых рук, расстегнул молнию куртки и запустил пятерню под свитер.

— Раз, два, три... пять пульек, — показал он разжатую ладонь. — Все как одна.

— Броник был? — спросили его участливо.

— Амуниции не ношу, ребятки, — просто ответил Пармен. — Это, надо бы знать вам, казацкий Спас, а среди славян щитом архангела Михаила кличут.

Он пошел к джипу, где над водителем склонились двое.

— Дайте-ка взглянуть... вроде жив маленько.

— Под лопаткой гуля.

— Кладите на заднее сиденье, а я кровь остановлю, — распоряжался Пармен, и подчинились ему уважительно.

— Поехали, деда, быстрее.

— Нет, не быстрее! — воспротивился Пармен и осмотрел водителя. Он убрал с лопатки сочащийся кровью тампон, поводил пальцами, сжимая и разжимая их, будто отогревал с мороза, потом сжал в кулак и отдернул руку.

— Вот она...

На ладони Пармена лежала пуля с налипшим сгустком крови.

Водителя аккуратно привалили к спинке сиденья. Он медленно открыл глаза.

— Деда... Живой.

— Я-то живой, а ты, мил друг, полуживой, — улыбнулся Пармен.

В молчании добрались до хутора, только побряхтывал на заднем сиденье водитель. Его первого вынесли из джипа и бережно понесли в дом. Пармен остался у машины, терпеливо дожидаясь, когда о нем вспомнят. Ничего с ним не случится, не барин.

Перед ним на пригорке стоял небогатый флигель, а чуть в стороне — изба-пятистенка под четырехугольной крышей, какие приняты на Дону и Кубани. Ранним утром он будто ежился белеными стенами от холода. Пармен оглядел двор. Обычный казацкий баз, и, если бы не джип посреди, время унесло бы Пармена лет на сто вглубь: пофыркивала в конюшню лошадь, куры, нахохлившись, сгрудились у курятника, и петух в середине своего гарема приглядывался к Пармену.

Давным-давно уезжал он с похожего обжитого двора и сейчас помнил, как съеживалось его детское лицо от усилий сдерживать непрошенные слезы, чтобы казаться взрослее. Далеко уезжал он по настоянию отца, попавшего в немилость к советским властям, в холодную Сибирь от величавого Дона, к родственникам, осевшим там в начале прошлого века. Освоили смолокурку в артели на новом месте. В созданный позже колхоз не пошли, а забрались дальше в тайгу, охраняя от дурных глаз и намерений умение врачевать без лекарств, сохраняя древнюю веру. Приучили к врачеванию Пармошу, обучили казацкому Спасу. После войны особисты основатель-

но взяли за них. «Иди в монахи и хоронись. Верё не изменый и жди», — сказал ему дядька в двадцать лет и вывел за ворота, вручив котомец на дорогу. Ушел Пармен без долгих напутствий и никому не открылся за годы ожидания, только патриарх распознал его сразу, приблизил и оберегал, давал для чтения совершенно необычные книги, ничего не объясняя. Молчаливое понимание обоих было печатью таинства, охраняемого пуше глазу от ряженных в черные вериги попов и монахов. Чужие. И вокруг чужое, нелепое, и только сейчас почудилась Пармену весна обновления, среди зимы повесало запахами, которые отгонял он от себя с того далекого дня, когда стоял хрупким росточком среди отцовского двора, родного казацкого база. Дождался он.

«Это как-то правильно получилось, — опять морщилось его лицо от влаги в уголках глаз. — Чтобы ожило оно, единственное...»

Отворилась дверь, и на просторное крыльцо вышла женщина, придерживающая пуховую шаль на груди. Поздоровались степенно.

— Что ж в избу не идете?

— Не звали пока, — отшутился Пармен.

Она задержалась на крыльце, потом поклонилась ему в пояс и ушла обратно в дом, и Пармен остался на месте, обдумывая сказанные пожилой женщиной слова: «Обживайтесь, батюшка».

Без стеснений Пармен заглянул в конюшню. Красивый конь глянул на него блестящими глазами, пофыркал, втягивая запахи Пармена, и закивал головой часто, будто кланяясь и приглашая одновременно к кормушке с овсом.

— Ах ты, любезный! — расчувствовался Пармен и прильнул щекой к конской морде. Конь крупными губами стянул его шапочку набок и подул ноздрями прямо в ухо Пармена, будто поведал ему нечто важное, ради чего он здесь.

Пармен погладил коня по шее, потрепал холку.

— Спасибо тебе за ласку, — промолвил он, и пришлось все же промакивать слезы в глазах.

Выйдя из конюшни, Пармен стянул шапочку с головы и вытер слезы. Потом он обеими руками водрузил ее на место, и взгляд его уперся прямо в большие детские глаза. Сердце екнуло.

— Вот ты какой, — прошептал Пармен. Чуть не отнимались ноги.

Подросток лет тринадцати, хорошо сложенный, с непривычной для такого возраста осанкой, стоял перед ним. Фигуру подчеркивал утепленный комбинезон, из-под капюшона выбились русые волосы.

«А ведь ему восьмой годок», — подумал Пармен и присел на приставец у конюшни.

— Ну, здравствуй, — промолвил он, улыбаясь желанной улыбкой. — Как зовут тебя?

— Кронид, — внятно ответил мальчик. — Здравствуйте, дедушка Пармен. Бабушка Оля сказала, что вы приехали учить меня.

— Так и есть, дружок.

— Чему мы будем учиться? Я знаю математику, письмо, говорю на трех языках. Я люблю учиться.

— Жизни, — почти растерянно ответил Пармен, не найдя ничего другого.

— Я буду хорошо учиться.

Мальчик подошел вплотную к нему и положил ладони на коленки Пармена. Глаза смотрели внимательно, и Пармен ощущал робость от детского взгляда. Так умел смотреть патриарх.

С крыльца улыбалась им пожилая женщина.

Из поля зрения Пармена выпали ворота, и только по чистой случайности он заметил, как прокрался в них небольшого роста человек с автоматом в руке наизготовку. Первая мысль была о мальчике, лишь бы он не испугался.

— Кронид, — спокойно проговорил он. — Сейчас я возьму тебя крепко, и мы очень быстро спрячемся в конюшне.

— Зачем, дедушка Пармен? — не удивился мальчик. — Я знаю: в ворота вошел нехороший человек, он хочет убить вас, а меня украсть.

— И что нам с тобой делать? — удивился не мальчик, а Пармен.

— Пусть чуть-чуть ближе подойдет...

Пришелец крадучись сделал несколько шагов и вдруг поднялся вверх метра на два, обронив от неожиданности автомат. В голос вскрикнула женщина с крыльца. На крик выскочили казаки.

— Не стрелять! — остановил их Пармен, и казаки кружком стали вокруг висящего в воздухе пришельца.

— Да это же Сыроватов! Брать надо живьем гада! Как?

— Мешок несите. А Кронид его опустит. Правильно, Кронид?

— Конечно, дедушка Пармен. А выше поднять?

— Не надо выше. Пусть его черти в ад утащат, нечего небо копить...

5 — 23

Сумароков сразу покинул Рязск, едва подопечные боевики уехали на джипах по своим маршрутам. Сдал Сыроватову команду и, сославшись на приказ Лемтюгова, смылся от греха подальше. И правильно сделал.

Трепатне шефа о каких-то неведомых силах, способных изменить ход событий, он не поверил. Дескать, взорвут они склад химических ВВ, в Зоне аукнется, а в Москве откликнется, так, мол, стрелки на карте указывают, а он, Лемтюгов, домыслил это. Лемтюгов домыслил? Свежо предание. Химичить он умеет, а мыслить — это из области фантазии, как и стрелки на карте. Перечить шефу Сумароков не стал, однако ноги из Рязска, битком набитого казаками, унес. Пора самому поразмыслить, как без шума отойти от прежних попутчиков.

В Москве Сумароков узнал из последних новостей о неудачном захвате бандой Лемтюгова самолета Гречаного — это радовало — и поимке Сыроватова — это обескураживало. Сыроватов жив и запросто продаст его... Что ж делать-то?

«Пока туда-сюда, ситуация непонятная, нужно шанс не упустить, — размышлял Сумароков. Вся схема террора, развязанного по стране против иноверцев и евреев, была ему доподлинно известна, сам разрабатывал с Лемтюговым. — А где лес рубят, щепки летят, можно куш отхватить. А у кого, национальность роли не играет».

Из объемистого списка назначенных на заклание он выбрал троих: двух банкиров и одного еврея, взлетевшего наверх еще при Ельцине и Черномырдине. Высвеченные по картотеке органов данные говорили, что вся троица весит одинаково персонально — по миллиону припрятанных баксов с небольшой разницей.

Сумароков оставил каждому по двести тысяч на пропитание, по сотне подручным, сто оставил на побочные расходы, написал на чистом листе бумаги 2 000 000 долларов и полюбовался ноликами. Это его, этого хватит, он не жадина.

Только он изготавился сжечь бумагу, с улицы раздался дробный перестук автоматных очередей, а следом громыхнул взрыв где-то в парадном. Привыкший к неожиданностям, он плашмя выстелился на полу, охватив затылок руками.

«По мою голову?» — промелькнула боязливая мысль. Но никто не ломился в дверь, в окно не влетела граната или шашка. Чертыхаясь, Сумароков пробрался к окну и осторожно выглянул вниз. Было светло, послеобеденный час, лошадей или джипов во дворе не видно.

«Ясное дело, — понял он. — Кому-то еще понадобилось с упырей мзду получить. Дерзайте, ребята», — успокоился Сумароков.

Упырями после планомерной кампании искоренения коммерческих банков называли банкиров и в разгуле нынешних страстей чаще всего бомбили квартиры именно их. Кто ради наживы, кто из-за пакости, а казаки как-то не поспевали пресекать разбой, подевались куда-то их сметка и прыть. Кто из рогатки бил стекла, кто из гранатомета, а Сумароков жил в престижном доме с нуворишами. В прежние времена сосед-

ство с генералом из органов нравилось, теперь оно разонравилось Сумарокову.

«Сейчас-то уж точно казачки нагрянут, — отметил он и быстро оделся. — Я тут лишний, нечего светиться».

Остальной план он додумывал на своей даче, где собрал пятерку проверенных ребят из бывшего СОБРа.

Пока отрабатывались детали, одного из намеченных для собственной хорошей жизни подстрелили прямо в банке. Просто так. Еврей, не дожидаясь заклания, исчез.

— Не люблю переписывать цифры, — признался подручным Сумароков. — Будем брать все с третьей жертвы. Устроим ему лесной арбитраж, выпишет нам полную сумму для покрытия убытков.

— Можно, — согласились они. Не привыкать. — А казачки, не видно, чтобы обороняли упырей.

— Это Момот, — согласился Сумароков. — Поклялся извести ихнее племя под корень, а Гречаный, собачий хвост, дождется, когда очередного грохнут, а потом эксовиков отстреливает. Задний ход не собираетесь давать?

Ему не ответили. Заниматься другими делами отвыкли.

За двумя бутылками хлебного «Довганя» переработали план. Решили брать банкира на дому вместе с домочадцами. Так сговорчивее станет. Для ясности нашли выходы на охранников и приватно просили их не вмешиваться. Как-никак, вышли из одного гнезда, а чтобы не разорять своих, лучше внять голосу разума. Лучше сильным и здоровым служить в частной охране, чем лезть под пули ради упыря и вылететь к бениной маме. Кстати, банкира зовут Бенья Либкин.

— Хватит болтать! — осек разговорившихся подручных Сумароков. — Отдыхать пора, завтра начинаем.

— Рождество ведь, праздник, — попытались выгадать время подручные.

— Самая фенька в праздники работать. Гречаный опять же отменил церковные праздники. Вообще какую-то новую религию собрался вводить по всей стране наравне с другими.

— Круто новый президент начинает...

— Нам отставать не след, — веско подчеркнул Сумароков. — Будем сиднем сидеть, свои же яйца протухнут.

Отпустив народ отдыхать, Сумароков еще раз проглядел план квартиры Либкина. Целый этаж, двенадцать комнат, все окна из бронированного стекла — муха не просунется; две спальни и кабинет имеют стены из специального тугоплавкого сплава. Еще и галльон... Во всех комнатах и холлах видеомониторы.

«И на хрена такая собачья жизнь? — водил пальцем по чертежу Сумароков. — Нужду справлять в бронированном галльоне, спать в бункере. Ни босиком по траве не пройти, ни палку без соглядатаев не поставить. В гробу бы я такую жизнь видел. Ради чего?»

Вот когда он сострижет два своих зеленых лимона, он на ерунду не разменяется: здоровье беречь надо не в бункере, а в домике над речкой с дровяной печкой, где лучок на грядке и стручок в порядке. Девку молодую иметь надо, чтобы пятки чесала...

Запиликал вызов сотки. Никак не ожидал Сумароков, что-бы кто-то искал его по служебному номеру. С замиранием сердца брал он трубку.

— Кто?

— А кто? — встречно спросил его насмешливый голос.

— Называйтесь или конец связи, — неприветливо сказал Сумароков.

— Так не надо, — укорили в трубке. — У меня разговор особый накануне экса и подарок получше делаю, чем Его благородие Удача.

Сумароков помолчал, но связи не оборвал.

— Чего надо? — спросил он наконец.

— Не шоколада, который вы хотите найти у Бени Либкина. Он весь ваш. У меня другое предложение. А чтобы рождественское празднество прошло без осложнений, вы, друг мой, прогуляйтесь к выезду на шоссе. Я буду один, чего и вам желаю. Без ничего. Не надо обманывать хороших людей. Жду через десять минут.

Отбой.

Сумарокова залихорадило. И ежику понятно, что незнакомец знает слишком много и блефовать не намерен. У него особый интерес. Шапка, шарф, кроссовки, куртка, молния под самый подбородок — и Сумароков устремился к выезду на шоссе. Без ничего. Смысл был. Кому надо его пристукнуть или попотрошить, нашел бы другой способ.

Случается ведь в жизни, когда и Боженька куролесит! Непросто он то воды Черного моря раздвигает, то соляной столб воздвигает, есть в том истина, есть... Не одним праведникам способствует.

Вернулся в дом Сумароков с видом счастливого придурка. Так ему еще никогда не везло: чудак у шоссе сдал ему Беню Либкина со всеми козырями, а взамен попросил девятку пик с восьмеркой треф — свидание с огорченной особой. А чудак-то особый чудак.

«Ничего себе, — лихорадочно расхаживал по кухне Сумароков, чтобы не тревожить спящих в комнате подручных, — дядя хоть и кутался в шарфик, а с самых верхов спустился ради этой встречи...»

В общем, это его дело. Договор у них железный.

Нападение прошло, как в тренировочном лагере омовцев. Охрана не сопротивлялась, согласно сценарию. Едва отворили дверь, ворвались ребята Сумарокова: двое связали и уложили охрану на пол, трое других махнули прямо в гостиную и возникли пред рождественским столом, как черти из табакерки. Под прицелом автоматов оказались сам президент банка, его супруга и отпрыск — вылитый кретин, еще и с женой; пащенок — папин зам, невестка — его секретарша. Красиво устроились. Красиво и восседали вокруг вкусненького. Руки пришлось поднять.

— Можно опустить, — милостиво разрешил входящий в гостиную Сумароков. — Но с трапезой обождем.

— Вы попираете закон, — без дрожи и надменно промолвил папаша.

— Что вы говорите? — сделал удивление в голосе Сумароков. — На эту тему с вами побеседует представитель Господа Бога. И пока помолчи, упырь. — Троицким в масках сказал: — Семейку — в бронированный туалет, чтобы коликов не случилось, а папашу привязать к стулу, пока мы ревизию проведем. Таковы условия договора.

— О каком договоре идет речь? — поправив очки в тонкой золотой оправе, спросил банкир холодно.

— Ну прямо Ленин, собирающийся дать отпор меньшевикам! — съехидничал Сумароков. Он праздновал удачу. — Сидеть!

Гуськом домочадцы покинули гостиную. Праздник испорчен для них. Дождавшись, когда свяжут банкира, Сумароков сказал:

— Теперь посмотрим, можно верить сильным мира сего или нет. Один со мной. Охрану поместить в детскую, так сказать, спальню.

Изученным маршрутом он проследовал в спальню главы дома.

— Снимай матрас, — приказал он подручному.

Без долгих напоминаний тот сдернул покрывало, простыни, выдернул матрасные подушки из гнезд. Обнажилось дно, и подручный замер в ожидании.

— Теперь нажми эту штуковину, — указал Сумароков на выступ спинки кровати, огромной как аэродром, — и доставай два лимона зеленых, которые бедная семья отложила на черный день.

Похожий на зачарованного пингвина при виде ледокола у кромки припая, подручный наблюдал, как выезжает днище, обнажая ровный слой стодолларовых пачек.

— Ничего так прослоечка, да? У этого упыря везде ни щелочки, ни зазорчика, даже двери везде, как на подложке, подогнаны. Ну, об этом позже. Ссыпай в мешок. — Пока подручный собирал кроватный урожай, Сумароков наблюдал и от нечего делать будто рассказывал: — И техники в доме полно, автоматика кругом. Случись что, я ж говорю,

как на подложке. Только одного дурень-упырь не учел задачи воздуха. А так все грамотно, — заржал он в предвкушении чего-то самого сладкого.

Едва выборка закончилась, он махнул подручному следовать за собой в кабинет. Там он велел ему вынимать полки из книжных стеллажей. Все до единой.

— А книги? — не уяснил полно приказ подручный.

— Они их не читают, а нам пока на образование не хватает денег. Вали на пол, а полки на стол.

Минут за десять на столе выросли два штабеля.

— Все.

— Тогда начнем потрошение золотого тельца.

Прежде у Сумарокова не открывался дар метафоры, он проявляется не у каждого от обладания золотой рыбкой. Кого лихорадит, кого сводит с ума, а ему хотелось в сей звездный час говорить красиво. Он аккуратно, без спешки вынул из торца полки длинную рейку и тряхнул ею над ковром.

— Е-мое, — не вынес мук ожидания подручный, глядя на дождь золотых монет.

— Не все твое. Тут на всех.

— Где ж эта сука награбила столько?

— У нас, где еще. По заветам Карла Маркса, по наводке Фридриха Энгельса, под водительством Владимира Ленина. Сейчас мы вернем свое награбленное, станем порядочными, выучим политесам детей, а потом придут к нам другие, чтоб стать порядочными по законам уравниловки.

— Ох, Лукич, шли — не ожидали такого, — торопливо собирал с ковра урожай подручный.

— Я сам, признаться, не ожидал, — откровенно ответил Сумароков. — Даже гранатку для себя припас, если конфуз случится.

— Кто ж навел?

— Не твое дело, — оборвал Сумароков. — В Рождество и Господь развлекается. А у него техника слежения что надо, Божья, нашей не чета. Подключился к домашнему пульту через спутник и смотрит, если хочешь, как свекор невестке кое-

что в натуре изображает, или более интересные штучки. Охрана не вызнала, а ему — проще пареной репы. Ох, головастый! И честный, — помедлив, закончил он.

Небольшой подсумок с монетами весил поболее мешка с бумажными деньгами. Оно и понятно. Подручного гнуло к подсумку, когда он шел следом за Сумароковым из кабинета.

— Так, орлы, — собрал всех в холле Сумароков. — Исчезайте, как оговорили, меня не ждите. Встречаемся на прежнем месте. Я надеюсь, мы ведем честную игру и нам еще раствориться надо, — намекнул он. — Встретимся, поделимся и обскажу, как быть дальше.

За последним ряженным закрылась дверь, и Сумароков вернулся в кабинет. Время оставалось, чтобы взять его личный приз без посторонних глаз. Он подставил кресло к стене и вывернул лампочку светильника бра вместе с патроном. Спустившись на пол, он развинтил патрон, извлек из него увесистый изумруд и только потом охнул:

— Вот это царский подарок!

Подкинув камень на ладони, он спрятал его во внутренний карман. Обладатель крупного состояния! Такое даже не снилось...

«От черт! — хлопнул он себя по лбу. — Пульт не отключил...»

Это нужно было делать сразу по договору. Теперь видеозапись могла где-то отложиться. Нечаянно он подводил своего протеже.

И все равно идти к пульту придется, как ни хотелось теперь делать этого.

В закутке, где размещалось управление всей домашней автоматики, Сумароков нажал красную кнопку с надписью: «Автоматический режим», вышел сразу же и у входной двери достал переговорную станцию:

— Можно.

На улице никто ему не встретился. Было около двенадцати ночи. Подняв воротник, Сумароков заспешил в переулок, где ожидала его заранее припаркованная «фелиция». Уди-

вительно, однако ни один казацкий патруль не посетил в рождественскую ночь этот фешенебельный район, где обитали випари — так еще называли в народе сверхбогатых людей — особо важные персоны.

Сумароков отъехал, и следом из переуллка появился другой человек с поднятым воротником и мохнатой шапке на глаза. Дверь подъезда открылась на писк открывающего устройства в его руках, и он вошел внутрь. Дверь закрылась автоматически. В лобби с обеих сторон без особого интереса наблюдали за ним два глаза видеокамер. Человек усмехнулся и прошел без задержки к лестнице.

В квартире он так же хорошо ориентировался, как до этого Сумароков, хотя оба были здесь впервые. Он двинулся прямо в гостиную.

Привязанный к стулу банкир напряженно ждал, когда откроется лицо нового визитера, а тот не торопился: отвернувшись, разматывал шарф, снимал шапку, но перчатки оставил на руках. И пальто не снял.

Наконец он повернулся к Либкину.

— Георгий Георгиевич! — пораженно воскликнул он, не зная, куда отнести его появление: к лучшему или к худшему для себя. Палач или освободитель?

— Вы уже узнаете меня? — с насмешкой спросил Момот.

— Немедленно развяжите, — прежним барским тоном потребовал Либкин, решив, видимо, сразу определить ситуацию для себя.

— Незачем, Вениамин Борисович. Я зашел всего лишь попрощаться.

— Где моя семья?

— Там, где вы определили ей место. В аду.

— Я не понимаю вас...

— И не собираетесь. Подобные вам возомнили себя вершителями судеб, серыми кардиналами общества, сила денег возвеличена вами, этим вы развратили молодое поколение. И каково вам сейчас? Как собираетесь откупиться? Мне всего хватает без вашего откупного.

— Прекратите этот бред! — повысил голос Либкин. — Не вам состязаться со мной, мне и ваш Гречаный не указ.

Он все еще верил в справедливость, которую сам насаждал, справедливость сильного над слабым, в силу клана, когда можно пинком ноги открывать дверь в кабинет главы страны, решать за него, где развязать войну и где связать чуждые другим интересы.

— Не то время и место, Вениамин Борисович, — насмешливо отвечал Момот. — Сейчас я банкую. Вам назначен последний ровер.

Либкина пробрал холодный пот. Этот человек уверенно посягает на святая святых мироздания, и бесполезно говорить с ним на общепринятом языке, он сам считает себя властителем судеб. Говорил он своим единомышленникам: Момота надо немедленно убрать...

Судорожным движением мышц лица Либкин заставил себя взять в руки, подчиниться, чтобы выгадать жизнь. Что-то дьявольское было в его перерождении. Инстинкт диктовал: этот человек пришел с заранее готовым решением, и торга не получится. Только хитрость, только гибкость ветки под тяжестью снега.

— Что вы от меня хотите? — спросил он. Семья отошла прочь.

— Сначала выговориться, — сел в кресло напротив Момот. — Помните, одиннадцать лет назад я умолял вас, президента могущественного банка, помочь выпустить мою книгу?

— Не помню. Просили денег все.

— Еще бы. Вы даже не читали моих просьб, дальше вашего помощника они не шли. Это политика, Вениамин Борисович. Зачем людям новые книги? Каждая новая книжка — глоток свежего воздуха. Когда Россия голодала, вы ссужали вора и поставщикам гнили деньги под льготные проценты и драли втридорога с отечественных производителей; когда умирала ее духовность, вы спонсировали миллионы на конкурсы стриптизерш. Вы холодно и расчетливо ждали, когда выдохнется держава, чтобы задушить Россию, согласно теории Карла Маркса,

своим масонским капиталом-удавкой. Не вышло, Вениамин Борисович, в очередной раз. Дух россов сильней ваших фари-сейских потуг. Одиннадцать лет назад я продал квартиру, залез в дикие долги, но книга вышла. Благодаря ей люди стали учиться распутывать ваши мерзкие делишки. Желание читать у людей вы не отшибли.

— Вами движет обида, месть? — старался быть ниже травы Либкин.

— В какой-то мере. Лукавить не стану. Но здесь не личная обида. Вы помеха общему движению возрождения, как один из главарей масонской ложи. Вас ждет казнь по приговору антимасонской «Народной воли». Вместе с вами не переживут эту рождественскую ночь еще тридцать пять ваших сподвижников.

Либкин почувствовал тошноту. Неужели нет средств и способа откупиться?

— Вы возрождаете средневековье.

— Гораздо глубже, Вениамин Борисович. С ноля часов наступит 9235 год по ведическому календарю. История продолжается. Кстати, первый и неудачный приход Христа случился в четвертый послеатлантический период и приходился на 666 год по ведическому календарю. Церковь подчистила даты: уж больно дьявольский знак. А если вы намекаете на террор, представьте, что вы трутень в улье.

— Я понял вас. Ради возврата ведической веры вы уничтожаете сам класс банкиров.

— Вселенская аналогия. Вы соединили время и пространство.

— Это не столь весело. Финансовая система создавалась веками, и никому не дано уничтожить ее.

— Вы забыли добавить: система порабощения, обновленная Марксом. Однако землетрясение в Японии хорошенько встрясло ее. Ваши дни сочтены, а мы ускорим процесс. И без вас две тысячи лет псу под хвост, — стал надоедать разговор Момоту. Он встал из кресла.

— Но зачем убивать нас? — спохватился Либкин. — Насилие — оружие слабых. Возрождение большевистских методов подавления свободы.

— Вот как? Опять подмена понятий. Для уничтожения банковской системы достаточно президентского рескрипта, а здесь в России искореняется масонство. Жесткие меры придуманы не большевиками, они диктуются санитарией общества. Вы трутни, упыри. Ладно, я выговорился, пора освобождать вас.

Обойдя Либкина, Момот остановился за его спиной. Либкин непроизвольно подобрал мышцы. Сейчас его развяжут, руки освободятся сразу, а он ловчее долговязого Момота, полон сил и жажды отмщения, тогда его черед торжествовать...

Момот оказался хитрее. Он достал наручники, защелкнул их на запястьях и только потом взял нож со стола и перерезал путы. Поднял его, как несут курицу на заклание за оба крыла, и повел по холлу к туалету. У самой двери сказал:

— Систему освежения воздуха надо было продумать сразу.

Либкин хотел возразить и не успел. Момот резко отворил дверь и втолкнул его внутрь. Потом дверь вернулась в плотные пазы, как на подложке. Либкин сам придумал это. Как банковские сейфы. Прочные и плотные.

Момот взглянул на ручные часы: в туалете воздуха на час, не больше. В спальне, где охрана, часа на три. Казацкий наряд будет через два часа ровно. Кому суждено спастись, спасется.

Наступал новый день. Решением всенародно избранного президента страна перешла на прежний, дохристовый календарь.

5 — 24

Судских вновь промчался по металлическому сверкающему желобу и очутился в беззвучной ватной среде. Она, знакомая и незнакомая одновременно, облапила его. Где он? Из мест обитания вернулся в среду обетованную? Будто земноводное...

— С возвращением, княже, — услышал он знакомую интонацию.

— Тишка, ты ли?

— Я, княже. Опять свиделись. Не переживай, — заметил он огорчение на лице Судских. — Ты здесь ненадолго. Все-вышний велел.

— Я увижу его?

— Это уж как он решит, — рассмеялся Тишка. — А до того надобно тебе кое с кем пообщаться. Пойдем, Игорь свет Петрович.

Вместе они поднялись ступеней на пять. Розоватая мгла легкой дымкой колыхалась медленно, здесь фигуры идущих в одну сторону были вполне различимы. Судских узнавал многих, но терпеливо ждал.

— Вот он, — сказал Тишка, и Судских увидел человека высокого роста, чуть согбенного годами, на вид ему было больше семидесяти. Запомнились сразу красивый прямой нос и округлые крупные глаза. Что-то от мудрой, но не хищной птицы было в его лице.

— Кто это?

— Спроси у него сам, — ответил Тишка и убрался за спину Судских.

Старик подошел очень близко и ожидающе улыбался. Судских видел его впервые и не узнавал. Он поздоровался первым из уважения.

— Здравствуй, родной, — ответил незнакомец, не убирая улыбки со старческого лица. Лучились морщинки. — Наконец мы встретились. Не там, а здесь, но я не жалею. Моя жизнь прожита полно, а в самом конце ожидала самая желанная встреча. Я покинул мир счастливым.

— Но кто вы? — вглядывался пристальнее в черты лица старика Судских. Он определенно никогда не встречал его прежде, и все же лицо было удивительно близким. Так откладываются ненавязчиво черты родных в памяти, обыденные вблизи и столь значительные после разлуки.

— Я твой отец, Игорь, — промолвил старик и опустил голову. — Прости меня, если сочтешь виноватым перед твоей матерью.

Слезы сами подступили к глазам. Перед Судских стоял человек, так дорого стоивший матери и, как салют, украсивший недолгий праздник ее молодости. Ему захотелось страстно обнять старика, иначе не выразить переполнивших его чувств, но здесь невозможны их проявления до боли, до головокружения от счастья, здесь царит тихий мир с тихими радостями и огорчениями, не жжет сердце. Здесь все в прошлом, с налетом печали.

Припав на одно колено, Судских склонился перед стариком:

— Вы не виновны. Мать любила вас и помнила всегда.

— Встань, сынок, — обрадованно закрутился вокруг него старик. — Я не заслуживаю таких почестей. С моей властью там я обязан был найти тебя. Ах, какие громоздкие условности в России! Получается, всю жизнь я ловил свою жар-птицу. И вот она, настоящая радость!

Судских поднялся с колена, желание обнять старика не исчезло, оно стало острее, передалось ощущение долгожданной встречи.

«А почему нет?» — недоумевал Судских. Решившись, он обнял старика, и руки не вобрали пустоту.

— Какое счастье, Игорь...

Объятие оказалось земным, даже запахи проявились полностью. Судских узнал мужской лосьон «Викинг», запах волны и ветра, сорвавшего где-то аромат цветущего тамариска. А еще от отца пахло его далеким детством.

— Княже, — услышал он шепот Тишки-ангела, — теперь ты облечен неземной властью. Раз ты ощутил земное здесь, там тебе будет сопутствовать небесное. Всевышний отметил тебя...

— Я так рад, — отстранился от сына старик, чтобы видеть лучше. — Ты мог бы носить фамилию Бьернсен, это славный род, древний и справедливый. Игорь Бьернсен. Прекрасно звучит!

— Но что помешало нам встретиться? — вернулись житейские вопросы к Судских. — Что случилось с вами?

— Президент Гречаный помог разыскать тебя. Сказал, что ты ранен и тебя лечат на Камчатке. Сердце, сынок. Оно пе-

реполнилось счастьем и не выдержало полета: наперскам я махнул на другой край земли, к тебе, и перехитрил их, — постариковски лукавил Бьернсен. — Они сказали, что я умру без Божьего благословения, а я оказался ближе других к Богу на высоте двенадцати тысяч метров. Я не жалую. Скажу тебе, сынок, самое главное: скоро тебе назад и знай, я завещал тебе, как единственному наследнику, свое огромное состояние. Пока деньги значат многое, а твой отец не самый последний богач планеты, — прихвастнул Бьернсен. — Употребь мое богатство на подготовку к новому потоку.

— Кто это сказал? — не поверил Судских.

— Тише, княже, — шепнул Тишка. — Так распорядился Всевышний.

— Пока об этом знаешь только ты и сможешь, как легендарный Ной, взять в другую жизнь лучшее. Знания, сынок. Нынешнее поколение сильно растеряло их, а рядом с ними утрачивают блеск любые ценности. Мир поглупел основательно, с дебилами далеко не уехать.

— Пора, княже, — шепнул зачарованно слушающему Судских Тишка. — Всевышний зовет тебя. Прощайся.

Судских встряхнулся:

— Пора, отец. Прощай. Когда еще свидимся?

Хотелось спросить обыденно: «Как ты устроился?» Язык не смог. Хорошо хоть Бьернсен поспешил с ответом:

— За меня не беспокойся. Всевышний определил мне место в самом высшем ярусе. Могу общаться, с кем хочу, и даже возвращаться изредка на Землю. Я Лебедем стал. Понимаешь? Посланцем Всевышнего. Но как же я счастлив, что у меня такой сын! Да... — прижал ладонь к своему лбу Бьернсен. — Опять чуть не забыл главного: как бы ни уговаривали тебя в будущем, не селись в окрестностях Зоны.

— Не понимаю, отец, — промолвил Судских, действительно не уловив связи одного сказанного с другим.

— Позже поймешь, но знать должен сразу. Я ведь не только сколотил приличное состояние, но создал единственную в мире лабораторию геосенсорики. Исследования показали, что

Земля, подобно матке, периодически омывается живительной влагой, чтобы выносить новое поколение. Потоп — закономерность, а не катастрофа. С давних пор Церковь страшила людей скрытыми от них знаниями об элементарном процессе. Благо превратилось в грядущее зло. Отсюда прочие религиозные догматы. Поганый народ попы, как ваши российские органы. Но вспомни библейский Апокалипсис и получасовое ожидание катастрофы после снятия седьмой печати ангелом: всего лишь двадцативосьмидневный цикл женщины. По образу и подобию Земли создано все живущее, от молекулы до самой планеты. А накручено ради страха...

Бьернсен не закончил. Он заколыхался перед Судских и растворился в розовой мгн. И с настоящим отцом оборвана встреча.

— Сущий не любит этого, — зашептал Тишка-ангел.

— Он накажет его? — встревожился за отца Судских.

— Нет, княже, — разулыбался Тишка. — А вот приумножать знания заставит. С Менделеевым сведет, с Аристотелем, с Винером. Иначе не быть ему Лебедем. Его посланец непрекаем. Пошли, княже...

Не более трех ступенек они одолели вместе, и Тишка оставился:

— Дальше ты сам. Без особой нужды тревожить Творца нельзя.

«Где это я?» — не мог освоиться Судских. Тело не повиновалось.

— Передо мной, — услышал он знакомый величественный голос.

Судских пытался сощуриться, чтобы узреть того, кому принадлежал голос, и ничего не получилось. Глаза не подчинялись ему, подобно рукам и ногам, только мозг послушно отмечал происходящее, фиксировал автоматически изменения.

Не глазами он увидел перемену, а взор впитал кристальную пустоту, раздробил ее на множество кристалликов: распадались грани, колыхались линии в виртуальной сумятице движения. Вдруг проступило строгое лицо и смазлось, слов-

но с экрана, и в последний момент улыбка стерла угрюмость, и снова переисначивались волнами грани и линии, пока наконец картина внезапно не застыла перед ним.

— Видишь меня?

Судских увидел нечто, похожее на громадное табло с мерцающими огоньками по всему полю. Звучал голос, и огоньки меняли цвет и накал, тогда Судских успевал составить из огоньков портрет. Лицо возникало неожиданно, и вначале Судских не успевал запечатлеть его.

— Вижу, — ответил он. — Ты Бог?

— Не огорчай меня, не задавай вопросов. Я жизнь, и ты мое проявление. Для меня все живущие одинаковы, часть меня Сущего, и подчиняются мне покорно. Иначе я не Бог.

Судских не испугался, не почувствовал замешательства: наоборот, дерзость спешила проявиться. Вопросов задавать нельзя, тогда он нашел другой способ диалога.

— Я наблюдал другое в жизни. Одни подчиняются, другие бунтуют, — говорил он неторопливо. — Одних ты приблизил, других отталкиваешь.

— Неправда. Это придумано хитровой земной сущностью. Как я могу любить свои глаза и забывать ноги? — Огоньки составились в портрет с добрыми глазами Ильи Трифа, и Судских осмелел больше.

— Некий народ божится твоим именем, называя себя избранным.

— Будь проще. Если бы эти люди умели плавать под водой, как рыбы, и летать, подобно птицам, тогда бы им можно верить. Не имея таких качеств, это племя дурачит остальных. Простите его, оно избрало свой способ выживания. Нельзя же уничтожать без надобности лягушек за то, что они мерзко выглядят. Я никого не уничтожил за хитрость или дерзость, любая особенность делает живущих сильнее или слабее от того, как они распоряжаются своими особенностями.

Огоньки на табло высветились в лицо Георгия Момота. Он не назидал, а излагал естество проявлений.

— Мой отец сказал, что мне уготовано стать Ноем...

— Он предполагал. Я располагаю. Но верительных грамот в путь не дам. Ноя придумали для изначальной легенды об изbranности. На самом деле один реально мыслящий человек взял в долгую дорогу запас еды и живности: кур, свиней, коз, обязательных козлов, капусту и так далее бесcчетно. Улитки забрались в ковчег сами, сами заползли змеи и хитрюги ежи, птицы утнездились на снастях сами. Ничего я не повелел ему. Нужда заставила его ориентироваться по звездам, голод — поедать живность, когда кончились плоды, а траву съели животные. Лишних поедал Ной с семейством, но пары сохранил для будущего потомства. Много ввали о Ное и не учили главного: как могло сохраниться ноево семя, если оно вырождалось при совокуплении? Брат обладал сестрой, а свекор невесткой? А те рождали запрограммированных уродов? Понятно ли тебе, что Ной не единственный человек, переживший Потоп? Очаги жизни оставались везде, выжившие общались с пришлыми, и никаких избранных не было. Не имею я права вмешиваться в естественную эволюцию, но могу остановить процесс, если он грозит уничтожению жизни, меня самого то есть! Ты оказался на кончике моего указательного пальца, я чаще вижу тебя, вот ты и сподобился быть в поле моего зрения чаще других. Это понятно тебе?

— Конечно, — впитывал мерцающие огоньки Судских. Они собрались в лицо Гречаного, и будто бы золотая корона блеснула в усмешке.

— Понимай, как хочешь. Книга Жизни беспристрастна. Это не придуманная людьми Библия. Книга Жизни не нуждается верить.

— Но из Библии мы узнали о Книге Жизни, — возразил Судских.

— Хвала умным, умеющим читать между строк. Почему же вы до глупости возвеличили «Капитал?» Не поняли обмана?

— Порой трудно идти прямым путем, привлекают обходные тропы, — заступился за сограждан Судских. — За то и наказаны.

— Блуждаете, ведомые ложными пророками, — вскинула другая усмешка на табло: кривая Воливача. — Потому не надейтесь на ложные учения. Они отдаляют вас от сущности, от меня, источается тепло планеты, и вот уж ни вас, ни меня нет.

«Как же заpastись советом выжить?» — хотелось спросить Судских. Тогда он поступил иначе:

— Ты сохраняешь нас, мы оберегаем тебя, Сущего.

— Правильно. Не молитесь только на один уголок возлюбленный. Я ведь не только могу повелевать указующим перстом, но в носу им ковыряться тоже удобно, — услышал Судских, и огоньки на табло сбежались в отцовскую улыбку с оттенком превосходства.

— Я понял тебя, Сущий, — ответил Судских. — Власть над Сущим дается тем, кто не творит идолов. Никакая религия не даст превосходства над другими народами.

— Ты все правильно понял. Архангел Михаил прав по своему, он — меченосец, мой меч против козней Аримана, а тебе надо стать щитом. Отправляйся. Мне пора излечивать свою нечаянную рану. Помогай мне, — услышал Судских голос, вызывающий сочувствие, а огоньки слепились в милую физиономию Альки Луцевича. Она не исчезла вдруг, пока Судских, кувыркаясь, летел в ослепительно сияющем пространстве и кристаллики впивались в кожу до боли, он морщился, кряхтел от острых ощущений. Боль стала нестерпимой, и Судских открыл глаза. Над ним улыбался Луцевич.

— Олежа...

— Вот и здравствуйте. Я же говорил, что ты живучий. Заросло все сразу, как на инопланетянине! Салют, генерал!

Судских поежился, оглядевшись. Вокруг лежал снег на возвышенностях, а сам он голяком лежал в бурлящей купели, царапающей кожу острыми пузырьками газа. Его будто варили.

— Фу-у-хх, — выдохнул Судских.

Рядом с Луцевичем возник Тамура, а за его спиной появилось самое любимое лицо, естественное, не мозаичное, лицо

Лаймы. Ему помогли выбраться из источника, его растирали махровыми полотенцами, и кожа, подобно поверхности, которая соприкасается с наждачной бумагой, светлела, розовела и наливалась жизненными соками.

— Парень, да ты лет на тридцать помолодел! — воскликнул Олег. — Лайма, ныряй в купель, а то он к молодой сбежит.

— Не сбежит, — счастливо улыбалась Лайма. — Он приороженный.

Как в продолжающемся сне, Судских воспринимал перемещения. Из Долины гейзеров — вертолетом, в Петропавловске ожидал знакомый самолет Гречаного, переговоры с атаманом в далекой Москве, радостные восклицания. Он одурел от счастья, рукопожатий, улыбок: хмельным гудением в голове воспринимался гул турбин, и только голос командира вернул ему реальность:

— Внимание. Придется делать незапланированную посадку в Тюмени. Пристегните ремни.

Лица окружающих потеряли улыбки. Луцевич отправился к пилотам.

Когда он вернулся, его встретил немой вопрос: что случилось?

— Неприятности в Зоне. Обитатели потеряли контроль над радиацией. Для нас, грешных, опасности нет, а они обречены.

И будто въелась в кожу отвратительная пыль, занесенная сюда непонятной бурей. Слова Луцевича никого не успокоили.

Самолет закончил снижение и, ударившись шасси, победил по тверди. В иллюминаторы, кроме редких аэродромных огней, ничего не видно, темень. Только почудилось Судских, будто приподымается полог неба у дальней кромки. голубой цвет менялся неуловимо на синий, синий — на фиолетовый.

— Там сидит фазан, — сам себе сказал Тамура, но все услышали и, кажется, поняли его печаль.

Они спустились на землю и, как по команде, обратили лица в одну сторону, где сполохами северного сияния меня-

лись цвета у края неба, только не в северной стороне, а значительно южнее.

Подобно поспевшему до багровой кожуры яблоку, налился край неба густой кровью, и вдруг ярчайший свет стал быстро выползать из-за этой багровости. Светило быстро, как днем в тропиках, и заметно потеплело. Они недоуменно оглядывались, к ним спешили сотрудники аэропорта, сбегались пассажиры других рейсов, будто здесь их спасение, и не вспышка тревожила их: на посадку заходил самолет, абсолютно черный среди ярчайшей видимости.

— Фотоэффект и, как следствие, галлюциноз, — первым опомнился Луцевич. — Без паники, друзья, успокойтесь!

Самолет приземлился, как обычно, пробежал положенное расстояние и замер на рулежке. Обычный, стандартный цвет фюзеляжа с отчетливой надписью: «Российские авиалинии». Никто не успокоился, ожидая другие непонятные превращения. Испуг блуждал среди них.

Командир их самолета спустился наконец по трапу. Он держал связь с Москвой.

— Что там? — спросил Луцевич.

— Конец Зоне...

Небу постепенно возвращался обычный цвет ночи в крапах звезд, огни аэропорта стали освещать свое пространство.

— Есть жертвы?

— Нет, — ответил пилот Луцевичу. — Эффект от вспышки потрясающий, но жертв нет. Ни у нас, ни в Европе.

— Я думал, будет землетрясение, — промолвил в тишине Тамура.

— Ни слова об этом. Пока все спокойно.

— Не так страшен черт, как его малюют, — вернулась к Луцевичу его неунываемость.

— Он собирается лететь, — сказал Тамура.

«Лиловый — к большой воде», — подумал Судских, но смолчал. Сбоку прижималась Лайма. Ее прикосновение успокаивало лучше любых слов. Защитник он, мужчина в конце концов? Еще и помолодевший...

— А он меня ударил, — наушничала она. — Только что.

— Кто? — не понял Судских, огляделся.

— Не там ищешь. Твой наследник.

Судских рассмеялся.

— Жизнь продолжается, Игорь? — спросила она испытующе, и взгляд Лаймы выражал настороженность.

— Да. Продолжается. Ценой своих жизней обитатели Зоны спасли планету. Все вернется на круги своя.

— Так уж и все? — не исчезла настороженность. — Я не ребенок, Игорь. Скажи, ты много знаешь, будет наш малыш жить в спокойном мире? Кончится наконец вражда на планете?

Он не стал говорить ей о грядущем потопе. Зачем сейчас поминать унылую капель, тенеты мороси? И бог знает, случится ли он...

— Эй, командор, — окликнул его Луцевич. — Заснул, что ли? Дальше летим!

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Ключ архангела Михаила	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Меч Всевышнего	317

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”

Литературно-художественное издание

Гера Александр

Набат

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: И.А. Герцев
Технический редактор Н.Н. Хотулева

Подписано в печать 09.10.98.

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Усл. печ. л. 39,96.

Тираж 10000 экз. Заказ № 5457.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ПС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”
Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST@POSTMAN.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства “Самарский Дом печати”.
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

